

**сербский
ЭПОС**

ACADEMIA

СЕРБСКИЙ ЭПОС

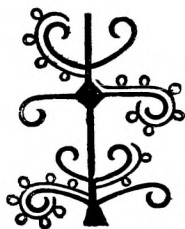
ACADEMIA

Ф О Л Ъ К Л О Р

*Под общей редакцией
Ю. М. Соколова*

А С А Д Е М И А
Москва — Ленинград

Вук Стефанович Караджич.

СЕРБСКИЙ ЭПОС

*Переводы
Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова*

*Редакция, исследование и комментарии
Н. Кравцова*

А С А Д Е М И А

1933

*Супер-обложка и форзац — гравюры на дереве А. И. Усачева;
заставки и переплет по рисунку и его эскизу*

СЕРБСКИЕ ЮНАЦКИЕ ПЕСНИ

ИССЛЕДОВАНИЕ Н. КРАВЦОВА

1. ЭПОС КАК ЖАНР

Эпос. — Жанровые признаки эпоса. — Историческая песня. — История в эпосе. — Эпос как поэзия феодализма. — Сербский эпос.

Термин „эпос“ имеет несколько значений.

О каком эпосе мы будем говорить?

Нас интересует не эпос вообще, не эпос—эпическая поэзия (такого же объема, как лирика и драма), то есть литературный род, который включает в себя (по классификациям старых поэтик) и такие повествовательные жанры, как роман, рассказ, поэма. Нас интересует литературный жанр, вид эпической поэзии, свойственный только одному определенному стилю, во всех своих жанровых особенностях отличный от таких жанров, как роман,—то есть тот жанр, который в различных литературах носит название былины (старины), *chanson de geste*, эпической, героической (*heroic poem*) или юнацкой песни. Это тот жанр, который в истории литературы представлен такими произведениями, как русская былина, эпическая песня саксонского („Кудруна“), готского („Хильдебран“), ломбардского („Вольфдитрих“ и „Ротер“) циклов, эпос греческий („Илиада“), французский („Песнь о Роланде“) и германский („Песнь о Нибелунгах“). Все это явления одного жанрового порядка, характерные для стиля одной и той же общественной формации—феодализма (на его различных ступенях), одного и того же класса—военно-дружинной аристократии.

Определить жанр эпоса, или в малой его форме—эпической песни—нам и предстоит.

До сих пор теоретические вопросы эпоса в западном и даже русском литературоведении обычно решались на материале гомеровского (чаще всего), романского и германского эпосов; русский и, особенно, сербский эпосы стояли в стороне, на них не всегда распространялись теоретические выводы изучений других эпосов.

Таким образом нам предстоит здесь использовать и то, что, с нашей точки зрения, могло бы быть применено из результатов изучения эпоса других народов при изучении сербского эпоса.

Что такое эпос как жанр?

Жанровые признаки эпоса тесно переплетены с его стиливыми признаками, то есть с особенностями, свойственными и другим жанрам литературы военной аристократии. Но, хотя и с трудом, можно выделить признаки, характерные для эпического жанра. Это облегчается тем, что нормы этого жанра необычайно устойчивы и кристалличны. Эпосу как жанру прежде всего свойственна *консервативность материала и формы*. Традиция материала и формы настолько сильна, что жанр, подвергаясь деформации под влиянием изменившихся социальных запросов и нововозникших жанров, сохраняет основные жанро- и стилеобразующие признаки.

Материал эпоса может быть определен как *история* в широком смысле слова: *то, что было*, прошлое, предание. Это признак общий почти всей эпической поэзии, за исключением утопий, то есть произведений, повествующих о том, *что будет*. Эпос не пытается представить будущего, как утопия или жанры близкие ей, эпос не говорит и о настоящем,—он только рассказывает о прошлом. Если лирика это *praesens*, даже при рассказе о минувшем, то эпос—*perfectum*, то, что совершилось.

Прошлое эпос дает как событие. Эпос—рассказ о событии.

Эпос историчен или псевдоисторичен, что все равно; важна постоянно наблюдаемая в нем тенденция „гримировки под историю“, ведь и исторический факт в эпосе имеет далекую историческую перспективу или, вернее, проекцию. Историческое событие нередко воспевается не по памяти, а по преданию, часто не связанному с фактами. В эпосе даже чудесное и фантастическое представляется как реальность.

Чтобы точнее определить характер эпического события, определим эпос как *героическую поэзию* (*Heldendichtung*), в которой героика дается в одических, идеализированных и гиперболизированных тонах.

Об этом говорил еще Zimmermann: „Das Epos ist die künstliche Offenbarung des heroischen Bewusstseins durch individuellbestimmte Begebenheit“¹ („Ueber den Begriff des Epos“, 94). А Carrière подчеркивал, что эпос говорит даже не об отдельных героях, а о целом мире героев (Heroenwelt), что характерно для него как поэзии особой социальной группы.

Одический характер эпоса, идеализация события и героя— существенные его признаки. Первым отметил идеализацию Аристотель, когда, определяя общие свойства эпоса, он установил, что Гомер изображает своих героев „лучшими“.

Правда, мы можем наблюдать очень часто, как в истории эпоса, например русского, бывают периоды, когда он как бы теряет свой героический характер, когда героические сюжеты вытесняются романтическими сюжетами любовно-приключенческого характера, когда большим успехом начинает пользоваться былина-новелла. Такие периоды являются периодами отмирания и распада эпоса. Новые социальные вкусы, запросы, влияние чуждой этому стилю литературы сначала вызывают отбор и культивирование новеллистических сюжетов, а затем отмирание эпоса. Но часто и песни новеллистического склада носят определенный героический характер: любовное приключение выступает как мотивировка героини, богатырского, юнацкого подвига.

Героический характер эпоса стоит в связи с тем, что центральным действующим лицом эпоса или эпической песни всегда является *рыцарь, богатырь, юнак—воин*. Естественно, что рассказ о войне сводится к рассказу о его *подвигах и победах*, в исключительных случаях (мешает одичность, идеализация) поражениях, и то особо мотивированных.

По своему характеру эпос—*повествовательно-описательная поэзия* (Bericht und Darstellung), как всякий жанр эпической поэзии, которая „во всем противоположна драме и лирике и во всем представляет собою смещение повествования и описания“². Действие в эпосе не драматично по форме (но, конечно, драматично в смысле напряженности или других свойств развития сюжета), действие дано в повествовании (рассказ о действии), часто в диалоге. Но и самый диалог не

¹ „Эпос есть художественное проявление героического сознания через индивидуально изображенное событие“.

² Hirt, E. „Das Formgesetz der epischen, dramatischen und lyrischen Dichtung“. Lpz. 1923, S. 8—9.

драматичен; он—только прием повествования. В повествовании впаины описания.

Это богатство эпоса повествовательными и описательными моментами, уложившимися, как мы увидим ниже, в строгие формы, позволяет ему достигать полноты и широты изображения, пластичности („эпическая полнота и широта“). В конкретной насыщенности, чувственной полноте и зрительной отчетливости проявляется *реализм*¹ эпоса: все в эпосе предстает в жизненно-правдоподобных формах, несмотря на *большой элемент фантастики*.

Видимо, это связано с огромной цельностью, жизненностью мирозерцания социальной группы, создавшей этот жанр. Вот почему так редки в эпосе символика и аллегория, а если они и применяются, то непременно переходят в персонификацию, представляющую собою ту же реальность. Так, фигура отвлечения „Арапин“ в сербском эпосе, „Идолище-поганое“ и „Тугарин-змеевич“ в русском—живые, полнокровные фигуры.

Видимо, историчность эпоса, повествовательность, описательность и этот своеобразный „реализм“, необычайно трудно поддающиеся определению, заставляли фольклористов и литературоведов говорить об эпике² как о наиболее объективной форме и о „безличном объективизме“ (Unpersönlichkeit) эпоса—фольклорного жанра (Volksepos)³.

В эпосе, в отличие от лирики и от других эпических жанров (романа, новеллы), которые часто употребляют повествование от первого лица (Ich-erzählung, Ich-form), маскируется личность певца-профессионала⁴. Она прорывается лишь в зачине и концовке, в отдельных репликах, в общем же она, подчиненная сословной идеологии, тонет в грандиозности (с сословной точки зрения) воспеваемых событий и героев и не может противопоставить себя общим нормам. Эпос проецирован во-вне, а не внутрь—вот где корень „безличности“ и пресловутого „спокойно-созерцательного отношения“ эпоса к своему предмету, о которых говорилось и говорится и сейчас еще во многих книгах об эпосе и „народной поэзии“.

¹ Речь идет не о реализме как стиле, а о реализации как изобразительном приеме.

² В широком смысле (эпическая поэзия).

³ Zimmermann. „Objektivismus, d. h. das Leben des Gegenstandes für sich selber“ (op. cit., 2).

⁴ Аристотель называет эпос „объективным рассказом“ и говорит, что в нем рассказчик „становится чем-го посторонним“ рассказу.

Раскритиковав их, Веселовский противопоставил им „*коллективный субъективизм*“ эпоса как выражение коллективных оценок, морали, норм, эстетики. Песня будет, таким образом, „коллективно-субъективным самоопределением, родовым, племенным, дружинным, народным; в него входит и личность певца, то есть того, чья песня понравилась, пригодилась“¹, наиболее полно выразила общие, сословные, классовые интересы. Автор „анонимен только потому, что его песню подхватила масса, а у него не было сознания личного авторства“², так как он не отделял себя от массы, да и важность воспеваемых событий и героев стирала личность певца.

На терминологию, которой пользуется Веселовский, лежит отпечаток его времени. Она слишком расплывчата для нас, она не высказывает всего до конца, и, цитируя его, приходится уточнять и определять. Но мы цитируем Веселовского потому, что он первый из изучавших эпос наметил, хоть и в элементарных формах, пути критики обросших эпос определений и высказываний и линию дальнейшего изучения.

Эпос—*устный жанр*. Эта особенность его вносит в него много различных элементов. Живой эпос звучит, эпос рассказывается (речитатив) или поется. Только в консервированных письменных формах эпос читается. Таким образом эпос принужден учитывать и действие на слух, и кроме того эпос сопоставляет певца и слушателей: в самый момент претворения его воспринимает потребитель.

Эпос как устный жанр обычно имеет и свою *мелодию*, которая неотделима от текста. *Мелодия нормируется ритмом и нормирует текст. Мелодия и ритм скрепляют текст* („слова не крепки к тексту“³), мелодия и ритм более устойчивы, как стержневые элементы жанра: много песен поют на один и тот же мотив („голос“), но гораздо реже одну и ту же песню поют на разные голоса. Правда, это верно по отношению к лирике, в эпосе сила мелодии ограничена: текст может срастаться с мелодией, а иногда жить и без нее, но в своей основе эпос *синкретичен*.

Эпос сюжетен. Сюжет в эпосе большой формы имеет сложное развитие и сложную архитектуру; а в эпической песне он представляет собою чаще всего *эпизод*, развитый в описатель-

¹ Веселовский, А. Н. Собрание сочинений, т. I. Спб. 1913, стр. 326.

² Там же.

³ Там же, стр. 235.

ных и повествовательных моментах. Последнее, впрочем, относится более за счет манеры рассказа, что очень хорошо выразил Новалис в своем определении: „Эпос длится, роман растет“.

Эпический сюжет обычно прост по своему строению, и если он не эпизод, то легко распадается на эпизоды, в чем сказывается его своеобразный примитивизм, обусловленный примитивизмом мысли, склонной к упрощению и разъединению,—характерная черта мысли (науки и поэзии) эпохи натурального хозяйства.

С некоторым нормативизмом, хотя основанным на опыте, Аристотель писал: „Фабула [в эпосе] должна быть драматична, как и в трагедии, и должна группироваться вокруг *одного цельного и законченного действия*, имеющего начало, середину и конец, чтобы, подобно единому и целому живому существу, вызывать присущее ему удовольствие“.

Отношение рассказа и сюжета определяет и *важность для эпоса времени*. Время действия и событий, их длительность не ограничены. События могут обрастать описаниями, *ретардация* (замедление) не мешает развитию сюжета, напротив, она *представляет собою одну из характерных черт развития эпического сюжета*. Сюжет может усложниться прибавкой эпизодов. Если время действия не ограничено, то время (длительность) рассказа, исполнения имеет границы, и это определяет размер эпической песни и определяется условиями рассказывания или пения.

Течение событий медленно и детализованно; впечатление же динамичности создается напряжением. Изложение медленно и постепенно. Рассказ последователен и организован, в эпосе недопустим „лирический беспорядок“.

События разворачиваются обычно в *хронологическом порядке*, что опять-таки говорит о примитивизме поэтической техники. Место действия свободно и часто связано с эпизодом, определяя его или определяясь им.

Наконец важно отметить и то, что *эпическая песня* (былина, *chanson de geste*, баллада, юнацкая песня)—жанр *стихотворный*, в отличие от родственных ей во многом саги и легенды.

Эпический стих имеет особые, характерные только ему свойства. Он прежде всего подчинен ритму мелодии, ее темпу, всем особенностям музыкальной фразы. Он прост, спокоен в своем течении, торжественно-медлителен, необычайно выдержан в своем строении (схеме) и укладывается в законченную

синтаксическую единицу и музыкальную фразу. Он имеет свои твердые метрические формы. Эпический размер Аристотель определял как „героический“ и „самый спокойный и самый величественный из метров“. Все эти жанровые признаки эпической песни представляют собою стилевое единство, находящееся в стиливой непротиворечивости с поэтикой жанра. Жанровые и стиливые признаки в эпической песне часто совпадают.

Как на одну из особенностей эпической песни следует указать на *устойчивость ее формы* (persistens of form) и *поэтики*. Устойчивость определяет и то, что стиливыми признаками эпоса будут: повторение, вариация, перепевы и тавтология. Это создает особый *стиль повторов и вариаций*, так называемый *Wiederholungsstil*¹.

Эпос—не индивидуализирующая, а *типизирующая поэзия*. Обобщение и типизация нередко переходят в схематизацию, что бывает обычно в периоды распада эпоса, при отмирании эпической традиции.

Эпос, как и вообще устная поэзия, *живет в вариантах*. Передача песни от одного певца другому, распространение песни создает множество вариантов, перепевов. *Одновременное существование множества вариантов, вырастающих под влиянием различных социальных тенденций, и есть жизнь эпоса*. Варианты, как и сюжеты эпоса, тяготеют к образованию циклов исторических, местных или генеалогических. В основе *циклизации* лежат действия центростремительных сил феодального общества, стремящихся создать местные центры, которые обрастают местными легендами и преданиями. Замкнутость и ограниченность мирозерцания эпохи натурального хозяйства, склонного обособлять и ограничивать, действуют и здесь.

Эпические циклы вырастают в эпопею, представляющую собою объединение, централизацию песен, сюжетов и героев, только тогда, когда существует тенденция к объединению местных административных, экономических и культурных центров, что позволяет циклам объединиться и образовать эпопею типа „Илиады“, „Песни о Роланде“ и „Песни о Нибелунгах“ (Gaston Paris).

Моне, обобщая свойства эпоса, считает характерным для него „стремление стать национальным“ („Teutsche Helden-

¹ „...wir wissen aber auch dass er [Wiederholungsstil] charakteristische Elemente der Chanson de geste wie die Übermass der Hyperbol, das Formelhafte, die lassenartige Wiederholung zurückdrängt“ (Brinkmann, H. „Zu Wesen und Form Mittelalterlicher Dichtung“. Halle/a. S. 1928, S. 111—112).

sagen“). Это объясняется стремлением областных центров феодального государства стать общегосударственными центрами.

Естественно, что стройная система жанра, его тематические, композиционные и стилистические признаки могут нарушаться при распадении жанра или при его контаминации с другими жанрами. Но поэтика его устойчива, и обычно только жанры одного и того же стиля могут влиять на эпос.

Мы отметили выше тенденцию эпоса выдать воспеваемые события за исторические и тем создать впечатление правдоподобности. Но среди эпических циклов разных литератур можно выделить циклы, которые имеют большую историческую основу, большой исторический и местный колорит, более узкий объем и меньшие обобщения. Такие песни принято называть *историческими песнями* (*chanson d'histoire*).

Далее нам придется говорить об эпосе, который имеет различной степени историческую основу, поэтому важно сделать предварительную оговорку об историчности эпоса и ее изучении.

При анализе эпоса, тем более так называемого исторического эпоса, исследователь, на какой бы точке зрения он ни стоял, не может игнорировать исторических событий и имен, упоминаемых в эпосе. Он должен определить их место в эпосе.

Нас интересует не просто установление исторической основы эпоса,—по существу это задача бесплодная, и исторический метод В. Ф. Миллера отжил,—нас интересует то, *кем, как и для чего воспевалась история и ее герои*, а для этого, естественно, приходится ставить вопрос и о том,—*какая история воспевалась, на каких основаниях производился отбор исторических событий и лиц?* Все эти вопросы нельзя решить, не устанавливая попутно историчности событий и лиц, так как это помогает определить, в каком освещении их дает эпос, какой ряд исторических напластований и переработок пережил эпос и какой социальный смысл вкладывался в него, ибо в истории эпоса очень важным моментом является переход его от одного класса к другому, от дружинных певцов к певцам-гуслирам, от военной аристократии к крестьянству и другим социальным группам феодального и по-феодального общества.

Наконец важен *вопрос и об источниках истории в эпосе*. Большинство исследователей примыкает и до сих пор к теории, предполагающей источник истории эпоса в предании. Наиболее ярко этот взгляд выражен у Voretzsch'a¹, для которого преда-

¹ „Die französische Heldensagen“, 1894.

ние служит переопределением от истории к эпосу, представляя собою „устное органическое развитие исторического факта“, эпос же—неорганическое его развитие.

Существует и другая теория, которая источник эпоса видит в лирико-эпических кантиленах, складывавшихся вскоре после событий, по свежим следам. Веселовский, один из виднейших представителей этой теории, возражая Voretzsch'у, говорит: во-первых, и в летописи история классово-субъективна; во-вторых, быть не может, чтобы, как это выходит по Voretzsch'у, певец ждал, пока над историческим фактом наслонится предание, и лишь тогда перелагал его в песню. А песни о победе? По Веселовскому—*предание и песня идут рядом, это два разных пути развития одного и того же предмета.*

Все эти жанровые признаки эпоса определяют его место в исторической поэтике. Он бытует в определенных исторических и социальных условиях, он—*поэтическая форма особого сословного мирозерцания.* Вот почему эпос закрепляется в устойчивых нормах поэтики, с твердой сюжетикой, условными типами красоты и идеалами героизма.

Эпос, и именно *героический эпос, мог вырасти только на почве средневековой культуры, он—поэзия феодализма.* Этими историческими и культурными рамками ограничено возникновение, развитие и распадение этого жанра. Он возникал, развивался и отмирал параллельно с развитием, расцветом и разложением феодализма. Его дальнейшее сохранение, живучесть его традиции определялись степенью сохранности элементов феодализма в других исторических формациях и элементов психоидеологии периода натурального хозяйства в других социальных слоях.

Старые представления об эпосе как „народной поэзии“, или представления, выраженные де-Губертисом в определении: „эпопеи национальны“, или в формуле Штейнталя: „kein Volksepos, sondern nur Volksepik“, „Volksdichtung—Naturdichtung“,—должны быть сданы в архив. Еще Гете говорил, что „народная поэзия создана не народом и не для народа“. Эпос как поэзия феодальной военной аристократии создавался для тех, чьи предки (действительные или мнимые) воспевались в песнях. „Дружинный певец обусловлен интересами дружины, это определяет его мирозерцание и настроение репертуара“¹.

¹ Веселовский, I, 372.

Нередко певцы были выходцами из более низких социальных слоев, но господство одного сословия заставляло их приставать к дворам князей и воевод, добиваться приема в дружину. Эта среда создала профессионалов-певцов, профессиональные поэтику и сюжеттику, определенные условиями дружинного быта.

Носители эпоса, профессиональные певцы, были знатоками истории и преданий, песен и сказаний, что позволяло им легко создавать историческую перспективу современности, пользуясь, главным образом, исторической аналогией.

Рост и циклизация эпоса и его сохранение стояли на почве дружинно-родового быта и его пережитков; в узком кругозоре заключена была масса энергии, которая и определила устойчивость традиции.

Сербский эпос стоит в рамках этого жанра и социальных условий, определивших его историю. Естественно, что он имеет свои местные особенности. На конкретном материале сербского эпоса нам и предстоит показать социальную жизнь жанра, его переходы (и деформацию при этом) от одной социальной группы к другой, его историю, циклизацию, поэтику и определить его место в истории литературы.

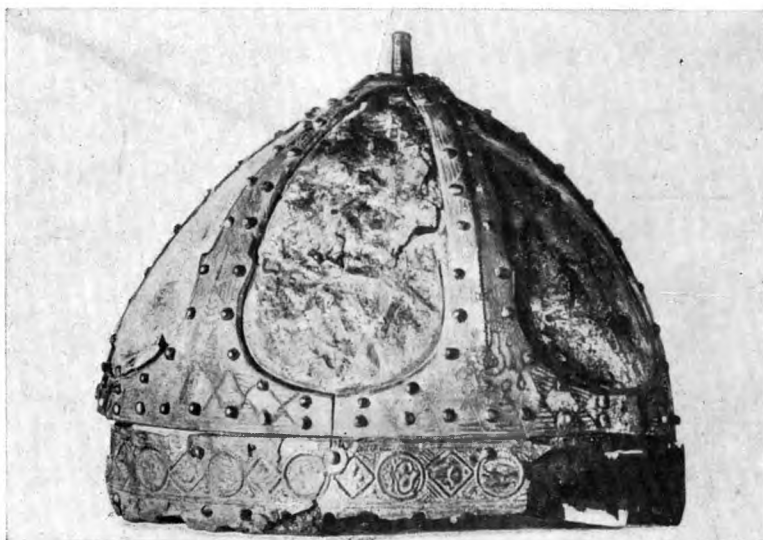
Фр. Миклошич из всего славянского эпоса ставил сербский эпос на первое место по его богатству, широте и живучести¹. Он был прав. Устойчивость пережитков натурального хозяйства и пережитков феодализма и особые условия истории Сербии определили это. Сербский эпос представляет богатый и благодарный материал для разрешения поставленных нами вопросов.

II. СЕРБСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

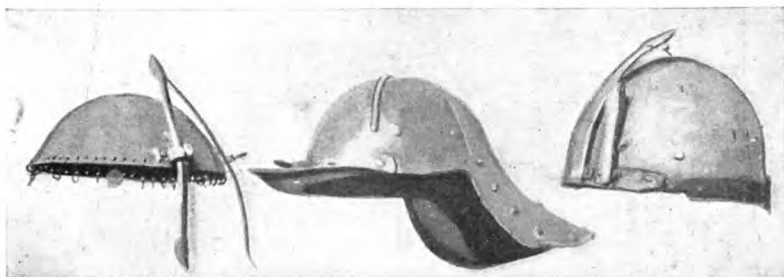
Феодалный строй. — Основы сербского феодализма. — Его особенности. — Классы феодальной Сербии. — Служилое сословие. — Культура сербского средневековья.

Экономической системой Сербии XIV—XVII веков, то есть времени создания и расцвета сербского эпоса, была *система натурального хозяйства*, а система общественных отношений того времени должна быть определена как *феодализм*. Историки Сербии избегают употреблять этот термин, и потому их характеристики общественных отношений Сербии этого периода не-

¹ „Изобразительные средства славянского эпоса“. Пер. А. Грузинского. М. 1895, стр. 2.

Шлем раннего средневековья.

Средневековые сербские шлемы.

Шпора.

Бронза с позолотой (раннее средневековье).

ясны, половинчаты и требуют точных и решительных определений¹. Мы берем на себя смелость произнести это слово.

Сербский феодализм развился гораздо ранее XIV века, но для нас важно время с XIV века, потому что, как мы это покажем ниже, отсюда начинаются рост и оформление эпических циклов.

Феодализм в Сербии, как всякий феодализм, возник на основе *крупного землевладения*. Оно определяло порядок феодальных отношений. Крупное землевладение несло с собою и земельное господство, а с ним и главенство наиболее крупных землевладельцев, творивших „суд и расправу“ в пределах своих владений. Таким образом, в феодальном обществе власть была атрибутом землевладения, и именно крупного землевладения.

Каждый из таких крупных землевладельцев стремился сосредоточить в своих руках еще более крупные земельные богатства и стать независимым от князя, князь, получить свободу действий. Имения вырастают в *поместья-государства*, и при таких условиях единство достигается трудно. *Страна дробится на множество самостоятельных банств и владений, дробится верховная власть*, и князь или князь не всегда представляет собою даже сильнейшего или „первого из равных“.

Наследственная власть основывалась на территориальной власти. При князе Лазаре отдельные сербские феодалы выросли настолько, что объединенное государство Стефана Душана распалось на несколько самостоятельных областей. Феодалы тянули в разные стороны.

В основе этого распада лежало несоответствие обширного централизованного государства Стефана Душана системе натурального хозяйства, которая препятствовала централизации и связанности частей. Между областями не было достаточно сильной экономической связи. Ремесла и торговля были на низкой ступени развития. Существовал только местный и то зачаточный рынок. Границы областей совпадали с естественными—горными границами. Таким образом, и физическая география страны поддерживала разрозненность и самостоятельность областей. Государство представляло собою федерацию областей. В Сербии налицо был сеньорат—боярщина, делавший самостоятельными владения. Многие области чеканили свою монету, собирали пошлыны, правили суд и устанавливали свои правовые нормы, „ставили“ свое „войско“. Но сеньорат в Сер-

¹ См. напр. Naumant. „La formation de la Yougoslavie“, P. 1930, p. 54—102.

бии сочетался с ленной феодальной системой, которая вассальными договорными связями соединяла область в одно, хотя и не крепкое, целое. *Соединение сеньориальной и феодальной системы* и характерно для Сербии этого периода.

Феодализм в Сербии не достиг высших своих форм, он был задержан в своем развитии турецким нашествием. Сербский феодализм остановился на низкой стадии. Торговли и промышленности почти не было; войны закрыли торговые пути. Правда, с ростом Дубровника (Рагузы) в XIV—XVI веках, который вел большую торговлю с Византией, Турцией и Италией, и Сербия через Дубровник начала вывозить скот, мед, лес и металлы (медь, свинец, серебро).

Но почти вся торговля была в руках дубровчан, они приходили „гостями“ („госте“) в Сербию и брали то, что хотели, они пользовались большими привилегиями, сербские крали и деспоты оберегали их торговлю.

Точно так же и горная промышленность была в чужих руках. Рудники разрабатывались главным образом сасами (саксами, немцами), в их же руках было и златарство (производство золотых изделий) и изготовление оружия и других металлических изделий.

Кроме сасов этим занимались греки и итальянцы.

Ремесла процветали в западной Сербии, там же были такие предприятия, как соляные промыслы (побережье Адриатического моря). Они находились в большинстве случаев на землях монастырей, которые пользовались соляными монополиями.

Сербия представляла собою области, разделенные горными цепями (планинами). Центрами их были грады (т. е. крепости), вокруг которых раскидывались села и селища. Для Сербии город (трг) совсем не был характерен, и города обычно и назывались трг (например, Трговиште, на месте которого вырос турецкий Нови Пазар). Горные дороги были трудны, больших дорог было немного. Судходство по Дунаю и Саве было военным, и то не сербским, а турецким и мадьярским.

Земледелие, скотоводство и виноградарство были основой хозяйства. Прimitивные по формам и экстенсивные, они регулировались землевладением. Земля же была в руках у властелей; церквей и монастырей и служила средством эксплуатации и закрепощения крестьянства, которое принуждено было работать и для себя и для властеля, племича, монастыря, арендуя земли, закабляясь в различных формах, выплачивая многообразные дани и подати и выполняя натуральные *повинности*.

Земля и труд не принадлежали крестьянству. Кроме того, существовало не только противоречие землевладения и землепользования, но и противоречие землевладения и форм хозяйства, так как для феодальной Сербии было характерно соединение крупного землевладения с мелким хозяйством.

Монастырские и церковные земли и земли высшего духовенства представляли то же самое, что и земли властелей—это были феодалы. Крестьянство платило те же подати, дары, штрафы, часто еще более тяжелые, так как монастыри, занятые более землей, чем войнами, умели выкачивать из крестьянства гораздо больше, чем феодалы. Монастыри кроме этих доходов получали еще особые доходы: штрафы, покаянные, полпени с убийства. Они имели судебную и исполнительную власть в пределах своих владений, и княжеские, а позднее турецкие чиновники не могли вмешиваться в их внутренние дела (иммунитет).

Сербские монастыри отличались богатством. И хотя их было много (монастыри росли как задужбины кралей, деспотов и воевод, то есть строились на помин души, за душу), они сосредоточили в своих руках большие богатства и потом первыми вступили на путь торговли и использования всяких монополий. Монастырь был крепостью, как и град феодала, и тенденции монастырей были те же самые, что и тенденции феодалов. Создалась общность интересов. Церковь освящала все, а более всего самое себя. Она играла огромную роль в экономической и культурной жизни страны. Любопытно отметить, что Неманичи высшее духовенство ставили из своей фамилии и что в Черногории была настоящая теократия: владыки соединяли в своих руках и духовную и светскую власть.

Монастыри были центрами культуры. Церковь держала в своих руках монополию воспитания масс. Экономически слабое крестьянство, опутанное повинностями и кабальными договорами, пользовавшееся примитивной сельскохозяйственной техникой, было беспомощно и перед природой и перед хозяйственником—монастырем. Монастырские владения охранялись жалованными грамотами (хрисовулами) и пользовались большими льготами и преимуществами.

Система землевладения изымала земельные богатства из общегосударственного пользования. Она основывалась на ленных отношениях, условных феодальных договорах (оброчное держание или аренду не следует путать с феодалом). Земля была феодалом. Она предоставлялась под условием службы в личное или наследственное владение. Земля, жалованная в наследствен-

ное владение, свободная от налогов, кроме поземельной подати, называлась баштина и соответствовала русской вотчине и западноевропейскому феодеу. Она находилась обычно во владении властеля. Ее можно было потерять при конфискации или измене владару (сеньору); но ее нельзя было отнять, заменить или взять назад. Если у баштинника (вотчинника) не было детей, наследовали родственники до третьего колена, а после этого владения переходили владару и отдавались другому. Наследовали и мужчины и женщины.

Земля, пожалованная во временное пользование (то, что соответствовало русскому поместью и западному бенефицию), называлась прония. Такая земля давалась только в личное владение и не могла передаваться по наследству или по завещанию.

Наряду с такого рода владениями была и личная собственность, купленная (купленица) или полученная в приданое (прикия).

За владение баштинной или прониарной землей получивший землю был обязан вассальной службой владару, тому, от кого он получил землю. Владар со своей стороны обещал ему защиту. Этот взаимный „договор“ и был системой феодальных отношений. Но вассал имел и право отъезда, то есть ухода со службы, но с возвратом земель. Бывали случаи, когда вассал переходил от одного сюзерена к другому с землей, так Марко от князя Лазаря ушел в вассальство к турецкому султану. Вообще заметно было стремление вассалов превращать земли временного пользования в наследственные, в земли личного владения. Владары боролись с этим.

Кроме того, общий военный строй феодализма, то, что воеводы жили не только доходами с земель, но и грабежом, вызывал войны, набеги и столкновения. Феодализм—время войн. Но феодальные войны были непродолжительны и мелки, так как феодалы помимо того, что они были воинами, были и владельцами земель и скота.

Подверженность набегам и нападениям вызывала частные договоры, да и побратимства, видимо, поддерживались этим. Это укрепляло защитную зависимость вассала от сеньора, баштинника и прониара от владара. Существовала лестница владений: у крупного владара были свои вассалы, у его вассалов—свои вассалы. Это определяло так называемую „иерархическую лестницу“. *Иерархия является одним из признаков феодализма.* В Сербии она существовала и до турок и при турках. Иерархия создала *местничество* и понятие „чести“.

На первом месте в феодальной Сербии стояло дружинное сословие (властели и племичи, властели и господа). Феодальное государство было военной организацией для добычи и дележа доходов с крестьянства и войн. В феодальной Сербии крестьянство было подавлено военной и экономической силой князей и властелей, которые боролись между собою за право эксплуатации и грабежа. Грабеж был открытым и узаконенным. Он выражался в прямом грабеже при войнах и набегах и в сложной системе дани и оброков в „мирное время“. При турках ко всему этому прибавились еще поборы—и эксплуатация достигла невыносимых пределов. Вот что заставляло себров (о них см. ниже) стоять за своих князей, так как при них им казалось легче.

Феодальная система держалась *обычным правом*, а не писаными законами. Сербские своды законов, как Законник Стефана Душана, были только письменным закреплением обычного права.

Сербский феодализм стал оформляться очень рано. Вот почему так легко пересаживались в Сербию некоторые феодальные обычаи в эпоху крестовых походов, которые прошли через Сербию. Прививалось многое, часто только внешнее. Европейский феодализм служил образцом.

Если о сербском феодализме нельзя сказать, что он был устойчив в своих формах (они нарушились турецким и венецианским влиянием), то основы феодализма—натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение, крупное землевладение, соединенное с вассальной зависимостью, и прикрепление мелких производителей к земле—держались долго. *Феодализм* и так необычайно *консервативен* как система общественных отношений, но *общие исторические условия Сербии сделали его еще более консервативным*. Социальные и хозяйственные формы были устойчивее, чем политические.

По существу в Сербии была законченная *удельная система*, существовали и характерные для нее конфликты между князьями и воеводами, между воеводами и дружиной. Но гораздо заметнее была *борьба боярства* с порою усиливавшейся *властью князя*. Так, сербское боярство прогнало Радослава, сына Стефана Дечанского, и возвело на престол Владислава. Показательна борьба Стефана Дечанского со своим сыном Стефаном Душаном, возглавлявшим боярство. Сын восстал против отца. Краль бежал, но был настигнут и задушен боярами. Позднее и самому Душану пришлось вести борьбу с боярством, и оно расплатилось за свое унижение и ограничение в правах с его преемником Урошем. Боярство и духовенство прогнали Драгутина.

и возвели Милутина. Другая боярская партия, не поддерживавшая централистских стремлений Милутина, хотела посадить его сына Стефана. Но Милутин ослепил его (по другим источникам, это ему не удалось, так как Стефан подкупил палачей). То же происходило и в Черногории. Стефан, деспот сербский, отдал ее Юрию Бранковичу. Бояре его не приняли и выбрали Стефана Черноевича.

Абсолютизм тоже является одной из политических форм феодализма. Борьба за самостоятельность областей в опасные моменты прекращалась, и создавалась видимость единства страны. Но этого достичь удавалось редко. Даже не было единого названия Сербии.

Обычно власть князя ограничивалась собором—съездом главных сеньоров и высшего духовенства. Это был общесербский собор (сбор земелье српске). Существовали и местные соборы, ограничивавшие власть деспотов и властелей. Это были съезды воинов, воиников и властеличичей, более мелких феодалов.

Но намечалась и тенденция „собираания земель“. Так, Неманя, Урош I, Милутин и Душан выступали в роли собирателей сербских земель. Это совершалось за счет мелких феодалов, за счет ослабления соседей, причем со средствами не считались, пользуясь византийской и западной практикой. Захваты, браки, разводы, союзы, договоры, покупки, убийства, ослепления—все пускалось в ход.

Сербия, однако, не смогла вырасти в сильное государство. Ее положение было незавидным между сильными соседями. Очень часто сербские князья и деспоты переходили в вассальство к туркам (Вукашин, Марко), к Венеции (Юрий Черноевич)¹, к Венгрии и др.

Сербию особенно ослабляли турецкие набеги. Они подрывали и крупное землевладение и скотоводство и разрушали таким образом экономическую основу феодализма. Постепенно турки занимали область за областью: в 1463 году—Боснию, в 1483—Герцеговину, в 1521—Белград. Крупные землевладельцы в борьбе с турками порастеряли свои земли, уберегли их лишь церкви и монастыри. Нетерпимые мусульмане-турки давали монастырям почти полную автономию (полной они, естественно, дать не могли). Из этого видно, что турки рассчитывали на

¹ В постановлении венецианского сената (26 июня 1496 г.) он именуется: *fideli nostro Georgio Cernoevich* — наш верный Юрий Черноевич.

помощь монастырей и что ислам являлся только поддержкой сильного централизованного турецкого государства. Турки боролись против воевод и властелей, чтобы отнять у них доходы. Относительную самостоятельность получали только те, кто принимал ислам (потурченцы)—это было формальным скреплением признания ими себя турецкими вассалами.

Таким образом, при турках положение изменилось только в том, что часть сербских властелей и племичей была разбита, а часть перешла в вассальство Турции. Общественные отношения остались те же. Политическое влияние знати пало незначительно, она решала вопросы престолонаследия, главные вопросы внутренней жизни страны и внешней политики. Она принуждена была только считаться с интересами турецкого феодализма.

Сербское боярство родового происхождения—потомки старших семей, силой и энергией обогатившиеся и выдвинувшиеся в жуках (территориально-политическое деление) и задругах (родовое деление), образовали привилегированное свободное сословие—властелу, и их господство закрепилось крупным землевладением. Властела росла как военное сословие. При турках землей владело магометанское и примкнувшее к туркам сербское служилое сословие. Лучшими землями владели спахии—конные служилые люди. Их земли были землями условного владения, но постепенно переходили в наследственные.

Из других сословий огромными привилегиями пользовалось духовенство, и незначительные преимущества имели горожане.

Себры были свободными земледельцами (аренда), как влахи—свободными пастухами. Частичная свобода их была фиктивной, экономическая эксплуатация стирала ее. Меропхи (при турках—райя) были несвободными земледельцами, прикрепленными к земле еще при Душане. Их за побег клеймили и раздирали им носы. Меропха не дарили, не продавали и не отпускали без земли („крепкий земле“). И себрам, свободным невластельского происхождения, и, конечно, меропхам запрещалось участие в сборах (Законник Душана: „уши урежу“). Совсем бесправными были рабы. Они были из военноопленных непривилегированных сословий, их было немного. Рабовладение и работорговля держались в Сербии до конца XV века.

На основе всех этих несвободных и непривилегированных сословий создавалась райя. Она составила бесправные социальные группы, платившие подати, несшие повинности, содержавшие войско, администрацию и духовенство, обязанные повинностью градостроения, градоохранения, постройки дорог и тем-

ниц, подводной, военной. Она отрабатывала барщину, платила „сока и харача“—подати в пользу царя и воеводы, экстренные сборы, травнину (сбор за пользование пастбищами) и т. д. За исправное поступление податей и сборов отвечал властель и турецкие чиновники—паши и кадии и особые чиновники по сбору податей (ага). Райя, доведенная до последней степени несправедливости и экономического угнетения, не имела права носить оружие.

Положение низших слоев населения было почти одинаково и до и после прихода турок, только при турках взимание податей проводилось жестче. Но часто при турках райе жилось покойнее, чем во времена междоусобиц сербских деспотов и властелёй, при войнах и набегах. Чем более слабело турецкое государство, тем хуже становилось покоренным.

Классовые противоречия были остры и подчас выливались в открытую борьбу, крестьяне уходили с земли в Венгрию или в другие соседние страны, что стало особенно часто при развитии гайдучества и ускочества (см. ниже).

Господствующим сословием было служилое сословие, в котором выделилась военная аристократия. Властель и властелчич представляли собою воина, профессией которого была война. Военной службой они были обязаны как вассалы. Военное сословие было паразитическим. Оно не производило никаких материальных ценностей, оно только потребляло. Даже в хозяйстве оно принимало самое небольшое участие.

Сильнейшие властели собирали вокруг себя вассалов—дружину, которая занималась сбором податей и даней и войной. Доходы воеводы шли из двух источников: с земель и с войн. Этими последними он делился с дружиной. Сербская юнацкая дружина во многом близка русской былинной дружине. Она представляла собою военный союз „господы“, „властелы“, объединенной общими интересами, вассальной по отношению к своему князю или воеводе. Дружина скреплялась также побратимством, а иногда и кровным родством. Неисполнение обязанностей дружинника разрывало союз. Верность, взаимопомощь были идеалами. Отношения дружинников между собою в значительной мере покоились на иерархии: были старшие и младшие дружинники, видимо, властели и властелчичи.

Дружина, как военный союз, выработала и строгие военные правила, например, вне битвы нельзя было убивать и уводить в плен, вне битвы можно было только грабить. Такие обычаи только обнаруживают цели военного союза—дружины. При набегах часто выжигали хлеб и села и уводили скот.

В чрезвычайных случаях созывалось „войско“. Оно набиралось главным образом из властелей, земского ополчения и наемников. Только монастыри не выставляли войска. Властели же были обязаны военной службой („иде на војску“), они выходили со свитой („са пратњом“) и обязаны были за свой счет нарядить шесть лошадей, воин—две, а „бедные люди“—пару волов. Цифры колебались в зависимости от положения и богатства.

Эти войска были конными. Крестьяне (меропхи) шли в пешехотное ополчение. Кроме того, они обязаны были содержать войска при постое, обязаны были транспортом. Наемные войска были обычно иностранными. В военном командовании тоже была строгая иерархия. Верховным воеводой был король, за ним шли воеводы по областям, тысячники, сотники, десятники.

Вся эта армия, часто громоздкая и плохо организованная, под звуки труб выступала в поход и под звуки же труб бросалась в бой. Конница была вооружена копьями, мечами, буздованами и имела щиты, шлемы и панцири. Пехота была вооружена саблями, луками, пращами и имела щиты. Оружие давал властель своим войскам, а крестьяне обязаны были доставать его себе сами.

Огнестрельное оружие появилось в половине XV века, хотя уже в 1351 году упоминается оно, но как редкость, привезенная из Млетака (Венгрии). В 1378 году в Дубровнике уже были пушки (топови) и порох (барут). В самой Сербии они появились гораздо позднее. Войны обычно были горными (мелкие) и реже битвами на открытом просторстве (большие).

Этот характер средневековой Сербии ставил на первое место *служилое сословие*, и поэтому вся культура средневековой Сербии носит на себе яркий отпечаток военно-дружинного сословия, а иногда и придворно-княжеской среды. Фигура юнака—воина, юнака—княжеского советчика бросила тень на всю культуру сербского феодализма.

Средневековая сербская культура тяготела к нескольким культурным центрам. И по особенностям их, по соседству других стран были и различия. Так, западная часть Сербии—Далматинское побережье, Герцеговина, Босния были более европеизированы, восточная Сербия находилась под более сильным турецким влиянием.

Культура средневековой Сербии была богата и оригинальна, несмотря на то, что экономически Сербия была бедной и отсталой страной. *Культура эта создавалась в монастырях и вла-*

стельских дворах и была культурой паразитических сословий, накопивших огромные земельные и денежные богатства. Это-то и дало возможность сербской культуре, то есть культуре этих сословий, достичь высокого развития.

Для Сербии XIV—XVII веков характерны: град (крепость), двор и монастырь, выстроенные на горе, у реки, укрепленные и неприступные, как и феодальные замки на Западе. Высокие стены, башни, ворота каменной кладки, с подъемными мостами. Городов (трг) было мало, крепостей (град) много. Крепости были военно-административными центрами владений. Города заменяли поселения вокруг крепостей, властельских и воеводских дворов. Это были пригороды. Отсюда понятны такие названия городов, как: Подключ, Подвисоки, Подимоч и др. Их населяли ремесленники разных сортов и сасы (саксы, немцы). Они пользовались некоторыми преимуществами. Торгового, купеческого населения почти не было. Оно состояло главным образом из заезжих иностранцев, и торговля велась произведениями иностранной промышленности. Торговые города (Нови Позар, Сараево) часто были турецкими и располагались по большим дорогам.

Что собою представлял сербский, так часто упоминаемый в песнях, двор? Надо сказать, что одной из характерных черт феодальной системы, именно внутреннего строения баштины или прони, было совмещение крупного землевладения с мелким хозяйством, состоявшее в том, что владение делилось обычно на две неравные части: одну, большую, обрабатываемую крестьянами, используемую для земледелия и скотоводства, за плату, аренду, повинности и т. п., и другую, меньшую, состоявшую в непосредственном хозяйственном заведывании властеля. Эта последняя почти не обрабатывалась, так как мелкие крестьянские хозяйства питали господина, она же служила для развлечений, охоты, мейдана (турниров) и т. п. Центральным пунктом этих владений и был двор, то же, что русский двор, боярский двор, западные Hof и curtius. Он был обычно укреплен. Владарский двор с внешней стороны особенно не отличался от дворов более мелких владельцев, но внутри был более роскошен и богат. Двор, видимо, не был сербским типом построек, так как в его архитектурных формах заметны были следы романского стиля. Он, вероятно, и по происхождению был романским типом построек. Во всяком случае любопытен тот факт, что каменных работ до самого позднего времени сербы не выполняли, они производились бродячими артелями румын.

Но в церковной, монастырской и крепостной архитектуре было два влияния: более старое, византийское, и более новое, готическое (главным образом в Черногории). То же и в церковной скульптуре и живописи. Наиболее развитым искусством была архитектура, что весьма характерно для феодальной военной культуры: постройка крепости-двора и крепости-монастыря требовала большого умения. Очень часто сербские краи и деспоты приглашали иностранных мастеров. Через них-то и проникло влияние готики. С другой стороны, показательно и то, как быстро и полно прививалась готика в архитектуре, скульптуре и живописи (мозаика, фрески, окна, капители, своды, резьба). Она находила себе соответствие в Сербии, удовлетворяла запросам сербского владения.

А рядом с огромными башнями, высокими стенами, крепостями-монастырями лепились избы крестьян. Так архитектура подчеркивала классовое строение феодальной Сербии.

Более оригинальной была сербская музыка (см. ниже).

Материальная культура Сербии не была особенно разнообразной. Хотя сербская стенная живопись и памятники материальной культуры доказывают богатство и роскошь, особенно оружия и украшений, они были опять-таки часто иностранной работы. Дорогие ткани и украшения шли из Византии, а позднее—из Турции, металлические изделия—с Запада. В самой Сербии более была распространена выработка грубых тканей, полотна и т. п.

Искусство обрабатывать металлы и оружейное искусство достигали подчас большой высоты, так как были покровительствуемыми в феодальном обществе искусствами. И, видимо, предания, легенды и песни о некоторых „ковачах“ (кузнецах) как особенных артистах своего дела являются отголосками действительности.

Процветали золотое дело, литье и резьба. Производились такие предметы, как церковная утварь и сосуды, кубки, чаши, мелкое оружие, шпоры, уздечки. На всем производстве был отпечаток времени. Многие пришли с Запада и Востока. Так эпитет при сабле—„алеманка“ (немка)—говорит о том, что немецкая работа считалась высококачественной, так как „алеманка“ в песне значит „лучшая“. Название кинжала итальянским словом „пинал“ (pignale) говорит о том, что он был занесен из Италии (вероятно, Венеции). Название палицы, булавы турецким „топуз“ говорит о турецком влиянии. Естественно, вместе с оружием занесен был в Сербию и орнамент, украшавший его.

И на самом деле в сербском орнаменте не трудно отличить струи византийские, турецкие и западные (романские и готические).

Дворы кралей и князей поражали своим величием, роскошью и довольно устоявшимся этикетом, выросшим из чисто сербских феодальных обычаев, но с большими западноевропейскими, а потом и восточными наслоениями. Прошедшие через Сербию крестовые походы (XII—XIII века) оставили свой след.

Кралям и князьям старались подражать и мелкие feudалы. Так, Черноевичи в Зете и Черногории или Бранковичи перенимали многое от сербского двора. В этом была все та же тенденция областей стать самостоятельными.

Жизнь при дворах кралей и деспотов проходила довольно однообразно. Войны и набеги сменялись пирами, выездами, судами, играми и праздниками. На пирах и праздниках выступали и дружинные певцы, воспевая победы и благодеяния владара и его предков. Выступали и скоморохи (глумцы), увеселявшие пир, а также и музыканты с бубнами и свирелями.

Одним из „благородных“ развлечений считалась охота, соколиная и с борзыми. Для охоты учили птиц (соколов, ястребов, кречетов). Иногда даже вывозили их в Италию и Испанию. Так, в Коновле в Далмации жили соколятники, обучавшие птиц и продававшие их в Сербию и на Запад, через Дубровник. И, наоборот, некоторые особо ценные породы птиц ввозили даже из Сирии и Египта. Птицы ценились очень дорого. В 1420—1421 г. послы Балши привезли из Млетака птиц на 5000 дукатов, среди них пять белых соколов. Борзых привозили из Малой Азии (Карамании). Сокол и борзая были ценнейшим подарком.

Охотой увлекались, и не один из сербских деспотов и владетелей погиб на охоте. Так, в 1427 г. умер на охоте Стефан Лазаревич. Охота производилась главным образом на крупного зверя: оленей и вепрей, и на птицу: уток и гусей.

Насколько были распространены охота и звероловство, показывают два факта: то, что Скендер-бег Черноевич платил дань Венеции зверьями и птицами, и то, что существовали особые звероловные повинности. Например, крестьяне обязаны были ловить зайцев для владетелей.

Не меньшим развлечением были и военные игры, по образцу западных рыцарских турниров. В Сербии они назывались мейданами и жили еще в конце XVII века. Поп Павел Шилабадович из Макарского приморья, а ранее его (1599) один венецианец дали описания мейдана.

Мейдан существовал, видимо, в двух формах: как игра и как настоящий поединок, в котором сходились два неприятеля один-на-один перед войском с той и другой стороны. Сражались пешие и конные, обычно без панцырей, в рубашках, всегда на холодном оружии (NB). Ни свидетели (девери), ни бойцы не могли иметь при себе огнестрельного оружия. Свидетели осматривали оружие и одежду бойцов. Существовали иногда специальные условия, но наиболее типичными были следующие: не должно быть обмана, нельзя бить по коню, кто бьет по коню и ранит или убивает его—платит за него, победитель берет себе коня и оружие и может отсечь голову побежденному. Когда условия приняты, дают заложников, чтобы в случае обмана можно было расправиться с ними. Ждут облачности, чтобы солнце не слепило глаз, и на ровном месте сходятся с обнаженными мечами. Успех бойца вызывает радостный крик его войска, неуспех—молчание. Нередко победитель уходит с головой побежденного на копье. После боя войска обычно расходились, но иногда бывали и сражения; если одна из сторон оспаривала правильность поединка или не хотела признать себя побежденной.

В мейдане несомненно есть пережитки старого обычного права, именно так называемого „божьего суда“, способа решать спор битвой. Мейданы отразились в эпосе как бои-состязания юнаков. В частном праве „божий суд“ был запрещен еще Законом Душана, но в военном праве он жил.

Мейдан-бой часто вырождался в мейдан-игру и служил развлечением при дворах властелей. Назначение его состояло в военной тренировке бойцов и коней, в пробе оружия, в выработке качеств, необходимых воину: храбрости, смелости, находчивости. Любопытно, что и сербский эпос и исторические памятники именно таким рисуют юнака: ему свойственны высокие чувства—жалость, нежность, любовь, самоотверженность, но к врагу сострадания он не знал. А живопись и нумизматика дают представление и о внешности юнаков: фигуры, полные достоинства и благородства, с несколько театральными позами и жестами. Нумизматика запечатлела и юнацкие бои.

Крестовые походы оказали сильное влияние на сербский феодализм и главным образом на внешние его военно-бытовые формы: они упорядочили и оформили мейданы, геральдику, оружие и военные обычаи.

Семейный быт феодала был очень прост. Идеалом женщины считалась „верная жена“—„верная любя“. Права ее были очень

не велики. Женщина зависела полностью от мужчины, повиновалась ему. Ее по византийской и церковно-литературной традиции (литература о злых женах) часто представляли существом злым, дьявольским, недостойным уважения и доверия. Естественно, что чем выше было социальное положение женщины, тем более она внушала уважения. Литература и эпос оставили не один образ неверной и лукавой жены, и, напротив, они рисуют идеальный образ матери героя. Высоко ценилась женская красота. И у властителей часто помимо жен были наложницы. Браки совершались обычно по какому-либо расчету—на союз или приданое.

Вообще же родовой принцип был силен как пережиток большой родовой семьи—задруги. Правовая система отличалась консервативностью и сохранялась долго, так как в основе социальных группировок лежало кровное родство, а право было во многом пережитком задружного права (кровная месть, права дяди на племянника и т. п.).

Но и в семейном быту, и в праве, и в культуре заметны сильные иноземные влияния. Об этом говорят такие факты, как усвоение греческого термина деспот для обозначения наместника или самостоятельного владельца, усвоение западноевропейской медицины (итальянские врачи при дворах кралей и деспотов, например, Юрия Бранковича), усвоение имен—Оливер, Орландо, Паладин, Балдуин и т. п. В силе иноземных влияний сказывалась беспомощность Сербии. Высшие круги сближались то с греческим востоком, то с латинским западом, то с болгарами, то с мадьярами, пока не стали жертвой турецкого феодализма, достигшего более высоких форм, чем сербский, и жертвой западного культурного влияния, ускорившего процесс разложения сербского феодализма.

III. КЛАССИФИКАЦИЯ ЮНАЦКИХ ПЕСЕН

Исторические и неисторические песни.—Циклизация.—Циклы: доковосский, косовский, песни о Марке Краевиче, цикл о Бранковичах, о Черноевичах, гайдудский цикл, ускоцкий цикл, новые циклы.—Вопрос об отношении сербского и болгарского эпосов.—Песни долгого и короткого стиха.

1

Сербские юнацкие песни можно разделить на два больших отдела: песни исторические и песни неисторические. Последних немного. К ним относятся такие песни, как „Невеста Лазаря

Радановича“, „Иван и дивский старейшина“, „Змей-жених“ и все песни, которые представляют собою обработку христианских легендарных или апокрифических сюжетов, как песни „Огневая Мария в аду“, „Святые делят мир“ и т. п. Сюжеты этих песен не имеют за собою никакой исторической основы. Они или очень древнего происхождения, как те, в которых действуют вилы и змей (они хранят в себе более пережитков древнего мирозерцания и быта), или новые, как христианизированные песни.

Песни старые возникли, видимо, очень рано. Они сложились в родовом обществе, которое позднее переросло в феодальное. В них поэтому более культурных пережитков и менее черт феодального быта, чем в песнях исторических циклов.

Христианизированные песни сложились позднее; это в большинстве случаев песенные переложения эсхатологических мотивов.

Исторические песни—те песни, в основе которых лежит какой-либо исторический факт или которые воспевают хотя бы и вымышленные подвиги исторических лиц. Следуя Караджичу, который в основание классификации клял хронологию сюжетов, и присоединяя к этому принцип культурного центра, мы можем юнацкие песни распределить по нескольким циклам, которые, таким образом, будут представлять собою историко-географическое, культурное, хронологическое и тематическое единство. Это деление совпадает и с генеалогической классификацией песен. Стройность такой классификации делает ее законной.

Для феодального общества характерна местная замкнутость и обособленность. Они создавали местных (фамильных) героев и местные легенды. Все это обрастало локальными красками и местными географическими названиями. Вокруг родов и местных центров вырастали песенные циклы. Песни складывались в местах самых событий или близких им, а героями были владельцы областей, при дворах которых складывались песни.

Таким образом сложились *исторические циклы*, которые первоначально были местными циклами; общенациональными они представлялись только тогда, когда достигалось единство различных сербских областей.

Исторические песни распадаются на следующие циклы (соответственно периодам истории Сербии, ее политическому делению и ее культурным центрам): 1) цикл докосовский, или цикл о Неманичах, 2) косовский, 3) песни о Марке Кралевиче,

4) цикл о Бранковичах, 5) о Черноевичах, 6) гайдудкий цикл, 7) цикл освобождения Сербии, и ряд песен, не укладывающихся в циклы (песни о войне Австрии и Турции, песни о герцоге Стефане и т. п.).

2

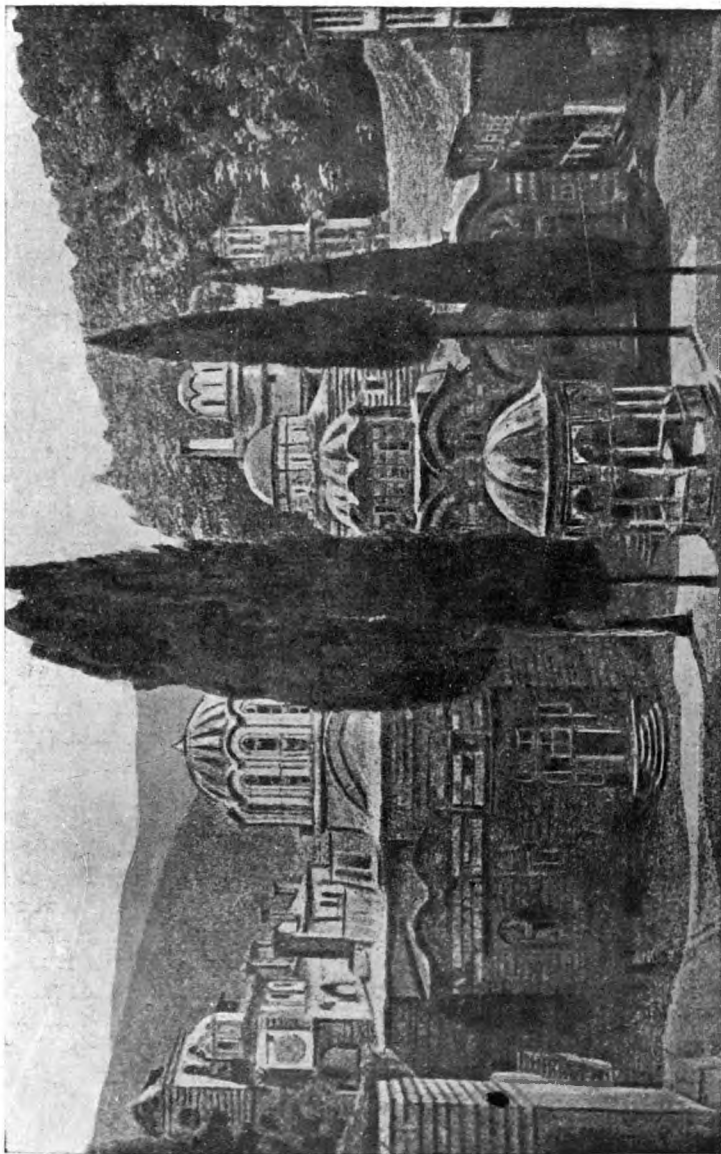
Докосовский цикл о Неманичах объединяет песни о царях и князьях из дома Немани, и главным образом о Стефане Немане (1114—1200), его сыновьях Саве и Стефане, их современниках Мрлячевичах—Вукашине, Угеше и неисторическом Гойке.

При Неманичах Сербия колебалась между Венгрией и Византией. Но когда она склонилась к Византии, это восстановило против Сербии Венгрию и окончательно заставило Сербию провести христианизацию. Сам Стефан Неманя умер в Хиландаре на Афоне, приняв монашество.

Все лица этого цикла—лица докосовского периода. Песни описывают или самые общие факты их биографии, как смерть, убийство, уход в монастырь, или прикрепляют к ним явно легендарные сюжеты. Смерть Стефана Душана в песне обрисована настолько обще, что в ней нельзя уловить исторически реальных черт: так мог умереть почти любой из князей и царей. Сюжеты песен об убийстве Уроша или построении Скадра явно легендарны.

Круг песен этого цикла невелик. На них заметен сильный след христианизации. Это несомненно объясняется тем, что Сава, Душан и Стефан Неманичи были из числа первых проводников христианизации в Сербии, а позднее канонизированы как святые. Песни этого цикла, видимо, сложены при дворах их потомков и поддержаны церковью. В них отмечены не боевые подвиги, а „добрые дела“, „святые дела“, как построение задужбин, „справедливые“ суды, „праведная“ жизнь и т. п. Видимо, некоторую роль в сложении и особенно в сохранении этих песен сыграли монастыри, в частности Хиландар, в котором постригались Неманичи.

Но времена менялись. Этот цикл вытеснили более новые циклы, и песни о Неманичах стали петь гусяры-слепцы у монастырских ворот и церквей.

Хиландарский монастырь.

Резная дверь в церкви св. Николая в Охриде (Македония).
XII век.

Косовский цикл представляет собою поэтическую историю битвы 1389 г., происшедшей на Косовом поле¹, расположенном по реке Ситнице, близ города Приштины. Это большая равнина длиною в двадцать тысяч и шириною в пять тысяч шагов. Здесь произошел кровопролитный бой между сербами и босняками с одной стороны и турками и сербами (вассалами турок) с другой.

Движение турок в Малую Азию, а затем на Балканы—многовековой процесс. Турки-сельджуки, начиная с XI столетия, подчиняют себе Малую Азию. Их государство распадается в XIII веке в борьбе с монголами. Одна из ветвей сельджуков—османы (по имени хана Османа, 1288—1326)—наступает на Византию и Балканы, под предводительством хана Орхана и его сына Мурата I (1360—1389).

Первое из известных столкновений турок с сербами относится к 1344 году, когда византийцы призвали турок для помощи в борьбе с наступающим Стефаном Душаном и под предводительством Иоанна Кантакузена разбили его. В 1352 году стычка повторилась с тем же результатом. С этого года турки упорно начинают продвигаться в глубь Балканского полуострова. В конце царствования Душана турки твердо обосновались на полуострове. Мурат (в 1363 году) перенес столицу в Едрен (Адрианополь). Были столкновения с сербами: Вукашин и Углеша были разбиты (в лето 1371 года): „Сие лето краљ Вьлкашинъ и деспот Оугльеша оубиены быша въ Максдоныи ѿ т8рдъ на Марицѣ рѣцѣ“ (Летописная родословная сербских царей. Р.Ф.В. 1882, т. VП, № 1, стр. 22).

Мурат, разбив сербов на Марице, прошел до Боснии, взял у болгар Софию (в 1381 году) и заставил Лазаря, князя сербского, платить дань.

Движение турок усилилось с 1386 года, когда они захватили Ниш. Географическое положение владений Лазаря было самое опасное. Лазарь пытался освободиться от турецкой зависимости. Он старался заключить союз с Болгарией, Зетой, Венгрией и Боснией². Мурат узнал об этом и предупредил

¹ Название идет от „кѳс“ — черный дрозд (merula).

² Этот союз полностью не осуществился, но его подготовка была настолько ясна, что турецкие историки говорят о том, что Мурат на Косовом победил „союз христианских королей“ (Сеидеддин, Едрис, Нешри). Впрочем, на Косовом были босняки с воеводой Влатком и хорваты с баном Иваном во главе.

события. Он вызвал из Азии своих сыновей Баязета и Якуба, созвал своих христианских вассалов и двинулся на Сербию. Это повело к столкновению на Косовом поле.

Стратегическое значение Косова поля очень велико. Косово занимает центральное положение: дороги с севера на юг, с востока на запад идут через него. Оно, кроме того, представляет хороший плац для боя, годный и для пехоты и для кавалерии. Вот почему именно на Косове произошло столкновение турок и сербов.

Бой происходил в долине реки Лабы, между Ситницею, Грмеч-планиной и рекой Самодрезей. В этой долине много речек и ручьев, которые легко перейти вброд, исключая Лабу.

Сербские войска собирались у Крушевца. Лагерь Лазаря был у Самодрези. Турецкие войска концентрировались в Пловдиве, а потом в Приштине, к которой быстро прошел Мурат. Движение Мурата было для сербов несколько неожиданным. Они решили защищаться. Стали на правом берегу Лабы, правым крылом к Ситнице, левым к горам. В центре стояли Лазарь, Юг-Богдан, Стефан и Лазарь Мусичи, справа—Димитрий Воинович с Милошем Обиличем, Топлицей, Косанчицем и др.; слева—босняки с Влатком Вуковичем. Резерв в шесть-восемь тысяч с Вуком Бранковичем—позади. Впереди немного стрелков и конницы. Турки стояли на левом берегу Лабы, левым крылом к Ситнице, правым к горам. В центре был Мурат, справа—великий визирь Али-паша, слева—беглербег Тимурат. Еще правее стоял сын Мурата Баязет с европейскими вассалами (румелийцами и др.), в конце левого крыла—сын Мурата Якуб, перед фронтом—две тысячи стрелков, позади центра—резерв.

15 июня в 8 часов утра турки стали наступать, и левое крыло их перешло Лабу (в других местах не смогли перейти). Завязался бой. Сербы отбили турок и перебросили их за Лабу, перешли правым крылом Лабу, разбили левое крыло турок и бросили их на их же резерв. Турецкий центр пришел от этого в расстройство, так как должен был переменить линию фронта. В этот критический для турок момент Милош Обилич пробился к султану Мурату, смертельно ранил его кинжалом и был изрублен сам. Баязет, оценив опасное положение левого крыла и центра, расстроенных правым сербским крылом, и видя, что на его (правом) крыле нет опасности, так как по топографическим условиям сербы не могли в большом числе перейти Лабу, ударил к Ситнице в левый фланг сербскому правому крылу, а резерв послал на правый фланг этого же крыла. У гор

Мазгита и Ганиместана завязался бой. В этот решающий момент Лазарь приказал своему резерву вступить в бой. Но пока резерв переходил в бой, сербы на правом крыле под натиском свежих турецких сил и деморализованные ложными криками турок: „Сербы бегут!“—начали отступать.

Как происходило дело далее, трудно сказать, не имея точных указаний в источниках. Видимо, неактивность левого сербского крыла, Баязетова решительность и быстрота действий вызвали отступление сербов. Битва была проиграна. Влатко Вукович и Вук Бранкович поспешно отступили с войсками, первый через Митровицу, второй через Грдеч. Оставшиеся были перебиты или взяты в плен. При отступлении был взят в плен и Лазарь и еще некоторые воеводы. Их привели к Баязету и перед ним казнили. Мурат умер от ран еще во время битвы. В Косовской битве участвовало 35 000 сербов из Моравы, Старого Влаха, Подринья, Браничева, Кучева, Боснии, Хлумья и Косова; с турецкой стороны участвовало около 100 000 (азиатские и европейские турки и их вассалы).

Помимо того, что отношение сил было 1 : 3, победа турок решалась организованностью их войска, энергией, решительностью и быстротой действий. Сербы не были так сплочены; среди воевод происходили раздоры. Да сербы не были и готовы к бою; так, вечером в день перед битвой они не знали, что на-завтра может быть бой. Уже перед самым боем и у войск и у воевод был упадок духа.

После битвы Баязет не пошел далее в Сербию, а вернулся в Едрен, где боролись две партии, и партия, поддерживавшая его против брата, слабела.

Турки наложили на Сербию дань в 20 000 дукатов и обязали в случае войны ставить 30 000 вспомогательного войска. Султан Баязет утвердил деспотом Стефана Лазаревича и взял к себе в гарем его сестру Милеву.

Турки совсем не пытались заглушить язык, религию и обычное право сербов (это было позднее). Но сербская знать не могла перенести унижений. Часть ее бежала в Венгрию и на запад, часть осталась в занятых районах, вела глухую борьбу и готовилась к столкновению, а большая часть, боясь потерять свои привилегии и владения, потурчилась и стала вассалами турок. Турецкие притеснения начались позже, и чем далее, тем они усиливались, ибо Турция слабела.

Подати и налоги росли. Земля была отдана спахиям и бегам и потурчившимся сербам. Турки забирали детей в яны-

чары. Сербские потурченцы—знать—укрепляли в крестьянстве религиозность и передавали им песни. Крестьянство, жившее под двойным гнетом—турок и сербской знати,—хваталось и за религию и за песни.

События конца XIV и начала XV века представляли собою столкновение восточного (турецкого) и сербского феодализма. Это столкновение было поддержано этническим, национальным и религиозным антагонизмом. Сербские владары, разбив росший абсолютизм в лице наследников Душана, сами пали в борьбе с более крепким, более высоким по своим организационным и общественным формам турецким феодализмом. Турки после победы истребляли прежде всего воевод, князей, знатнейшие роды, и сохраняли относительную независимость лишь тем, кто „турчился“, т. е. принимал магометанство и переходил к ним на службу. Но любопытно, что религия играла второстепенную роль, и только позднее обострился религиозный антагонизм. Точно известно, что на стороне турок сражались и христиане. Кроме того, Баязет, сын убитого в битве султана Мурата, казнив князя Лазаря, оставил своими вассалами его сыновей Стефана и Вука. Стефан Лазаревич позднее не один раз сражался на стороне турок, как и Марко Краевич (хотя, кажется, не против сербов).

Все эти события оторвали крестьянство от знати. Народ не видел ничего кроме угнетения и поборов.

Но Сербия далеко не совсем еще потеряла независимость. Еще не раз на том же Косовом поле встречались турки и сербы. Косово поле стало символом этой борьбы. Вокруг Косова поля сложились легенды и песни, сказания разных времен слились, и так создался тот цикл юнацких песен, который принято называть косовским.

В песнях этого цикла не много историчного: самый факт битвы, убийство Мурата Милошем, смерть Лазаря, имена героев. Большинство мотивов и сюжетов—легендарны: это поэтическая переработка событий, идеализация героев. К этому прибавились бродячие мотивы, как мотивы песни „Смерть матери Юговичей“.

Косовские песни поют о Лазаре, отправлении на бой, расставании его с Милицей, о бое, о том, как Милош убивает Мурата, о возвращении с боя Владеты воеводы и др., о смерти матери Юговичей, о девушке-косовке. В песнях много драматичных и трогательных моментов, некоторые из них имеют под собой историческую основу, как возвращение Владеты:

исторические памятники говорят о том, что первым с поля бежал Влатко, воевода босанского короля.

В песнях косовского цикла нет главного героя. Но *фигуры Милоша, Вука и Лазаря имеют большой социальный смысл—в них раскрывается смысл песен всего цикла.*

В центре цикла стоит сюжет о ссоре Милоша и Вука Бранковича и об измене последнего в битве.

Исторические документы говорят об отступлении Вука, но об измене его нет никаких оснований говорить. В этом мотиве отразилось общее состояние Сербии. В записанной у Петрановича песне о Косовской битве говорится, что „невjera и неслога“ были причиной гибели Сербии. И действительно: рознь, борьба между сербскими воеводами явились истинной причиной того, что бой был проигран. Но говорить об измене Вука и *гибели* Сербии в то время было нельзя. Сербия не погибла. А старейшие исторические памятники не имеют никаких следов легенды об измене Вука, и чем памятники моложе, тем более ее следов (Орбини и Лукарич—XVI век—первые определенно говорят об измене Вука).

Объяснить возникновение этой легенды и идеализацию Лазаря и Милоша можно только следующим образом.

Уже до Косовской битвы в Сербии были две борющихся между собою партии владаров: одна из них поддерживала князя Лазаря и в его лице растущий абсолютизм, другая, к которой относился Вук, стояла за отложение от Лазаря. Лазарь, старавшийся укрепиться и подчинить себе вассалов, пытавшихся отложиться от него, надеялся, что победа над турками даст ему эту возможность.

Но исход Косовской битвы изменил ситуацию. После Косова борьба между этими двумя партиями пошла по другой линии. Партия, возглавляемая Стефаном Лазаревичем и Милицей, женою Лазаря, стояла за верность Турции, поскольку Сербия убедилась в слабости своих сил. Наоборот, Вук Бранкович вел постоянную борьбу с Баязетом, и хотя вынужденно мирился с ним в 1392 году, в конце концов был заточен в тюрьму, где и умер (1396 г.).

Уже во время борьбы Вука и Стефана Лазаревича стали складываться легенды о предательстве Вука—так как только этим могли при дворе Стефана Лазаревича оправдать позорный исход битвы. Лазарь был даже канонизирован позднее как святой. Идеальными героями в песнях о Косове сделались Лазарь и Милош, один из приближенных Лазаря. Кроме

того, турки после смерти Лазаря признали и Вука. Естественно, сторонники Стефана Лазаревича, открыто боровшиеся с ним, должны были его оклеветать. Легенда об измене Вука Бранковича стала еще живучее после того, как после смерти Стефана Лазаревича деспотом стал не кто-нибудь из рода Гребляновичей (Лазаря), а Юрий Бранкович, сын Вука. Противники Юрия всячески культивировали эту легенду, и скоро она была переложена в песню и стала распеваться, как и песня о проклятой Ерине, жене Юрия, при дворах противников Бранковичей.

Косовские песни возникли, видимо, вскоре после событий, легенда же об измене Вука возникла и была переложена в песню несколько позднее. Ею пользовались все противники Бранковичей. Во всяком случае косовские песни существовали уже в XV веке. В начале XVI века (в 1531 году) о них уже упоминает Курипешич, ездивший в Царьград. Позднее многие косовские песни были переделаны в новом направлении, жили в Старой Сербии, а окончательно оформились, видимо, при последних Бранковичах.

Косовский цикл богат песнями. Все они распадаются на три группы: песни, рисующие отдельные моменты перед боем, песни, рисующие самый бой (немного песен), и песни, описывающие события и настроения после боя (большинство песен). К этому же циклу относятся и песни о героях Косовского боя, не описывающие самого боя (например, песня о Бановиче Страхине, песня о Милоше у латинян и др.).

На Косовом поле происходили много раз столкновения сербов с турками. Все эти бои были сведены в один—отсюда анахронизмы и путаница.

Невольно возникает вопрос: почему песни такого богатого цикла в позднейшие времена не были распространены близ Косова? Халанский объяснял это тем, что с отливом населения с Косова ушли и песни. Но песни не только ушли с Косова, они создавались главным образом ушедшими косовцами и теми, кто бился на Косове, и гораздо в меньшей мере теми, кто остался у турок и потурчился или стал их вассалом. Песни слагались, видимо, в среде непосредственных участников или лиц им близких, на территории событий, но главным образом в тех областях, куда бежали сербы, вероятно, в Старой Сербии, так как герои Косова жили близ Косова: Страхина—в „Баньской крај Косова“, Милош—в Новом Пазаре, Лазарь—в Крушевце, Топлица—в Топлице, Иван Косанчич—

в Косайниче и т. д.¹. Герои, жившие в дальних от Косова областях,—отрицательные персонажи.

Песни нужны были тем, кто ушел, потеряв все, но хотел еще бороться. Они оправдывали поражение и сулили надежду. Хотя Косовская битва 1389 года и не была концом самостоятельности Сербии, она тем не менее была началом ее падения, и события, вскоре последовавшие за ней, имели огромное значение для всех социальных слоев средневекового сербского общества: властела должна была позаботиться о сохранении своих владений и при завоевателях, а простой народ должен был готовиться к огромным поборам, разорению и каторжному труду.

Изменения, происшедшие в сербском обществе после Косовской битвы, расслоение сословий по новым линиям и политические стремления деспотов и воевод—все это вполне объясняет возникновение о событиях 1389 года песен, идеализирующих героев, оправдывающих поражение и, главное, подерживающих надежды на победу. Между тем неоднократно делались попытки представить основные фигуры этого цикла, основные его сюжеты и мотивы как простое заимствование из эпосов других народов. Последняя такая попытка была сделана Н. Банашевичем² в 1926 году и поддержана А. Vaillant'ом в 1932 году³.

Банашевич поставил вопрос об отношении песен косовского цикла и *chansons de geste*.

Еще Веселовский в книге „Из истории романа и повести“ (т. II, СПб. 1888) затронул этот вопрос. Он возводил некоторые мотивы песни „Женитьба Вукашина“ к итальянскому роману о Бово из Антоны, который в свою очередь восходит, как полагает Маретич⁴, к *chanson de geste* *Bueves d'Hanstone*.

Банашевич прямо говорит о влиянии *chansons de geste* на сербский эпос. По его мнению, певцы из Далмации и Дубровника, очень близких культуре Запада, переносили в Сербию, Боснию и Хорватию сказания о французских героях.

¹ Халанский, М. „О сербских народных песнях косовского цикла“. РФВ, 1882, № 2.

² Banašević, L. „Le cycle de Kosovo et les chansons de geste“. „Revue des études slaves“, VI, 1926, pp. 224—244.

³ Vaillant, A. „Les chants épiques des slaves du sud“. P. 1932.

⁴ Maretić, T. „Kosovski junaci i dogagjaji u narodnoj epici“. Rad, XCVII, str. 107.

На сербской почве они сначала, может быть, жили как устные предания, как рассказы, а затем постепенно сливались с эпическими сказаниями, впитывались ими.

Эти рассуждения Банашевич подтверждает сравнениями косовских песен и chansons de geste; сравнения устанавливают большое число параллелей и соответствий.

Особо сильно сходство косовских песен и chansons de geste цикла о Guillaum d'Orange, широко распространенного в Италии. Банашевич сопоставляет бугарштицу „Кад је потинуо кнез Лазар и Милош Обилић на Косову“ (из рукописного дубровничког сборника XVІІІ века) с „Chançon de Willame“. Он находит, прежде всего, соответствие героев: Лазар соответствует Willame'у, Милош—Vivien'у. В этих песнях есть сеньор и слуга, герой и предатель. Кроме того, в них много совпадений мотивов: столкновение героя и сеньора, предчувствие измены; князь и сеньор, уходя на битву, оставляют слугу или племянника, но и они уходят на поле битвы; свидетель смерти героя рассказывает о ней (как Владета воевода или Облак Радосав). Но вторая часть „Chançon de Willame“ не находит себе параллелей в косовских песнях.

Одного сопоставления недостаточно для того, чтобы утверждать, что эта песня испытала на себе влияние chanson de geste. Да и стоит ли предполагать влияние, если песни можно объяснить местными историческими условиями. Во-первых, то, что в обеих песнях есть сеньор и слуга, говорит о том, что в обоих случаях мы имеем дело с феодальной поэзией, а не с влиянием одной песни на другую; во-вторых, то, что в обеих песнях есть герой и изменник, объясняется необходимостью оправдать поражение (а для сербского эпоса еще и борьбой двух групп властителей); в-третьих, мотив о первоначальном столкновении героя и сеньора—мотив многих песен и былин, в основе его лежит идеализация героя: несправедливое обвинение еще более возвеличивает его последний подвиг; в-четвертых, предчувствие измены как общий мотив многих песен должен быть изъят из сравнения; в-пятых, оставление слуги было обусловлено военными обычаями,—это был вестник, а то, что все-таки он уходил на битву, объясняется патриотической тенденцией песен; наконец рассказ свидетеля о смерти героя—обычный мотив песен о проигранном бое и смерти героя в бою.

Мы признаем, что обе песни чрезвычайно близки друг другу, но не имеют между собою никакой связи. Можно

найти бесчисленное число параллелей и в других эпосах, и внутри одного эпоса, но это не может служить доказательством влияния или заимствования. Доказательства необходимо основывать на более веских аргументах. Количество эпических схем и мотивов о проигранном бое ограничено, поэтому естественно, что могут существовать в разных эпосах одинаковые схемы, ничем не связанные между собою.

Попытка Банашевича провести параллель между косовскими песнями и *chanson de Roland* еще менее убедительна. Сходство не велико, ничего не поправляет и объяснение имени Юг как Huges. Сам Банашевич признает, что сходство не дает возможности говорить о прямом влиянии, хотя он полагает, что ранее песни были ближе, более сходны. Мы считаем, что, наоборот, *песни уходят от исторических фактов, становясь более общими* (и именно это действительный процесс эволюции песни), и *начинают походить одна на другую*. Кроме того, отметим еще одно обстоятельство: Банашевич берет для сравнения почти исключительно песни долгого стиха (бугарштицы), песен краткого стиха он касается редко. Мы же не можем признать законность этой параллели как доказательства влияния *chansons de geste* на косовские песни, так как бугарштицы являются лишь подражаниями юнацким песням краткого стиха (см. далее).

4

Цикл песен о Марке Кралевиче объединяется фигурой македонского краля Марка Кралевича. Историческая личность в песнях потеряла свои действительные черты. Идеализация и гиперболизирование, имевшие совершенно особые цели (см. главу V), сделали Марка Кралевича главным героем сербского эпоса. Цикл о Марке Кралевиче представляет собою еще большее единство, чем цикл косовский.

Песни о Марке Кралевиче дают законченный образ юнака и подробное описание его подвигов, подробную его политическую биографию. Впрочем, эта *подробная* биография легко сводится к схематической биографии героя и типической его характеристике.

Детство Марка Кралевича, как детство всякого юнака и богатыря, сопровождается различного рода чудесными событиями и подвигами. Женильба его отца—Вукашина—происхо-

дит при чрезвычайных обстоятельствах—измене жены Момчила Видосавы и убийстве Момчила. Уже в отношении Марка к отцу и матери раскрываются идеальные качества его характера: Марко, несмотря на родство, присуждает царство не Вукашину, а Урошу, чем и заслуживает отцовское проклятие и предсказание Уроша, что он будет самым сильным юнаком. Мать он любит и заботится о ней. Песни говорят и о брате его Андрее (или Димитрии), за убийство которого Марко жестоко мстит. Есть песни о Марке и его сестре: в одних он спасает ее из турецкого плена, в других он женится на ней.

Марко́ Кралевич не родился юнаком. Сила и смелость Марка открываются неожиданно. В песне „Кто лучший юнак“ юнаки считают его последним и никомушным, но когда необходимо вступить в поединок, все юнаки отказываются, и, как русские богатыри, „старший прячется за среднего, средний прячется за меньшего...“—и первым юнаком оказывается Марко.

Как всякий богатырь, или юнак, Марко, прежде чем начать подвиги, добывает себе чудесного коня и меч. В различных песнях он добывает их по-разному: он или берет их обманом, или получает их с помощью вилы, или добывает силой. Добытый им меч оказывается отцовским, а конь—чудесным. Конь Марка—Шарац—хоть и не имеет крыльев, как конь Момчила, но зато обладает другими, не менее чудесными качествами: он силен, вынослив, умен, он предугадывает опасность и даже говорит по-человечески—и по-сербски и по-турецки.

Владея таким мечом и таким конем, Марко уступает только трем юнакам—Мусе, Лютице Богдану и Алилу, но и их он побеждает или с помощью вилы, или хитростью. Ему повинуется и служит даже вила.

Подвиги Марка состоят в борьбе с арапами и турками и отдельными арапскими и турецкими героями, которых он неизменно побеждает. На этом фоне особо выступают песни, которые говорят о его службе турецкому султану. Марко настолько сильный вассал, что султан не только прощает ему то, что он избивает и калечит турок, но и сам побивается Марка. Марко защищает турок от арапов, султан ценит его и прощает ему его „шутки“ и „забавы“.

По характеру своему Марко идеальный герой: он не любит ссоры и вступает в бой только тогда, когда его вынуждают к этому обстоятельства, он добр, он защитник угнетенных и бедных. Единственная его слабость—вино. Марко пьет много,

пьет вино чашей в 12 ок (вспомни: чаша в полтора ведра) и от вина не пьянеет, а ему только прибывает силы. Марко—заботливый сын и муж. Иногда только он пускается в романтические похождения, да и они обычно вынуждены. Но врагу Марко мстит жестоко: разрушает, падит дворы, уводит в плен.

Образ Марка необычайно целен и выдержан: это типичный феодальный образ. Военные подвиги—в центре песен. От них Марко не может отказаться. Когда мать просит его бросить походы и начать пахать землю, Марко слушается матери: он едет пахать, но пахота кончается побоищем с турками. В песне „Марко пашет“ необычайно ясно выражено презрение феодала к „мирным занятиям“—к пахоте. Его профессия—война.

Вокруг Марка группируется несколько больших сербских юнаков, с которыми он вместе совершает подвиги: Реля, Милош из Поцера, Иван Косанчич, бег-Костадин и др. Из них в песнях наиболее популярен Реля-Крылатица.

Марко часто помогает другим юнакам, выручает их из беды: это в тех случаях, когда Марко выступает в качестве деверя. Так, он является деверем Поповича Стояна, Джюра Смедеревца и др.

Противники Марка—юнаки необычайной силы: Вуча-генерал, Филип-мадьярин, Мина из Костура, Алил-ага, Муса-разбойник, Джем-Брдянин и безличные—Арапин, Турчин и др.

Как Марко в песнях очень далек от своего исторического прототипа, так и его товарищи и противники представляют собою типизированные образы юнаков: они мало разнятся между собою, они все почти на одно лицо. Томич полагает, что большинство песен о Марке не локального характера, а имеет общее распространение, в них сильна контаминация, нередки случаи распада, они сильно перерабатывают исторические факты, стирают историчность лиц и событий. Марко в песне не историческое лицо, а носитель определенных песенных мотивов. Таковы же и его товарищи и противники. Томич в книге „Ко је ђемо Брђанин. Прилог испитивану историјских трагова у народним песмама“ (Београд 1901, стр. 21)¹, разбирая песни о Марке Краевиче и Джем-Брдянине, считает их отражением борьбы арнаутов и сербов, но происходившей не в XIV веке, когда жил исторический Марко, а в XVII. Томич полагает, что Джем—это Еген-паша, живший в XVII веке.

¹ Ответ на работу А. Гавриловича „Историјска сећања у неким народним песмама о Краљевићу Марку“.

Он армянин, отложился от султана и был гайдуком в Малой Азии (почему его и называют „Гайдук-пашой“), потом опять служил султану и был халепским пашей и софийским беглер-бегом. Когда Сулейман сверг Мехмета IV, к Егену в Софию бежали сторонники Мехмета. Еген оказал сопротивление визирю Измаил-паше, посланному Сулейманом. Еген ушел из Софии, разбойничал у Смедерева и Белграда. Его объявили вне закона. В 1689 году он был убит в Охриде, а его голову послали султану. Эту-то победу песня приписывает Марку. Как видим, турецкие тенденции (и вообще турецкие элементы) сильны в сербском эпосе.

Песня часто приравнивает Джемю к Мусе-разбойнику, видимо, потому, что и тот отложился от султана, был „одметником“. Томич видел в Мусе одного из помощников Егена,—но это не так: Муса историческое лицо и жил гораздо раньше.

Образ Джемю в конце концов типизировался настолько, что он стал насильником вообще, единственной его индивидуальной чертой осталось то, что он—арбанас, горец.

Макушев¹ считает Джемю одним из Гинов (Ghin, Ginno), албанских владетелей XIII—XV веков. Мы склонны предположить контаминацию песен и слияние двух лиц в одно.

Путем такой типизации и контаминации росли образы юнаков, отлагались мотивы, и когда Марко Краевич стал первым героем сербского эпоса (см. главу V), они объединились вокруг него, или, вернее, он объединил их в одно целое по тому же принципу, как в романе приключений на героя нанизывается цепь событий и встреч.

5

Цикл песен о Бранковичах содержит в себе песни о деспотах Сербии и Срема—Бранковичах. В центре стоит Юрий Бранкович, сын уже известного нам Вука Бранковича и внук князя Лазаря по матери. Он родился в 1374 году, дружил с дядей своим Стефаном, потом рассорился с ним, был прогнан им и бежал к султану Сулейману, наследнику Баязета, воевал с ним против Стефана, но был разбит Стефаном на Косовом поле в 1402 году. С помощью султана Сулеймана он добился южной Сербии. Позднее он был в Зете. А с 1427 года, после смерти

¹ „Историческое разыскание о славянах в Албании“.

Стефана, стал сербским деспотом. Потеряв Белград, он в 1427—1430 годах построил крепость Смедерево (отсюда его прозвище—Юрий Смедеревед). Смедерево на Дунае стало политическим и культурным центром Сербии. От него еще сохранилась крепость со рвами и стенами, с башнями, на одной из которых есть надпись о том, что город построен в 1430 году Юрием Бранковичем.

Политика Юрия Смедередца была подчинена моменту—он, смотря по выгодности, то держал сторону Турции, то сторону Венгрии; приходилось ему с ними и сталкиваться. В его лице абсолютизм несколько усилился. Но при его преемниках Сербия опять-таки распалась на множество самостоятельных воеводств. Юрий умер в 1456 году.

Юрий Бранкович—личность с необычайно богатой, интересной биографией. Ему пришлось жить в переходное время: Сербия совершенно теряла свою самостоятельность. Он платил дань Мурату II, и хотя делал попытки с помощью Венгрии освободиться от дани и зависимости, но в конце концов погиб в борьбе с турками. В песнях от его живого лица осталось немного.

Песни говорят и о жене Юрия—Ерине (из рода Кантакузенов). Ерина в песнях носит постоянный эпитет „проклятая“, потому что ей легенда приписывает введение крепостного права. Она умерла в 1457 году таинственной смертью. Полагают, что ее отравил сын ее Лазарь. Совершенно точно установлено, что в ночь ее смерти (12 мая 1457 г.) из Сербии бежали брат ее Фома Кантакузен, дочь ее Мара и сын, слепой Гргур. Но, может быть, бегство объясняется тем, что они, узнав о ее смерти и принадлежа к ее партии, побоялись остаться в Сербии.

Песни рассказывают о ее жестокостях. Видимо, для рассказов об этом были поводы. Песня „Облак Радосав“ говорит о том, что Ерина жестоко обращается с воеводами: она держит в темнице воевод Белича и Златокосича, и только Облак Радосав спасает их. Полагают, что в этой песне отразилась та борьба воевод с абсолютизмом, которая так остро начата была Белодрквичем и Зоичем при Стефане Лазаревиче.

Но почти несомненно, что в Облаке Радосаве, который укоряет Юрия, бьет Ерину, надо видеть великого челника, то есть первого министра и советника Юрия Бранковича—Радича Поступовича. Ему деспот Стефан дал села у Браничева, Кучева и Мачвы, Юрий дал ему обширные земли. При Стефане и Юрии он пользовался огромным влиянием и вел себя как самостоя-

тельный феодал. Он и в песне держит себя независимо и осмеливается даже наказывать Ерину.

Из Бранковичей упоминаются в песнях еще Иван Деспотович—последний деспот из рода Бранковичей (умер в 1502 году) и его брат Максим.

Большой популярностью в песнях пользуется Змай-деспот Вук—внук Юрия Бранковича, сын слепого Гргура. В 1459 году турки заняли Смедерево, и Бранковичи бежали в Далмацию, где и вымерли в XVI веке. Вук пошел на службу к мадыарскому королю Матвею, у которого и стал одним из первых полководцев. Он воевал всю свою жизнь. Он предпринимал смелые походы. О нем рассказывали множество легенд, и они-то послужили основой того фантастического образа, какой рисуют песни. В песне он—юнак необычайной силы, устрашающий всех. Он побеждает одного из сильнейших юнаков—Порчу из Авалы.

Особую группу песен составляют песни о братьях Якшичах, сыновьях белградского капитана Якши. Это современники Бранковичей-деспотов, служившие у них. Песни о Якшичах носят семейный, бытовой характер.

Из современников Бранковичей песни упоминают еще воеводу Приезда, Радула Волошича и др.

Деспоты Бранковичи были в тесной связи с мадыарами. Они заключили с ними не один союз. Они после падения Смедерева служили у мадыарских королей (как Вук). С одной стороны, сами Бранковичи часто бывали в Венгрии, с другой—при их дворе было немало мадыар. Особую роль играл Ян Гуниад, мадыарский полководец, проведенный большинство войн с турками. Его песня воспела под именем Сибинянина Янка, присоединив к нему в качестве племянника другого мадыарского полководца—Секели (в песне Секула) и товарища—Шилаги (в песне Свилович).

Группа песен, в центре которой стоит Сибинянин Янко, называется мадыарской потому, что все герои этих песен—мадыары.

Историю цикла Бранковичей и его географическое распространение мы представляем себе так.

Новый политический и культурный центр деспотства—Смедерево—был средоточием большой политической борьбы. Боролись не только мадыарофильская и туркофильская партии, но боролись в лице их абсолютизм и боярство. Турецкий абсолютизм не уживался с сербским абсолютизмом, поэтому он и под-

держивал сербское боярство, при помощи которого не раз сламывал растущий сербский абсолютизм.

Общая тенденция песен Бранковичей—абсолютистская: и Юрий, и Вук, и Иван рисуются идеальными героями. Иван Деспотович, умирая, даже говорит о том, что будет лучший деспот над Сремом—Змай Вук. Это родовые тенденции. Песни, видимо, сложены приверженцами Бранковичей, отчасти при их дворах, а после ухода их—в тех местах, где Бранковичи жили, и где еще их вассалы мечтали о возврате деспотов.

Магьярская группа песен, как полагает Серенсен, представляющая сочетание лирического и мифологического элементов на исторической основе, позднее ослабленной, воспеваает события 1440—1490 годов. В них сильны магьярские симпатии и противотурецкие тенденции. Очевидно, и эта группа песен была сложена при дворе Бранковичей. Серенсен считает¹, что она возникла в середине XV века, варьировалась в XVI и XVII, распространилась в Хорватию и южную Далмацию, прошла через среднюю Сербию, где попала далматинским поэтам².

Мотивы песен о Ерине, о введении ею крепостного права, о борьбе с боярством вошли в эти песни несомненно из песен, возникших в оппозиционно настроенных кругах—в боярстве и в крестьянстве.

6

Цикл о Црноевичах (Черноевичах) включает в себе песни о владарах последней зетской династии—Стефане, Иване, Станише и Юрии Црноевичах. Это самый малый из циклов. Песни его сложились в XV веке в Черногории, которою с 1427 года стали владеть Црноевичи. Стефан Црноевич был первым владаром Зеты. Он вел непрерывную борьбу с турками, заключая для этого союзы с Албанией (со Скандербегом) и венецианцами.

¹ Серенсен строит свои выводы исключительно на анализе бугарштиц. Он, например, говорит: „О гайдуках не упоминается“, тогда как в песне этого цикла краткого стиха „Женитьба Джюра Смедерева“ действуют и Новак, и Груица, и другие гайдуки. Таким образом, хронология Серенсена сомнительна. Мы ее подкрепляем историко-культурным анализом Смедерева. К сожалению, всего этого мы не можем привести в нашей работе, это ее испостирило бы отступлениями. Мы даем только выводы.

² „Archiv für slavische Philologie“, Bd. XV, S. 35—36.

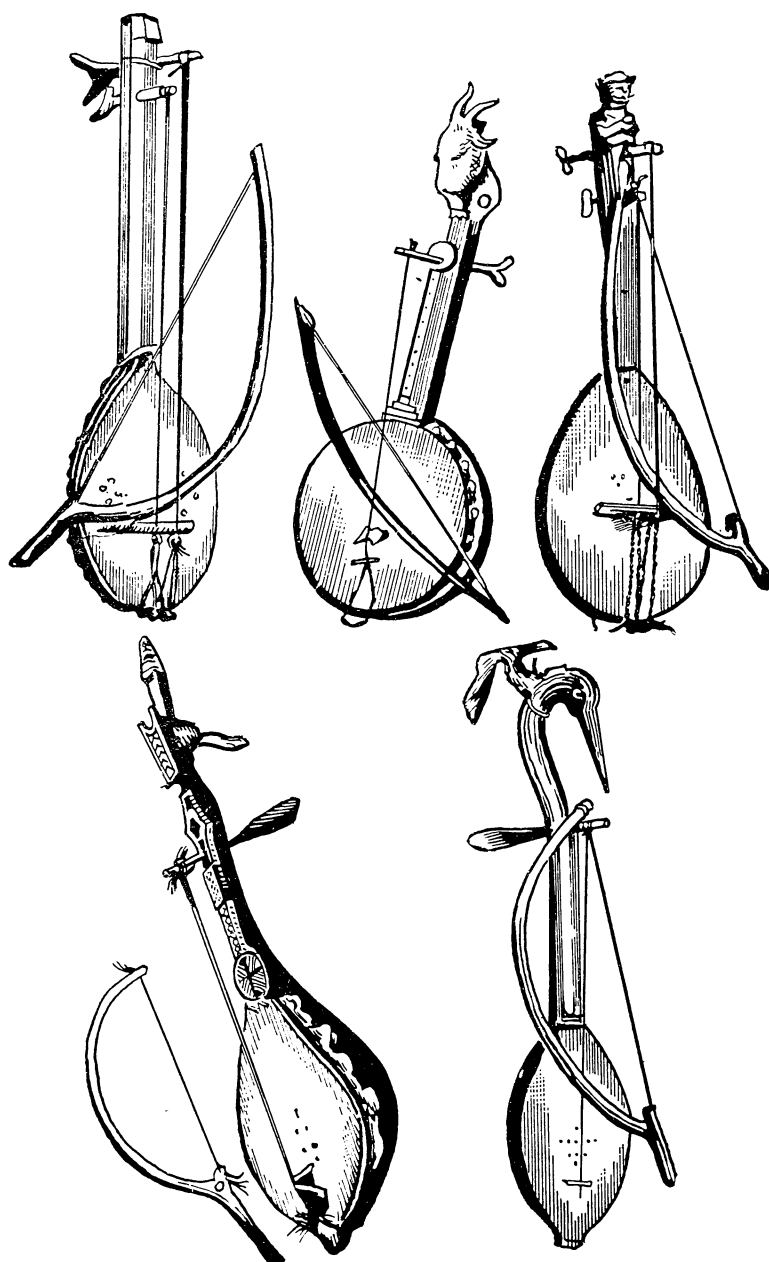
Венецианский торговый посреднический капитал старался все время прибрать к своим рукам Зету. Поэтому Черноевичу пришлось бороться и с Венецией. Боролся он и с герцогом Гердеговины Стефаном Косачем и даже с сербским деспотом Юрием Бранковичем. Время Черноевичей для Черногории (Зеты)¹ было временем потери самостоятельности. Черногория, бедная экономически, не особенно прельщала турок и венецианцев, поэтому и смогла держаться почти сто лет полусамостоятельной. Это была исключительно земледельческая страна, довольно развиты в ней были и скотоводство и рыболовство. Продукты свои она вывозила и в Венецию, покупая у нее мануфактурные товары, оружие, порох и т. д. Зависимость Черногории от Венеции была велика. Черноевичи получали от Венеции даже пенсии, деньги, помощь. В 1452 году Венеция назвала Стефана своим капитаном.

Наследники Стефана—Иван и Юрий Черноевичи—держались той же ориентации. Но Венеция пожертвовала ими ради мира с Турцией, и в 1479 году султан Магомет II занял Жабляк, резиденцию Черноевичей. Тогда Иван перенес столицу в Цетинье, который вырос в большой культурный центр (в нем была даже типография, первая на Балканском полуострове).

Сын Ивана Юрий пытался заключать союзы с Венецией, часто ездил туда. Он боролся со своим братом Станишей, который потурчился для того, чтобы при поддержке турок прогнать Юрия. Напор Турции заставил Юрия отказаться от своих прав и уехать в Венецию. Так прекратилась династия Черноевичей.

В песнях о Черноевичах историчны только общие черты: связь с Венецией, война с турками и т. п. Этот общий исторический характер лиц и событий песни передают. Песни этого цикла складывались в XV веке при дворе Черноевичей в Жабляке и Цетинье. Эти два города были культурными центрами, в возможной мере европеизованными, но скорее на старый европейский манер—этого требовал феодализм. Феодальная Черногория не усваивала западноевропейских нововведений (за исключением некоторых), да и Венеция старалась, чтобы Черногория осталась для нее рынком сбыта и поставщиком сырья. Подражая старым европейским феодалам и крупным сербским, Черноевичи завели и при своем дворе певцов, которые, естественно, прежде всего воспели меценатов.

¹ Название Черногория и пошло от этого времени.

Сербские гусли, двуструнные и однострунные.

Певец Иво Бабич поет песню.

Песни о гайдуках поют о вольной жизни гайдуков, мстивших туркам и сербам-потурченцам, обычно богатым, за тот гнет, которому подвергалось сербское крестьянство. Гайдуцких песен очень много: они отличаются от старых песен прежде всего тем, что воспевают не феодалов средневековой Сербии, не владаров и их походы, а партизанскую войну крестьянства.

Песни этого цикла—песни „среднего времени“, как называет их Караджич. Герои их употребляют уже не буздован и стрелы, а огнестрельное оружие и изредка меч. Большинство их—лица исторические.

Все песни о гайдуках можно бы было разбить на две группы: 1) песни о старине Новаке и его дружине: побратиме Радивое, сыне Груице и племяннике Татомире, о их гайдукованьи близ горы Романии и в Старой Планине, и 2) песни о Михате Томиче, Костреш-Харамбаше, старом Вуядине и других гайдуках.

Песни описывают их смелые подвиги и приключения, их веселье проделки и „шутки“, жертвой которых обычно бывают турки или потурченцы.

Образ главного героя этого цикла—старины Новака—слит из двух исторических лиц: Кесаря Новака, сподвижника Вукашина, который в песнях о Марке Кралевиче именуется Новаком-Дебеляком¹ и представляется средневековым героем с буздованом, копьём и саблей (одна из песен рисует его кузнецом), и гайдука-баба (стар)—Новака (сожжен в 1601 году), служившего у влашского воеводы Михаила Витязула². Сходные имена позволили песне слить в одно два лица. На старого героя наложилось новое черты.

Возможно, что гайдук-баба или старина Новак—еще и третье лицо, которое слилось с двумя указанными. Получился гигантский образ гайдука. Песни, перейдя в западную Сербию, придали ему типичные черты гайдука. Эта новая обработка и сообщила единый тон образу.

Сын Новака—Груица не менее популярен: этот смелый юнак пользуется неизменными симпатиями слушателей и певцов—он бесконечно забавляет своими проделками.

¹ Их отождествляют Вранчич (1553), Герлах (1573—1578) и Крижанич (XVIII в.). Прозвище Дебеляк значит—Дьяволич, т. е. храбрый и смелый, как дьявол.

² За это говорит то, что песни о Новаке есть и у румын и представляют его рядом с Михаилом.

Вообще весь этот цикл, помимо своей социальной насыщенности, и самый веселый цикл: ирония и шутка неизменно следуют за всеми героями.

8

На границах Далмации и Хорватии шла особая жизнь. Там обитали так называемые ускоки. Тех, кто спасался на окраинах владений Турции, называли краишниками, тех, кто бежал в чужие земли,—ускоками. Ускоки—это гайдуки западной Сербии и Далмации. Их жизнь схожа с жизнью гайдуков. Она складывалась из бесконечных набегов, военных походов, мести тем же, кому мстили и гайдуки.

Ускоки из Сербии „ускакали“ в Австрию или в земли Венецианской республики. Они образовали пограничные войска приютивших их государств. Позднее ускоками стали зваться вообще все пограничные жители и войска на австро-турецкой и венецианско-турецкой границах, именно потому, что первые ускоки были пограничниками, сторожами.

Ускоки также назывались граничарами, то есть пограничниками, потому что вели кровавую борьбу с турецкими серхатлиями (пограничниками).

Об этих-то ускоках и поют песни так называемого ускоцкого цикла. Герои их—ускоки XVI—XVII веков. В центре стоит Сенянин Иво (Иван Новакович Влаткович), воевода сеньских ускоков, лицо историческое. Он делал набеги на Клис (1596), на Скрадин (1605), на турецкие области в Далмации (1606), был захвачен в плен в 1612 году и казнен в Карловце как разбойник.

В ускоцких песнях Сенянин Иво действует вместе со Стояном Янковичем, которским сердаром, тоже ускоком. Но песни допускают здесь анахронизм: Иво был казнен еще до рождения Стояна. Стоян Янкович действовал вместе с другим ускоком—Ильей Смиляничем, о котором тоже поется в песнях. Оба они были на службе у Венеции, и оба погибли в борьбе с турками.

В песенном Иве Голопузом следует видеть Сенянина Ива. Рассказ о похищении турецкой девушки если и не соответствует истории, то имеет все-таки исторический характер: турки уводили в плен и брали в гаремы сербских девушек, ускоки—похищали турецких.

Один из видных ускоков—Байо Пивлянин—лицо точно так же историческое, но жил позднее, чем Иво. О нем сохранились

некоторые сведения. Байо был на службе у Венеции, поручения выполнял хорошо, и венецианский сенат благодарил его.

Место его действия—Бока которская, южная Герцеговина и Херцег-Новый, где сильно утвердились турки. Байа боялись и дубровчане. Сохранилась депеша которского провидура Антония Зона, которая освещает отношения Байа к Венеции и Дубровнику, тяжелое положение Черногории и Герцеговины и восстания против турок (например, в 1685 году). Депеша устанавливает, что в тогдaшнем ускоцестве на первом месте были „плачка и лична корист“ (военная добыча и личное обогащение).

Венеция после кандийской войны была в тяжелом положении, особенно финансовом, и не могла держать в Далмации сильного регулярного войска. Она наняла в 1684 и 1685 годах ускоцких харамбашей Байа Пивлянина и Йова Сикилича, которые палили кругом города и села, топили флот. Эта мера гарантировала безопасность и флоту Венеции.

В песнях о Байе Пивлянине обобщена его борьба с турками. Песня „Байо Пивлянин и бег-Любович“ описывает исторических лиц и, видимо, историческое столкновение. Кроме этих ускоков, песни поют и о других—о Вуке Мандушиче, Тодоре из Задра и т. д.

Из неприятелей ускоков песни упоминают о Мустай-Беге Лицком, визире Чуприличе и его сыне Ибрагим-беге-Любовиче, Куне-Хасан-аге, Муйо из Кладуши (Барата) и Алиле. Сюжеты этого цикла песен: военные похождения и романтические приключения ускоков.

9

Новые циклы юнацких песен, о борьбе при Кара-Георгии и Милоше Обреновиче, стоят особо и по содержанию и по форме. Эти позднейшие песни меньше по объему, реальнее по содержанию, в них нет того поэтического размаха, который характерен для старых песен. В них, по выражению Караджича, „больше истории, чем поэзии“.

Эти два цикла—*цикл песен освобождения Черногории* и *цикл песен освобождения Сербии*—поэтически пересказывают события XVIII—начала XIX века.

Цикл песен о независимости Черногории включает в себе песни о восстании под предводительством владыки Даниила,

об истреблении потурченцев (1807), о борьбе братьев Мартиновичей. В них запечатлены события черногорской истории XVIII—начала XIX века со всеми их тенденциями, во всем их социальном значении.

Цикл песен об освобождении Сербии рассказывает о восстании под предводительством Кара-Георгия¹. Песен этого цикла немного. Они поют о событиях на Дрине, о восстании, боях Кара-Георгия и его уходе из Сербии.

Новые песни упоминают и о России, о ее вмешательстве в балканские дела, начиная с XVIII века, кончая поддержкой Кара-Георгия и Милоша Обреновича. В песнях мы встречаем упоминания о русско-турецких войнах XVIII века, о московичах вообще и о проклятом Мазепе Иване, воеводе Малой Руси, в частности.

С ослаблением Турции белградский пашалык добился в 1794 году автономии (с турецким наместником), которую утратил, однако, в 1801 году. В 1808 году произошло восстание под предводительством Кара-Георгия, при поддержке России, стремившейся укрепиться на Балканах. Это привело к образованию автономного сербского княжества. Автономия была утрачена в 1813 году и восстановлена опять-таки с помощью России в 1815 году, в результате восстания Милоша Обреновича.

Эти-то события и были исторической канвой песен этого цикла.

10

Сербскому эпосу очень близок болгарский. У них много общего. Географическая близость, политические и экономические связи, языковое родство, общность исторической судьбы, сходство культурных условий—все это определило общность эпосов: в них много общих героев и событий.

Бессонов делил болгарский эпос параллельно циклам—периодам сербского эпоса: доковосский, косовский и цикл песен о времени турецкого ига и гайдучества, причем из особых болгарофильских симпатий, без всяких оснований считал сербский эпос просто изводом из болгарского, отголоском его, перепевом. Близко к этой точке зрения стоял Пыпин. Поздние

¹ Они сложены известным гусяром Филипом Вишничем.

исследователи отказались от этого мнения, но склонны были все-таки считать их единым эпосом. Так, в книге, вышедшей уже в 1922 году—„Slovanské Literatúry“ (Praha)—Ян Махал рассматривает сербский и болгарский эпосы вместе и ничего не говорит об их разграничении.

Все подобные мнения должны быть подвергнуты большому сомнению. Первый Серенсен¹ высказал предположение, что сербский и болгарский эпосы возникли самостоятельно, независимо один от другого, что именно общность условий вызвала сходство героев, сюжетов и мотивов. В дальнейшем они влияли один на другой, иногда были просто переделки. Так переделкой сербской песни считает Серенсен болгарскую песню о больном Дойчине, именно на том основании, что гайдучество было в Болгарии, не таким, как в Сербии, а в песне оно как раз рисуется именно как гайдучество сербского характера.

За самостоятельное возникновение этих двух эпосов говорит то, что в каждом эпосе свои герои. Общее легко объяснимо или позднейшими заимствованиями и влияниями, или тем, что одни и те же герои были известны и в Сербии и в Болгарии (как, например, Марко Кралевич и Момчило).

Болгарский эпос беднее. Его репертуар уже. Он не столь обширен по количеству песен. Наиболее богаты в нем песни о Марке Кралевиче, а из позднейших—песни о гайдуках. Любопытной чертой болгарского эпоса является то, что в нем и старые герои и юнаки сделаны гайдуками. Это говорит о больших позднейших переработках. Конечно, в болгарских юнацких песнях есть свои герои, есть местные различия.

По сюжетам и героям болгарский эпос, видимо, более нов. Он поет о гайдуках, но в нем нет, например, песен о Косовском бое. Кроме того, сербский эпос представляется более первоначальным, чем болгарский: он более выдержан по форме, и даже в новых песнях в болгарском эпосе нет одного эпического размера, как в сербском, и т. д. О большей степени разложения болгарского эпоса говорит и то, что болгарские юнацкие песни поются обычно и женщинами (т. е. пережитки феодализма слабее),—у сербов гусляры, как правило,—мужчины, и только как самое редкое исключение встречаются женщины-гуслярки, и то на них смотрят как на что-то необычайное.

¹ „Arch. f. sl. Phil.“, Bd. XVI, S. 95—100.

Вопрос о классификации сербских юнацких песен и об отношении сербского и болгарского эпосов требует решить и еще один вопрос—вопрос о песнях долгого и короткого стиха.

По стишу сербские юнацкие песни делятся на две группы: на песни короткого десятисложного стиха с цезурой после четвертого слога (см. главу IX) и песни долгого (15—16-сложного) стиха с цезурой после седьмого, восьмого и редко шестого слога, но обычно в одной и той же песне цезура постоянна. Эти последние называются бугарштицами.

Серенсен делит южнодалматинские песни долгого стиха на две группы:

1) венгерско-сербскую, в центре которой стоит Офен, будимский король, венгерская господа, венгерцы, как Янко Свилович и Секула, и сербы, как Змай-Вук Бранкович; в этих песнях турки позади, песни поют о событиях: а) второй половины XV века и б) о венгерском Косове (1448); и

2) сербскую, песни которой посвящены: а) братьям Якшичам, Новаку Дебеляку и бановичу Страхине, б) Марку Кралевичу и в) Косову (Милош, Вук и др.).

Название бугарштицы привилось в литературе. Оно идет от XVI века. Дубровницкий поэт Гекторович в послании к Пелегриновичу (1550) называл этим именем особого рода песни (образцы которых он сохранил в своих сочинениях), отличные от песен вообще. Гекторович „бугарштицы“ и „бугарити“, т. е. исполнять бугарштицы, противопоставлял „песне“ и „петь“, и, как полагает Смелъницкий¹, вкладывал в это деление тот же смысл, который вкладывал Караджич в „юнацкие“ и „женские песни“, то есть говорил об эпических и лирических песнях. Так Гекторович бугарштицей называл песню о Марке и Андрее. Он записал и мелодию бугарштицы: монотонный речитатив с рефренами, причем отметил, что бугарштицы поются одним, а песней—двоими по очереди, с припевом.

Термин „бугарштица“, „бугаркиня“ принято расшифровывать как „болгарская песня“. Это мнение, поддержанное авторитетом академика В. Ягича, стало господствующим. Серенсен даже построил гипотезу для объяснения того удивительного факта, что до сих пор бугарштицы были найдены только в далматинских сборниках XVII и XVIII веков, в живом виде, в бытовании—

¹ „Фил. зап.“, 1889, вып. I—II.

они не обнаружены. Он полагал, что сильное западносербское влияние распространилось и на Сербию и открыло двери влиянию болгарскому.

В. Ягич¹ считает, что песни долгого стиха древнее песен краткого стиха и что переход от долгого к краткому стиху вызван требованиями изменившегося способа исполнения (более простого и спокойного). По его мнению, песни долгого стиха имеют более аристократический характер, песни краткого стиха—более демократический. Это стоит в связи с переходом песен от одних певцов к другим, к певцам более низкой социальной группы. При этом переходе исторические события получили новое освещение. Переход совершился раньше на востоке и позднее на западе,—этим Ягич объясняет сохранение бугарштиц на западе и раннее их отмирание на востоке.

Большинство ученых склоняется к мнению Ягича, что долгий стих употреблялся и сербами и хорватами, но что в конце XVIII века его заменил десятисложник. В доказательство этого приводили и соображение о том, что бугарштицы вымерли раньше именно потому якобы, что они древнее.

Серенсен относит их к XV—XVI векам и считает древнее песен краткого стиха. Большими натяжками страдают далекие сравнения Серенсена, которыми он пытается доказать переход песен долгого в песни короткого стиха. Он сопоставляет песню „Смерть Ива Деспотовича“ с песней долгого стиха—о болезни Вука Бранковича—и утверждает, что первая „есть только новая форма старого варианта нашей песни, перенесенная на новое лицо“². Персонажи родственны и подобны. Это дало возможность перенести сюжет с одного лица на другое (Вук умер в 1485 году, Йово—в 1502).

Но примеры приспособлений и перенесений не доказывают того, что хочет доказать Серенсен: возможно говорить и об обратном перенесении, а более всего об общем шаблоне.

Мнение, что бугарштицы древнее, поддерживает и Vaillant. Он относит их к XVI—XVII векам и точно так же полагает, что они заменились позднее новым жанром. Бугарштицы, он считает, возникли при дворах владаров (это *ученая поэзия, со следами рационализма*) и были распространены по всей Сербии, а позднее сохранились только в Далмации.

¹ „Arch. f. sl. Phil.“, Bd. IV, S. 221—232.

² „Arch. f. sl. Phil.“, Bd. XV, S. 10—11.

Богичич полагал, что короткий стих получился из долгого при изменении в языке „ије“ > „е“, но это не обоснованно; в песнях обычно „ије“. Зима пытался объяснить это отпадением четырех слов из первой половины и двух—из второй половины шестнадцатисложного стиха. Но это наивная индукция (Зима все размеры выводил из двенадцатисложника, аргументируя переходом „ије“ > „е“). Это не подтверждается диалектологическим и географическим распространением песен.

Мы считаем вообще невозможным переход шестнадцатисложного или двенадцатисложного стиха в десятисложный.

Стих самих бугарштиц Vaillant ведет от византийского политического стиха, на том основании, что сербский эпос возник в сербско-македонских или сербско-болгарских областях, где сильно было византийское влияние. Но в греческом стихе 8+7, а в бугарштицах 7+8, кроме того, опять-таки удивляет то, что на востоке не найдены бугарштицы.

Гораздо ближе к истине стоит Халанский, когда возводит стих бугарштицы к латинскому народному стиху X—XV веков, так называемому tetrameter trochaicus acatalecticus. Более того—он возводит к средневековым романским размерам и десятисложник. „Несомненно, на почве славяно-романской взаимности произошло усвоение южнославянским эпосом романского эпического десятисложного размера с цезурой после четвертого слога“ („Южнославянские сказания о Краевиче Марке“). И объясняет и самый стих (его силлабизм) романским влиянием в связи с крестовыми походами, заходом жонглеров, влиянием chansons de geste, образованием Латинской империи и связями Дубровника с Италией.

Необходимо только отметить, что десятисложник уже зафиксирован у Франкопана (XVII в.). *Мы считаем, что десятисложник—самобытно сербский стих феодальной эпической поэзии* (см. главу IX)¹.

Что касается бугарштиц, или бугаркинь, *мы считаем их подражанием дубровницких поэтов юнацким песням десятисложного стиха*, то есть совсем не считаем их „народными“, не считаем их сербским эпосом на следующих основаниях:

1) Никогда и нигде бугарштицы не были устными песнями, не пелись; песни Гекторовича—подражания; как устный стих, повсюду распространен десятисложник;

¹ Французский эпический стих—ямбический, о сербском этого нельзя сказать.

2) в стихах Гундулича и других дубровницких поэтов есть размеры в шестнадцать слогов (8+8);

3) Охмуевич песни об „Османе“ называет бугаркинями,— а это не „народные“ песни, не устные;

4) Vaillant говорит об имитации дубровницкими поэтами бугарштиц¹, о несомненном влиянии на бугарштицы ученой поэзии („influences savantes sur la bugarstica ne sont pas douteuses“, см. „Les chants épiques des slaves du sud“, 443) и прямо об их искусственности: „plusieurs pièces du recueil de Bogišić sont artificielles“ („большинство песен сборника Богишича искусственно“);

5) бугарштицы—только исторические песни, среди них нет песен ни о Неманичах (то есть о старой истории), ни об ускоках и гайдуках (то есть о новой истории); их историчность объясняется тем, что дубровницкие поэты „выдерживали историю“ в песнях;

6) первые бугарштицы идут от конца XVI века, последние—от конца XVIII, но свидетельства о песнях краткого стиха относятся к началу XVI века, и возможно их существование предположить и раньше;

7) Халанский считает размер бугарштиц приспособленным к требованиям мелодии и языка латинским народным размером, это сделали как раз дубровницкие поэты;

8) стих бугарштиц вычурный, не силлабичен, распадается на стопы, в бугарштицах част рефрен, бугарштицы строфичны и рифмуются;

9) эпическая поэтика бугарштиц бедна и не выдержанна; Маретич считает, что бугарштицы механически многое взяли из сербских песен;

10) язык бугарштиц вычурен, галантен, это книжный язык, искусственно слащавый, пересыщенный итальянизмами и даже прямо венецианизмами, характерными для далматинского языка (Богишич); турецких элементов в нем почти нет, кроме самых распространенных (шатер, табор, кадуна, караван, кауриц, султан, яничар, базар); это говорит за то, что они были сложены в Дубровнике, далеко от Турции, на языке которого не сказалоь так сильно турецкое влияние, как на языке восточно-сербских областей;

11) чрезвычайно важно свидетельство Гекторовича, что его рыбаки, спев „бугарштице“, пропели „на стару“ (старински)

¹ „La langue de D. Zlatarić“, I, p. 116.

по одной песне, а в них мы находим десятисложные стихи, например:

Мајка му је липо име дала,
Љуба му је златан венчац дала,
Липо ти је, брајо. погледати...¹

12) Фортис в своем путешествии (цитирую по Пышину, „Вестник Европы“, 1876 г., № 12, стр. 727) пишет: „Стихи древнейших из их [морлаков] традиционных песен имеют десять слогов, без рифмы“;

13) наконец то, что бугарштицы не упоминают о гайдуках и ускоках, говорит об их аристократичности,—и в свою очередь их сохранившаяся аристократичность свидетельствует о том, что они были лишь письменной поэзией, не жившей в устных формах и поэтому не подвергшихся переработкам и деформации, в том числе демократизации, как это произошло с песнями краткого стиха.

Нам кажется, что все приведенные факты и высказывания позволяют сделать вывод, что так наз. бугарштицы—литературного происхождения. Они представляют собою обработку юнацких песен короткого стиха, для которых поэты использовали более знакомый им латинский стих. Вслед за Халанским мы считаем записи дубровницких поэтов фальсификацией, подобной книге Качича-Миошича; Гекторович и Баракович допускали переделки; о вольной передаче говорят слова Гекторовича в письме Пелегриновичу: „Пусть будет известно тебе и всем другим, что я, *насколько умел*, описал все, что пели Паскайя и Никола“. Халанский, например, полагает, что автор песни „Ссора Милоша с Вуком“—дубровчанин, что он свел воедино несколько песен (у Вука №№ 45, 46, 47 и 49 в кн. II). Может быть, это сделал сам Качич-Миошич, в сборнике которого эта песня находится,—ведь переделывал же он другие. Да и резонно заметил Халанский, что странно, например, десятисложные песни сборника Качича считать за подделку народных, а единственную шестнадцатисложную—истинно народной.

Мы полагаем, что бугарштицы и были записаны именно потому, что они были литературного происхождения, песни

¹ Мать дала ему хорошее имя,
Жена дала ему золотой венец,
Хорошо на тебя, брат, посмотреть...

краткого стиха не записывались. Во всем этом сказывается аристократическое презрение к ним. Поэтому-то их и облагораживали прежде чем преподнести изысканной публике.

Наконец и самое название „бугарштица“, „бугаркиня“ мы склонны производить от *vulgaris* (*carmina vulgaris*) (аналогично русскому „подлые песни“); Халанский, например, указывает: бугар-кабаница—не болгарская шуба, а крестьянская (мужицкая). Миклошич говорил, что болгарскими, бугарами в Сербии называли пастухов, а так как они пели и сохраняли песни, то отсюда—бугарштица или бугаркиня, то есть пастушеская песня.

Все это решает вопрос об отношении бугарштиц и песен краткого стиха. Это отмечает и гипотезу Миклошича о том, что долгий стих—западный (хорватский эпос), а краткий—восточный (сербский эпос), в доказательство которой он ссылается на одновременность записи бугарштиц и песен краткого стиха у Петра Зринского, Франкопана и Гекторовича и на язык песен. Миклошич полагал, что позднее хорватский эпос, при продвижении сербского эпоса на запад, сербизировался¹.

Движение сербского эпоса на запад—явление исторически несомненное: перенесение культурных центров Сербии на запад, переселения с востока на запад—все это обусловило и перенесение песен. Но двух эпосов не существовало: было много эпосов—местные циклы, и единственным размером всех их был десятисложник.

IV. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ СЕРБСКОГО ЭПОСА

Время, место и среда (история, географическое распространение и среда).—Поэзия военной аристократии.—Кем и для кого сложены юпацкие песни.—Дружинные певцы.—Военная история.—Культ героев.—Дружина.—Родовая история.—Вопрос о циклизации.—Устойчивость феодальной мирозерцания, нормы права и морали и поэтика эпоса

Исторические памятники слишком мало сохранили свидетельств об условиях, в которых возникал и жил сербский эпос. Для того, чтобы установить время, место и среду его возникновения, приходится прибегать к целому ряду приемов исторической критики.

¹ „Beiträge zur Kenntniss der slav. Volkspoesie“, S. 2.

Как, например, определить время образования основного ядра эпоса и время сложения отдельных песен? Для этого приходится употреблять так называемый прием историко-культурной реконструкции.

Изучение сербского (и не только сербского) эпоса привело нас к убеждению, что песни, описывающие определенные исторические события и определенную культуру, почти современны (а иногда и совершенно современны) этим событиям и этой культуре. Они, конечно, созданы не во время, а после этих событий, но вскоре после них. Хотя бытовая черта или деталь, сохранившаяся в песне, может относиться к различным эпохам, к различным местностям, приемы исторической критики позволяют более или менее ее локализовать и хронологически ограничить, а это дает возможность и песню прикрепить к более или менее определенному месту и времени.

Поверья о вилах и змеях не могут быть позднего происхождения, хотя пережитки этих поверий сохраняются и сейчас,—эти поверья сложились тогда, когда вера в вил и змеев не была еще пережитком и позволяла представлениям о них уложиться в некие рамки—в поверья. Почти современны этим поверьям песни, в которых действуют вилы и змеи, они хранят в себе больше черт древнего анимистического, антропоморфического или магического мирозерцания и черты древнего быта. Этого рода песни возникли в родовом обществе, перерастающем в феодальное. Семейный быт этих песен, родственные отношения—дядя имеет право на племянника, побратимство, форма брака и т. д.—все это черты родового семейного быта. И семейный характер этих песен, их семейно-родовые тенденции („Предраг и Ненад“, „Муйо и Алиа“, „Невеста Лазаря Радановича“), не затемненные, несмотря на позднейшие наслоения, свидетельствуют об этом же.

Время сложения песен различных циклов сербского эпоса занимает большой период в несколько веков. В древнейших песнях герои сражаются на мечах, копьях, употребляют стрелы, в новых песнях фигурирует огнестрельное оружие; герои песен—исторические лица разных периодов; древнейшие песни повествуют только о сербах, песни более поздние—о сербах и турках, новые—о гайдуках и ускоках XV—XVII веков и даже о событиях XVIII и XIX веков.

Таким образом, нельзя говорить о том, что сербский эпос возник в один определенный период: различные его части возникли в различные эпохи, и поэтому мы считаем исторически

обоснованным деление песен на три периода (которые дал Караджич): 1) старшие юнацкие песни, 2) песни средних времен, 3) песни новых времен. Первые включают в себя циклы, кончая циклом о Бранковичах, Якшичах и Черноевичах (включительно), вторые—песни об ускоках и гайдуках и третьи—песни новых циклов. Но сложение основного ядра эпоса мы относим к сербскому средневековью, ко времени перед приходом турок и первому веку их владения Балканским полуостровом, то есть к XIV—XVI векам.

Эпос, как мы покажем ниже, сложился не в одной области, об этом говорят его географическая широта и его географическое распространение; местами сложения песен были места близкие событиям, почему так подробны и точны географические указания песен, некоторые из песен носят даже ярко выраженный локальный характер (правда, главным образом новые песни). Эпос—не хорватский и не сербский, он и сербский и хорватский, поскольку вырастал в различных культурных центрах.

Ядро сербского эпоса (старые песни) носит на себе и определенный отпечаток среды, в которой они возникли,—именно отпечаток идеологии и быта высших слоев феодального общества.

Сербский эпос—поэзия военной аристократии. Он был создан теми социально-историческими условиями, которые требовали героической поэзии. Он был сложен в княжеско-властельском кругу, идеи его—идеи национальной, а чаще местной независимости. Все его содержание и его форма объяснимы только при рассмотрении его как поэзии верхушки феодального общества.

„Вероятное процветание устного эпического творчества у южных славян в XIV—XV веках должно быть поставлено,—пишет Халанский,—в связь с развитием у них феодального строя и установлением постоянных и прочных сношений с рыцарскими государствами Западной Европы“¹.

„Он (эпос)—продукт удельного или феодального уклада средневековой жизни славянских племен. В ее сложных явлениях заключался его источник, сила и жизненность“².

Это правильное понимание жизненных источников сербского эпоса не было развито Халанским, видимо, из-за неразработанности вопроса. Мы решаемся прикрепить сербский эпос к определенной общественно-экономической формации, к опреде-

¹ „Южнославянские сказания о Кралевиче Марке“, I, 167.

² Там же, 168.

ленному социальному слою. Эпос отразил в себе общественные формы и культуру феодальной Сербии.

Дань платят хлебом („по печи хлеба“) и овцами. Именно сельское хозяйство—земледелие и скотоводство—лежали в основе экономики феодальной Сербии (что, впрочем, не исключало развития местных ремесл и даже обмена). Феодальная эксплуатация представляла собою присвоение крупным земельным собственником труда непосредственных производителей. А так как эти последние сами владели средствами производства и условиями труда, то эксплуатация сводилась ко внеэкономическому принуждению,—отсюда личная зависимость, а потом и крепость земле (см. песни об Ерине, жене Юрия Смедеревца), отработочная и денежная рента и существование двух классов: господы и леннозависимых крестьян.

Могущество феодала определялось числом его подданных и величиной поземельного имущества (Энгельс—Маркс). Вассальная зависимость более мелких властелей от более крупных закрепила в системе феодального права (Душанов Законник) и нашла свое отражение в песнях в идеале верного слуги. Верность господину в песне считается высшей доблестью, эпитет „верный“ при слове „слуга“ получает с этой точки зрения особый социальный смысл. Не напрасно так возвеличен Милош, верный слуга Лазаря.

Как я Лазарю при жизни
был всегда слугою верным,
И в земле — в могиле темной
пусть слугой ему останусь¹.

Это наиболее яркое место так называемой „Vassalepen“. В таких отношениях стоят князь и слуга. Юнаки, когда клянутся Страхине, землю называют „царевина“, то есть царская, отсюда и земля, полученная от царя за службу.

В иных отношениях находятся между собою князья и воеводы, „равные“. Между ними нередко возникают острые конфликты. Душан говорит:

Обуздал я воевод строптивых,
Подчинил своей их власти царской.

Еще более острое столкновение произошло между Юрием Смедеревцем и его воеводами Беличем и Златокосичем, которых

¹ Взято из бугарштицы, но есть и в песнях краткого стиха.

Ерина заперла в темницу. Облак Радосав, один из сильнейших феодалов, освобождает их и говорит им, „чтоб Ерине больше не служили“.

Попрекая в измене, краљ говорит воеводам:

Хлеб и соль мою забыли скоро.

Но властели нередко уходили от краля, когда он не хотел считаться с их интересами.

Идеал жизни, как он рисуется в сербском эпосе, может быть выражен тремя словами: сила, богатство и благородство, но центральное, конечно,—богатство, потому что и сила и благородство—это только условия для того, чтобы добиться богатства, иметь возможность грабить и эксплуатировать. Это стремление обогащаться, иногда просто денежно обогащаться, стоит в связи с ростом роли денежного хозяйства в феодальном обществе, когда и дань и рента из натуральной, отработочной становились денежными.

Оправданием эксплуатации служило прежде всего „благородство“, с которым связывалось право владеть землями и людьми, быть военачальником, но стоять в стороне от производства и даже не организовать его.

„Благородство“ поэтому прежде всего подчеркивается в эпосе. Царь Стефан хочет женить Лазаря непременно на девице господского рода, а не на свинопаске. Марко хвалится, что женат

На Елице, рода не простого.

Дожд ищет Черноевичу невесту господского рода. Или:

Юг-Богдан господского ведь роду,

Не отдаст он за слугу Милицы.

Это говорит князь Лазарь, который в последующих редакциях песни был одемократизован. Симеон Найденыш (в песне „Симеон Найденыш“; см. у Караджича) говорит:

Знать желаю, низкого ль я рода,

Или рода знатного какого?

Само собою разумеется, что герой оказывается знатного рода. Бег-Костадин встречает по платью:

Ешьте, пейте, княжеские дети.

Или часто:

За господскую вечерю сели.

Князь Лазарь пьет за знатность рода:

Если пить за знатность рода, надо
Выпить чашу мне за зятя Вука.

Знатность рода ценится высоко. Поэтому так часто песня говорит о местничестве, которое связано как раз со знатностью и древностью рода. У кого предок был выше „по столу“, тот занимал более высокое место. Местничество охраняло замкнутость круга высшей аристократии, служило для того, чтобы не допустить в свою среду новых и чуждых. Так по чину садятся за стол Стефан, Богдан, его сыновья и т. д. Так же и в „Бановиче Страхине“ первым садится Юг-Богдан, потом Страхиня, потом Юговичи,

А внизу сидела вся господа,—

так же в песне „Вук клеветет на Милоша“—Милош сидит в конце стола, потому что он простого роду.

Нередко проявляется и боярская спесь, особенно дававшая себя чувствовать в вопросе о „чести“. Понятие чести носило своеобразный феодальный отпечаток и было связано с понятием благородства.

Бытовая картина юнацких песен представляет собою все тот же быт высших слоев феодального общества. Семейные и общественные отношения, идеал доброго боевого коня и прекрасного оружия,—все это идеалы воина. Соколиная охота, мейданы—все это тот же быт, то же „благородное“ занятие.

Или: песня, описывая костюм юнака, упоминает о том, что на шапке у него челенка. Ягич пытался объяснить слово челенка, возводя ее к „челъка“ и ссылаясь на русскую летопись, которая под 1172 годом записывает: „Бысть съча зла и потяна и стяговника нашего и челъку стяговую сторгоша съ стяга“. В общем правильная аналогия Ягича не доведена до конца, не объясняет всего. Ближе к существу дела подошел Ст. Новакович. Он говорит, что челенка представляла собою или серебряное перо, или звезду, или буйволодые рога, а у Бранковичей (по монетам их чеканки)—двуглавого орла. Челенка надева-

Певец Ризван Кадрович.

Матия — слепица.

лась на шлем и на знамя. Упомянутое иногда в песнях „крыло окованое“ представляет собою герб. Новакович считает, что челенка приобрела свое значение под упорядочивающим и оформляющим феодальную ритуальность и символику западноевропейским влиянием. Щиты, гербы, шлемы с гербами сербы могли видеть у Людовика VII и его рыцарей в 1147 году и у Фридриха Барбароссы в 1189 году. Новакович указывает, что челенка нередко звалась „грб“ и была знаком военного положения ее носителя; она также была и знаком отличия и давалась за храбрость и заслуги. Таким образом, на нее нельзя смотреть только как на украшение.

Эпос как поэзия паразитического сословия, не принимавшего даже участия в хозяйствовании, прошел мимо борьбы классов феодального общества, нередко выливавшейся в крестьянские движения и восстания. В эпосе борьба классов замаскирована, на сцене только один класс (мы говорим о старых диках)—властела, низшие слои не показаны.

Но мы допустили бы ошибку, если бы приняли, что сербский эпос предназначался только для господы. Он, конечно, выражал идеалы этой последней, но он *старался привить эти идеалы и другим сословиям*. Эпос создавался по „заказу“ аристократии, но не только для нее, а и для „народа“. В культурном отношении эксплуатирующее и эксплуатируемое сословия стояли недалеко одно от другого: разница была главным образом в экономическом и правовом отношении, но и низшему сословию было свойственно стремление улучшить свое материальное положение. При отсутствии для этого средств выход находился в утопизме. Такой утопией для „народа“ легко стал эпос. Вот почему сравнительно легко было военной аристократии передать крестьянству свои идеалы и свою поэзию.

Носителями этой поэзии, ее создателями и хранителями были придворные или дружинные певцы. Они состояли на службе у князя или воеводы, и поэтому их мирозерцание и их поэзия вполне отвечали запросам феодала.

Музыка и пение входили в быт как органическая часть,— например, музыка и пение на пиру. Песня ценилась высоко, потому что она была средством пропаганды военно-аристократических идеалов. Пение и музыка при всей своей художественной силе и выразительности отличались простотой и даже некоторым примитивизмом. Однообразная, повторяющаяся мелодия, речитатив, простой унисонный аккомпанемент на гуслях, употребляемый обычно в конце стиха, чтобы дать голосу возмож-

ность отдохнуть, да насыщенный текст песен—вот все выразительные средства певца. Песни разной длины—от 100 до 1000 стихов—заставляли певца вести песню в спокойном тоне,—чтобы хватило сил рассказать о всех событиях.

Конкурентами певцу при дворе могли бы быть свирельники, флейтисты и трубачи, которых нередко выписывали из Италии, Франции и Германии, но идеологическая значимость эпической поэзии ставила певца вне конкуренции. Да часто дружинный певец и не стоял на одной ноге со свирельником и т. п., потому что сам был знатного рода. Придворные гуслиеры были теми же трубадурами. Их покровители представляли своего рода меценатов.

Исторических свидетельств о сербском эпосе и певцах не много, не много и старых записей песен,—поэтому трудно восстановить картину бытования эпоса. Можно только утверждать, что и словесный текст песен и музыка необычайно стары, старее, чем это обычно принято думать¹.

Уже греческие источники VI века упоминают о славянских певцах, аккомпанирующих себе на музыкальном инструменте вроде лиры. Так Симократ (от 592 года) говорит, что славяне поют с *citharas*, в чем исследователи видят гусли. Затем в летописи попа Дуклянского (XII век) есть следы исторического эпоса.

Но первые упоминания о сербском эпосе и вообще о сербской „народной“ поэзии сохранились от начала XIII века. В доментриановом житии св. Савы говорится об игре на гуслих на пиру и о песнях, прославляющих героев, в которых естественно видеть юнацкие песни. Житие, писанное Доментианом, учеником Савы, иеромонахом Хиландарского монастыря, датируется 1264 годом. Автор его, обладавший большим литературным талантом (его житиям долгое время подражали сербские агиографы), рисует яркие картины быта сербской аристократии, придворного быта Неманичей и в одном из описаний пира упоминает о песнях во славу героев.

Нет сомнений, что упоминание это сделано им только потому, что потребовалось дать подробные описания быта.

Упоминание о сербском эпосе и записи отрывков, сделанные монахами, относятся к очень позднему времени. Песни редко попадают в книгу. Христианское духовенство изгоняло

¹ Фр. Ш. Кухач считает большинство папеев прастарыми (см. приложение).

языческие песни, обряды и обычаи, совершенно так же, как это делала русская церковь, изгонявшая „бесовские игрища“ и „гудки“. Кроме того, хотя слог и стиль эпоса представляли собою нечто аналогичное житийному слогу и стилю, основная тенденция эпоса, еще не христианизированного в то время, расходилась с задачами житийной и церковной литературы. Отдельные упоминания о гудках есть в кормчей 1262 года, о гудении— в Апостоле сербского монастыря Шишатовца (1324).

Беглые упоминания о песнях и танцах у сербов, о коло (хороводах) на могиле и свадьбе оставили византийский историк Никифор Грегора, путешествовавший по Македонии и Сербии в 1325—1326 годах, и Юрий Шишгорич, представитель Шибеникского епископа. Первый говорит о печальной мелодии песен во славу героев (*κλέα ἀνδρῶν*), а второй в сочинении „De situ Illiriae et civitate Sibenici“ дает картину нравов. Таким образом, Грегора свидетельствует о существовании более ранних (и, видимо, исторических) циклов, чем известные нам.

Но собственно первое упоминание о юнацких песнях принадлежит Курипешичу, венскому послу в Константинополе, который в книге „Itinerarium Wegrais etc.“ (1531), говоря о песнях, воспевающих „рыцарские деяния“ героев, называет даже имена этих последних: Милош Обилич, Радосав Павлович и Малкошич.

Мадьярский хорват Антон Бранчич, описывая свое путешествие в Адрианополь в 1535 году, рассказывает, что жители „Клисурь строителями ее называют Марка Краевича и Новака Дебеляка“. Богомолец-путешественник Вячеслав Братислав (в 1592—1595 годах) упоминает имя Marek Karlović“. А Герлах, путешествовавший по Турции в 1573 году, записал, что турки считают Милоша Кобали тем героем, который убил султана Мурата, пробравшись в палатку. Эти показания Герлаха („Tagebuch“. Frankfurt 1574) необычайно важны для географии сербских сказаний. Австрийский дипломат Бусбек (Busbecq), бывший посланником в 1556—1563 годах в Константинополе, в своей книге „Legationis turcicae epistole. IV“ (Париж 1589), знакомя Европу с Турцией (целью его было—рассеять нелепые представления об ужасах этой страны), говорит и о юнацких песнях.

Одна старая мадьярская баллада упоминает о старце Милане из Крагуевца, который пел и играл на гуслях и тамбуре. Хроника Себастиана Тинодии (1554) рассказывает о некоем Дмитрии Карамане как об известном гусляре.

В XVI веке один венецианец видел в Спалато (Сплете) старика-солдата, пел он о Марке, и ему хором вторили товарищи.

Упоминания о сербских певцах, заходивших в Польшу, есть в польских источниках. Сербские певцы были при дворе Владислава в 1415 году. Польский поэт Мясковский (1624) говорит, что сербские гуслиры поют во дворах шляхты. Небезызвестный Юрий Крижанич, ученый хорват, один из первых проповедников идеи панславизма, рассказывает: „У кроатов и сербов еще во время нашего детства держалось желание подражать римскому обычаю. Ибо я видел, что позади знатных и военных людей, сидящих за пиром, стояли воины и пели восхваления славным предкам. Все эти песни прославляют Марка Кралевича, Новака Дебеляка, Милоша Кобилича и других героев“¹. В своей славянской грамматике он говорит о том, что слышал в детстве песни о юнаках, и приводит два стиха из такой песни. Свидетельства его относятся к середине XVII века.

Наконец Pileg и Mittespacher в научном сочинении о пожегском комитате, которое вышло в 1783 году в Офене („Iter per poseganam sclavoniae provinciā“), рассказывают о жителях комитата и говорят, что „они любят воспевать героические дела старых королей и вождей и при этом соблюдают законы поэтического искусства и ритма“.

Наконец Юрий Бранкович (1645—1711) в своей „Славяно-сербской хронике“ сообщает о пении юнацких песен над трупами во время праздника победы над турками князя Павла и воеводы Батория (1485).

Уже эти отрывочные и большей частью случайные свидетельства о бытовании сербского эпоса говорят о том, что по своей сути он был *военной историей военной аристократии*. Воспевание героев, подвигов и войн—вот единственный его предмет. В этом он находит себе полную параллель в летописях феодальной эпохи, которые тоже отмечают только войны, походы, смерть кралей и деспотов. Придворные певцы были придворными историками. „Юнацкая песня... была единственной народной историей“².

¹ „Apud Croatos et Serbos adhuc nobis pueris vigit aliqua istius romanae conquestudinis imitatio. Vidi enim convivio assidentes nobiles ac militares viros et post terga ipsorum stantes milites qui canebant praedictas majorum laudes Marci Cralevitii, Novaci Debeliaci, Milossi Cobilitii et aliorum quorundam heroum“.

² Пыпин, А. Н. „Первые слухи о сербской народной поэзии“. „Вестник Европы“, 1876 г., № 12, стр. 703.

Столкновение сербского и турецкого феодализма, турецкая колонизация Балканского полуострова, вековая борьба Сербии и Турции давали условия для культивирования героического эпоса. Эпос воспевал героическую старину, славные дела предков, и все это с проекцией на современность. Историческая аналогия прошлого и настоящего поддерживала жизнь эпоса. Прошлое вдохновляло. Прошлое было идеалом. Надежды заменяли будущее. Это—идеалы реакционной военной аристократии, ибо в прошлом не было выхода. Те общественные формы и быт, идеалы и культура, которые отошли в прошлое, были статичны и консервативны, к ним нельзя было вернуться потому, что в современном уже были ростки будущего, которое должно было уничтожить настоящее.

Социальный смысл героики можно выразить одним словом—патриотизм, который в феодальном обществе включал в себя верность сюзерену, то есть был *местным* патриотизмом. Таков патриотизм слуги Лазаря Голубана, с этой же точки зрения расценивается как измена поступок Вука Бранковича.

Основой эксплуатации в феодальном обществе было внеэкономическое принуждение, то есть прямое насилие и грабеж. Феодальное общество было военной организацией для дележа доходов с крестьян и войн. Но прозаическая действительность должна быть оправдана, и поэтому эпос идеализирует войны, набеги и походы. С этой стороны необычайно показательна песня „Марко пашет“. Она насквозь феодальна. Мать просит Марка бросить ссоры и походы, а взять плуг и волов. Марко послушал мать. Марко пашет дорогу. Едут турки. Марко затеял ссору. Марко отнял у турок деньги, бросил пашню как занятие, результатов которого слишком долго ждать. Марко привозит матери деньги и с похвалой отдает их:

Вот тебе что выпал сегодня.

В этой песне слишком прозрачно презрение феодала к крестьянскому занятию. Война—профессия феодала. Это нашло свое отражение в отзыве Милоша о турецком войске:

Не искусно войско турок в битве,
Старики там да мастеровые,
Городские торгаши: ни разу
Это войско битвы не видало;
И затем взялись лишь за оружие,
Чтобы только хлебом пропитаться.

Это отзыв аристократа-военного. Он с презрением относится только к войску из мастеровых и торгашей. Но у турок есть и „войско лучшее“,—к нему он относится с тем уважением, с каким относится юнак к своему противнику-юнаку.

Герои сербского эпоса—военные люди и дружина. Среди них на первом месте стоят юнаки, образы которых соответствуют феодальному идеалу героя. Это типизировавшиеся образы юнаков, схематичные, несложные по своим душевным переживаниям и поступкам, но в которых видны и благородство и величие, конечно, в феодальном их понимании. Феодальный эпос вырастал из своеобразного культа героев. Песня говорит:

. . . . долго будут
В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле.

Культ героев основывался на местном патриотизме (о нем мы специально будем говорить в следующей главе).

Культ героя объясняет идеализацию и поэтизацию образа юнака. Юнаку помимо храбрости и смелости, ума или, скорее, хитрости, присущи и великодушие и честность. Могущество самого образа героя, обрастая симпатиями певцов и слушателей, вызывает к деятельности народную фантазию: герои наделяются необычайной силой и прочими качествами. Образ героя развивается „богатырскими мотивами“:

И не знал кормленья грудью мальчик,
Сам его отец игумен кормит,
Все питает сахаром да медом.
К году был Семен такой уж ростом,
Как другие дети в три лишь года,
А в три года, как другие в девять,
В девять лет таким был резвый Симо,
Как иной не будет и в двенадцать,
А в двенадцать, как другие в двадцать.

При такой гиперболизации за образом героя пропадают массы. Действующим лицом является один герой. Массы только исчисляются цифрами, большими общими цифрами: 30, 100, 200, 1000. Изредка выступают аксессуарные лица: слуги, вестники, священники, кузнецы и т. п. Но *в центре стоит идеализированная фигура юнака*. Вокруг него тоже все идеализировано:

и вещи, и лица, и его друзья, и его конь, и его оружие, и убор коня. Все симпатии певца на стороне юнака. Певец обязан был изображать его именно в таком свете.

Образ богатыря в русском эпосе или юнака в сербском, или такой образ, как образ Роланда во французском эпосе, мог сложиться только в феодальном обществе, в дружинно-рыцарской поэзии, которая воспевала героя, забывая о массе. Именно для этой поэзии характерно *преувеличение исторической роли личности*, почему все, что совершалось массой, приписывалось одному герою, в крайнем случае группе избранных—героям.

Но позади юнака всегда стоит дружина. Воспеваемые воеводы и глухо упоминаемая дружина представляют в эпосе одно целое, как и в действительности они представляли единый военный союз. Воевода был лишь представителем дружины. *Сила дружинного союза и выражалась в образе непобедимого юнака.*

Правда, дружина иногда просто выступает как „войско“,— так сын Вучи Велимир берет с собою „три сотни войска“, но это позднейшие наслоения и переработка. Гораздо характернее следующее место из песни „Бан Милутин и Дука Герцеговац“:

Милутин-бан, мой слуга ты верный,
Собирайся на дворе ты белом,
Приведи ко мне делиев тридцать,
Из твою из ровна Дергачева,
Иди с ними ты к Призренцу-граду,
Воевать хочу я, Милутин-бан.
Разобьем болгарина мы краля,
Подарю тебе, слуга мой верный,
Я в державу землю Босну славну.

То есть сеньор зовет своего вассала на войну и обещает за это Боснию.

В песне „Милош у латинян“ князь Лазарь посылает Милоша собирать „сока и хараче“ (дани-подати).

Эпос представляет собою не только военную историю, но и *родовую историю*. Певцы воспевают предков властеля или краля, прославляя тем самым покровителя. От певца требовалось, чтобы он пересказал в песне семейные и родовые предания, расцветил и разукрасил их и представил бы историю „славного“ рода. Таким образом, певец был своего рода при-

дворным историком. Он обязан был прославлять род. Поэтому-то так чисты и так поэтически разукрашены в песне генеалогические мотивы и легенды о славном или чудесном происхождении и рождении героя. Эпос, как и летописи, принужден был давать не только панегирические описания деяний кралей, но и родословные их. „Родословъ св. ктиторъ и господь сръбскихъ земель“ возводит род Неманичей к Константину Великому, а эпос, еще менее стесненный историческими рамками и правдоподобностью, пересказывает (или, вернее, даже создает) легенды о рождении Милоша Обилича, Змейогненного Вука, Секулы, Страхины, Лютицы Богдана и Марка Кралевича от змея (см. главу VI).

То, что эпос по существу является родовой историей, освещает до некоторой степени и вопрос о циклизации: *песни группируются не столько вокруг события, сколько вокруг рода и местных центров*, „вотчин“, вокруг предка-героя, легендарного или исторического.

Многое в истории сербского эпоса станет понятным только в том случае, если мы будем рассматривать эпические циклы как поэзию местного центра, нередко используемую для борьбы с другими феодалами: именно таким образом используются легенды об „изменниках“.

Итак: и исторические лица, и события, наиболее устойчивые в сербском эпосе, его идеология, его военно-аристократический характер, общественные отношения, государственные формы и культура, запечатлевшиеся в эпосе, и наконец исторические свидетельства о нем говорят о том, что основное ядро его, наложившее отпечаток на весь эпос, создавшее стиль, возникло в XIV—XVI веках в среде военной аристократии. Создателями и носителями его были дружинные певцы. *Но и ранее XIV века существовал исторический эпос, который не дошел до нас ни в устном бытовании, ни в записях.*

Феодальное общество, а тем более сербское (в силу известных исторических причин) тяготело к прошлому. Это объясняет историзм (и псевдоисторизм) эпоса (см. главу VII). Но это объясняет и устойчивость его поэтики (см. главу IX).

Для человека сербского средневековья характерна была своеобразная цельность мировоззрения, устойчивый, законченный круг феодальных представлений: все закончено, все ясно, ясны моральные и правовые нормы, что можно и чего нельзя,— нельзя—что нарушает нормы. Это объясняется главным образом тем, что мораль и право основывались на традиции,

право было обычным правом, и Законник Стефана Душана только закреплял его. Можно говорить о некоторой устойчивости форм сербского феодализма: он достиг расцвета и почти застыл, развиваясь медленно, потому что внешние столкновения задержали эволюцию общественных форм. Так характерно, что в сербском эпосе нет представления об эволюции: возникали, росли и погибали государства, но общественные формы были сравнительно устойчивы. *Выражением устойчивого „реваншистского“ мирозерцания, устойчивых форм быта и общественных отношений и явился сербский эпос.* При удавшемся реванше, то есть победе над турками, пришлось бы оправдывать свои права. Это обязывало хранить исторические предания и обрабатывать их в соответствующем духе.

Этот общий консерватизм сербского феодализма сказался и на устойчивости своеобразной ритуальности поэтики сербского эпоса, в котором были конденсированы идеалы военной аристократии.

У. РАЗВИТИЕ СЕРБСКОГО ЭПОСА

Разложение сербского феодализма в борьбе с турецким абсолютизмом.— Разложение сербского эпоса и переход его в другие социальные слои.— Местные сказания.— Роль монастырей в обработке эпических сказаний.— Почему Марко Краевич стал первым героем сербского эпоса.— Нехристианизированные песни.— Откуда пришел демократический элемент песен?— Певцы-гуслары.— Следы профессиональных певцов в юнацких песнях.— Гайдуки-певцы.— Песни у гайдуков и ускоков.— Исторические условия, способствовавшие развитию и сохранению юнацких песен.— Отмирание эпоса.— Сербский эпос в XIX и XX вв.

1

Разложение сербского феодализма определялось не столько законами внутреннего развития феодального общества, сколько внешними причинами: столкновением с турецким абсолютизмом и влиянием итальянских республик, в которых был сильно развит торговый капитализм. Главным фактором было столкновение с Турцией, в результате которого Сербия разорилась и обнищала, военное сословие лишилось экономической почвы и потеряло возможность присваивать прибавочный труд крестьян; крепости и культурные центры Сербии были разрушены и запустели, а смерть многих деспотов положила конец нескольким династиям (Черноевичей, Бранковичей).

Но разложение сербского феодализма было обусловлено и ростом (правда, чрезвычайно медленным) ремесленничества, влиянием посреднического капитала Венецианской и Дубровницкой республик, наступившей полосой международных столкновений и крестьянских движений (гайдучество), обострением этнического антагонизма на многонациональном Балканском полуострове, наконец и тем, что турецкое владычество принесло с собою более высокую феодальную форму—абсолютизм. В последнем отношении чрезвычайно показательно удивление сербов по поводу того, что турецкие войска живут „на всем царском“, от царя получают землю, едят его хлеб („Банович Страхиня“). Более крепкая по своей организации турецкая армия сломила сербское дружинничество.

Все эти обстоятельства вызвали падение сербского военного служилого сословия, а поэтому и падение феодальной культуры.

Эмиграция, смерть, чума к голод—спутники войн—распылили и материальные и духовные ценности. Военная аристократия, которая создала эпос, теперь уже не могла быть его единственным потребителем. Эпос стал спускаться в крестьянство. „С падением устоев средневековой жизни в славянских государствах Европы пало, естественно, и значение певцов, которые были принуждены искать себе слушателей и ценителей, учеников и подражателей в среде крестьянской. Так постепенно дружинная поэзия стала крестьянской“¹.

Сербская военная аристократия, деспоты, воеводы и господа вообще пытались сопротивляться. Неоднократные стычки с турками, иногда успешные, не решали дела. Оставалась надежда на реставрацию, которая создала бы условия для процветания или продолжения традиции эпоса в западных и северных деспотствах. Крестьянство, разоренное войнами, естественно, видело причину всех бед и жестокой эксплуатации лишь в „турецком иге“, и не дооценивало эксплуатации в национальных рамках. Военная аристократия раздувала национальную и религиозную борьбу и добилась того, что и сербское крестьянство единственный выход стало видеть в реставрации феодальных отношений в полном объеме. Таким образом, и для крестьянства эпос стал своеобразной утопией. Так родились и развились те песни о Косовской битве, которые падение Сербии объясняют падением старших юнаков, то есть сильных и могущественных деспотов.

¹ Халапский. „Южнославянские сказания о Краевиче Марке“, I, 168.

Началась переработка эпических песен, приспособление их к новым условиям, использование их для новых целей. Если ранее направленность их была групповой (борьба феодалов, властелей), то в поздних переработках и новых песнях направленность стала более национальной и религиозной, так как именно эти идеи скрывали истинный смысл борьбы сербской военной аристократии с турецким абсолютизмом. И в еще более новых песнях, возникших в крестьянской среде (песни о гайдуках), направленность их стала социальной—против эксплуататорских групп: воевод, потурченцев и т. п.

Переход эпических песен в более низкие социальные слои Веселовский считает процессом общим для всех эпосов. „Песни эти спустились теперь в народ“¹. Этому способствовала близость исторических условий. „В таких условиях мыслимо и новое песенное сложение в формах старого“².

Это произошло и в сербском эпосе. Возникли новые циклы и заслонили докосовский цикл о Неманичах и другие циклы. Эпос стал отвечать новым социальным запросам, стал жить в новой социальной среде, главным образом в крестьянской, которая сохранила его, сообщила ему свои тенденции, ввела своих героев.

Но эпос не представлял собою единства, потому что состоял из местных песен и местных сказаний, связанных с различными центрами, в которых вокруг властельских родов создавались эпические циклы—по существу местные циклы с местными героями. Так, большинство песен возникло или близ Косова поля, или в областях, куда переселялись с Косова, центра старого сербского государства, центра средневековой сербской культуры. Этот локальный характер эпических циклов сказывается в именах героев и географических названиях. Любопытно, что географические названия в юнацких песнях еще более устойчивы, чем имена. Это несомненно объясняется тем, что песни были прикреплены к определенному месту. Имена могли соединяться, обрастать, историческое тонуло в легендарном, местное запечатлевалось крепче.

О существовании местных героев говорят и песни (например, „Маргита девојка“, см. у Караджича). Они указывают, что в Солуне был Дойчин, в Куманове—бег-Костадин, на Старой Планине—Момчило, в Пазаре—Реля, в Вучитрине—Воин, на Загорье—Лютица-Богдан, на Тимоке—Златокосич и т. д.

¹ Собрание сочинений, I, 323.

² Там же, 323—324.

При распространении песни подвергались переделкам, теряли свой локальный характер, герои переставали быть местными героями.

Редко локализация песен была вторичной: ставшая бродячей песня прикреплялась к месту и соответственно с этим трансформировалась. Это стоит в связи с огромной ролью монастырей и церкви в обработке эпических сказаний.

Церковь в Сербии всегда играла большую роль. Ее экономическая, культурная и религиозная сила позволяла ей нередко совмещать в своих руках духовную и светскую власть. В некоторых областях Сербии создавались настоящие теократии (например, в Черногории). Церковь была в теснейшем союзе с военным сословием. Она освящала войны, а крали, деспоты и воеводы обеспечивали ее материально. Они старались привлечь на свою сторону духовенство: давали ему земли, союзу церкви и монастыри, делали богатые вклады. Неманичи даже настолько близко стояли к церкви, что высшие духовные должности замещали членами своей фамилии и многие перед смертью постригались в монастыри. Они не только постригались в монастыри, но и сами писали жития, летописи и родословные.

Монастыри, получавшие от князей и воевод по жалованным грамотам села и угодья, вклады и церкви, должны были не только молиться за князей и воевод, но и чтить их и прославлять, писать их родословные, летописи их деяний, возвеличивать роды и династии. Это было задачей летописцев, родословных и житий, в которых почти ни слова нет о кровавых делах монастырских покровителей, но зато расписаны их „добрые дела“. Монастыри шли и дальше: они перерабатывали эпические сказания, приспособляя их к своим нуждам и к местным монастырским памятникам и связывали их с покровителями монастыря.

А. Погодин говорит: „...монастыри, хранившие воспоминания о прежних дарах кралей, стремились возникновение церквей и монастырей связать с каким-либо славным древним именем. Песни о благочестивых подвигах сербских царей выходили, по всей вероятности, из стен монастырей, но это могло происходить и в XVIII—XIX веках, так же как и в XIII—XIV и, следовательно, относить их к древнему времени потому только, что они воспевают древних героев, нет оснований“¹.

¹ Лекции по сербской и болгарской литературе, стр. 17.

В монастырях создавались местные легенды и влияли затем на эпические сказания. Так христианизировались песни. С. Матич в статье о народных песнях („Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка“) полагает, что церковь сыграла главную роль в христианизации цикла о Неманичах и косовского цикла.

Следы христианизации необычайно ярки именно в этих двух циклах. Религиозные идеи эпоса—результат этой христианизации. Воспевание построения задужбин („Построение Раваницы“)—своеобразная монастырская агитация. В песне жена советует Лазарю построить задужбину, описывая всю „пользу“ такого благочестивого дела. Лазарь строит Раваницу. Вообще Лазаря песня представляет типичным мучеником за веру, а церковь причисляет его к святым. В этом есть особая групповая ориентация,—как и в объяснении смерти царя Вукашина как „божьей кары“ за убийство Уроша. Церковь оправдывает патриотизм, и песня поет:

Это были славные юнаки,
Их господь сподобил рая в небе.

Перед изучавшими сербский эпос неизменно вставал вопрос: *почему Марко Кралевич, личность исторически мало чем заметная, стал первым героем сербского эпоса?* Много было предложено решений этого вопроса, и наиболее вероятные из них почти наивны. Так, Халанский полагает, что Марко стал центральным героем эпоса потому, что был последним самостоятельным правителем в старой Болгарии, где о нем впервые, видимо, сложились песни. Из естественного обозначения времени событий „до Марка“, „во время Марка“ и „после Марка“ могло возникнуть то, что Марко стал центральным лицом, объединившим различные эпические сказания, как Лазарь косовские. Он полагает, что, видимо, была необходимость в выработке эпического типа с эпическими достоинствами, нравившимися властелям и народу¹. Кроме того, Марко был героем, краем без королевства. „Сочувствие к судьбе, а может быть, и к самой личности Марка было, вероятно, главнейшей причиной популярности и распространения сказаний о нем по всей Сербии и Болгарии“².

¹ Халанский. „Южнославянские сказания о Кралевиче Марке“, I, 174—175.

² Там же, I, 159.

Нас не удовлетворяет объяснение Халанского, потому что оно представляет собою слишком общие рассуждения и на основе их маловероятные предположения.

Т. Маретич¹ полагает, что причиной популярности Марка могла быть его физическая сила, и что потом на него были перенесены подвиги других юнаков,—и так он вырос в первого героя. На нем отложились наслоения нескольких периодов сербской истории,—отсюда противоречия в песнях о нем.

Кроме последнего соображения, ничто более в объяснениях Маретича не заслуживает внимания, потому что он одно предположение строит на другом. Прием очень рискованный при построении гипотезы.

Мы при решении этого вопроса исходили из одного факта песенной биографии Марка. Любопытно, что Марку, как и Илье Муромцу, „смерть на бою не написана“, и даже более того: некоторые песни рассказывают о том, что Марко жив, что он удалился в пещеру, меч его висит на стене, конь пастется на лугу перед пещерой, а сам Марко спит, но он придет еще спасти Сербию. Социальные корни этого варианта песни ясны, и создание такой легенды объяснить не трудно „патриотическим утопизмом“. Не трудно объяснить и рассказы песни о том, что Марка нечаянно убил брат, что Марко умер в битве от чрезмерного напряжения в борьбе, что его убила вила, что он не захотел жить, когда в употребление вошли ружья: выстрелив из ружья, он нечаянно ранил себе руку и сказал: „Теперь и такая пустяковая вещь может погубить самого славного юнака“. Возникновение этого последнего рассказа объясняется консервативностью крестьянского мирозерцания: ведь говорили же в России при введении сельскохозяйственных машин, что „теперь земля перестанет родить“.

Но как объяснить возникновение варианта песни о смерти Марка Краевича, по которому Марко умирает на Урвин-планине, забросив свой буздован в море, сломав меч и убив коня, чтобы он не достался туркам? Марко оставляет завещание, в котором отказывает три пояса денег: один пояс тому, кто схоронит его тело, другой на украшение храмов, а третий слепцам. Марка похоронили святогорец Васо и его послушник Исайя на Святой горе (на Афоне) в Вилиндарской церкви (Хиландарский монастырь).

¹ Rad. CVII, 72, и „Naša narodna epica“, 144.

Но над Марком ни креста, ни камня
Не поставил святогорец Васо,
Чтоб никто не знал, где он схоронен:
Много было недругов у Марка.

Действительно, как объяснить возникновение легенды о том, что Марко похоронен в Хиландаре, и подчеркивание, что Васо не поставил над Марком ни креста, ни камня? А эту легенду мы считаем необычайной важности фактом, объяснение которого объясняет и то, почему Марко Кралевич стал первым героем сербского эпоса.

Объяснение всему этому мы видим в локализации героя, в прикреплении смерти Марка к Урвин-планине и места его погребения—к Хиландарскому монастырю. *Это было результатом монастырской переработки песен о смерти Марка.*

Хиландарский монастырь, естественно, был заинтересован в паломниках как источнике дохода и в князьях как больших вкладчиках. Монахи хотели как можно более интересно рассказать о своем монастыре и простому народу и князьям. Для этого они используют все сказания и легенды, которые только могут быть прикреплены к их монастырю, они пишут летописи, жития, дополняют, сочиняют их, они создают и легенду о погребении Марка в их монастыре. Это было одной из достопримечательностей монастыря, это привлекало богомольцев.

Попыток прикрепить Марка к Хиландару было несколько, но только одна укрепилась. В песне „Марко и Мина из Костура“ Марко идет на Святую гору (Афон), чтобы причаститься и исповедаться, там он даже „надел монашеское платье“.

Марко ж путь держал к горе Афонской,
Причастился и исповедался:
В жизни Марко много пролил крови.
Там надел монашеское платье,
Отрастил он бороду по поясу
И покрылся шапкой камилавкой.

Это маскарадное пострижение Марка (чтобы обмануть Мину из Костура) тем не менее любопытно: Марко едет именно в Хиландарский монастырь.

Наконец с Хиландаром связывает Марка и болгарская песня „Марко и жълта чафутина“¹; песня рассказывает об освобо-

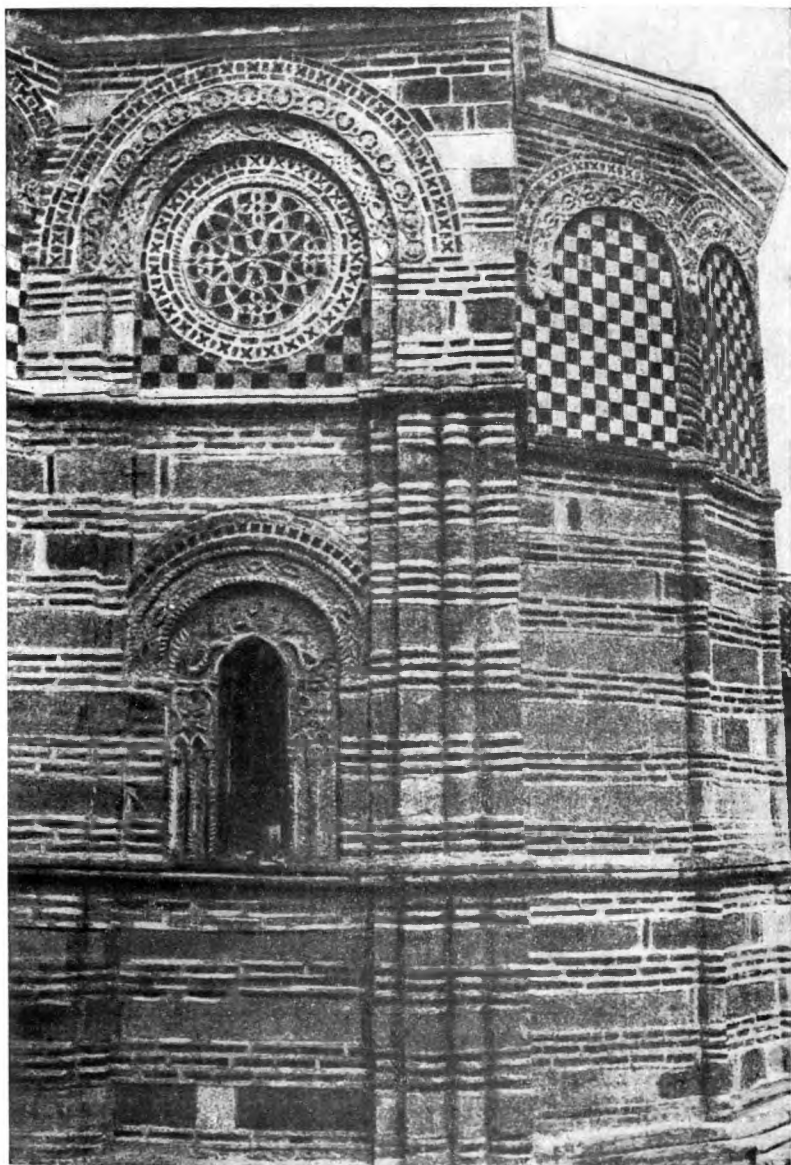
¹ „Марко и желтая жидовина“; см. „Сборник за народни умотворения“, IV, 88; V, 244.

ждении Марком Святой горы от жидовина, который хотел разрушить Хиландар и сменить старых игуменов.

Два обстоятельства дали возможность прикрепить Марка именно к Хиландарскому монастырю: этому способствовала прежде всего близость владений Марка к Афону, его город ближе других стоял к Афону,—и хотя исторические источники не сохранили свидетельства о сношениях и связи Марка с Хиландаром, есть все основания предполагать, что Марко тем или иным образом сносился с богатейшим сербским монастырем на Афоне.

Прикреплению давало повод и совпадение названий исторического места смерти Марка—Ровины—с Орвиллом (Ορσίλλος) — местом, к которому прикрепляет смерть Марка песня. Песенная Урвин-планина есть не что иное, как Орвилл, место между реками Стримоном и Нестом, связанное с большими историческими событиями: с Орвила можно, как и с Урвин-планины, спуститься к Эгейскому морю и приехать к Афону. Таким образом, сходство названий—Ровина—Орвилл—позволяло перенести место смерти Марка с севера на юго-восток и сделать местом его погребения Хиландар. Введение в песню мотива о том, что Васо не поставил над Марком ни креста, ни камня, объясняло отсутствие реальной достопримечательности в монастыре (могилы, камня), которая могла бы выдаваться за могилу Марка.

Прикрепление Марка к Хиландарскому монастырю произошло потому еще, что этот монастырь—единственный специально сербский монастырь на Афоне. Он был основан в 1198 году Стефаном Неманей, который в нем постригся перед смертью. Его сын Сава укрепил монастырь, дал ему устав, был его игуменом. Хрисовулы (жалованные грамоты), дары и задужбины сербских князей (Стефана Душана, Милутина, Стефана Дечанского, Уроша, Стефана Лазаревича и др.) дали ему возможность вырасти в первый сербский монастырь. Хиландар считался царской лаврой. Это был богатейший монастырь. В XIV веке он владел землей от Солуны до Папана, у него было триста шестьдесят сел. XIV и XV века—время особого расцвета Хиландара. Монастырь становится главным культурным сербским центром. Он распространяет свое влияние на всю Сербию. Он заботится более всех о проведении „христианского просвещения“ в Сербии. Сербская средневековая письменность идет главным образом отсюда. Особенно возросло культурное влияние Хиландара с падением Царьграда. В Хиландаре сосредоточилась вся сербская образованность, и другие славян-

Церковь Лазаря в Крушевце.

Султан Мурат I.

ские литературы под сильным влиянием Хиландара в XIV—XV веках принимают сильную сербскую окраску. В это время особенно богато расцветает на Афоне историческая литература (списки, переводы и оригинальные произведения: родословные и летописи) и житийная. Хиландар поставляет книги для всей Сербии. Особого влияния монастырь достиг в XV веке при Бранковичах, во время обострения борьбы греческой и римской церквей.

В это время (XV век) и произведена была переработка преданий о смерти Марка Краевича, и могила его была сделана одной из достопримечательностей монастыря.

О том, что в Хиландаре хорошо знали сербский эпос, говорят такие факты:

Доментиап, автор жития св. Савы (XIII век), первый упоминающий о героических песнях, был монахом Хиландарской лавры;

в „Актах русского на Афоне монастыря“ (Киев 1873, стр. 365) приводится свидетельство одного сербского памятника 1353 года, видимо, писанного в Хиландаре, о том, что в стране Пшине, в Македонии появились два человека „Преде свирьць и Хрусе слѣпць“ (то есть певец);

в новое время от монахов записано немало песен.

Наконец несомненно, что дружинные певцы сталкивались с монахами и передавали им песни. Более того: довольно часто дружинные певцы, как и их крали и деспоты, сами постригались в монастыре. Позднее слѣпцы-гуслиры с паломниками и богомольцами шли в Хиландар, и там у церквей, особенно в церковные праздники, распевали юнацкие песни. Большое стечение богомольцев манило слѣпцов. Между монахами и певцами не было вражды, потому что певцы пели духовные стихи и сильно христианизированные эпические песни¹. Монахи отчасти сами перерабатывали песни, отчасти влияли на певцов², заставляя их перерабатывать. Певцы принуждены были это делать, иначе им грозило преследование, так же, как и свирельникам, медвежатникам и различным комедиантам. Таким образом, певцы получали заработок и материал для песен, а

¹ Гильфердинг песню о построении Дечанского монастыря записал от певца, который жил близ монастыря, — таким образом, здесь определенное местное сказание.

² Необходимо указать, что многие исследователи отмечают влияние церковной музыки на напевы юнацких песен (Кухач, Каравашевич, Добронич).

монастырь бесплатную рекламу. Здесь не было договора, так получилось в силу положения вещей.

Итак, локализация легенды была рекламой для монастыря. Но, с другой стороны, *могущество и сила влияния Хиландарского монастыря*, к которому стекалось множество богомольцев, разносивших потом песни по всей Сербии, *дали возможность исторически незначительному лицу—Марку Кралевичу стать первым героем сербского эпоса.*

Но монастырские легенды—это лишь вторая ступень развития эпоса и стимул для его дальнейшего развития.

Для объяснения, почему Марко Кралевич стал первым героем сербского эпоса, мы воспользовались гипотезой Бедье о французском эпосе. Аналогия в развитии эпосов позволяет это сделать, позволяет уяснить то, что неуяснимо без достаточных фактов. Бедье пытался доказать монастырское происхождение эпоса. Гипотеза ошибочная. *Мы говорим о существовании монастырского периода в развитии эпоса.* Заслуга Бедье состоит в том, что он учел влияние на эпос крупнейшего культурно-общественного фактора, который сказался и в истории французского эпоса (песня о Роланде), и в истории русского эпоса (легенды о погребении Ильи Муромца в Киево-Печерской лавре), и в истории сербского эпоса (сказания о смерти Марка Кралевича и христианизация циклов о Неманичах и косовского цикла)¹. Бедье доказал идейную направленность эпоса, опроверг теорию слепого творчества, „народного“, „безличного“.

Росту Марка Кралевича как героя способствовало и то, что исторический Марко был вассалом Турции. Он сумел примирить свои интересы сербского краля с интересами Турции, а это было идеалом сербских воевод после Косова, идеалом воевод, оставшихся в турецких владениях. Нельзя было воспевать героя, исключительного врага турок, и делать его первым героем, наоборот, требовалось оправдать действия тех воевод и деспотов, которые признавали себя вассалами Турции. Хиландарский монастырь, культивировавший сказания о Марке,

¹ Тут, кстати, скажем об отмеченном Халанским большом сходстве смерти Роланда и смерти Марка: 1) оба они, чувствуя кончину, идут на гору, ложатся под дерево, гора при этом близка к границе (сарацинов, турок); 2) оба плачут перед смертью, расставаясь со светом, конем и мечом; 3) оба вспоминают о своих подвигах; 4) оба ломают мечи, чтобы они не достались врагам; 5) оба каются в грехах; 6) оба умирают в грозной позе, повернувшись лицом к врагам; 7) оба умирают тихо; 8) душу Роланда принимают ангелы, Марка погребает проигумен Васо.

тоже находился в теснейшей зависимости от турок, но он пользовался большой автономией, и, чтобы не потерять ее, принужден был не только откупаться данью, но и оправдывать служение Турции.

Марко собственно не выражает идеи борьбы с турками и идеи реванша. *Это поздние мотивы.* Первоначальными мотивами были мотивы о службе у султана, о защите его от арапов. В поздних песнях арапы забывались и заменялись турками.

Эти песни сложились при дворах тех воевод и деспотов, которые мечтали о реванше. Этим объясняется то, что песни „Юришич Янко“ и „Марко и орел“ говорят об участии Марка в Косовской битве на сербской стороне. История это отрицает.

Исторический Марко был соседом султана. Он держался в стороне от борьбы сербов с турками. Он один из первых признал себя вассалом султана (в 1385 году) и был признан султаном краем южной Сербии. В 1394 году Марко помогал тому самому самому Баязету, который разбил сербов на Косове в 1389 году, в борьбе с валашским баном Мирчей и был убит в битве при Ровинах вместе с бег-Костадином.

И песня не обвиняет Марка в служении султану, она даже оправдывает это. Такие мотивы, как отказ сестры Лека-капитана выйти за Марка, потому что он „прислужник турецкий“, — позднейшие наслоения¹.

Песни о Марке Кралевиче возникали на юге, в Македонии и в соседних областях, а затем распространились по всей Сербии. Это объясняет и особые тенденции этого цикла песен, примирительно относящихся к туркам, и то, что песни о Марке широко известны и в Болгарии. Халанский пишет: „Сложе-

¹ Болгарский ученый К. Н. Мисирков в работе „Южнославянские сказания о женитьбе короля Волкашина в связи с вопросом о причинах популярности короля Марка среди южных славян“ (Одесса 1909) строит свою гипотезу, по которой причинами популярности Марка были: 1) популярность его отца Волкашина в Болгарии, Македонии и южной Сербии, борьбу которых он проиграв Лазаря возглавлял; поэтому в лагере противников возникла легенда об убийстве Уроша Вукашином; 2) на севере Вукашин считался виновником падения сербского царства, а Марко идеализировался по антитезе. Взорность этой гипотезы очевидна. Почему, собственно, „по антитезе“ Марко (вассал Турции) должен был идеализироваться? Почему на юге (и главное в болгарском эпосе, как подчеркивает Мисирков) главным героем стал Марко, а не сам Вукашин? Эта гипотеза Мисиркова так же несостоятельна, как и его гипотеза о происхождении сербского эпоса из болгарского и о переходе болгарского эпоса сначала в Далмацию, а потом в Сербию. Почему, собственно, такой путь? Нелепые гипотезы Мисиркова объясняются его болгарским шовинизмом.

ние и развитие южнославянского эпоса стояло в связи с культурной и политической жизнью наиболее крупных племенных групп на Балканском полуострове и их центров. Есть большое вероятие предполагать, что песни о Марке и других областных героях южной Болгарии или Сербии XIV века сложились первоначально в местах их резиденций, в кругу певцов, входивших в состав их дружин, живших или гостивших при их дворах. Возможно, что одновременно слагались песни о тех же лицах и дружинными певцами Призрена или Трнова. Падение политической самостоятельности феодальных властителей Македонии могло побудить в XV веке певцов сосредоточиться в оставшихся самостоятельными областях южного славянства, примкнуть к дружинам властителей, удержавших национальную независимость. Повидимому, Зете, Боснии и Герцеговине, долее сохранившим самостоятельность и удержавшим древний и феодальный строй (Гильфердинг, Сочинения, III, 294, 302. „Босния, Герцеговина и Старая Сербия“), принадлежит важная роль в сохранении древнего южнославянского, болгаро-сербского эпоса и в дальнейшем его развитии. На это указывают в самом эпосе приурочения южных героев (исторических) к местностям Боснии и Герцеговины“¹.

Песни некоторых циклов, распространяясь по сербским областям, претерпевая ряд переделок, не подверглись христианизации. Это были главным образом песни циклов среднего времени, в которых социальная борьба заслонила борьбу религиозную (песни об ускоках и гайдуках).

Демократизм песен очень силен. И невольно возникает вопрос: почему в аристократическом эпосе так ярок демократический элемент? Так, в песнях о Марке Краевиче он рисуется как защитник бедных и угнетенных. Он обвиняет бега-Костадина в бесчеловечествах, он принимает и одевает сирот, он освобождает их от свадебной пошлины, защищает их от обид. Марко отказывается стать сборщиком податей.

Если агой-сборщиком я буду,
То нельзя собрать с народа дани,
Не связавши нища и убога.

(„Марко и Мина из Костура“)

Гайдуцкие и ускоцкие песни насквозь демократичны. В них часты сатирические мотивы.

¹ „Южнославянские сказания о Краевиче Марке“, I, 172.

Демократический элемент юнацких песен идет от певцов-слепцов, народных гуляров, переделке которых подвергся сербский эпос. У них был иной круг слушателей, нежели у певцов-дружинников. Следы их творчества и их переработки остались в сербском эпосе в виде социальной трансформации героев и новых, чисто демократических мотивов.

Многие из дружинных певцов были слепцами. Они ослепли в бою, их ослепляли в плену, их ослепляли владары, и потом они становились профессиональными певцами. Певцов-дружинников сменили народные певцы-гуляры, большую частью слепцы, почему в Славонии гуляров и зовут обычно „слепци“, независимо от того, слепы они или нет. Среди них встречаются и женщины-слепицы, но редко.

Слепцы поют потому, что не могут работать. Певец-слепец обычно—нищий („просјак“). Независимо от того слеп он или нет, у него есть мальчик-поводырь, свой или наемный, который водит его из села в село, просит и носит торбу. Иногда они ездят на коне. Ходят по улицам (в Банате) или по домам (в Среме), поют песни, рассказывают сказки, притчи и легенды и просят милостыню.

Гулярская песня поет:

Саделајте гуслице
Од сувога јавора,
Па пођите по свету
Од божајег прозора.

Певцы поют и на площадях, базарах, у церквей и монастырей, в корчме, в кофейнях,—одним словом там, где больше народу.

Есть собственно певцы двух родов—певцы профессионалы и певцы любители. Вторые поют для себя, для друзей, бесплатно. Певцы профессионалы поют всегда за плату, лишь собирателям-этнографам иногда поют бесплатно¹. Они рассматривают пение как труд². Об этом говорит и пословица: „Гусли слепцу—плуг и мотыга“. Но гуляр (гуслац, гевавац, слепцац) поет песни обычно летом. Зимой он живет в своей избе, ведет хозяйство и готовится к лету: готовит песни, учит петь

¹ К записям обычно относятся подозрительно и недоброжелательно, так как иногда подвергались преследованиям властей.

² „Arch. f. sl. Phil.“, Bd. XIII, S. 632—634.

учеников. Ученики за учение водят учителей или отдают им часть своей, выпрошенной ими милостыни. Они платят эту часть столько лет, сколько длилось учение.

Песни передаются от одного певца к другому, от поколения к поколению. К песне они относятся как к святыне, бережно сохраняя ее. Но, конечно, свойства устной передачи, часто специальные запросы слушателей—богомольцев, веселой молодежи, стариков, каких-нибудь важных особ—заставляют певца вносить в песню различной степени изменения.

Певцы долго учатся. Обычно слепого мальчика берет певец и обучает (иногда их подозревали в ослеплении детей; так, Пера Димитрова долго держали в тюрьме). Но были и целые школы, где учили петь и играть на гусях. Например, в Ириче (до 1780 года) существовала школа, в которой учителями и учениками были в большинстве случаев слепцы, почему ее и называли „слепачка академија“. Из этой академии выходили знаменитые гусяры („чувени гуслари“), как Томо из Колача, Неделько из Лота. Была школа и в Албании.

Вокруг хороших певцов группировались их ученики, певцы послабее. Певец Пая Андрич учился „гудеть“ (гудба—игра на гусях) у Томо Прелича из Сланкамена, а у Пая былр в свою очередь пять учеников. Пера Димитров учился у Марка Абека из Сланкамена.

Этот профессионализм и некоторая цеховая замкнутость создали особый профессиональный язык („гегавачки језик“, гега—двуструнные гусли, гегавац—слепец). Каравашевич записал язык (главным образом словарь) гусяров из Славонии¹. В их языке много чужих слов, потому что они далеко заходят и заимствуют иноязычные слова. Такой язык служит для сокрытия профессиональных или личных тайн, а народом он воспринимается как таинственный, чуть не колдовской язык.

Больше всего гусяров в Сербии, Среме и Боснии, видимо, потому, что в этих областях долго существовали академии слепцов. Много гусяров в Болгарии, Герцеговине, Черногории, Славонии, Горной Хорватии, меньше в средней Хорватии, Банате, Бачкой и по Истру. Есть места, где все „гуслиают“.

В настоящее время эпитические песни поют представители самых разнообразных классов и профессий; но в деревне это

¹ Например: рѣдѣвац — гусяр, кѣва — мать, дѣворити—гудеть, гѣта—ракия, ребав — гусли. Башни га у анту — ударь его по башке. Погльо сам уваньске, јѣмску за урвиз, јѣмску за гѣту — сам взял две, одну за вино, другую за водку, и т. п.

обычно крестьяне, чаще пастухи, в городе—ремесленники, реже люди зажиточные, чиновники или священники. Поют их и дворяне—беги. Нередко это носит формы искусственного культивирования. Так проф. Мурко рассказывает, что в 1909 году он в мостарской католической духовной семинарии видел гусли над постелью каждого семинариста. В конце XIX и начале XX века и обучение происходило часто не путем передачи живой песни, ее текста и исполнения, а по книгам. Бывали случаи, что даже слепцы усваивали песню из книги, прочитанной им учителем или священником. Но певцы профессионалы обычно относятся к этому критически: они более ценят пение, чем пересказывание, которое им приходится делать, например, для собирателей песен.

Из певцов известны и очень талантливые, виртуозы своего дела, запоминавшие тысячи стихов, знавшие много напевов. Караджич из певцов, каких приходилось ему слышать, выше всех ставил Тешана Подруговича и Филипа Вишнича. Тешан был родом не то из Боснии, не то из Герцеговины, знал лучшие песни из старых времен, умел хорошо играть на гуслях, но исполнял песни без аккомпанемента и даже не пел их, а „сказывал“, он был не „гуслач“, а „казивач“ (сказитель). Филип Вишнич из Босанского Подринья родился в селе Медяша в Зворницком округе в Сербии. Слепец. Прося подаяние, прошел Боснию до Скадра. Ослеп в молодости, и стал петь с гуслями. Он пел новые песни. Вишнич провел молодость в войске на Дрине (в конце XVIII и начале XIX века), где и сложил сам песни новых циклов (цикл освобождения Сербии). Но он знал и старые песни.

Кроме этих певцов Караджич записывал еще песни у старика Милия из Старого Колашина, который исходил всю Серию и знал много песен, у слепицы Живаны, у Анделко Вуковича, который спел песню о самом себе—„Анделко Вукович и Синан-разбойник“. Песня эта построена по принципу стилизации и архаизации, подобно тому как русские палехские мастера в своей манере изображают современные жанровые сцены, сцены из гражданской войны и портреты современных деятелей. Записывал Караджич у певцов с богатым репертуаром, больших мастеров игры и пения.

Некоторые певцы достигают большого искусства в пении и аккомпанементе. Певцам-слепцам, вообще как всем слепцам, свойственна большая изобразительность и живописность языка, страстное и эмоциональное исполнение. Так, о Томо Преличе

его ученики говорили: „Когда поет, все зачаровывает“ („кад пева, све заводи“). Лучше пели те певцы, которые ослепли позже, у них был больший жизненный опыт, сильнее развитые чувства. Пословица говорит: „Кто после слепнет—лучше гудит“. Певцы, которые исходили вдоль и поперек все сербские области¹, побывали и в чужих землях, получили большой опыт—лучше пели, у них был богаче репертуар.

Лучшие певцы—обычно старики. Они поют более старые песни (хотя старые песни часто пелись потому, что власти запрещали петь новые). Они знают до сотни, а иногда и более песен, они поют более выдержанные, более художественные песни. Иные песни они поют часами, потому что прекрасно владеют искусством контаминирования, искусством повторений общих мест и описаний. Хорошего певца слушают со вниманием, и часто он вызывает у слушателей живую реакцию на песню—слезы, восхищение или смех. Но певцу, который не учел интересов и симпатий публики и не рассчитал песни, во время перерывов пения иногда незаметно намазывают маслом струну и смычок, чтобы он не мог продолжать пения. Нередко певца подгоняют („goni, goni!“, см. у Мурко), торопят, если он слишком растягивает или замедляет песню.

Певцы поют обычно по одному. Хотя дубровчане, аббат Фортис и один русский офицер („Московские ведомости“, 1877 г., № 201, от 13 августа) засвидетельствовали хоровое пение и пение по очереди, в переключку, напоминающие состязания певцов.

Песни поются в большинстве случаев под аккомпанемент гуслей, редко тамбуры. Певец обычно сначала играет предыгрыш, музыкальное вступление, затем начинает с запева („Ей-ей“, „Ой-ой“, откуда идет термин „ойканье“). Иногда весь словесный текст сопровождается гуслиями, но часто гусли употребляются только в конце музыкальной фразы.

Каждый певец имеет свои два-три напева, которые он заучил от другого певца, и на эти напевы он поет все свои песни.

Гусли на первый взгляд—примитивный инструмент, но виртуозы-гуслиеры могут извлекать из них чудесные мелодии, недаром многие поэты посвятили гуслиям восторженные строки. Николо Томазео писал:

¹ Качич Миошич рассказывает о старике Миловане, который прошел с гуслиями „от Скадра до Задра, от Мостара до Костара“.

Ne znadu zlatna pera onako pisati,
kako javorove gusle gude¹.

Сербские гусли непохожи на русские. Они представляют собою нечто вроде большой скрипки: широкая выдолбленная часть гуслей (короб, варјача) оканчивается длинным грифом (врат). Гусли делаются из целого куска хростовины, боровины, дубовины, ореха, а чаще явора,—почему обычный их песенный эпитет „яворовые“. Гриф бывает украшен резьбой, фигурами (голова птицы, коня, человека) и надписями². Конские волосы и жилы служат струнами. Гусли бывают одно- и двухструнные. Смычок, по-сербски „гудало“, представляет собою согнутую ветвь дерева (явора, лесковины), на которой натянуты конские же волосы. На смычок иногда надеваются железные кольца, которые звенят при игре. Во время игры гусли ставят на колени, держа в левой руке гриф, а в правой смычок. Гусли издают нечистый звук низкого тона, элегический. При игре на гуслях разнообразие тонов и темпа достигается и перестановкой пальцев на грифе (более скорой или более медленной, высокой или низкой) и ударом смычка (ускорение, протяжный и короткий звуки). Мелодия гуслей монотонна, но даже в пределах одной октавы (от c^1 до g^2), а чаще первых пяти тонов дает интересные мелодические ходы³. У двухструнных гуслей вторая струна настроена или в кварту, или в унисон.

Вот инструмент, которым пользуются для аккомпанемента певцы. Он упоминается уже в самых ранних исторических документах, о нем, как и о гусярах, сохранилось множество преданий. Инструмент, видимо, очень древний. Им пользовались певцы-дружинники и певцы-слепцы.

Следы этих профессионалов-певцов (главным образом певцов-слепцов) сохранились в песнях. В песне „Марко и вила“ Милош поет „хорошую песню“:

О старинных былях и преданьях.

От профессионалов-певцов остались следы их взаимодействия со слушателем. Певец обращается к слушателю:

¹ „Не знаю золотого пера, чтобы могло должным образом описать, как гудут яворовые гусли“.

² Гусли слепцы обычно делают сами. Но были и профессионалы-мастера („резачи гусала“).

³ См. приложение.

Слушайте, про чудо расскажу вам.

А иногда и посредине рассказа:

Под шатром бы чудо посмотреть нам!
Это было чудо, это диво! и т. п.

Это прорывается и в субъективном элементе, в оценках певца:

Выходила сука Видосава,

в таких концовках, как:

Песнь от нас, от бога вам здоровье,
Как нам лгали, так и мы расскажем.

Или:

Как нам лгали, так и мы солгали.

Иногда певец прямо выдает себя. Так, в песне „Смерть Марка Кралевича“ Марко завещает деньги:

А слепцам да сухоруким нищим
Отдаю я пояс свой последний;
Пусть калеки ходят белым светом,
Пусть пьют и вспоминают Марка.

Или:

Лишь рука десная освятилась.
Потому рука царя осталась,
Что добра он ею делал много:
Милостыню подавал голодным,
Тех, кто жаждал, он поил водою,
Голых-босых надеял одеждой,
Призирал убогих и несчастных...

Это, конечно, поет убогий, нищий перед богатым, освящая и оправдывая милостыню.

Но юнацкие песни складывались и распевались не только дружинными певцами или певцами-слепцами из народа. Так, многое о гайдуках сложено самими гайдуками и ускоками. Исторические свидетельства говорят о том, что гайдуки и ускоки пели песни о юнаках, и хотя неизвестно, что это были за песни,

естественнее всего предположить, что гайдуки пели песни о гайдуках, а ускоки об ускоках¹. Видимо, им обязана сербская эпическая песня тем, что она более сохранилась в горных областях, но, конечно, тут роль играет и большая консервативность горных областей. Во всяком случае гайдуки и ускоки сыграли большую роль в распространении сербских песен и наложили на них свой отпечаток. Они демократизовали сербский эпос, дали ему новые сюжеты, новых героев, сделали его менее торжественным по форме, менее „высоким“.

Эпос гайдуки использовали как боевую поэзию, как военные песни. Гайдучество представляло собою своеобразное явление в жизни балканских народов.

В 1459 году Сербия была обращена в турецкий пашалык. Крестьянство очутилось под двойным гнетом—сербских помещиков и турецкой власти. Жестокая эксплуатация и угнетение крестьянства привели к возникновению гайдучества. Причинами, толкавшими крестьян на уход в горы, были поборы, притеснения воевод, плен, разорение, месть, невозможность жениться на любимой. Так, песня рассказывает, что старина Новак ушел в горы потому, что не мог заплатить дани, а Плетикоса ушел потому, что не мог жениться на любимой.

Гайдучество было народным движением, так как высшие классы приспособились к новым обстоятельствам. Гайдуки вели партизанскую войну с турками и местными землевладельцами. Они защищали райю—народ. Они уходили в лес, в горы, на большие дороги, к переправам—устраивали засады. Это был протест против существующего порядка, самозащита. Идеалы гайдуков—типично бедняцко-крестьянские. И крестьянство было в лучших отношениях с ними. Оно спасало и укрывало гайдуков.

Гайдуки собирались в дружины. Жизнь их была „вольной“, она чрезвычайно напоминала „привольную казацкую жизнь“, а само гайдучество—русское казачество и украинскую гайдамачину. Но русское казачество пошло на юг, на Волгу, а сербским крестьянам—гайдукам двигаться было некуда. И они уходили в горы. Уходили обычно весной, с Юрьева дня. В каждой дружине был свой атаман (харамбаша), знаменосец (байрактар)—лучшие из гайдуков. Дружины гайдучили главным образом в Боснии, Герцеговине и Сербии. Дружины доходили до шестидесяти человек. Одевались гайдуки щеголевато, на голове по-

¹ Еще Караджич записывал песни у Стояна-гайдука из Герцеговины.

силы шелковые шапки с кистью. Дружина была крепким союзом, скреплялась она особым обрядом—побратимством. Изменников и предателей, а так же тех, кто выдавал гайдуков, наказывали жестоко. Поступление в дружину требовало пройти испытание.

Гайдуки в пути шли обычно ночью, днем спали и прятались в пещерах, лесах и на неприступных утесах. Нападения свои совершали по строго обдуманному плану и всегда почти удачно. Добычу делили поровну. Если же гайдук „ходил“ один, то вся добыча доставалась ему. Вражда гайдуков к труду выросла из угнетения, непосильной работы и бедности.

Турки высылали против гайдуков войска, пандуров (стражников) и если ловили гайдуков, то сажали их на кол. Гайдуки умирали с молодечеством, с большим презрением к смерти. Но и мстили туркам жестоко.

Аббат Фортис рисует поздних гайдуков как бедняков, заслуживающих сострадания, потому что их воровство и разбой вынуждены голодом. У них с этим связан и подвиг. „Большая часть гайдуков считают себя заслуженными людьми (uomini di garbo), когда обагрили руки турецкой кровью“.

Зимой гайдуки расходились по своим деревням и жили мирно или прятались, смотря по обстоятельствам.

Движение, известное под именем ускочества, напоминало гайдучество, только ускоки выселялись совсем за пределы турецких владений и представляли собою военный союз большой силы.

После того как турки заняли Герцеговину и Боснию, сербы стали переселяться в Далмацию, в венецианские и венгерские владения. Ускоки собрались, например, в крепости Клис, а когда турки заняли и Клис, они перешли в хорватское приморье, в Сень. Ускоки искали себе покровительства то у Венгрии, то у Венеции и несли сторожевую службу на их границах, охраняя их и делая набеги на турок. Нередко ускоки грабили и венецианцев и венгров и пиратствовали на море.

Клиские ускоки (прибеги) с капитаном Петром Кружичем во главе вели большие войны. Но в 1537 году турки взяли Клис, убили капитана, и ускоки переселились в Сень. Сеньское капитанство представляло собою еще более мощный союз. Сеньские ускоки делились на четыре капитании, во главе каждой стоял воевода. Служебная опись 1559 года называет их число—253, 1573 года—352, 1602 года—600, а когда к ним стали присоединяться и новые беглецы из венецианской Далмации

(вентурины) и некоторые из основных сеньских жителей— в начале XVII века,—их стало в Сене 1200, а вместе с ускоками всех городов сеньской капитании (Трасат, Хрелин, Леденица, Баг, Бринь, Брлог, Оточац)—около 2000.

Сень был беден и неплодородлив, политические задачи требовали борьбы—и ускоки сделали своей профессией войну. Это выработало особую психологию: смелость, безрассудство и жестокость. Смолоду они уже держали в руках оружие. Они были вооружены ружьями и секирами, а иногда и ханджаром (большой нож, который носят за поясом). Врагов своих они мучили и пытали.

Служа у Венеции или Венгрии, ускоки получали небольшую плату и нерегулярно. Позднее ускоки совсем ничего не получали. Поэтому они часто изменяли тем, к кому нанимались на службу, грабили все, что попадалось. Австрия часто не могла платить ускокам—они делали набеги на ее торговые города, караваны, флот.

Но более всего они воевали с турками. Это были их враги. Ускоки, как и гайдуки, мстили туркам. Они собирались в четы, предводительствуемые сердарями, и производили набеги, главным образом на турецкие округа городов Удбина и Рибника, на Лику, а морем—на Далмацию, Боснию, и Герцеговину.

Когда в 1596 году турки заключили союз с Венецией, они потребовали от нее, чтобы Венеция не допускала ускоков на море. Так начались раздоры между ускоками и Венецией. Ускоки стали захватывать и венецианские корабли. Это расстраивало венецианскую торговлю—основной источник существования республики. Тогда Венеция приняла против ускоков особые меры. Но ускоки успешно боролись, так как венецианская артиллерия ничего не могла сделать в горах. Ускоки оседлостью не отличались и были дерзки в набегах. Один из современников сравнивает борьбу Венеции с ускоками с борьбой льва с комаром. Ускоки знали горы, острова и мели, проливы и заливы. На легких судах они проходили там, где не могли пройти тяжелые венецианские галеры. Ускоки действовали по плану и обычно заранее знали, что хотят предпринять венецианцы,—знали от венецианцев—родных, приятелей, наконец просто тех, кто боялся их мести.

Наконец дело дошло до настоящей войны между ускоками и Венецией. В 1601 году особо дерзким был ускок Юриша. Он бежал из Сербии. Но венецианцы, заняв Сень, бросили Юришу обманом в тюрьму. Вспыхнул бунт по всему сеньскому капи-

танству. Ускоки перебили венецианцев, заняли Сень и начали набеги на венецианские владения, под предводительством бежавшего Юриши. Юриша был пойман и повешен в 1611 году. После Юриши война продолжалась под предводительством Юрия Далмата, и затем Хреляновича. Особо кровавые бои были в 1613—1617 годах.

Австрия, желавшая угодить Венеции, послала в 1601 году усмирять ускоков комиссара Иосифа Рабату. Но ускоки убили комиссара. Борьба длилась долго. Желая напугать ускоков, австрийский суд постановил казнить Иво Сенянина (Влатковича). Он подал жалобу наместнику Градаца, который получил ее 25 июня 1612 г., но к этому времени Иво уже успели казнить.

Под давлением Венеции Австрия решила совсем уничтожить гнездо ускоков, принудила их выселиться из Сеня и расселиться вокруг Оточаца и Жумбреха, где они ассимилировались с местным населением. С тех пор не стало сеньских ускоков как особой военной организации.

Но и после расселения мир наступил не скоро. Ускоки не раз поднимали восстания и вызывали войны Турции и Венеции (в 1644 и 1669 годах.) В 1663 и 1668 году ускоки еще воевали с дубровчанами и Венецией. В 1684 году были большие столкновения ускоков и дубровчан: ускоки убили дубровницкого посланника, возвращавшегося из Царьграда. В 1685 году было объявлено, что за голову ускока дубровчане платят сто дукатов. Ускоки принимали участие и в венецианско-турецкой войне 1684—1699 годов.

В этой-то военной среде жил и бывать в XVI—XVII веках сербский эпос. Ускоки-певцы использовали и переработали старые феодальные песни, сложили новые по их образцу¹. Песни об ускоках, как и о гайдуках, которым симпатизировал простой народ, распространились широко по сербским областям. Они были близки и понятны основной массе крестьянства. Вот откуда идет демократический элемент ускоцких песен, их молодечество, юмор и задорность.

Новые циклы песен—буржуазные диклы. Основная их тенденция—объединение сербских земель. Они патриотичны, националистичны и сильно христианизированы.

Новые сербские песни—песни о черногорском восстании, об освобождении Сербии—это песни буржуазного возрождения.

¹ Серенсен относит возникновение ускоцких песен к 1750—1800 годам. Это слишком поздно.

Историческая судьба Сербии, задержавшая эволюцию общественных форм, законсервировавшая быт, благоприятствовала развитию и сохранению *героических* песен. История Сербии—это история непрерывных войн, непрерывной борьбы. Непрерывная борьба была благоприятным условием для культивирования героического эпоса. Воспевание героической старины имело значение как воспевание идеальной героики, которая служила образцом, примером. Таким образом, как говорит Серенсен, *песенную традицию, популярность героев поддерживала историческая аналогия*. Сходство событий позволяло пользоваться готовой поэзией и при этом исторически их оправдывать.

Естественно, что *жило и держалось то, что в какой-то степени отвечало запросам и интересам тех или иных социальных групп; то, что теряло свой жизненный интерес, с чем нельзя было провести исторической аналогии, отмирало, забывалось*.

Песни историчны. Они настолько отвечали требованиям различных исторических этапов, что Прерадович сказал: „*Вся наша история—только сборник песен*“.

Литературно-исторические факторы действовали в свою очередь: Устная традиция, литературные влияния, контаминации, переработка, возникновение новых циклов—все это создало обилие вариантов. Но это же создало условия для более быстрого отмирания эпоса, для его разложения.

Процесс разложения сербского эпоса все ускоряется. Эпос прежде всего раздробился на две ветви—сербский и мусульманский, соответственно национальному и социальному раслоению Сербии. В песнях мусульман побеждает герой-мусульманин, идея—борьба за веру и султана. Главный герой этих песен—Мустай-бег.

Далее. Юнацкая песня становится хороводной, беседной, игровой. Это еще сильнее деформирует ее и разлагает. Так, Ястребов¹ указывает, что в Дибре по селам на рождество после обеда водят пляски и поют песни под пляски, между прочим, следующие: „Кралевиц Марко и Филип Мадьярин“, „Груица отнимает девушку“, „Кралевиц Марко и Корун-разбойник“, „Больной Дойчин и арап“, „Милица“, „Момчило“, „Змейогнен-

¹ „Обычай и песни турецких сербов“. Спб. 1886, стр. 46—81.

ный Вук и его любя“. Некоторые песни поются на свадьбах. Песни, перейдя в пляску, стали игрой, то есть пережитком, как обрядовый предмет, перешедший в игру детей.

Сербский эпос отмирает потому, что демократические слои, в которых он бытовал последнее время, далеко ушли от социальных идеалов, воспеваемых в эпосе. Он отмирает и потому, что изменились быт и культура. Школа, грамотность, новые песни, граммофон—все это подрывает основу устной эпической поэзии. Меценатство проходит. Старые певцы умирают, никто у них не перенимает песен.

XIX и XX века—время наибольшего и наибо́льшего разложения сербского эпоса. Он живет еще и сейчас, но лишь в самых глухих местах, которых менее коснулась цивилизация. Новые исследования показали, что песни почти не сохранились в Славонии, Среме, Воеводине, где они были еще век тому назад; совсем не сохранились в Сербии и Хорватии; и сохранились только в Далмации, Боснии и менее в Герцеговине и Черногории, то есть в горных областях, что объясняется традицией уско́пких и гайдудских песен и таких новых циклов, как цикл освобождения Черногории, и большей бытовой консервативностью этих областей.

Позднейшие песни мельче по объему, реальнее по содержанию, в них новый словарь, новые мотивы и герои, которые выглядят архаизацией (Серенсен). Новые сюжеты срastaются со старыми, и эти большие наслоения вызывают разложение песенных сюжетов. Новые песни перпевают старые мотивы, используют образы старых героев, приспособляя их к новым. Песни распеваются в кафе и салонах. Они стали редкостью. Песни оставляют следы лишь в языке и пословицах: „Как Лазарь погиб на Косове“, „Когда войну воевать, тогда: где же ты юнак Краевич Марко? а как добычу делить, так: откуда ты незнамый воин?“

Песни модернизованы. В одной песне, записанной в 1912 году, упоминается даже телефон.

Телефону царе долетио...
На телефон зове Енвербега¹.

Изменение экономики страны, рост буржуазии, затихание сербско-турецкого антагонизма ускорили отмирание сербского

¹ К телефону царь тогда подходит,
К телефону зовет Энвер-бега.

Милош Обилич.

Кралевиц Марко по народной песне.

С картины Боцарича.

эпоса. К нему стали относиться насмешливо, его даже стали пародировать (Мурко).

Патриотические попытки оживить эпос его не воскресят.

VI. ЧУДЕСНОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В СЕРБСКОМ ЭПОСЕ

Его характер.—Его корни.—Культурные пережитки.

Чудесное и фантастическое в сербском эпосе носят специфический характер феодализма, но условия феодализма не создали их, а лишь вызвали переработку и приспособление их к новым требованиям и запросам.

Элементы чудесного и фантастического в юнацкой песне легко распадаются на две части: на элементы дохристианские („языческие“) и христианские, являющиеся в большинстве случаев теми же „языческими“ элементами, но лишь христианизированными феодальной церковью. Таким образом, налицо так называемое *двоеверие*, сосуществование „языческого“ и христианского.

Нам уже приходилось отмечать, какую огромную роль играла религия (церковь) в общественной жизни сербского средневековья. Ее влияние на все области жизни и деятельности было настолько сильно, что она или перерабатывала старое, легализуя его в формах, не противоречивших ее основным тенденциям, или уничтожала его, если встречала сопротивление. Переработка (*христианизация*) шла тем более быстро и широко, что импульсом к этому служила не только переработка, производимая церковью и монастырем, но и то стремление „языческого“ материала легализоваться, которое вызывалось давлением церкви. Естественно, что при спешности этих процессов из-за христианских святых, христианских легендарных сюжетов проглядывали „языческие“ (анимистические, антропоморфизированные) боги и духи, поверья и предания.

Но рядом с христианизированным продолжало существовать и чисто „языческое“, то, что не удавалось христианизировать, и что настойчиво проникало всюду, в том числе и в эпос, ибо оно вносило с собою момент *поэтизации*. Феодальному эпосу, соответственно его гиперболическому стилю, нужны были сильные средства поэтизации, то есть превращения прозаической действительности в увлекательную, агитирующую за крепость и непоколебимость феодальной системы, картину. Вот здесь-то и при-

годилось „языческое“, которое заключало в себе образы огромной художественной конденсированности, символы большой поэтической силы, сюжеты из архива так называемых „мировых сюжетов“,—их можно было приспособить к новым запросам, заставить служить новым задачам. „Языческое“ пригодились и потому, что оно помогало продвигать феодальную поэзию в массы, делало ее понятной и как бы своею. В этом случае использование „языческого“ было весьма умелым.

Конечно, следует отметить и те случаи, когда недостаточно сильное феодальное мировоззрение не только не могло его переработать и приспособить, но и не могло ему сопротивляться, а подчинялось влиянию элементов анимизма и антропоморфизма, обладавших огромной живучестью, потому что в эпоху феодализма еще сильны были те условия или их пережитки, которые определяли эту живучесть.

В сербском юнацком эпосе сильны отражения *анимизма и антропоморфизма* (див, вила, поверья и сюжеты о браке со зверями и чудовищами, о превращениях). Они служат основанием так называемому *психологическому параллелизму*. Наконец, как предполагает Краусс, есть и следы *тотемизма*. Именно образы волка, сокола, змея (а часто и сравнения с ними героев) Краусс считает такими следами¹. Волк и змей (вук, змај) были тотемами Неманичей. Отсюда, видимо, легенда о Змейогненном Вуке, родившемся в шерсти. Некоторые варианты песни о рождении Вука рисуют его необычайно фантастическими чертами: он страшен, силен, у него изо рта и ноздрей пышет пламя.

Собственно, смысл песен о чудесном рождении, да и вся группа песен о героях, рожденных от змея, вил и пр., легко объясняется, так как во многих из них есть мотив о том, что ребенку суждено стать героем, краем и т. п. Это не что иное, как *феодальная генеалогическая поэзия*, в основе которой лежат старые мотивы тотемизма и которая сохраняет рассказы о чудесном происхождении только для того, чтобы обосновать чье-либо право на престол, королевство, деспотство, оправдать и укрепить власть. Корни всего этого гораздо старше эпоса, и история этих мотивов слишком сложна, чтобы мы могли на ней задерживаться.

Ясно только одно: полное *подчинение* в поэзии феодализма всех элементов *чудесного, сверхъестественного и фантастического* основным задачам *феодальной поэзии*. Ведь и то

¹ Krauss. „Slavische Volksforschungen“. Lpz. 1908, S. 332.

чудесное, что проявляется в гиперболе, подчинено тем же самым заданиям. Гиперболизированная сила, бег, подвиг, которые выглядят в песне действительно как чудесные и „невероятные“, служат той же самой задаче поэтизации героя, его прославлению.

Логика чудесного в песне во всей своей механике дохристианская, но церковь на нее не покушается, так как чудесное в песне выполняет то, чего от него требуют и церковь и феодал. „Религиозный детерминизм“, если можно так выразиться, то есть объяснение событий аналогично тому, как они объясняются в канонической христианской литературе, в песне очень незначителен. На первом месте стоят элементы первобытного, дологического мышления: все чудесное и фантастическое проходит особыми путями, которые нам могут объяснить только законы дологического мышления, мышления по аналогии, анимистического и магического.

В основе большинства случаев чудесного лежит *магия*: сознание объясняет события проявлением особых законов магии, не поддающихся объяснению. Именно это лежит в основе примет, запретов, поверий и предсказаний. Столь частый *мотив предсказания*, потом сбывающегося (предсказания вилы Марку о его смерти, Вукашину о построении Скадра, предсказания-проклятия кучевок и браничевок Янку Сибиняину о Секуле), держится на мнимой связи между словом и событием, между желанием, чтобы какое-либо явление произошло, и его наступлением.

Сюда же надо отнести и мотив „вещего сна“, именно мотив дурного сна, предвещающего несчастье. Интересно отметить, что „вещий сон“ широко распространен в эпической литературе: „вещие сны“ в русских былинах, „вещие сны“ в „Слове о полку Игореве“, „Песнь о Нибелунгах“ начинается „вещим сном“, „вещие сны“ Карла в „Песне о Роланде“, „вещие сны“ в „Эдде“ и т. д.

В юнацких песнях сон предшествует событиям: он или точно передает их, или символически определяет их характер.

Драгутину перед охотой снится сон, который он и рассказывает брату:

Сон недобрый ночью мне приснился:
Молния от запада блеснула,
Из небес безоблачных внезапно
Гранул гром над нашими дворами...
Я погиб, а ты чуть жив остался.

Сон Момчила перед смертью похож на сон Драгутина („густая туча“). Густая туча является и в сне Марка Краевича, а в туче—Мина из Костура. Любопытно, что сон всегда рассказывается из предчувствия дурного, причем в ответ всегда слышится успокоительная фраза:

Сон ведь ложь, а истина у бога.

Но сны всегда сбываются.

Мотивы предсказаний и „вещих снов“ были приняты и легализованы и христианской литературой, канонической и неканонической. Естественно, что, попав в юнацкие песни из легенд и поверий древнего происхождения, они были поддержаны христианской легендой и апокрифом.

Следующая группа мотивов—это мотивы, связанные с верой *в силу слова*. Основа их тоже магическая. Проклятие и пожелание держатся как раз на вере в силу слова. Вукашин и Урош говорят Марку—один проклятие, а другой пожелание:

Вук:

Не имей ты племени и роду!
Будешь жить ты здесь на белом свете,
Чтоб служить турецкому султану.

.....

Урош:

Никого сильнее тебя не будет.
И покуда солнце есть и месяц,
Будут Марка вспоминать повсюду.

Что сказали оба — все сбылось.

Пожелание и проклятие играют роль заклинания, произносящий их старается заставить силы природы, ход событий повернуть в желательном ему направлении. Так, в песне „Построение Скадра“ братья Мрлявчевици принуждены принести форменную жертву для того, чтобы умиловить вилу и построить город. Этот магизм выражен и в именах сестры и брата,

которых вила требует разыскать и замуровать в стены города. Она требует разыскать *Стою и Стояна*, чтобы крепко *стоял* город.

Наконец мотивы *превращения, оборотничества* (см. песни „Секула оборачивается змеем“, „Змей-жених“) содержат в себе уже элементы тотемистического мировоззрения, связывающего происхождение человека с различными животными, зверями и птицами. В юнацких песнях много рассказов о рождении героев от змея, вилы, чудесного коня. Так, Секула рожден от змея женой сибирского бана, а вскормлен вилою; Марко Кралевич, по некоторым песням, точно так же рожден от змея; Реля рожден от змея и вилы и т. д. Мы уже высказали свое мнение о смысле этих мотивов: *эта поэтическая генеалогия героев служит их восхвалению и возвеличению*. Отсюда же (для объяснения чудесного рождения) возникли и песни о женитьбе юнака на виле.

Но как согласовать это с песнями, в которых юнак вступает в борьбу с вилой или змеем и побеждает их? Так побеждает вилу Марко, змея из Ястребца—Змейогненный Вук.

Нам кажется, что единственным объяснением будет следующее: если присмотреться внимательно к тому, как описываются эти бои и победы, то будет ясно, что противоречия в рождении юнака от змея или вилы и в бое его с ними никакого нет. Так же, как нет противоречия в известном сюжете „бой отца с сыном“, причем очень часто сын побеждает. Мотив боя и победы вводится только для того, чтобы еще более возвеличить героя, показать его необычайную, беспредельную силу. Песня „Марко и вила“ не дает повода к другому толкованию: Марко настолько силен, Шарац настолько быстр, что даже вила принуждена повиноваться Марку.

Фантастических существ и животных в юнацких песнях не много: змей (по мнению Мачал'я—образ, сложенный из дохристианских и христианских легенд), обычно „огненный змей“, крылатый конь, как у Момчила, видимо, поэтизация юнацкого коня на основе анимистических легенд и поверий; гуя—гадюка, по христианской легенде—девушка, проклятая богом за то, что она искусила Еву; див—великан, левоверный и простоватый, почему часто бывает посрамлен,—образ неясный по своему происхождению, в параллель приводят: иранское *div*, санскритское *daēvas*, латинское *divus*, но все это мало помогает объяснению¹, и наконец—вила.

¹ Крек пытался объяснить *div* от *vě-flare*—бог ветра. Более старое объяснение:—лесной бог.

Вила занимает в юнацких песнях большое место. Она действует наравне с героями песен.

Вила представляет собою существо женского рода, обладающее чудодейственной силой и способностью превращения. Иногда она имеет козьи ноги и конский хвост. Она живет обычно в горах. Она бывает доброй и злой. Она красива, у нее прекрасный голос, она иногда живет с юнаками и родит героев, но чаще всего она заботится о юнаках и помогает им. Она их посестрима. Она лечит раны герою. Она благодарна за помощь. Она предсказывает юнаку удачу и неудачу. Марку Краевичу она предсказала смерть.

Многие делали попытки объяснить и самое слово „вила“ и тот образ, который за ним скрывается¹, но наиболее приемлемым и обоснованным нам кажется гипотеза А. Н. Веселовского, высказанная им еще в 1889 году в заметках „Славяно-германские отрывки“ (II. Вила—Viola, III. Сербские вилы) в „Журнале Министерства народного просвещения“ (ч. CCLXIV, июль, отдел II, стр. 1—14).

Вила—образ древности, и христианство не приняло ее в круг легализованных „языческих“ богов. Вила была олицетворением сил природы. Нам она представляется в связи с горным пейзажем Сербии: требовалось создание особого духа стихии—гор, и таким духом явилась вила. Любопытно отметить, что табуированными местами вилы называются гумно и река. Это расширение зоны влияния вилы и появление вилы не только как горной (нагоркинья), но и водной (подводкинья), заставляет расширить ее значение и не приравнивать ее только к духу гор, хотя она является и духом гор².

Веселовский подошел к объяснению некоторых черт и свойств вилы с другой стороны. Он отметил, что вила является посестримой юнака, что вила нередко при рождении юнака предсказывает ему его судьбу, и что вилы, упоминаясь часто в исторических и литературных памятниках, хоть и не находят в них полного объяснения, имеют в характеристике памятников

¹ Объяснение слова „вила“ см. у Афанасьева — „Поэтические воззрения славян на природу“, III, 153, 182; Потебня — „О некоторых символах в славянской народной поэзии“, стр. 122; его же — „Объяснения малорусских и сродных песен“, стр. 401; Miklosich — „Etymologische Wörterbuch“, см. слово vila; Krek — „Einleitung in die slav. Literaturgeschichte“, 2 Aufl., S. 407 (прим. 1): „das Etymon des Wortes ist dunkel“.

² В троянской притче упоминается морская вила: „Молѣхъ морьской, видѣ, да оуставить морскій вльны“. Хроника Амартола переводит: „сирены... рекше вилы“.

любопытные черты. Паисиев сборник XIV века сообщает, что двоеверные веруют: „в Перуна ꙗ в Хорса ꙗ в Мокось ꙗ в Сима ꙗ в Рыла ꙗ в вилы“, „ꙗ мнать богинами ꙗ тако подкладывахуть им теребы (жертвы—*Н. К.*) ꙗ куры ꙗ м рѣжють ꙗ огневѣ молдѣтьсѣ“. В Будве (в Далмации у Котора) до самого позднего времени держались жертвоприношения виле. Считаясь с этими фактами, Веселовский принужден был признать вилу богиней, имеющей в представлении „двоеверцев“ более близкое отношение к человеку, чем дух гор. Подчеркнув посестримство их с юнаками, предсказывание ими судьбы героя при рождении, Веселовский попытался дать объяснения.

„Не есть ли известное посестримство вил с юнаками поздняя замена других *родовых* отношений, связывавших человека с его роженицей, фильгьей?“¹ Несомненно. Мы бы объяснили самое посестримство и побратимство как символ приема в род, как символ кровного родства. Позднее кровь заменилась символом—вином, и юнаки при побратимстве уже пьют вино, а не кровь.

Это вскрывает самый характер побратимства и характер отношений юнака к виле. А так как вила кроме того предсказывает или прямо определяет судьбу героя, то Веселовский сопоставляет имя „вила“ с *dies violae*—названием праздника в честь ман². Все это имело место в Италии и было связано с культом мертвых. Вилы—не маны, но иногда они являются в роли рожениц, определяющих судьбу ребенка. *Dies violae* не остались ли в образе вил? Не определили ли по крайней мере их очертания и имя, наслоившись на другое аналогичное народное представление?“³ Может быть, за римское влияние говорит и то, что жертвоприношения вилам держались долее всего в Далмации, ближе к Италии. О предсказании судьбы Веселовский говорит: „Во всем этом есть черты прирожденной доли, вышедшей к олицетворению из культа рода, ман, которых чествовали в *dies violae* как *χῆρες*—души усопших и, вместе с тем, девы (смертной) судьбы считались тайно присутствующими на праздновании афинского цветного праздника Анфестерий. Вила—*viola* могла повлиять со своей стороны на народное

¹ ЖМНПр., 1889; ч. ССLXIV, июль, отд. II, стр. 7.

² Маны — обоготворенные добрые души умерших, культ которых относится к древнейшему периоду истории Рима. Это духи предков, покровительствующие своему роду. Они почитались и в праздник *Viola-gia* — 23 марта.

³ Веселовский, *op. cit.*, 7.

усвоение сивиллы—самовилы и смешаться с нею по образу и имени. Если в Болгарии *русалии* называются самовильскими праздниками, то я вижу в этом хронологическое сближение древних поминальных праздников *dies rosae* и *dies violae*, *русалий* с праздниками вил, замененных самовилами¹. „В виле я вижу сложный образ, в котором римская *viola* слилась с древним „вѣла—вила“². Для заключения объяснения приведем латышское *wēles*—предки, домовые, *welis*—покойник; сербское *виловат*—бијесан човјек да су виле у њему—то есть одержимый вилой, бесноватый.

Нам кажется, что это объяснение Веселовского объясняет и то, почему вила является нередко матерью юнака (один из аргументов к его гипотезе, который упустил Веселовский). Именно *родовой* характер, вилы позволил феодальной поэзии ввести ее в генеалогию юнака, наряду со змеем и другими тотемическими образами, причем мы замечаем сильные следы феодализации образа вилы. „Вилы—девы воинственного типа; у них определенная роль в юнацком эпосе; но боевой период, создавший героический эпос южных славян, мог повлиять на изменение первичного представления о них“³. Это изменение выразилось в следующем. Прежде всего вила в своей роли родового предка-покровителя прикреплалась к определенным героям. Сеньориальная самостоятельность определила этот процесс. Во-вторых, вила перестала быть только духом гор или добрым предком—она стала героическим образом феодальной поэзии. В юнацких песнях она нередко вступает в единоборство, она ведет себя так же, как герои эпоса. И, в-третьих, усилилась и определилась ее роль покровительницы: она просто стала помогать юнаку в беде (см. песню „Марко Кралевич и Муса разбойник“).

Итак, мы видим, что изменения, пережитые чудесным и фантастическим в феодальной поэзии—эпосе, состояли в христианизации (феодализации) „языческого“ и феодализации тех дохристианских представлений, которые не могли быть приспособлены церковью, так как противоречили основным ее тенденциям,—так случилось с образом вилы.

¹ Веселовский, А. Н. *Op. cit.*, 7—8.

² Там же, 7.

³ Там же.

VII. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ В ПЕСНЯХ

Вопрос об историчности сербского эпоса.—Источники сербской истории.—Летописи, жития и эпос.—Источники истории в эпосе.—О какой истории поет эпос?—Отбор исторического материала.—История и законы развития устной поэзии. Культурная история в эпосе.—Имя и легенда.—Географические и племенные названия.—Легенда.—Событие.—Детали.—Условия сохранения и потери историчности песни.—Противоречия и анахронизмы.—Позднейшие напластования.—Объяснения исторического факта.—Для чего нужна история и псевдоистория в эпосе?

Вопрос об историчности сербского эпоса ставился не однажды. Представители старых школ не сомневались в верности „исторических“ фактов, о которых „свидетельствуют“ песни. Нередко и историки без оговорок пользовались материалом эпоса для того, чтобы характеризовать древний (главным образом) период сербской истории, о котором показания исторических памятников небогаты и от которого дошло немного памятников материальной культуры.

Но последние работы освещают иначе этот вопрос. Так, болгарский литературовед Трифонов¹ полагает, что „в песнях следы исторических событий слабы, а преобладает эпическая обработка широко распространенных мотивов“. А. А. Погодин высказался еще решительнее: „В сербских [песнях]... мы встречаем полную неосведомленность по отношению к прошлому своей страны“².

Нас интересует не только установление историчности или неисторичности эпоса (некоторую долю историчности можно установить сразу),—нас интересует то, как сербский эпос использует и интерпретирует историю, какой социальный смысл он придает историческим событиям, какую социальную оценку он дает историческим лицам.

В эпосе много элементов чудесного, фантастического и гиперболического, что, естественно, выпадает из рамок историчности. Но тем не менее в своей основе, по своему существу *сербский эпос—эпос исторический*. В нем *chanson de geste* есть *chanson d'histoire*. Основа его исторична. Историчны имена, историчны некоторые события, историчен самый факт воспевания героев, исторично отношение певца к героям и событиям,

¹ Трифоновъ Ю. Българска пѣснь за Новака у българитѣ и сѣрбитѣ. Списание Българската Академия на наукитѣ, кн. XXIX, стр. 103—128.

² Проф. А. А. Погодин, „Лекции по истории сербской и болгарской литературы“. Харьков 1914, стр. 31.

исторично социальное лицо эпоса. Правда, не всегда можно по фактам и именам, воспеваемым в эпосе, генетически прикрепить их к живой исторической реальности, но существуют приемы исторической критики, позволяющие определить ценность эпоса как исторического источника.

Соотношение вымысла и истории в эпосе часто определялось тем, насколько близко певец стоял к воспеваемым лицам и событиям. Иногда он просто не располагал достаточным запасом сведений о герое и принужден был, как мы увидим ниже, орудовать общими формулами, установившимися под давлением *социальной цензуры и социального идеала*. Если, в таком случае, общие нескольким героям черты не характеризуют индивидуальной личности, то они обычно типичны для феодализма—и в этом историчны.

Степень историчности сербского эпоса вообще и отдельных песен в частности может быть определена только по сличении их с источниками сербской истории, что затрудняется скудостью этих последних. Для ранних периодов сербских источников почти нет. Показания иностранцев слишком общи и требуют осторожного обращения. Так, показания византийцев пристрастны, а фактов сообщают мало. В истории Сербии многое остается неясным и даже неуяснимым. Более богатые источники, права, дающие представление о внутреннем строе Сербии, относятся главным образом к Далматинскому побережью, близкому Венеции и поэтому отличному от Старой Сербии, Македонии и других областей, где главным образом происходят события, воспеваемые в песнях. Благодаря такому положению с историческими источниками нередко исторические факты приходится устанавливать критикой тех же юнацких песен. Таким образом, историк и литературовед попадают в логический круг.

Но самые большие трудности создает следующее обстоятельство. Те исторические источники, которые можно бы было использовать для критики эпоса, сами нередко свои исторические показания основывают на показаниях эпоса или устной поэзии и преданий. Так называемая Трношская летопись свой рассказ о Косовской битве основывает на эпических повествованиях. Летописи пестрят народными преданиями. В летописях нет бытовых черт, живых подробностей о личности, даты и имена неустойчивы. Социальная тенденция летописей и эпоса одинакова. Летописи, как и эпос, хвалебны. Они представляют собою краткие записи побед, построений городов, церквей и монастырей, родословные кралей и деспотов, с неперменным указанием

смерти, вступления на престол и т. п. О том же, но без годовых указаний, говорится в эпосе. *И эпос и летопись—истории войн.*

Параллели и совпадения эпоса и летописи говорят о том, что эпос черпал сведения из летописи и, наоборот, и что, кроме того, у них были общие источники в виде преданий и житийной литературы.

Первые летописи идут от конца XIV—начала XV века, и их рассказы об исторических лицах и событиях основаны на житиях святых. Чего нет в житиях, того обычно нет и в летописи. Первые летописи—Копривницкая (Крушедольская) в списке 1453 года и Карловацкая в списке 1503 года—полностью выросли из житийной литературы. Копривницкую летопись писал дьяк Демьян по повелению зетского епископа Иосифа, а Карловацкая летопись упоминает жития и этим подтверждает свое знакомство с ними. Обе летописи не что иное, как родословные Неманичей. Видимо, составители их близко стояли к ним. Кроме того, вообще первые письменные повествования о Неманичах—жития. Сава, сын Стефана Немани, написал биографию отца—„Житие св. Симеона“. И другой сын Немани Стефан Дечанский тоже написал его житие. О Саве существует богатая житийная литература.

Некоторые эпические песни тесно примыкают к житийной литературе. Так, песни о Саве являются пересказом различных житийных эпизодов. Но важно здесь отметить и то, что эти житийные эпизоды не историчны. Рассказ песни „Како се свети Сава закалуђерио“ (в сборнике Петрановича) о том, что Сава ушел в монастырь, отказавшись от женитьбы, бросив невесту,—общее место житий, обычный мотив житийной литературы.

Так как певцы представляли собою своеобразных придворных историков, то они были хорошо знакомы с летописной и житийной литературой и, конечно, при необходимости черпали из нее „исторический“ материал. Но не это было главным источником истории в эпосе. Главным источником были *исторические воспоминания* и самих певцов, нередко свидетелей и участников событий, и исторические воспоминания, рассеянные в устных преданиях и легендах. Сумма сведений и представлений певца об истории—вот основа истории в эпосе.

Т. Маретич¹ показал, что об одних и тех же героях и событиях существуют и песни и прозаические рассказы, например,

¹ Rad, 1889, knj. XCVII, str. 69—81.

о Янке Сибинянине, о Секуле. Песня о Марке и Андрее совпадает со сказкой о них¹. Маретич на этом основании полагает, что песня заимствует мотивы из сказки и предания, тем более—неисторические: песни „Змей жених“, „Милица и змей из Ястребца“—целиком из сказок и поверий. Маретич указывает, что сказка редко называет определенных лиц, а обычно: „был царь“, „жил юнак“. Место действия тоже неопределенно.

Нам кажется, что Маретич ошибся, что дело обстоит как раз наоборот. *Не песни выросли из сказок, а исторические сказки являются не чем иным, как прозаическими пересказами песен.* Они—один из этапов разложения эпоса. За это говорят и общность и неопределенность истории в сказках—имена и названия забываются: это последняя стадия жизни эпоса.

В первой главе мы приводили мнение Веселовского о том, что эпос не является „поэтической обработкой сказаний“, что он—один из путей развития исторического факта. Иногда он пользуется литературными источниками, но в основном он сам историчен, он поет об истории, возникает вскоре после событий, которые он воспевает. Его предмет—история.

Певец не ставит своей задачей воспроизведение исторического факта. Задача эпоса не в этом. *Задача его в том, чтобы нужным образом осветить историю или создать такую историю, которая удовлетворяет историческим представлениям феодала.* Политика феодализма создавала особую *geste féodale*, обычно псевдоисторическую, только гримировавшуюся под историю. Эта история была поэтической историей родов, генеалогическим эпосом (Stammpoem). Эпос поет о той истории, которая нужна феодалу. Общим фоном служит борьба сербов с турками, проходящая через всю историю Сербии. Позиции различных феодалов в этой борьбе определили то или иное освещение исторических фактов и создание исторических легенд. Легенда о герое Милоше и Вуке-предателе имеет глубокий социальный смысл, так как обнаруживает позиции певца в этой борьбе, его групповую ориентацию.

Песня производит отбор исторических фактов. Эпос берет из истории то, что соответствует его задачам и его пониманию истории. Он равнодушен к биографическому и историческому факту, если факт не укладывается в нормы. Социальная цепзура строга, она устанавливает каноны. Песня берет героическое и торжественное, но обходит будничное.

¹ „Вила“ (Белград), 1867, стр. 719.

Историю в песне изменяют традиция и нормы формы, законы развития устной поэзии. Идеал героя определял процесс обобщения и типизации. Идеальные черты настолько обобщались, что индивидуальное исчезало. Все герои получали одно лицо, все события кроились на один манер, лица сливались в один образ, события—в одно происшествие. Постоянные мотивы и формулы под давлением социального идеала держали в тисках историю. Они как бы превращали общее и типичное в индивидуальное, то есть приписывали личности вообще характерное. От истории уводила и установка на занимательность („занимательность—враг истории“, Маретич, 109).

Эпос создал стереотипные формы для выражения идеального с точки зрения феодала.

Воспроизвести по песням историческую бытовую картину прошлого трудно, прежде всего потому, что позднейшие наслоения сильно изменили первоначальный вид песен. С другой стороны, самый характер песен—идеализация героев и обстановки, одежды и оружия—создает трудности при выделении реально-бытового из типически-поэтизированного.

Культура феодальной Сербии отразилась в песнях в своих общих чертах: семья, феодальные отношения, войны и набеги, жизненные идеалы, идеалы героя, поведение героя (насмешка над врагом, побратимство, дружба, вассальная верность). Культурная жизнь Сербии и материальная культура верны только в общем. Одежда, жилище, обстановка слишком идеализированы, они скрывают историю. Создается как бы историко-культурная легенда (*kulturgeschichtliche Legende*)¹. В такой легенде все типизировано: бытовые аксессуары, обстановка, одежда, оружие и т. д. (см. главы II, III и IX нашей работы).

Этот процесс коснулся и песенных лиц и событий. В песнях много героев, но все они сводятся к нескольким типам положительных и отрицательных персонажей. Исторических индивидуальностей не существует в песне, есть лишь идеальные типы (положительной или отрицательной „идеальности“). Герой рисуется чертами характерными для одного из типов. Так, и Марко Краевич не историческое лицо, а тип юнака. Гиперболизация и идеализация стирают индивидуальное. „Исторические имена служат только для того, чтобы вокруг них группировать изблюбленные мотивы“². Таким образом, историческое имя обрастает

¹ Термин Harnack'a.

² Маретич, *op. cit.*, 70.

легендой, историческое лицо идеализируется, возводится в степень героя. Песня сделала Марка Краевича положительным героем. Но старый сербский историк Раич говорит о нем: „Многая о сем Краевиче помежду народом повествуется и в песнях поется, обаче множайшая от тех басни суть: зане суверна и легкомысленна суть, якоже и оное еже о мече его из земли исходящем баснословится. Али же за истину почтется еже о нем в простых песнях поется, обретаем его быти продерзливим насильником и подлим пияницом кроме прочих бесстудий...“

Так как в этом свидетельстве нельзя видеть только морализм, и другие свидетельства подтверждают это, то ясно, что исторический характер Марка изменен.

В эпосе много исторических имен: царь Стефан Душан, князь Лазарь, Марко Королевич, Вукашин, Юрий Смедеревец, Ерина, Йово Деспотович, Змейогненный Вук, Якшичи, Черноевичи, большинство упоминаемых гайдуков и ускоков и др. Но во многих песнях только имена и историчны. Так, в песне „Женитьба Джюра Смедеревца“.

Но в эпосе есть ряд имен, историчность которых сомнительна. Литературоведы (особенно исторической школы) потратили много усилий для того, чтобы объяснить их. Установление идентичности песенных и исторических лиц не всегда возможно, ибо, как мы указывали выше, источники сербской истории сравнительно скудны. Картина запутывается тем, что нередко пытаются объяснить имя, которое невозможно объяснить, так как оно неисторично. Сравнительный и исторический методы доходили в этом до абсурда. Халанский, например, сопоставил Джемо *Брдянина* и *Святогора*.

В большинстве случаев приходится ограничиться предположениями, основанными на сходстве имен (ср. примечания к песням). А. Гаврилович полагал, что *Джемо* Брдянин—*Дино* Мусакия. Отдаленное сходство привело к ошибке. Томич подошел к объяснению иначе¹. Он проанализировал всю сумму мотивов и сведений о герое и пришел к заключению, что Джемо Брдянин не кто иной как Еген-паша. Выводы Томича вызывают только одно сомнение: как нам кажется, он слишком доверял песне, поэтому сравнения исторических показаний о Егене-паше с песнями о Брдянине не во всем убедительны.

¹ В статье „Ко је ђемо Брђанин“. Белград 1901, стр. 21.

Многие герои сохранили имена только в песнях—история их не знает. Таков Гойко—третий Мрнявчевич¹ („Построение Скадра“), весьма сомнительны Юг и Юговичи. Очень часто несоответствие песенных имен историческим. Жена Вука звалась не Анджелией (как в песне), а Марой. Жена Душана звалась не Роксандой, а Еленой. Почти все царицы в песнях носят имя Елена. Песня Милоша делает зятем Лазаря, Милицу, дочь Вратка,—дочерью Юга, Лазаря—Неманичем.

Песни расхищают образ исторического лица. Одна песня хранит одну черту его, другая—другую, но цельного представления о нем эпос не дает. Таковы многие полуэпизодические или второстепенные лица.

Дела одного героя приписываются другому,—это возможно потому, что и дела и черты похожи. Так, к Марку прикрепились многое из того, что пелось о других героях. Такие же наслоения были сделаны и на Милоша. Чужие мотивы и подвиги были приписаны ему, его образ обогатился, и он вырос как юнак. Из этого можно сделать вывод, что „связь между именем и мотивом очень слаба, имена часто меняются, мотивы более устойчивы“ (Маретич, 181). Маретич идет и дальше. Так как он предания и сказки считает основой песен, то заключает, что „нельзя поэтому в каждой юнацкой песне старого времени, в которой встречаются исторические имена, искать воспоминаний об исторических событиях. В старой нашей эпике не следует искать ни мифологии, ни истории, а только *повествовательный материал* (priповjedaci materijal), который не настолько оригинален, как обычно думают“ (стр. 181). Такой подход мы можем объяснить только как подход специалиста литературоведа, который не видит ничего кроме литературы и полагает, что источником литературы служит литература же, что между ею и жизнью нет никакой связи, никакого „обмена“.

Так же как имена героев обрастают и географические названия. Историчность их в эпосе незначительна, но есть песни с более или менее точной номенклатурой. Певец может и спутать названия. Так, в песне о том, как Марко узнает отцовскую саблю, река Ситница спутана с Марицей (если только в песне есть хоть какое историческое зерно). В песне о женитьбе Вукашина Перитеорией спутан с Перлитором (Ширитор), и поэтому действие с юга Сербии перенесено в Герцеговину. Более точна география косовских песен, точность и подробность ее объясняется, ви-

¹ Хотя некоторые сомнительные памятники упоминают его.

димо, тем, что многие певцы были с Косова поля и из близлежащих местностей, и тем, что песни о Косове сложились в среде тех, кто эмигрировал с Косова.

География песен более или менее ясна. Каждая группа песен (цикл) имеет свою область. Марко действует на юге, в Македонии и Турции; косовские события происходят у Косова и на Косове; Черноевичи живут в Зете и Черногории и сносятся с Венецией; гайдуки и ускоки обитают в горах Далмации, Боснии и Герцеговины. Таким образом, мы можем подчеркнуть еще одну особенность циклов эпоса: они имеют *локальный характер*, события связываются с ограниченным местом действия. А это (в связи с другими данными, см. главы III и IV) дает возможность говорить и об их распространении. Как роды деспотов и воевод были связаны с местом, так и песни, вырастая вокруг рода (династии), связывались с местом и имели местное распространение. О героях создавались *местные легенды*.

Из иностранных земель и городов чаще всего в эпосе упоминаются турецкие, венецианские и венгерские, смотря по тому, к какой стране ближе стояла та область, в которой складывались песни: для Македонии и Старой Сербии—Турция, для Черноевичей и ускоков—Венеция и т. д.

В географических именах нашел богатое отражение горный ландшафт Сербии, с огромным числом рек: большинство географических названий относятся к названиям планин и рек.

Наконец, так как сербский эпос—эпос исторический, в него укладываются большие исторические масштабы, а время его сложения—время первого столкновения некоторых народностей, то интерес приобретает и вопрос о племенных названиях. В сербском эпосе их немного: серб, болгарин, турок, латинец (итальянец, католик), мадьярин, влах и арап, арапин, арапиниц. Наиболее обычной фигурой является арапин, но он же и самая любопытная фигура, потому что арап и арапы в песнях—фигуры типизовавшиеся, и следует раскрыть их историческую основу.

На самом деле, кто такие „арапы“ сербского эпоса?

Естественно их возводить к арабам. Что касается арабов, то знакомство с ними славян относится к VII веку. Одним из первых столкновений славян и арабов была война греков (Юстиниан II) с арабами в 688 году, в которой славяне участвовали на стороне греков. Между 716 и 718 годами под Царьградом произошла битва между арабами и болгарами, в которой болгаре, защищая Византию, убили около двадцати тысяч арабов.

Султан Мурат II.

Деспот Юрий Бранкович.

Но особо давали себя чувствовать арабы в IX и X веках. Владея северной Африкой, они в это время укреплялись в Сицилии и делали высадки в Италии. В 867 году они на тридцати шести кораблях явились в Далмации, взяли несколько приморских городов, осадили Дубровник, Котор и Будву. Только после пятнадцатимесячной осады, и то с помощью греков, арабы были выбиты с побережья. В 904 году они осадили и взяли Солунь. В 923 году болгарский царь Симеон вступает в союз с арабским императором Фатлумой против турок (поход не состоялся). В 963 и 969 году Византия воюет с арабами. Все это говорит о том, что славяне часто сталкивались с арабами и поэтому хорошо их знали.

Но арабы в песне обычно называются „черными“.

Халанский, видимо, правильно ответил на вопрос, кого надо разуместь под именем „черных арапов“ в сербском эпосе¹.

По песням царство арапское находилось где-то за морем. В песне № 62 (Караджич, IV) султан Баязид приглашает Марка Королевича на войну против арапов. Марко приезжает в Стамбул, а оттуда

Дике царе силовиту войску,
Отидоше преко мора синег,
На Арапску льуту покрајину,
Те узимљу по мору градове...
....додоше под Кара-Окана² (ст. 82—85).

Естественно видеть в этом Малую Азию. Действительно в 1405—1406 годах Баязид воевал в Малой Азии с татарами, ему помогали сербы. Под Ангорой его разбил Тамерлан. Может быть, нападение арапов на Баязида и есть отзвук борьбы татар и турок. В песне „Марко уничтожает свадебную пошлину“ арап назван заморским (прекоморче).

Песня „Марко Кралевич в Азачской темнице“ тоже говорит о том, что арапское царство за морем, потому что Марко посылает письмо

Преко мора до града Солуна³.

¹ РФВ, 1882, т. VII, № 1, стр. 113—120.

² Поднимает дарь большое войско

И уходит через сине море

На границу лютую арапов,

Забирает города по морю...

А приходит под Кара-Окан дарь...

³ Через море до града Солуна.

В песне „Якшичам спалили дворы“ арапская земля сейчас же начинается за рекой Ступницей.

Наружность арапа: черные руки, белые зубы. Марко говорит об арапке:

Она црна, а бијели зуби.

Дойчин, идя спасать Марка, красит лицо черной краской. Первоначально под „черными арапами“ надо понимать арабов и эфиопов.

Халанский делает замечание о том, что не существовало различия в цвете кожи между жителями Аравии и Африки. Сказание об Акире премудром называет черными и эфиопов и сарацин (арабов). „Да и сама действительность давала основание представлению арабов черными: арабские халифы в своих войсках содержали значительное количество негров; из последних часто состояла почетная стража мусульманских правителей“.

Позднее „черными арапами“ стали называть всех пришедших с востока. Турки, в войсках которых было много арабов и негров, в песне № 3 (Караджич, III) называются арапами:

Сусрете га Махмед Арапине
Са његових тридесет делија,
Турчин ћера три товара блага¹ (ст. 26—28).

И еще несколько раз турки называются арапами и арапы турками.

А когда за турками явились и татары, то и к ним приложили название „черных арапов“. А непосредственные столкновения обнаружили разницу: у „черного арапа“ появляется „руса глава“ и возникает даже сказание о „белом арапе“.

„Чем ближе к настоящему времени, тем туманнее представляется царство арапинское“, и наконец является эпической „terra incognita“ (Халанский). А под арапом начинают понимать вообще насильника, как в русских былинах в образе Идолища-поганого обобщились пришедшие с юга народы. Таков насильник в песне „Груица и Арапин“, относящейся самое раннее к началу XVII века.

¹ Повстречал его Мехмет Арапин
С тридцатью юнаками своими,
Три сокровища сгубил турчин тут.

Вокруг имен героев, географических названий, племенных названий создавались легенды. И легенда и песня были памятниками своей эпохи, так как даже то, о чем говорили они, характеризовало эпоху, ее интересы, социальную группу, которая их создавала. Так возникли церковные легенды о Марке, песнужития о Саве, Душане и Немане. „Литература легенд была героическим эпосом церкви“¹. Святые были божьими рыцарями („*Atleten Gottes*“), идеальными образами героев церкви. Создавалась особая *Heiligenepik* (*Eicken*). Благие дела (вклады, задужбины, аскетические подвиги) и божественные чудеса были неизменными элементами этой эпики.

Создавались легенды о городах. Такова легенда о построении Скадра. Создавались легенды о народах. Таковы песни об арапах.

Легенда представляет историю как чудесное, как поразительный эпизод, дает новую группировку фактов, свой их отбор. Она создает из истории то, что хочет. „Каждая политическая и церковная партия имеет свои легенды, и эти легенды тяготеют тяжелым грузом над пониманием истории“². История проецируется через легенду. А „легенда любит преувеличения“³, „легенда создает из героя тип“⁴.

Легендою обрастает не только имя или название, но и историческое событие. История говорит о Момчиле—болгарине, разбойнике, жившем в XIV веке, служившем то Византии, то другим государствам. Он был деспотом области в Македонии, находившейся на пути от Струмы к Нижней Марице и Фракии. Исторические источники говорят о том, что он погиб в 1345 году (1361 и 1362—по другим) в битве с турками у греческого города Перитеория, который не открыл ему ворот.

Вокруг этого события и вращаются песни. Они поют о гибели Момчила. Исторический факт начинает изменяться. Прежде всего по сходству имен Перитеорий переносится в Герцеговину—к Пиритору (видимо, в местном герцеговинском варианте). Затем гибель его от турок заменяется гибелью его от руки Вукашина, что идет, видимо, от песенного образа Вукашина—убийцы и

¹ „Die Legendenliteratur war die heroische Epik der Kirche“. *Eicken, H.* „Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung“. *Stutthardt* 1887 S. 68f.

² *Harnack Adolf*, „Legenden als Geschichtsquellen“. *Reden und Aufsätze*“, Bd. I, *Gissen* 1904. S. 8.

³ „Die Legenden liebt die Ubertreibung“. *Op. cit.* S. 16.

⁴ Die Legende bildet den Helden zum Typus aus... *Op. cit.*, S. 17.

вообще узурпатора¹. Далее как мотивировка убийства прикрепляется мотив о жене изменнице.

К песням о косовском бое 1389 года прикреплялись рассказы о всех битвах на Косове (1449 год и др.), события разрастались, Косово получало огромное значение, исторически его не имевшее.

В общем песня сохраняет не много истинных исторических свидетельств². Если она правильно приписывает князю Лазарю построение Раваницы, если она сохраняет близость историческим событиям в песне „Марко из Костура“ (жена Марка Елена действительно ему изменяла), то она, рассказывая о том, как Марко явился к Мине, переодевшись монахом, о том, как погиб воевода Приезд (он сторел в башне, а не бросился в Мораву), передает их почти не считаясь с историей. *Ее верность истории не выходит обычно за пределы исторически характерного* (женитьба на венединке, например). Географической, локальной и хронологической точности в песне искать не следует. Ее там нет.

„Остатки истории“ сохранились чаще в бытовых деталях, в мелочах как обмолвка, в исторических мелочах как эпитет— „проклятая Ерина“. Но типизация и обобщение стирали детали, песня теряла или просто не давала подробностей места, времени, без чего для историка не существует исторического факта, хотя и сохраняла социальный характер событий, так как была обнаженно социальной поэзией. Иногда кажется, что деталь верна, исторически характерна, но при анализе она оказывается общим местом, близким эпохе лишь в ее представлении об идеальном.

Историческая верность песни определяется тем, когда и кем она создавалась, насколько близко к событиям стоял певец по времени, месту и социально. Если песня создавалась вскоре после событий, ею воспеваемых, она сохраняла в себе более деталей и исторических характеристик, близость историческим прототипам и событиям. Песни нередко создавались и о живых героях, а не только по воспоминанию. С другой стороны, чем большее расстояние между событием и временем сложения песни, тем менее она исторична—воспоминания расплываются. *Поздние песни о ранних событиях мало историчны.*

¹ Джурицкий. „Болгарские песни о Дойчине и Можиче“. „Ученые записки Киевского университета“, 1893, № 4, стр. 42 и след.

² Сербский эпос не знает исторических тем старше XIV века.

Но и близкая событию песня нередко теряла свою историчность, потому что проходила долгий и сложный путь развития, то есть: чем старше песня, тем менее она исторична. Поэтому не все циклы песен равно историчны. Песни „докосовские“ совсем почти не историчны (элемент историчности поддержан в них житиями), не много истории и в косовских песнях. Гораздо более историчны песни о гайдуках и ускоках, хотя над ними слишком тяготеет традиция формы. О новых песнях об освобождении Черногории Караджич сказал: „В них более истории, чем поэзии“.

Чем больше жила песня, тем она менее исторична, так как менялся взгляд на историю, перед песней ставились новые задачи, появлялись новые исторические сюжеты и герои. Исторически и локально характерное, старое вытеснялось новым, новейшие переработки и редакции изменяли первичное, более близкое истории, литературные влияния уничтожали самый исторический факт, историческое зерно песни.

Чем более ходила песня, тем более рос герой, в котором выразились более устойчивые представления. Так исторические песни о Марке, возникшие в Македонии или близ нее, были историчны потому, что территориально стояли близко к месту его подвигов. Но как только Марко был выделен из среды других героев, к нему стали прикрепляться чужие мотивы. Так на него насадились сказания о валашском богатыре Марке (конца XVI века), служившем у румынского господаря Михаила VI; нередко разбойничавшем. И чем популярнее становился герой, тем менее исторически достоверны были песни о нем.

Все это вызывает огромное количество анахронизмов и противоречий в песне. Часть их—остатки старого наследственного материала, часть—противоречивое соединение старого и нового. Противоречия в песенных показаниях возникают при замене одного героя другим, при контаминации песен, при перенесении героев из одного времени и места в другое. Песня „Гибель сербского царства“, описывая Косовский бой, говорит о Мрлячевичах, которые жили в докосовское время и о ерцеге Стефане, который жил много позже. Видимо, сама песня нового происхождения.

История в эпосе выглядит своеобразно. *Историчности в полном смысле ни в каком эпосе нет. Исторический факт в нем служит только первоосновой:*

Например, хронология. *Дат в эпосе вообще нет. Хронологическая соотносительность событий не выдержана.* Какова мо-

жет быть хронология в эпосе, где Марко живет триста лет, где Урошу сорок дней во время смерти его отца, когда в истории ему шестнадцать лет, где Юг-Богдан и Старина Новак всегда стары, а Секула и Груица всегда молоды?

Типизация в эпосе убивает историю и хронологию.

Песни полны анахронизмов. Марко соединяется с Михайлом Шишманом (1323—1330), приезжает к нему из Прилепа. Но Марко лишь полстолетием позже был в Прилепе. Скарп в песне строят Мрлявчичи, а он за много веков до них был построен. В песне турки уже при Марке в Царьграде, на самом деле они заняли его через 59 лет (в 1453) после смерти Марка (1394). По песне в Косовской битве участвует и Вукашин, погибший на Марице за восемнадцать лет до Косовской битвы (1389). Косово объединило в себе все события борьбы с турками—социальная оценка всех их была одинакова. Хреля не мог бороться против Вукашина, так как умер в 1343 году, Душан не мог дать Хреле Кастор в Македонии в 1349 году, так как Хреля шесть лет уже как был мертв. Марко является в Азаке в 1442 году (битва при Азаке), спустя сорок восемь лет после своей смерти. Марко выводится и среди лиц позднейшего времени—гайдуков и ускоков, то есть в XVI—XVIII веках.

Наконец просто много неточностей и небылиц. Вук Бранкович не был изменником. С Косова побегал не Вук, а Влатко Вукович. Вукашин не убивал Уроша, так как Урош умер после смерти Вукашина и т. д.

Не только новые напластования создавали анахронизмы и противоречия, но и пережитки старого вносили их в новые песни.

Есть и историко-культурные анахронизмы. Так, в песнях упоминается телескоп, так, в песне о Марке и Вуче-генерале говорится о пушках („Загремели в Варадине пушки“). Это, видимо, анахронизм, так как первая пушка в Сербии упоминается в 1383 году: венецианцы продали босанскому кралю Твртку falconus, но как большую редкость.

Все эти явления не случайности исторической стороны песни. Это закономерные явления не только истории эпоса, но и того описания и объяснения исторического факта, которые даются певцом с определенной социальной точки зрения. Взгляд певца на исторические события—взгляд военной аристократии, создававшей свою историю, дававшей ей свое освещение. Сербский эпос осмыслил исторические события в определенном классовом аспекте. Феодалное представление

истории уложилось в вымышленные, нередко символические образы, исторический факт разрушен бродячими сюжетами, общими формулами, символическими подвигами, он подвергся поэтической переработке, придавшей ему нужное социальное освещение. Правда, многое зависело еще от общего уровня исторической мысли того времени (летописи, хроники, родословия, жития), которая не на много поднималась над пониманием и освещением истории в эпосе. „Песня шла за достоверное повествование о действительно случившемся“ (Буслаев). Во всяком случае она воспринималась так некоторой группой слушателей, той забитой и нищей крестьянской массой, которой феодальная поэзия старалась привить представления о неколебимости феодализма, славном прошлом династии и т. п.

В эпосе существует, как указал Маретич, особого рода прагматизм—представление о связи и последовательности событий, который лежит в основе объяснения фактов. Прагматизм этот носит ярко социальный характер. Так, самое представление о „гибели“ сербского царства—групповое представление.

В этой битве был убит и Лазарь,

В этой битве сербы потеряли

На земле и власть свою и силу.

Исторически это совершенно не верно. Косовская битва 1389 года не имела решающего значения для Сербии, так как в 1433 году сербы разбили турок на том же Косовом и до 1459 года Сербия сохраняла относительную самостоятельность. Толкование боя как „гибели“ царства вышло из тех феодальных слоев, которые после битвы 1389 года потеряли свои владения—это главным образом владары Старой Сербии. От них же исходило и оправдание проигранной битвы: создана была легенда об измене Вука, о том, что „так бог судил“. Они не могли признать бесславной битвы, не могли принять на себя вину.

Итак, мы приходим к убеждению, что истории в эпосе не много, хотя он в своей основе историчен. Эпос дает свое (и различное) толкование исторических событий, свою их оценку. История настолько изменена в эпосе, что вернее говорить о гримировке под историю и о псевдоистории. *Для песни важен не исторический факт, а важна возможность использовать его для своих целей.* Самая установка песни уводила от истории, создавала псевдоисторию. Целью эпоса никогда не было воспроизведение истории.

Для чего нужны были история и псевдоистория в эпосе? Только для того, чтобы создать вокруг героев легендарный поэтический ореол, приписать им славных предков, воспеть этим династию или род и из общей картины истории вывести заключение о неизменности миропорядка. Замаскированной аналогией прошлого и настоящего, сравнением, которое невольно делал сам слушатель, певец заставлял слушателя верить в грандиозность, величие и закономерность настоящего, он исторически оправдывал настоящее.

Все это—и историческая идеализация, и воспевание прошлого, и историческая аналогия, и мораль о неизменности миропорядка—все служило одной цели: утверждению существующих общественных отношений—феодализма, утверждению господства одной социальной группы—служилого сословия и главным образом военной аристократии. Неправ Маретич, когда говорит, что „народная традиция часто служит историкам для того, чтобы судить о том, каким было в старину мнение простого (?—Н. К.) народа о какой-либо личности или каком-либо событии“¹. Но Маретич далее принужден оговорить, что это мнение было мнением „властели и духовенства“. Отсюда ясно, что песни требуют строгой исторической критики и притом в социальном разрезе.

VIII. СЮЖЕТИКА СЕРБСКОГО ЭПОСА

Круг сюжетов.—Вопрос о литературных влияниях на сербский эпос.—Типизация сюжетов и мотивов.—Бытовые основы сюжетики.—Основные мотивы.—Поход.—Поединок.—Речи к дружине.—Женитьба.—Смерть героя.—Возникновение и отмирание сюжета.—Развитие сюжета.—Принципы построения сюжета юнацкой песни.—Искусство ведения сюжета.

Круг сюжетов сербского эпоса не широк. Сюжетика его имеет небольшие границы колебаний. Она так же как и вся эпическая поэтика отличается *устойчивостью*, для нее характерны *вариации*. Сюжеты песен могут быть разбиты на несколько групп, и эти группы будут представлять собою варианты одного сюжета, определенные особыми историческими и местными условиями, социальным смыслом песни. Варианты возникали потому, что песни распадались, сливались, перерабатывались и прикреплялись к различным героям, а прикреп-

¹ Op. cit., 109.

ление вызывало приспособление сюжета к тому историческому преданию о герое, которое требовало поэтизации. Поэтому запас сюжетов не богат, но число героев эпических песен огромно.

Характер сюжетов сербского эпоса может быть определен следующим образом: сюжетика сербского эпоса *героическая*, то есть наиболее типичный сюжет песни, представляет собою борьбу, физическую борьбу двух юнаков, причем подвиги победителя воспеваются, идеализируются. Это общий характер сюжетики.

Со стороны материала, который служит источником для создания цепи событий (борьбы), наиболее типичный сюжет должен быть определен как *исторический*, безразлично, служат ли основой сюжета действительные исторические факты или факты, лишь выдаваемые за таковые.

По характеру мотивировки сюжеты распадаются на две группы: на сюжеты с реалистической мотивировкой, в которых причины, служащие толчком к действию, поводом к столкновению двух юнаков, правдоподобны и вероятны, и сюжеты с фантастической мотивировкой, в которых этими причинами будут фантастическое или чудесное. Выше, в главе о чудесном и фантастическом в сербском эпосе мы определили место чудесного и фантастического в песне: чудесными и фантастическими выглядят обычно сами события, и реже их причины.

Наконец сюжеты сербского эпоса могут быть характеризованы со стороны их источника как сюжеты традиционно-эпические и сюжеты литературного происхождения (обычно псевдоисторические, которые чаще всего становились традиционными сюжетами эпоса).

Как мы уже видели выше, не все циклы песен историчны (хотя типична именно историческая песня). Есть группа сюжетов, которая хоть и выдает себя за „правду“, отделяется от исторических сюжетов: это сюжеты неисторического цикла или сюжеты исторических, но христианизированных циклов, на которые легли большие литературные наслоения.

Литературная культура Сербии XII—XV веков была церковной. Книга писалась или в монастыре, или при церкви. Огромная роль духовенства в культурной и экономической жизни Сербии и роль религии как идеологии отражались в первую очередь на письменности, как чистом экстракте идеологии. Церковь оценила значение, которое может иметь книга в пропаганде религиозных воззрений, политических убеждений,

правовых установлений и т. д. Церковь приспособила письменность к своим нуждам так же, как она приспособила языческие верования.

Христианство, прививаемое сербам, наложило свой отпечаток и на эпос. Лирическую и игровую песню и танец церковь преследовала как „бесовское действо“, но эпос постаралась приспособить к своим задачам.

Мы уже показали, какими путями шла христианизация эпоса. Было собственно две линии: христианизация исторических сюжетов (главным образом песен косовского цикла) и введение в эпос новых сюжетов, более полно выражающих стремления христианской церкви.

Песни „Святые делят мир“, „Дьякон Стефан и два ангела“ и „Огневая Мария в аду“ довольно позднего происхождения, сравнительно с другими неисторическими песнями, но более раннего, чем христианизированные песни исторических циклов. Они представляют собою простую эпическую обработку легендарных сюжетов апокрифического характера, стихотворное переложение легенд, иногда контаминировавшихся с близкими языческими сюжетами. К ним относятся и космогонические мотивы, представляющие часто отголоски богомильских сказаний и верований. Такова песня о споре Иоанна крестителя и Дуклияна царя (Диоклетиана), который олицетворяет язычество. Основное положение богомилов, что не бог, а дьявол— творец мира, широко обработано в особом цикле эпических песен, которые соответствуют болгарским „церковным песням“ и русским „духовным стихам“.

Христианизации сюжетики способствовали многие обстоятельства: экономическая сила церкви и ее культурное влияние, влияние Византии, паломничество, влияние письменности на устное творчество. Хотя грамотность была незначительна, письменность, изводы старославянской письменности, переводы с греческого, в большинстве случаев духовного содержания, богатая житийная литература проникли сначала в высшие, более культурные, а затем, чаще в виде устных пересказов, в низшие социальные слои. И эпос постепенно впитывал в себя книжные сюжеты. Таким образом, книга служила литературному обмену.

Мы считаем весьма разительным совпадение легенды, указанной А. Н. Веселовским в статье „Мелкие заметки“ (ЖМНП, 1889, май, стр. 37), и песни о „Бановиче Страхине“.

Мы приводим эту легенду.

„В то же время у некоего воина плениша жену; он же взем с собою единого пса да секиру поиде в след их; они же приидоша в некое село болярское людем выбежавшим и обретоста множество пития и многоаго ради зноя упишася зело и спаху яко мертви. Воин же с секирою поотсече всем главы и влез в едину из клетей и виде жену свою со князем их лежащу на одре такоже ото многого пианства спящу. Она же видевши мужа возбуди варвара, он же въстав и нача битися с мужем ее и одолев ему сядище на нем и нача имати ножь, хотя заклати его; пес же его, видев господина своего хотяща заклана быти, взем варвара усты за видение и за главу совлече его со господина своего. Он же въстав уби варвара и взем жену свою, новую Далилу, отъиде и сотвори ей елико восхоте“.

Родство между легендой и песней о Бановиче Страхине— несомненно. Вопрос только в том, что чему дало начало: легенда песне или песня легенде?

Нам представляется история этого сюжета в таком виде.

Сюжет о верной охотничьей собаке, спасающей хозяина от смерти, возник очень давно, возник, может быть, на Востоке, у скотоводческих и охотничьих племен. Он долго странствовал в устном обращении как рассказ о чудесном животном. Культурный обмен занес его на Балканы. Во всяком случае из героической литературы нам известен ряд рассказов о верных псах. Проник этот сюжет в Болгарию и Сербию и там был использован эпосом, потому что история о верном псе находила отклик в той любви к охотничьим псам и птицам, которой пользовались они у феодалов. И только потом книжная легенда пересказала песенный сюжет.

В большой мере эти соображения останутся только соображениями, предположениями, но именно такая история сюжета наиболее вероятна, так как не раз уже исследователи говорили и о влиянии эпоса на книжную литературу: на жития, летописи, сборники повестей.

Вместе с книгами духовного содержания в Сербию попали и книги исторического или светского содержания и сборники повестей, рассказов из 1001 ночи, романов и повестей об Александре, Бове, Стефаните и Ихнилате, Соломоне и Китоврасе.

Мы довольно скептически относимся как к попыткам широких сравнений сербского эпоса с эпосом русским, германским и т. д. (Халанский), так и к тенденциям объяснять все сюжеты литературными влияниями и заимствованиями (Банашевич).

Несколько сюжетных совпадений песен и романа об Александре, широко распространенного в Сербии¹, подкрепленных совпадениями имен и отдельных выражений (например, имя жены Душана Роксанда вместо Елены и выражение „дјаманти што светле ноћу“ в песне „Женитьба Душана“), могут быть случайными совпадениями. Совпадение некоторых мотивов в романе о Бове и в песнях „Женитьба Вукашина“ и „Марко Кралевич в Азачкой темнице“ тоже мало доказывает. Хотя нам и известно, что роман о Бове пользовался большой популярностью в Далмации и Боснии (указание Веселовского)—совпадения слишком общи, чтобы они что-либо показывали.

На самом деле, что следует из того, что и в романе о Бове и в песне „Женитьба Вукашина“ жена выдает мужа, что следует из того, что в былине об Илье, в песне о „Марке и Мусе разбойнике“ и в сказании о Синагриппе и премудром Акире героя заключают в тюрьму, считают умершим, но когда князь, султан или царь попадает в трудное положение, его спасает герой, о котором вспоминают в беде?

Самое большее, что можно сказать, это то, что такие сюжеты характерны были для феодального общества: очень часто строптивые вассалы и дружинники сидели в погребках и темницах.

Выше, говоря о Кралевиче Марке, мы привели совпадение песни о его смерти с рассказом о смерти Роланда. Так как часто в хрониках XIII—XIV веков из Дубровника Роланд связывается с Дубровником и так как крестовые походы несомненно оставили и литературные следы в Сербии, возможно, что некоторые мотивы в песне о смерти Марка Кралевича связаны с мотивами песен о Роланде, ко времени последних крестовых походов уже оформившимися.

Феодальная поэзия—эпос—из большого запаса традиционных „бродячих“ сюжетов, из запаса литературы, наконец из чисто бытовых случаев, которые давали материал для сюжетов, отобрала наиболее типичные для феодализма сюжеты, наиболее полно выражавшие феодальное миросозерцание, наиболее сильно „агитировавшие“ за непоколебимость феодального строя. Создался свой круг сюжетов, которые обтачивались, отшлифовывались, пока не получили форму, обладавшую огромной сопротивляемостью, не поддававшуюся переделке и дававшую пред-

¹ Jagić, V. „Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung“. Arch. f. sl. Phil., 1877, Bd. II, S. 23 f.

ставление о неизменности феодальных отношений, морали и права. Выработался свой запас типических схем и положений, готовый к услугам дружинного певца, а позднее—певца-гуслира. Действие песни типизировалось, схематизировалось, укладывалось в рамки принятого и характерного. Параллельно с этим шел и процесс типизации героя, выработки типа идеального юнака. Наконец типизация и схематизация достигли своих пределов: установился канон сюжета и тип героя.

„Сюжеты—это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная“¹.

Мы уже выше определили бытовую основу наиболее типичных сюжетных мотивов: они представляют собою наиболее типичные для феодальной эпохи человеческие отношения, наиболее типичные и жизненные положения, которым дается оценка с феодальной же точки зрения. События, развертывающиеся в сюжете, или восхваляются, или осуждаются, смотря по тому, соответствуют ли они моральным и правовым нормам феодализма.

Устойчивость этих норм дает возможность и типизации сюжетов и мотивов, то есть отбору их с точки зрения этих норм.

Исторические основы сюжеттики сербского эпоса состоят в том, что он использовал действительные исторические события, но тоже типичные и характерные для феодализма. Этот отбор сюжетов и мотивов основан на их популярности, а „популярность известных сюжетов в известную пору имеет свой общественный *raison d'être*“². Для сюжетов и мотивов сербского эпоса этот смысл состоял в пригодности их для выполнения задач одической, хвалебной поэзии.

Естественно, что среди сюжетов юнацких песен привились и некоторые традиционные сюжеты, которые являются пережитками древних, дофеодальных бытовых отношений или мирозерцания. Таковы сюжеты: брак увозом, брак со зверями и превращения. Они удержались потому, что ответили на запросы феодальной поэзии, что нашли себе поддержку в культурных пережитках феодальной Сербии.

¹ Веселовский А. Н. Собрание сочинений, т. II, в. I, стр. 4 („Поэтика сюжетов и ее задачи“).

² Веселовский. Собрание сочинений, т. VI, стр. 28.

Сюжет „муж на свадьбе своей жены“—как раз один из традиционных сюжетов, привившихся в эпосе. Его живучесть и популярность определились тем, что он ответил на требования образной идеализации. Поход, плен и возвращение на родину через несколько лет—типичные события в биографии феодала.

Сюжетное напряжение в рассказе о возвращении из плена может быть дано путем присоединения к обычному рассказу о возвращении—необычного мотива о возвращении мужа к жене, выходящей замуж. Конечно, в развитии этого мотива все рассчитано: муж является во время свадьбы, жена узнает мужа и помогает ему погубить настойчивого претендента, оказывающегося обычно врагом героя. Песня „Марко Кралевиц и Мина из Костура“ содержит в себе наиболее типичные черты этого сюжета.

Так постепенный отбор и переоценка мотивов создают круг основных избранных мотивов, наиболее полно раскрывающих тенденции песен. Для русской былины и сербской юнацкой песни такими мотивами будут мотивы похода, встречи юнаков, поединка, победы и смерти героя.

Большинство юнацких песен представляет собою рассказ о походе юнака: Марка Кралевица на Арапа, Янка Сибинянина на турок и т. д. Причем самое развитие сюжета складывается из ряда последовательных мотивов: какого-либо происшествия, обычно насилия, учиненного арапом или турком, подробного описания сборов героя в поход, отправления юнака в поход для отщипления или для того, чтобы вернуть владения, добро, жену, коня, освободить другого юнака, своего побратима, и обычно сопровождается рядом приключений. Если у юнака есть дружина, то перед уходом он произносит „речь к дружине“, несомненный отголосок княжеских речей к дружине. Когда юнак выехал в поле, там он встречает своего противника. Встреча—типичный момент, предшествующий поединку—центральному мотиву сюжета, в котором раскрываются вся удаль и сила юнака. Нередко бою предшествует похвальба, причем хвастающийся неприятель (см. „Марко и Алил-ага“) бывает посрамлен.

„Богатырский бой всегда кончается победой героя, таким образом, почти как правило юнацкая песня имеет „счастливый конец“. В победе героя и заключается весь смысл песни, и бою поэтому уделяется особо много внимания. Описания боя подробны и „эпически широки“.

Как в русских былинах князь Владимир, так и в сербском эпосе султан часто вызывает юнака, который мог бы биться с арапом. На его зов является юнак и побеждает арапа („Марко Кралевич и Арапин“). Нередко происходит просто „состязание“ („Марко и Алил-ага“, „Кто лучший юнак“), причем спор о первенстве кончается победой героя: он из последних и осмеленных становится первым.

Бродячим сюжетом является сюжет „боя родственников“ („Муйо и Алиа“, „Предраг и Ненад“), кончающегося убийством одного из них и узнаванием: убивший, узнав брата или побратима, убивает и себя. Этот сюжет в феодальной поэзии имел сильное напряжение („мотив узнавания“) и жил потому, что особо остро воспринимался обществом, в котором родовые и семейные отношения были сильны.

Речи князя или воеводы к дружине не всегда являются действенным моментом в развитии сюжета, но в большинстве случаев это ступень в его развитии. Линия сюжета получает новое течение.

Воевода Приезд обращается к своей господе:

Воеводы, мои верны крылья!
Мои крылья, вами полечу я.
Пообедаем, потом напьемся,
Городские ворота откроем,
И потом на турок нападем мы...

В этом мотиве часто раскрывается дальнейшее течение событий. Он же говорит о том, что роль дружины была огромна, что краля и воевода не предпринимали важных решений без совета с дружиной или господой.

Сюжет женитьбы героя необычайно характерен для сербского эпоса, видимо, потому, что женитьба представлялась событием большой важности, и не столько в личной жизни краля или воеводы, сколько в жизни всего королевства или воеводства, так как женитьба феодала всегда была связана с каким-нибудь расчетом, экономической или политической выгодой.

Мы жалеем, что не привели в нашей книге (из-за ее слишком большого размера) прекрасной песни: „Женитьба Максима Черноевича“, в которой необычайно ясна причина женитьбы: желание породниться с богатой и сильной венецианской республикой. Роль женитьбы особо ясна в песне „Женитьба Джуро Черноевича“, где она служит примирению Черноевича с латинцами.

Так как в сюжете о женитьбе важно, с кем роднится герою¹, то большое внимание уделяется выбору невесты. Марко Краевич в девяти царствах искал себе невесту, но там, где была невеста, не находилось тестя, друга-приятеля, а там, где был подходящий тесть, не было невесты. Наконец он нашел дочь Шишмана, болгарского царя.

Для сюжета о женитьбе характерны два мотива—увоз невесты, похищение („Женитьба Дмитрия Якшича“, „Женитьба Ива Голопузого“) и защита невесты („Женитьба Поповича Стояна“, „Женитьба Джюра Смедеревца“). В основе обоих мотивов лежит пережиток старого брака умыканием. Вот почему жених берет с собою дружину в тысячу сватов, на обязанности которых лежит охрана невесты. Мотивы эти держались в феодальной поэзии потому, что в феодальном обществе, когда набег и насилие были обычны, они еще имели под собою жизненные основания.

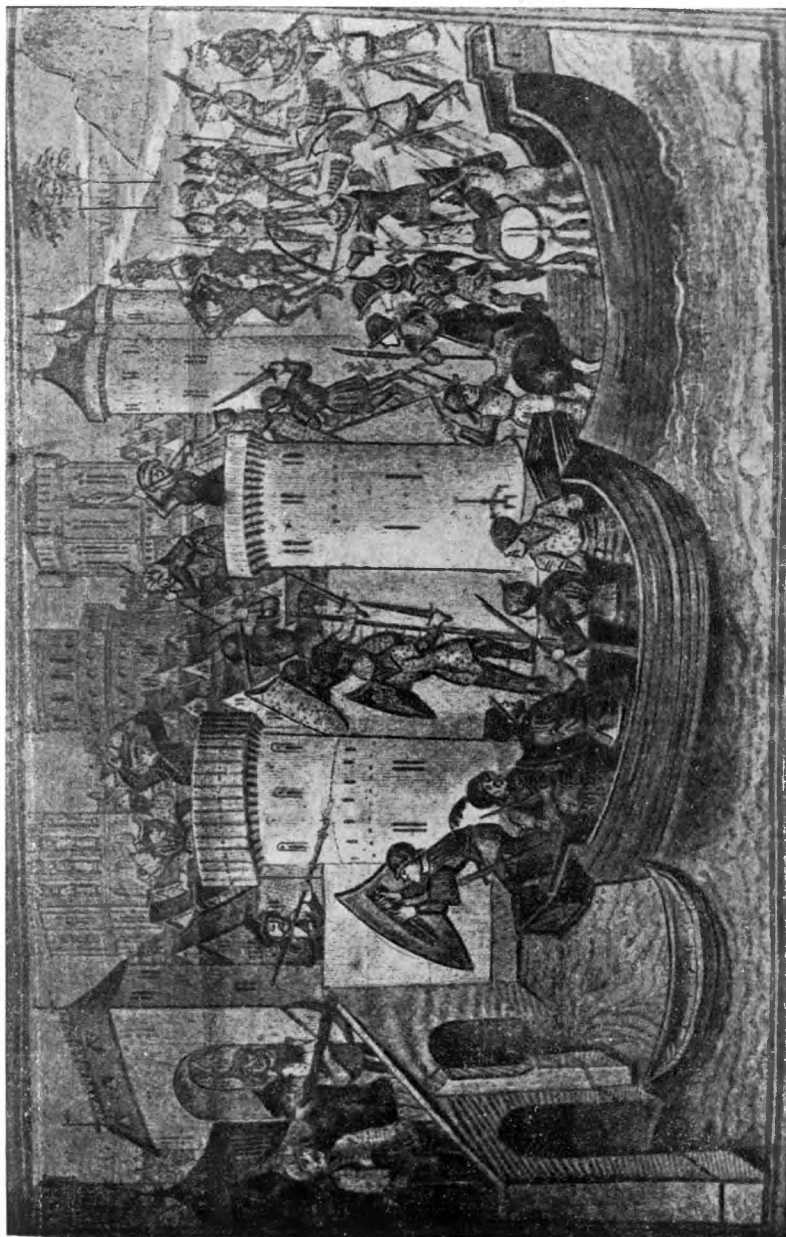
Что же касается мотива „верности жены“ и невесты и смерти невесты после смерти юнака („Невеста Сенянина Ива“, „Воин и его невеста“), то это отражение того идеала „женской верности“, который был столь же характерен для феодальной поэзии, как и „верность вассала“, и держался потом и в феодальном обществе.

Наконец одним из важных мотивов юнацкой песни является *смерть героя*. Хотя для героической песни и обычен „счастливый конец“—победа, тем не менее смерть в бою была таким обычным явлением, что не могла не найти отражения в песне. На самом деле, большинство исторических лиц, упоминаемых в эпосе,—Лазарь, Вукашин, Марко, Милош, Момчило, бег-Костадин, Муса, Иоанн Гудиад и другие—пали в бою. Именно *смерть в бою* была типической смертью феодала, так же как война и поединок были обычными явлениями его жизни.

Смерть юнака нашла свое типическое выражение в песне. Прежде всего песня определенным образом рисует смерть сербского юнака: его убивают изменой, предательством, ибо в равном и открытом бою он не может умереть, этого не позволит цензура феодальных идеалов. Так Банович Страхиня

¹ Стефан говорит Лазарю:

Но женить тебя ведь не могу я
На пастушке иль на ком случится:
Нам нужна господская девица,
Чтобы тесть твой был мне друг-приятель.

Взятие Царь-града турками в 1453 г.

Челник Радич Поступович.

чуть не убит Влах-Алией, потому что ему изменила жена, так Момчило убит предательством, так брат Марка Андрей убит турками обманом, так воевода Приезд погибает героической смертью.

Совершенно иначе рисуется смерть противника сербского героя. В ней раскрывается вся сила сербского юнака, потому что его противник представляется юнаком необычайной силы.

Страхиня убивает Влах-Алию:

Повернул он Влаха так и этак,
С ног свалил турчина Влах-Алию.
Так Страхиня тут поразошелся:
Он не брал оружия никакого,
А ему на горло навалился,
А под горло он вцепился зубом,
Заколол он, будто волк ягненка.

Марко убивает Филипа Мадьярина:

На мадьяра с яростью папал он,
У него отнял стальную саблю,
Ею он мадьярина ударил.
До седла рассек Филипа Марко!
Сквозь него прошла стальная сабля
И застряла в каменных воротах.
Поглядел на острую саблю Марко,
Поглядел на саблю, да и молвил:
„Милосердный боже, всемогущий!
Плох мадьярин, а клинок хороший!“.

Как победа юнака над героем необычайной силы, достигающаяся ему с трудом, так и легкая победа имеют все ту же цель идеализации героя.

Так легко махнул своею саблей —
Голова слетела от удара.

Новые сюжеты возникают редко. *Для того, чтобы возник новый сюжет, надо чтобы возникли новые общественные отношения, ибо только они дают новые положения.*

Веселовский писал: „Есть сюжеты новоявленные, подсказанные нарастающими спросами жизни, выводящие новые положения и бытовые типы, и есть сюжеты, отвечающие на ве-

ковечные запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории. Где-то и кем-нибудь таким сюжетам дано было счастливое выражение, формула, достаточно растяжимая для того, чтобы воспринять в себя не новое содержание, а новое толкование богато ассоциациями сюжета, и формула останется, к ней будут возвращаться, претворяя ее значение, расширяя смысл, видоизменяя ее¹.

К таким бродячим сюжетам прикрепляются новые герои, и они начинают выглядеть по-новому. Но здесь не надо обманываться: новы не отношения и положения, не события, а лица. Конечно, и новые персонажи вносят большие изменения в старые сюжеты. Так, в сербском эпосе песни „Змей жених“ (необычайно старый сюжет), „Предраг и Ненад“ и „Муйо и Алиа“ (сюжет борьбы родственников, возникший, видимо, в период больших переселений народов, столкновений народов, отрывавших близких людей и родных) переработали свои сюжеты в духе феодальной поэзии, они внесли в них элементы чисто феодальных отношений (в женитьбе и родстве), в смерть героя они внесли чисто христианские мотивы („Смерть Марка Кралевича“). Переработка старых сюжетов феодальной поэзии была настолько сильна, что заслонила собою то, что было до нее, и сейчас нам трудно увидеть эти переделки. *Сюжетлика была феодализована. Она стала героической. Героике подчинились и не героические, бытовые мотивы.*

К чисто феодальным сюжетам, возникшим, видимо, в феодальную эпоху, надо отнести такие сюжеты, как спор братьев и родных о наследстве—престоле („Урош и Мрлячевичи“), женитьба из-за дипломатических соображений („Женитьба князя Лазаря“, „Женитьба Джуро Чарноевича“), может быть, прощание с героем, уходящим на битву, набеги („Якшичам спалили дворы“) и бой-поединок—именно сюжет не вообще о бое, но о бое-поединке, он как раз был отражением той исключительной роли, которую играл вождь в феодальном войске. Спорыли между собою „равные“, но мелкие баштинники и проныры находились в безграничной зависимости от феодалов. Мы еще раз подчеркиваем, что эпос—поэзия верхушки феодального общества, военной аристократии, а не всего служилого сословия. Но во многом идеалы служилого сословия невольно совпадали с идеалами военной аристократии, потому что мелкие военные люди зависели от сильных феодалов.

¹ Собрание сочинений, т. I, стр. 476.

В сюжетике эпоса силен элемент утопический, элемент „желаемого“ и почти неосуществимого.

Как мы уже показали выше, история в эпосе жила потому, что ее можно было использовать для аналогии и сравнения и создать хвалебную песню. В этой проекции современности на историю более всего утопизма. Феодал, который слушает песню о подвигах героев, хочет быть таким же героем, как и они, мечтает о таких же подвигах, но главное, может быть, ему необходимо казаться таким героем, необходимо происходить от необычайных предков.

Новые сюжеты редки. Чем далее, тем их возникает меньше. Основные людские отношения до некоторой степени исчерпываются, далее идут варианты.

Новые сюжеты есть и в гайдудских песнях. Сюжеты песен „Новак и Радивой продают Грузицу“ и „Грузица и Арапин“ несомненно бытового происхождения, они слишком близки проделкам гайдуков и ускоков, бесшабашной, смелой вольницы. И если какой-либо литературовед разыщет десятки сюжетов, как две капли воды похожих на сюжеты этих песен, мы не признаем их родства, потому что бродячестъ сюжетов той эпохи незначительна, потому что сюжеты этих песен были слишком жизненны.

Что, собственно, требуется для доказательства того, что такой-то сюжет „новый“, что он возник в определенную эпоху?

Для этого необходимо представить такой ряд сходств, который бы одновременно показывал и *пути влияния, переходов и заимствований*. Сделать это удается не всегда. По отношению к сюжетике сербского эпоса почти никогда не удавалось, и совсем не потому, что мы не располагаем необходимыми историческими документами, а потому, что каждое сходство сводилось к заимствованию, каждое совпадение толковалось как связь, не было критической строгости, которая отбрасывает многие аргументы и сравнения.

Международный обмен, обмен сюжетами устной и книжной литературы был не широк. Гораздо значительнее было странствование сюжетов внутри эпических циклов, или: самовозникшие сходные сюжеты контаминировались, срастались и образовывали нечто новое.

Развитие, точнее, история сюжета юнацкой песни не сложна. Она состоит из ряда переделок, вариаций и приспособлений сюжета к местным условиям. Один и тот же сюжет о бое, жемитбе или смерти юнака выглядит различно, в зависимости

от того, к какому герою он прикреплен. Конечно, во всех вариантах сюжета будут общие типические черты, потому что все это будут варианты одной и той же эпической песни, одного и того же стиля. Но будут и отличные черты. Женитьба Поповича Стояна и Джуро Смедеревца не похожа на женитьбу Джюра Чарноевича именно тем, что первые женятся, а последнего женят. Иная женитьба Якшича Димитра. Это не женитьба „равного“ на дочери „равного“, а женитьба вассала, женитьба украдкой и увозом: так женились именно вассалы на дочери богатого феодала, который, естественно, не хотел отдать дочь за своего вассала.

Интересно сравнить этот сюжет с женитьбой Ива Голопузого—здесь предстанет все отличие между женитьбой вассала и женитьбой ускока. Ускок похищал невесту, брал ее обманом потому, что вообще ему трудно было найти жену: за ускоков или неохотно—слишком опасна и беспокойна была их жизнь. Итак, разница в мотивировке увоза. Но в песне о женитьбе ускока к увозу присоединяется еще и обман самой невесты.

Конечно, использование феодальным эпосом и ускоцкими песнями старого сюжетного запаса вызывало срастание (контаминацию) сюжетов, смешение песен, усложнение сюжетов или, наоборот, разложение и упрощение их. Поэтому так часты, с одной стороны, сложные сюжеты, как сюжет песни „Женитьба Максима Черноевича“, с другой стороны—осколки сюжетов, иногда без мотивировки, иногда без развязки.

Как норма, сюжет эпической песни представляет собою *эпизод*, один случай, но данный в полной форме, с мотивировкой, объяснением причин событий и развязкой, разрешением линии борьбы, концом событий. Так как наиболее частый сюжет песен—бой, поединок, то наиболее обычная развязка в них—смерть, причем любопытно, что смерть в юнацкой песне всегда является „счастливым концом“, так как умирает враг, неприятель героя: симпатии певца и слушателя на стороне героя, так что развязка эта выглядит как „избавление от опасности“, победа.

Основным принципом построения сюжета юнацкой песни будет все тот же *принцип восхваления героя*. Все элементы сюжета расположены и приспособлены так, что сюжет в целом убеждает слушателя в необычайной силе и смелости героя.

Сюжет строится на том, что герой преодолевает целый ряд „непреодолимых“ препятствий и исполняет „неисполнимые“ задачи. Он или убивает чудовище, или побивает несметные пол-

чища турок, или в единоборстве побеждает до тех пор никем не побежденного юнака. В преодолении этих препятствий и исполнении этих задач раскрывается вся его сила, храбрость и удаль, чем и достигается главная цель—идеализация героя. *Сюжет*, таким образом, является средством идеализации героя.

Герой должен удивлять, события—быть необычайными. Гиперболизм, чудесное и фантастика дают возможность достичь этого. По отношению к героическому эпосу такой характер событий отметил еще Аристотель: „В эпосе, так же как и в трагедии, должно изображать удивительное“. И: „В эпосе нелогическое незаметно“, оно помогает создать удивительное. Нелогическое служит результатом недостаточной мотивированности событий, или полного отсутствия мотивировки, что, впрочем, бывает редко. Обычно нелогическое—это особая логика, с точки зрения которой все логично и понятно, а поэтому и убедительно. Развитие сюжета подчинено все той же цели восхваления героя. Неожиданное, удивительное и гиперболическое лежат в основе его строения и развития. Вначале герой обычно недооценивается, или как слишком молодой („дите“), как Секула и Груица, или как „бедный“, как Иво Голопузый, или как самый скромный, как Марко в песне „Кто лучший юнак“. Правда, иногда предсказания, или, например, просьба султана к герою о помощи говорят о его качествах, как известных, но обычно преобладание врага, встреча героя с необычным противником не дают возможности сразу определить исход боя. Исход боя, конечно, „задан“ заранее, но из самой песни, из первых ступеней развития сюжета он не ясен.

Большинство эпических сюжетов имеет особый пункт напряжения (*Spannung*), который состоит в том, что дается ложная развязка, когда слушатель боится, что вот-вот герой будет побежден. Так, Страхиня почти гибнет от Влаха-Алии, Марко почти гибнет от Мусы, но... законы развития героического сюжета должны привести к постоянному результату—победе героя. Наступает перелом, в сюжет вводится обстоятельство (помощь, хитрость и т. п.), которое меняет исход борьбы.

Любопытно отметить, насколько все элементы сюжета, все его развитие показывают, что центр, цель—победа героя: песня обычно кончается тотчас же после победы. Цель достигнута—далее продолжать излишне. И лишь в некоторых только песнях герой еще разоряет „двор“ побежденного, но это тоже подвиги—хоть и более мелкие. Они даются только в том случае, когда неприятель слишком много сжег и разорил: слушатель тре-

бует возмездия, мести. Если еще бывает эпилог,—он состоит из получения героем награды („Марко у султана“), из пира и восхваления героя („Иво Голопузый“).

Мотивировка событий может быть и реалистической и чудесно-фантастической.

Принципом развития эпизода-сюжета и его мотивировки будет хронологичность развертывания событий, строгое временное следование их, которое очень редко прерывается рассказом или воспоминанием¹ („Банович Страхия“, „Женитьба Джюра Чарноевича“).

Искусство ведения сюжета в юнацкой песне и основывается на сохранении этих принципов. Рассказчик маскируется для того, чтобы придать большую объективность и достоверность событиям, его реплики стоят вне линии развития сюжета: это замечания со стороны. Рассказ как бы идет сам: строгая хронологичность рассказа, якобы „объективное“ течение событий, „наивность“ рассказа, а на самом деле *умелое убеждение слушателя ходом действия*—вот что характерно для эпической песни.

За счет большого искусства ведения рассказа надо отнести то, что в рассказе отсутствуют подробные описания природы—природа описывается кратко и через героя, она дана в ее отношении к герою. В песнях длинные и большие описания, но это описания с расчетом, это те замедления (ретардация) действия, которые создают напряжение, заставляют слушателя ждать событий.

Развитие сюжета динамично. Сюжет строится по принципу непрерывного нарастания—за событием следует событие еще большей силы впечатления, еще большего напряжения. Любопытно, что течение событий не совпадает с темпом рассказа: время действия больше, чем время рассказа.

¹ Для сербского эпоса не характерно то, что отметил Аристотель по отношению к большим эпопеям, как „Илиада“ (а также это надо отнести и к „Песне о Роланде“, „Песне о Нибелунгах“ и др.). Аристотель писал: „В эпопее, так как она представляет рассказ, можно изображать много частей происходящими одновременно. Находясь в связи с сюжетом, они увеличивают рост поэмы. Таким образом, это преимущество эпопей содействует ее величии и дает возможность изменять настроение слушателя и вводить разнообразные эпизоды“.

В сербском же эпосе, как вообще в малых эпических песнях, нет ни отступлений, ни вводных эпизодов, ни одновременности событий.

Одновременность заменяется рассказом о прошедшем. Песня не дает двух планов: один — герой, другой — то, что дома; песня дает так: герой, потом рассказ герою о том, что произошло дома в его отсутствие.

Из всего сказанного о строении и развитии сюжета мы видим, что в сюжете юнацкой песни, как, впрочем, часто вообще в сюжете (но здесь со своими особенностями), огромное значение играют три момента: завязка, интрига и конец.

Завязка как исходный пункт сюжета содержит в себе причину (мотивировку) развертывающегося далее действия, сцепление обстоятельств, которые создают конфликт, делят действующих лиц на борющиеся группы, устанавливают их отношения. Завязка дает основное противоречие, создает препятствие, дает повод и цель борьбы, толчок действию. Завязка кончается с началом интриги и борьбы, то есть основной герой в завязке пассивен. В юнацкой песне завязкой обычно служит нападение. В ответ на нападение герой предпринимает поездку. Отсюда начинается действие, борьба—интрига.

Интрига—совокупность действий персонажей песни, предпринимаемых ими для достижения своих целей. Интрига в героическом эпосе обычно выливается в форму открытой борьбы. Она, таким образом, основываясь на противоречивых интересах, объединяет противостоящие персонажи.

Для интриги юнацкой песни характерно *единство цели*.

Интрига кончается победой положительного героя, то есть она связана с характерами героев, с той оценкой, которую им дает певец. Победа устраняет противоречия и служит поэтому концом песни.

IX. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

1. Феодальная поэтика.—Стиль повторений и вариаций (нормы, шаблон).—
Формулы и общие места.—Стиль контрастов и гипербол.—2. Композиция.—
Начало и конец песни.—Действие, описание и диалог.—Диалогизм эпоса.—
3. Условности.—Символика.—Эпитет.—Язык.—4. Стих.—5. Звук в эпическом стихе.—Напев и стих.—Гусли и аккомпанемент.—Исполнение.—
6.—Вопрос о традиции.

1

Поэтика юнацкой песни должна быть определена как *поэтика феодальная*, то есть поэтика, органически соответствующая общему стилю феодальной литературы и, естественно, имеющая свои особенности, определяющиеся особенностями жанра.

Это прежде всего *поэтика героической песни*, а это обуславливает характер многих ее элементов. Так, сюжет героической песни имеет свои особенности и в мотивах (бой, поединок,

наезд), и в построении и развитии героических сцен (гиперболический характер подвигов, чудесное и фантастическое как мотивировка).

Во-вторых, это поэтика аристократическая, приспособленная и к тому, что героями песен обычно являются крали, воеводы, и к тому, что местом действия бывает двор воеводы или краля, палаты, хоромы. Последнее определяет характер описаний: богатство, роскошь, красочность обстановки, служащей фоном действия, богатство, роскошь и красочность описаний костюма, убора коня, расшитого седла, изукрашенного оружия.

Пейзаж и описание природы даны тоже с их эстетической стороны, с точки зрения созерцателя, человека, имеющего возможность и досуг наслаждаться ими. Даже когда они выступают как место действия или боя—они не столько выполняют „производственную функцию“, сколько эстетическую, так как и бой и тем более охота в феодальном обществе имели некое эстетическое или близкое эстетическому значение.

На поэтике отразилось и положение певца, его отношение к кралю и воеводе, до некоторой степени „меценату“. Отчасти это, но более всего общая задача феодальной литературы—служить укреплению строя, феодальных отношений, восхвалению и прославлению героев—определила одический характер поэтики юнацкой песни и ее возвышенный стиль и торжественность. *Большинство поэтических приемов служит идеализации.* Приукрашивание и гиперболизм сказываются на всех элементах поэтики.

Наконец эпическая поэтика как поэтика феодального общества, именно литературы военной аристократии, носит на себе следы той устойчивости быта, мысли, социальных отношений, морали и вкусов; которая вообще характерна для феодального общества, тем более в период его расцвета. И поэтика юнацкой песни имеет свой „этикет“, свои нормы. Она устойчива и определена, она отобрала и канонизировала приемы, которые более всего удовлетворили задачам героического эпоса, тем функциям, которые он отправляет в феодальном обществе.

Сравнение поэтики юнацких песен с поэтикой великорусских былин, украинских дум, французского, германского и испанского эпосов могло бы подтвердить это и позволить формулировать как закон. У нас нет здесь места для сравнительного экскурса, и мы отошлем читателя к той богатой литературе, ко-

тору дал сравнительный метод. Работы многих литературоведов установили аналогичность поэтики различных эпосов,—мы лишь делаем иные выводы: мы устанавливаем характерность устойчивой поэтики для определенного жанра и определенного стиля поэзии определенной социальной группы — эпоса, как героического жанра феодальной литературы.

Гастон Парис объяснял устойчивость поэтики эпоса тем, что стиль эпоса не индивидуален, а национален. Русский литературовед Прейс неизменяемость стиля песен объяснил тем, что „народная поэзия сербов никогда не выходила из рук народа, никогда не подвергалась влиянию школы, никогда, сколько известно, не была украшением двора, увеселением высших сословий. Главное: сербская эпическая поэзия всегда верно отражала народную жизнь, которая в сущности не изменялась и с переменою политического господства“¹.

Мы далеко ушли от Прейса и Гастона Париса. Мы показали и доказали, что юнацкий эпос испытывал на себе влияние литературы, был как раз „украшением двора, увеселением высших сословий“, что он не отражал народную жизнь, так как был поэзией верхушки общества. Но у Прейса есть и капля истины—это мысль о том, что устойчивость стиля и всего жанра зависит от того, что жизнь мало изменялась, что в Сербии был застойчивый феодализм,—это-то и позволило установиться обычному праву и бытовым формам.

Но устойчивость поэтики характерна не только для эпосов различных народов, но и для различных жанров одного и того же стиля. Minnesang и лирика трубадуров имели свою не менее устойчивую поэтику: это были жанры той же феодальной литературы.

Помимо устойчивости поэтики необходимо особо подчеркнуть еще одну ее особенность: *постоянство стилистических средств*, характерное для каждой эпической песни, то, что создает особый *стиль повторений и вариаций* (Wiederholungstil). Именно стилевое единство жанра определяется не только тем, что одни и те же поэтические приемы употребляются в каждой песне, и таким образом каждая песня как бы представляет собою вариант другой, но и тем, что в каждой песне существует сложная система повторений и перепевов, когда одна часть песни является как бы вариантом другой: возвращаются темы, описания, диалог, эпитеты, образы, лишь несколько видо-

¹ Прейс. „О эпической народной поэзии сербов“, стр. 12.

измененные,—этого требует развитие, движение песни, то есть здесь мы имеем дело с тем, что носит название *эпического повторения*. Так, в песне „Больной Дойчин“ разболелся воевода Дойчин.

А услышал Усо Арапиниц,
Чуть услышал, уж коня седлает,
Едет прямо к городу Солуню,
Под Солунь приехал Арапиниц,
Под Солунь, в широкое он поле,
Середь поля он шатер расставил,
Из Солуня вызывал бойца он,
Чтобы вышел с Усом потягаться,
Чтобы с ним на поле поборолся.
Нет в Солуне-городе юнака,
Чтобы вышел с Усом потягаться...

.....
А увидел черный Арапиниц —
Нет в Солуне-городе юнака,
Чтобы вышел с Усом потягаться.
На Солунь накладывал он дани:
Со двора брал по овце ятвой,
И по печи белого брал хлеба...

В этом рассказе много повторений, возвращений. И здесь уже есть элементы эпического повторения. Но повторение укладывается и в формулу.

Больной Дойчин спрашивает сестру о том, почему она горюет и ронит слезы. Сестра ему отвечает:

А пришел к нам Арапиниц Усо
Под Солунь, в широкое он поле.
Из Солуня вызывал бойца он,
Чтобы вышел с Усом потягаться;
Нет в Солуне-городе юнака,
Чтобы вышел с Усом потягаться.
А увидел черный Арапиниц —
На Солунь накладывал он дани:
Со двора брал по овце он жирной
И по печи белого брал хлеба...

Таким образом, сестра отвечает Дойчину в тех же выражениях, в каких дано было описание происшествий. Если ей или другому герою песни пришлось бы еще рассказывать об этом—песня повторила бы это в тех же выражениях и словах. Вот тип *формулы-повторения* рассказа, описания и речи характерной для эпической поэтики.

Кроме него среди приемов эпической поэзии очень много таких, которые в своем существе подходят к повторению: вопросо-ответная форма, ритмико-синтаксический параллелизм, заключающийся в аналогичном ритмическом строении стихов и повторяемости синтаксических конструкций, повторение окончаний стихов, повторение парных стихов (см. ниже), повторение мелодии из стиха в стих (музыкальной фразы), которая сама по себе однообразна.

Даже в самом простом описании есть элементы повторения-вариации,—например, характерный для эпоса тип повторения:

Подскочил на три копыа он кверху,
На четыре он копыа подпрыгнул.

Повторяются не только отдельные места, речи, описания, но и композиционные формы (см. ниже).

Повторение-формула создает обычно ретардацию, замедление в развитии сюжета. Такое замедление часто связано с подробными описаниями. Градация тоже есть не что иное, как повторение с нарастанием. В повторение-формулу, основанную на троичности, входят обычно и элементы градации. В песне „Женитьба Марка Кралевича“ дож три раза приходит в Степанову палатку и три раза просит дать ему на ночь невесту в жены: первый раз он предлагает за это сапог золотых дукатов, второй раз—два сапога дукатов и третий—три. В третий раз он добивается того, чего хочет.

До трех раз юнаки метают стрелу, до трех раз бьются, преодолевают три препятствия и т. д. Это вызывает аналогичные ситуации, повторение описаний. Три раза просят Радулову невесту сойти с коня: просит мать—дарит ей скатерть, просят золовки—дарят ей перстень, приказывает Радул—рассердившийся за ее отказ сойти с коня.

Наконец повторяются и типические мотивы, тавтологические выражения, постоянные сравнения и эпитеты, отдельные стихи и слова в различных фигурах (анафора, эпифора и так далее).

1. Кулу гради црни Арапине,
Кулу гради од двидест тавана ¹.
Поранио Краљевићу Марко,
Поранио низ Косово равно ².
Напунише тридесет топова,
Напунише Крња и Зеленка,
Напунише, па их препунише ³.
2. А у моје богом посестриме,
Посестриме крчмарице Јане ⁴...
По долами троје токе златне,
Златне токе по од двије оке ⁵.
3. Поздравље ти од твог господара,
Господара и мога и твога ⁶.
4. Стала Јана те гледа Будима,
Будим гледи, грозне сузе роши ⁷.
Када с јутра бијел дан осване,
Дан осване и огране сунце ⁸.
Што протужи рано у недељу,
У недељу прије јарког сунца ⁹.

¹ Башню строит черный Арапинин,
Башню строит в двадцать этажей он.

² Рано утром Королевич Марко,
Рано утром по Косову ровну.

³ Насыпал он целых тридцать пушек,
Насыпал он Крню и Зеленку,
Насыпал он и пересыпал он.

⁴ У моей по богу посестримы,
Посестримы, корчмарицы Яны.

⁵ На доламе три златые токи,
Золотые токи по две оки.

⁶ Поздравленье тебе от господина,
от господина твоего и моего.

⁷ Стала Яна и смотрит Будима,
Будим смотрит, горьки слезы ронит.

⁸ А как с утра рассветет день белый,
Рассветет день белый, взойдет солнце.

⁹ А что будет рано в воскресенье,
В воскресенье до яркого солнца.

5. Може бити, да је лутит Марко,
Може бити, да је пијан Марко¹.
6. Ће је срећа, ту је и несрећа,
Ће несрећа, ту и среће има².
7. Водите ме дарици матери,
Да ми прости и муку и рану:
Рану њену, што ме је ранила;
Муку њену, што је промучила,
Да је мене она одранила³.

Просто повторение слов:

1. С девет сипа девет Југовића.
2. Држе скуте и држе рукаве.
3. То су дворе аге Арап-аге.
4. Добра када и од рода добра.

Тавтология: чудо чудно, чудну чуду зачудимо, и т. п.; етимологическая связь слов: хитар лов ловити, груби сан саснио, мисли мисли све на једно смисли. Повторение предлога:

Украј Лаба украј воде ладие.

Функции различного типа повторений в стихе различны: одни служат для того, чтобы уложить стих в соответствующее количество слогов и дать ему требуемый ритм, другие—для того, чтобы избежать ломки стиха, чтобы избежать enjambement'a, придать стиху синтаксическую условность, третьи—для того, чтобы развить действие далее⁴.

¹ Может быть, что рассердился Марко,
Может быть, что пьяный вовсе Марко.

² Где есть счастье, там есть и несчастье,
Где несчастье, там и счастье будет.

³ Отведите к матери дарице,
Пусть простит мне муку и кормление,
То кормление, что меня кормила,
Ту муку, что за меня мучилась,
Пока она меня выкормила.

⁴ Напр., повторения с наречием и союзом:

Док је брацу лице угледала,
А кад брацу лице угледала...

К повторениям необходимо причислить и многочисленные виды синтаксического параллелизма, типа:

1. Гуња паде у зелену траву;
А јабука у воду студену.
2. Добра коња а лоша јунака

(аналогичное расположению: прилагательное+существительное, прилагательное+существительное);

3. Нека стане на истоку сунце,
Нек заигра мјесец на западу (хиазм).

Единство этой системы повторений и создает тот стиль, который мы назвали стилем повторений и вариаций (*Wiederholungstil*): в данном случае связь эпических приемов является стилевой связью, стиливым единством. Это соответствует той ограниченности круга представлений, которая так характерна для феодальной мысли. И поэтическая техника эпоса замкнута: приемы многочисленны, но однородны, однообразны, они могут быть сведены к нескольким основным типам. Да певец и не ищет разнообразия, он, наоборот, старается сохранить принятое вкусом и освященное феодальным обществом.

Но, может быть, более всего об устоялости мысли, представлений и вкусов (а не только ограниченности их) свидетельствует существование формул и общих мест (*loci communes*), типических постоянных выражений и образов для описания и передачи известных положений, сросшихся с ними. В них, как и в повторении, сказывается огромная типизация, огромное обобщение и законченность представлений, права, морали и социальных отношений.

Формулы описания и общие места соответствуют наиболее часто встречавшимся в феодальном обществе ситуациям, человеческим отношениям и человеческим поступкам. Только в среде, связанной обычаями, мог возникнуть типизировавшийся стиль¹.

На самом деле, ведь посол передает поручение в тех же самых выражениях, в которых оно было ему дано (не идеал ли

¹ Мы признаем за повторениями и общими местами и мнемоническое значение для певца — певец легче запоминал и легче справлялся со стилем песни. Но не это их создало. Певец стал пользоваться ими, когда они уже уложились в известные типы.

это феодальной верности? ¹⁾), снаряжение юнака в поход дается в одних и тех же выражениях. Так, снаряжение Марка в песне „Женитьба Марка Кралевича“ дано в следующем описании:

И идет к себе на башню Марко,
Там присел, вина он чашу выпил,
Припоясал кованую саблю,
Надевал на плечи волчью шубу,
Волчью шапку на брови надвинул,
Повязал ее платгом он черным.
Взял свое копье стальное Марко,
Из конюшни выводил Шарина,
И его к походу приготовил:
Семь подруг он подтянул на Шарце,
Зауздав уздою золоченой.
Мех с вином взял Марко Королевич,
Привязал его к седлу он слева,
Топузицу справа он привесил,
Чтоб с боков обоих вес был равный.

Но почти дословно в тех же выражениях описывается снаряжение Марка и в песнях „Марко и Филип Мадьярин“, „Марко и Арапин“. Отступления незначительны.

Когда юнак женится, то он всегда собирает тысячу сватов и отправляется за невестой. Муйо, увидев труп Алии, и Предраг, увидев труп Ненада, вынимают кинжал (обычно из-за пояса), бьют себя им „прямо в сердце“ и падают мертвыми рядом. При переезде через реку юнаки не дожидаются лодочника, а гонят коней через реку вброд, так поступают и Марко Кралевич и Димитрий Якшич,—это служит доказательством особой их от-важности („Марко и Вуча генерал“, „Якшичам спалили дворы“).

Бан Страхинич спрашивает дервиша:

„Покажи, где брод через Ситпицу,
Чтоб коня в реке не утопить мне!“.
А ему ответил дервиш правду:
„Сокол сербский, Бапович Страхиня,
Твоему коню, тебе юнаку,
Где пойдешь ты — всюду будут броды“.

¹ Так русские послы XV—XVII вв., передавая княжеские указы, не смели прибавить от себя ни слова.

Перед смертью юнак всегда говорит речь. После передачи речи следует стих:

Так сказал он и с душой расстался.

В конце песни герой всегда побеждает противника, и это тоже уложилось в формулу. Иво Голопузый

Припеваючи поехал лесом,
Бросил Муйю рыть ногами землю.

Этот образ смерти побежденного, видимо, очень хорошо выражал соответствующее представление—и поэтому он прижился. Марко Кралевич

...пошел дорогой распевая.
Тут Филип копал ногами землю,
И жена его рыдала горько ¹.

Марко убил латинца.

Едет Марко, песни распевает,
Тот остался рыть ногами землю ².

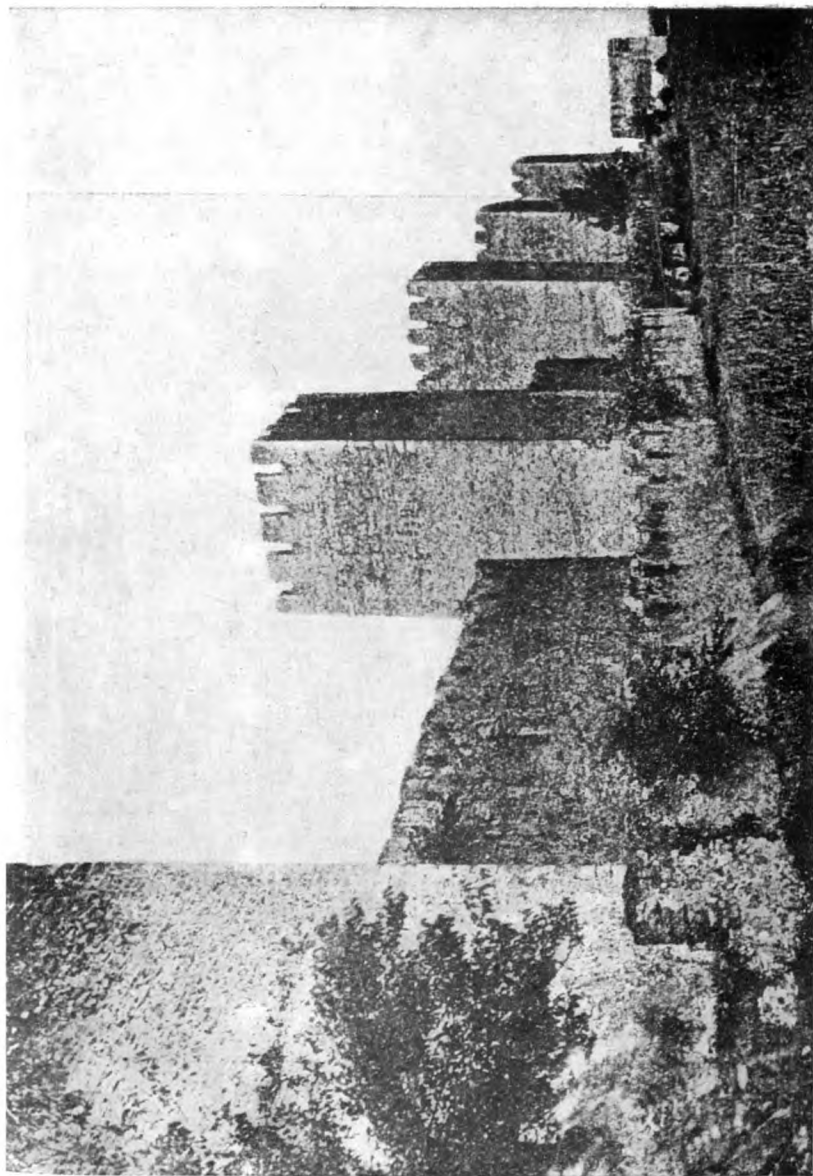
В этих последних примерах надо подчеркнуть и то, что образ оттеняется еще контрастом, антитезой, противопоставленным ликующего юнака копающему ногами землю неприятелю.

Для поэтики юнацкой песни характерно употребление сильных поэтических средств и приемов, способных передать разительное, способных нарисовать образ юнака-богатыря и описать почти фантастические события. Для этого песня пользуется двумя приемами: контрастом и гиперболой, усиливающими впечатление,—подчеркиванием противоположности и преувеличением. Контраст и гипербола употребляются настолько часто и так упорядоченно, в известной системе, что можно говорить о *стиле контрастов и гипербол*, как выше мы говорили о стиле повторов и вариаций.

Жестокость и душевная утонченность, фантастика и реальность совмещаются в психологии феодала, жестокого по своей

¹ Песня „Марко и Филип Мадьярин“.

² Песня „Женитьба Стояна Янковича“.

Смелерево. Крепость.
XV век.

Властелин и властелинка времени Стефана Лазаревича.

природе грабителя, воина и эксплуататора, но приобщившегося отчасти к западной культуре, ушедшей вперед. Если он жесток и безжалостен к врагу, то он нежен и чуток к своей семье. И это последнее понятно, так как семья в феодальном обществе была первичной социальной единицей.

И контраст и гипербола служат все той же цели воспевания и идеализации героя.

Если контраст:

Белу вилу међ плећи удари,
Обори је на земљицу чарну ¹

имеет только живописное эстетическое значение, то антитеза „Плох мађярин, а клинок хороший“, „бьет легко он—ударяет тяжело“ должна быть оценена совершенно иначе. Идеализация героя с иронией по адресу его противника—вот главная ее цель.

Гипербола—еще более употребительный в песнях прием. Гиперболичен самый образ юнака с его невероятной силой, храбростью и удалью, побивающего полчища турок и арапов, гиперболичен образ юнацкого коня, догоняющего вилу, выручающего юнака в трудные минуты, гиперболичен его чудесный меч, который „сечет холодное железо“, гиперболичны и события—бой, поединок, состязание, гиперболичны образы, передающие подвиги юнака, картину боя и т. д.

1. И до плеч в крови их руки были
А мечи в крови по рукоятку...
2. Конь в крови по самым колени,
А юнак по самые по локти...
3. А на нем семнадцать ран кровавых...
4. Стали мутны воды и кровавы:
И несут они коней и шапки,
А потом и раненых юнаков...

На гиперболе строятся и описания. В юнацком эпосе все удивительно и необычайно: обстановка, люди, кони, вооружение.

¹ Белу вилу меж плечей ударил,
Повалил он на землицу черну

Если песня хочет описать богатый наряд или богатое убранство комнаты, то громоздит блеск и роскошь без всякой меры: феодала, накопившего огромные богатства, захватывавшего в плен купеческие караваны, грабившего других феодалов, можно было поразить только баснословной роскошью и богатством. И поэтому дукаты меряются огромными суммами, а чаще просто сапогами,—так венецианский дож предлагает за Маркову невесту три сапога дукатов. Наконец, если песня дает описание красоты девушки, то красоты совсем необычайной. Перед дочкой краля Шишмана, невестой Марка, „склонялись даже травы“, она „чудесной красоты“. Роксанда, сестра Лека Капитана,— „чудо девушка“:

В четырех концах земного края —
Ни у турок и у некрещеных —
Не бывало этакого чуда:
Ни такой турчанки, ни влашанки,
Не бывало и такой лативки;
А кому и вил случалось видеть,
Тот и вылы не видал пригоже.

Гипербола часта и в описании впечатления. Так гиперболично впечатление, произведенное Роксандой на Кралевича Марка, так гиперболично и такое описание:

Привскочил он на ноги со страху.

2

В композиционном отношении песня представляет собою единство. Песня—один эпизод, развитый в описании, повествовании и диалоге. Даже тогда, когда песня представляет собою развернутую градацию („Кто лучший юнак“, „Марко и Алилага“), она все-таки целостна, так как три состязания, три схватки юнаков—движение одного сюжета.

Но композиция и развитие песни имеют свои схемы, привычные ходы, устойчивые и типизовавшиеся. Песня имеет свои стереотипные начало и конец.

Песня начинается обычно запевом или зачином, вводящим слушателя в суть событий. Это часто коротенькое лирическое отступление или обращение к слушателю.

1. Милосердный боже всемогущий!
2. Расскажу великое вам чудо...
3. Стойте, братья, расскажу про чудо...

Типическое начало песен—пир. Большинство песен начинается пиром.

Пьет вино Стефан владыка сербов... (Песня № 18)

Пьют вино в Карловце белом граде,
Ровно тридцать храбрых капитанов... (№ 31)

Пьет вино, пирует король Явёка
Во Явёке во городе белом,
С ним пирует тридцать капитанов,
Тридцать три пирует генерала... (№ 68)

В Крушевце было в корчме высокой,
Воеводы пили там, гуляли... (№ 25)

Вино пили двое побратимов... (№ 54)

Этот типический зачин установился потому, что для феодала пир, так же как и бой, был обычным делом. Сцена пира так же часта в эпосе французском, немецком, испанском, русском, сербском, как и бой. Часты еще два типа начала:

временное:

1. Рано встала девушка турчанка,
До зари и до восхода солнца,
Полотно пошла белить к Марице... (№ 29)

Рано утром поднимался Марко... (№ 37)

Раным рано собирался Облак... (№ 49)

и поездка юнаков:

2. Едут вместе двое побратимов...

(„Марко и Алил-ага“, „Марко и бег-Костадин“).

Любопытно отметить, что в сербских песнях очень редко встречается зачин с психологическим параллелизмом, то, что

немцы называют Natureingang¹. Точно так же редко начало с самого действия (in medias res).

Песни имеют и свои типические концовки. Конеч песни—обычно победа юнака над неприятелем: юнак раздевает побежденного и уезжает.

Раздел Байо Любовича-бега,
Снял с него он платье и оружие,
И нашел три пояса он денег,
Все три желтых полные дукатов,
Отпоясал, себе припоясал,
На коня горячего сядилса
И поехал...

Юнак оставляет побежденного „копать ногами землю“ (№№ 36, 43). Когда умирает юнак, то песня кончается:

Так сказал он и с душой расстался (№№ 46, 53, 64).

Точно так же как в начале песни,—отъезд героя, так и в конце—возвращение его домой.

Сюжет динамичен. Но сюжет юнацкой песни развивается в больших описательных и диалогических моментах. Только самое действие передается в повествовании, рассказе. Действие обрастает эпизодами и рассказами. Описания снаряжения и отъезда юнака занимают много места, развиты в больших подробностях,—это внешние описания. Почти нет описаний внутренних переживаний: они переданы в действии. Точно так же нет и прямых характеристик героев: характеры героев раскрываются в действии, в их поступках. Почти нет портретов героев: они складываются из отдельных портретных моментов, как русая голова, черные глаза и т. д.

Один из основных элементов—диалог. Следует даже говорить о диалогизме юнацких песен и эпоса вообще². Песня часто

1 Два су бора напоредо росла,	(Две сосны там рядом вырастали
Међу њима танковрха јела;	Между ними тонковерха елка,
То не била два бора зелена,	То не были две сосны зеленых,
Ни међ њима танковрха јела,	Ни меж ними тонковерха елка,
Веђ то била два брата рођена,	А то были брата два родные,
Међу њима сестрица Јелица.	Между ними сестрица Елица.)

² Это отметил еще Ваккернагель, указав на большое развитие диалога в „Эде“, „Нибелунгах“ и „Песне о Роланде“.

представляет собою сплошной диалог или включает в себя большие вопросо-ответные формы, связанные краткими повествовательными вставками: „сказал“, „ответил“, „говорит“, „молвит тихо“ и т. д.

3

В юнацкой песне существует много условностей, сложившихся такими же путями, как складывалась, например, символика права: вырабатывалось общепринятое и получало силу традиции именно потому, что было условным.

В условностях эпоса много пережитков. Такими пережитками являются *типические числа*: город имеет тридцать три башни, жених дарит невесте три подарка, три раза сталкиваются юнаки в бою, три письма пишут Марку, три раза осаждают город Приезда, девять сыновей у Юга, на девять лет едет за море Йово Деспотович. Эта символика чисел—пережиток отчасти старой системы счета, отчасти магии.

Но в песнях есть условности другого рода, очень близкие правовой символике. Бег-Любович пишет письмо Байю Пивлянину:

Не хочу с тобою я мириться,
Тысячу пока не дашь дукатов,
Не придешь пока ко мне в двор белый,
Хорта меж очей не поцелуешь,
А в копыта доброго коня ты,
Меня в полу, в руку поделуешь,
А передо мной землю черну.

Этот знак подчинения близок форме, бытовавшей в обычном праве феодализма.

Условности перерастают в чистую символику.

Тот же Любович пишет Байю:

А на бой если не смеешь выйти,
Пяльцы я тебе пришлю и прялку,
А для прялки мисирскую пряжу
Да веретено пошлю из букса,
Ты спряди портки мне и рубаху,
Да к порткам спряди еще мне гачник.

То есть бег-Любович обещал назвать Байя Пивлянина „бабой“, грозил в случае отказа того выйти на состязание по-

слать ему женские „орудия производства“. Самая основа этой условности—бытовая—взгляд на женщину—взгляд определенной эпохи. Но любопытна одна деталь: бег-Любович хочет послать Байю „мисирскую пряжу“, то есть египетскую, то есть хлопок. Это говорит уже о том, что самый образ возник, конечно, не в крестьянской среде, а в среде более высокой по своему социальному положению.

Символика юнацких песен не богата и не разнообразна. Символы так же постоянны, как большинство образов. Если некоторые образы поражают своей силой, основанной на остроте подмеченной детали, бытовой характерности¹, то символы стали формулами и силу своего впечатления основывают как раз на своей общеизвестности, до некоторой степени даже общеобязательности.

В образе эпической песни часто соединение бытовой характерности с эмоциональной напряженностью.

Чрезвычайно редки образы и сравнения отвлеченного характера. Образы обычно конкретны, как сравнение в описании множества копий с черной тучей, знамен—с облаками и шатров на поле—с белыми снегами. Иногда образы поражают своей реалистической яркостью и бытовой характерностью. Таков образ:

Привяжу его к копьё стальному,
Как кудель привязывают к прялке.

Но символ начинается там, где образ приобретает устойчивость, становится стереотипным, а по форме своей представляет сравнение, развитое до полного отождествления обоих членов сравнения, замещения одним другого. Распространенный образ соколы-юнаки именно представляет собою символ. Так, о Юговичах говорится:

Девять братьев—соколов могучих.

Или:

На коне своем лихом несется,
Словно сокол мчится над Будимом.

Сокол—обычный символ силы, смелости и быстроты. С ним сравнивается юнак. Корни этого образа лежат в той же любви

¹ Таков, например, образ:

„Грызть коню стал гриву он от боли“.

к охоте, которая сделала и охоту обычным эпизодом юнацкой песни. Одический смысл образа юнак-сокол тоже понятен. Большинство образов имеет именно эту „направленность“.

1. На коня садился и помчался
Через поле к городу Будиму,
Как звезда падая по небу.
2. Царь наш славный, солнце золотое... и т. п.

Идеализация проглядывает и в образах более сложной конструкции. Марко убил турка и бросил его в море. На вопрос, куда девался турок, он отвечал:

А взял турок деньги и дукаты
И поехал морем торговати.
Говорят между собою турки:
„Трудно туркам с Марком торговати“ (II, 348).

Нередко в образе необычайно сильно выступает его социальный смысл. Облак Радослав говорит Юрию Бранковичу:

Что позволил ты Ерине, Джюро,
Воевод стубить ей самых лучших,
Сломать крылья своему же крадю.

Или Приезд говорит воеводам:

Воеводы, мои верны крылья!
Мои крылья, вами плечу я...

Источник образа все тот же—сильная птица—сокол, орел, но его смысл чисто феодальный: так может говорить только „первый из равных“.

Таким образом, символика юнацких песен носит идеализирующий характер, определенный социальный оттенок.

Свадебная символика перстня и яблока или образы:

1. Голосит он, будто сокол сизый,
2. Увидала это Анджелия
И кукушкой закуковала;

или: Гойко говорит своей жене, когда ее замуровывают в стену:

Золотое яблоко имел я,
Да упало яблоко в Бояну,
Вот и плачу, слез не одолею;

все это—отражение другого пласта феодальной поэзии—бытовой и обрядовой лирики.

Мы приводили выше (глава VI) примеры, когда туча является символом несчастья, беды. Этот и множество других образов связаны с символикой поверий, с магической символикой, основанной на осмыслении явлений природы путем сравнения и аналогизирования.

Из сравнений выросли такие клички коней, как Лабуд (лебедь), Гавран (ворон), Ластавица.

Мы в описании поэтики юнацких песен обходили целый ряд особенностей, которые, с нашей точки зрения, не являются поэтическими приемами, как, например, выражение: „говорит письмо ему сердито“, или „юнацкая голова“ вместо „юнак“. Это особенности самого языка.

Такие выражения, как:

Пусти царе кости из тавнице (синекдоха)

или:

Доке винце ульеза у лице
А ракија стаде говорити ¹ (метонимия)

не часты в юнацких песнях. Удивительно, что они всегда приводятся при характеристике образности сербского эпоса. Здесь допускается та же ошибка, как и при характеристике звуковой стороны песни, когда, собрав все случаи рифмы, литературовед говорит чуть ли не о свойственности юнацкой песне рифмы.

Близко к образу и символу подходит эпитет.

Эпитег—поэтическое определение, образ, в котором закрепляется взгляд певца на вещи, события, его оценка героев и их поступков и *устанавливается эмоциональный тонус мирозастриятия*. *Эпитег* имеет большое стилистическое значение, он обладает большой выразительной и изобразительной силой, это одно из главных выразительных средств юнацкой песни.

¹ Пока вино не бросилось в лицо,
А ракия не стала говорить.

В нем раскрывается не только поэтический стиль, но и поэтическое сознание певца.

Эпитет юнацкой песни устойчив. *Круг эпитетов ограничен.* Мировосприятие, кроющееся за ним,—определенно. Оно укладывается в ряд формул, которые являются продуктом длительного процесса отбора и оценки. За эпитетом юнацкой песни, как и за эпитетом вообще, „кроется далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, делающая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия красоты“ (А. Н. Веселовский).

Эпитет в песне—не мнемонический прием певца, а *прием идеализации*. В нем раскрывается условно-типическое постоянство сословного мирозерцания и стиля, условные типы красоты и ценности. Так, в сербском эпосе все предметы, достойные хвалы,—белые или золотые: белый двор, белое лицо, белая вила, белый город, белые руки, белые груди, золотая рубашка, золотой стол, золотая чаша, золотое яблоко. Все это образы идеального. „Золотой“—эпитет времени, когда золотые деньги и украшения входили в обращение.

Эпитеты песни: ясен сокол, легки ноги, остра сабля (бритка сабля), конь вороной или добрый, добрый юнак, стройная рабыня (танана робинья), невеста-латинка, красный двор, слуга хитрый, господская еда, господская одежда, говорят об определенном быте и еще более об определенных идеалах воина, грабителя и господина. Их сословность замаскировать нельзя. Эпитеты верная жена и слуга верный—идеалы феодала, отражение феодального быта и морали. Или: в юнацких песнях необычайно богаты и точны определения масти коней. Это отражения быта военной среды, психологии воина, для которого конь—товарищ верный, умения воина разбирать масти и качества коней, умения, высоко ценившегося в военной среде.

Эпический эпитет прошел большой путь развития. Социальный отбор ограничил круг, освятил дозволенное, как формулу—и эпитет получил тот характер, который выражался определением его как постоянного (стајаћи). Именно *постоянный эпитет* характерен для стиля эпической песни.

Рујно вино, бојно копље, равно поље, црна земља, змија лута, јарко сунце, жуто злато, тихо Дунаво, стара мајка, тавница кдета, сив сокол, ситно писмо—все это постоянные эпитеты. Определения срослись со словом под действием силы сословного мирозерцания и бытовой привычной обстановки.

Они дают общий признак предмета. Постоянный эпитет—эпитет типизирующий. Он часто близок символу, так как в нем стертые многие первичные признаки определяемого слова, он замещает его, он застыл в формуле. „Тавница клета“ (проклятая темница) не только в устах узника или певца, сочувствующего ему, но и в устах палача, вызывающего узника к дверям, чтобы срубить ему голову:

Ко је овђе Селак Волојевић.
Нек изиђе пред тавницу клету... (IV, 25) ¹.

Арапин черный, но об Арапине:

Виче цара из грла бијела ².

Или:

Не сечет он их [арапов] по белу горлу,
А сечет по поясу их Марко.

Также у арапа может быть и „белая“ рука.

Или песня, рассказывая о том, как отец губит своего сына, заставляет его называть сына милым. Или даже неверная жена Момчила называется верной.

В эпитете еще есть следы (пережитки) анимизма и антропоморфизма (одушевление предметов и вещей или такой эпитет, как „живи оган“—„живой огонь“). В нем отразились и этнические признаки (руса глава, руси коси, дрни очи). Но все это было переработано в феодальной поэзии и получило новый смысл и новое применение.

Эпитет в песне употребляется в описании, повествовании и диалоге и, приобретая иногда метафорический характер, получает большую выразительность (пијана механа—пьяная корчма, оружје плашиво—страшное оружие, мач зелени—меч зеленый ³).

По своим формам эпитет очень разнообразен: он может быть прилагательным, существительным (приложением) и при глаголе—наречием:

¹ Кто тут будет Селак Волоевич,
Из проклятой выйдет пусть темницы.

² Царя звал он из белого горла.

³ Последний эпитет до сих пор не разгадан.

Мајка Лази *тијо* одговара;
Па је њему *тијо* беседила;
Па је старац *тихо* говорио.

Но есть одна редкая форма, расчленяющая эпитет. Так, вместо „много сватов“ (винительный падеж) песня говорит: „силу и сватове“, вместо „чудные юнаки“—„чуда и јунаке“, вместо „нарядные сваты“—„кићени сватови“—„кита и сватови“, вместо „чудно господство“—„чудо и господство“.

И символы и эпитет—элементы поэтического языка песен.

Поэтический язык юнацких песен, естественно, изменялся в связи с изменением исторических условий и в связи с переходом их от одной социальной группы к другой. В нем есть следы и старого и нового. Он чище, самобытнее, чем язык разговорный, он содержит в себе меньше турецких слов и почти не имеет слов из западноевропейских—романских и германских—языков. Но те элементы турецкой речи, которые сохранились в песенном языке, гораздо старее, чем элементы турецкого языка, живущие сейчас в сербском разговорном языке или современном литературном языке.

Короче,—во всех своих элементах язык юнацких песен более *архаичен и устойчив*, чем разговорный язык или даже язык лирических песен. Это обусловлено тем, что слова, выражения и образы юнацкой песни связаны с представлениями уже отживающими или отжившими, от которых остались только пережитки.

Именно потому, что язык юнацких песен архаичен и что он более красочен, ярк и выразителен (конечно, в передаче соответствующих предметов), чем язык разговорный, он и *ощущается* как особый язык, как язык поэтический. Для литературоведа это понятно. Но я хочу подчеркнуть, что и певец и слушатель понимают и чувствуют характер языка и его особенности, что они никогда не заговорят песенным языком и не запоют языком разговорным.

Отличие не только в словаре. Не только в том, что поэтический язык сохраняет такие слова и такие их оттенки, которые утерял новый язык, но и в том, что поэтическая песенная речь особо организована: у нее свой склад и свой ритм.

Эстетическое и эмоциональное значение песенного языка хорошо известно певцам. Торжественность, сила и спокойствие отличают его от языка лирических песен, более эмоционального, а иногда и иррационального в своей образности. Эмоциональ-

ность эпического языка может создаваться значительностью и напряженностью событий и ситуаций в песне и реагированием на них певца (реплики и лирические отступления).

Общий характер эпоса—рассказ о необычайном и удивительном, его одичность заставляют певца играть на эмоциях слушателя. Это-то и придает эпосу особый характер. Эпическое повествование вызывает и у героев и у слушателей „сильные“ и „высокие“ чувства.

Героический, хвалебный, а отчасти и морализирующий характер эпоса вызывает многочисленные восклицания, вопросы, оценочные (гиперболические) реплики, сентенции и поучения, социальная направленность которых лежит в той же плоскости, как и социальный смысл всего эпоса. Особо показательны заключения-формулы: так, слова султана, прощающего Марку убийство визиря:

Всякий турок может быть визирем,
А как ты—другого нет юнака —

являются естественным следствием идеализации Марка.

Сентенция в песне:

Тешко ђном свакоме јунаку,
Што не слуша свога старшега ¹,—

имеет определенную феодальную тенденцию. Верность слуги своему господину, вассала—владару она ставит на первое место.

В многочисленных определениях-формулах, часто иронических, точно так же сказывается идеализация героя-воина или чувств, освященных феодализмом.

Дружба:

Колико се браћа миловала —
Под њима се добри коњи љубе ².

Герой:

Колико га лако ударио,
Из бојна га седла избарио ³.

¹ Беда всякому тому юнаку,
Что не слушает своего старшего.

² Так братья любили друг друга,
Что под ними кони целовались.

³ Так его легко ударил,
Из боевого седла его вышиб.

В языке сохранились и пережитки дологического мирозерцания, анимизма и антропоморфизма. Такие персонификации, как:

1. Сама книга царю говорила,
2. Говорит письмо ему сердито—

являются пережитками старого приема познавать мир,—приема антропоморфического миропознания¹.

В многочисленных заклинаниях, проклятиях и пожеланиях сохранились пережитки, а иногда и живая вера в силу слова. Песни переполнены такими обращениями, как:

1. Б'јела вила, грло те больело!²
2. Удри Грујо, усала ти рука!³

Для языка юнацких песен характерна все та же устойчивость повторений, тенденция варьировать, перепевы. В этом отношении он не выпадает из общего стиля эпоса. Арсенал его стилистически значимых приемов постоянен и ограничен.

Символ, эпитет, повторения различных типов (см. выше), перифразы и разнообразные синтаксические фигуры—вот круг ее поэтических приемов. Они образуют законченную, сросшуюся, устойчивую стилистическую систему и поэтому носят и определенный стилевой характер.

Определение:

Те је шаље *Сријем*-земљи равној
На колено Змај-Деспоту Вуку⁴.

Или:

Самур-калпак, камен-врата.

Утверждение и отрицание:

Не пише је, чим се књиге пишу,
Већ је пише крви од образа⁵.

¹ Еще Гердер говорил, что персонификация не столько словесная фигура, сколько прием, которым человек познает мир.

² Белая вила, чтоб у тебя горло заболело.

³ Бей Груйо, усохни твоя рука.

⁴ Потом посылает в Срем-землю ровню,
На колени Змай-Деспоту Вуку.

⁵ Не пишет его, чем письма пишут,
А пишет его кровью из лица.

Тавтология:

1. День проходит, темна ночь проходит.
2. Вот и плачем — слезы проливаем.

Чудну чуду зачуднили, брижна невесела, сјетно невесело¹.

Синонимы: путь-дорога, радый и весельй, гора-планина.

1. У тебя нет племени и роду.
2. Посоветуй, научи меня, брат.

Плеоназмы:

1. Прогесани и умом размисли².
2. И ушима јеку послушати
И очима сеир погледати³.

Или: часа не почаси, виком виче, гром загрми, муком мучи, старца стара⁴.

Плеоназмы с местоимением и наречием:

1. *Побратиму* Новаковић Грују
Ивему даде златна бошчалака⁵.
2. *Ал'на* брду под јелом зеленом
Там бијаше заспала ђевојка⁶.

Синтаксический параллелизм:

1. Та једно је Краљевићу Марко,
А друго је војвода Милоша.
2. Вила лъети по врху планине,
Шарац језди по среди планине.

¹ Чуду чудному чудились, печальна невесела, грустно невесело.

² Он подумал и умом раскинул.

³ И ушами крик бы тот послушать,
И очами чудо посмотреть бы.

⁴ Часу он не чае, криком кричит, гром загремел, мукой мучится, старика старого.

⁵ Бошчалук — подарок из рубашки, брюк и чулок.

⁶ А на горе под зеленой елью,
Там заснула девушка.

Типические соединения:

1. По вјој плови конь и јунаци,
2. Нек га једу орли и гаврани.
3. Ти не имаш рода ни племена,
4. Бог и срећа даде.
5. Родитељ и мајка,
6. И грли и љуби,
7. И мило и драго.

Из чисто синтаксических фигур укажем на чистую инверсию (стих начинается обычно глаголом или прилагательным вместо существительного), или:

Ал'га ника да однесе нема.

Отделение прилагательного от существительного:

1. У Илије млада оста љуба.
2. Русу ньему одсечите главу.
3. А кад Марко бритгу преби сабљу.

Эллипс (пропуск слова: у то доба Тодор у дворове, то есть пришел), бессоюзие: стане турске, окрене мановски (опускаются союзы: и, а и др.), удвоение предлога:

1. Код Ситнице код воде студене.
2. Украј Лаба украј воде ладне:
3. За Ивана за брата мојега.

Вставка предлогов, частиц и местоимений:

Капца *ти* на ноге устаде.

Повествование идет обычно в несовершенной форме прошедшего времени, то есть не „на коня уселся“ и „не взял“, а „сидился“ и „брал“¹. Очень часты замены падежей и форм. Распространена уменьшительная форма: *вм. гора—горица, вода—водица; брат—братец, дан—данак (день—денек):*

1. Хоћу мало санока боравити.
2. Још зорница није заб'јелвила.

¹ Переводчики, кстати сказать, редко передают это.

Превосходная степень вместо положительной: лијепа—пре-
лијепа, велика—превелика,

Отвори ми пребијелу кулу.

Замена падежей:

Да ја виђу белого Будима,

и по аналогии genetivus вместо akkus.:

1. Ти ли иди у Будима града.
2. И пођоше на Стамбола града.

Vocat. вместо nomin.:

1. Книгу пише црне Арапине.
2. Каква ј'красна Каица војводо.

Vocat. вместо instrum.:

1. Стари свате да си пред сватове.
2. А Лека је красан пријатељу.

Несклонение имен существительных:

1. И десетог с т а р-Југа Богдана.
2. Са дапцом глумац-Осман-агом.

Вот главные черты эпического языка юнацких песен, придающие ему особый характер, соответствующий общему характеру эпической поэтики.

4

Сербский юнацкий эпос имеет и свой особенный стих, отличающийся от стиха лирических песен своим строем, складом и ритмом.

Литература, посвященная сербскому стиху, очень богата. Многие пытались раскрыть принципы так называемого юнацкого десетерца. По традиции пытались объяснить его ритм по аналогии с классическим стихом (количественный принцип), по

Иван Гуниад (Янго Сибивянин).

Юнак.

С печати босанского краля Стефана Томашевича 1463 года.

аналогии с русским стихом (тонический принцип—ударный), и наконец на основе силлабизма. В западной литературе обычен термин „сербский трохей“, но употребляется он не критически, без достаточного знакомства с самим стихом. А уже дубровницкие поэты (например, Катавич) в своих теоретических работах различают стих народных сербских песен от классических размеров.

Вук Стефанович Караджич, так много сделавший для собирания и изучения юнацких песен, в изучении ритмики их оказал консервативное влияние. Пытаясь применить метрический принцип, он задержал развитие изучения ритмики сербского юнацкого стиха, так как исследователи, ссылаясь на авторитет, не шли далее его. Пережитки классической метрики заставляли их укладывать стих в искусственные схемы.

Вук сначала в предисловии к своему сборнику (1824 г.), а потом в предисловии к изданной им книге Луки Милованова Джорджевича „Opit nastavljenja k srbskoj sličnorednosti“ (написана в 1810 году, издана в 1833) говорит, что количество слогов и цезура (odmora) лежат в основе стиха юнацких песен, но, подчеркивая особенно роль ударения, он пытался по аналогии с греческой метрикой построить сербскую. Поэтому он допустил, что ударный слог в песенном стихе всегда долг, а неударный—краток. Стих:

И понесе три товара блага,

который читается $\underline{\text{v}}\underline{\text{u}}\text{c} \parallel \underline{\text{p}}\underline{\text{o}}\text{n}\underline{\text{e}}\text{s}\underline{\text{e}} \text{ t}\underline{\text{r}}\underline{\text{i}} \text{ t}\underline{\text{o}}\text{v}\underline{\text{a}} \text{ b}\underline{\text{l}}\underline{\text{a}}\text{g}\underline{\text{a}}$, в пении, по мнению Караджича, имеет такой вид: $\underline{\text{v}}\underline{\text{u}}\text{c} \parallel \underline{\text{p}}\underline{\text{e}}\underline{\text{n}}\underline{\text{i}}\underline{\text{e}}$.

Он пение подменял скандированием, что совершенно недопустимо в сербском стихе. Караджич шел и далее и разлагал стих на стопы. Таким образом, у него десятисложный стих состоял из пяти хорейческих стоп.

Яков Гримм в рецензии на первый сборник Вука („Wiener Allg. Lit. Ztg.“, 1816, septem., № 74) точно так же сближал сербский стих с хорейческим стихом, но подчеркивал, что в сербской метрике значительную роль играет и мелодия: она определяет долготу и краткость слога.

Шафарик (в „Geschichte der slav. Sprache und Literatur“, 1826), основываясь на том, что в сербском языке есть долгие и краткие гласные, пытался положить в основу сербского народного стихосложения количественный принцип, то есть различать в стихе долгие и краткие слоги и по аналогии с классическим стихом опять-таки расчленять его на стопы (пять хореев).

Наконец Р. Veric (в „Srb. Ljetpisu“ 1831), утверждая, что в стихе сербских народных песен нет ни стоп, ни про-
содии, выдвинул принцип силлабический. Он считал, что основа
стиха—число слогов и дезура.

Дальнейшие исследования тоже не внесли определенности
и ясности. Суботич¹ ударные слоги считал долгими, неударные
краткими и разлагал стих на хорей, то есть шел за Караджичем.
Так же поступал и Расел². Он установил даже три вида
десетерца:

1. — ∪ — ∪ || — ∪ — ∪ — ∪
2. — ∪ — ∪ || — ∪ — ∪ | — ∪
3. — ∪ — ∪ || — ∪ | — ∪ — ∪,

то есть три типа дезуры в нем (главная дезура и два вида
дополнительной).

За Караджичем шли и Малетич, и Миклошич и Пажур. По-
следний в своей статье „O desetercu junačkih naših pjesama“,
(Osijek. 1874) высказалась против количественного принципа
и, защищая принцип тонический, рассматривал десетерец как
сложный стих—хорейческий и дактилический:— ∪ — ∪ || — ∪ — ∪

Особо стоит И. И. Срезневский³, который отмечал двучлен-
ность юнацкого стиха, то есть большое значение дезуры. Кроме
того, он указал, что этот стих имеет постоянно десять слогов
и два ударения, что две части, на которые он делится дезу-
рой (4 + 6) (в каждой части по ударению), соответствуют син-
таксическому делению стиха и что стих является или закончен-
ной, или самостоятельной синтаксической единицей (то есть
в нем нет enjambement'a). Наконец он отметил и парность
стихов в ритмико-синтаксическом отношении. Все эти осо-
бенности сербского юнацкого стиха он считал унаследованными
им от „древнего славянского размера“.

Срезневский, таким образом, по-новому подошел к стиху.
Он открыл то, что до него не замечали, причем открыл бес-
спорные свойства сербского юнацкого стиха.

Особый взгляд представляют в литературе три исследова-
теля: Будмани, Зима и Вольнер.

¹ См. „O metriki narodni srpski pesama“, „Ljetopis“, 1844, I, II, III и
„Nauka o srpskom stihotvorenju“. U Budimu 1845.

² „Stih i naglas narodne pjesme“. „Književnik“, 1864, I, str. 318.

³ „Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных
песен“. „Известия Академии наук“, 1860, т. IX, стр. 345—366.

Еще Kollár отметил важность мелодии для сербского стиха, но исследователи проходили мимо этой мысли, и только В. Ягич в многочисленных своих работах не раз отмечал то же самое, не углубляясь, однако, в изучение вопроса и не ставя его на принципиальную высоту. И только Будмани (Budmani)¹ развил эту мысль и выдвинул совершенно новый взгляд на стих юнацкой песни.

До него многие изучали стих, основываясь на анализе только словесного текста и не касаясь ритма мелодии. Попытки применить метрический, тонический и силлабический принципы оказались безрезультатными. Метрический и тонический принципы разбивались неупорядоченностью стиха в количественном и ударном отношении, а силлабический принцип не объяснял всего, к нему требовалось еще что-то добавить.

Это сделал Будмани. Он перевернул представление о сербском стихе.

Будмани прежде всего отметил, что песня всегда сочиняется для пения или прямо в пении и что поэтому в ней *главнствует ритм мелодии*. А так как мелодия упорядочивает прежде всего долготность, то Будмани установил количественный принцип, но *единицей* взял не стопу, а *такт*. В словесном ритме слог—элементарная единица, но когда стих подчинен мелодии—слог соответствует ноте, причем часто длинные слоги становятся краткими, а краткие долгими, смотря по тому, в каком отношении находятся они к музыкальной единице. Слоги объединяются в группы—стопы, и каждая из стоп соответствует музыкальному такту. Из этого вывод: 1) все стопы одно-, двух- или трехсложные имеют одинаковую долготу (=такту), 2) акцент всегда падает на первый слог каждой стопы (иктус). Основываясь на этом, Будмани рассматривает стих не как

$$\begin{array}{c} \text{''} \text{ — ' — } || \text{''} \text{ — ' — } | \text{''} \text{ — } \\ \bullet \bullet \bullet \bullet \quad | \bullet \bullet \bullet \bullet \quad | \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \text{ } \end{array}$$

Связь стоп образует ритмический ряд из двух или четырех стоп, стих делится на два полустиха, в них первый, ударный, сильнее второго.

Таким образом, Будмани прежде всего отделил эпический, песенный стих от литературного, указал, что в нем действуют другие законы.

¹ „Još j'dan pokušaj o našoj narodnoj metrici“. Ragusa 1876.

Продолжателем его был Зима (L. Zima)¹. Для него единицей является слог, два слога=стопе=такту, акцент падает на первый слог стопы, основная стопа двухсложная, двухсложные стопы могут соединяться по две. Он еще глубже анализирует ритм мелодии и устанавливает, что существуют разные ритмы мелодий юнацких песен, что главная цезура находится после четвертого слога, что слог всегда равен ноте, и это является характернейшей особенностью отношения словесного текста и мелодии в юнацкой песне, что ритмический ряд равен музыкальной фразе, что он диподичен и что два стиха объединяются в период.

Еще далее разработал эту теорию Вольнер (Wollner)², хотя против некоторых его мыслей возражал Зима³.

Вольнер принял как аксиому, что *объяснить ритмику сербских народных песен можно только исходя из мелодии*⁴. *Мелодия и текст неразделимы. Песня для пения, она может только петься*. Речитатив имеет тоже свой мелодический рисунок, да кроме того речитатив не столь характерный вид исполнения юнацких песен, как пение. Вольнер отметил, что при пении ритм и стих строятся иначе, чем при речитативе. При речитативе:

Закукала синья кукавица;

Погинути Стојан Јанковићу;

При пении:

Закукала кукавица синья;

Погинути Јанковићу Стојан, —

песенный ритм: четыре восьмых плюс четыре восьмых плюс две четверти.

Необходимо отметить, что в обоих случаях на конец стиха переносится двухсложное слово. Это говорит о том, что последние два слога, равные двум ногам, являются самостоятельным тактом; отметим и то, что слово часто равно такту, если позволительно так выразиться, отсутствует внутренний enjambement.

¹ „Nacrft naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda a osobito slovena“. Rad, 1879, knj. XLVIII, str. 170—221; XLIX; str. 1—64.

² „Untersuchungen über den Versbau des südslavische Volksliedes“. Arch. f. slav. Phil. 1886, Bd. IX, S. 177—281.

³ „J opet o metri i narodnieh pjesama“, Bad, 1888, knj. XCIII.

⁴ Op. cit., стр. 199.

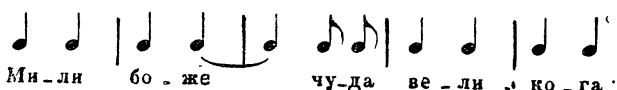
Но Вольнер не считает, что слог всегда равен ноте, и, естественно, что слог иногда (редко) равен нескольким нотам. Кроме того, он признает обычным для стиха членение его не на две или четыре, а на три (трехтактовая фраза) части.

Итак, ритм стиха определяется ритмом мелодии. Ритм мелодии главенствует¹. Вольнер устанавливает несколько типов ритмического строения стиха. В стихе могут быть одно-, двух-, трех- и четырехсложные группы, соответствующие такту. Обычные четырехсложные группы, соответствующие такту в $\frac{4}{4}$, $\frac{4}{8}$, то есть слог равен в таком случае $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$. Чаше такт в $\frac{4}{8}$, причем стих содержит три, четыре и пять тактов.

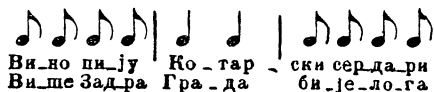

Вольнер считает, что есть три основные формы:

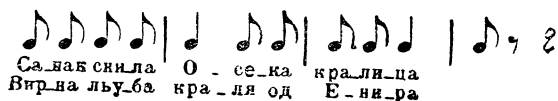
форма а:

форма b:

форма с:

Форму b он считает основной.

Проверивши наблюдения Вольнера, мы установили, что у него отсутствует форма, которую мы склонны считать основной.

¹ „Für die Anpassung des Textes an den Rhythmus der Melodie liefert das südslavische Volkslied zahlreiche Beweise“. Wollner, 201. (Югославянская народная песня дает многочисленные доказательства приспособления текста к ритму мелодии.)

Кухач предыгрыш к песне „Цар Лазар сједи на вечеру“ записывает в $\frac{4}{4}$ (*allegro ma non troppo*), а предыгрыш к песне „Краљевић Марко и Анђелија“ — в $\frac{2}{4}$; самую же песню — в $\frac{7}{4}$ и $\frac{6}{4}$ не деля на такты (см. приложение):

и сокращение первого слога:

Растяжение и сокращение первого слога обычно, и это не следует принимать во внимание: у каждого гуслара свой предыгрыш и свой начин. Обычен предыгрыш в $\frac{4}{4}$ и $\frac{2}{4}$. Это говорит о том, что, видимо, и в самой мелодии есть что-то близкое к этому. И на самом деле в записях песен мы обнаружили существование особой формы, мимо которой прошел Вольнер, но которая является основной.

Примером может служить такая песня (см. приложение):

Эта фраза 4-тактовая:

Это наиболее характерный ритмический рисунок. При такой мелодии первые четыре слога равны по времени шести следующим и вся фраза четырехтактова — что тоже характерно и для сербской народной музыки вообще. Эта схема объясняет все особенности стиха сербской юнацкой песни, и ее поэтому мы считаем наиболее близкой действительности.

На самом деле, ведь только четырехтактное строение стиха будет находиться в соответствии с основным принципом поэтики юнацких песен, — принципом повторений, вариаций и параллелизмов, только четырехтактная фраза может быть разделена на две части — это создает ритмическую параллель: 2+2,

а не 2+3, 1+2, как у Вольнера; только это оправдывает огромное значение цезуры как раздела между равными по времени частями стиха; только это объясняет дополнительные цезуры; только это объясняет то, что третий такт всегда четырехнотный, то есть слоги, падающие на этот такт, поются вдвое скорее, чем другие слоги стиха; только это объясняет тот факт, что в огромном количестве случаев на конце стиха стоит двухсложное слово, а перед ним—четырёхсложное,—это и соответствует строению второй части стиха: $\frac{4}{8} + \frac{2}{4}$; а в начале стиха двухсложное слово¹, причем все слова в этих положениях имеют первые слоги долгие и часто ударные; это же объясняет женское окончание стиха (— \sim), чего не объясняют формы b и c Вольнера (см. выше).

Наконец правильность нашей схемы подтверждает и то, что подавляющее большинство известных нам мелодий можно уложить только в эту схему.

Таков ритмический рисунок стиха.

Не противоречит этому и указание Р. О. Якобсона и Шперела о *прозаической тенденции* стиха, о том, что анализ фонографических записей песен черногорского певца Вучича показал, что 75% ударений падает на нечетные слоги, и что лишь 19% слов в стихе имеют нечетное число слогов.

Против подчинения ритма стиха ритму мелодии или, по-нашему, против их объединения выступил Т. Маретич. В указанной выше работе и в двух статьях² он довольно легкомысленно отверг изыскания Будмани, Зимы и Вольнера только на том основании, что они расходятся кое в чем, что Вольнер разбивает (по-нашему поправляет) Будмани и Зиму, а Зима Вольнера, что ритм мелодии и стиха не всегда совпадают. Из последнего он делает вывод, что текст и мелодия вообще не совпадают, как прозаический текст молитв и мелодия. Маретич, рассуждая так, допускает грубую и очевидную ошибку: он не понимает, что проза пропетая уже нечто совершенно отличное от прозы прочитанной. А Маретич как раз думает, что может существовать „песня без музыки“. Такой песни нет. Песня может существовать только в пении.

¹ Естественно, что могут стоять и два слова, но легко объединяющиеся. Впервые это наблюдение было сделано Маретичем в его работе „Metrika narodnih naših pjesama“, Rad 1907, knj. 168, str. 1—112; knj. 170, str. 76—200.

² „Nastavni vjesnik“, 1901, X, 143—174; Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena“, 1903, VІІІ, 1—47.

Но в своих статьях Маретич дал и много нового, главным образом в наблюдении над влиянием ритма на синтаксический и звуковой строй стиха (с нашей точки зрения, его наблюдения подтверждают силу мелодического ритма).

Маретич не признает никаких стоп, а распределяет стихи по группам: 1) с цезурой и без цезуры, 2) одно-, двух- и трехчленные (членом он называет часть стиха, состоящую из одного или нескольких слов, тесно связанных в синтаксическом отношении). Эти члены располагаются в стихе так, что не ломают цезуры. Цезура соблюдается без исключений и делит стих на две части (4+6 слогов). Примеры невыдержанной цезуры редки.

1. Преко Бајне Луке и хајлуке.
2. Преко Црне горе и хајлуке.

Между подчеркнутыми словами нельзя поставить цезуры. Иногда ее нарушает интерпункция:

1. Оковане сребром, позлаћене.
2. Да не вели Туре: ако бог да.
3. Смаил-ага оде, Русто дође.

Каждый стих представляет собою синтаксически законченную часть фразы или фразу:

Стаде даре купите сватове,
Скупи свата дванаест хильада,
Пак подиже низ Косово равно.

Случаи enjambement'a единичны. Например:

Нека пугте ваше господаре
Из тавнице, да је бог убије ¹.

Или:

Вишу даву учини Михајло
Горановић из села Врбице.

Мы должны отметить, что стих обычно совпадает с музыкальной фразой или половиной ее, если стихи объединяются

¹ В моем переводе:

Пусть отпустят ваших господарей
Из темницы, чтоб ей провалиться.

по два. Давление мелодии объясняет то, что в сербских юнацких песнях и вообще в песнях отсутствует enjambement.

Мелодия же (а не ритм стиха и его силлабизм—10 слогов) объясняет существование в стихе элизии (то есть отпадения конечного гласного в слове перед гласным и согласным в следующем слове):

1. Зашт'ми закла чедо у Колевци,
2. Да с'грлимо и да с'милуемо;

афереза (сокращение в начале слова):

'вако (вместо овако) царе бану говораше;

синкопа (сокращение в середине слога):

Те ошинеѡ цар[е]ва делибаша.

Все эти явления наблюдаются только в таких грамматических формах, которые не теряют от этого своей определенности, то есть в которых сокращаемые гласные не служат формальными принадлежностями.

Обычно сокращение слов: Крадѡиѡ вместо Кралевиѡ, чек' вместо чекај.

1. Он говори барјактар Јовану.
2. И пред војском Чуприлиѡ везира.

Но бывает и растяжение слов. Растяжение краткого ѣ, причем в песнях, записанных в восточных и западных говорах, то есть в тех, где это не является диалектической особенностью. Так, в песне южного говора:

1. Плеѡи даде, бијежати стаде.
2. И са с нјіма Сијеньанин Иво;
3. Чу ли тене од Задара бане; —

вместо од Задра. Также Скадар вместо Скадр.

Влиянием мелодии объясняются и указанные нами выше разнообразные типы словесных повторений, уменьшительные формы, бессоюзия, удвоение предлогов и др.

Влияние мелодии на всю организацию стиха столь сильно, что мы склонны думать, что мелодия установила силлабизм

стиха, она объединила стихи в группы по два, так как это только давало устойчивое разрешение, законченность музыкальной фразе. Это последнее вызывало синтаксический параллелизм стихов (см. выше). В основе большинства этих явлений лежит действие закона равенства музыкальных фраз, параллелизма и аналогичности их строения¹.

Таким образом, мы видим, что и в стихе основной принцип—повторение и параллелизм².

Роль повторений и параллелизмов в организации стиха огромна, это подтверждает хотя бы аналогичность строения словесного текста (стихов) и мелодических фраз, что создает постоянную повторяемость, возвращение тех же схем.

5

Эпическая поэзия синкретична. Эпическая поэзия—поэзия звучащая.

Звуковая сторона ее может быть рассматриваема с двух точек зрения: звуковая сторона текста и напев, мелодия.

Звуковая сторона текста не отличается особой оригинальностью. Стих в звуковом отношении менее богат, чем аллитерирующий стих германского или рифмованный стих французского эпоса. Видимо, мелодия в нем заглушила развитие звукового богатства словесного текста.

Звукопись юнацкого стиха не имеет ярко выраженных особенностей. Звучание песни спокойно, торжественно, звук силен и энергичен. В нем часты вопросы и восклицания, обогащающие звуковую сторону и разнообразящие ее. Таковы восклицания: О! Ха! или употребление кратких частей речи, звуковые сокращения.

Фрк је баци на сила Лабуда.

Наиболее обычным приемом являются повторения, этимологические тавтологии, вызывающие и звуковые повторы и просто ассонансы и аллитерации.

¹ Ритм же мелодии, может быть, был навеян ритмом конского шага и бега.

² Надеемся, что нет надобности доказывать то, что это не общая фраза, так как далеко не во всяких песнях и особенно не во всяком стихе действуют (и именно так действуют) эти принципы.

1. А кад ала азу појахала.
2. Када сване и огране сунце.
3. Она поји по путу путника.
4. Кад се вила сиде на неволи.
5. Мучи љубо, муком умукнула.

Внутренняя рифма:

1. Мрке брке ниско објесио.
2. Златне токе по од двије оке.
3. Свесе скита, а за Мусу пита.
4. Али ево јада изневада.
5. Код се врати, да ти подков плати.
6. Као мрави по зеленој трави.
7. Био Дука, па га боли рука;
Јест Илија луда аџамија.

Рифмуются обычно парные слова, застывшие в формуле:

1. Кратки данци, а дуги коначи.
2. То говори, а с душом се бори,
То изусти, заку душу пусти.
3. Од бога је велика греота,
А од људи зазор и срамота.
4. Већ је благо, што је коме драго.

Выше мы показали, что ритм песни определяется ритмом мелодии. В общем ритмы сводятся к нескольким схемам.

Напевы (мелодии) точно так же не разнообразны. Большинство из них представляет собою вариации других мелодий. Сами по себе напевы однообразны и монотонны и общим своим строением напоминают украинские думы. Музыкальная фраза с незначительными вариациями повторяется из стиха в стих, голосовой диапазон не велик.

В общем характере мелодического рисунка песни имеют общее с церковными молитвенными напевами и гимнами. Чувствуется музыкальный орнаментализм, но не в сильной степени.

Главная черта музыки юнацких песен в разнородных полиритмических комбинациях, в мелодическом движении самобытного характера, в гармонии напева и аккомпанемента. В самом аккомпанементе почти нет элемента гармонии. Куба отметил как характерную черту вообще югославянской народной песни

одноголосый ее характер. Мелодика песни чрезвычайно выразительна несмотря на ограниченность диапазона и кажущуюся ее примитивность. Тональная система (dur и moll) по форме симметрична, по тональности диатоническая. На востоке более асимметричная и по тональности экзотическая. Редко можно сказать, что какая-либо песня поется в dur или moll. Певец часто переходит из dur в moll и обратно. Да и ни один из рядов dur и moll не совпадает с гуслярским: они только более или менее приближаются к нему. К тому же часто песню певец поет в dur, а потом ее же в moll.

Мерой мелодического движения часто служат кварта, квинта и секта, реже септима и октава. Большая секунда, столь характерная для восточной музыки, есть и в музыке юнацких песен.

Диапазон гусель, а поэтому, видимо, и песенной мелодии невелик. Даже у двухструнных гусель он охватывает не более полуторы октавы.

Гусли при одной струне обычно настроены на е, при двух— на g—е. Но нередко они настраиваются в с. В таком случае гусляр может брать на гуслях следующий ряд:

и обратно. Перед нами ряд полутонов—хроматический ряд.

„Эти восемь тонов гусляр может брать на одной струне до пятой степени (квинта), следовательно, и до октавы, но он редко ее употребляет, а обычно мелодия строится на первых пяти степенях и их полустепенях, а верхние ноты сопровождается терцией или доминантой на гуслях.

Но гусляр может брать и меньшие степени от указанных, чего на других инструментах невозможно сделать, и в этом-то и лежит совершенство этого музыкального инструмента“ (Каравашевич).

Когда две струны настроены в унисон, то гусляр может взять следующие созвучия:

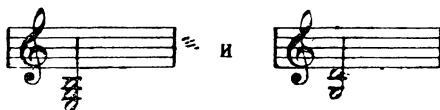
Это, естественно, не дает гусле́ру большой свободы при создании мелодии: ее ограничивает тоника (первый тон) и созвучия. Поэтому он всегда принужден кончать мелодию или первой или второй степенью.

Лучше, популярнее и естественнее в сербских народных песнях такой строй, когда правая струна настроена на кварту ниже, следовательно, в доминанту от первой (левой) струны. При таком строе гусле́ль гусле́р берет следующие созвучия:

Мелодия в таком случае оканчивается доминантным трезвучием или второй степенью:

что очень характерно для сербской народной песни.

По современной нотной системе только приблизительно можно передать мелодию и аккомпанемент.

Каждый гусле́р и поет и аккомпанирует по-своему. У каждого свои мелодии (или особенности в их вариациях), свои особенности в исполнении, свои начины и приступы. Одни более внимания обращают на ритм, другие — на мелодию, подобно тому как одних более интересует диалог, других описание. Некоторые сами сочиняют и текст и мелодию, как Филип Вишнич.

Гусле́ры иногда достигали огромного мастерства и виртуозности и в пении и в аккомпанементе. Молодые гусле́ры менее оригинальны, их более коснулось влияние европейской музыки.

Некоторые гусле́ры славились как особые виртуозы на одной струне (Кухач сравнивает их с Паганини).

Гусли—на первый взгляд примитивный инструмент, но они таят в себе большие возможности. Они дают необычайно богатый аккомпанемент, держат голос певца. Звук гусель, мягкий и элегичный, напоминающий звук скрипки на нижних нотах, как нельзя более подходит к „непоставленному“ голосу певца.

Аккомпанемент может быть сведен к двум типам.

Аккомпанемент в большинстве случаев начинается „предыгрышем“ (см. приложение), вступлением, которое дает на гуслях певец. От него он переходит к песне, причем или аккомпанемент следует за голосом (часто в унисон), или он сопровождает только концы стихов, последние два слога, которые завершаются на гуслях. В последнем случае песня обычно идет в речитативе, близком русскому „сказыванью“ былин. Часто бывает, что одни и те же песни „сказываются“ то речитативом, то поютя. Так Филип Вишнич „Смерть Кралевича Марка“ пел, а Тешан Подругович „сказывал“ (казваше). При речитативе, конечно, есть известный уход от мелодии и ее ритма, то есть уход от синкретизма¹.

Одна из самых характерных черт исполнения—это речитативный зачин², после которого певец переходит к пению. Добронич в своей работе „Ожканье“ устанавливает и свойственность некоторым песням употребления перед стихом слога „д“ (ой...), служащего интродукцией песни (см. приложение).

¹ Р. О. Якобсон в рецензии на книгу Вайяна говорит о том, что интересно было бы установить границы географического распространения исполнения песен без аккомпанемента,—это бы, по его мнению, помогло решить вопрос о том, был ли первоначальным сказителем гусляр. Мы позволим себе утверждать это. В доказательство можно сослаться на то, что история собрания эпических песен свидетельствует о повсеместном почти распространении аккомпанемента, а анализ словесного текста и мелодии говорит об их органической спаянности; наконец исторические источники подтверждают древность гусель, а в частности пения под их аккомпанемент.

² В 1930 г. в южнославянском кружке немецкого университета в Праге проф. Густав Бекинг прочел лекцию на тему „Музыка южнославянского эпоса“. Он указал три элемента, под влиянием которых она развивалась: арабскую культуру, техническую сторону гуслянья и национальную основу. Это относил он не к музыкальному содержанию песен, а к гуслярскому зачину их, к тональной системе и мелодии. Проф. Бекинг специально занимался изучением гуслярского зачина „казиванья“ и считает, что он идет от арабов. Появление гусель на Балканах он относит ко времени до XI века и полагает, что с того времени ни гусли как музыкальный инструмент, ни музыкальная техника ни в чем не изменились. Он подчеркивает, что при гусляньи водят смычком по струнам, но никогда не берут „на щипок“ пальцами. С этим он связывает речитативный зачин гуслярского „казиванья“.

Из нашего описания эпической поэтики становится ясным ее принцип: устойчивость, постоянство, сила традиции, а на ее основе определившийся стиль повторений и вариаций.

Не только передача песен от певца певцу и существование школ поддерживали силу традиции. Действовала более общая причина,—причина социально-исторического порядка.

Если для некоторых общественных формаций и классов характерна борьба с традицией, с пережитками прошлого, переоценка прошлого, утверждение новых принципов экономической и социальной жизни, то для феодализма времени его расцвета и упадка, именно для верхушки военно-служилого сословия, характерно утверждение традиции, освящение прошлого, именно потому, что период, дававший некоторое историческое оправдание феодализму, был в прошлом. Апелляция к прошлому служила для оправдания настоящего.

Сербский феодализм отличался особо застойчивыми формами благодаря тому, что внешние исторические условия не давали ему возможности развиваться (столкновение народов на Балканах, положение слабой Сербии среди сильных соседей). Традиция держалась потому, что хотели вернуться к прошлому, реставрировать старое, а не создавать новое. Как выражение этих тенденций создалась устойчивая поэзия, закрепившаяся в особых формах и приемах, гарантирующих ее сохранность.

Х. Собрание и изучение сербского эпоса

1. Первые записи.—Дубровницкие поэты.—Сборники песен.—А. Качич.—А. Фортис.—Сербское возрождение.—Вук. Ст. Караджич.—Его продолжатели.—Новые собрания юнацких песен.—Сербский эпос в Европе.—Романтизм.—Гете, Я. Гримм, Ш. Нодье.—Мистификация Мериме.—Песни западных славян Пушкина.—Мицкевич.—Переводы на западно-европейские языки.—Русские переводы.—Переводы Н. Гальковского.—Украинские переводы.—2. Романтизм и панславизм.—Слависты.—Русское славяноведение и балканская политика.—Основные этапы изучения сербского эпоса.—Первые работы.—Мифологический метод.—Вопрос о едином эпосе.—Историко-культурный и сравнительный методы.—Генетическое изучение.—Новые работы.—Как переводить сербский эпос?

1

Собрание и изучение юнацких песен имеет большую историю. От первых упоминаний (см. главу IV) до больших ис-

следований о них они вызывали огромный интерес—исторический, эстетический и политический. Литература о них очень велика. Нам приходится многое переоценивать, а поэту и пересмотр того, что было сказано о них, необходимо.

Особую роль в собирании и толковании юнацких песен сыграли дубровницкие поэты, нередко использовавшие их для своего творчества. Они первые начали их собирание и изучение.

Дубровницкая литература развивалась под сильным влиянием итальянской литературы Возрождения, чему способствовало близкое соседство, торговые, политические и религиозные связи с Италией. Литература Дубровника была латинизированной. Старательно подражая итальянцам, дубровницкие поэты заинтересовались народом после того, когда в Италии многие поэты аристократии стали обрабатывать народные песни. *Canzoni vulgare* использовались ими как источник новых мотивов и сюжетов, как новый экзотический материал. Именно как к экзотике относились к народной песне дубровницкие и итальянские поэты. Это было своеобразное любопытство, „народничество“, в основе которого лежал интерес аристократа к быту и языку народа.

Уже у первых дубровницких поэтов мы встречаем эпитеты и образы, заимствованные из народных песен. О ходячести у них эпитетов белый двор, синее море, жаркое солнце, руйно вино говорит Аппендини („*Notizie storico-critiche sulla Antichità*“. Ragusa 1802 и „*Storia e Letteratura de Ragusei*“. Ragusa 1803).

Первые дубровницкие лирики—Шишко Менчетич (1457—1527) и Юрий Држич (1461—1501)—уже имитируют народную лирику, подражая петраркистам. Это свидетельствует о раннем знакомстве дубровницких поэтов с народной песней. Творчество Петра Гекторовича (1480—1572) говорит о возникновении интереса к быту и этнографии. В своей идиллии „*Ribanje i ribarske prigovaranje*“ (Венеция 1556) он не без аристократического пренебрежения изображает нравы и обычаи простонародья, пользуется провинциальным рыбацким наречием и приводит несколько отрывков песен. В письме к поэту Пелегриновичу (1550) он называет их „*bugaršćice*“. Гекторович записал и мелодии песен, являющиеся старейшим памятником народной сербской музыки. Гекторович сохранил две песни: о том, как Марко убил брата Андрияна, и о северинском воеводе Радосаве. Юрий Бранкович (1547—1628) в сборнике „*Vila Slovinka*“ (изд. в Венеции в 1682 г.) приводит песню

Гердог Хрвољ.

„Majka Margarita“ на сюжет о сыне, попавшем в турецкую неволю, и о матери, тоскующей по нем. Поэт Иван Гундулич в своих поэмах „Осман“ и „Дубровка“ упоминает как героев бугарштиц „дарей Неманина дома“: Стефана, Уроша, Обилича, Дмитрия Свиловича, Марко Кралевича, воеводу Янка и др. Никола Охмулевич приводит две песни: песню о Янке Свиловиче и Секуле в Косовской битве 1448 года и о деспоте Змай-Вуке. Юний Пальмотич (1606—1657) упоминает в своих песнях Душана, Лазаря, Милоша Обилича, Скендер-бега, Свиловича, Секулу, Янка. Наконец Релькович (1732—1798) в своих „сатирах“ упоминает о Марке Кралевиче и печатает песню „Якшичи испытывают жен“.

Свидетельства о песнях и самые песни сохранили и провинциальные поэты. Так, Петер Зринский (ум. в 1671 г.) сочинил песню о Свиловиче, а Христофор Франкопан сохранил несколько подражательных песен о юнаках в своей „Gartlic“.

Кроме этих отдельных записей до нас дошли и целые рукописные сборники из Приморья (XV—XIII век), в которых записано более ста десяти песен. Песни этих сборников изучены и опубликованы Гильфердингом, Богишечем Миклошичем и Геземаном. Первый рукописный сборник (30 песен) составлен в Дубровнике Юрием Маттеи (Матијевић, 1675—1728), записавшим четырнадцать песен, и Иосифом Бетондичем (ум. в 1764 году), записавшим шестнадцать песен. В Славонии найдена так называемая эрлангенская рукопись 1733 года.

Но самым богатым и содержательным сборником песен является сборник францисканского аббата Андрея Качича-Миошича (1704—1760) „Razgovor ugodni naroda slovinskoga“ („Прятная беседа славянского народа“), вышедший в Венеции в 1756 году и несколько раз переиздававшийся с дополнениями. Качич составил свой сборник со специальной целью—представить в песнях историю Сербии. Поэтому он позволял себе переделки народных песен, чтобы сделать их „ближе к истории“, описать события так, „как случилось на деле“. Для этого он пользовался рядом исторических источников и из них дополнял „народную историю“. Представление Качича об истории, как указал еще Ягич, было довольно узкое: его интересовали только крали, баны и юнацкие бои, то есть оно совпадало до некоторой степени с пониманием истории в эпосе.

Обработанные Качичем песни (большею частью десяти-сложного стиха) перешли скоро в народ и распевались простонародьем по его песеннику.

Все эти сборники обращались в „народе“ в списках. Сохранились списки и отдельных песен. Так, в списке 1663 года найдена песня о Свилоевиче.

Наконец во многих произведениях стронописательного и мемуарного характера сохранены отрывки песен, а иногда и целые песни. Наиболее интересными и сыгравшими большую роль в развитии интереса к собиранию и изучению сербского эпоса были книги итальянского аббата Альберта Фортиса „Saggio d'osservazioni sopra l'isola di chorso col osero“ (1771) и „Viaggio in Dalmazia“ (1774). В первой он поместил перевод песни о Милоше Кобиличе и Вуке Бранковиче, а во второй—несколько переводов героических песен и между прочим „Жалостную песнь о жене Асан-аги“ в подлиннике и переводе. В обеих книгах он сообщает много сведений о нравах и быте „морлаков“, о певцах, гайдуках и вообще о Далмации. Фортис был знаком с книгой Качича-Миошича и оттуда взял „Хасанагиницу“. Это были первые переводы юнацких песен. Фортис не изучал песен. Он только дал их краткую характеристику, в которой подчеркнул „простоту гомерических времен“.

Все эти попытки собирания юнацких песен объясняются или подражанием итальянским поэтам Ренессанса и гуманизма, то есть желанием использовать песни для творчества, или зарождающимся славянофильством и панславизмом (у Гундулича и Крижанича), который вырос из стремления торгового капитализма связать в единое целое славянство—грубого и ничем не маскируемого стремления. Интерес к народу был примитивным интересом торговой аристократии к экзотике, к жизни „просто народа“.

На этой основе возникали только единичные попытки собирания. Систематический же характер собирание приняло только в XIX веке.

„Возрождение“ Сербии в конце XVIII и начале XIX века вызвало большой интерес к народному творчеству, быту и этнографии вообще, а в частности и к эпосу. Сербское „возрождение“ представляло собою не что иное, как начало создания буржуазной культуры. И любопытно, что сербское восстание 1804 года совпало с периодом наибольшего могущества Наполеона. Европейские события находили отклик в Сербии. И хотя Гурмид-паша заставил Кара-Георгия бежать в Австрию, где его арестовали, сербская буржуазия поняла, что она настолько сильна, что может думать о „национальном освещении“.

бождении“, о „возрождении Сербии“, о создании своей культуры. Она перестала быть только торговым посредником между Балканами и Европой. Она не захотела подчиниться Турции, а Австрии позволить сделать из Сербии буферное государство и сплошное военное поселение. Наиболее выгодным представлялся союз с Россией, как страной не так близко находящейся от Сербии. Кроме того, этот союз позволял развивать столь любимую идею торговой буржуазии—идею национального единения—панславизм.

Общественные и литературные движения Сербии этого периода носят характер стихийности. Происходит переоценка ценностей. В частности большие задачи, стоявшие перед буржуазией в борьбе ее за национальную самостоятельность Сербии, требовали введения сербского народа в круг „исторических“, требовали обосновать его „историческое право“ на самостоятельность. И тут-то взоры ученых обратились на эпос. Действительно, эпос как нельзя лучше соответствовал этой задаче. Сербский эпос—исторический эпос. Таким образом, он мог свидетельствовать о существовании в прошлом сербского государства и о его большой древности и большом могуществе, он мог свидетельствовать о существовании сербской национальной „самобытной“ культуры.

Вот основные предпосылки огромного интереса к этнографии и „народному“ творчеству, который столь характерен для начала XIX века. Кроме того, он был поддержан такими явлениями западных литератур, как оссианизм и романтизм.

Лучшее свое осуществление эти тенденции нашли в работах Вука Стефановича Караджича (1787—1864) по языку (словарь, перевод „Нового завета“ и введение нового правописания) и истории Сербии и собиранию произведений устной поэзии. Честь раскрытия богатств сербской народной поэзии принадлежит ему. И хотя мысль о собирании песен была дана ему венским славистом Копитаром, он осуществил ее и большинство своих замыслов самостоятельно. С 1813 года, со времени встречи его с Копитаром, и до конца своей жизни он выполнял серию работ, объединенную одной мыслью—показать Сербию в ее „самобытности“.

Он провел всю свою жизнь в путешествиях—это дало ему огромный материал и облегчило осуществление задачи. Его широкий этнографический горизонт, знание языка (местных диалектов), быта и народного творчества вообще помогли ему дать образцовые сборники.

Первое издание его сборника („Српске народне пјесме“) вышло в 1814 году в Вене. Вук продолжал собирать песни и переиздал их с добавлениями в 1823—1833 годах (четыре тома). Третье издание в пяти томах вышло в 1841—1866 годах и последнее, использовавшее все материалы,—в 1891—1902 годах в девяти томах. Из них семь томов содержат энические песни. Это самое фундаментальное собрание юнацких песен, самое богатое и тщательное. Вук записал наиболее полные и выдержанные тексты, и записал у лучших певцов. Правда, не все записи сделаны им самим, но его корреспондентами были люди большого филологического образования, относившиеся к тексту песен с фанатической строгостью. Кроме того, и сам Вук и его сотрудники настолько близко стояли к песне, что те немногочисленные изменения (главным образом вставки стихов для связи повествования), которые они вносили, не выпадали из стиля и строя песни. Эти вставки нельзя даже назвать искусными стилизациями—это было сотворчество, не приносящее в песню ничего чуждого, хотя и изменявшее текст песни, пропетой определенным певцом. Караджич и сам, как любой певец-гусяр, мог петь юнацкие песни.

Большинство песен своего собрания Вук записал в тех областях, где они пелись. Ему не пришлось быть лишь в Боснии и Герцеговине, чрезвычайно богатых песнями, и те песни, которые у него помечены этими местами, записаны им от гусяров босняков и герцеговинцев, заходивших в другие области.

Собрание Караджича было совершенно необычным явлением уже потому, что впервые эпос публиковался не в отдельных записях, а целым собранием, что говорило о его живучести, сохранности и богатстве. Сборник его вызвал большое оживление: он открыл новую литературную область, богатый материал для языкознания, литературоведения, этнографии и истории. Он расширил научный кругозор, он дал толчок новым изысканиям, он положил начало собиранию юнацких песен, основывающемуся на определенных научных интересах и взглядах, преследующему определенные цели.

Естественно, что первые продолжатели и подражатели Караджича не выходили за рамки любительства. Первым его подражателем был Сима Милутинович (Чубро Чојковић, 1791—1847), поэт и историк, автор трагедии „Обилич“ (сюжет о косовском бое) и книг по истории Сербии, которые представляют собою простое собрание документов и материалов.

В 1833 году вышла книга „Шѣванія черногорска и херцеговачка, собране Чубром Чойковићем (ч. I. Будим, 160 стр.), в которой он опубликовал и юнацкие песни (второе дополненное издание вышло в Лейпциге в 1837 году). Собрание поражает своим диллетантизмом. В нем есть и явно сомнительные песни, отдельные сомнительные выражения, о фальшивости которых говорил Милутиновичу еще Караджич¹.

После второго издания собрания Караджича собрание юнацких песен, как и вообще произведений устной словесности, необычайно расширяется, открываются все новые и новые области, где бытует эпическая песня. Почти все журналы и многие газеты публикуют отдельные записи, наиболее интересные и художественные образцы. Научные, главным образом этнографические, общества начинают принимать участие в собирании.

В 1845 году в Белграде вышло „Огледало Србско“ владыки Петра Петровича, воспитанника Милутиновича, заключающее в себе частью песни самого редактора (кстати сказать, хорошего гусляра), частью черногорские юнацкие песни о черногорско-турецких боях XVIII—XIX веков. Издание этих песен преследовало чисто патриотические цели: защиту самостоятельности Черногории, владыкой которой Петрович был. Петрович вел борьбу с турками, со скадрским Осман-пашей, и появление его сборника вызвало новый патриотический подъем в Черногории, то есть достигло своей цели. В 1857 году появилось большое собрание А. Поповича—„Песме разне јуначке народне“, а в 1858 году—„Црногорске гусле“ Стефана Поповича и „Narodne pjesme bosanske i hercegovačke“ Ивана Франьо Юкича и Любомира Герцеговца (Sv. I. „Pjesme јуначке. U Osijeku 1858, XVI + 619), в 1864 году—сборник Марьяновича („Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju gornjoј Hrvatskoј Krajini i u Turskoј Hrvatskoј“. U Zagrebu, str. 207), в который вошло двадцать семь юнацких песен. Записи Марьяновича хотя и повторяют старые сюжеты, значительно выше других по точности. Он хотя и примитивно, но передает

¹ С собранием Милутиновича произошел любопытный курьез. Soergensen (см. библиографию) считает его во многом более древним по стилю и содержанию, чем собрание Караджича, но все попытки его доказать это (см. „Archiv für slavische Philologie“, Bd. XVII, S. 252 f.) руются. Более того: приняв это за аксиому, Soergensen пришел к ошибочным выводам и погубил свою прекрасную работу. Критику некоторых его положений мы дали в отдельных местах нашей книги.

некоторые особенности песен (в языке и ритме), которые до него почти никем не передавались кроме Караджича.

В это же время делаются попытки записать мелодии и напевы, описать гусли, охарактеризовать аккомпанемент и исполнение (J. Katinelli, „Južnoslavenske pučke pјesme z notama“. Wieden 1850, A. Kalauz. „Srbski napjevci za fortepiano“. Wieden 1850, и потом Кухач).

Кухач (Франьо Ксавер Кухач—1834—1911), музыкальный этнограф и собиратель народных мелодий, дал одно из ценнейших собраний народной музыки, в том числе напевов юнацких песен. Он долго путешествовал по Сербии и записал около пяти тысяч народных напевов. Он дал основу сербской музыкальной терминологии. В 1878—1882 годах вышли четыре тома его „Јужнословјенске народне појевке“. В четвертом томе находятся мелодии юнацких песен. Он же дал обзор народной музыки—„Особине народне глазбе нарочито хрватске“ (Rad, 160, 174 и 176) и описание народных музыкальных инструментов—„Прилог за појест глазбе јужнословенске“ (Rad, 38, 39, 41, 45, 50, 60 и 62). О своем собрании мелодий он сказал, что это не ученое исследование, а только фундамент для него. К мелодиям, гармонизованным и снабженным аккомпанементом, он дал тексты или из Караджича и других сборников, или записал сам.

Собиратели считают теперь обязательным давать при собрании некоторый пояснительный материал, как вводная статья с описанием методов записей, по существу еще очень примитивных, и географического распространения песен или примечания с толкованием отдельных мест, объяснением и переводом чужих или устаревших слов и выражений. Собиратели пока еще идут за Караджичем, который служит им недостижимым идеалом.

В 1867—1870 годах Српско учено друштво издало огромное собрание монаха Боголюбa Петрановича—„Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старијег времена“ (более 1200 страниц), с предисловием Ст. Новаковича, комментариями и другим научным аппаратом. Это собрание дало не только редкие варианты известных сюжетов, но и совсем новые сюжеты. Наконец в 1860 году в Панчево появляется сборник песен из Срема („Српске народне песме. Скупио их у Срему Б. М.“), в 1872—сборник Филипа Райчевича—„Гусле дрногорске“ и в 1873—сборник Косты Ристича—„Српске народне пјесме покуљене по Босни“. В 1878 году В. Богшиич, из-

вестный исследователь обычного права, издал „Народне пјесме из старијех највише приморских записа“—собрание бугарштиц, перепечатанных из сборников Далматинского побережья, снабженное комментарием и словарем.

Все эти собрания выяснили, в основном, сюжетику сербского эпоса, его богатство и его особенности. Они дали прекрасные записи, хотя надо сказать, что собиратели часто записывали песни не с голоса, а с рассказа.

Выходившие позднее сборники прибавляли мало к тому, что уже было известно. Собрание Караджича по полноте и ценности записей осталось образцом. Юнацкая песня хотя и жила, но постепенно отмирала, и поэтому ни одному собирателю не удалось дать собрание, подобное Караджичеву. Буржуазная Сербия забывала юнацкие песни. Она обращалась к ним только тогда, когда они становились необходимым средством пропаганды сербского национального единства, главным образом во времена войн и столкновений.

Позднейшие собрания внесли любопытную „поправку“ в то представление о сербском эпосе, которое было у собирателей и ученых: они открыли новую область эпоса, необычайно богатую и своеобразную, возникшую несомненно из циклов сербского эпоса, но жившую в другой национальной и социальной среде—песни магометан, турок и особенно потурченцев.

В 1888 и 1889 годах вышло собрание Косты Хёрмана (Hörman. „Narodne pjesme muhamedavaca u Bosni i Hercegovini“, Sarajevo), а с 1896 по 1909 год выходили „Hrvatske narodne pjesme“ (тт. I—VI) в изд. Матицы Хрватской.

С этого времени вплоть до работ М. Мурко (см. библиографию) ученые сильно интересуются песнями магометан, несомненно переоценивая их художественную сторону и их значение для истории сербского эпоса. Песни магометан имеют лишь значение как показатель той социальной борьбы, для которой они использовались. Только ею (классовым и национальным расхождением) можно объяснить возникновение особой ветви эпоса, имеющей своих героев, свои тенденции, часто совершенно противоположные тенденциям сербского эпоса. Это два эпоса: эпос победителей и эпос побежденных, эпос угнетающих и эпос угнетаемых. Последний красочнее, ярче, богаче, выразительнее, одним словом—художественнее.

Новые собрания только пользовались более точными методами записи: фонетической транскрипцией, фонографом и т. п.

Только в этом, пожалуй, их отличие от старых. Но они не внесли почти ничего нового.

Все они исходили из собрания Караджича. Оно было мерой при оценке новых собраний. Но ни одно из последующих собраний не сыграло такой исключительной роли в развитии интереса к сербскому эпосу и его изучению.

Интерес западноевропейского общества—именно литературных его кругов—к сербской народной поэзии начался после опубликования аббатом Фортисом его путевых дневников по Далмации, в которых он дал описание быта местного населения и привел несколько песен, между прочим „Хасанагиницу“ в подлиннике и в переводе на итальянский язык. С этого времени „Хасанагиница“ получает европейскую известность. Книга Фортиса была переведена на французский, немецкий и английский языки. В 1778 году выходит сборник Гердера „*Stimmen der Völker*“ („Голоса народов“), в третью книгу которого включается перевод „Хасанагиницы“, сделанный Гете. При переводе Гете пользовался и сербским подлинником (сборником Качича-Миошича) и прозаическим немецким переводом Ф. А. К. Вертеса, сделанным в 1775 году в переводе части книги Фортиса „*Viaggio in Dalmatia*“ („*Sitten der Morlaken*“), а не французским переводом, как позднее говорил Гете, так как такого перевода тогда еще не было. Гете переведил, „подражая ритму подлинника“ и „соблюдая расположение слов“, как говорил он сам. Его перевод близок оригиналу, соблюдена дезура после четвертого слога. Отступления есть лишь в некоторых стихах. „Хасанагиница“ заинтересовала Гете своей художественностью и теми моральными вопросами, которые в ней так трагически развиты (например *Muttertragik*)¹. Гете перевел „Хасанагиницу“ под влиянием Гердера. Позднее этот перевод он исправлял.

Гете ценил не народное, как романтики, а „общечеловеческое“. Его он и искал в сербском эпосе. Кроме того, он был убежден в его большой эстетической ценности.

Гете много писал о сербском эпосе. 13. X. 1823 он познакомился с Вуком Ст. Караджичем в Веймаре, где Grimm читал им свои переводы юнацких песен. По ним и по переводам г-жи Якоб и Фатера был знаком Гете с сербским эпосом. Гете написал статью „*Serbische Lieder*“. Он писал, что в песнях много

¹ Gerhard Gesemann. „*Der Klaggesang der edlen Frauen des Asan-Aga*“. „*Slavische Rundschau*“, 1932, № 2, S. 97—114.

„суеверно-варварского“. Потом в статье „Das neueste serbische Literatur“, говоря о Симе Милутиновиче, он тоже коснулся юнацких песен. Затем в главе статьи „Nationale Dichtkunst“, которая называется „Serbische Poesie“, он пишет о переводах Герхарда, Боуринга и о книге Мериме (см. ниже). Из печатных и устных высказываний Гете о сербских песнях можно составить его отношение к ним. Он ценил в них „свежесть чувства“ и сравнивал их с „Песнею песен“.

Уже самый тот факт, что сербские песни были включены в такой сборник, как „Голоса народов“, говорит о том, что юнацкие песни нашли себе признание в мировой литературе.

К этому времени романтизм как литературное течение оформился. Характерные черты его—национализм и интерес к средневековью—определились. Вольф в 1795 году выдвинул теорию о коллективном творчестве „Илиады“, принципы которой находили себе подтверждение и в сербском эпосе. Интересы европейских государств на Балканском полуострове и в Италии (Австрия, Франция, Россия) объясняют возникновение самого интереса к славяно-балканской этнографии и литературе.

„Хасанагиниду“ в 1799 году переводит Вальтер Скотт (по переводу Гете), в 1821—Шарль Нодье, в 1825—Е. Панкук, наконец она вошла в сборник Проспера Мериме „Гусла“.

Особенно возрос интерес к сербскому эпосу после выхода сборника Вука Ст. Караджича, который вскоре был переведен на языки: немецкий (Volklieder der Serben, von Talvy, 2 Th., Halle 1825—1856; „Die Vila“ von W. Gerhart, 2 Th., Lpz. 1828), французский („Chants populaires des Serviens“ par E. Voyar“) и английский („Servian popular poetry“, translated by John Bowring. L. 1827).

Высоко оценил сербский эпос Яков Гримм в рецензии на сборники Караджича. Он ставил его выше испанского эпоса и сравнивал с „Илиадой“. В 1818 году он перевел девятнадцать юнацких песен. Позднее он переводил и еще. Яков Гримм лично был знаком с Караджичем и оказал на него некоторое влияние. Ему отчасти обязан Караджич систематизацией своих историко-литературных представлений. Не без влияния Гримма занимался он сербским словарем.

Гумбольд, Бопп, Брентано, Гете, Тальви интересуются эпосом и изучают его. Неизменно восторженные отзывы только у диллетантов перебивались эстетски-пуританистической критикой. Так, г-жу Тальви коробили „вульгарные“ выражения песен, которые нередки в эпосе „даже в самых прекрасных описаниях“.

Из французов первый заинтересовался юнацкими песнями Шарль Нодье и перевел „Хасанагиницу“ (1821), затем Ламартин. Увлечение росло так быстро, что в 1827 году в Страсбурге вышла книга „La Guzla ou choix de poésies illiriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et Herzégovina“. На издании не был указан автор. В предисловии аноним указывал, что мать его морлачка (крестьянка из Далмации), что он хорошо знает язык, быт и песни морлаков, так как провел в Иллирии много лет. Для любителей он издает свое собрание песен морлаков, переведенных сначала для друзей, а после их одобрения предлагаемых на суждение публики. Иллирии он не описывает, так как она в то время находилась под правлением Франции и была достаточно известна. Он только останавливается на характеристике „славянских бардов“ („joueurs de guzla“) и описывает певца Гиацинта Маглановича, от которого он записал большинство своих песен.

Составителем этого сборника был французский писатель Проспер Мериме. Самый сборник представлял собою талантливую мистификацию, обманувшую даже столь чутких людей, как Пушкин.

Мериме даже не по Караджичу, а по Фортису дал подделку сербского эпоса. При критическом отношении к ней, эта подделка не оказывается даже талантливой, и только ослепившее читателей Мериме увлечение „народным“ помешало им разглядеть подделку. Сборник Мериме не что иное, как далекая стилизация, не имеющая стили подлинных эпических песен. Сюжеты песен Мериме—вымышлены. Описываемый в песнях быт не находит себе параллели ни в эпосе, ни в сербской истории. Единственно, чем завоевал Мериме сердца читателей,— это мнимый *couleur locale*. Для того, чтобы создать „местный колорит“, Мериме пользовался примитивными приемами. Он взял все сведения, которые могли дать путешествия Фортиса, прибавил к ним несколько песенных и исторических имен, несколько названий с географической карты, придумал сам несколько имен и названий—вот и весь его материал. У него рядом с Асанагиницей и Милошем Кобличем идут не сербские имена, а русские (Федор, Прасковья, Спиридон, Настасья), которые он взял из русской литературы и песен, или имена неизвестного происхождения: Стамати, Мойна, Каймис и др. Он ввел слишком много имен и названий.

К этому он присоединил поверья, предания, обычаи, отдельные сербские или мнимо сербские слова (*slibovice*, *hay-*

duk, pobratimi), взял как действующих лиц гайдуков, воевод, сватов и т. д. Все это, поданное с „простотой и наивностью“, ввело в заблуждение его читателей, мало знакомых с сербским эпосом. Это последнее обстоятельство позволило Мериме вводить в песни и то, чего в песнях никогда найти нельзя (например, вукодлаки, le vampire). Примечания он составил по Фортису и по книге Амедея Шометт де-Фоссе (Amédée Chaumette des Fossés. „Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808“. P. 1808).

Мериме пользовался несколькими искусными приемами для мистификации: это подробности, которые он вводил в расплывчатую картину, то, что он дал прозаическое переложение песен, портрет мнимого певца Магмановича, мнимые варианты песен, сведения о певцах и т. п. Это позволило ему избежать многих серьезных ошибок, которые, возможно, выдали бы его с головой. В общем он подражал шотландским балладам. Гете, В. Герхардт, Мицкевич, Пушкин и другие поверили Мериме и переводили из „Guzla“. Первый усомнился в подлинности собрания Гете (в разборе книги Мериме). А в 1835 году сам Мериме в письме к С. А. Соболевскому признался в своей мистификации. Он отвечал собственно на запрос Пушкина, которого чрезвычайно интересовало происхождение сборника. Мериме объяснил свою мистификацию простой шуткой, „простительной романтику“, желанием посмеяться над „местным колоритом“. Нам кажется, что это позднейшее объяснение, издание же сборника преследовало, видимо, другие цели.

Мериме дал свой ответ только в 1835 году. До этого времени Пушкин колебался в вопросе о подлинности „Guzla“. Общее увлечение Оссианом, подделкою Ганки („Краледворская рукопись“), „Словом о полку Игореве“ сообщилось и ему. Все это вполне соответствовало его симпатиям. И в 1832 г. он переводит семнадцать песен, которые называет „Песнями западных славян“ (напечатаны в 1835 г.). Из семнадцати песен—одинадцать переведены из „Guzla“ Мериме, три—из сборников Караджича и источники трех—неизвестны, последние три видимо просто подражания, чрезвычайно далекие от эпических песен.

Из сборника Мериме Пушкин выбрал лучшие песни, наиболее сильные и драматичные. В переводе он их прежде всего переложил в стихи, дав совершенно своеобразные размеры. Текстуально они чрезвычайно близки песням Мериме.

Но Пушкин произвел и некоторую их переработку. Он опустил сцены, явно противоречившие духу эпической поэзии

(любовные сцены, развитый диалог и т. п.), он опустил психологические описания и передал их через действие, он опустил и лирические отступления. Зная хорошо русские песни, Пушкин выбрал более удачные эпитеты, чем Мериме („чуёт беду неминучую“). Иногда он просто заменял эпитеты, имена (вместо Фома—Георгий, вместо Константин—Марко), уменьшил число имен и географических названий, подставил русские старинные термины (холоп, бить челом, басурманы) и, вводя образы, выражения, повторения и тавтологии русской народной поэзии, стилизовал песни под былины (синтаксис, вопросоответная форма и т. д.). Для того, чтобы сохранить местный колорит, он употреблял сербские слова (гяуры, калуер). Его чутье народной поэзии позволило ему дать гораздо более тонкую стилизацию, чем мистификация Мериме.

Из сборников Караджича Пушкин перевел три песни: „Соловей“ („Три највеће туче“), „Сестра и братья“ („Бог ниџом дужан не остаје“) и отрывок „Что белеет“ („Хасанагиница“). Ритмически они далеки от подлинников.

Что белеет на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Бы бы снег — он давно б растаял,
Были б лебеди — они б улетели...
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги...

Как и при переводе песен из „Guzla“, он изменял выражения, вставляя эпитеты, но эти три песни все-таки очень близки подлиннику, и если бы не размер и некоторые измененные выражения и эпитеты, они были бы образцами переводов.

Наконец источники трех песен („Песня о Георгии Черном“, „Воевода Милош“ и „Яныш Королевич“) не выяснены. Видимо, это подражания, материал для которых дали общепредставления Пушкина об истории, быте и песнях сербов. Вызваны они были тем интересом к балканским славянам, который столь характерен для России начала XIX века. Кстати отметим, что представитель черногорского восстания Георгий Черный приезжал несколько раз в Россию (в 1813, 1816 годах).

В заключение скажем, что по существу „Песни западных славян“ свидетельствуют о том, что Мериме понравился Пушкину более, чем песни, собранные Караджичем. И Мериме поэтому был прав, когда писал Соболевскому по адресу Пушкина:

„Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé...“ (Я и горжусь и стыжусь в одно и то же время, видя, что провел его...)

И наконец песнями Мериме был обманут и Адам Мицкевич, который восторженно отзывался о них в лекциях по славянским литературам, читанным им в Париже в *College de France* в 1840—1842 годах. Мицкевич был знаком и со сборниками Караджича, но общие его представления о сербском эпосе были поверхностны. Он заинтересовался им потому, что вообще интересовался „историей развития славянского духа“. Романтизм и панславизм требовали, чтобы в лекциях он говорил и о сербском эпосе, о котором тогда уже было много написано и который был переведен на европейские языки. Из „*Guzla*“ Мериме он перевел всего одну песню—„Влах в Венеции“.

Мистификация Мериме и все эти переводы песен из „*Guzla*“ и первые переводы из сборников Караджича если и не дали европейскому обществу (главным образом аристократическому) представления о действительном характере сербского эпоса и о его богатствах, то заинтересовали им многих, популяризировали его. Результатом этого было появление множества переводов на всех европейских языках и уже переводов главным образом из собрания Караджича.

В 30-х-40-х годах в Германии печаталось много переводов.

На немецкий язык юнацкие песни переводили *Talvj* (2-е изд. в 1835 и 3-е в 1852 году), *W. Gerhart*, *Goethe*, *L. A. Frankl* и *S. Karper*. Это были далекие и вольные переводы, мало поэтические. Песни переводили из сборников Качича, Мериме, Симы Милутиновича и Караджича. В 1851 году вышли переводы песен о Марке Краевиче *J. H. Vogl'a* („*Marko Kraljevits. Serbische Heldensagen*“. *Wien*). Во Франции причиной интереса к Сербии были политические стремления Наполеона, распространившего свое влияние и на Иллирию. Возрождение Иллирии стало надолго модным вопросом политики и литературы. Шарль Нодье в издававшемся им в Любляне журнале „*Télégraphe officiel*“, „начиная с № 29 от 11 апреля 1813 года, поместил ряд статей под общим заголовком „*Poésies illyriennes*“, где, между прочим, говорил о необходимости переводов юнацких песен и сам пересказал „Хасанагиницу“. В своих романах Нодье дал мистификацию—он сочинил песню „*Le bey Spalatin*“ и выдал ее за подлинную.

Переводы сербских песен печатались далее в газете романтиков „*Globe*“ (пер. Белок) в 20-х годах. Появилось много статей (например, статья *Dozon'a* в „*Revue Britannique*“,

Januar 1837: „Poésie populaire des nations slaves“). Вышли переводы m-me E. V. (Elise Voyart) „Chants populaires des serviens, recueillis par Vuk Stefanovitch et traduits d'après Talvy“ (tt. I, et II. P. 1834). Г-жа Вуаяр перевела песни с немецкого и, естественно, поэтому ушла далеко от подлинника и не передала их особенностей. В 50-х годах появились переводы Огюста Дозона („Poésies populaires serbes“ . P. 1859), французского дипломата и профессора восточных языков. Будучи консулом в Белграде, Мостаре и Солуни, он изучал балканские языки и поэзию. Переводы его наиболее точны и полны. В 1862 году вышел перевод Авриля (Adolphe d'Arvil) косовского цикла— „La bataille de Kossovo, rapsodie serbe“ и в 1874 году— еще несколько переводов в сборнике „Slavy Dcega“.

И Дозон и Авриль были дипломатами. Это раскрывает цели переводов. Цели эти не были литературными, они были политическими и этнографическими: Франция, старавшаяся опекать Балканы, интересовалась культурой балканских народов.

В Англии вслед за первыми переводами Боуринга (1827 год), переведшего избранные песни из собрания Караджича, а частью из „Guzla“ Мериме, в журналах печатается много переводов и статей. А в 1861 году выходит большой сборник— „Serbski pesme, or National Songs of Servia“. В 1881 году в Лондоне выходят переводы E. L. Mijatovića „Kosovo“ (на основе книги Павича, см. далее). Интерес к сербскому эпосу не прекращается и доживает до империалистической войны, когда в английских журналах появляется множество переводов юнацких песен и статей о них. Наука и литература добросовестно выполняли заказ. „Героическая Сербия“ не сходила со страниц печати. В 1914—1917 годах печатались „Serbian Ballads“ в переводах Seton-Watson'a. В 1913 году в Бостоне вышла книга „Heroic Ballads of Servia“, translated by George Rapall Noye and Leonard Bacon. Выходят переводы песен: „Serbian Songs and Poems“ by Wiles, J. W. (L. 1917. 80 pp.) и „Serbski pesme, or National Songs of Serbia“ by Lytton, E. K. V. (L. 1917, 159 pp.).

В 1922 году в № 2 журнала „The Slavonic Review“ напечатан перевод песни „The Death of Jvo“ („Смерть Ива“). В том же году вышла книга переводов: „The Ballads of Marko Kraljević“ translated by D. H. Low. (Cambrige. Univ. Press) 1922, pp. XXXIX + 196. И еще в 1927 году такой консервативный журнал, как „The Slavonic Review“, печатал во-

сторженно-патриотические статьи и переводы (например, переводы Суботича в №№ 15 и 16).

Немало было переводов песен на итальянский язык (Николо Томмазо и др.)¹. Связь Италии и Далмации была самой непосредственной.

Есть венгерские переводы Székácsa (1836 год), Поповича и Маргалича. Сравнительно новые переводы Эдварда Маргалича („Arigomezei ütközet, szerb népdal a XIV századból“, 1898) довольно точны, гладки и передают стих. Ошибки незначительны, наиболее крупная из них это та, что Косанчич Иван назван Косовцем, то есть связан с Косовым полем. Маргалич перевел главным образом косовские песни.

Есть переводы юнацких песен и на чешский язык. Челаковский публикует переводы в 1829—1832 годах в журнале чешского музея, а в 1857 году издает в Праге переводы из Качича и Вука—, „Prostonarodna srbska musa do sech preveдена“. Переводы их вошли в южнославянскую антологию Крижеля². Юнацкие песни изучали и переводили Фиалка, Шафарик, Штур и Коллар. Наконец, Зигфрид Каппер (S. Kapper) выпустил две книги переводов „Spěvy lidy srbskeho“ (I—II, Praha 1872—1874). В 1917—1920 годах вышла „Národní epika bosenských Mohamedánů.“ (Díl I—II, Praha) и в 1923 году „Srbská národní epika“ (Praha) в переводах Иосифа Голечка (J. Holešek).

Были переводы юнацких песен и на польском языке³.

Первые русские переводы принадлежат русскому филологу А. Хр. Востокову. В 1825 году в „Трудах Вольного общества любителей российской словесности“ он напечатал перевод песни „Марко Краевич“, в альманахе „Северные цветы“ на 1825 год—переводы песен „Братья Якшичи“, „Смерть любовников“ и „Свадебный поезд“, в „Северных цветах“ на 1826 год, „Строение Скадра“ и в том же альманахе на 1827 год—„Жалостную песнь благородной Асан-Агиницы“. Его переводы слишком русифицированы, в них нет сербского колорита. Для стиха он выбрал „русский сказочный размер, с дактилическими окончаниями“:

¹ Čudina. „Canti del popolo slavo“ и Fr. Carrara. „Canti del popolo dalmato“. Zara 1849.

² Križel. „Südslavische Anthologie“. Prag 1862.

³ Zmorski, Roman. „Królewicz Marko“. Warszawa 1852, и „Lazarica“ Warszawa 1860. См. также работу Stanisława Ciszewskiego о Марке Краевиче.

Что белеется у роши зеленыя?
Снег ли то или белые лебеди?

Переводил песни Изм. Ив. Срезневский.

В 1835 году в книге „О характере народных песен у славян задунайских“ (М. 1835, стр. 118) Ю. Венелин дал переводы трех песен: „Осман Шевич“, „Женитьба Павла Плетикосы“ и „Марко Кралевич узнает отцовскую саблю“. Он употреблял два размера, близких размеру, употребляемому Востоковым, и взятых, видимо, под влиянием переводов этого последнего.

Милый боже, что за чудо великое!
Али бушуют ветры приморские?
Или грохочут пушки задарские,
Да и в горы их гул отзывается?

(„Женитьба Павла Плетикосы“.)

Венелин в особом примечании (стр. 5) говорит, что выбрал этот размер потому, что точный ритм связал бы мысль, а проза не передала бы музыкальности,—и выбрал „одактиленную прозу“. В переводе он оставил некоторые сербизмы, „чтобы перенести читателя среди сербов, а неправильностями пожертвовал верности перевода“.

Все эти переводы, как и вышедшие в 1835 году переводы трех сербских песен Пушкина, были попытками найти размер и дух перевода. Но их надо признать мало удачными, а приемы перевода примитивными.

Только переводы Н. В. Берга (в „Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год“ и других журналах), позднее собранные в его книге „Песни разных народов“, более или менее верно нащупывают пути. Переводы Берга точны и хороши. Он знал сербский и русский языки, был опытным переводчиком. Он, может быть, первый из русских переводчиков задался целью *сохранить размер подлинника*. Другое дело, насколько это ему удавалось. А удавалось это ему далеко не всегда. В общем хорошие переводы Берга не выдержаны, в них переданы только отдельные элементы сербского эпоса—делого нет. Он оставляет неперевоенными бытовые сербские слова, которым нет соответствия в русском (челенка, топуз, планина, доломан), но этого мало для того, чтобы передать „местный колорит“. Ритм перебивается, словарь не всегда строг и допускает упо-

требление „палицы“ вместо „буздована“, что совершенно непозволительно. Мелкие ошибки и отступления; растягивание сжатых описаний, прибавление стихов, неудачные эпитеты портят переводы Берга.

В 1871 году вышла „Поэзия славян“ под ред. Н. В. Гербеля. В ней были собраны почти все переводы, имевшиеся к тому времени на русском языке: А. С. Пушкина, П. Киреевского („Погибель сербского царства“), А. Майкова, Л. Мея, Н. Щербина („Йово и Мара“) и О. Миллера („Марко Королевич пашет“, „Суд Марка Королевича“). А. Майков и Н. Щербина переводили свободно, не выдерживая ритма, делали вставки и пропуски, гонясь за картинностью, теряли эпический тон. Более точны переводы Киреевского и Миллера, но близость их к подлиннику относительна—и у них еще видна недооценка подлинника, это скорее переложения (как у Мея), чем переводы.

Общим недостатком переводов было слабое знание переводчиками сербского языка, незнание быта и истории, примитивность современной им переводческой техники. Они не изучали самих песен, их строя и стиха, и поэтому не передавали эпической поэтики в целом и ее частных особенностей. Впервые такую попытку изучения сербского эпоса и попытку обосновать свои переводы сделал Н. Гальковский в своей книге переводов юнацких песен „Сербский народный эпос“. Сумы 1897, XVI+247 стр. Правда, и его вводная статья и его примечания говорят о некотором дилетантизме, но в общем они удовлетворительны, а переводы Гальковского являются, несомненно, лучшими русскими переводами сербского эпоса. Однако это не делает их приемлемыми без изменений в наше время. Гальковский прибавляет и опускает стихи¹, хоть и старается выдержать дезуру, но часто не соблюдает ее и слишком строго держится четырехстопного хоря. В жертву размеру он приносит и правильные ударения, нередко допускает enjambement. Гальковский не передает эпической поэтики (разнообразных повторений, фигур, тавтологий и т. д.), его синтаксис несколько искусствен, выражения книжны и поэтому не подходят для передачи подлинника („и там сидя“ или: „обернулся в черного ягненка“ вместо: „черным ягненком“ и т. д.), глагольные времена не передают глагольных времен эпоса, эпитеты не всегда удачны („разубранные сваты“ вместо „разряженные“), иногда он просто опускает

¹ Иногда в песне около сотни, например в песне „Женитьба Максима Черноевича“.

эпитет и этим стирает красочность и аромат подлинника („письмо“ вместо „мелкое письмо“), или заменяет: „двор широкий“ вместо „белый“. Бывают и просто неточности и ошибки, как передача „гора“—гора, а часто „гора“ означает лес. Он ставит царь вместо князь и, наоборот, русалка вместо вила, султан вместо челенка. Его фонетическая передача имен не всегда верна: Темо и Тюро вместо Джемю и Джюро.

Наконец отметим и украинские переводы. В 1876 году в Киеве вышла книга „Сербські народні думи і пісні“. Переложив М. Старицький (III+240). В ней напечатаны переводы пятидесяти трех песен. Общий выбор песен для перевода носит тот же характер, как и у русских переводчиков: даны главным образом христианизированные циклы, песни патриотические и шовинистические. Тут важно подчеркнуть, что книга издана была в 1876 году и чистый сбор с ее издания поступил в комитет Красного креста и на помощь беженцам-сербам.

Переводы Старицкого одни из лучших. Они точнее всех русских переводов, выдержаннее, видимо, потому, что автор дал стилизацию под украинские думы. Он передал размер, переводил стих за стихом, слово за словом и „употреблял исключительно народную речь“ (предисловие). Ошибки и неправильности редки. Переводы имеют свое лицо.

2

Нельзя сказать, что в конце XVIII и начале XIX века сербский эпос изучался. Это было не изучение, а любительство. Вместо изучения существовало толкование эпоса. Моральная сторона эпоса заслоняла для интересовавшихся им социальную и эстетическую его стороны. Романтики как-то инстинктивно тянулись к нему в поисках „творческих проявлений народного духа“.

Именно у романтиков и всех примыкавших к ним не было изучения сербского эпоса, вместо изучения было идеалистическое толкование характера эпоса с общими отвлеченными критериями для оценки эстетических его ценностей.

Еще в начале XIX века чрезвычайно мало знали о сербском эпосе. Нередко ставился даже вопрос: существует ли вообще эпическая поэзия у славянских народов?

Буржуазная демократизация науки и литературы выдвинула принцип национальности, а романтизм—интерес к изучению

народной старины и народного быта, искание „естественных условий“ жизни.

В славянской науке идея панславизма была господствующей. Копитар, Шафарик, Добровский—все это панслависты, которых сербский эпос интересовал только своим „национальным содержанием“, поскольку он раскрывал „народный дух“, являлся „самобытным“ творчеством сербского народа, давал возможность говорить о „единстве“ славян. Позднее у Ягича господствующей становится идея пансербизма—идея сербской буржуазии. Ягич более сделал в собирании материалов для объяснения сербского эпоса, нежели в самом его объяснении. Изучив прекрасно сербскую старину, он иногда раскрывал неожиданные перспективы изучения сербского эпоса (см. его статьи в „Archiv für slavische Philologie“).

У Ягича и Миклошича метод филологический сочетался с историко-культурным. Это определялось тем, что оба были не литературоведами, а прежде всего лингвистами. Их работы о сербском эпосе содержали в себе множество этимологических исследований и толкований. Миклошич один из первых дал законченную характеристику поэтики славянского эпоса и в частности сербского (см. библиографию).

Русское славяноведение шло по тем же путям, что и западное. Но Россия стояла в особом отношении к Сербии. Сербия, уйдя вперед в своем культурном развитии в средние века сравнительно с Русью, служила последней посредником в усвоении византийской культуры. В новое время, с ростом русского торгового капитализма, Россия пыталась распространить свое влияние на Сербию, пыталась ослабить Турцию, продвинуться в южнорусские и черноземные степи и укрепиться на Черном море. На всем протяжении „балканской политики“ России хорошим предлогом для маскировки ее было „единоверие“, подкрепленное „братством“ и „родством народов“. Это позволяло России в нужные моменты выступать на защиту угнетенной „братской“ страны. И начиная с Петра I, Россия заключает союзы с Черногорией и другими сербскими областями, поддерживает сербские монастыри, которые в благодарность популяризуют „защитницу“. Связь русского монархизма и сербской церковщины, нередко державшей в своих руках и светскую власть, как в Черногории, постепенно крепнет. Она требовала оправдания, а политика русского капитализма на Балканах нуждалась в поддержке. Все это обусловило апологию пансербизма и панславизма, конечно, с расчетом, что в случае

объединения славянских стран в федерацию во главе будет стоять Россия; это же определило участие России в балканских войнах.

Это вызывало, естественно, и интерес науки к Сербии, ее языку, литературе и этнографии. Наука сознательно и бессознательно освящала политику России на Балканах. Этот общий интерес русского славяноведения к Сербии сказался и на изучении сербского эпоса.

Первые не отдельные, а более или менее систематизированные высказывания о сербском эпосе относятся к 30-м годам XIX века.

В 1835 году в Москве вышла книга Юрия Венелина „О характере народных песен у славян задунайских“. Она представляла собою характеристику сербских „народных“ эпических песен с цитатами и переводом. Венелин рассматривал сербский эпос в свете определения „характера нации“, определяя характер сербов как „ожесточенный“, „возвышенный“ и „героический“ (стр. 69), он отмечал и трагичность, „кровавость“ эпоса,—впрочем, указывая, что с нею совмещаются такие поэтические мотивы, как женитьба. Он говорил и о влиянии народных песен на историю. Именно песни, он полагал, внесли в историю элементы сказочности и идеализации (стр. 102 и сл.).

Высказывания Венелина хотя и вытекали из определенной точки зрения на „народное“ творчество, не объясняли сербский эпос потому, что для Венелина „сказколюбие“ просто было свойственным человеку как инстинкт и не требовало объяснения—его можно было только характеризовать.

В конце 30-х годов зарождается русское славяноведение. Вопросы славяноведения разрабатываются учеными обществами, а с 1839 года учреждается кафедра славянских языков. Подготовка к этому и самый факт вызвали появление целого ряда работ по славяноведению, в частности по сербскому эпосу.

В 1837 году вышла работа Бодянского „О народной поэзии славянских племен“ (М.), а в 1845 году—работа Прейса „О эпической поэзии сербов“ (отгиск из „Акта СПб университета 1845“. ЖМНП, 1845, кн. 3). Эти работы, как и работа П. Бессонова „Болгарские песни“ (2 тт. 1855 года), в которой он дает сравнительный анализ болгарского и сербского эпоса, были выражением славянофильских идей и пережитков романтизма. Они пытались доказать *самобытность* сербского народа, и именно в эпосе видели средство доказать это, представив его ступнем средневековой и даже доисторической сербской куль-

туры. Исследователи говорили о стихийности и совершенстве сербского эпоса, полноте выражений в нем человеческого духа (но не рабского подражания действительности), о „всенародности“ его и о том, что эпос рассказывает об испытанном народом, что в нем отразилась природа страны.

Исторические и этнографические работы А. Ф. Гильфердинга¹ давали больше, они устанавливали некоторую историческую перспективу, но во многом неверную, потому что автор не располагал достаточным количеством фактов, потому что у него сильны следы славянофильства и потому, что точка зрения его в основном неверна: так, он безоговорочно бугарщины считал древнее песен короткого стиха. Единственной его заслугой было то, что он первый делал попытки исторической критики эпических песен. Он, как и Костомаров в статье „Легенды сербов“ („Время“ 1861, № 10 (т. V), стр. 524—544 и отд. СПб. 1861, 26 стр.), отделял легенду от истории. Эту работу в большем масштабе произвел А. Соколов в диссертации „Об исторических песнях сербов“ (Казань 1854. Из „Ученых записок Казанского университета“, 1854, кн. II). В работе Соколова видны зачатки того исторического метода, который позднее оформился в работах В. Ф. Миллера и его учеников.

Русское славяноведение особенно расцветает во время турецких войн. Такие издания, как книга Ястребова, И. С. „Обычаи и песни турецких сербов“ (СПб. 1886) и особенно статьи В. Качановского (например, статья „Сербский эпос. В память 500-летия Косовской битвы“. „Вестник славянства“, 1889, IV; 1890, V),² прекрасно показывают, как русско-турецкие отношения и соперничество России с западноевропейским капитализмом на Балканах отражалось на изучении сербского эпоса. Славянский шовинизм нашел себе полное выражение в работах Качановского.

Собственно же *изучение* сербского эпоса, то есть объяснение его, шло в нескольких направлениях.

Часть ученых, как Штур, Коллар², а в России Ор. Миллер пытались найти в эпосе отражение доисторических верований славян, пытались объяснить символику песен, проводя все ту же буржуазную идею панславизма. Но мифологический метод

¹ „Босния, Герцеговина и Старая Сербия“. СПб. 1859. Гильфердинг в 1857 г. был русским консулом в Боснии.

² Stur, L. „O národních písních a pověstech plemen slovanských“. V Praze 1853.

„Kolár, Jos. „Národní písně srbské“. „Časopis Musea království českého“, 1862, Sv. IV, 345—359.

в изучении не оставил больших следов. Гораздо более важной оказалась теория Вольфа и именно для изучения циклизации сербского эпоса. Некоторые из исследователей юнацких песен предполагали, что песни одного цикла должны были быть объединены в один грандиозный эпос, потому что эпос или распался, или еще не успел сложиться в одно целое.

Вопрос о циклизации юнацких песен имеет длинную историю. Особенно многочисленны были попытки свести в один цикл косовские песни. Зародыши этой тенденции можно видеть в таких чисто литературных opus'ax, как поэма Новича „Лазарица“ (1849), а в 1851 году З. Каппер (*Lazar der Serbenzar*) и Фогль („*Kraljević Marko*“) попытались собрать вместе песни одного цикла. Каппер даже связывал их присочиненными стихами, стараясь восстановить „по сербским сказаниям и героическим песням“ „первоначальный“ текст цикла. Вставки его неудачны.

Эти попытки нашли отклики.

П. Бессонов в статье „Лазарица, народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства“ („Русская беседа“ 1857, кн. 6, № 2, „Смесь“, стр. 38—79) давал „связное изложение“, „пересказ“ предполагавшегося единого цикла, и, само собою разумеется, без всякой исторической критики. В таком же духе книга Адольфа Авриля (*Adolf Arvil. „La Bataille de Kosovo“. Rhapsodie serbe tirée des chants populaires et traduite en française*). Р. 1868).

Попытку не только сведения, но и „реконструкции“ косовского цикла сделал Павич (А. Pavić. „*Narodne pjesme o boju na Kosovu*“. Zagreb 1877). Новакович в статье „*Die serbische Volkslieder über die Kosovo-Schlacht*“ (*Arch. f. sl. Phil.* 1878, Bd. IV, S. 413—462) отверг концепцию Павича о том, что отдельные песни о Косове и его героях—фрагменты большого эпоса, который возник непосредственно после косовской катастрофы. Теорию Павича отвергли и Ягич, К. Иречек, Ф. Маркович, Л. Зор, Ст. Новакович и Халанский.

Все это были попытки „реставрации“ несуществовавшего здания. Работа была „кустарной“: искусственное соединение песен, использование легенд, преданий и т. п. Новакович доказал самостоятельность каждой песни (см. библиографию), он доказал, что не было единого свода, а существовали отдельные эпизоды и события, воспетые в песнях. Причиной этого служило то, что не было единства сербских областей, интересы их были различны, у них были свои герои.

Критику теорий косовской „эпопеи“ завершил Халанский. Он пришел к следующим выводам: „Мы считаем более основательным утверждать, что косовские песни возникли самостоятельно, независимо одна от другой, что каждая из них есть целое, а не оторвавшаяся часть, и развивает самостоятельный мотив“¹.

Несмотря на это даже Naumant („La formation de la Jougoslavie“. Р. 1930, р. 111) говорит еще о том, что существовала полная эпопея (épopée complète)—„Лазарица“, от которой до нас сохранились только отрывки (dont nous n'aurions que des fragments), а Vaillant („Les chants épiques des slaves du sud“, Р. 1932) говорит о каком-то рыцарском романе о Милоше, который якобы послужил основой песен косовского цикла, но, к сожалению... не дошел до нас (!).

Положение это ими не обосновано и является отражением дилетантских высказываний Павича, д'Авриля и других.

Мы не будем здесь детально останавливаться на всех попытках „реставрации“. В позднейших изданиях, как, например, Филиповича „Краљевин Марко у народних пјесмама“ (у Загребу 1880), или в сериях книг, изданных в 80-х годах братьями Поповичами, Валожичем и другими (см. библиографию), сгруппирован материал: в каждой книге собраны песни одного цикла. Этот простой тематический подбор песен, цикловой подбор мог дать только материал для изучения, но сам ни в коей мере не являлся изучением его, в основе подбора и группировки редко лежали какие-либо научные соображения. Запоздалые работы Стойковича точно так же не выдерживают критики („Косовска епопеја“) с этой стороны.

Научное изучение сербского эпоса начинается только тогда, когда стал формироваться особый метод, который бы мы назвали историко-культурным. В нем было несколько разветвлений. Одни, как Стоян Новакович, в своих работах (см. библиографию) давали историко-культурное объяснение сюжетов, бытовых деталей и черт и т. п., то есть они историческим материалом, известным из источников, объясняли песни или же давали сравнительный анализ песен и показаний документов об исторических фактах, и, таким образом, это была историческая критика песен². Они нередко всякое высказывание пе-

¹ РФВ, 1882, № 2, стр. 251.

² См., например, работы Новаковича „Народне традиције и критичка историја“. Отаџбина, 1880, IV, V, и „Последни Бранковић у историји и у народном пјеванју“. У Новом Саду, 1886, стр. 149.

сен принимали за истину, а более критические из них, как И. Руварац, Л. Ковачевич, занимались изучением хронологии и освещения исторических лиц в эпосе. Руварац, Ковачевич, Йованович и другие оставили немало разысканий о том, кто такой бан Страхинич, кто такой Сенянин Иво. Они пытались установить, какое историческое лицо кроется за песенным героем, они нередко давали остроумные и интересные ответы (см. комментарий), но их штудии не отвечали на вопрос: почему исторические лица предстают в песне именно в том, а не ином освещении?

Этого ответа не давали и работы Радетича или поздние Милаковича (см. библиографию), которые изучали этическую сторону песен и пытались „народным“ идеалом героя, идеалом морали, добра и геройства объяснить деформацию исторических образов в песне.

В работах исследователей, занимавшихся музыкой и стихом песен, был анализ эстетической и формальной стороны песен (Богичич, Миклошич, Зима, Будмани, Вольнер и др.), но не было объяснений сущности песен, эпического стиля их в целом (см. главу IX). Попытки дать эти объяснения впервые мы находим у Каппера, который в предисловии к переводам указал на остатки в песнях дохристианского культа, смешение языческого и христианского и отражение феодализма в религиозных представлениях песен: бог обращается со святыми, как с подчиненными, вселенная разделена на области или стихи, которыми управляют святые или духи („Fürst Lazar“, 3 Aufl., Prz. 1853). Ягич предположил, что эта поэзия идет из благородных фамилий, которые вышли с побережья Адриатического моря („Archiv für slavische Philologie“, Bd. IV, S. 217). Все эти попытки вылились в определенный метод у Томича и Маретича (см. библиографию). Они, изучая историю в эпосе, объясняют ее деформацию тем сдерживающим влиянием традиции, которое стирает „историчность“. Большое значение придают они и литературным влияниям.

Томич в книге „Историја у народним епским песмама о Марку Краљевићу“ (Београд 1909) дал разбор одной группы песен—именно песен о Марке Кралевиче и Мусе и Джемo Брдянине. Сущность его работы сводится к тому, чтобы отделить историческое зерно от традиционных фольклорных элементов и установить изменение исторического факта в эпосе. Но далее констатации он не идет. Томич не дает объяснений.

Как на пример текстологического и генетического изучения укажем на прекрасную (по массе затраченного на нее труда), но безрезультатную работу Серенсена (Asmus Soerensen. Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serbischen Heldendichtung“, Arch. f. sl. Phil., 1892—1895, и „Entstehung der kurzzeitigen Liederdichtung“. Berlin 1895). Обе работы посвящены исследованию генетики южнодалматинских песен короткого стиха. Отдельные наблюдения Серенсена интересны и ценны, но в общем его работа не может удовлетворить, так как автор в основу ее положил непроверенное утверждение, что бугарштицы древнее песен короткого стиха и что сборник Милутиновича дает более ценный материал для исследования (менее деформированные традицией тексты), чем сборник Караджича.

Историко-сравнительный метод в изучении сербского эпоса нашел свое выражение в работах русского ученого М. Халанского. В основе его построений лежит теория литературных заимствований. У Веселовского, который одним из первых поставил вопрос о сравнительном изучении сербского эпоса („Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэмы о гневном Радо“, ЖМНП, 1879, ч. 201, янв., отд. II, стр. 89—110), она носила характер теории литературного обмена. Халанский в своей работе „Южнославянские сказания о Крлевиче Марке“ представил широкую историко-литературную перспективу, собственно даже без выводов. Он, правда, установил, что Марко—тип „сборный“, что он соответствует героям других эпосов, между прочим Илье Муромцу русского эпоса, но его кропотливо и тщательно подобранные сопоставления не убеждают, так как только сравнение не дает объяснения. Последние работы представляют собою или своды старых высказываний, или разработки отдельных вопросов,—таким образом, они не пересматривают основных вопросов изучения сербского эпоса. Попович, Vaillant дали общие обзоры, Йорданов—историко-литературный экскурс, Jurassovich, Marguelies, Eisner, Gesemann¹ и другие—много ценного в деталях, параллелях, много остроумных соображений, но не дали единства методов, объяснений и выводов.

Новые французские работы проф. Мурко носят описательный характер. Главная заслуга проф. Мурко состоит в том, что он

¹ Jurassovich, M. „Alte kroatische Volkslieder“. Burgenland 1920. Marguelies A. „Volkslieder der Serben“. München 1924. Gesemann, G. „Studien zur südslavische Volksepik“. Reichenburg 1926. Eisner, P. „Volkslieder der Slaven“. Lpz. 1927.

показал обновление сюжетов и изменение характера пения, подчеркнул существование „школы“ у певцов, а в историческом аспекте сделал вывод, что эпическая поэзия процветала в периоды обостренной борьбы с турками и именно среди феодалов. Сам проф. Мурко свой метод называет реалистическим. Он пытается выяснить материальные условия возникновения песен (экономические и главным образом бытовые), но его объяснения не идут далее описания обстановки их возникновения и исполнения. Он осветил жизнь эпоса в XX веке, его переделки и перепевы, его современную географию, описал и характеризовал певцов различных социальных групп.

Бросая общий взгляд на историю изучения сербского эпоса, можно сказать, что многочисленная его литература собрала только материал для объяснений, для построения гипотез, дающих возможность понять то о сербском эпосе и его истории, что никогда не было понято. Работы о сербском эпосе и отдельные статьи и заметки представляют собою сырой материал, который должен быть рассмотрен с какой-то новой точки зрения, позволяющей объяснить сербский эпос и в целом и в деталях. Мы взяли на себя труд пересмотреть все сказанное о сербском эпосе, отобрать приемлемое и, с новой точки зрения изучив сербский эпос, взяли смелость предложить свои решения

3

Для того, чтобы дать возможность русскому читателю ознакомиться с сербским эпосом и понять его социальную сторону, мы даем переводы лучших юнацких песен. Мы выбрали песни более близкие и понятные русскому читателю. Так, мы почти не взяли песен христианизированных циклов, так как это более поздние переработки старых песен, мы взяли песни о гайдуках и ускоках, которые никогда на русский язык не переводились, именно потому, что ускодкий и гайдудкий циклы наиболее демократические циклы, они богаты мотивами о социальном неравенстве и борьбе; без них исторический обзор эпоса был бы неполон. Мы взяли юнацкие песни в переводах Н. Гальковского и Н. Берга и тридцать одну песню дали в нашем переводе. Переводы Н. Гальковского и Н. Берга нам пришлось пересмотреть и многие совершенно переделать. Наша редакционная работа сводилась к уточнению переводов и передаче всех особенностей эпической поэтики. Мы устранили замены и вставки

стихов и слов, перевели пропущенные переводчиками стихи, уничтожили книжные обороты, не передающие характера эпической речи, исключили enjambement, сохранили цезуру и размер (см. главу IX) и, когда возможно было, звуковую сторону стиха, уточнили эпитеты, времена глаголов, передали оттенки слов и выражений и выдержали формулы и разнообразные типы повторений.

Гораздо легче было передать все особенности эпической поэтики и сохранить точный смысл в наших переводах, как вообще легче переводить заново, чем редактировать старые переводы, особенно это касается синтаксических конструкций. В наших переводах нет „балласта“—лишних слов, заполняющих пробелы. Нам удалось этого достигнуть, переводя стих в стих,—это, по нашему мнению, единственно правильный метод стихотворного перевода, тем более стихов, выдерживающих ритмико-синтаксический параллелизм, тем более эпоса, имеющего сложную поэтику и употребляющего различные типы повторений, которые бы пропали при ином переводе. При переводе мы старались сохранить размер¹, мы нередко стилизовали речь под русскую былинную и создавали выражения, синтаксические обороты и словообразования, аналогичные песенным, то есть для передачи песенного эпитета употребляли эпитет былинный, для

¹ Как мы уже сказали выше, цезура в десятисложнике стоит после четвертого слога. Но в песнях бывают исключения: из тысячи стихов приблизительно в пяти цезура стоит после пятого или шестого слога. Поэтому и в наших переводах есть эти случаи. Но, естественно, конечно, что в переводах не всегда удалось выдержать цезуру. Стихи наших переводов следует читать как десятисложный стих, разделенный цезурой на две части — 4 + 6 слогов, и в каждой из этих частей выделять лишь по одному, главному ударению (чаще в третьем и девятом слоге). Это передаст характер стиха. Большинство слов идет без ударения или со второстепенным ударением, например:

1. Господря || они угощали („Банович Страхиня“, стих 53)
2. И реки две || они захватили (99).

Местоимения, частицы и т. п. идут обычно без ударения:

Налился || его очи кровью

о о " о || о о ' о " о

Но никоим образом нельзя скандировать стихи как пятистопный хорей; вторая половина стиха читается быстрее первой, так чтобы по времени она равнялась первой.

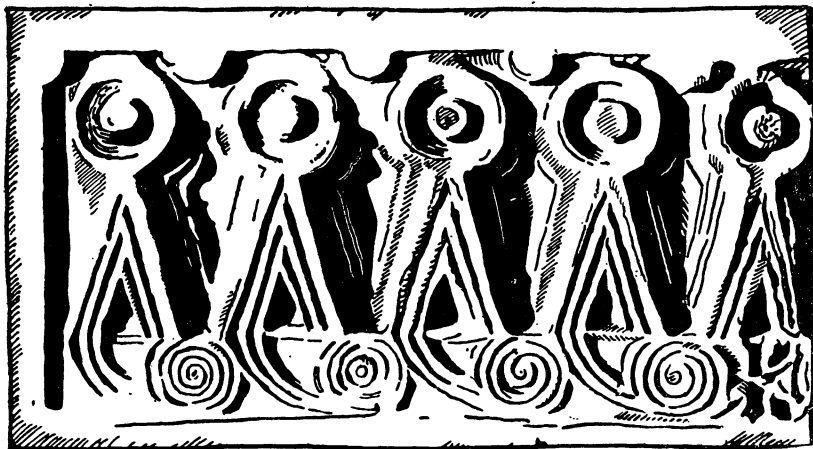
передачи диалектического или старого слова—диалектическое или старое русское слово и т. п. Имена и географические названия мы старались транскрибировать насколько возможно точно. Это задачи и приемы наших переводов—о совершенстве их судить не нам.

Переводы юнацких песен дают возможность читателю здесь же проверить наши положения и толкования и справиться в литературе по этому вопросу, для чего мы прилагаем библиографию использованной нами литературы.

ЮНАЦКІЕ ПЕСНИ

I

ДОКОСОВСКІЕ ПЕСНИ

Невеста Лазаря Радановича

- Как задумал Раданович Лазарь ¹
Он усватать красную девицу,
Тысячу сватов себе собрал он;
И пошли они к двору невесты.
- 5 Мать невесты увидала сватов
Увидала, про себя сказала:
„Дай-ка стану на дворе в воротах,
Погляжу я на нарядных сватов“.
- А как были сваты близко к дому,
- 10 Мать невесте-дочке говорила:
„Погляди-ка, дочка, идут сваты;
В чей-то двор они зайдут засватать?
Чья-то мать их нынче поджидает,
Чьи-то братья лошадей их примут,
- 15 Чей отец вином их повстречает,

Чьи им сестры поднесут подарки?“
Услыхала эту речь невеста,
Говорила матери старухе:
„Ты послушай, мать моя старая,
20 Это едет Раданович Лазарь,
То его разряженные сваты;
К нам идут они на двор наш белый.
Приготовить нужно им подарки.
Повстречаешь ты нарядных сватов,
25 Братья примут их коней за повод,
Поднесет подарки им сестрица,
Угостит вином их мой родитель“.
И пока во двор входили сваты,
С матерью поспорила невеста —
30 Не о граде, не о винограде²,
Об одной лишь шелковой рубашке:
Хочет сыну мать ее оставить,
Дочка хочет взять ее для мужа.
Рассердилась мать тут на невесту,
35 Становилась на дворе в воротах,
Оперлася на холодный камень
И слезами камень обливает.
У старухи спрашивает Лазарь:
„Ты скажи мне, мать моя милая,
40 Что случилось? не беда ль какая?
Что своих ты сватов не встречаешь,
Что ты стала на дворе в воротах,
Оперлася на холодный камень
И слезами камень поливаешь?“
45 Тихо мать на это отвечает:
„Горе, зять несуженый мне, Лазарь!
Как могу я быть теперь веселой,
Без печали как мне встретить сватов?
Умерла твоя невеста, Лазарь,
50 И ее вчера мы схоронили!“

- Отвечает Раданович Лазарь:
„Где могила, где ее зарыли?
Посмотрю на мертвую невесту...“
Услыхала это мать старуха,
55 Отвечает Лазарю старуха:
„Не могу я показать могилы,
Завелся у нас обычай новый:
Умирает девушка-невеста —
Не в гробу у нас ее хоронят,
60 А бросают в волны синя моря“.
Как услышал Лазарь эти речи,
Говорил своим нарядным сватам:
„Ой вы, сваты, братья дорогие!
На дворе меня вы подождите:
65 На базар пойду купить я шелку,
Мы сплетем из шелку сеть большую,
И в волнах поищем мы невесту...
У меня по ней томится сердце“.
Услыхала стройная служанка
70 И тихонько Лазарю сказала:
„Государь мой, Раданович Лазарь!
Не скончалася твоя невеста,
С матерью поспорила своею —
Не о граде, не о винограде —
75 За одну лишь тонкую рубашку:
Мать ее для сына оставляла,
А невеста взять хотела мужу“.
Как слышал Лазарь эти речи,
Говорил он деверю и куму:
80 „Кум и деверь, заклинаю богом:
Вы идите-ка в высокий терем,
Приведите красную девицу,
Но ее приданого не троньте;
У меня свою добра немало“.
85 Кум и деверь просьбу исполняли:

- Поднялись они в высокий терем,
 Приводили красную девицу,
 Но ее приданого не взяли.
 Повенчался Раданович Лазарь.
- 90 Тут невеста начала прощаться,
 И отца и мать свою целует,
 Обнимает и сестру и братьев,
 Матери такие речи молвит:
 „Чем тебя я только прогневила,
 95 Все прости мне, матушка родная“.
- Мать ее клянет и проклиняет³:
 „Чтоб не знать тебе на свете счастья!
 Чтоб тебе не жить ни здесь, ни с мужем!
 Пропади ты на горах в дороге!“
- 100 Услыхала эту речь невеста,
 Залилася горькими слезами,
 Поднялись разряженные сваты
 Проводить невесту молодую.
 Проезжали они через горы.
- 105 Разболелась голова невесты.
 Тут невеста деверю сказала:
 „О мой деверь, золотой мой перстень!⁴
 Позови мне Лазаря скорее“...
- Как услышал деверь эти речи,
 110 На коне он к Лазарю помчался
 И ему такие речи молвил:
 „Поверни назад скорее, Лазарь:
 Разболелась девушка-невеста,
 Приклонилась к свату головою“.
- 115 Как услышал эти речи Лазарь,
 Поскакал скорей к своей невесте,
 И невесту спрашивает Лазарь:
 „Что с тобою, красная девица?
 Голова твоя, знать, разболелась?“
- 120 Говорит на то ему невеста:

- „Господин мой, Раданович Лазарь!
 Позови ко мне нарядных сватов“.
 Раданович созывает сватов.
 Всех невеста их благодарила
- 125 За любовь и верную их дружбу,
 По букету васильков дала им;
 Лазарю ж рубашку подарила
 (За нее и ссорилася дома)
 И ему тихонько говорила:
- 130 „Ты возьми рубашку, милый Лазарь,
 С пуговицей ивовой под горлом,
 С ивовой, с чемеревиковой,
 Как наденешь ты мою рубашку,
 Обо мне вспомянешь, затоскуешь;
- 135 Поглядишь на пуговку—заплачешь⁵.
 Голова моя болит смертельно,
 Не могу я перенести болезни“.
 Так сказала, душу испустила.
 Говорит тут тихо Лазарь сватам:
- 140 „Вы с коней сходите: рыть могилу
 Будем мы кинжалами своими;
 Гроб досчатый саблями тешите;
 В головах ей посадите розу,
 У могилы вы скамью поставьте,
- 145 А у ног колодец ископайте,
 Чтобы мог прохожий на скамейке
 Отдохнуть, полюбоваться розой,
 Утолить водой холодной жажду“.
 Часто Лазарь приходил к могиле
- 150 И свою он спрашивал невесту:
 „Тяжела ль земля, душа подруга?“
 Из могилы доносился голос:
 „Не тяжка и не гнетет могила,
 А тяжка мне материна клятва“⁶.

2. Иван и дивский старейшина

- Хочет дарь сгубить свою супругу:
У нее грехов было не мало
Против мужа, своего владыки.
Царь совсем ее возненавидел.
- 5 Но царицу любят верны слуги,
Не дают царю ее обидеть.
Слуги просят за нее и молят;
Царь послушал верную прислугу,
Дал царице жизни год единый.
- 10 Тут царица говорила сыну:
Что нам делать, дорогой Иван мой?
Хочешь ты оставить мать родную?
Показались слезы у Ивана,
Говорил он матери-царице:
- 15 „Ты послушай, матушка родная,
Я хочу с тобой бежать по свету“.
Мать ему на это говорила:
„Так иди ты в царскую конюшню,
Выводи вскормленного Лабуда⁸,
- 20 Побежим с тобою мы по свету“.
Поднялся Иван на резвы ноги,
Как сказала мать, он так и сделал
(А ему пятнадцать только было),
Он Лабуда своего выводит,
- 25 На него скорее он садится
И при этом говорит царице:
„Ты послушай, мать моя милая,
Ухожу я от отца родного.
Он теперь совсем один остался.
- 30 И куда нам, мать, с тобой деваться?“

Мать на это отвечает сыну:
 „Будем мы бродить с тобой по свету,
 От дая и мужа укрываться.
 Будем мы бежать ночлегов тридцать⁹,
 35 Чтобы дая о нас не мог слышать,
 А не только нас увидеть глазом“.
 И бегут они по белу свету.
 Вот пришли к горе, поросшей лесом,
 Там нашли прохладную пещеру.
 40 Но в пещере этой жили дивы,
 Семьдесят их счетом ровно было.
 Да над ними старшина их дивский.
 Как Ивана дивы увидали,
 Бросились к нему, чтоб обезглавить.
 45 Но Иван-дитя и храбр и силен!
 Вынимал от пояса он саблю
 И на дивов храбро нападает.
 Перебил он семьдесят всех дивов,
 Старшина один лишь их укрылся.
 50 Мать с Иваном спали ночь в пещере.
 А как утро ясное настало,
 Усидеть не мог Иван на месте,
 На охоту он поехал в горы,
 На вскормленном на своем Лабуде,
 55 И поймал он серну и кошту¹⁰,
 А как солнце к западу склонилось,
 Он вернулся к матери с добычей.
 Говорила мать тогда Ивану:
 „Сын Иван мой, не входи в пещеру,
 60 Здесь у входа отдохни с охоты“.
 И Иван послушался царицы,
 Спать улегся, не входя в пещеру.
 А царица увидала дива,—
 Див лесной кричит ей из пещеры:
 65 „Подойди ко мне ты, мать Ивана:

- Будем крепко мы любить друг друга“.
- Мать Ивана диву отвечала:
„Подходи ко мне сюда ты лучше,
Будем здесь с тобой мы целоваться“.
- 70 Див на то царице отвечает:
„Я боюсь твоего Ивана:
Семьдесят уж дивов погубил он.
А когда войдет Иван в пещеру,
У него спроси-ка ты, царица,
- 75 Он кого боится, кроме бога?
А потом вы с ним игру затейте:
Спрячь возьми в руке, царица, перстень,
А Иван его пусть отгадает —
Он умом ребенок неразумный
- 80 И тебе наверно проиграет.
Позади ему ты свяжешь руки,—
Я тогда разделаюсь с Иваном,
И с тобою будем мы любиться“.
- И когда Иван вошел в пещеру
- 85 И за ужин с матерью уселся,
Мать его расспрашивать тут стала:
„О Иван, мой милый сын единый,
Перебил ты семьдесят всех дивов,
Ходишь ты без страха по планинам ¹¹,
- 90 А кого боишься кроме бога?“
И Иван на то ей отвечает:
„Одного я господя боюсь;
А пока со мной вскормленный Лабуд,
Не боюсь юнака никакого“.
- 95 Мать тогда Ивану говорила:
„О Иван, мой милый сын единый!
Мы с тобой одни теперь остались,
А давай-ка мы игру затеем“.
- И Иван на это согласился.
- 100 И игру мать с сыном начинали,

- Прятали — отгадывали перстень;
Он и мог бы обыграть царицу,
Он бы мог, но проиграл нарочно!
И его царица обыграла:
105 „Я тебя, сынок мой, обыграла“.
И она ему связала руки,
Их до плеч веревками скрутила.
А простак Иван развел руками —
Разорвал на семь частей веревку.
110 А как утро ясное настало,
Отправлялся на охоту в горы.
Как дошел он до дороги царской ¹²
Повстречал извозчиков с обозом,
С ними вместе старшина их Рада;
115 Шестьдесят возов товару с ними:
Все вино да белая пшеница.
К ним Иван на путь-дорогу вышел,
Шапку снял он тоже перед ними:
„Вас прошу, извозчики, продайте
120 Шестьдесят своих возов с товаром —
Все вино и белую пшеницу;
Это все для матушки-царицы.
А за них я желтых дам дукатов“.
Весь товар купил Иван за деньги.
125 У Ивана спрашивает Рада:
„А скажи, дитя нам молодое,
Где свою ты матушку оставил?“
Им Иван сказал, что мать в пещере.
Все туда отправились с возами.
130 Как они к пещере приближались,
Увидала издали царица,
Увидала своего тут сына,
И царица диву говорила:
„Мы давай-ка вместе думу думать —
135 Вот Иван отсюда недалеко —

- Извести бы как его со света,
И любилась тут бы мы с тобою“.
И на это див ей отвечает:
„Ты прикинься, будто заболела,
140 И когда Иван про то услышит,
За тебя бояться, верно, станет
И начнет расспрашивать о пище:
Ты чего не хочешь ли с болезни?
Ты ему скажи: „Иван мой милый!
145 Принеси мне яблочко от древа —
Что растет над прудом Каладжинским...“¹³
А дракон сидит там ненасытный,
Он коней с людьми глотает разом;
Там живут еще два лютых зверя,
150 Нет от них пощады человеку.
А дракон если не съест Ивана,
Загрызут его лютые звери“.
Вот Иван тогда в пещеру входит
И находит мать свою больную.
155 У постели он ее садится,
Проливает горестные слезы:
„Тяжело мне за тебя, родная!
Ты не хочешь ли чего покушать?“
И на то царица отвечала:
- 160 „Принеси мне яблочков от древа,
Что стоит над прудом Каладжинским,
Их поем и стану я здоровой“.
Поднимался тут Иван на ноги,
Зауздав покорного Лабуда,
165 В путь поехал ночью непроглядной;
Прямо едет к водам Каладжинским,
В воду гонит верного Лабуда.
Плод заветный с дерева сорвал он,
Правит снова к берегу крутому.
170 Ненасытный тут дракон увидел,

- На Ивана бросился со злобой.
А Иван своею острой саблей
Голову отсек ему с размаху.
Тут два лютых бросилися зверя
- 175 На Ивана, замутили воду.
Но бесстрашно сердце у Ивана:
Он зверей обоих взял живыми,
Привязал их ко хвосту Лабуда
И горой зеленою поехал.
- 180 Приезжает к матери в пещеру,
Подает он ей заветный яблоч.
Говорила тут царица сыну:
„Я тебя спрошу, родное чадо:
Если б был ты на горе зеленой,
- 185 На горе гайдукам бы попался,
И тебе б они связали руки,—
Что бы руки тут твои сдержало?“
Отвечает ей Иван на это:
„Удержать меня ничто не может,
- 190 Шерстобитная струна удержит“¹⁴.
Услыхала это мать Ивана,
Поднялась она с земли на ноги,
Крепкую струну тут отыскала,
И ему струной связала руки,
- 195 От локтей и до ногтей скрутила,—
Даже кровь из-под ногтей сочится.
Начал тут Иван просить царицу:
„Ради бога, мать моя родная,
Развяжи ты белые мне руки,
- 200 Мать родная, онемели руки“.
Поднялась она с земли на ноги,
Громко кличет дива из пещеры.
Из пещеры старый див выходит
И Ивана начинает мучить:
- 205 Оба глаза выколол нещадно,

- Из пещеры выбросил Ивана.
А как эту ночь они проспали,
Только утром засветлело солнце,
Говорила сука эта диву:
- 210 „Ты, старейшина, послушай, дивский!
Ты возьми-ка глупого Ивана,
Посади слепого на Лабуда
И вези его горой зеленой,
Брось Ивана там в сырую яму“.
- 215 Див поднялся, хочет взять Ивана,
А как див уже схватил Ивана,
Закричал Иван и молит дива,
Заклинает богом милосердным:
„Не бросай меня в сырую яму,
- 220 А оставь здесь на большой дороге“.
Но Ивану мать не доверяет.
И царица говорила диву:
„Брось Ивана в яму: враг он лютый“.
- Див повел его горой зеленой,
- 225 Край дороги отыскал он яму,
Там его в сырую яму бросил.
Но беда и с дивом приключится!
Сам его тогда господь попутал:
Он у ямы привязал Лабуда,
- 230 И к царице он пошел в пещеру.
Время шло — все также оставалось.
Вы послушайте, что было дальше:
Ржет Лабуд и бьет копытом в землю,
Разрывает землю и коренья,
- 235 Хочет он достать Ивана зубом.
Вот из леса раздается топот:
Тридцать тут торговцев проезжало,
С ними вместе старшина их Рада.
А выходит он на край дороги:
- 240 Ржет Лабуд, кричит Иван немудрый,

- Старшина товарищам промолвил:
„Посмотрите, братья дорогие!
Это Лабуд глушого Ивана...
Что ж он ржет и бьется у дороги?
245 Не беда ль с Иваном приключилась?
Подойдем поближе и посмотрим“.
Вот они к сырой подходят яме:
Ржет Лабуд, копытом кажет в яму.
А вскочил тогда торговец Рада,
250 Взял канатов ровно тридцать Рада,
Приказал ссучить их по два вместе,—
Вышло так пятнадцать всех канатов.
Ими Рада крепко окрутился,
И его извозчики спустили:
255 Чуть живым нашел Ивана Рада,
Вынимал он глушого Ивана,
Развязал ему он белы руки
И хотел везти его с собою.
Говорил ему Иван-царевич:
260 „Побратим мой Рада, ты послушай,
Не веди меня с собой по свету,
Посади меня ты на Лабуда:
Я поеду к водам Каладжинским,—
Умираю от несносной жажды.
265 Кто-нибудь из вас, прошу, пусть сходит
На Косово, к моей посестрине,
К посестрине корчмарице Яне¹⁵:
Пусть приходит Яня к Каладжину,
Пусть возьмет меня с собой в Косово.
270 И смышлена Яня и разумна,
Гусляра ее нет в свете лучше,—
Может быть, играть меня научит“¹⁶.
Как просил Иван, так сделал Рада:
На коня он посадил Ивана
275 И отвез его он к Каладжину,

- Оставлял там глупого Ивана,
Посылал посла он на Косово.
О беде когда узнала Яня,
Двое слуг зовет к себе немедля;
280 Слуги ей тогда коня подводят,
Отправлялися они с Косова,
Прямо едут к водам Каладжинским.
А Иван у озера томится,
Он кричит и стонет, как змееныш.
285 Это вила слышала с планины,
Полетела поскорей к Ивану,
Прилетела к глупому Ивану,
Видит—оба выколоты глаза.
Тут она водой его умыла
290 И молитву сотворила богу,
Возвратила зрение Ивану;
Божий свет опять Иван увидел,
Своего взял верного Лабуда,
Отправлялся краем Каладжина.
295 Сам идет и песни распевает:
„Честь и слава господу вовеки:
Он меня избавил от напасти;
Но бесчестье матери-старухе,
Что дитя родное ослепила!
300 А тут едет корчмарица Яня,
Увидала глупого Ивана,—
Проливает она горьки слезы,
А потом смеется грохотливо:
„Как я рада, побратим мой милый!
305 Слава богу, вновь очами видишь“.
Обнимает брата и целует,
Про его спрашивает горе,
Потерпел какие он мученья
От своей он матери проклятой.
310 Выпили вина и распростились:

- На Косово Яня отправлялась,
А Иван искать врагов поехал.
Подъезжает он к лесной пещере,
У пещеры видит он царицу,—
315 Диву чешет голову гребенкой.
Как царица увидала сына,
Речь такую диву говорила:
„Горе, див мой! вот Иван вернулся!“
Див вскочил с земли тогда на ноги,
320 Побежал и спрятался в пещеру,
Ну а сука в горы побежала.
Но Иван сейчас схватил царицу
И связал ей крепко обе руки,
Посадил на сильного Лабуда,
325 А затем снял голову он диву.
На Лабуда сел он и поехал
В сторону, где жил его родитель.
Слуги вести до царя доносят,
Что любимый сын его уж близко.
330 Первый вестник за свое известье
Получил себе коня лихого;
А второму за его известье
Приказал царь выдать много денег;
Третьему за весть его дарует
335 Царь сукна некроенного штуку.
А когда Иван совсем был близко,
Доносили слуги государю:
„Вот и сын твой, государь, великий!“
С своего вставал тогда царь трона
340 И встречал он сына дорогого.
Обнимает, к сердцу прижимает,
Говорит такую речь Ивану:
„Я тебя прощаю, сын мой милый!
Что со мною стариком ты сделал?
345 Думал я, что ты уж не вернешься“.

И устроил царь тут пир великий.
Рассказал Иван о том, что было,
Что с ним мать-царица учинила.
Все вскочили, бросились к царице,
350 На нее рубашку одевали—
Вся рубашка и в смоле и в дегте —
С четырех сторон зажгли царицу.
Закричала мать тогда Ивана:
„Сын Иван, не дай ты мне погибнуть!
355 Я пылаю на огне горячем“.
А Иван на это отвечает:
„Так тебе, проклятая, и надо!“
И царица вся в огне сгорела¹⁷.

3. Милан-бег и Драгутин-бег

Жили вместе в дружбе и согласьи,
Бег-Милан и Драгутин-бег¹⁸ — братья,
И друг друга так они любили,
Что под ними кони целовались.
5 Бег-Милан так молвит Драгутину:
„Драгутин мой брат, давай с тобою
Мы на красных женимся девицах“.
Драгутин на это отвечает:
„Милый брат, легко ведь пожениться,
10 А когда поженимся с тобою,
Неприменно жены нас поссорят,
Захотят двory разгородить нам,
Нам дома отдельные построят,
Между ними разведут терновник,
15 Прокопают ров с водой глубокой,—

- Чтобы рос терновник, разрастался,
И нельзя нам было бы встречаться“.
Но Милан совета не послушал:
Он созвал к себе нарядных сватов
- 20 И засватал красную девицу;
В дом привел он красную девицу,
Пированье начинал, веселье;
А как ночь пришла уже к яции¹⁹,
Молодых в их спальню отводили.
- 25 Входит в спальню бег-Милан к невесте,
А она стоит под покрывалом.
За собой он двери затворяет
И с лица снимает покрывало.
И лицо, как солнце, засияло.
- 30 Обнимает бег-Милан девицу,
Хочет крепко с ней поцеловаться.
Отвечает красная девица:
„Бег-Милан, мой господин, послушай:
Целовать не дам себя, покуда
- 35 Не увижу головы кровавой
Драгутина на земле в воротах“.
Бег-Милан девице отвечает:
„Говоришь, девица, неразумно!
Больше глаз своих его люблю я.
- 40 Кто бы мог поднять на брата руку?“
Отвечает красная девица:
„Можешь так сгубить ты Драгутина:
Только утро завтра засияет,
Отправляйся на охоту в горы
- 45 И зови с собою Драгутина,
Соколов с собой берите сизых,
Гончих и борзых с собой берите.
Как найдете стаю куропаток,
Соколов на них пускайте сизых,
- 50 На оленей и на серн пугливых

- Выпускайте вы борзых и гончих.
Напоследок, дорогой Милан мой,
Ты устрой в горах еще облаву,
На лютого льва устрой облаву.
- 55 Драгутина ты поставь в засаду.
Выскочит тут зверь на Драгутина —
Драгутина твоего погубит“.
И Милан на это согласился,
Обещал, что завтра все исполнит,
- 60 И тогда поцеловал невесту.
Только утро в небе засияло,
Поднимался бег-Милан с постели;
Он идет в покои Драгутина,
Чтоб будить его и звать на ловлю.
- 65 Но Драгутин-бег уже проснулся;
Головой к окшку прислонился
И сидит задумавшись глубоко.
С ним Милан здоровался приветно.
Драгутин ему ответил так же.
- 70 Говорит ему тогда Милан-бег:
„Бег-Драгутин, ты мой брат любимый,
Порешил я ехать на охоту;
Едем вместе на охоту в горы“.
Драгутин на это отвечает:
- 75 „Дорогой Милан мой, брат любимый!
Сон недобрый ночью мне приснился:
Молния от запада блеснула,
Из небес безоблачных внезапно
Грянул гром над нашими дворами...
- 80 Я погиб, а ты чуть жив остался“.
Говорит Милан на это брату:
„Брат родной мой, дорогой Драгутин!
Сон — мечта, а истина у бога.
Снам не верь ты — лживы сны бывают.
- 85 Поезжай со мною на охоту“.

- Драгутин послушался Милана:
„Прикажи, чтоб слуги выходили,
Выводили и борзых и гончих,
Выносили соколов бы сизых,
90 Я ж иду с снохою попрощаться“.
Тут он быстро встал на резвы ноги
И пошел к снохе он во светлицу.
У окна она тогда стояла.
Драгутин ей пожелал здоровья.
95 Перед ним сноха на ноги встала,
Пожелала Драгутину счастья
И ему поцеловала руку,
На злаченый стул его сажала,
Сладкий кофе брату подносила
100 Подносила жженую ракию²⁰.
Говорил снохе своей Драгутин:
„Ой сестра, Миланова супруга!
Длинный путь вчера ты совершила,
И вчера ты сильно утомилась.
105 Хорошо ль сегодня отдохнула
Во светлице, на постеле мягкой
У Милана на руке на правой?“
Драгутину говорит невестка:
Добрый деверь, золотой мой перстень!
110 Утомилась я вчера в дороге,
Но сегодня славно отдохнула
Во светлице, на постеле мягкой,
У Милана на руке на правой“.
Посмотрите вы на Драгутина:
115 Опускает он в карманы руку,
Вынимает девять чудных перстней,
Все они из золота литого,
В них сияют дорогие камни,—
Да еще берет он сто дукатов²¹
120 И любимой он снохе подносит,

- Та ему целует белу руку,
Вынимает золотой платочек
И дарит ответно Драгутина²².
Отправлялись братья на охоту.
- 125 Увидали серых куропаток,
Выпускали соколов проворных,—
Те им ловят серых куропаток;
Выпускали и борзых и гончих,—
Серн, оленей с места поднимают.
- 130 Напоследок сделали облаву,
А Милан поставил на засаду,
Драгутина ставил он в засаду,
В место то, откуда зверь ударит.
Зашумели ловчие по дебрям,
- 135 Выгоняли льва они оттуда,
Только зверь увидел Драгутина,
На него набросился он люто.
Драгутин-бег защищался храбро:
Он бросал поленья и камня,
- 140 Напоследок и платок он бросил,
Что сноха на память подарила,
Но не мог отбиться он от зверя.
И кричать стал Драгутин Милану:
„Где ты, брат мой? Поспеши скорее,
- 145 Погибаю я от люта зверя“.
- Драгутина крик Милан услышал,
Стало жаль ему родного брата,
И бежит Милан на голос брата,
Подбегает к месту он засады,—
- 150 Перед ним лежит Драгутин мертвый:
Обезглавил лев его свирепый.
Жаль Милану стало Драгутина:
Сел верхом он на коня поспешно
И в свой белый двор потом поехал.
- 155 Входит скоро он в свою светлицу,

Взял жену свою за белы руки
И ее бросает из светлицы,
Из светлицы на помост из камней.
Тут она и дух свой испустила.
160 Взял Милан с дукатами котомку,
Оседлал себе коня лихого,
Бросил двор со всем своим богатством
И пошел бродить по белу свету²³.

4. Муйо и Алия

Дружно жили два юнака-брата,
Первый Муйо, а другой Алия²⁴.
Так они между собой дружили,
Что конями меж собой менялись
5 И менялись оружием светлым.
Едут братья вместе на охоту.
Видят — утка на воде озерной,
А у утки золотые крылья.
Сокола тут Муйо выпускает,
10 А Алия ястреба ручного;
В озере они поймали утку.
„Сокол взял“, твердил Алии Муйо.
А Алия: „Нет, ручной мой ястреб“.
Этим Муйо крепко огорчился.
15 Сели братья под зеленой елью,
Стали пить вино и засыпали
От вина под елью сном глубоким.
Это видят белые три вилы.
Что постарше — младшим говорила:
20 „Дружны очень храбрые юнаки;

- Если б кто из вас друзей поссорил,
Я дала б той желтых сто цехинов“ 25.
И меньшая вила полетела,
Поднялась она на белых крыльях
25 И уселась над главою Муйя;
Она жарки слезы проливает,—
Льются слезы, жгут лицо юнака.
Пробудился Муйо как безумный,
Огляделся, девушку увидел
30 И Алию друга скоро будит:
„Встань, Алия, и домой поедем“.
Встал Алия ото сна на ноги
И с укором отвечает другу:
„Чтоб тебя да ржавчина поела:
35 Две имеешь, я же ни единой“ 26.
Горько это показалось Муйю:
Из ножен кинжал он быстро вынул
И ударил в сердце он Алию,—
Пал Алия на траву зелену,
40 На коня садился скоро Муйо,
На седло взял девушку с собою
Ко двору дворами он поехал.
Громко ржет и бьется конь Алии,
Умирая закричал Алия:
45 „Муйо, друг мой, побратим мой милый!
Повернись, возьми коня с собою,
Чтоб не ржал он на горе высокой,
Чтоб молва не разошлась далеко,
Как ты друга своего обидел“.
50 Как услышал Муйо, повернулся,
Взял Алии лошадь вороную,
На нее он посадил девицу
И помчался горною дорогой.
Подороги Муйо уж проехал;
55 На пути он ворона встречает,

- Правое крыло его отбито.
Говорит тут Муйо черной птице:
„Ты несчастна, птица, черный ворон.
Без крыла как станешь жить на свете?“
- 60 Отвечает птица ему писком:
„Таково мне без крыла десного,
Как и брату без милого брата,
Как тебе, мой Муйо, без Али“.
Говорит тогда с собою Муйо:
- 65 „Зло большое сделал я сегодня...
И как этот ворон укоряет,
Укорять меня дружина станет“.
Говорила тут юнаку вила:
„Повернем назад коней к Али,
70 Знаю я целебные лекарства,
Может быть, и вылечу я брата“.
Повернул коня обратно Муйо.
Подъезжает к озеру тут Муйо,
Оглянувшись, видит за собою:
- 75 Конь бежит, а нет на нем девицы!
Наклонился над Алией Муйо,
Из него душа уж исходила.
Как увидел Муйо труп Али,
Из-за пояса кинжал свой вынул
- 80 И вонзил себе он прямо в сердце ²⁷.

5. Змей жених ²⁸

- Стойте, братья, расскажу про чудо:
Как король Будимский ²⁹ оженился,
Девять лет с тех пор уж проходило,
У него детей все не родилось.
- 5 Милутин король собрался как-то

- И на лов поехал на планину.
Долго лов ловил он на планине.
Так ему уж боги счастье дали,
Не поймал ни серны, ни кошуты.
- 10 Пить тут краю сильно захотелось,
И пошел король к реке студенной.
А напился он воды студенной
И под ель зеленую садился.
Проходило времени немного,
- 15 Приходили горные три вилы,
Напились они воды студенной,
У воды беседу начинали
И сказала старшая тут вила:
„Милые, послушайте, две дочки!
- 20 Помните вы, дочки, иль забыли,
Когда краль Будимский оженился?
Вот девятый год уже проходит
С той поры как бедный оженился,
У него детей все не родилось“.
- 25 И вот так еще сказала вила:
„А не знаете ли вы лекарства,
Чтоб жена его затяжелела?“
Промолчали младшие две вилы.
Старшая тогда опять сказала:
- 30 „Если бы знал ты краль, что вила знает:
Надобно созвать девиц будимских,
Дать им много золота сухого,
Пусть они сплетают частый невод,
Частый невод золота сухого,
- 35 Да в Дунай его закинут тихий,
И поймают рыбку златоперку.
Правое перо возьмут у рыбки,
И опять в реку отпустят рыбку,
А перо ее дадут крадице,
- 40 А как съест перо то золотое,

- Тут кралица и затяжелет“.
А король и слушает и смотрит.
Отправляется в Будим он город,
Созывает девушек будимских
- 45 И дает им золота сухого,
Чтоб плели девицы частый невод.
И в Дунай он тихий бросил невод,
Так ему уж боги счастье дали,
Что поймал он рыбку златоперку,
- 50 Правое крыло он брал у рыбки,
И опять в реку пустил он рыбку,
А перо ее понес кралице,
И дает ей правое перо он;
А когда перо она то съела,
- 55 Тут кралица и затяжелела.
Целый год она носила бремя,
А когда дитя она родила,
Не дитя то было человеچه,
А змееныш лютый народился;
- 60 А на землю только пал змееныш,
Тут змееныш под стену сокрылся.
Побежала госпожа кралица,
Так кралица кралю говорила:
„Не могу порадовать тебя я,
- 65 Не могу порадовать дитятей!
Не дитя родилось человеچه,
А змееныш лютый народился,
А на землю только пал змееныш,
Тут змееныш под стену сокрылся“.
- 70 Краль на это вот как ей ответил:
„Слава богу за его подарок!“
А семь лет с тех пор уж проходило,
Говорит змееныш из-под стенки:
„Ой отец мой, ты король Будимский!
75 Что ты ждешь, чего меня не женишь?“

- Так и так вилял король Будимский,
А потом он отвечает сыну:
„Мой змееныш, мой потомок горький!
Кто же выдаст дочь свою за змея?“
- 80 А змееныш так ему ответил:
„Ой, отец мой, ты король Будимский!
Оседлай коня ты Ластовицу,
Поезжай-ка к городу Призрену,
Поезжай к Призренскому царю ³⁰ ты,
- 85 За меня свою царь выдаст дочку!“
Услыхал это король Будимский,
Оседлал коня он Ластовицу
И поехал к городу Призрену;
А как к царскому двору приехал,
90 Издалека царь увидел с башни,
И спустился он с высокой башни,
На своем дворе его встречал он,
Обнимал его и целовал он,
О юнацком спрашивал здоровья,
- 95 Брал его за правую он руку,
На высокую повел он башню.
Слуги взяли коня Ластовицу,
Отводили в новую конюшню.
Три дня белых они вино пили.
- 100 Как червленого вина напильсь
И когда вино в лицо бросалось,
Языки ракия развязала:
И тревожился король Будимский,
А заметил это царь Призренский,
- 105 Говорил ему такое слово:
„А скажи-ка ты, король Будимский,
Ты скажи, что за беда с тобою?
Что тебя встревожило так сильно?“
Отвечал ему король на это:
- 110 „Ты меня послушай, царь Призренский!

- Помнишь царь ты, или позабыл ты,
Помнишь ли, когда я оженился?
Девять лет с тех пор уж проходило,
У меня детей все не родилось;
- 115 А прошла девятая година,
У меня ребенок родился,
Не ребенок, а змееныш лютей;
А на землю только пал змееныш,
Тут змееныш под стену сокрылся.
- 120 А семь лет с тех пор уж проходило,
Мне сказал змееныш из-под стенки:
„Ой, отец мой, ты король Будимский!
Что ты ждешь, чего меня не женишь?“
А я так змеенышу ответил:
- 125 „Мой змееныш, мой потомок горький!
Кто же выдаст дочь свою за змея?“
А змееныш отвечал на это:
„Ой, отец мой, ты король Будимский!
Оседлай коня ты Ластовицу,
- 130 Отправляйся-ка в Призрен ты белый,
Поезжай к честитому царю ты,
За меня свою царь выдаст дочку“.
Я в дорогу бедный собирался,
И теперь вот, царь, к тебе приехал“.
- 135 Так на это царь ему ответил:
„Ты послушай-ка, король Будимский!
Отправляйся-ка в Будим ты город
И спроси ты змея под стеною:
А сумеет ли змееныш сделать,
- 140 Довести своих нарядных сватов
От Будима к белому Призрену,
Чтобы солнце их не осветило,
И роса чтобы не замочила;
А сумеет так змееныш сделать,
- 145 За змееныша отдам я дочку“.

- Услыхал это король Будимский,
Выводил коня он Ластовицу,
На коня он своего садился,
И поехал прямо ровным полем,
150 Как звезда по ведреному небу.
А как был он около Будима,
И вот так тогда король подумал:
„Что же делать, господи ты, боже!
Где найду змееныша в стене я,
155 Передать чтобы слова царевы?“
А как был он у ворот Будимских,
Тут ему и говорит змееныш:
„Ой, отец мой, ты король Будимский!
Отдаст ли царь свою мне дочку?“
160 Так ему на это краль ответил:
„Мой змееныш, мой потомок горький!
А сумеешь так, змееныш, сделать,
Довести наряды ты и сватов
От Будима до Призрена града,
165 Чтобы солнце их не осветило,
И роса чтобы не замочила,
За тебя тогда отдаст царь дочку“.
Так ему змееныш отвечает:
„Собирай сватов, пойдем к невесте,
170 Проведу своих нарядных сватов,
Чтобы солнце их не осветило
И роса чтобы не замочила“.
Собирали они силу сватов,
Тысячу они собрали сватов.
175 У двора все сваты собирались.
Выводил коня краль Ластовицу,
Сам по дворику гуляет коник.
Закричали быстрые чауши³¹:
„Все готово, ряженные сваты!
180 Все готово, молодой жених наш!“

- Услыхал змееныш под стеною,
Выползал змееныш из-под стенки,
По ноге коня он поднимался,
На седле вокруг луки завился:
- 185 Выезжали из Будима града.
Синее тут облако покрыло
От Будима до Призрена града:
Их нигде не осветило солнце,
Их нигде роса не замочила.
- 190 Приходили к городу Призрену,
Во дворы царевы проходили,
Все сваты своих коней проводят,
Не проводит змей лишь Ластовицу,
По двору сам конь его проходит.
- 195 Чудно царь Призренский их встречает,
Чудные дарит он им подарки,
Всякому по шелковой рубашке,
Сокола дарит он молодому,
Да еще коня ему дарит он,
- 200 А потом призренскую девицу.
Закричали скорые чауши:
„Вы готовы ль, ряженые сваты?
Вы готовы ль, кумовья и сваты?
А готова ли ты в путь, невеста?“
- 205 А сваты тут на коней садились,
И призренская невеста села,
А как змей из-под стены увидел,
Выползал змееныш из-под стенки,
По ноге коня он поднимался,
- 210 На седле вокруг луки завился.
Выезжали из Призрена града,
Синее их облако покрыло,
Под сватами кони разыгрались,
Разыгрался Ластаца под змеем,
- 215 Так под змеем сильно разлютился,

- Мостовую разбивал в Призрене,
Всю дорогу разбивал в Призрене,
Так дорогу сильно он испортил,
За двенадцать лет нельзя исправить.
- 220 Вот какой царю нанес убыток!
А приехали веселы-здравы,
Приезжали к городу Будиму
И неделю там играли свадьбу,
А сыграли и играть кончали,
- 225 По дворам разъехалися сваты,
Змей остался под своей стеною,
А король в палатах оставался.
Время было, чтоб молодоженов,
Чтоб оставить жениха с невестой,
- 230 Приводили красную девицу,
Приводили на високу башню,
А на самый на верх на высокий.
А как ночь прошла уж до полночи,
Загремело высоко на башне,
- 235 Крадется то госпожа кралица,
А кралица поднялась на башню,
На верх тот на самый на высокий,
Отворила дверь она в светлицу,
И что видит? Чудо, да какое!
- 240 На подушке, видит, кожа змея,
На постеле спит юнак пригожий,
Обнимает он свою невесту!
А за сына мать бывает рада!
Кожу змея унесла кралица
- 245 И в живой огонь ее бросала,
Побежала к королю скорее:
„Дождалися счастья мы с тобою!
Поднялась я на високу башню,
Дверь в светлицу тихо отворила,
- 250 На подушке, вижу, кожа змея,

- На постеле спит юнак пригожий,
 Обнимает он свою невесту,
 Я украла эту кожу змея
 И в живой огонь ее бросала.
- 255 Сын наш больше змеем уж не будет!“
 Побежали на високу башню,
 И что видят? Чудо, да какое!
 А юнак лежит в постеле мертвый,
 А его невеста обнимает,
- 260 Так она при этом причитает:
 „Ой, какое горюшко мне бедной!
 Остаюсь я молодой вдовою!
 Чтобы гром тебя, свекровь, убил бы!
 Мне беду какую причинила,
- 265 А себе великое ты горе“.
 Мать осталась без родного сына.
 От нас песня, от бога здоровье!
 Как нам лгали, так и мы солгали ³².

6. Предраг и Ненад

- Мать лелеет двух своих малюток
 В год голодный — тяжкую годину,
 На коленях и руках качает.
 Имена хорошие дала им:
- 5 Первый Предраг, а другой сын Ненад ³³.
 А как вырос Предраг, научился
 Управлять конем и острой саблей,—
 Оставлял он мать свою старуху
 И гайдучить ³⁴ отправлялся в горы.
- 10 Со старухой оставался Ненад,

И не знал он о родимом брате.
 А как вырос Ненад, научился
 Управлять конем и острой саблей,
 Как и брат, он мать свою оставил
 15 И гайдучить отправлялся в горы.
 Целые три года он гайдучит.
 Был юнак он мудрый и разумный,
 И счастлив всегда бывал он в битве,
 И за то был выбран атаманом.
 20 Был три года атаманом Ненад,
 Но взгрустнул о доме на четвертый
 И такую речь держал дружине:
 „О дружина, братья дорогие!
 С матерью увидеться хочу я.
 25 Мы поделим бранную добычу
 И в дома родные возвратимся“.
 И на то дружина согласилась.
 Вынимает всяк свою добычу,
 Все что добыл, и клянется тяжко,
 30 Кто клянется братом, кто сестрою,—
 Что добыча вся здесь без утайки.
 Вынул Ненад всю свою добычу,
 Говорит своей дружине храброй:
 „О дружина, братья дорогие!
 35 У меня нет ни сестры, ни брата,
 Но да будет мне господь свидетель,
 Правая рука моя усохни,
 Борзый конь пусть гриву потеряет,
 Сабля пусть заржавеет, когда я
 40 Утаил добычи хоть немного!“
 Как они добычу поделили,
 На добра коня садился Ненад
 И поехал к матери старухе.
 Мать встречала сына дорогого
 45 И за стол сажала с сладкой пищей.

- А как вместе ужинать садились,
Говорил своей родимой Ненад:
„Дорогая матушка, родная!
Если бы людей я не стыдился,
50 Не боялся согрешить пред богом,—
Матерью тебя бы не назвал я:
Ты зачем не родила мне брата,
Или брата, или же сестрицы?
Как делил с дружиной я добычу,
55 Вся дружина мне клялася тяжко,
Кто сестрою, кто же милым братом;
Только я собою и оружием
Да своим добрым конем поклялся“.
И на то старуха усмехнулась:
60 „Неразумно говоришь ты, Ненад:
Я сама тебе родила брата,
У тебя есть братец кровный Предраг.
Я вчера известье получила,
Что теперь он со своей дружиной
65 На горе зеленой Гаревике³⁵;
Меж юнаков там он атаманом“.
Отвечает молодой ей Ненад:
„Дорогая матушка, родная!
Приготовь ты новое мне платье
70 Из сукна зеленого, как зелень
На горе зеленой Гаревике:
Еду я на поиски за братом,—
Так хочу я, значит, так и будет“.
Мать ему старуха отвечала:
75 „Неразумын, молодой ты Ненад!
Потерять, знать, голову ты хочешь“.
Но старухи он не стал и слушать.
Что задумал, то и сделать хочет:
Достает себе он одеянье
80 Из сукна зеленого, как зелень

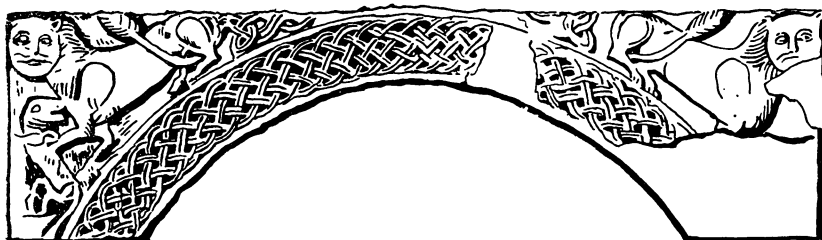
- На горе зеленой Гаревце,
 И садится на добра коня он,
 Едет Ненад в поиски за братом,—
 Так он хочет, значит, так и будет.
- 85 И нигде он слова не промолвит
 И не свистнет, на коня не гикнет.
 А подъехал Ненад к Гаревце,
 Закричал он, словно сокол сизый:
 „Гаревца, зелена горица!
- 90 Не живет ли на тебе мой Предраг,
 Удалой юнак, мой брат родимый?
 Не хранишь ли на себе юнака,
 Кто б родным мне братом доводился?“
 Пьет вино, сидит под елью Предраг,
- 95 Под зеленою сидит он елью,
 Услыхал Ненадов громкий голос
 И сказал своей дружине — братьям:
 „Ой дружина, братья дорогие!
 На дороге станьте вы в засаде,
- 100 Ждите там незнамого юнака,
 Но губить и грабить не посмейте,
 А ко мне живым вы приведите,
 Не чужой мне храбрый этот витязь“.
 Поднялось юнаков ровно тридцать,
- 105 В трех местах они в засаде стали.
 Наезжает на десяток первый—
 Удержать коня его не могут
 И хотели подстрелить стрелами.
 Отвечает молодой им Ненад:
- 110 „Не стреляйте вы в меня, юнаки,
 Чтоб о братьях вам не знать печали,
 Как томлюся я по милом брате.
 Я искать его сюда приехал“.
 И его гайдуки пропустили.
- 115 Встретил Ненад и другой десяток,

- И они в него стрелять хотели.
 И как прежде, говорил им Ненад:
 „Не стреляйте вы в меня, юнаки,
 чтоб о брате вам не знать печали,
 120 Как томлюся я о милом брате.
 Я искать его сюда приехал“.
 И они ему дорогу дали.
 Наезжал на третий он десяток,
 И они в него стрелять хотели.
 125 Рассердился молодой тут Ненад,
 Рассердился Ненад и ударил
 На юнаков—на тридцать юнаков:
 Первых десять порубил он саблей,
 Потоптал конем другой десяток.
 130 Остальные десять разбежались —
 Кто на горы, кто к воде холодной.
 И такие вести слышит Предраг:
 „Атаман наш Предраг, что сидишь ты?
 Едет к нам незнамый храбрый витязь,
 135 Перевил он всю твою дружину“.
 И вскочил на легки ноги Предраг,
 Взял свой лук тугой и остры стрелы,
 На дороге спрятался в засаду,
 Стал в засаде под зеленой елью.
 140 И стрелу метнул в юнака Предраг.
 В злое место та стрела попала,
 В злое место, в юнацкое сердце.
 Вскрикнул Ненад, словно сокол сизый,
 Закричал он, на коне качаясь:
 145 „О юнак с зеленой Гаревницы!
 Погуби тебя господь владыка,
 И усохнет пусть твоя десница,
 Что стрелу из лука посылала;
 Да лишишься правого ты ока,
 150 Что стрелу мне в сердце наводило,—

- Чтоб ты знал тоску по милом брате,
Как и я в душе о нем томился:
Я искать его сюда приехал,
А нашел в горах себе погибель“.
- 155 Как слышал Предраг эти речи,
Из-за ели он спросил юнака:
„Кто такой ты и какого рода?“
Обливаясь кровью молвил Ненад:
„Что ты вздумал спрашивать о роде?
- 160 Не жених ведь я и не невеста.
Ненадом зовуся молодым я,
У меня есть мать еще старуха,
У меня есть брат родимый Предраг,
Я сюда искать его приехал,
- 165 Чтоб не ведать нам тоски в разлуке,
Но нашел я здесь свою погибель“.
Как услышал эти речи Предраг,
Уронил от страху лук и стрелы,
Подбежал и снял с коня юнака,
- 170 Положил его на луг зеленый.
„Это ты, о дорогой мой Ненад!
Сам я Предраг, брат твой однокровный...
Может быть, перенесешь ты рану...
Дай — твою я разорву рубашку,
- 175 Осмотрю, куда стрела попала,
И на рану сделаю повязку“.
И на это Ненад отвечает:
„Брат родной мой Предраг, это ты ли?
Слава богу, что тебя я вижу.
- 180 Как хотел я, так оно и стало.
Не могу перенести я рану,
Кровь моя пускай тебе простится“.
Так сказал, и душу испустил он.
И над мертвым Предраг горько плачет:
- 185 „О мой Ненад, яркое ты солнце!..

Показалось только мне сегодня
Да сейчас же и опять ты скрылось!
Василек из сада зеленого!
Рано ты до солнца распустился,
190 Да зато и рано увядаешь...“
Из ножен кинжал свой вынул Предраг,
Им себя ударил прямо в сердце
И упал он мертвый рядом с братом ³⁶.

II.
КОСОВСКИЕ ПЕСНИ

7. Построение Скадра

- Трое братьев городили город,
Мрлявчевичи звалися братья:
Вукашин король был первый стройщик,
А другой Углеша воевода,
5 Третий строил Мрлявчевич Гойко ³⁷;
Городили Скадар на Бояне ³⁸.
Ровно три года городят город,
Ровно три года рабочих триста,
Но не могут и основу вывести,
10 А куда уж весь построить город.
Что работники построят за день,
То повалит злая вила за ночь,
А как год пошел уже четвертый,
Закричала им с планины вила:
15 „Вукашин, не мучься ты задаром,
Ты не мучься, не губи добра ты;
Не поставишь ты и основанья,
А куда уж весь построить город,
Коли сходных не найдешь имен двух
20 Не найдешь ты Стою и Стояна ³⁹,

- Чтобы были брат с родной сестрою,
Замуруешь ты их в основанье —
И тогда поставишь основанье,
И тогда построишь только город“.
- 25 Вукашин король услышал это,
Подзывал слугу он Десимира⁴⁰:
„Десимир мой, дорогое чадо!
До сих пор ты верным был слугою,
С этих пор моим ты сыном будешь!
- 30 Запрягай в возы коней скорее,
Шесть возов добра бери с собою,
Поезжай по белому ты свету,
Имени ищи два одинаких
И ищи ты Стою и Стояна,
- 35 Чтобы были брат с родной сестрою,
Добывай за деньги, или силой,
Привози их в Скадар на Бояне,
Замуруем в основанье башни,
И тогда поставим основанье,
- 40 И тогда построим только город“.
Десимир слуга услышал это,
Запрягал в возы коней скорее,
Шесть возов добра он брал с собою,
И поехал он по белу свету,
- 45 Ездит, ищет имена по свету,
Ездит, ищет Стою и Стояна.
Уж три года Десимир проездил,
Не нашел имен он одинаких,
Не нашел он Стою и Стояна,
- 50 И вернулся в Скадар на Бояне.
Отдает слуга возы и коней,
Шесть возов добра он возвращает:
„Вот тебе, король, возы и кони,
Вот и шесть возов добра обратно,
- 55 Не нашел имен я одинаких,

- Не нашел я Стои и Стояна“.
Вукашин король слова услышал,
Призывает зодчего он Рада⁴¹,
Призывает триста он рабочих,
60 Стали строить Скадар на Бояне:
Краль построит, вила все развалит,
Не дает им вывести основанья,
А не то чтоб весь построить город.
И с планины закричала вила:
65 „Вукашин, не мучься ты задаром,
Ты не мучься, не губи добра ты,
Не поставишь ты и основанья,
А куда уж весь построить город;
Вас на свете три родные брата,
70 И у всякого по верной любви⁴²,
А поутру чья придет к Бояне,
И рабочим принесет обедать,
Ту под башню вы и замуруйте,
И тогда поставишь основанье,
75 И тогда построишь только город“.
Вукашин король услышал это,
Призывает он родных двух братьев:
„Слушайте вы, братья дорогие!
Вон кричала нам с планины вила,
80 Что добро мы губим понапрасну,
Основанье нам не даст поставить,
А не то чтобы построить город;
И с планины говорила вила,
Что на свете три родных нас брата,
85 И у всякого по верной любви,
А поутру чья придет к Бояне
И рабочим принесет обедать,
Ту под башню мы и замуруем,
И тогда поставим основанье,
90 И тогда построим только город.

- Только, братья, заклинаю богом,
Чтобы женам вы не говорили,
Мы оставим это им на счастье:
Чья пойдет, та и пойдет к Бояне“.
- 95 Братья эту клятву подтвердили,
Что никто своей жене не скажет.
Так на этом их и ночь застала.
Ко дворам они вернулись белым,
За господскую вечерю сели,
- 100 А потом пошли в опочивальни.
Но великое свершилось чудо!
Вукашин свою нарушил клятву
И сказал своей он любви первый:
„Ты послушай, верная мне любя!
105 Не ходи ты утром на Бояну,
Не носи рабочим ты обедать,
Ты свою там голову погубишь,
Замуруют там тебя под башню“.
И Углеша клятвы не исполнил,
- 110 И сказал своей он верной любви:
„Ты послушай, верная мне любя!
Не ходи ты утром на Бояну,
Не носи рабочим ты обедать,
Ты себя там, молода, погубишь,
- 115 Замуруют там тебя под башню“.
Молодой сдержал лишь клятву Гойко,
И своей не рассказал он любви.
А как утром утро засияло,
Мрлявчевичи поднялись рано,
- 120 Уходили в город на Бояну.
Время уж настало, чтоб обедать,
А черед за любой Вакушина,
Вот идет она к своей невестке,
Говорит Углешиною хозяйке:
- 125 „Ах, послушай, ты моя невестка!

- Голова сегодня разболелась,
 Перемочь болезни не могу я,
 Отнеси-ка ты обед рабочим!“
 Говорит Углешина хозяйка:
- 130 „Ах, невестка, любя Вукашина!
 Разболелась рука сегодня,
 Перемочь болезни не могу я,
 Попроси уж ты сноху меньшюю“.
 И идет она к меньшбй невестке:
- 135 „О невестка млада, Гойковица!
 Голова сегодня разболелась,
 Перемочь болезни не могу я,
 Отнеси-ка ты обед рабочим!“
 Молодая Гойковица молвит:
- 140 „Госпожа ты, мать моя, послушай!
 Услужила б я тебе с охотой,
 Да еще ребенка не купала,
 И полотен белых не стирала“.
 Отвечает госпожа на это:
- 145 „Ты поди, невестка дорогая,
 Отнеси-ка ты обед рабочим,
 Я полотна выстираю белы,
 И ребенка я тебе помою“.
 Люба Гойкина тогда собралась,
- 150 Понесла она обед рабочим.
 Как пришла она к реке Бояне,
 И увидел Мрлявчевич Гойко,
 Сжалось сердце у юнака Гойки,
 Стало жаль ему подруги верной,
- 155 Стало жаль ребенка в колыбели —
 Безо дня ему был только месяц.
 Проливал тут горьки слезы Гойко.
 Стройная его узнала любя,
 Тихой поступью к нему подходит,
- 160 Еще тише говорила Гойку:

- „Что с тобою, господин мой добрый?
Что ты ронишь нынче горьки слезы?“
Отвечает Мрлявчевич Гойко:
„Ах, беда со мною приключилась!
- 165 Золотое яблоко имел я,
Да упало яблоко в Бояну,
Вот и плачу, слез не одолею“.
Но смеется стройная Гойкиня
И на это отвечает мужу:
- 170 „Лишь бы ты мне был здоров и весел,
А найдешь ты яблоко получше“.
Тут еще ему горчее стало,
От своей он любви отвернулся,
И смотреть уж на нее не может.
- 175 Подошли тогда родные братья,
Двое деверей к своей невестке,
За белы ее схватили руки,
Повели замуровать под башню,
Подзывали зодчего тут Рада.
- 180 Он созвал и всех рабочих триста.
Но смеется стройная невестка,
Думает, что с нею шутки шутят.
А как стали муровать под башню
Навалили все рабочих триста,
- 185 Навалили дерева и камню,
Навалили даже по колена.
Но смеется стройная невестка,
Думает, что с нею шутки шутят.
Навалили триста все рабочих,
- 190 Навалили дерева и камню,
Навалили ей уже по пояс.
Как осело дерево и камень,
Увидала стройная невестка,
Что беда над нею приключилась.
- 195 Люто пискнула змеею лютой,

- Деверям своим взмолилась милым:
„Ради бога, муровать не дайте,
Молодую муровать, зелену“.
Их просила, да не упросила,
200 Ни один и поглядеть не хочет.
Тут зазор и срам она забыла
Господину своему взмолилась:
„Не давай ты, господин мой добрый,
Молодую муровать под город,
205 А пойди ты к матери-старухе,
У нее добра в дому найдется,
Пусть раба или рабыню купит,
Замуруйте их тогда под башню“.
Так просила, да не упросила.
210 Увидала стройная невестка,
Что мольба ей больше не поможет,
Зодчему она взмолилась Раду:
„Побратим ты, побратим мой, зодчий!
Проруби моим грудям окошко,
215 Груды белые наружу выставь,
Принесут сюда малютку Йова,
Принесут ко груди материнской“.
Как сестру ее послушал зодчий,
Прорубил ее грудям окошко,
220 Груды белые наружу вынул,
Чтобы мог ее малютка Йова
Покормиться материнской грудью.
Снова зодчему она взмолилась:
„Побратим ты, побратим мой, зодчий!
225 Проруби моим очам окошко,
Чтоб могла смотреть на белый двор я,
Когда Йова понесут оттуда,
Когда Йова понесут обратно“.
И опять ее послушал зодчий:
230 Прорубил ее очам окошко,

- Чтоб она на белый двор смотрела,
Когда Йова понесут оттуда,
Когда Йова понесут обратно.
Так ее замуровали в город,
235 Приносили Йова в колыбели,
Восемь дней она его кормила,
На девятый потеряла голос,
Йова все еще она кормила:
Целый год его туда носили.
240 Как все было, так теперь осталось,
И теперь туда все ходят жены,
Ради чуда, ради исцеленья,
Если нету молока у женщин ⁴³.

8. Женитьба князя Лазаря

- Пьет вино Стефан ⁴⁴, владыка сербов,
В белом городе своем Призрене.
Государю служит верный Лазарь ⁴⁵;
Только все переполняет чашу,
5 На Стефана поглядает косо.
Спрашивал Стефан: „Слуга мой, Лазарь!
Ты скажи по правде, верный Лазарь,
Что спрошу, скажи ты мне по правде:
Отчего переполняешь чашу,
10 Почему посматриваешь косо?
Захудал, быть может, конь твой борзый?
Может быть, поизносилось платье?
Иль в казне случился недостаток?
Может быть, что в доме не хватает?“
15 Отвечал Стефану верный Лазарь:

- „Будь здоров и весел, мой владыка!
Ты спросил, и я скажу всю правду:
Борзый конь мой служит мне, как прежде;
И мое не изнасилось платье;
20 И нужды не ведаю в казне я,
А в твоём дворце всего довольно.
Будь здоров и весел, мой владыка!
Ты спросил, и я скажу всю правду.
Много слуг к тебе пришло и позже,
25 Уж когда служил тебе я,—всех ты
О женил, и все живут дворами.
Только я живу лишь одиноким,
Одного меня женить не хочешь;
А теперь я и красив и молод“.
- 30 Говорил Стефан, владыка сильный:
„Ты послушай, о слуга мой верный,
Но женить тебя ведь не могу я
На пастушке иль на ком случится:
Нам нужна господская девица,
35 Чтобы тесть твой был мне друг-приятель,
Посадить кого бы мог я рядом,
С кем бы можно пить вино мне вместе.
Но послушай, что скажу я, Лазарь!
Сам тебе я приискал невесту,
40 А себе приятеля и друга:
Это дочка старого Богдана⁴⁶
И сестрица Юговичей храбрых,
Молода красавица Милица⁴⁷.
Но нельзя заслать к Богдану сватов,
45 Не легко сказать ему о свадьбе:
Юг-Богдан господского ведь роду,
Не отдаст он за слугу Милицы.
Но послушай, что хочу я сделать.
Ведь сегодня пятница, суббота
50 Будет завтра, дальше ж — воскресенье.

- Как пойду я на охоту в горы,
Позову с собой и Юг-Богдана,
Вместе с Югом Юговичей девять.
На охоту мы пойдем в планину,
- 55 А ты, Лазарь, оставайся дома
И готовь господскую вечерю.
Как с охоты будем возвращаться,
Позову Богдана я вечерять,
Ты зови всех Юговичей девять,
- 60 А как сядем за столы златые,
Подноси нам сахар и ракию,
Подноси червленого вина нам.
Как вина червленого напьемся,
Заведет тогда Богдан беседу:
- 65 Кто из всех юнаков наших лучше.
Тут он вынет книги староставны⁴⁸,
Чтоб прочесть о временах грядущих.
Как услышишь это, верный Лазарь,
Ты иди тогда скорей на башню
- 70 И возьми сам чашу золотую,
Ту, что сам купил я на базаре,
На базаре в белом Варадине⁴⁹,
У девицы-золотоработки,
За нее я дал осла и деньги.
- 75 Эту чашу ты вином наполни,
Подноси ее с поклоном Югу.
Как Богдан задумается—чем бы
Отплатить тебе за тот подарок,
Тут-то я Богдану и напомню
- 80 О его красавице Милице“.
Проходили пятница с субботой.
В воскресенье ж рано дарь со свитой
Собирался на охоту в горы
И позвал с собой Богдана-Юга,
- 85 Вместе с Югом Юговичей девять.

- Неудачна их была охота,
Ничего в горах им не подалось,
Не поймали зверя, не убили,
И с ничем они из гор вернулись.
- 90 Повстречать даря выходит Лазарь.
Царь зовет Богдана на вечерю,
Приглашает Юговичей Лазарь.
За столы когда они садились,
Первым царь Стефан за стол садился,
- 95 А вторым Богдан-старик садился,
А потом все Юговичи девять.
За столом им служит верный Лазарь,
Он подносит сахар и ракию,
И вино червленое подносит.
- 100 Как вина юнаки понапились,
Обо всем у них пошла беседа:
Кто из всех юнаков наших лучше.
Вынул Юг тут книги староставны,
Стал читать о временах грядущих:
- 105 „Поглядите, братья дорогие!
Поглядите, что нам книга скажет:
Настает последняя година...
Ни овед не будет, ни пшеницы,
Ни пчелы, ни цветика на поле;
- 110 С кумом кум в суде тягаться будут,
Как враги, родные будут братья“⁵⁰.
Как услышал это верный Лазарь,
Поднимался на високу башню,
Брал Стефана чашу золотую;
- 115 Эту чашу он вином наполнил
И поднес ее с поклоном Югу.
Принял Юг от Лазаря подарок;
В руки взял он чашу золотую,
В руки взял он чашу, да не выпил,
- 120 Стал он думать, чем бы отдариться?

- Говорят тут Юговичей девять:
 „Отчего не пьешь вино из чаши,
 Что поднес тебе в подарок Лазарь,
 Что поднес тебе с поклоном Лазарь?“
- 125 Юг-Богдан на это отвечает:
 „Дети мои, Юговичей девять,
 Выпью я всю чашу золотую,
 Выпью я, да только вот не знаю,
 Чем бы мне за чашу отдариться?“
- 130 Отвечают Юговичей девять:
 „Ты легко ведь можешь отдариться:
 Есть у нас и соколы и кони,
 И оружия много и одежды“.
 Отвечал Стефан, владыка сербский:
- 135 „У него есть соколы и кони,
 У него оружие есть, одежда,
 Ничего того не хочет Лазарь.
 Лазарь хочет девушку Милицу,
 Старый Юг мой, дочь твою меньшую,
- 140 Ту сестру ли Юговичей храбрых“.
 Услыхали это девять братьев,
 Повскачили с мест на легки ноги,
 За мечи бралися ковердины⁵¹
 И мечами погубить хотели
 Государя,—и в его столице!
- 145 Отвечает им Богдан на это:
 „Погодите, бога вы побойтесь!
 Если вы погубите Стефана,
 То на вас останется проклятье;
 Я достану книги староставны,
- 150 Посмотрю я, дети, в этих книгах—
 Суждена ли Лазарю Милица?“
 В руки Юг взял книги староставны,
 Их читает и роняет слезы:
 „Поглядите, дорогие дети!

- 155 Суждена ему моя Милица,
Да за ним останется и царство:
Будет править Лазарь нашим царством
Во Крушевце, у реки Моравы“⁵².
Как услышал дарь Стефан-владыка,
160 Опускал в карман свою он руку,
Доставал он тысячу дукатов,
Доставал и яблоко златое⁵³,
А на нем три дорогие камня,—
Свадебный подарок для Милицы⁵⁴.

9. Банович Страхиња

- А как жил да был тут бан-Страхиња⁵⁵,
Был он баном невеликой Баньской,
Невеликой Баньской край Косова.
Не бывало сокола такого!
5 Одним утром рано бан поднялся,
Слуг зовет, к себе он призывает:
„Ой вы, слуги, скоро поспешайте!
Боевого беляка седлайте,
Обряжайте, как не можно лучше,
10 Оседлайте, как не можно крепче,
Я хочу оставить город Баньску,
Я хочу отправиться в дорогу:
Белого умучаю коня я,
А я в гости отправляюсь, дети,
15 Еду к тестю в белый я Крушевце,
К милу тестю, к стару Юг-Богдану,
К девяти Юговичам шурьям я;
Посмотреть хочу я семью тестя“.
Господина слушались слуги,
20 Беляка тут сокола седлали.

- Собирался Банович Страхиня,
Одевался он в парчу и бархат,
Чоху красного сукна надел он.
От воды ли чоха та краснеет,
25 А от солнда чоха та алеет.
Наряжался тут наш сербский сокол,
На коня садился боевого,
Как махнул — и к тестю он приехал,
Прямо к тестю в бел Крушевец-город,
30 Где недавно царство основалось.
Старый Юг-Богдан его увидел,
Увидали девять милых шурьев,
Соколенков Юговичей девять,
Милого лишь дождался зятя,
35 Повстречали, обнимали зятя,
Верны слуги беляка приняли.
Отводили они зятя в башню,
За столы готовые садились,
И господские вели тут речи;
40 Прибежали слуги и служанки,
Угощают, вина наливают.
Вся господа села по порядку.
А как сели, так они и пили:
Старый Юг-Богдан сидел всех выше,
45 А направо от плеча Богдана,
А направо зять сел бан-Страхинич,
А за ним все Юговичи девять,
А внизу сидела вся господа.
Помоложе потчевали старших.
50 Угощали Юговичей девять,
Угощали они по порядку
Угощали стара Юг-Богдана,
Господаря они угощали,
А честитого особо зятя.
55 А один слуга вином обносит,

- Наливает золотую чашу,
 Золотую чашу в девять литров ⁵⁶;
 Угощение подает другой тут,
 Угощение подает госпoде.
- 60 Прямо царский пир тут начинался!
 Бан у тестя долго загостился,
 Бан у тестя долго запозднилcя,
 Показалoся ему у тестя.
 А еще Крушевская госпoда
- 65 Досадила вечером и утром,
 Она просит сильна Юг-Богдана:
 „Господарь наш, сильный Юг-Богдан ты!
 Мы шелковую делуем полу,
 Праву руку белую делуем,
- 70 Окажи ты нам такую милость,
 Приведи твоего милого зятя,
 Приведи Страхинича к нам бана,
 Во дворы, в дома к нам приведи ты,
 Чтoб его почествовать могли мы“.
- 75 Всякому Юг эту милость сделал,
 И они по очереди были,
 Долго это время проходило,
 Бан у тестя долго запозднилcя;
 А случилaся беда большая.
- 80 Только утром осветило солнце,
 Белое письмо посол привозит,
 А письмо из невеликой Баньской.
 Посмотрел и прочитал письмо он.
 Говорит письмо ему сердито,
- 85 Говорит, что мать его ругает:
 „Где ты сын мой, Банович Страхиня?
 На беду ты пьешь вино в Крушевце,
 На беду ты пьешь, да на несчастье!
 Прочитай неслыxанное горе!
- 90 Сильное тут войско собралoся,

- Из Едрена ⁵⁷ царь пришел турецкий,
А пришел на Косово он поле,
Царь пришел, с собой привел визирей ⁵⁸,
Привели помощников визиря.
- 95 Наши земли захватить царь хочет,
Все турецкое поднял он войско,
И собрал он на Косово поле,
Захватили все Косово поле,
И реки они две захватили:
- 100 Захватили Лабу и Ситницу ⁵⁹,
Все Косово войско захватило.
Говорят, рассказывают, сын мой:
Что они от Мрамора заняли,
До сухого Явора заняли,
- 105 От него, сын, прямо до Сазлии,
От Сазлии до Кривого мосту,
А от мосту, сын мой, до Звечана,
От Звечана они до Чечана,
От Чечана до верху планины ⁶⁰—
- 110 Все Косово турки захватили.
А по счету, говорили люди,
У царя сто целых тысяч войска,
А и все они живут на царском,
От царя они имеют землю,
- 115 У него они едят хлеб царский,
На его конях все разъезжают,
А оружия не носят много—
По одной у пояса лишь сабле.
У царя турецкого, Турчина,
- 120 Есть другое войско, сын мой милый,
Огневые янычары-турки ⁶¹,
Стерегут султанов дом в Едрене,
Янычаров, говорят, сто тысяч;
Говорят, рассказывают, сын мой,
- 125 Есть и третье войско у Турчина,

- Третье войско—Тука и Манджука ⁶²,
А кричит и люто нападает.
У Турчина всякие есть войска.
А еще есть сила у Турчина—
- 130 Самовольный турок Влах-Алия ⁶³.
Самого не слушает царя он,
На визирей никогда не смотрит,
А все войско для него цареве —
Муравьями кажется Али;
- 135 Вот какое у Турчина войско.
Без беды он проходить не хочет,
Он с царем не хочет на Косово.
Повернул Турчин дорогой левой,
И на нашу Баньску он ударил,
- 140 И разграбил всю он нашу Баньску,
И огнем живым ее спалил он,
Разбросал до основанья камни,
Верных слуг твоих поразогнал он
И избил он мать твою старуху,
- 145 Он конем переломал ей кости,
Верную жену в полон забрал он
И увел он на Косово поле,
Под шатром твою целует любу,
На пожарище одна кукую,
- 150 А ты, сын мой, пьешь вино в Крушевце!
Чтоб не пить тебе вина бы больше!“
Прочитал письмо тут бан-Страхины,
Горько было бану, жалко было,
Он лицом печален стал, невесел,
- 155 Черные усы упали книзу,
Черные усы на грудь упали,
А лицом он люто рассердился,
Из очей чуть слезы не польются.
Старый Юг-Богдан его увидел,
- 160 Он увидел зятя рано утром,

- Загорелся, как огонь живой, он:
 „О мой зять, скажи мне, что с тобою?
 Что сегодня ты поднялся рано?
 А лицо что грустно-невесело?
- 165 Отчего ты, зять, так рассердился?
 На кого ты, зять, так разлютился?
 Над тобой шурья ли насмеялись,
 В разговоре ль говорили худо?
 Иль тебя золовки не кормили?
- 170 У меня ли вышла недостача?
 Обо всем скажи мне, зять мой милый!“
 Загорелся бан, ему ответил:
 „Нет не то, тесть Юг-Богдан мой старый!
 Хорошо меня шурья встречали,
- 175 А мои все госпожи золовки
 Хорошо поили и кормили,
 Недостатка у тебя не видел,
 Отчего, скажу я, невеселый:
 Белое письмо пришло из Баньской,
- 180 А письмо от матери старухи“.
 Рассказал беду Страхиня тестю,
 Как его дворы все попалили,
 Как его слуг верных разогнали,
 Как старуху мать его стоптали,
- 185 Как жену его в полон забрали:
 „Ты послушай меня, стар Богдан-Юг!
 Где теперь моя милáя любá,
 Моя любá, дочь Богдана-Юга —
 И отцу и мужу срам великий.
- 190 Ты послушай меня, стар Богдан-Юг!
 Пожалеть ли мертвого ты хочешь?
 Пожалей меня, пока сам вживе.
 Я прошу тебя, целую руку,
 Сыновей твоих ты дай мне девять,
- 195 Сыновей твоих, моих шурьев ли,

- На Косово, тесть, пойду я поле,
Неприятеля я догоню там,
А цареву мерзкую ли сволочь —
Забирал в полон мою он любу.
- 200 А ты, старый Юг-Богдан, не бойся,
О своих ты детях не заботься,
А шурьев, твоих сынов, хочу я,
Я хочу переменить им платье,
По-турецки нарядить хочу их:
- 205 На головы белые тюрбаны,
На плечи зеленые доламы,
На ноги им алые чакширы ⁶⁴,
К поясу огнистые им сабли;
Слуг зови и говори юнакам,
- 210 Пусть скорей они седлают кбней,
Пусть седлают, крепко подпружают,
Пусть медведем черным их покроют:
Янычарами их наряжу я.
А когда пойдем через Косово,
- 215 Сквозь войска царевы на Косове,
Перед ними буду делибашем ⁶⁵,
Слушаются пусть меня, болятся,
Будто я начальник самый старший.
А кто встретит нас в царевом войске,
- 220 А кто с нами говорить захочет,
По-турецки я и по-мановски ⁶⁶
С турками могу поговорить я,
По-турецки я и по-мановски,
Говорить могу и по-арапски,
- 225 Скоро я могу по-арнаутски ⁶⁷.
Проведу детей через Косово,
Все турецкое обманем войско,
Моего врага пока найдем мы,
Сильного турчина Влах-Алию,
- 230 Что мое добро все поразграбил.

- А в беде как раз шурья помогут,
Сам без них, тесць, я могу погибнуть,
Если я один там не погибну,
Тяжкие легко достать там раны“.
- 235 А как Юг-Богдан услышал старый,
Как огонь живой он загорелся,
Отвечает зятю бан-Страхины:
„О мой зять ты, милый бан-Страхины!
Ты сегодня видно не проспался,
240 Сыновей моих ты девять просишь,
Повести их хочешь на Косово,
Сыновей там турки переколят,
Не могли, зять, говорить про это!
Не пушу детей я на Косово,
245 Хоть бы дочери я не увидел.
Милый зять мой, дели бан-Страхины!
Отчего ты, зять, так рассердился?
Знаешь, зять, ты иль не знаешь, глупый,
Если ночь одну переночует,
250 Под шатром лишь ночь переночует,
Так тебе женой уж быть не может,
Проклянет ее господь навеки!
Ты оставь ее, зять, Влах-Алии,
Пусть она у басурмана будет!
255 Я найду тебе получше любу.
Пить вино холодное хочу я,
Быть тебе приятелем до века.
Не пушу детей я на Косово“.
Как огонь живой бан загорелся,
260 Он от муки злѣй, от злого горя,
Слуг не крикнул, не позвал Страхины,
Конюхам он не сказал ни слова,
Сам пошел к гнедому он в конюшню.
Как его тут оседлал Страхины!
265 А как крепко подтянул подпругу!

- Зауздав его уздой стальною,
Из двора через ворота вывел.
Подводил гнедого к белу камню,
С камня он садился на гнедого.
- 270 Бан-Страхиня на шурьев тут глянул,
А все девять — в черную землю.
На дашеного ⁶⁸ Страхиня глянул,
На Неманича ⁶⁹ он молодого,
А Неманич тоже смотрит в землю.
- 275 Как вино они ракию пили,
Хвастались все добрые юнаки,
Хвастались ему, клялися богом:
„Любим мы тебя, наш бан-Страхиня!
Больше любим, чем цареву землю!“
- 280 А когда беда с ним приключилась,
Не нашлось приятеля юнака:
Не легко поехать на Косово.
Бан увидел—нет ему тут друга,
Сам поехал Крушевецким полем.
- 285 А как был уже в широком поле,
Оглянулся на Крушевец белый:
Передумали шурья, быть может?
Может, жалко им Страхию стало?
А когда увидел бан-Страхиня,
- 290 Что ему приятеля не будет,
Он раздумался, одно подумал,
Что не взял борзого Карамана ⁷⁰ —
Он любил его больше гнедого.
А как крикнул он тут белым горлом,
- 295 А борзой в конюшне оставался,
Он услышал голос и понесся
И уж в поле догонял гнедого,
Прыгает борзой вокруг гнедого,
Золотой его звенит ошейник,
- 300 Будто с баном говорить он хочет.

- На гнедом коне Страхиня едет,
Он поля переезжает, горы,
А когда пришел к Косову полю,
Как увидел войско на Косове,
305 Увидал Страхиня, испугался,
Помянул он истинного бога
И в орду турецкую поехал.
Он поехал по Косову полю,
Он в четыре стороны поехал,
310 Ищет сильного он Влах-Алию,
Разыскать его нигде не может.
И спустился бан к реке Ситнице
И на чудо у реки наехал:
А стоит на берегу Ситницы,
315 Там стоит широк шатер зеленый,
Поприкрыл широк шатер все поле,
Золотой над ним сияет яблук,
Он как яркое сияет солнце,
Перед ним копьё воткнуто в землю,
320 За копьё конь вороной привязан,
На коне мешок с овсом привязан,
Конь стоит, копытом землю роет.
Как увидел это бан-Страхиня,
Рассчитал он и умом прикинул,
325 Не шатер ли это Влах-Алии?
Разогнал тогда коня гнедого
И копьё свое к плечу он вскинул,
У шатра он полу приоткинул,
Чтоб увидеть, кто под ним пирует:
330 А там не был сильный Влах-Алия,
А сидел там пьяный старый дервиш ⁷¹,
Борода до пояса седая.
Под шатром нет никого с дервишем.
Пьянствует сидит проклятый дервиш,
335 Пьет вино турчин большущей чашей,

- Наливает сам и выпивает.
Налилися его очи кровью.
Как его увидел бан-Страхинич,
По-турецки говорил селям⁷² он.
- 340 Пьяный дервиш посмотрел на бана
И тяжелое сказал он слово:
„Будь здоров ты, дели бан-Страхиня,
Невеликой Баньской край Косова“.
Загорелся бан, перепугался,
- 345 По-турецки дервишу ответил:
„Врешь ты, дервиш, мать твоя подохни!
Пьешь ты много и совсем опился!
Околесную несешь ты спьяну,
И турчина ты зовешь гяуром⁷³.
- 350 Ты какого понимаешь бана?
Обознался! Я не бан-Страхинич,
А я тоже делибаш султанский:
Царские все кони разбежались,
- 355 Все делии тоже разбежались,
Чтоб коней переловить султанских.
А скажу султану и визирю,
Что за речи говоришь ты, дервиш,
Так тебе придется плохо, старый!“
- 360 А как гром тут дервиш рассмеялся:
„Ой, делия, Банович Страхиня!
Знаешь ли ты, что беды не знаешь!
А как был я на Голеч-планине⁷⁴,
Увидал тебя в царевом войске,
- 365 И узнал тебя я и гнедого,
Твоего борзого Карамана,
Его любишь больше, чем гнедого.
Знаешь, бан ты невеликой Баньской!
И узнал твое лицо я сразу,
- 370 И узнал твои я сразу очи,

Чёрные твои узнал я брови.
 Знаешь бан ты, или ты не знаешь?
 Как давно тебе я в плен попался,
 Пандуры ⁷⁵ твои меня схватили,
 375 Наверху они Сухар-планины ⁷⁶
 И в твои меня отдали руки.
 Ты на дно меня в темницу бросил,
 Я в темнице натерпелся муки,
 А в темнице девять лет провел я,
 380 А пришла девятая година,
 Надо мной ты сжалился, Страхиня,
 И позвал тюремщика ты Рада,
 А он — сторож у ворот тюремных,
 Он привел меня к тебе в двор белый.
 385 Помнишь, бан, ли, помнишь ли, Страхинич?
 И, спросил меня ты, бан-Страхинич:
 „Раб, змея турецкая, послушай!
 Пропадешь ведь ты в моей темнице!
 Можешь ли и хочешь откупиться?“
 390 Ты спросил меня, а я ответил:
 „Да, могу жизнь выкупить свою я!
 Если в белый двор меня отпустишь,
 В дом родной и в вотчину отпустишь,—
 А добра немало я имею,
 395 Много денег и земель имею,
 Я могу собрать богатый выкуп.
 Или, бан, ты мне совсем не веришь?
 Отпусти меня ты в двор мой белый:
 Твердую оставляю я поруку,
 400 Истинного бога я оставляю,
 А вторую — твердую я веру,—
 Принесу тебе наверно выкуп“.
 А ты, бан, мне на слово поверил,
 В белый двор мой отпустил меня ты,
 405 В дом родной и в вотчину пустил ты.

- А когда в свой дом родной пришел я,
Там меня настигло злое горе:
На дворы на все, на дом родной мой,
На дворы мои чума напала,
410 Поморила и мужчин и женщин,
Никого в палатах не осталось,
Все дворы мои поразвалились,
Развалились все дворы, опали,
На стенах бузина выростала.
- 415 А мои все деньги и все земли
На наследство расхватили турки.
Увидал закрытые дворы я,
Нет добра, приятелей не стало,
Долго думал, но одно придумал:
420 Захватил коней тогда почтарских,
И в Едрен поехал прямо город,
А к царю поехал я, к визирю.
Увидал визирь, царю сказал он,
Рассказал, что за юнак я буду;
425 И отвел меня визирь к султану,
Он отвел меня и дал шатер мне,
Дал коня султан мне вороного,
Дал султан мне светлое оружие,
Записал меня визирь султанов,
430 Что служить царю до века буду.
А теперь пришел ты, бан-Страхинич,
Получить мой долг с меня пришел ты?
У меня, бан, нету ни динара,
Ведь беда со мною приключилась!
- 435 Ты пришел, бан, да смотри, погибнешь,
На Косове, во царевом войске!“
А увидел бан, узнал дервиша,
И слезает он с коня гнедого,
Обнимает старого дервиша:
440 „Побратим мой, старина ты, дервиш!

Подарю тебе твой долг с охотой!
 Не хочу с тебя я ни динара⁷⁷,
 Не за долгом я к тебе приехал,
 А ищу я сильна Влах-Алию,
 445 Что мои дворы все поразграбил,
 Что мою увел в рабыни любу.
 А скажи мне, старина ты, дервиш,
 Ты скажи, где мне найти злодея?
 Но еще прошу тебя, как брата,
 450 Ты, дервиш, меня не выдай войску,
 Чтоб меня не окружили турки“.
 А Страхиню заклинает дервиш:
 „Ой ты, сокол, Банович Страхиня!
 Вот тебе моей клянуся верой.
 455 Вынимай сейчас свою ты саблю,
 У султана выруби подвойска,
 Я тебе не сделаю измены,
 Не забуду твоего я хлеба.
 Когда сам был у тебя в темнице,
 460 Вдоволь ты поил вином червленим
 И кормил меня ты белым хлебом,
 И на солнышке обогревал ты,
 Отпустил—на слово ты поверил.
 Не предам я и тебя, не выдам,
 465 Я тебе изменником не буду;
 Ты меня не бойся, бан-Страхинич!
 А меня спросил ты, бан-Страхинич,
 О турчине сильном Влах-Алии:
 А он белый свой шатер расставил
 470 На высокой на Голеч-планине;
 И еще скажу тебе, Страхиня:
 Поезжай, беги с Косова поля,
 Коль не хочешь без ума погибнуть;
 На себя, Страхиня, не надейся,
 475 Ни на руки, ни на остру саблю,

- И ни на отравлено копые ты.
А придешь к турчину на планину,
Ты придешь, назад уж не вернешься:
И с конем он и с твоим оружием,
480 Влах живого там тебя захватит,
Он тебе переломает руки,
Он тебе живому очи вынет“.
А Страхиня только рассмеялся:
„Побратим мой, старина ты, дервиш!
485 Не жалея меня ты, дервиш старый,
Только туркам ты меня не выдай“.
Говорил турчин такое слово:
„Ты послушай, дели бан-Страхиня!
Вот тебе моей клянуся верой.
490 Хоть сейчас садися на гнедого,
Вынимай сейчас свою ты саблю
И царева выруби полвойска,
Я тебе не сделаю измены,
И не выдам я тебя, бан, туркам“.
495 Говорит бан, сам он отъезжает,
Говорит ему с коня Страхиня:
„Побратим мой, старина, дервиш ты!
Поишь, дервиш, вечером и утром,
Поишь ты коня в реке Ситнице,
500 Знаешь ты, скажи мне, дервиш, правду,
Покажи где брод через Ситницу,
Чтоб коня в реке не утопить мне!“
А ему ответил дервиш правду:
„Сокол сербский, Банович Страхиня!
505 Твоему коню, тебе юнаку,
Где пойдешь ты—всюду будут броды“.
Бросился бан, перебрел Ситницу,
Правит прямо он коня гнедого,
Правит прямо на Голеч-планину.
510 Он внизу, а солнце светит сверху.

- Осветило все цареве войско.
И увидел сильна Влах-Алию!
Целовал всю ночь жену Страхини
Под шатром турчин да на планине;
515 У турчина был плохой обычай:
Спать довольный утром он ложился,
Утром рано, только встанет солнце,
Он глаза закроет — засышает;
А рабыня, любя бан-Страхини,
520 Она сильно ему полюбилась.
Головой он лег ей на колени,
Она держит сильна Влах-Алию,
У шатра полу она подняла,
Она смотрит на Косово поле,
525 Она смотрит на цареве войско,
А шатры какие там у турок,
Что за кожи, что там за юнаки.
На беду тут очи оторвала,
Поглядела на Голеч-планину,
530 Увидала коня и юнака
Увидала она, рассмотрела
И рукой коснулась турчина,
До правбй щеки его коснулась,
А коснулась и ему сказала:
535 „Господин мой, сильный Влах-Алия!
Поднимайся, чтоб ты не поднялся!
Опоясывай богатый пояс,
И бери ты светлое оружье,
Это едет Банович Страхиня,
540 Голову срубить твою он хочет,
Выколоть мои глаза он хочет“.
Как огонь живой, Влах загорелся,
Загорелся, посмотрел очами,
И как гром Алия рассмеялся:
545 „Ах, душа, Страхинева ты любя!

Ишь как страшен твой тебе Страхиня!
 Ишь как ты Страхини напугалась,
 Уведу когда тебя в Едрен я,
 Так и там привидится Страхиня!
 550 Это ведь не Банович Страхиня,
 Делибаш султанский это едет,
 А ко мне его султан отправил,
 Иль султан сам или визирь Мемед⁷⁸,
 Меня просит сам султан наверно,
 553 Чтоб дарено войско я не трогал;
 Напугались его визири,
 Чтоб на них я в сабли не ударил;
 Посмотреть своим ты можешь глазом,
 Только ты, душа моя, не бойся,
 560 Как я выну свою острую саблю
 И ударю ею делибаша,
 Чтоб ко мне еще не посылали!“
 А Страхинева сказала любя:
 „Господин мой, сильный Влах-Алия!
 570 Иль не видишь? Чтоб тебе ослепнуть!
 Это едет не царев делия,
 Бан-Страхиня—господин мой едет,
 По лицу узнала я Страхиню,
 По очам узнала я Страхиню,
 575 И по черным я усам узнала,
 По его по пестрому гнедому,
 По его по хорту⁷⁹ Караману.
 Головой ты не шути, Алия!“
 А услышал это Влах-Алия,
 580 Так тут турка и перевернуло,
 А вскочил на легкие он ноги,
 Опясал дорогой он пояс,
 Острый он кинжал воткнул за пояс,
 Острую он саблю припоясал,
 585 На коня он смотрит вороного.

В это время к ним и бан подъехал.
 А как только мудрый бан подъехал,
 Не сказал им утром „добра утра“,
 Не сказал турецкого „сеяма“,
 590 А сердитое сказал он слово:
 „А ты вот где, сволочь, недоносок!
 Недоносок, царское говно ты!
 Чьи дворы ты попалил, проклятый?
 Чьих людей в полон забрал, проклятый?
 595 Чью ты люблю под шатром целуешь?
 Выходи-ка ты на бой юнацкий!“
 А вскочил тут турок, повернулся,
 Раз он прыгнул, до коня допрыгнул,
 Другой прыгнул, на коня вскочил он,
 600 Две узды натягивал на нем он.
 Да не ждал и Банович Страхиня,
 На него гнал своего гнёдого,
 В него бросил копьё боевое;
 И юнак ударил на юнака.
 605 Протянул тут руку Влах-Алия,
 И рукой его копьё поймал он,
 Говорил ему такое слово:
 „Недоносок, Банович Страхиня!
 А так вот что ты задумал, сволочь!
 610 Тут тебе не бабы-шумадийки⁸⁰,
 Чтоб сразбегу на меня бросаться,
 Пред тобою сильный Влах-Алия.
 Не боюсь царя я и визиря:
 У царя тут все цареве войско,
 615 А как мне то все цареве войско —
 Муравьи будто в траве зеленой.
 Ты со мной на поединок хочешь?“
 А сказал, копьё бросал Алия,
 Он его поранить первым хочет,
 620 Только счастье помогло Страхине,

- А его гнедой в бою бывалый,
А копые как только засвистело,
Сокол-конь упал тут на колени,
И копые повыше пролетело,
625 На студеный камень попадало,
На трое копые переломилось,
На куски копые поизломалось.
Потеряли боевые копыя,
Вынимали они буздованы ⁸¹.
- 630 Как ударил сильный Влах-Алия,
Как ударил он Страхию-бана,
Из седла с коня Страхию выбил,
На уши коню его надвинул,
Только счастье помогло Страхице,
- 635 А его гнедой в бою бывалый,
А у серба нет уже такого,
Ни у серба нет, ни у турчина,
А взмахнул конь головой и телом,
Посадил он на седло Страхию.
- 640 Как ударил Банович Страхию
Сильного, тяжела Влах-Алию,
Из седла не мог его он выбить.
Утонули кони по колена,
В землю кони четырьмя ногами.
- 645 Буздованы они поломали,
Поломали, перья выбивали
И за острые взялися сабли,
Саблями решить чтоб поединок.
Посмотри ты на Страхию-бана!
- 650 Об его скажу тебе я сабле:
Саблю ту два кузнеца ковали,
Два ковали, трое помогали,
А неделю целую ковали,
Да из стали выковали саблю,
- 655 Поострее саблю направляли.

- Влах махнул, а бан уж дожидает,
Бан на саблю принимает саблю,
Пополам перерубил он саблю,
Увидал, обрадовался сильно,
660 И отсюда бьет он и оттуда:
Будто Влаху голову срубил он,
А турчину руку лишь поранил.
И юнак ударил на юнака,
Не дает ни головы срубить Влах,
665 Ни руки ему поранить даже,
А дерется половинкой сабли:
Он во-всю дерется половинкой,
Свою шею саблей закрывает.
И Страхинину он рубит саблю,
670 Отбивает по кусочку саблю.
И посеклися тут обе сабли,
Уж до ручек сабли поломались,
А юнаки бросили обломки,
И с коней ученых послезали
675 И за белые схватились горла,
И тут две беды тогда случилось
Да на ровной на Голеч-планине;
А как летний день прошел до полдня,
У турчина пена пробивалась,
680 Будто снег белела на планине,
А Страхиня белый да кровавый,
Искровавил ниже плеч одежу,
Искровавил оба сапога он.
А как бану боль надседала
685 Говорил такую речь Страхиня:
„Моя любя, гром тебя убил бы!
Что на горе смотришь ты с планины?
А возьми-ка ты обломок сабли,
И ударь меня или турчина:
690 Ты подумай, кто тебе дороже“.

- А турчин сердито говорит ей:
 „Ах, душа, Страхинова ты любя!
 Ты не бей меня, ударь Страхиноу,
 Все равно ему не будешь милой,
 695 Прокливать тебя весь век он будет.
 Укорять тебя начнет Страхиня,
 А с утра до вечера день целый,
 Что была со мною под шатром ты.
 А мне будешь милой ты век целый,
 700 Отведу тебя в Едрен я город,
 Дам тебе там тридцать я служанок,
 Держать будут рукава и полы,
 Кормить будут сахаром и медом,
 И тебя дукатами увесят
 705 С головы и до травы зеленой.
 Ударь только ты Страхиноу-бана!“
 Женщину не трудно соблазнить ведь!
 Как неистовая она встала,
 И обломок сабли находила,
 710 В вязаный платочек завернула,
 Чтоб обломок руку не поранил,
 И зашла оттуда и отсюда,
 Голову турчину сберегала,
 А ударила Страхиноу-бана,
 715 Господина своего Страхиноу,
 По челевке⁸² она его била,
 Да по белому тюрбану била,
 Золоту челенку прорубила,
 Тюрбан белый она прорубила,
 720 Голову поранила юнаку.
 Кровь лилася по лицу юнака,
 Залить хочет ему оба глаза.
 Испугался Банович Страхиня,
 Что погибнет без ума, ни за что,
 725 А как только это он подумал,

- Крикнул он своим тут белым горлом,
Подзывал борзого Карамана,
Для охоты выучил борзого,
Крикнул раз он, и другой он кличет,
730 Прыгнул хорт и тотчас прибегаёт,
Ухватил Страхиневу он любу.
Женщины пугливыми рождаются,
Смерть как женщины собак боятся.
Саблю бросила в траву зелену,
735 Люто визгнула—далеко слышно,
Желта хорта за уши схватила,
Покатилась с хортом вниз с планины.
А когда турчин увидел это,
Ему сильно жалко ее стало.
740 Видит он, что рвет ее собака;
А тут бану силушка явилась,
А в юнацкое явилась сердце,
Повернул он Влаха так и этак,
С ног свалил турчина Влаха-Алию.
745 Так Страхиня тут поразошелся:
Он не брал оружия никакого,
А ему на горло навалился,
А под горло он вцепился зубом,
Заколот он, будто волк ягненка,
750 А вскочил бан, белым горлом крикнул,
Желтого борзого придержал он,
У собаки любу отнимал он.
Побежала люба по планине,
Убежать она хотела к туркам,
755 Да не дал ей Банович Страхиня,
Ухватил ее за правую руку,
И привел ее к коню гнедому,
А потом сажался на гнедого,
Позади себя ее сажал он
760 И поехал поперек он поля,

- Поперек и вдоль поехал полем,
Уезжал от силы он турецкой
И приехал он в Крушевец ровный,
Во Крушевец к своему он тестю.
- 765 Старый Юг-Богдан его увидел,
И шурья его встречали девять,
Обнимали, в щеки целовали,
О здоровья спрашивали зятя.
А когда стар Юг-Богдан увидел,
- 770 Раненого зятя он увидел,
Он челенку сбитую увидел,
Старый Юг-Богдан тут слезы пролил,
По господскому лицу он пролил:
„Бедная ты наша царевина!⁸³
- 775 У турецкого, знать, есть султана
Сильные, знать, есть еще юнаки,
Моего могли поранить зятя—
А таких давно уж не бывало!“
А шурья за зятя испугались.
- 780 А сказал им Банович Страхиня:
„А чего задумался ты, тесть мой,
А чего, шурья, вы испугались?
У царя такого нет юнака,
Чтоб меня убил или поранил;
- 785 Я скажу вам кто меня поранил,
От кого досталась эта рана:
Я когда в бою с турчином бился,
О, мой тесть, ты, старый Юг-Богдан ты!
А меня поранила тут любя,
- 790 Моя любя, дочь твоя милая!
А не мне, ему помочь хотела“.
Как живой огонь, Юг загорелся,
Сыновей он девять подзывает:
„Вы ножи все девять вышимайте,
795 На куски вы суку изрубите“.

Сынвья послушались Богдана,
 На сестру свою они бросались,
 Да не дал ее им бан-Страхиня,
 Говорил шурьям такое слово:
 800 „А шурья вы, Юговичи девять,
 А что, братья, вы теперь страмитесь?
 На кого свои ножи подняли?
 А такие если вы юнаки,
 Что ножи ваши, что ваши сабли,
 805 Что со мной не были на Косовом,
 Что юнацтва там не показали,
 Из беды меня не выручали?
 Погубить не дам сестру вам вашу
 И без вас могу я рассчитаться,
 810 С вами тож хочу я рассчитаться:
 Не хочу вина пить с вами вместе;
 А своей я любе поклонюся“.
 А таких юнаков было мало,
 Как юнак был Банович Страхиня ⁸⁴.

10. Как поссорился Милош с Вуком

У окна сидит Милица,
 князя Лазаря супруга;
 У окна сидят с Милицей
 две ее родные дочки.
 Говорила им царица:
 „Поглядеть мне, право, любо,
 Хорошо глядеть на мужа
 меж зятьями дорогими.
 5 Но скажу вам, дочки: право,
 я бы глаз не пожалела,
 Если б только Вук Бранкович
 был таков, как храбрый Милош ⁸⁵.

- И на это отвечает
Вука верная супруга:
„Но ты знаешь: породила
Вука дочка властелина,
А Обилича пастушка —
волошанка породила,
10 Волошанка породила,
под кобылою вскормила“.
- Говорит жена Милоша:
„Это правду ты сказала,
Что родился Вук от дочки
городского властелина ⁸⁶;
Моего же мила мужа
волошанка породила,
Волошанка породила,
под кобылою вскормила:
- 15 Потому-то он в народе
и Обиличем зовется.
Но зато и та кобыла
двух волков бы одолела:
Сразу б ряд зубов передних
задней выбила ногою.
В дорогих мехах куницы,
рысьем мехе Вук твой ходит;
А Обилич Милош, муж мой,
надевает шелк и бархат“.
- 20 Оскорбили эти речи
молодую лобу Вука,
И удар жене Милоша
нанесла она рукою,
Нанесла удар тяжелый
по лицу ее румяну.
На руке ее был перстень
с драгоценным диамантом,

И лицо жены Милоша
 одарапал этот перстень,
 25 Полилася кровь густая
 по лицу ее румяну.
 Уходила молодая
 прочь оттуда в сад зеленый,
 Под зеленым померанцем
 горько плакала-рыдала,
 Горько слезы проливала,
 отирала кровь густую.
 Лазарь царь к двору с зятьями
 подъезжает в это время.
 30 Из-под Лазаря за повод
 приняла коня Милица,
 Из-под Вука Бранковича —
 Вука верная супруга.
 Только некому за повод
 взять Обиличеву лошадь.
 Озирается направо
 и налево храбрый Милош.
 Тут идет к нему Милица,
 хочет взять коня за повод.
 35 Но не дал ей Милош близко
 подойти к коню: увидел
 Он жену в саду зеленом
 под душистым померанцем:
 Там она рыдает горько,
 отирает кровь густую.
 Соскочил с коня Обилич,
 мигом был в саду зеленом
 И жене своей любимой
 говорил такие речи:
 40 „Что с тобою, дорогая?
 Что ты слезы проливаешь?

Что ты слезы проливаешь,
оттираешь кровь густую?
Отчего лицо разбито
и залито алой кровью?“
Говорит жена Милошу:
„Расскажу тебе всю правду.
Ныне утром мы сидели
у окна в палатах царских
45 Я с сестрой да мать Милица.
Нам Милица говорила:
„Хорошо глядеть на мужа
меж зятьями дорогими!
Но когда бы Вук Бранкович
был такой юнак могучий,
Как Обилич Милош, право,
я бы глаз не пожалела“.
Но сестра моя на это
так Милице отвечала:
50 „Всем известно: породила
Вука дочка властелина,
А Обилича пастушка —
волошанка породила,
Волошанка породила,
под кобылою вскормила;
Потому-то он в народе
и Обиличем зовется“.
Я сестре на эти речи
отвечала: „Это правда,
55 Что родился Вук от дочки
городского властелина,
Моего же мила мужа
волошанка породила,
Волошанка породила,
под кобылою вскормила.

Но зато ведь та кобыла
 двух волков бы одолела:
 Сразу б ряд зубов передних
 задней выбила ногою.

60 В дорогих мехах куницы,
 рысьем мехе Вук твой ходит,
 А Обилич Милош, муж мой,
 надевает шелк и бархат“.

Были горьки эти речи
 для сестры моей: жестоко
 Панесла она рукою
 мне в лицо удар тяжелый.
 Полилася кровь густая
 от жестокого удара.

65 Потому-то я рыдаю,
 отираю кровь густую“.

А услышал эти речи —
 Милош гневом распалился:
 Скоком выскочил из сада
 и схватил за горло Вука,
 Он схватил за горло Вука
 и метнул его на землю;
 Стал ногою правой Милош
 наносить удары Вуку,

70 И из челюсти ногою
 вышиб два здоровых зуба.
 Подбежал к Милошу Лазарь
 и такое слово молвил:
 „Перестань буянить, Милош,
 не гневи враждою бога!
 Умири свой гнев и ссору
 прекрати ты с братом Вуком!“
 Удержал едва царь Лазарь
 раздраженного Милоша⁸⁷.

11. Царь Лазарь и царица Милица

(Битва на Косовом поле)

Лазарь царь садится за вечерю,
Рядом с ним жена его Милица.
Говорит Милица: „Царь наш Лазарь,
Золотая сербская корона!

5 Ты уходишь на Косово завтра,
Забираешь воевод и войско;
Никого со мной не оставляешь.

Лазарь-царь, как я одна останусь,
С кем письмо пошлю я на Косово,

10 От тебя кто принесет мне вестку?
Ты с собой моих уводишь братьев,
Девять братьев — Юговичей девять,
Заклинаю я тебя: оставь мне
Одного хоть брата на утеху“.

15 И царице отвечает Лазарь:
„Так скажи же мне, моя Милица,
Ты кого из братьев пожелаешь
Здесь на белом на дворе оставить?“
— „Ты оставь мне Юговича Бошку“ 88.

20 Отвечает ей на это Лазарь:
„Госпожа моя Милица! завтра
Над землей лишь белый день настанет,
Только в небе солнце засияет,
И как только ворота откроют,—

25 Выходи ты к городским воротам.
Проходить тут будет наше войско —
На конях с оружием юнаки.
Впереди их милый брат твой Бошко,
И в руках его святое знамя.

30 Ты скажи ему, что я позволил

Передать кому захочет знамя
 И с тобою дома оставаться“.
 А как утром утро засияло
 И открыли только что ворота,
 35 Отправлялась к воротам Милида,
 Становилась в городских воротах.
 Вот и войско выступает строем,
 На конях, с оружием юнаки,
 Перед ними брат царицы Бошко.
 40 Весь его наряд осыпан златом,
 Осеняет Юговича знамя —
 До седла концы его спадают;
 Яблоко на знамени златое,
 Крест золотой над яблоком сияет,
 45 От креста висят золотые кисти,
 По плечам раскинулись Бошка.
 Бросилась царица, удержала
 За узду коня и обхватила
 Шею брата белыми руками,
 50 Говорит ему такие речи:
 „Дорогой мой брат, Югбвич Бошко!
 Позволяет царь тебе остаться,
 Не итти тебе на бой с дружиной.
 Не иди ты на Косово поле,
 55 Передай кому захочешь знамя
 И со мной в Крушевце оставайся.
 Не оставь меня одну, молю я“.
 Но Милиде Бошко отвечает:
 „Воротись, сестра, в свой белый терем,
 60 Я домой с тобой не ворочуся,
 Знамя я не передам другому,
 Если б царь мне дал за то Крушевец,
 Чтоб о мне дружина не сказала:
 „Посмотрите, вон стоит трус Бошко,
 65 На Косово он итти боится,

Кровь пролить за крест святой до капли,
Положить живот за веру в битве“.
И в ворота он коня направил.
Следом едет Юг-Богдан могучий,
70 А за ним семь Юговичей храбрых,
Едут братья, выстроились рядом,
Ни один не глянет на Милицу.
Ожидает бедная царица.
Вот и Воин, брат ее последний,
75 За собой ведет цареву лошадь.
Золотой покрытую попоной.
Ухватила за узду Милица,
Шею брата белыми руками
Обнимала, тихо говорила:
80 „Братец милый, Югович мой Воин:
Посылает царь тебе поклоны,
И тебе царь Лазарь разрешает,
Чтоб коня ты передал другому
И со мною в Крушевце остался.
85 Не оставь меня одну, молю я“.
Так Милице Воин отвечает:
„Воротись, сестра, в свой белый терем!
Никогда юнак не возвращался,
Царский конь в других руках не будет,
90 Если б даже знал я, что погибну,
А пойду я на Косово поле“.
И поехал от сестры в ворота.
Как Милица это увидала,
Она пала на холодный камень,
95 Пала наземь замертво Милица.
Вот к воротам Лазарь подъезжает.
Как увидел он свою царицу,
Залился горячими слезами,
Посмотрел направо и налево.
100 Подозвал слугу он Голубана⁸⁹:

- „Голубан, слуга любимый, верный!
 С лебедя-коня сойди на землю,
 Ты возьми дарицу в белы руки,
 На руках снеси в высокий терем;
- 105 Бог тебе простит, что вместе с нами
 Ты не будешь на Косове биться:
 Во дворе ты белом оставайся“.
 Как слуга слышал эти речи,
 Залился горячими слезами.
- 110 С лебедя-коня сошел на землю,
 Взял дарицу он на белы руки,
 На руках отнес ее в светлицу.
 Но он сердце удержать не может,
 Что не будет на Косовом поле:
- 115 Повернул коня он и поехал
 В войско сербов на Косово поле ⁹⁰.
 А как утром утро засияло,
 Ворона два черных прилетали ⁹¹,
 Прилетали от Косова поля
- 120 И на царском тереме уселись,
 А на белу башню они пали—
 Черный ворон говорил другому:
 „Это ль терем Лазаря владыки?
 Что же в нем души живой не видно?“
- 125 В терему никто это не слышал,
 Только лишь царица услышала,
 Из своей светлицы выходила
 Воронам двум черным говорила:
 „Ради бога, птицы, расскажите,
- 130 Вы откуда утром прилетели?
 Не летите ль от Косова поля?
 Не видали ль там два сильных войска?
 Между ними не было ли битвы?
 Чье же войско в битве победило?“
- 135 Отвечают вороны Милице:

- „Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля.
Там сошлись сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились.
- 140 У обеих их цари погибли.
Кое-что осталось от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались“.
- Не успели речь окончить птицы,
145 Подъезжает тут слуга Милутин⁹²:
В левой держит правую он руку,
А на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:
- 150 „Что, ты болен, мой слуга Милутин?
Уж не выдал ли царя ты в битве?“
Отвечает ей слуга Милутин:
„Помоги мне слезть с коня, царица,
Освежи меня водой студеной,
- 155 И умой вином больные раны.
Я от тяжких ран изнемогаю“.
- Помогла Милутину царица,
И водой она его умыла,
И вином ему отерла раны.
- 160 Как вернулись к Милутину силы,
Начала расспрашивать Милица:
„Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой?
- 165 Где погибли Юговичей девять?
Где погиб наш воевода Милош?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович?
Где погиб и Банович Страхиня?“
Отвечает ей слуга Милутин:
- 170 „Все они на Косове остались.

- Где погиб наш славный князь — царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких,— только сербских больше.
- 175 Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя — князя,
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —
Восемь братьев — все убиты вместе.
- 180 Брат не выдал брата дорогого.
Храбрый Бошко был убит последним:
Он носился с знаменем по полю,
Разгонял один он силу турок,
Будто сокол голубей гоняет.
- 185 Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиња;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где не мало перебил он турок:
- 190 Погубил султана он Мурата⁹³
И еще двенадцать тысяч турок.
Бог простит грехи его, а вместе
И его родителей: оставил
О себе он память, долго будут
- 195 В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле.
Что ж сказать о Вуке? Будь он проклят
И с отцом и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
- 200 Изменил на Косове он сербам
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица“⁹⁴

12. Смерть матери Юговичей

- О мой боже, что это за чудо!
Как легло все войско на Косове,
А в том войске Юговичей десять,
А десятый старый Юг-Богдан был.
- 5 Мать Юговичей просила бога,
Чтобы дал ей очи соколины,
Дал бы белы крылья лебедины,
Полетела б на Косово поле,
Увидала б Юговичей девять,
- 10 Десятого старого Богдана.
Что просила, то и получила:
А дал бог ей очи соколины,
Дал ей белы крылья лебедины,
Полетела на Косово поле,
- 15 Юговичей девять находила,
Десятого старого Богдана.
Боевых тут вбито девять копий,
Девять соколов сидит на копьях,
А у копий девять добрых коней,
- 20 Девять лютых львов лежало рядом.
И заржало девять добрых коней,
Девять лютых львов тут зарычало,
Соколов тут девять закледало.
Твердо было материно сердце:
- 25 От беды слезы не проронила,
А коней берет старуха девять,
Лютых львов берет старуха девять,
Соколов берет старуха девять,
Возвращается она в двор белый
- 30 Далеко ее узнали снохи,

- И встречать ее поближе вышли,
Куковали горькие вдовицы,
Лили слезы девять сиротинок.
Тут заржало девять добрых коней,
35 Девять лютых львов тут зарычало,
Соколов тут девять закледало.
Твердо было материно сердце:
От беды слезы не проронила.
А как было ночью ровно в полночь,
40 А заржал Демьянов тут Зеленко⁹⁵,
Мать жену Демьянову спросила:
„Ой, сноха, Демьянова жена ты!
Что заржал Демьянов конь Зеленко?
У него пшеницы белой нету?
45 Иль воды он хочет из Звечана?“⁹⁶
А жена Демьянова сказала:
„Ой, свекровь ты, матушка Демьяна!
У него пшеницы белой вдоволь
И воды не хочет из Звечана,
50 У Демьяна был такой обычай:
До полночи конь овес зобает,
А с полночи едет он в дорогу;
Своего жалеет господина,
Что к нему так долго не приходит“.
55 Твердо было материно сердце:
От беды слезы не уронила.
А как утром белый день занялся,
Ворона два черные летали,
А до плеч у них кровавы крылья,
60 Бела пена капает из клювов,
Вороны несут юнака руку⁹⁷,
Золотое на руке колечко,
Уронили матери на руки.
А брала мать Юговича руку,
65 Осмотрела, повернула руку,

- И зовет она жену Демьяна:
„Ой, сноха, Демьянова жена ты!
А узнаешь ли ты эту руку?“
А жена Демьянова сказала:
70 „Ой, свекровь ты, матушка Демьяна!
А рука-то нашего Демьяна,
Узнаю кольцо я золотое,
С мужем мы кольцом венчались этим“.
Мать взяла Демьянову тут руку,
75 Осмотрела, повернула руку,
И руке она сказала тихо:
„Ой, рука ты, яблочко зелено!
Где росло ты, где тебя сорвали?
На груди моей ты выростало,
80 А сорвали на Косовом ровном!“
Тут ее переполняло горе,
С горя тут старуха и скончалась,
За своими девятью сынами,
За десятым старым Юг-Богданом⁹⁸.

13. Царица Милица и Владета воевода

- Выходила царица Милица
Из города белого Крушевца.
А с ней вместе милые две дочки:
Вукосава и красавка Мара.
5 Воевода Владета⁹⁹ навстречу
На гнедом коне своем на добром.
Запалился конь под воеводой,
Белой пеной конь его покрылся.
И спросила у него Милица:
10 „Ради бога, княжий воевода!

- Отчего коня ты запалил так?
Не идешь ли ты с Косова поля?
Не видал честитого ты князя,
Нашего с тобою господина?“
- 15 Отвечал Милице воевода:
„Бог со мною, царица Милица!
Возвращаюсь я с Косова поля,
Не видал честитого я князя,
Только видел князева коня я,
- 20 Его по полю тащили турки,
Думаю я, славный князь погибнул“.
Услыхала царица Милица,
Лила слезы по лицу белому,
И еще спросила воеводу:
- 25 „Ты скажи мне, княжий воевода!
Как на ровном был ты на Косове,
Не видал ли Юговичей девять,
А десятого стар Юг-Богдана?“
Отвечал Милице воевода:
- 30 „Я проехал ровное Косово,
Видел там я Юговичей девять,
А десятого стар Юг-Богдана:
Все стояли на Косовом поле,
И до плеч в крови их руки были,
- 35 А мечи в крови до рукоятки;
И у них уж ослабели руки,
Секучи все турок на Косове“.
И еще сказала тут Милица:
„Подожди ты, княжий воевода!
- 40 Не видал ли двух моих зятьев ты:
Не видал ли Бранковича Вука,
Не видал Обилича ль Милоша?“
Отвечал Милице воевода:
„Я проехал ровное Косово,
- 45 Видел я Обилича Милоша:

Он стоял на поле на Косовом,
На копье склонился боевое,
А копье сломалось боевое,
На него тут турки навалились,
50 Там наверно и погиб Обилич;
Я не видел Бранковича Вука,
Чтоб ему и солнца не увидеть:
А честитого он князя предал,
Нашего с тобою господина“¹⁰⁰.

14. Мурат на Косовом

Царь Мурат на Косово приходит,
Как пришел, письмо он мелко пишет
И его в Крушевец посылает
На колени сербскому владыке:
5 „Ой ты, Лазарь дарь, владыка сербов!
Не бывало, да и быть не может
Над одной землей—двух господинов:
Раб один, а два с него оброка.
Нам нельзя царить с тобою вместе:
10 Присылай мне и ключи и подать,—
Городов твоих ключи златые,
За семь лет пришли мне дань с народу.
Если ж так ты сделать не захочешь,
Приходи на Косово с войсками,
15 Саблями мы землю там разделим“.
Царь письмо Муратово читает,
А читает—ронит горьки слезы.

* * *

Вот послушай старый да и малый,
Как народ свой Лазарь заклиняет:
20 „Кто на бой на Косово не выйдет,

Ничего от рук тех не родится,
Ни на поле белая пшеница,
Ни в баштане виноград зеленый“¹⁰¹.

15. Вук клеветет на Милоша

- Славу славит¹⁰² сербский князь—царь Лазарь,
Во Крушевце, во городе крепком.
За столом сидит уж вся господа,
Вся сидит господа с сыновьями:
- 5 Старый Юг от Лазаря направо,
Рядом с Югом—Юговичей девять;
Слева рядом Вук сидит Бранкович.
По порядку гости разместились,
На конце же воевода Милош,
- 10 Рядом с ним два сербских воеводы:
С ним Иван Косанчич воевода¹⁰³
И Милан Топлица воевода¹⁰⁴.
Золотой царь кубок поднимает:
Говорит своей госпode сербской:
- 15 „За кого мне чашу эту выпить?
Если пить за старшинство, то надо
Выпить чашу за Богдана-Юга;
Если пить за знатность рода, надо
Выпить чашу мне за зятя Вука;
- 20 Если ж выпить за родство, то надо
Выпить чашу за шурьев мне милых,
Девять братьев Юговичей храбрых;
Если ж пить за красоту, то надо
Выпить за Косанчича Ивана;
- 25 Если ж пить за рост, то прежде надо

- Выпить чашу за Милан Топлицу;
А когда за храбрость и за удаль,—
Надо выпить чашу за Милбша.
Не хочу я выпить за другого,
30 За Милбш Обилича я выпью.
Будь здоров, и верный и неверный!
Прежде верный, а теперь неверный!
Завтра ты на Косове изменишь,
Перейдешь к турецкому султану...
35 Будь здоров и вышей на здоровье.
Пей вино, возьми себе и кубок!“
Тут вскочил на легки ноги Милош,
До земли он черной поклонился:
„Честь-хвала тебе, наш славный Лазарь!
40 Честь-хвала тебе и за подарок,
За одно лишь не скажу спасибо...
Видит бог, клянусь своею верой:
Никогда изменником я не был,
Не был им и никогда не буду!
45 Завтра в битве на Косовом поле
За христову веру я погибну.
А изменник здесь с тобою рядом,
Пьет вино холодное с тобою:
А проклятый это Вук Бранкович!
50 Завтра утром Видов день настанет¹⁰⁵,
Завтра мы на Косовом увидим,
Кто изменник, кто из нас и верный.
И клянусь я богом всемогущим:
Будет битва на Косовом завтра,
55 В ней зарежу я царя Мурата,
Наступлю ногой ему на горло.
Если ж бог и счастье мне даруют
Вновь в Крушевец здоровым возвратиться
Ухвачу изменника я Вука,
60 Привяжу его к копыю стальному,

Как кудель привязывают к прялке,
И сведу на Косово злодея“¹⁰⁶.

16. Разговор Милоша с Косанчичем перед битвой

- „Побратим ты мой, Иван Косанчич!
Ты выглядывал у турок войско?
Много ль войска у царя Мурата?
Против турок можем мы сразиться?
5 Можно ли в битве одолеть нам турок?“
Говорит ему Иван Косанчич:
„Побратим ты мой, Обилич Милош!
Я выглядывал у турок войско;
Много видел я у турок войска;
10 Если б сербы стали солью туркам,
Не хватило б на обед той соли.
Я пятнадцать дней ходил по стану,
Все выглядывал у турок войско:
Нету края стану, туркам счету.
15 От горы до Явора сухого
Растянулся лагерь их турецкий,
А от Явора и до Сазлии,
От Сазлии на Мост на Железный
От Моста Железного к Звечану,
20 От Звечана, побратим, к Чечану,
От Чечана дб верху планины —
Все покрыто силою турецкой.
Плотно конь с конем, юнак с юнаком,
Как гора, чернеют копыя турок;
25 Словно туча, веют их знамена;
Как снега, белеют их палатки.
Если дождь над станом их прольется,
То на землю не падет и капли:
На коней все ляжет да на войско.
30 Царь Мурад пришел на Мазгит поле¹⁰⁷,

- Захватил и Лабу и Ситницу“.
Спрашивал еще Обилич Милош:
„Ой, Иване, побратим мой милый!
Где стоит шатер царя Мурата?
- 35 Я поклялся заколоть султана,
Заколоть поклялся царь-Мурата
И ногою стать ему на горло“.
Говорит ему Иван Косанчич:
„Ты—безумец, побратим мой милый!
- 40 Ведь шатер Мурата посредине,
Посредине табора юнаков;
И имей ты крылья соколины,
И спустися на Мурата с неба,
Все ж назад живым не возвратишься“.
- 45 Заклинает тут Ивана Милош:
„Ой, Иване, брат мой нареченный,
Нареченный, как и брат по крови!
Не скажи ты правды этой князю,
Чтобы Лазарь-царь не испугался,
- 50 Или войско не упало духом.
Но скажи ты нашему так князю:
У царя Мурата сила войска;
Но мы можем с турками сразиться,
Можем в битве одолеть мы турок.
- 55 Неискусно войско турок в битве.
Старики там да мастеровые,
Городские торгаши и хбджи —
Это войско битвы не видало;
И затем взялись лишь за оружие,
- 60 Чтобы только хлебом пропитаться.
Все же войско лучшее у турок
От болезни злой поослабело,
От болезни тяжкой, сердоболья;
Добрые все кони поболели,
- 65 Все они переболели сапом“¹⁰⁸.

17. Милош убивает Мурата

Воевода храбрый Милош
верных слуг своих сзывает,
Призывает он Ивана
и Косанчича Николу:
„Вы ступайте, верны слуги,
и коней нам оседлайте:
Я сегодня вместе с вами
еду в лагерь отманина“¹⁰⁹.

5 Поднимались верны слуги
и коней оседлали скоро.
Вышел Милош воевода
из-за трапезы господской,
Сел в седло и вверх поехал
по Косову чисту полю,
На коне вздремнул немного
Милош тихою дремотой.
Золотое солнце в небе

10 А уж был Обилич Милош
пред шатром царя Мурата.
И пошли к царю-султану
донести об этом турки:
„Царь наш светлый! Вот Обилич
пред твоей палаткой царской“.

И султан дал приказанье
привести к нему Милбша.

И как был Обилич Милош
пред царем в его палатке,

15 Светлый царь такие речи
говорить начал юнаку:

- „Ты пришел сюда разведать,
осмотреть мой стан, Обилич?“
И на то Обилич Милош
отвечал царю-султану:
„Отступился я от сербов
и от Лазаря владыки,
И пришел сюда сегодня,
чтоб помочь тебе в сраженьи“.
- 20 Услыхав такие речи,
говорит Мурат юнаку:
„Есть закон в земле турецкой:
кто придет ко мне, султану,
Должен в землю поклониться,
облобзать мое колено“.
Подошел к султану Милош,
чтобы в землю поклониться,
И нагнулся, чтоб колено
облобзать ему десное;
- 25 Тут он выхватил кинжал свой
и ударил им султана,
И опять поворотился
и ногой его притиснул.
А в один прыжок уж был он
за Муратовой палаткой,
На коня уселся мигом
вместе с слугами своими
И помчался словно ветер
вниз по Косову он полю.
- 30 Закричали громко турки
зычным голосом все разом:
„Поразил султана Милош,
но его не погубил он“.
И помчалась за юнаком
вся великая их сила.

- Увидал Обилич Милош
крепких турок за собою, —
Он с своею острой саблей
повернулся к ним навстречу.
- 35 Погубил он много турок
острой саблю свою;
Что ж от рук его бежало,
убивали верны слуги.
Только здесь беда большая
приключилась юнаку:
Погубили в битве турки
слуг Обилича Милбша.
Но пока еще об этом
не печалился Обилич.
- 40 Только снова приключилась
с ним тогда беда большая:
Говорить стал чей-то голос
отманинам из-за тучи:
„Иль не видите вы, турки, —
будто зренья вы лишились, —
Что юнак в броню закован,
да и конь под ним юнацкий,
Он своею острой саблей
истребит вас до едина:
- 45 Под коня бросайте, турки,
и мечи и ваши сабли“.
И расслушали лишь только
турки голос из-за тучи,
То бросать начали сабли
и мечи коню под ноги.
И споткнулся конь ретивый
под Обиличем Милбшем.
Навалились турки разом
на него и отрубили

- 50 Ногу правую юнаку.
Как увидел это Милош,
Он схватил копьё рукою,
как ногою им подперся
И не дал турецкой рати
погубить себя. Несчастный,
Закричал он белым горлом:
„Где ты ,князь наш, где ты, Лазарь?
Помоги сейчас мне, тесть мой,
помоги теперь, иль помощь
- 55 Ни твоя, ничья уж больше
мне вовек нужна не будет!
Для тебя всю силу турок
я согнал к реке Марице¹¹⁰,
Многих сам убил в сраженьи,
утопил других в Марице“.
И услышал Вук Бранкович
вопли Милоша и начал
Пред вождями войска сербов
напевать такие речи:
- 60 „Крепче, Милош мой, держися,
благородное колено!
И покуда хочешь биться,
бейся с силою турецкой.
Вот когда сполна заплатишь
мне за выбитые зубы“.
И на эти речи Вука
Светлый Лазарь отвечает:
„Ах, молчи ты, замолчи ты!
Онемей ты, Вук Бранкович!
- 65 Я услышал (молвил Лазарь)
чей-то голос издалека.
Я сказал бы, что то голос
зятя Милоша... Боюся,

Что в беде большой Обилич...“

На коня вскочил лишь Лазарь,
Тут и турки подоспели
и на Лазаря напали,
Все разбили войско сербов,
ничего их не осталось.

70 А проклятый Вук Бранкович
убежал в зелены горы.
Лазарь в плен был взят, и турки
отвели его к Мурату,
Привели, туда ж в палатку
и Обилича к султану.
В это время не расстался
царь Мурат еще с душою
И пашам он и визириям
говорил такие речи:

75 „В то мгновение, как буду
я с душою расставаться,
Вы главу владыке сербов,
князю Лазарю, срубите,
Вместе с Лазарем убейте
и Обилича Милоша.
Вы меня похороните
среди Косова чиста поля.
Князя Лазаря заройте
вы в ногах моих султанских.

80 У руки ж моей у правой
вы Обилича заройте“.
Услыхал об этом Милош,
говорить печально начал:
„Светлый царь Мурат отманин!
Я просить тебя могу ли?
Дай приказ, чтоб не лежал я
под рукою твоей десною,

Прикажи, тебя прошу я,
 чтоб у ног я был положен,
 85 У руки ж твоей пусть турки
 князя Лазаря схоронят,
 Как я Лазарю при жизни
 был всегда слугой усердным,
 И в земле — в могиле темной
 пусть слугой ему останусь“.

На Обиличеву просьбу
 согласился царь отманин.
 Как услышал Лазарь речи
 зятя Милоша, рекою

90 По лицу его белому
 полились горячи слезы,
 И промолвил обратившись
 Лазарь к зятю дорогому:
 „Мать твоя блаженна, Милош,
 что тебя родив вскормила!
 Я тобой всегда хвалился
 меж родными и князьями.
 Вечно ж проклятою будет
 та, что Вука породила.

95 Он меня, проклятый, ныне
 перед всеми опозорил:
 Выдал нас сегодня туркам
 на большом Косовом поле“.

И еще хотелось что-то
 князю Лазарю, промолвить,
 Но в тот миг с своей душою
 разлучился царь отманин.
 Тотчас Лазарю с Милбшем
 отрубили главы турки;

100 У руки десной Мурата
 князя Лазаря зарыли;

Под ногами отманина
был зарыт Обилич Милош.
Как услышала Милица
эти горестные речи,
У нее живое сердце
от печали разорвалось ¹¹¹.

III.

ПЕСНИ О МАРКЕ КРАЛЕВИЧЕ

18. Женильба краля Вукашина

Пишет мелко краљ Вукашин Жура¹¹²
В белом граде Скадре на Бояне,
Шлет письмо он на Гердеговину
В белый город именов Перлитор,
5 В град Перлитор, против Дурмитора¹¹³,
К той жене Момчила Видосаве¹¹⁴,
Тайно пишет, тайно посылает.
Видосаве так в письме он пишет:
„О жена Момчила Видосава!
10 Что живешь среди лишь льдов да снега?
Ты из города вокруг посмотришь,—
Ничего хорошего не видно,
Только белая гора Дурмитор
Поднялася еся во льду и снеге
15 И средь лета, словно как зимою.

- Глянешь вниз из города под горку,—
Там течет, волнуясь, мутно Тара¹¹⁵,
Бурно валит камни и деревья,
Через Тару ни моста, ни броду,
20 А вокруг нее леса да скалы.
Отрави Момчила воеводу,
Отрави, или его мне выдай.
Приходи в приморскую равнину,
В белый город — Скадр на Бояне:
25 Ты мне будешь верною женою,
У меня ты будешь королевой;
На золотое будешь веретенце
Прясть шелки и на шелки садиться,
Одеваться в бархат и атласы,
30 Украшаться серебром и золотом.
И каков-то Скадр на Бояне!
Поглядишь из города на гору, —
Целый лес там маслин и смоковниц,
Между ними виноград зеленый.
35 А как взглянешь вниз из бела града, —
Там белеет спелая пшеница;
Луг широкий зеленеет рядом,
Через луг Бояна протекает;
Много в ней играет всякой рыбы;
40 Лишь захочешь, свежую достанешь“.
Вот письмо доходит к Видосаве.
Как прочла его жена Момчила,
В одно смотрит, а другое пишет:
„Господин мой, ты, король Вукашин!
45 Извести мне не легко Момчила,
Не легко Момчила тебе выдать:
У него сестра есть Евросима
Та ему всегда гостовит пишу
И сама отведывает прежде;
50 У Момчила девять милых братьев

- Да еще племянников двенадцать,—
За столом они вино подносят,—
Прежде сами пробуют все чаши;
У Момчила конь есть Ябочило ¹¹⁶,
55 Ябочило, чудный конь крылатый,—
Может он лететь, куда захочет;
У Момчила сабля есть с очами,
Одного лишь бога он боится.
Но послушай, что скажу, Вукашин!
60 Собери себе большое войско,
Отведи его к озерам гладким
И засядь там за горой зеленой.
У Момчила давний есть обычай:
В воскресенье утром на рассвете
65 На охоту ходит он к озерам
И с собою девять братьев водит
Да еще племянников двенадцать;
И с собою сорок слуг берет он.
А до той поры, до воскресенья,
70 Ябочилу обожгу я крылья,
Остру саблю иступлю Момчила,
Оболью ее соленой кровью,
Чтоб ее не вынул он из ножен.
И тогда Момчила ты погубишь“.
75 Как письмо дошло до Вукашина
Прочитал он, что она писала —
У него душа возликовала.
Собирает сильное он войско
И ведет его к Герцеговине ¹¹⁷.
80 Приходил он к тем озерам гладким
И засел он за горой зеленой.
Накануне было воскресенья:
Вот Момчило ночью входит в спальню
И ложится в мягкую постелю.
85 Вслед за ним жена его приходит;

- Не в постель она ложится к мужу,
У главы его рыдает горько.
Говорит Момчило воевода:
„Видосава, верная жена мне,
90 Иль беда какая приключилась,
Что ты слезы ронишь надо мною?“
Говорит младая Видосава:
„Господин, Момчило воевода!
Над собою я беды не знаю;
95 Но про чудо-чудное слыхала,
Да сама то чудо не видала:
Ябочила ты коня имеешь, —
Говорят все, будто он крылатый,
Но его я крыльев не видала;
100 Как молодой мне этому поверить?..
Я боюсь, что ты погибнуть можешь...“
Мудрый был Момчило воевода,
Мудрый был он, а жене поддался,
Отвечал Момчило воевода:
105 „Видосава, верная жена мне!
Я тебя утешу, не печалься:
Ты увидишь, крылья Ябочила.
Прокричат лишь петухи молуночь,
Ты прокрадья в новую конюшню,—
110 Ябочил тогда распустит крылья,
И ты можешь рассмотреть то диво“.
И уснул в постеле воевода.
Спит Момчило, но жене не спится:
Видосава слушает в постеле,
115 Не пропели ль петухи полночи.
Только в полночь петухи пропели,
Молодая поднялась с постели,
В фонаре светильню засветила,
Захватила сала со смолою
120 И прокралась в новую конюшню.

- Что сказал Момчило,—справедливо:
Ябочило распускает крылья,
Распустил он крылья до копыта.
Видосава салом и смолою
- 125 Натирала крылья Ябочила
И свечою крылья поджигала.
И спалила Ябочилу крылья!
Что в огне горючем не сгорело,
То она подпругой придавила.
- 130 И пошла в палаты молодая,
Мужа саблю острую достала,
Намочила всю соленой кровью,
И ложилась в мягкую постелю.
А как утром зорька забелелась,
- 135 Просыпался рано воевода,
Говорил жене такие речи:
„Видосава, верная жена мне!
Чудный сон сегодня мне приснился:
Собралась вдруг густая туча
- 140 От земли Васоевой ¹¹⁸ проклятой
И спустилась подле Дурмитора.
Я на тучу черную ударил,
Девять братьев дорогих со мною
Да еще племянников двенадцать,
- 145 С нами сорок слуг моих проворных.
В этой туче черной мы расстались,
А расставшись, не встретились больше.
Этот сон недоброе вещает“.
Говорит Момчилу Видосава:
- 150 „Ничего не бойся, муж мой милый!
Добрый витязь — добрый сон увидит.
Сон — мечта, а истина у бога“.
Собрался Момчило на охоту.
Он выходит из своей светлицы,
- 155 На дворе встречают девять братьев

- Да еще племянников двенадцать,
С ними сорок слуг его проворных.
Ябочила быстрого Момчилу
Подвела супруга Видосава.
- 160 Путь держали все к озерам гладким.
А когда к озерам подъезжали,
Окружило их большое войско.
Как Момчило войско то увидел,
У бедра за саблю он схватился;
- 165 Но из ножен сабля не выходит,
Приросла, как будто прикипела.
Говорил дружине воевода:
„Слышите ли, братья дорогие!“
Выдала нас сука Видосава.
- 170 Дайте мне вы саблю потяжеле“.
Воеводу слушались братья
И большую подавали саблю.
Говорил дружине воевода:
„Слышите ли, братья дорогие!
- 175 По краям ударьте вы на войско,
Сам же я ударю на средину“.
Милосердный боже, всемогущий!
Было там на что подивоваться,
Как рубил Момчило острой саблей,
- 180 Как дрова, рубил он вражье войско,
Больше войска топчет Ябочило,
Чем Момчило рубит острой саблей.
Но несчастье тут с ним приключилось:
К Перлитору он коня направил,—
- 185 Вороних коней навстречу девять,
А на них ни одного нет брата.
Как увидел это воевода,—
У него в груди упало сердце
От печали по родимым братьям,
- 190 Ослабели у Момчила руки,

- На врага поднять не могут сабли.
Тут коня ударил воевода,
Он ударил сапогом и шпорой,
Чтоб летел он к граду Перлитору:
- 195 Но лететь не может Ябочило.
Проклинал коня тут воевода:
„Чтоб ты, конь мой, да достался волгам!
Для забавы прежде мы летали,
Без нужды носил меня ты прежде,
- 200 А теперь в беде лететь не хочешь“.
Ябочило отвечал на это:
„Господин мой, славный воевода!
Не кляни меня, не бей напрасно,
Не могу я полететь сегодня,—
- 205 Бог убей твою жену лихую:
Ведь она мне крылья опалила!
Что в огне горячем не сгорело,
То она подругой придавила,
Укрывайся от беды, как знаешь“.
- 210 Как услышал это воевода,
Он пролил из глаз горячи слезы,
Соскочил поспешно с Ябочила,
В три прыжка уж был у Перлитора.
Но ворота города закрыты,
- 215 Изнутри засунуты засовом!
Как беду увидел воевода,
Он зовет и кличет Евросиму:
„Евросима, милая сестрица!
Со стены спусти конец холстины,
- 220 Чтоб по ней я на стену поднялся“.
Отвечает плача Евросима:
„О Момчило, брат ты мой любимый!
Не могу спустить тебе холстины:
Ведь сноха моя, твоя супруга,
- 225 И неверная твоя супруга,

- Волоса мои в колоду вбила“.
 Но душа сестры полна любовью,
 Жаль сестре ее родного брата:
 Зашипела лютою гадюкой,
 230 Головой и телом сильно бьется;
 Волоса свои все вырывала,
 На колоде волосы остались.
 Полотно схватила Евросима,
 С городской стены его спускала.
 235 И за холст Момчило хватился,
 Но холсту стал кверху подниматься.
 Уж готов он был взойти на стену,
 Как изменница бежит к Момчилу,
 Держит саблю острую руками.
 240 Полотно у самых рук Момчила
 Разрубила Видосава саблей;
 И упал он со стены на землю,
 Где стояло войско Вукашина,
 На мечи, на палицы стальные,
 245 Остры копыя да на буздованы.
 Подъезжал к нему король Вукашин
 И копьем ударил воеводу,
 Он его ударил прямо в сердце.
 Говорил Момчило Вукашину:
 250 „Краль Вукашин, я тебя прощаю!
 Не бери ты только Видосаву,
 Не бери ее себе ты в жены:
 И тебя она погубит скоро.
 Выдала она меня сегодня,
 255 А тебя другому завтра выдаст“.
 На сестре моей, король, женися,
 На сестре, мне милой Евросиме,—
 Верною она женою будет
 И родит тебе юнака сына“.
 260 Говорил Момчило Вукашину,

- Говорил, а сам с душой боролся;
Кончил он, легко с душой расстался.
Как скончался Момчил воевода,
Отперлись ворота городские,
265 Выходила сука Видосава,
Поджидала краля Вукашина...
Отвела его в свои хоромы,
И за стол сажает золоченый,
Предлагает вина и ракию,
270 Угощает всякими сладостями.
А потом пошла в светлицу мужа
И оттуда выносила платье
И оружие светлое Момчила.
Поглядите на такое чудо:
275 Что Момчилу было до колена,
Вукашину до земли доходит;
Ровно в меру шапка для Момчила,—
Вукашину ж до плеча упала;
В меру сделан был сапог Момчилу,—
280 Вукашина ж входят обе ноги;
В золотой Момчила перстень — входят
Три перста свободно Вукашина;
Что была Момчилу сабля впору,
Та с аршин волочится за кралем;
285 Под броней легкою Момчила
Краль и с места сдвинуться не может.
Говорит тогда король Вукашин:
„Боже правый, что же я наделал!
Вот так курва эта Видосава!
290 Уж когда юнака загубила,
Что другого не найдешь и в свете,
То меня погубит верно завтра“.
Тут позвал он верную прислугу;
Те схватили суку Видосаву,
295 Ко хвостам коней ее вязали,

И коней пустили к Перлитору.
Разорвали кони Видосаву.
Взял Вукашин все в дворце Момчила,
Взял себе сестру Момчила в жены —
300 Евросиму, красную девицу,
И вернулся в Скадр на Бояне,
Повенчался там на Евросиме.
Сыновей она ему родила —
Породила Марка и Андрея;
305 Уродился в дядю старший, Марко,
Уродился в дядю он Момчила ¹¹⁹.

19. Смерть Душана

Отрывок *

Царь Стефан в Призрене разболелся,
Разболелся он в родном Призрене,
Разболелся царь и близок к смерти.
То жена Стефанова Роксанда ¹²⁰
5 Увидала и за стол садилась:
Пишет три письма она к народу,
Их в четыре края посылает
Ко князьям, над Сербией владыкам,
Созывает всю она господу:
10 „Государи, сербские владыки!
Разболелся царь Стефан в Призрене,
Разболелся он и близок к смерти.
Приходите к городу Призрену,
Поскорее, чтоб живого видеть,
15 Чтоб улышать, что Стефан вам скажет,

* Полной записи песни не сохранилось.

- И кому свое откажет дарство“.
 Как Роксанда письма разослала,
 Их князья-владыки прочитали,
 Поспешили к городу Призрену
 20 И в живых Стефана заставали.
 Все стоят вокруг его постели.
 А Вукашин поправлял подушку,
 Он подушку, и постель Стефана,
 Головой на грудь его склонился
 25 И роняет горькие он слезы.
 Поглядел вокруг Стефан и видит —
 Перед ним его князья-бояре;
 Поглядел кругом Стефан и молвит:
 „Милый кум мой, ты, король Вукашин!
 30 Над моей землей ты будь владыкой:
 Ты владей землей и городами,
 Царством всем моим владей, Вукашин,
 Будь ты старшим над моим Урошем;
 В колыбели тихо сын мой дремлет,
 35 Сорок дней ему лишь от рожденья ¹²¹.
 Правь семь лет землю, как своею,
 На восьмом же передай Урошу“.
 Говорит Стефану краль Вукашин:
 „Милый кум мой, царь Стефан мой милый!
 40 Не возьму себе твое я царство,
 Не могу владеть твоей землею,
 У меня есть Королевич Марко,
 Самовольный сын и непокорный.
 Едет он туда, куда захочет,
 45 Где захочет — сядет и повсюду
 Пьет вино да ссору затевает“.
 Отвечает царь Стефан на это:
 „Милый кум мой, ты, король Вукашин,
 Обуздал я воевод строптивых,
 50 Подчинил своей их власти царской

Я по всей земле моей широкой,
 Ты же сына обуздать не можешь!
 Отдаю тебе мои владенья,
 Правь моими всеми городами,
 55 Старшим будь ты надо всей господей,
 Надо всей землей моей широкой,
 Завещаю я тебе и сына —
 Уроша младенца в колыбели.
 Кум Вукашин, правь семь лет землею,
 60 На восьмой отдай ты власть Урошу...“
 Говорил Стефан такие речи,
 Говорил, с душой своей боролся;
 Кончил он, легко с душой расстался...
 Уж шестнадцать лет Вукашин правит;
 65 Правит он с насильем и неправдой:
 Кто носил тогда простое платье,
 Кто носил тогда из шелка платье,
 Тот теперь в сукно уж нарядился.
 Вырос Урош, сын даря Стефана,
 70 Стал юнаком крепким и разумным.
 Вот зовет он мать свою старуху:
 „Мать моя, дарица ты Роксанда!
 Дай мне хлеба с отчего наследья“.
 Мать-старуха отвечает сыну:
 80 „А ты слышишь, молодой мой Урош!
 Хлеб у нас есть только у другого,
 Всем теперь владеет краль Вукашин.
 Завещал отец твой, умирая,
 Править царством кралю Вукашину,—
 85 Чтоб семь лет твоим он царством правил,
 На восьмом тебе отдал правление.
 Но шестнадцать лет Вукашин правит...“ 122

20. Урош и Мрлявчевичи

- На прекрасном на Косовом поле,
Подле белой церкви Грачаницы—¹²³
Там четыре табора стояло.
Первый табор Вукашина краля,
5 А другой был деспота Углеша,
Третий табор воеводы Гойка,
Уроша царевича четвертый.
Все владыки спорят меж собою,
Каждый хочет править сербским царством,
10 Друг на друга саблями грозятся,
А кому владеть — решить не могут.
Краль Вукашин говорит: „Мне царство!“
„Не тебе, а мне!“ кричит Углеша.
„Мне владеть!“ им отвечает Гойко.
15 Лишь молчит один царевич Урош,
От боязни не промолвит слова:
Он боится Мрлявчевичей братьев,
Он боится трех своих же дядек.
Вот письмо Вукашин мелко пишет
20 И с гонцом письмо он посылает,
В белый город Призрен посылает
К протопопу Призрена Недельке¹²⁴:
Пусть идет он на Косово поле,
Пусть он скажет,—кто владыка царства?
25 Он пред смертью причащал Стефана,
Причащал царя и исповедал;
У него и книги староставны.
Вот письмо Углеша мелко пишет,
И с гонцом письмо он посылает,
30 В белый город Призрен посылает

- К протопоцу Призрена Недельке.
Третьим пишет воевода Гойко
И гонца к Недельке посылает.
Вот письмо царевич Урош пишет.
- 35 И с гонцом письмо он посылает.
Написали воеводы письма,
Посылали с скорыми гонцами,
Посылали тайно друг от друга,
Но гонцы друг с другом повстречались
- 40 На дворе Недельки протопопа,
Но Недельки не застали дома:
Был он в церкви божией за службой,
Совершал заутреню с обедней.
О себе гонцы князей возмнили,
- 45 Что сильнее нет их в целом свете:
Не сошли они с коней ретивых,
На конях въезжали в божью церковь
И кнутами стали бить Недельку:
„Поскорее, протопоп Неделька,
- 50 Отправляйся на Косово с нами!
Там ты скажешь, кто наследник верный:
Причащал пред смертью ты Стефана,
Причащал его и исповедал;
У тебя есть книги староставны.
- 55 А не то ты с головой простишься“.
Слезы ронит протопоп Неделька,
Слезы ронит, отвечает им он:
„Обождите, сильные из сильных!..
Я сейчас окончу литургию
- 60 И скажу вам, что о царстве знаю“.
Тут гонцы насилу отступили.
Совершил он скоро литургию
И к гонцам из белой церкви вышел:
„Ой, гонцы вы, дети дорогие!
- 65 Причащал пред смертью я Стефана,

- Причащал его и исповедал,
Но его не спрашивал о царстве:
О грехах я спрашивал Стефана.
Вы в Прилеп отсюда отправляйтесь,
70 Поезжайте к Кралевичу Марку.
Ученик мой Марко: от меня он
Перенял всю книжную премудрость:
Был писцом он у царя Стефана;
У него и книги староставны.
- 75 Марко знает, кто владыка царства,
Вы его на Косово зовите,—
Пред князьями Марко скажет правду:
Никого ведь Марко не боится,
Никого на свете, кроме бога“.
- 80 И гонцы отправились скоро.
Вот они отправились к Прилепу,
В белый двор ко Кралевичу Марку.
Ко двору подъехали, в воротах
Постучали, звякнули в колечко.
- 85 Стук в ворота слышит Евросима,
Призывает Кралевица Марка:
„Сын мой Марко, чадо дорогое!
Кто стучится в воротах колечком?
Не гонцы ли то стучат княжие?..“
- 90 Вышел Марко, отворил ворота.
Поклонились посланные Марку:
„Божья помощь, господин наш Марко!“
Жмет им руку Марко: „Как дошли вы?
Как здоровы сербские юнаки?“
- 95 Говорят ему гонцы с поклоном:
„Государь наш, Королевич Марко!
Все здоровы, только нет в них миру.
Жарко спорят сербские владыки
На широком на Косовом поле
- 100 Подле белой дерквы Грачаницы:

- Отнимают царство друг у друга,
Друг на друга ковы замышляют,
Друг на друга саблями грозятся,
Но кому владеть,—решить не могут.
- 105 Просят, Марко, государи наши:
Ты приди к ним на Косово поле
И скажи — кому владеть по праву“.
В дом господский свой вернулся Марко,
И зовет к себе он Евросиму:
- 110 „Евросима, мать моя родная!
Жарко спорят сербские владыки
На широком на Косовом поле
Подле белой церкви Грачаницы,
Друг у друга отнимают царство,
- 115 Друг на друга ковы замышляют,
Друг на друга саблями грозятся,
Но кому владеть,—решить не могут.
Вот теперь они за мной прислали,
Чтобы шел я на Косово поле
- 120 И сказал — кому владеть по праву“.
Свято чтит святую правду Марко,
Да к тому ж и мать его молила:
„Милый Марко, сын ты мой единый!
Ты побойся моего проклятья —
- 125 Не скажи ты криво государям —
Не в отцову пользу и не дядей,
Но по правде истинного бога.
Не губи души, родное чадо:
Лучше жизни, головы лишиться,
- 130 Чем сгубить грехом-неправдой душу“.
Взял тут Марко книги староставны,
Выводил Шарина¹²⁵ из конюшни,
На Шарина своего садился
И поехал на Косово поле.
- 135 Как к шатру отцову он подъехал,

- Говорил тут сыну краль Вукашин:
„Благодать господь мне посылает:
Это сын мой, дорогой мой Марко,—
Он наверно мне присудит дарство,
140 Будет править сам, как я скончаюсь“.
Слышит Марко, но не отвечает,
На шатер отца и не взглянул он.
Видит Марка воевода Углеш,
Говорит ему такое слово:
145 „Счастье мне! Племянник едет Марко:
Он присудит сербское мне дарство.
Присуди мне дарство, друг мой Марко,—
Вместе будем мы с тобою править“.
Слышит Марко, но не отвечает,
150 На шатер Углеша и не глянул.
Как увидел воевода Гойко,
Как увидел Марка, так промолвил:
„Благо мне,—ведь это мой племянник!
Он присудит сербское мне дарство.
155 Как ребенком малым был ты, Марко,
Я любил, ласкал тебя, племянник,
Я носил тебя в поле шелковой,
Будто красный яблоч, золоченый.
Если сам я на коня садился,
160 То с собою брал всегда я Марка.
Если, Марко, мне присудишь дарство,
Я всю власть отдам тебе: ты первым
Будешь в царстве, я вторым уж буду“.
Слышит Марко, но не отвечает,
165 На шатер не бросил даже взгляда;
Прямо едет к белому шатру он,
Ко шатру царевича младенца.
У шатра остановил он Шарца,
У шатра расседлявал он Шарца.
170 А когда Урош увидел Марка

- Поднимался с шелковой подушки,
 Поднимался быстро и промолвил:
 „Благо мне! Ведь это брат крестовый,
 Брат крестовый — Королевич Марко...
- 175 Скажет он—кому владеть по праву“.
 Обнимались славные юнаки,
 Ко груди друг друга прижимали,
 За юнацкое здоровье пили
 И в шатре садились на подушки.
- 180 Вот проходит времени немного.
 День истек, ночь темная приходит,
 А как утром утро засияло,
 Зазвонили в колокол церковный.
 Все владыки в церковь собралися.
- 185 Отслужили скоро литургию,
 Выходили все из белой церкви,
 За столом у церкви они сели,
 Ели сахар и ракию пили.
 Взял тут Марко книги староставны,
- 190 Прочитал и молвил Вукашину:
 „Дорогой отец, король Вукашин!
 У тебя большое королевство,
 Завладеть чужим ты царством хочешь?
 Ой, ты, дядя мой, Углеша деспот!
- 195 Тебе мало твоего деспотства?
 Ты отнять чужое хочешь царство?
 О мой дядя, Гойко воевода!
 Тебе тоже мало воеводства?
 Замышляешь ты отнять чужое?
- 200 Вы забыли истинного бога!
 А по книгам — царство за Урошем:
 От отца оно осталось сыну,
 Урошу,— от царского колена.
 Царь Стефан ему оставил царство
- 205 В смертный час, перед своей кончиной“.

- Как услышал это краль Вукашин,
Поднимался он с земли на ноги,
Выхватил свой ножик золоченый
И хотел убить он сына Марка.
- 210 Побежал от Вукашина Марко:
Не пристало, братья, не пристало
Биться сыну и отцу родному.
Он бежит вокруг церкви Грачаницы,
Он бежит, а вслед за ним Вукашин.
- 215 Так они три раза обежали,
Вокруг белой церкви Грачаницы.
Вот Вукашин настигает Марка,
Тут из церкви голос вдруг раздался:
„Укрывайся в церковь поскорее,
- 220 Ты погибнешь от руки отцовской,
Неповинно, за святую правду“.
Двери церкви открылись сами,
И укрылся Марко в белой церкви;
А за ним закрылись сами двери.
- 225 Подбежал король к церковной двери
И в нее ножом своим ударил,—
Полилась из двери кровь на землю.
Тут король, покаявшись, промолвил:
„Горе мне! Убил я сына Марка“.
- 230 А из церкви голос отвечает:
„Ты послушай, сербский краль Вукашин!
Поразил ты не родного сына,
Поразил ты ангела господня“.
Обозлился краль на сына Марка,
- 235 Он его клянёт и проклиняет:
„Бог убей тебя, да будешь проклят!
Не имей ты племени и рода!
Будешь жить ты здесь на белом свете,
Чтоб служить турецкому султану“.
- 240 Краль клянёт, благословляет Урош:

„Марко кум! Господь тебе поможет!
Пусть в суде всегда ты чистым будешь,
Пусть сечет твоя в сраженьи сабля,
Никого сильнее тебя не будет!
245 И покуда солнце есть и месяц,
Будут Марка вспоминать повсюду“.
Что сказали оба,— все сбылося ¹²⁶.

21. Марко и вила

Едут вместе двое побратимов
По прекрасной Мироче-планине ¹²⁷;
Первый — храбрый Королевич Марко,
А другой был Милош воевода.
5 Рядом едут храбрые юнаки,
На плеча свои забросив копья;
И в уста целуются юнаки
От любви двое побратимов.
Только Марко задремал на Шарце,
10 Своему сказал он побратиму:
„Побратим мой, Милош воевода,
Слишком сон меня одолевает;
Спой мне песню, разгони дремоту“.
А на это отвечает Милош:
15 „Побратим мой, Королевич Марко!
Я пропел бы и с большой охотой,
Да боюсь: прошедшей темной ночью
Пил вино я с вилой Равийойлой ¹²⁸.
Петь мне песни вила запретила:
20 Если только голос мой услышит,

- То метнет стрелу с тугого лука
 Или в сердце мне, или же в горло“.
 Отвечает Королевич Марко:
 „Пой мне песню и не бойся вилы;
- 25 Ты не бойся вил, покуда жив я,
 И со мной мой видовитый Шарец
 Да еще злаченный шестоперек“.
 И запел тут воевода Милош,
 И запел хорошую он песню
- 30 О старинных былях и преданьях:
 Кто когда был королем и правил
 В Македонском княжестве великом,
 Кто себе поставил задужбину.
 Умилила эта песня Марка:
- 35 Задремал он, на седло склонившись.
 Марко дремлет, распевает Милош.
 Это слышит вила Равийойла
 И сама тихонько подпевает,
 Он поет, а вила подпевает.
- 40 Лучше горло царское юнака,
 Лучше горло, чем у белой вилы¹²⁹.
 Рассердилась вила Равийойла:
 Полетела на Мироч-планину,
 Две стрелы с собою захватила:
- 45 В горло Милошу одну пустила,
 А другую в грудь,— в живое сердце.
 Закричал тут Милош: „О мой Марко,
 Побратим мой дорогой по богу!
 Горе мне, меня убила вила.
- 50 Не тебе ли говорил я, Марко,
 Что не надо петь мне на планине?“
 Пробудился от дремоты Марко,
 Соскочил он с быстрого Шарина,
 Подтянул на нем подпругу туже,
- 55 И делует и ласкает Шарца:

- „Ты крыло мое десное, Шарец!
Догони мне вилу Равийойлу:
Для тебя я сделаю подковы
Из серебра и золота литого,
60 До колен тебя покрою шелком,
Кисти ж будут до копыт спускаться;
Золотом твою украшу гриву
И усыплю жемчугом зернистым.
Если ж ты мне не догонишь вилы,
65 Слеплю тебя на оба глаза,
Все сломаю тогда тебе ноги,
На планите так тебя оставлю,
Спотыкайся ты от елки к елке,
Как и Марко без Милоша брата“.
70 Сел на Шарца Марко и помчался
По широкой Мироче-планине.
Вила мчится поверху планины,
А понизу мчится быстрый Шарец,
И нигде не замечает вилы.
75 Наконец ее увидел Шарец:
Подскочил на три копыта он кверху,
На четыре он копыта подпрыгнул,
Быстро Шарец настигает вилу.
Увидала вила тут погибель
80 К облакам она взвилась от страху.
Вынимал тут буздован свой Марко
И пустил его с размаха в вилу:
Между плеч ударил белой вилой,
Пала вила на черную землю,
85 Марко стал над вилой с буздованом:
Повернет он справа да налево,
Золотым ударит шестоперцем:
„Бог убей тебя, лесная вила!
Ты за что убила побратима?
90 Дай от ран ему скорей лекарства,

- Если хочешь быть сама живою“.
- Марка богом заклинает вила:
 „Брат по богу, Королевич Марко!
 Отпусти меня живой в планину.
- 95 Соберу я на планине зелья
 И закрою Милошевы раны“.
- Марко клятве вилиной поверил:
 Поклялася богом вила Марку,
 Да и Марко жалостлив был сердцем.
- 100 Отпустил он вилу на планину.
 Собирает Равийойла зелье,
 Собирает по Мироч-планине,
 Собирает и кричит юнакам:
 „Вы за мной идите, побратимы!“
- 105 Как собрала Равийойла зелье,
 Залечила Милошевы раны.
 Стало горло царское юнака
 От того лекарства стало лучше;
 Зарастала и на сердце рана,—
- 110 Стал здоров он, будто не был ранен.
 Полетела вила по планине,
 И поехал Марко с побратимом,
 Он поехал к Поречской окраине.
 А Тимок он бродом переехал
- 115 У села великого Брегова,
 А оттуда к Видинской окраине¹³⁰.
 Говорила Равийойла вилам:
 „Слушайте, мои подруги вилы!
 Не стреляйте на горе юнаков,
- 120 Не стреляйте, жив покуда Марко,
 С ним покуда Шарец видовитый,
 Да при Марке тяжкий шестоперед.
 Что пришлось мне потерпеть от Марка!
 Я едва осталася живою“¹³¹.

22. Марко и Лютица Богдан

- Рано едут три юнака сербских
От Косова, красного приморья:
Первый витязь — Марко из Прилѣпа,
А другой был Реля из Пазара¹³²,
5 Третий витязь — Милош из Поцера¹³³.
Воеводы едут краем сада,
Краем сада Лютицы Богдана¹³⁴.
Разыгрался Релин конь, понесся
Через весь Богданов виноградник
10 И ломает виноград зеленый.
Говорил тут Марко Королевич:
„Проезжай скорее виноградник!
Если б знал ты этот виноградник,
Далеко бы ты его объехал:
15 Виноградник Лютицы Богдана.
Сам я как-то раз сюда заехал,
Поломал не мало винограду;
Увидал меня Богдан Лютица
И за мной погнался на кобыле.
20 Не посмел сразиться я с Богданом
И помчался к ровному приморью.
А за мной Богдан погнался следом
На кобыле дорогой арабской¹³⁵;
И не будь я на своем Шарине,
25 Захватил меня б Богдан наверно.
Быстро мой вперед понесся Шаред,
И кобыла осталась за мною.
Как увидел то Богдан Лютица,
Отвязал свою он топузину¹³⁶
30 И пустил ее за мною следом.

- Угодила эта топузина
 Рукояткой мне по поясице;
 Через Шарда я перевернулся,
 И едва уж на седло взобрался,
 35 От Богдана ускакал в приморье.
 Ровно семь лет, как случилось это;
 И с тех пор мне быть здесь не случилось“.
 Говорят юнаки меж собою,
 А потом увидели кого-то,
 40 Повернули к красному приморью,
 Поглядели трое побратимов,
 А навстречу им Богдан Лютица
 Да двенадцать воевод с ним едут.
 Их завидел Королевич Марко
 45 Говорить стал Милошу и Реле:
 „Посмотрите, дорогие братья!
 Это едет к нам Богдан Лютица.
 Всех троих он вместе нас погубит...
 Нам бежать скорей отсюда надо“.
 50 Отвечает Милош из Поцера:
 „Побратим наш, Королевич Марко!
 Ведь идет молва об нас, что в свете
 Нет такого сильного юнака,
 Кто бы вместе нас троих осилил.
 55 Лучше нам уж здесь погибнуть вместе,
 Чем бежать постыдно от Богдана“.
 Как услышал Марко Королевич,
 Говорит своим он побратимам:
 „Хорошо. Но только мне скажите,
 60 Меж собою как мы их поделим:
 Иль хотите вы с Богданом биться,
 Иль напасть на воевод двенадцать?“
 Отвечают побратимы Марку:
 „Нет, с Богданом мы хотим сразиться“.
 65 Разговор лишь кончили юнаки,

Как Лютица к ним совсем подъехал.
 Отвязал тут Марко топузину
 И напал на воевод Богдана,
 Всех с коней сбил воевод двенадцать
 70 И назад связал им белы руки,
 И ведет всех вместе краем сада.
 А навстречу им Богдан Лютица;
 И ведет он Милоша и Релю,
 Позади связав обеим руки.
 75 Как увидел лишь Богдана Марко,
 Тут сробел он так, как не случилось
 Никогда робеть до той години,—
 И глядит — куда б бежать пуститься
 Только вспомнил он о побратимах —
 80 Как они друг другу обещали:
 Если будет кто из них в неволе,
 Выручать его должны другие.
 Затянув узду на Шарце Марко,
 Низко шапку на брови надвинул —
 85 До бровей ему доходит соболю,—
 Вынул саблю острую и взглядом
 Меряет он поперек Богдана.
 Стал Богдан у края винограда.
 Как увидел черны очи Марка
 90 И каков он сам собой по виду —
 У Богдана подломились ноги;
 Смотрит Марко прямо на Богдана,
 А Богдан на Марка смотрит тоже —
 Оба с места двинуться не смеют.
 95 Наконец сказал Богдан Лютица:
 „Марко, мы помиримся с тобою:
 Отпущу я Милоша и Релю,
 Ты ж за это воевод отпустишь“.
 Как услышал эти речи Марко,
 100 Отпустил он воевод Богдана,

- А Богдан его двух побратимов.
 Мех с вином тут снял с Шарина Марко,
 И юнаки пить вино уселись,
 Заеда гроздем виноградным.
 105 Как вином юнаки подкрепились,
 Поднялись три сербских воеводы
 На добрых коней они садились.
 Молвил Марко Лютице Богдану:
 „Оставайся с богом, брат Лютица!
 110 А как снова встретиться случится,
 Мы вина червленого напьемся“.
 Говорит ему на то Лютица:
 „Отправляйся с богом в путь-дорогу...
 Чтоб вовеки мне тебя не видеть —
 115 Как меня ты напугал сегодня,
 Никогда тебе не пожелаю“.
 Путь направил Марко на приморье,
 А Богдан в саду своем остался¹³⁷.

23. Сестра Лека капитана

- С той поры, как свет стоит наш белый,
 Не бывало этакого чуда,
 Не бывало этаких и слухов,
 Как в Призрене чудо объявилось:
 5 Чудо то у Лека капитана¹³⁸,
 Это чудо девушка Роксанда.
 В четырех концах земного края —
 Ни у турок, и у некрещеных —
 Не бывало этакого чуда:
 10 Ни такой турчанки, ни влашанки,

- Не бывало и такой латинки;
А кому и вил случалось видеть,
Тот и вилы не видал пригоже.
В терему своем росла Роксанда,—
15 Говорят, пятнадцать лет таилась,
Не видала месяца и солнца,
Лишь теперь оставила светлицу.
И пошла о ней молва по свету,
С уст в уста передаются речи.
20 И дошли те вести до Прилепа,
Их услышал Королевич Марко.
Были Марку слухи те по сердцу:
Хвалят люди девушку Роксанду,
И о нем никто не скажет худо;
25 Хочет Марко взять женой Роксанду —
Для него женой хорошей будет,
Капитан же Леко будет другом,
С ним вина он может выпить чашу
И вести господскую беседу.
30 Он зовет сестру и призывает:
„Поднимайся на чердак высокий,
Открывай все сундуки и ларцы,
Вынимай господскую одежду,
Ту, что сам, сестра, я приготовил,
35 Чтоб надеть, как буду я жениться.
Я хочу в дорогу собираться
В град Призрен, под Шарою-планиной,
Я хочу сестру посватать Лека.
А когда, сестрица, поженюся,
40 И тебя тогда я выдам замуж“.
На чердак сестра тут подымалась,
Открывала сундуки и ларцы,
Вынула господскую одежду.
Одевался Королевич Марко,
45 Одевался он в сукно и бархат,

- Надевал он шапку и челенки,
 Шаровары надевал и пряжки,
 Из монет различное убранство;
 Взял он саблю из дамасской стали¹³⁹:
- 50 К пяткам виснут золотые кисти,
 В золото оправлена вся сабля,
 А клинок ее остро отточен.
 Марку слуги Шарца выводили:
 Все седло покрыто позолотой,
- 55 До копыт коню идет попона,
 Рысей кожей все покрыто сверху;
 Конь зауздан в удила стальные.
 Лишь одно тут худо сделал Марко:
 Приказал слугам итти он в погреб,
- 60 Два сосуда принести оттуда,
 А сосуды те с вином червленим.
 Дал коню одну он чашу выпить,—
 Расходилась кровь в нем, разыгралась;
 А другую чашу выпил Марко —
- 65 Налились кровью очи Марка.
 И как змей поехал он на змее¹⁴⁰.
 Задрожало поле под Прилепом.
 Проезжал поля он и планины,
 Подъезжал уж к самому Косову.
- 70 Он не едет полем Митровицким¹⁴¹,—
 С перекрестка повернул он вправо
 Он поехал вправо к побратиму,
 Он поехал ко двору Милоша.
 А как ехал Марко по Косову,
- 75 Воевода заметил Марка,
 Издалека, из высокой башни.
 Верных слуг своих он призывает:
 „Откройте вы мои ворота,
 Выходите сами в чисто поле,
- 80 Становитесь у большой дороги

- И с голов своих снимайте шапки,
Положите их себе подмышку,
До землицы поклонитесь черной —
Это едет побратим мой—Марко.
- 85 Не посмейте только, верны слуги,
Прикоснуться вы к его доламе,
Не посмейте ухватить за саблю,
Даже близко к Марку не идите:
Может быть, сердит сегодня Марко,
- 90 Может быть, что пьян сегодня Марко,—
Потоптать тогда конем вас может,
И навек вы будете калеки.
Уж как въедет Марко сам в ворота,
И я с Марком стану целоваться,
- 95 Вы тогда коня его возьмите,
А я Марка поведу в хоромы“.
Слуги настезь ворота открыли,
В чистом поле повстречали Марка,
Но на них не бросил он и взгляда,
- 100 А поехал к Милошеву дому,
К воротам тут Марко подъезжает,
У ворот слезает Марко с Шарда,
У ворот привязывает Шарда.
Вышел Милош, чтобы встретить Марка,
- 105 Обнимает Марка и целует,
В белый дом свой просит побратима.
Марко стал и в дом итти не хочет:
„Побратим мой, не пойду в светлицу,
Мне гостить теперь совсем не время.
- 110 Слышал ты, иль не слышал, быть может,
О Призренском Леке капитане?
Говорят, что чудо есть у Лека,—
Чудно-чудо, девушка Роксанда.
В четырех концах земного края —
- 115 Ни у турок, и у некрещеных —

- Не бывало этакого чуда:
Ни такой турчанки, ни влашанки,
Не бывало и такой латинки;
А кому и вил случалось видеть,
120 Тот и вилы не видал пригоже.
Хвалят люди девушку Роксанду,
И об нас никто не скажет худо.
Мы с тобою в боге побратимы,
И с тобою оба не женаты;
- 125 Кто и хуже нас, а все ж смеется:
Хуже нас, и те уж поженились,
Поженились и детей имеют.
Мы ж с тобой остались для укоров.
Побратима мы еще имеем:
- 130 То крылатый Реля из Пазара,
Что живет над Рашкою холодной,
От начала верны мы друг другу.
Одевайся, побратим, получше
И поедем к девушке с подарком,—
- 135 Повезем ей перстень обручальный.
Позовем и Релю ехать вместе.
Все втроем поедем мы к Призрену,
Пусть нас видят девушка и Леко,
Пусть Роксанда выберет, кто мил ей,
- 140 Из троих один жених ей будет,
А другие двое—деверями.
Леко ж будет добрый нам приятель“.
Эта речь понравилась Милошу.
У ворот оставил Милош Марка,
- 145 Он поднялся на чердак высокий,
Одевался в чудную одежду:
Надевал из соболя он шапку
С кованым из серебра султаном,
Одевался в три одежды сразу,
- 150 Да накинуд пеструю аздию¹⁴².

- И у краля нет такой одежды:
Слух идет,—пятнадцать только тысяч
За подкладку плачено пиастров ¹⁴³,
Сколько ж стоит верх, никто не знает —
155 За него уплачено без счету.
Вот и конь оседлан для Милоша.
А покуда Милош одевался,
Зеленá вина Кралевич Марко
Вышивал он чашу пребольшую,
160 А другую чашу дал он Шарцу.
Поглядите вы на воеводу,
Поглядите-ка вы на Милоша:
Даже храбрый Королевич Марко
Не пригоже статного Милоша!
165 Всех юнаков Милош выше ростом;
Никого нет, кто плечами шире.
А лицо какое у юнака!
Что за очи! Что за ус кудрявый!
До плеча усы его доходят.
170 Благо той, кому он будет мужем!
На коней садились юнаки,
Отправлялись к ровной Митровице
И пустились к Енину Пазару,
Краем Рашки ¹⁴⁴—к Релину подворью.
175 Издалека их завидел Реля,
К побратимам выходил навстречу:
Обнимает и в лицо целует.
В воротах с коней сошли юнаки,
Их коней приняли верны слуги.
180 В белый дом их приглашает Реля.
Марко стал и говорит он Реле:
„Не пойдем мы, Реля, в дом твой белый,
Ни в твой дом, ни в белую светлицу“.
Рассказал тут Королевич Марко
185 Куда едут двое побратимов:

- „Так ступай в свою светлицу, Реля,
Подожду тебя я здесь с Милóшем;
Одевайся в лучшую одежду,
А коня пусть слуги оседлают“.
- 190 Эта речь понравилась Реле.
Только глазом ты мигнуть успел бы,
Как в одежду Реля нарядился.
Поглядите — вот жених, так чудо!
То крылатый Реля из Пазара!
- 195 Ведь не шутка — крылья у юнака,
Ведь не шутка — крылья и окрылье!
Что пред ним и Королевич Марко!
Что пред ним и воевода Милош!
На коней садились юнаки,
- 200 Путь держали по широку полю,
Окол' Рашки, окол' речки быстрой;
Побратимы Рашку переплыли,
Ешаницу речку переплыли,
Перешли чрез семьдесят семь бродов,
- 205 Чрез село Колашино спустились,
А спустились к Метохии ровной, а оттуда
От нее спустились к Сенóвцу,
А оттуда прямо к Орехóвцу
Через всю равнину Метохию ¹⁴⁵,
- 210 Прямо к полю города Призрена.
Там под Шарой, под горой высокой,
Двор стоял там Лека капитана,
Далеко еще юнаки были,
Как завидел капитан их Леко —
- 215 И как взял подзорную трубу он,
Поглядел — кто это и откуда?
Видит — кони борзые несутся,
А на них юнаки непростые.
А как Леко рассмотрел юнаков,
- 220 Он трубу забросил на окошко:

- Как узнал их Леко, испугался.
 Крикнул Леко, крикнул, что есть мочи,
 Верных слуг своих он призывает:
 „Отворяйте настежь вы ворота,
 225 И скорее в поле выходите.
 Едут к нам три сербских воеводы,
 А зачем, и с чем?—про то не знаю,
 И не знаю,—все ли будет мирно...“
 Настежь слуги ворота открыли,
 230 Выходили сами в чисто поле,
 Поклонились до землицы черной.
 Те на слуг не бросили и взгляда.
 Ко двору юнаки подъезжают,
 Вслед за ними слуги подоспели
 235 И коней у витязей приняли.
 Из хором своих выходит Леко,
 У ворот гостей своих встречает:
 Обнимает и в лицо целует,
 Вопросает, как они здоровы,
 240 И, за руки взявши побратимов,
 Их в палаты белые уводит.
 Вот пришли они в хоромы Лека.
 Всюду Марку побывать случалось,
 Ничему нигде он не дивился,
 245 Не дивился он и не стыдился,
 А увидел он палаты Лека,
 Роскошь Лека и его богатства,—
 Удивился Марко, застыдился.
 Из чего была подстилка в доме?
 250 Из сукна ковер во всех покоях.
 От ворот разостлан был широких!
 По ковру ж еще настелен бархат.
 А постели каковы у Лека!
 Каковы для головы подушки!
 255 Все они из золота плетены.

По стенам гвоздей набито много,
А на них висит оружие Лека;
Гвозди все из серебра литого.
Все столы серебряные в доме,
260 А на них узоры золотые.
А в светлице у стены налево,
Стол стоял там у стены налево,
А под ним вино стояло в чаше.
На столе была другая чаша,
265 В ней вина вмещалось девять литров,
Вся она из золота литого.
Эта чаша Лека капитана.
Видит это Марко, удивился.
Приглашает побратимов Леко,
270 Их за стол сажает в красный угол.
Подбегали верные тут слуги,
Со столов они снимали чаши,
Дали чаши в руки воеводам;
Прежде дали чашу в руки Лека
275 Капитана, своего владыки.
Было вдоволь и вина и пищи
За столом у Лека капитана.
С воскресенья и до воскресенья
Три пируют сербских воеводы.
280 Часто Марко косо поглядывает,
Поглядает он на побратимов,
Чтоб они о девушке-невесте
Начинали речи с капитаном.
Те заметят эти взгляды Марка,
285 И свои опустят взоры в землю:
Не легко начать о свадьбе речи,
А начать, так лучшему юнаку!
Как увидел Марко, что придется
Говорить ему, неволей начал:
290 „О хозяин, капитан ты Леко!

Здесь сидим мы, пьем вино с тобою,
 Обо всем ведем с тобою речи;
 Все глядим и слушаем мы чутко,
 Что начнешь расспрашивать нас, Лeko:
 295 Для чего пришли мы издалека
 И коней дорогою томили!
 А о том ты нас спросить не хочешь“.
 Повстречался тут юнак с юнаком,
 Натолкнулся разум тут на разум.
 300 Хитро им на то ответил Лeko:
 „Воевода Королевич Марко!
 Как мне было расспросить об этом?
 Ведь вы сами в этом виноваты...
 Отчего не приходили раньше
 305 О своем уведомить здоровьи
 И вина всем вместе выпить чашу,
 Чтобы знать, что мирно все меж нами?
 Здесь теперь вы, к вам я буду завтра“.
 Как услышал эти речи Марко,
 310 Порешил сказать ему все сразу,
 И такие речи Лeku молвил:
 „Это так все, капитан мой Лeko!
 О другом сказать тебе мне надо.
 И сказать мне надо, да и стыдно...
 315 Досадили нам людские слухи,
 Будто ты скрываешь в доме чудо,—
 Чудно-чудо, девушку Роксанду.
 В четырех концах земного края—
 Нет ни в Босне, ни в Уруменлии,
 320 Ни в Сирии нет да и в Египте,
 Атолии и Анатолии,
 Ни в семи влашанских королевствах ¹⁴⁶,
 Нет нигде красавицы, как Роса.
 Хвалят люди девушку Роксанду,
 325 И о нас никто не скажет худо.

- Мы пришли к тебе сестру посватать.
Здесь нас трое, все мы побратимы,
И до сей поры мы не женаты.
Выбирай в зятя, кого захочешь,
330 Кто из нас троих тебе по нраву.
Кто-нибудь из нас жених пусть будет,
Два другие деверями будут,
Ты же будешь первый наш приятель“.
Вспыхнул Лeko и нахмурил брови:
335 „Вам не надо, Королевич Марко,
Присылать мне перстень обручальный,
И с вином не засылайте сватов:
Я чего желал себе от бога,
Вот того сегодня и дождался,—
340 Я нашел приятелей по сердцу.
Но скажу вам про свое я горе....
Что слыхал ты, воевода Марко,
О красе сестры моей Роксанды,—
Это правду люди говорили.
345 Но скажу вам: самовольна Роса,
Только бога одного боится.
А меня она не хочет слушать.
Женихов уж семьдесят четыре
Приходили, сватали Роксанду;
350 Недостаток в каждом отыскала,
Отказала Роса всем, кто сватал,
Пристыдив меня пред женихами.
Не могу я взять венчальный перстень,
Не могу и чаши с вами выпить
355 В знак согласия своего на свадьбу,
Если только не захочет выйти
За кого-нибудь из вас Роксанда.
Я не знаю, что она ответит...“
Громким смехом засмеялся Марко
360 И такие речи молвит Леку:

- „О несчастный, капитан ты Леко!
 Как же можешь быть в семье ты старшим,
 И землю как ты можешь править,
 Если Роса Лека не боится?
- 365 Вот клянуся богом я и верой:
 Если бы сестра моя в Прилепе,
 Как твоя, меня не стала слушать,
 Я б за это отрубил ей руки
 Иль лишил ее очей бы светлых.
- 370 Но послушай, что скажу я, Леко!
 Если ты сестры своей боишься,
 То тебя, как брата, все мы просим:
 Ты иди к сестре своей в светлицу,
 Попроси ее сюда спуститься,
- 375 Пусть увидит нас она, юнаков:
 Приходилось ли таких ей видеть?
 Дай сестре ты полную свободу:
 Выбирает пусть, кого захочет;
 Меж собой мы ссоры не затеем.
- 380 Пусть один из нас жених ей будет,
 Два ж другие деверями будут,
 Ты же будешь добрый нам приятель“.
- Как услышал капитан те речи,
 С места встал он и пошел в светлицу,
- 385 Стал сестре он говорить Роксанде:
 „Ой, сестра ты, гордая Роксанда,
 Приходи ко мне в мои хоромы,
 За тобой пришло твое же счастье:
 Выбирай из трех юнаков сербских.
- 390 Нет их лучше в целом белом свете.
 Мне они приятелями будут,
 Ты же в двор хороший выйдешь замуж“.
- Отвечала капитану Роса:
 „Отправляйся, брат, в свои хоромы,
 395 Пей вино червленое с гостями;

- Я сейчас же к вам туда спущуся“.
И вернулся Леко к воеводам.
Зазвучало вдруг в палатах Лека,
На ступеньках лестницы раздался
400 Звук подковок от нарядных туфель:
Эта шла толпа девиц в палаты,
Между ними девушка Роксанда.
А вступила лишь в палаты Роса
То в палатах ярко засияло,
405 Засияло от ее одежды,
От лица Роксанды и от стана.
Поглядели трое побратимов,
Поглядели, да и застыдились,
Подивились красоте Роксанды!
410 Много Марко видел в белом свете,
Много виделвил он на планинах,
Были вилы Марку посестримы,
Но до сей поры он не пугался,
Не стыдился ни пред кем Кралевич.
415 Но Роксанде Марко удивился
И немного устыдился Лека;
В черну землю опустил глаза он.
Поглядает брат Роксанды Леко
На сестру свою и побратимов:
420 Не промолвит ли из них кто слова
Иль ему, или сестре Роксанде?
Как увидел, что молчат юнаки,
Стал тут Леко вразумлять Роксанду:
„Выбирай, сестра, кто всех милее,—
425 Пред тобой три славных воеводы.
Если хочешь, Роса, выйти замуж
За юнака, доброго юнака,
Одолеет всякого в сраженьи,
Выбирай ты Кралевича Марка
430 И иди с ним к городу Прилепу;

- Никогда там горя не узнаешь.
Если, Роса, хочешь выйти замуж
За юнака, кто своей красою,
Стройным станом и лицом — пригоже
- 435 В четырех концах земного края—
Выбирай Милоша-воеводу
И иди с ним на Косово поле;
Никогда с ним горя не узнаешь.
Если ж, Роса, хочешь выйти замуж
- 440 За юнака с чудными крылами,
Обнимать его и им гордиться,
Выбирай крылатого ты Релею,
Отправляйся с Релею к Пазару;
Никогда там не узнаешь горя“.
- 445 Услыхала эти речи Роса
И руками белыми всплеснула,—
Звук раздался в Лековых палатах,
Начала она худые речи:
„Славу богу, истинному слава!
- 450 Вот всему могу я подивиться
И везде беду могу приметить;
Не могу лишь я в земле Призренской
Надивиться капитану Леку.
Где ты, глупый, держишь капитанство?
- 455 Что за память! Иль ее не стало?
Что задумал? Иль меня не знаешь?
Я хочу весь век плести здесь косу,
Здесь—в Призрене—нашей кралевине¹⁴⁷.
Хочешь ты, чтоб я в Прилеп пошла бы,
- 460 Чтоб была я Марковой женою...
Но прислужник ведь турецкий Марко,
Он за турок рубится и бьется;
И не будет у него ни гроба,
Ни могилы, даже отпеванья
- 465 Над его могилую не будет.

Что же мне с моею красою
 Быть женой прислужника неверных?
 На тебя бы я не рассердилась,
 Что хотел меня за Марка выдать,—
 470 Ведь юнак он: тем я огорчилась,
 Что давал ты женихам согласие
 Быть женой мне Милош-воеводы.
 Он юнак и сильный и красивый;
 Но в народе слух есть, что Милоша
 475 Породила серая кобыла,—
 Серая арабская кобыла,
 Был он найден утром в Семиградье,
 Воскормила Милоша кобыла,—
 Потому-то он красив и строен.
 480 И за это я б не рассердилась,
 Никогда бы я не рассердилась,
 Что хотел меня отдать Милошу;
 Но за то я, брат мой, рассердилась,
 Что сказал о Реле ты Крылатом.
 485 Что за память! Иль ее не стало?
 Вот язык! Молчал бы ты уж лучше!
 Отчего же не спросил ты Релю,—
 Он какого племени и роду,
 Где отец его и мать, скажи мне.
 490 Я слыхала, что подкидывш Реля:
 Был он найден утром в переулке,
 Вырощен позарскою цыганкой;
 Потому он и имеет крылья¹⁴⁸.
 Не пойду ни за кого я замуж“.
 495 Так сказавши, вышла вон Роксанда.
 От стыда юнаки покраснели,
 Стало стыдно друг им перед другом.
 Вспыхнул Марко, как живое пламя,
 Поднимался он на легки ноги,
 500 Со стены схватил он острую саблю,

- Голову срубить хотел он Леку.
Но вскочил тут воевода Милош.
И за саблю ухватился Марка:
„Руки прочь, оставь ты саблю, Марко!
505 Если ты погубишь капитана,
Кто нас принял с честью и почетом,
Из-за скверной и бранчливой девки,
То всю землю опечалишь Лека“.
Не дал Марку загубить он Лека.
- 510 Догадался Королевич Марко,
Что не даст обратно Милош сабли,
На кинжал за поясом взглянул он,
Побежал он из палат высоких.
Как спустился он на двор широкий —
515 Двор широкий был мощный камнем,—
Перед домом он увидел Росу.
Девушки Роксанду окружали,
Ей держали рукава и полы.
Как увидел, крикнул Росе Марко:
520 „Ой, невеста, гордая Роксанда!
Прикажи служанкам расступиться
И лицом ко мне ты повернися:
Я в хоромах, Роса, застыдился,
Застыдился Лека капитана.
- 525 Хорошо в лицо тебя не видел.
А когда в Прилеп я возвращуся,
То сестра с расспросами пристанет:
„Какова же девушка Роксанда?..“
Обернись же, чтоб тебя увидеть“.
- 530 Расступились девушки-служанки,
И лицом к юнаку стала Роса:
„Вот я, Марко, погляди на Росу“.
Раздуться Королевич Марко:
Подскочил он к девушке Роксанде,
535 Ухватил ее за праву руку,

- Из-за пояса кинжал свой вынул,
 До плеча отсек ей праву руку:
 Праву руку в левую вложил он,
 Вынимал кинжалом Ресе очи
 540 И, в платок их шелковый собравши,
 Положил за пазуху Роксанде;
 И промолвил ей при этом Марко:
 „Выбирай же, девушка Роксанда,
 Выбери, кто всех тебе милее:
 545 Или мил тебе прислужник турок,
 Или мил тебе Кобылич-Милош,
 Или, может быть, подкидыш Реля?..“
 Закричала, запищала Реса,
 Призывает Лека капитана:
 550 „Брат мой Леко! Или ты не видишь,
 Что от рук я Марка погибаю?“
 Это слышит Леко, но не может
 Ни сказать он ничего, ни сделать:
 Ведь и сам погибнуть может Леко.
 555 Не пошел назад в палаты Марко,
 Закричал своим он побратимам:
 „Побратимы, из палат идите
 И мою с собой несите саблю:
 Нам в дорогу время отправляться!“
 560 Побратимы слушались Марка:
 Из палат на двор они спускались
 И несли с собою саблю Марка;
 На коней своих они уселись
 И широким полем путь держали.
 565 Оставался Леко словно камень,
 Словно камень Леко был холодный,
 А Роксанда о беде рыдала¹⁴⁹.

24. Девушка перехитрила Марка

- Сирота девица в белом свете.
Вот проходит время всем обедать,
А бедняжке нечего обедать;
Иногда и ужинать-то нечем.
- 5 Но зато и выпало ей счастье:
Шлет к ней сватов Королевич Марко,
Сватов шлет и воевода Янко¹⁵⁰,
И Уступчич Павел¹⁵¹ шлет к ней перстень.
Поднялися женихи все сразу,—
- 10 Тысячу нарядных сватов с каждым,—
И идут они к двору невесты.
Впереди всех Марко, следом Янко,
А за Янком вслед Уступчич Павел.
Оглянулся Королевич Марко
- 15 И такие речи молвит Янку:
„Что идешь ты, воевода Янко?
Ты сзывал своих напрасно сватов
И коней томишь своих напрасно.
Ведь невеста за тобой не будет,
- 20 А за мною—Королевич-Марком“.
Янко слышал, не промолвил слова,
А назад он к Павлу обернулся,
Говорил Уступчичу он тихо:
„Что и ехать нам, Уступчич Павел?
- 25 И к чему мы сватов собирали
И коней дорогою томили?
Не моя и не твоя невеста:
Сокола ведь Кралеви́ча Марка!“
Павел слышал, не промолвил слова
- 30 И, как прежде, перед свитой едет.

А как были женихи уж близко,
 Мать невесты женихов узнала
 И из дому повстречать их вышла,
 Проводила к своему их дому
 35 И вводила по трое в ворота;
 Кумовей за стол сажает вместе,
 Сватов вместе рядом друг у дружки,
 Вместе ж рядом женихов сажает;
 К остальным же сватам обернулась:
 40 „Гости-сваты! К нам прошу войдите!
 К нам войдите, дорогие гости!“
 Как с дороги отдохнули сваты,
 Поднимался Королевич Марко,
 Вынимал дамасскую он саблю,
 45 На колени клал перед собою,
 Обернулся к воеводе Янку
 И такие речи молвил тихо:
 „Ты послушай, воевода Янко,
 И Уступчич Павел! Все мы трое
 50 Золотые яблоки положим
 И положим золотые перстни.
 Пусть ведут к нам девушку-невесту,
 Пусть она, что хочет, выбирает —
 Золотое яблоко иль перстень.
 55 Чей подарок выберет невеста,
 Пусть того женой она и будет“.
 И они послушались Марка:
 Вынимали яблоки златые,
 Вынимали золотые перстни.
 60 Выходила девушка-невеста.
 Ей такие речи молвил Марко:
 „Ты послушай, красная девица!
 Выбирай: вот яблоко и перстень“.
 Выслушала эту речь невеста,—
 65 Сирота, а разума-то много,

- Сирота и отвечает Марку:
 „Кум мой в бoге, Королевич Марко!
 Старый сват мой, воевода Янко!
 Сваты наши, дорогие гости!
- 70 Яблоко — ведь девичья забава,
 Золотой же перстень — знак юнака.
 Мне милее всех Уступчич Павел“.
 Как услышал эти речи Марко,
 Зарычал, как зверь в горах, завыл он,
- 75 По колену он рукой ударил,
 Говорить стал девушке-невесте:
 „Ой, пройдоха, сирота невеста!
 Научил тебя наверно кто-то!..
 Кто учил тебя сказать, признайся!“
- 80 Отвечает сирота невеста:
 „Милый кум мой, Королевич Марко!
 Ведь твоя же сабля научила“.
 Засмеялся Королевич Марко
 И промолвил сиротинке тихо:
- 85 „Сиротинка, уж твоя удача,
 Что ты перстень взять не захотела,
 Не взяла и яблоко из злата:
 Вот клянусь тебе своею верой,—
 Отрубил тебе б я обе руки,
- 90 Головы своей бы не носила,
 Ни венка зеленого на свадьбе ¹⁵².

25. Кто лучший юнак?

- В Крушевце было в корчме высокой,
 Воеводы пили там, гуляли,
 А когда вина они напились,
 Заводили спор между собою,
 5 Кто юнак, меж ними будет лучший?

- И решили с пьяну воеводы,—
 Лучший будет воевода Янко,
 Самый худший — Королевич Марко.
 На решенье Марко не озвался,
- 10 Пьет вино в корчме и пьет спокойно;
 Выходил потом во двор корчмы он,
 Чтоб и Шарца напоить червленим.
 А как глянул пред собою Марко
 В ровно поле около Крушевца,
- 15 А там едет великан какой-то,
 На юнацком на коне кауром,
 И в руках сосну он с корнем держит,
 Тень себе он из ветвей устроил.
 Как увидел Королевич Марко,
- 20 Возвратился в пьяную корчму он
 И сказал так воеводам Марко:
 „Юнак едет на Крушевском поле,
 Мы такого не видали сроду,
 Сюда едет прямо он в Крушевец,
- 25 Как придет — скорее все вставайте,
 Чтоб уважить силу и юнацтво!“
 Воеводы отвечали Марку:
 „Не подумаем пред ним вставать мы
 Или чашу поднести из чести“.
- 30 В это время подъезжал Арапин,
 На корчму свою опер он елку,
 А под ней корчма к земле пригнулась.
 Привязал он к воротам гнедого,
 И закрыл он за собою двери,
- 35 И входил в высокую корчму он.
 Все схватились сразу воеводы
 И дают Арапу чашу в почесть,
 С ними тоже Королевич Марко.
 Не вставал лишь Банович Секула¹⁵³,
- 40 Не поднес Арапину он чаши.

- Удивился этому Арапин
И сказал тогда Секуле с сердцем:
„Курвин сын ты, Банович Секула!
Встать не хочешь ты передо мною
45 И вином меня честить не хочешь?
Так пойдём померяемся в поле“.
Так сказал он, из корчмы он вышел,
А за ним идет Секула молча,
Он идет, надеется на дядю:
50 При нужде ему поможет Янко.
Даже глянуть на Арапа страшно!
Как схватил Арап Секулу в руки,
Стиснул он его за бело горло,
И ударил о холодный камень.
55 Крикнул-пискнул Банович Секула,
Раз он крикнул: „Мать моя, беда мне!“
А другой он: „Помогай мне, Янко!“
Рад Иван помочь ему — да страшно.
Говорил ему Кралевиц Марко:
60 „Не помогут тебе мать и дядя,
Разве бог да слабосильный Марко!“
Длинную он саблю вынимает,
Снял он ею голову Арапу,
А назад как оглянулся Марко,
65 А все двадцать воевод бежали,
По Крушеву-полю рассыпались,
И вернул их еле-еле Марко.
А когда в корчму они вернулись,
Они сели, пить вино начáli;
70 А как снова спор пошел меж ними,
Кто юнак меж ними будет лучший?
Все сказали: „Королевиц Марко“ 154.

26. Марко Королевич и Вуча генерал

- Или гром то, иль земля трясется?
Нет, не гром то, не земля трясется,—
То грохочут в Варадине¹⁵⁵ пушки:
Веселится Вуча¹⁵⁶ и ликует,
5 Взял себе богатую добычу,—
Взял в полон трех сербских воевод он:
Первый витязь — Милош из Подера,
А другой юнак — Милан Тошлица,
Третий был юнак — Иван Косанчич.
10 Посадил в глубокую темницу,
Где вода стояла по колено,
Если ж лечь, то по плечо юнаку.
Люто воет воевода Милош,
Воет Милош, как змея лютая:
15 Никогда такого он не видел,
Не привык переносить он муку,
У врага жестокою неволю.
Воет Милош, как змея лютая,
На окно темницы он взобрался,
20 На улицу смотрит воевода,—
Не случится ль кто-нибудь знакомый.
И увидел Милош письмоношу,
Подозвал его к себе и молвит:
„Побратим, почтарь ты письмоноша!
25 Принеси один мне лист бумаги:
Мелкое письмо послать мне надо“.
Письмоноша принял побратимство:
Милошу принес он лист бумаги.
И письмо писать садился Милош.
30 Мелко пишет в белый город Прилеп

- К побратиму Королевич Марку:
 „Брат по богу, Королевич Марко!
 Иль не слышал, или знать не хочешь?
 Извела нас горькая неволя
- 35 У Мадьяра, милый побратим наш.
 В плен попал я к Вуче генералу,
 И со мною двое побратимов.
 Посадил в глубокую темницу,
 Где вода юнаку по колено,
- 40 Если ж лечь, то до плеча доходит.
 Уж три дня мы целых здесь томимся.
 А когда еще три дня пробудем —
 Никогда нас больше не увидишь.
 Ты спаси из плена нас от Вучи
- 45 Иль за деньги, или силой с бою“.
 Он пером в лицо себя ударил,
 И из раны наточил он крови,
 И своею кровью запечатал.
 Отдает письмо он письмоноше
- 50 И двенадцать золотых дукатов;
 Письмоношу просит воевода:
 „Отнеси ты к белому Прилепу,
 На колени Кралевичу Марку“.
 И пошел он к белому Прилепу.
- 55 А пришел туда он в воскресенье:
 В этот день все сербы были в церкви.
 Письмоноша стал у входа в церковь
 Дождаться Кралевича Марка.
 Вот выходит Королевич Марко.
- 60 Письмоноша шапку взял подмышку,
 До земли он кланяется Марку,
 Подает от Милоша письмо он.
 Мелкое письмо читает Марко,
 Как прочел письмо от побратима,
- 65 Проливал горючие он слезы.

- Так на это отвечает Марко:
„О прости мне, милый побратим мой!
Как же ты, бедняга, в плен попался?
Но клянуся я своею верой,
70 Что избавлю я тебя из плена,
Иль за деньги, иль кровавым боем“.
И идет к себе на башню Марко.
Там присел, вина он чару выпил,
Припоясал кованую саблю,
75 Надевал на плечи волчью шубу,
Волчью шапку на брови надвинул,
Повязал ее платком он черным.
Взял свое копьё стальное Марко,
Из конюшни выводил Шарина
80 И его к походу приготовил:
Семь подруг он подтянул на Шарце,
Зауздав уздою золоченой.
Мех с вином взял Марко Королевич,
Привязал его к седлу он слева,
85 Топузину справа он привесил,
Чтоб с боков обоих вес был равный.
А потом садился он на Шарца,
Ехал Марко из Прилепа-града,
Из Прилепа прямо ко Белграду¹⁵⁷.
90 А как ехал мимо он Белграда,
Завернул в него вина отведать.
А оттуда он погнался Шарина
К переправе на реке Дунае.
Два раза он лодочнику крикнул.
95 Не хотелось дожидаться Марку,
И погнался он Шарца через реку;
А оттуда прямо к Варадину,
К Варадину, на зелено поле.
Своего коня сдержал тут Марко,
100 Во сыру землю копьём ударил,

- За копьё он привязал Шарина,
 Мех с вином он отвязал от луки,
 На зелёный луг вино поставил,
 Черного вина уселся выпить.
- 105 Но ничем другим вино не пьёт он,
 Пьёт он чашей в ок¹⁵⁸ двенадцать мерой:
 Половину сам пьёт, половину
 Отдает он быстрому Шарину.
 А как утром утро засияло
- 110 Выходила Велимировица¹⁵⁹,
 Вучева сноха, супруга сына,
 На градскую стену Варадина.
 Во зелено поле поглядела,
 Увидала Кралевича Марка.
- 115 Как она лишь Марка увидала,
 Приключилась с нею лихорадка
 И трясла ее три целых года.
 В белый двор она скорее скрылась.
 Говорил снохе своей тут Вуча:
- 120 „Что с тобой, сноха моя родная?“
 Отвечает Велимировица:
 „Милый свекор, генерал наш Вуча!
 Там сидит юнак в широком поле,
 Во сыру землю копьё воткнул он,
 Привязал к копьё коня уздечкой;
- 125 Мех с вином перед собой поставил,
 И ничем другим вино не пьёт он,
 Пьёт он чашей в ок двенадцать мерой,
 Половину сам пьёт, половину
- 130 Он коню юнацкому подносит.
 Конь его — такого не видал ты,
 Весь он пестрый, словно бык хороший,
 А юнак, его хозяин, будет
 Не таков, как прочие юнаки:
- 135 На плечах юнака волчьа шуба,

- На главе надета волчья шапка,
Повязал ее платком он черным,
Держит что-то черное зубами —
Будто то полгодовой ягненок“.
- 140 Говорит в ответ невестке Вуча:
„Не пугайся, дочь моя невестка!
У меня такие есть в темнице.
И его сейчас туда отправлю“.
Призывает Вуча Велимира¹⁶⁰:
- 145 „Велимир мой, чадо дорогое!
Войска ты возьми с собой три сотни
И иди в широкое ты поле,
Приведи ко мне того юнака“.
Велимир вскочил на быстры ноги,
- 150 Взял с собою войска он три сотни,
На коня садился вороного,
Из ворот помчался прямо к Марку.
С четырех сторон тут окружили,
Окружили Кралевича Марка.
- 155 Марко пьет и будто их не видит.
Но войско заметил умный Шарец:
Стал он бить копытами о землю,
Жаться стал ко Кралевичу Марку.
Оглянулся Королевич Марко,—
- 160 А войско его уж окружило.
Выпил Марко таз с вином холодным
И в траву его далеко бросил,
На Шарина своего уселся.
Бросились всадники на Марка.
- 165 Было тут на что полюбоваться,
Как ударил на врагов наш Марко,
Словно сизый сокол на голубок!
Погубил одних он острой саблей,
Потоптал других ногами Шарец,
- 170 Третьи же в Дунае потонули.

- Велимир бежать пустился в город.
Но догнал его средь поля Марко
И ударил тяжелой топузиной:
На траву зеленую упал он.
- 175 Слез с Шарина Марко Королевич,
По рукам-ногам его связал он,
К своему седлу его привесил.
А затем туда вернулся Марко,
Где в траве зеленой таз оставил.
- 180 Велимира там в траву он бросил,
Сам же снова за вино уселся.
Увидала то невестка Вучи,
Побежала к Вуче генералу:
„Горе нам! Ты что отец наделал!
- 185 Горе нам! Все всадники побиты,
Крепко связан Велимир веревкой,
И лежит он на траве зеленой;
Подле мужа на траве тот витязь —
Знай вино из меха попивает“.
- 190 Отвечает генерал ей Вуча:
„Милая сноха моя, не бойся!
Ты увидишь, как старик сразится“.
Загремели в Варадине пушки¹⁶¹,
Собирал три тысячи он войска,
- 195 На коня арабского садился,
Выводил он войско в чисто поле,
Окружил со всех сторон он Марка,
А того и не заметил Марко.
Но врагов своих заметил Шаред:
- 200 Стал он бить копытами о землю,
Жаться стал он к Королевич Марку.
Как увидел Королевич Марко,
Что его враги уж окружили,
Быстро встал на легкие оц ноги,
- 205 Вспрыгнул Шарду на кругую спину ...

- Вот бы тут кому полюбоваться,
Как ударил на врагов наш Марко!
Остру саблю держит он в деснице,
В левой держит он копьё стальное,
210 А конец узды зубами держит.
И кого ударит саблей Марко,
Станет двое с одного юнака;
А кого копьём своим ударит,
Через себя с размаху перебросит.
- 215 Разбежались всадники по полю.
В Варадин бежать пустился Вуча
На кобыле на своей арабской;
Догонять его пустился Марко.
Горяча арабская кобыла,
- 220 Быстро мчится к граду Варадину.
Взял тут Марко буздован тяжелый,
Раскачал и вслед пустил за Вучей.
Угодила Вуче генералу
Рукоятка буздована в спину:
- 225 Он свалился на траву зелену.
Спрыгнул Марко на землю с Шарина
И скрутил веревкой руки Вуче,
Да связал еще ему и ноги.
Ко седлу привесил Вучу Марко,
- 230 Взял с собой арабскую кобылу
И поехал полем к Велимиру,
Привязал их одного к другому
И повесил на спину кобыле;
Привязал кобылу за Шарина
- 235 И в Прилеп свой белый возвратился,
А в Прилепе бросил их в темницу:
Мелко пишет Вучева супруга,
Шлет письмо то к Кралевичу Марку:
„Брат по богу, Марко Королевич!
240 Не губи ты Вучу генерала,

- Не губи и сына Велимира,
А проси за них, что сам захочешь“.
Вот пришло посланье это к Марку.
Прочитал он, что она в нем пишет,
- 245 Так на это Марко отвечает:
„Ты послушай, Вучева супруга!
Отпусти из плена побратимов,
Дай добра им каждому по возу,
Отпусти и старого Топлицу¹⁶²,
- 250 Дай добра ему три целых воза:
Ведь он долго просидел в темнице.
Дай и мне добра три полных воза —
Ведь не даром же томил я Шарца
Из-за мужа, Вучи генерала.
- 255 Дай еще ты Милошу подарки, —
Ты сама уж с ним уговоришься“.
И письмо послал он к Варадину.
Как пришло оно к супруге Вучи,
И прочла его супруга Вучи,
- 260 Шлет она добра три воза Марку,
А взяла ключи же от темницы,
Отперла проклятую темницу
И троих юнаков выводила,
С ними вместе старого Топлицу.
- 265 Привела их в белые палаты,
Брадобреев хитрых призывала:
Те их моют, те стригут им косы,
Третьи ногти на руках срезают.
Принесли вина им и ракии,
- 270 Принесли и разных им закусок.
Рассказала, что писал ей Марко,
Так она тут Милошу сказала:
„Побратим мой, воевода Милош!
Отпустите вы мне мужа Вучу,
- 275 Вместе с мужем сына Велимира“.

- Отвечает Милош из Поцера:
„Ты не бойся, Вучева супруга!
Дай коня мне Вучи генерала,
На котором раз в году он ездил,
280 Лишь однажды в год, к Токии церкви ¹⁶³,
Снаряди коня нарядной сбруей,
Как, бывало, мужу снаряжала:
Я на нем помчусь чрез Немадию ¹⁶⁴.
Золотую ты мне дай повозку,
285 А в повозку лошадей двенадцать,
Тех, что муж твой запрягал, как ехал
В путь обратный от владыки Беча ¹⁶⁵:
В ней поедет старый наш Топлица.
Дай еще мне Вучеву рубашку,
290 Что он в пасху только надевает,
Чтоб одеть мне моего Топлицу“.
Все дала им Вучева супруга,
Да еще по тысяче дукатов
На вино до белого Прилепа.
295 И в Прилеп юнаки отправлялись.
Хорошо их принял храбрый Марко,
Отпустил он Вучу генерала
С Вучей вместе сына Велимира;
Провожатых много дал им Марко
300 Проводить до града Варадина.
А потом добычу поделили,
Красного вина они напились,
И друг с другом они целовались,
Целовали белу руку Марка
305 И пошли к дворам путем-дорогой ¹⁶⁶.

27. Марко Королевич и орел

- Разболелся Королевич Марко:
У дороги лег он под доламой,
А лицо платком покрыл от солнца,
В головах копые воткнул он в землю
- 5 И за повод привязал Шарина.
На копые его орел уселся:
Навевает крыльями прохладу,
В клюве носит воду ключевую
И поит водой больного Марка.
- 10 Говорит орлу лесная вила:
„Ты скажи, орел, мне ради бога,
Или видел ты добро от Марка,
Что ему прохладу навевашь
И водой поишь его из клюва?“
- 15 Говорит орел ей сизокрылый:
„Замолчи ты! Я ль добра не видел
От юнака — Кралевица Марка?
Может быть, ты знаешь да и помнишь,
Как войска погибли на Косове,
- 20 Два царя погибли в этой битве —
Сербский Лазарь и Мурат турецкий.
Кровь рекой лилася на Косове,
До стремян кровь доходила коням,
А юнакам — по шелковый пояс.
- 25 И в крови той от резни великой
Плавали и кони и юнаки.
Много птиц слетелось голодных —
И голодных и на мясо жадных —
Наклеватья тела человечья
- 30 И людскою кровию ушиться.

- Я свои там крылья окровавил.
 Жарко было солнце в небе ясном,
 И под ним засохла кровь на крыльях,—
 Был не в силах полететь я в небо.
- 35 Как другие птицы улетели,
 Я один остался на Косове.
 Чуть меня там кони не стоптали.
 Да нанес бог Кралевица Марка:
 Из юнацкой крови меня поднял
- 40 И с собою посадил на Шарца;
 И отвез меня он в лес зеленый,
 Посадил меня на ветку ели.
 Частый дождь пошел с небес на землю,
 С крыльев кровь юнацкую омыл он,
- 45 Полететь я мог к орлиной стае.
 И еще добро мне сделал Марко.
 Может быть, ты помнишь да и знаешь
 О пожаре на Косовом поле,
 Как горела башня Аджагина ¹⁶⁷?
- 50 Были там в гнезде мои орлята.
 Взял к себе за пазуху их Марко
 И отнес с собою в двор свой белый.
 Целых девять месяцев кормил их
 Да еще к тому одну неделю;
- 55 А потом пустил их в лес зеленый,
 Где я с ними снова повстречался.
 Вот что сделал Королевич Марко!¹⁶⁸
 Это память о юнаке Марке:
 Был герой он славный и могучий ¹⁶⁸.

28. Женитьба Марка Краевича

- Сел вечерять Марко с Евросимой.
Говорит тут Евросима Марку:
„Сын мой милый, Королевич Марко!
Мать твоя давно стара уж стала,
5 Ей вечерю приготовить трудно,
Подносить вино она не в силах,
Тяжело ей засвечать лучину;
Оженился ты бы, сын мой милый,
Чтобы мне была в дворе замена“.
- 10 Матери он старой отвечает:
„Ты послушай, матушка родная!
В королевствах девяти бывал я
Да в туредком был десятом царстве:
Где себе я находил невесту,
15 Тестя друга там не находилось;
Где ж мне друга находить случалось,
Там себе не находил невесты.
Лишь одну нашел себе по сердцу,—
Это дочка краля Шишманина¹⁶⁹,
- 20 Над землей Болгарскою владыки.
Повстречал ее я у колодца,
Поглядел я на нее, родная!
Вкруг нее склонялись даже травы...
Будет мне подстать она невеста,
25 А отец ее мне будет другом:
Приготовь мне пищи на дорогу:
Я поеду сватать королевну“.
- Услыхала это Евросима,—
И заря еще не занималась,
30 А печет уж сахарный калачик.

- А как утром утро засияло,
 Оседлал тут Шарца Королевич,
 Мех с вином взял Марко Королевич,
 Привязал его к седлу он слева,
 35 Топузину справа он привесил,
 На спину крутую сел Шарину
 И направил путь к земле Болгарской,
 В белый двор он к кралю Шишманину.
 Издалека краль его увидел,
 40 Сам же вышел повстречать юнака.
 Обнимает и в уста целует,
 О здоровьи спрашивает Марка.
 Слуги верны Шарца привязали,
 Слуги Шарца отвели в конюшню.
 45 Марка краль ведет в палаты белы
 И за стол его сажает рядом;
 Им вино подносят в чашах слуги.
 А когда вина они напильсь,
 Марко встал на легкие тут ноги,
 50 Пашку снял, челом ударил кралю:
 Просит выдать за него невесту.
 Сразу краль на это согласился.
 Марко дарит девушке подарки:
 Ей подносит яблоко и перстень¹⁷⁰
 55 И еще дарит ей на рубашку;
 Он дарит своячениц и тещу,
 Он дарит добра три полных воза.
 Порешили — через месяц свадьба,
 Как вернется из Прилепа Марко
 60 И найдет себе нарядных сватов.
 Говорила Марку мать невесты:
 „Зять мой милый, Королевич Марко!
 Не води с собой чужих ты сватов,
 А возьми племянников да братьев.
 65 Красоты ведь чудной наша дочка,—

- Как беды б в дороге не случилось“.
 Ночь одну провел у краля Марко,
 А на утро оседлал Шарина,
 К белому отправился Прилепу.
- 70 Как уж близко был он от Прилепа,
 Увидала Марка Евросима
 И навстречу к сыну выходила.
 Обнимает и в уста целует.
 Марко ж ей целует белы руки.
- 75 Говорила сыну Евросима:
 „О мой сын ты, Королевич Марко!
 Было ль мирно все в твоей дороге?
 И засватал ли себе невесту,
 Верную жену, а мне невестку?“
- 80 Отвечает Марко Евросиме:
 „Было мирно все в моей дороге,
 И засватал я себе невесту.
 Раздарил добра три полных воза;
 А когда в Прилеп я возвращался,
- 85 Мать невесты так мне говорила:
 „Зять мой милый, Королевич Марко!
 Не води с собой чужих ты сватов,
 А возьми племянников да братьев.
 Красоты ведь чудной наша дочка,—
- 90 Как беды б в дороге не случилось...“
 У меня же братьев нет, ты знаешь,
 Нет ни братьев, ни детей от брата“.
 Отвечает Марку Евросима:
 „Сын мой милый, Королевич Марко,
- 95 Не скорби ты сильно так об этом,
 Напиши письмо Млетака дожу¹⁷¹,
 Пусть твоим венчальным будет кумом,
 Пусть возьмет с собой пять сотен сватов.
 Да пошли ты к Земличу Степану¹⁷²,—
- 100 Пусть он будет деверем венчальным,

- Пусть возьмет с собой пять сотен сватов;
И тогда уж ничего не бойся¹⁷³.
Как услышал эти речи Марко,
Он послушал мать свою родную,
105 Взял себе бумагу на колено
И письмо писал Млетака дожу,
А другое Земличу Степану.
Проходило времени немного,—
Вот и дож в Прилеп приходит к Марку,
110 И пятьсот нарядных сватов с дожем.
Марко вводит дожа в двор свой белый,
Сваты ж стали в поле под шатрами.
Вслед за дожем и Степан приходит
И с собой пятьсот приводит сватов.
115 Марко вводит Землича в двор белый.
Черного вина они напильсь
И в дорогу с Марком отправлялись.
Шли они в Болгарскую ту землю,
За невестой к краю Шишманину.
120 Хорошо король юнаков встретил:
Развели коней их по конюшням,
А юнаков в белые палаты.
Продержал король их три дня целых —
Отдохнули кони и юнаки.
125 На четвертый, только солнце встало,
Приказанье вестники разносят:
„Собирайтесь в путь-дорогу, сваты!
Дни коротки, а длинна дорога!
Нас давно уж дома ожидают“.
130 Дорогие краль дарит подарки:
Для одних платки, другим одежду;
Куму дарит стол он золоченьй,
Деверю рубашку золотую,
А потом еще ему выводит
135 И коня и девушку-невесту.

- Говорил тогда король Степану:
 „Вот тебе и конь мой и невеста —
 До Прилепа Маркова веди их,
 А потом отдай невесту Марку,
 140 А себе оставь коня лихого“.
 И с невестой двинулися сваты
 В путь-дорогу из земли Болгарской.
 Где удача, там и неудача.
 Дунул ветер во поле широко,
 145 На невесте сдунул покрывало,
 Увидал невесту дож Млетака.
 Голова у дожа разболелась —
 Не дождется-ждет он темной ночи.
 На ночлег остановились сваты.
 150 Дожд пошел в Степанову палатку
 И такие речи тихо молвил:
 „Деверь друг, пусти меня в палатку¹⁷⁴,
 Дай лишь на ночь мне невесту в жены
 И зато сапог тебе насыплю
 155 Золотых дукатов, мой приятель“.
 Отвечал ему Степан на это:
 „Шутишь, дож, ты? Лучше брось ты это!
 Что с тобою? Или смерти хочешь?“
 Дожд ни с чем вернулся от Степана.
 160 На другой ночлег приходят сваты.
 Снова дож идет в шатер Степана,
 Говорит он Земличу Степану:
 „Деверь друг, пусти меня в палатку,
 Дай лишь на ночь мне невесту в жены:
 165 Не сапог, а два тебе, поверь мне,
 Я отсыплю золотых дукатов“.
 И опять Степан ему ответил:
 „Голова тебе, знать, надоела!
 Можно ль куму да куму бесчестить?!“
 170 Как и прежде, дож ни с чем вернулся.

- На ночлег опять приходят сваты,—
 Снова дож идет в шатер Степана:
 „Деверь друг, пусти меня в палатку,
 Дай лишь на ночь мне невесту в жены:
- 175 Дам тебе три сапога дукатов!“
 И Степан прельстился на дукаты
 И сноху за деньги продал дожу,
 Отдал дожу милую сноху он,
 Он берет три сапога дукатов,
- 180 Дожд берет куму за белы руки
 И ведет ее в свою палатку.
 Там он тихо говорит невесте:
 „Ты садись здесь, милая подруга;
 Будем мы любить и целоваться“.
- 185 Говорит на то ему болгарка:
 „Кум мой милый, славный дож Млетака!
 Ведь земля провалится под нами
 Да и небо упадет наверно,
 Если станешь ты к куме ласкаться“ 175.
- 190 Говорит тогда ей дож Млетака:
 „Говоришь ты глупости, невеста,
 Я любил уж девять кум крестильных,
 А венчальных двадцать и четыре,—
 Никогда земля не провалилась,
- 195 Никогда не проломилось небо.
 Так не бойся ж, милая подруга,
 Будем мы с тобою миловаться“.
- Говорит тут девушка-невеста:
 „Кум мой милый, славный дож Млетака!
- 200 Заклинала мать меня родная,—
 Не любила чтоб я бородатых,
 А любила б парней безбородых,
 Вот таких, как Королевич Марко“.
- 205 Призывал он тотчас брадобреев:

- Первый мылит, а другой уж бреет.
 Наклонилась девушка-невеста
 И в платок свой бороду собрала.
 Из шатра дож выгнал брадобреев.
- 210 Говорит тогда невесте тихо:
 „Ой, кума, садись со мною рядом“.
 А ему болгарка отвечает:
 „Милый кум мой, славный дож Млетака!
 А когда про то узнает Марко,—
- 215 Ведь обоим головы отрубит!“
 Говорит на это дож Млетака:
 „Говоришь ты глупости, невеста,
 Спит спокойно Марко Королевич
 Там, где видна белая палатка,
- 220 А над нею яблоко из злата,
 Два в нем камня дорогих сияют.
 Сядь со мною, будем целоваться“.
 Отвечает девушка-невеста:
 „Подожди немного, сват мой милый,
- 225 Из шатра я выйду на минуту,
 Погляжу на звезды и на небо.
 Что на небе — тучи или ясно?“
 Из шатра она лишь только вышла,
 Поглядела — где палатка Марка;
- 230 Побежала между спящих сватов,
 Как олень, помчалась между ними —
 К Маркову шатру она бежала.
 Марко спал, а девушка-невеста
 В головах над спящим Марком стала,
- 235 С белого лица роняет слезы.
 Как проснулся Королевич Марко,
 Говорит он девушке болгарке:
 „Негодяйка, девушка-болгарка!
 Не могла ты той поры дожждаться,
- 240 Как в Прилеп с тобою мы приедем,

- Совершим закон наш христианский?“
И схватил он кованую саблю.
Голову невеста наклонила,
И сказала Кралевичу Марко:
245 „Господин мой, Королевич Марко!
Ты ошибся: я не негодяйка,—
Как и ты господского я роду.
А вот ты-то водишь негодяев,
Негодяев — деверя и кума.
250 Ведь меня Степан Земличич продал
За три полных сапога дукатов,
Продав дожу он меня за деньги.
Если ты мне не поверишь, Марко,
То вот этой бороде поверишь“.
255 Вынимала бороду невеста,
Из платка пред Марком вынимала.
Это видит Королевич Марко,
Говорит он девушке-невесте:
„До утра со мною здесь останься.
260 Виноватых утром мы отыщем“.
И улегся спать в свою постелю.
А как утро ясное настало,
Поднимался он на легки ноги
Надевал одежду наизнанку,
265 Брал он в руки буздован тяжелый,
Путь направил к деверю и куму.
Он желает доброго им утра:
„С добрым утром, кум, и ты, мой деверь!
Деверь, где ж сноха твоя девалась?
270 Кум мой, где кума твоя, скажи мне?“
Но ни слова не промолвил деверь.
Дож Млетака отвечает Марку:
„Кум мой милый, Королевич Марко!
Иногда всего боятся люди...
275 Мы с твоей невестой пошутили...“

Отвечает Королевич Марко:
„Это злые шутки, дож Млетака!
Это в шутку ты теперь обритый?
А куда же борода девалась?“
280 Начал дож оправдываться чем-то,
Да не стал его и слушать Марко:
Голову срубил с размаху саблей.
Убегать было Степан пустился;
Но, догнав, его ударил Марко,
285 На две части разрубил Степана.
В свой шатер тогда он возвратился,
Оседлал он своего Шарина.
Поднимались вместе с ним и сваты
И в Прилеп отпраздники белый¹⁷⁶.

29. Марко узнает отцовскую саблю

Рано встала девушка-турчанка —
До зари и до восхода солнца —
Полотно пошла белить к Марице.
До восхода были волны чисты
5 А с восходом волны замутились,
Стали волны мутны и кровавы;
И несут они коней и шапки,
А потом и раненых юнаков.
Вот несет какого-то юнака,
10 Закрутили раненого волны
И уносят быстро по теченью.
Он увидел девушку-турчанку
И кричит ей, закликает богом:
„Заклинаю, будь мне посестримой!
15 Брось конец мне полотна скорее,

- Выгащи меня из волн Марицы.
Награжу за то тебя богато“.
И его послушалась турчанка:
Полотно ему бросала в воду,
20 Из воды юнака вынимала;
А на нем семнадцать ран кровавых!
Он одет в богатую одежду;
У бедра же кованая сабля,
А на ней три чудных рукоятки,
25 И на каждой по три камня чудных.
Три города стоит эта сабля.
Говорит тогда юнак турчанке:
„О сестра по богу! Ты скажи мне:
Из родных кого имеешь в доме?“
30 Отвечает девушка-турчанка:
„У меня есть в доме мать старуха
Да еще мой брат Мустафа-ага“¹⁷⁷.
Говорит тогда юнак ей добрый:
„Посестрима, девушка-турчанка,
35 Ты иди домой, скажи Мустафе,
Чтоб отнес меня он в двор свой белый.
У меня три пояса с собою,
В каждом триста золотых дукатов¹⁷⁸.
Подарю тебе я первый пояс,
40 А другой отдам Мустафе-аге;
Третий пояс я себе оставлю
На лечение ран моих кровавых.
Даст мне бог, что я от ран оправдюсь,—
Награжу тебя тогда богаче,
45 Награжу тебя я и Мустафу“.
Вот домой пришла с реки турчанка
И такие речи говорила:
„О мой брат, ага-Мустафа-ага,
Раненого я нашла юнака.
50 На Марице, на воде студенной;

- А при нем три пояса дукатов,
В каждом триста золотых дукатов.
Он подарит мне свой первый пояс,
А другой тебе, Мустафа-ага,
55 Третий пояс при себе оставит
На лечение ран своих кровавых.
Не дадим же мы ему погибнуть,
А возьмем юнака в двор свой белый“.
Вот идет Мустафа на Марицу.
- 60 Увидал он раненого скоро,
А увидел кованую саблю—
Голову он ею снес юнаку.
Снял с него он чудную одежду
И пошел обратно в двор свой белый.
- 65 Повстречать турчанка вышла брата
И, узнавши, что Мустафа сделал,
Так сказала девушка-турчанка:
„Погубил за что ты побратима?
Ты сгубил его за эту саблю!
70 Вот гляди ж, она тебя погубит!“
Так сказала и ушла в светлицу.
Проходило времени немного.
От султана вышло приказанье
На войну Мустафе собираться.
- 75 Собирался ага и с собою
Взял юнака кованую саблю.
В войске царском все дивились сабле:
Все глядели — и большой и малый,
Но никто не мог из ножен вынуть.
- 80 Переходит сабля из рук в руки.
Как дошла до Кралевича Марка,
Тут сама из ножен вышла сабля.
Разглядать стал Марко эту саблю
И прочел три слова христианских:
- 85 Первое — „Новак Ковач“ стояло,

- А другое — „Краль Вукашин“ было,
Третье слово — „Марко Королевич“¹⁷⁹.
Говорит Мустафе-аге Марко:
„Ой, скажи мне, молодой ты турок,
90 Как добыл ты кованую саблю?
Иль купил ее себе за деньги?
Иль добыл ее в бою на поле?
От отца ль она тебе досталась?
Иль с женою взял ее с приданым?“
- 95 Говорит Мустафа-ага Марку:
„Ой, гуяр ты, Королевич Марко!
Если хочешь, все скажу по правде“.
И как было рассказал все Марку.
Говорит тогда Мустафе Марко:
100 „Накажи тебя, о боже правый,
Что ты ран не излечил юнаку!
А тебе бы агалук¹⁸⁰ я добыл
От царя честного отманина“¹⁸¹.
Говорит Мустафа-ага Марку:
- 105 „Полно врать тебе, гуяр ты Марко,
Прежде чем ты агалук бы добыл,
Уж наверно 6 головы лишился.
Дай назад мне кованую саблю“.
Тут махнул отцовской саблей Марко,
110 Снес он голову Мустафе-аге.
Донесли царю султану турки.
Вот султан отправил слуг за Марком.
Вот приходят его слуги к Марку
И зовут на суд его к султану.
- 115 Тот в ответ им слова не промолвил,
Только пьет червленое вино он.
А как слуги Марку досадили,
Шерстью вверх надел свою он шубу,
В руки взял тяжелый шестоперд
120 И пошел потом в шатер султанский.

- Сильно Марко сердцем разлютился.
 В сапогах он на ковре уселся,
 Злобным взглядом меряет султана,
 Плачет Марко не слезами — кровью.
- 125 Как султан таким увидел Марка
 И что с Марком буздован тяжелый,—
 От него отодвигаться начал.
 Но к царю стал Марко придвигаться,
 Наконец к стене его прижал он.
- 130 Опустил султан в карманы руки
 И достал оттуда сто дукатов,
 Говорит, дает он деньги Марку:
 „На, иди вина напейся, Марко...
 Что тебя так сильно разлютило?“—
- 135 „Царь-отец, поотчим мой по богу!
 Ты меня не спрашивай об этом...
 Я нашел отца родного саблю¹⁸².
 У тебя когда б ее нашел я,
 На тебя я так бы разлютился“.
- 140 Встал и в свой отправился шатер он¹⁸³.

30. Марко Королевич и бег-Костадин

- Едут вместе двое побратимов—
 Бег-Костадин¹⁸⁴ и Кралевиц Марко.
 Говорит юнаку бег-Костадин:
 „Побратим мой, Королевич Марко!
 5 Приезжай по осени, когда я
 В Дмитров день свою справляю славу¹⁸⁵;
 Вместе будем праздновать святому.
 Ты увидишь, как я славу славлю,
 Как гостей своих встречаю с честью,
 10 За трапезу их сажая рядом“.

- Отвечает Королевич Марко:
„Не хвались своим гостеприимством!
Как искал я брата Андрияща,
В Дмитров день мне быть тогда случилось
15 У тебя в дворе твоём широком.
Видел как свою справляешь славу,
Видел сам твоё гостеприимство,
Видел там я три бесчеловечья...“
Бег-Костадин спрашивал у Марка:
20 „Ты скажи мне, побратим, какие
У меня видал бесчеловечья?“
Отвечает Марко Костадину:
„Первое твоё бесчеловечье:
В двор к тебе пришли две сиротинки,
25 Чтобы хлеба белого покушать
И вина червленого чтоб выпить;
Ты ж ответил бедным сиротинкам:
„Вон отсюда, гадины людские!
Пред людьми вино мне не скверните!“
30 Мне же было жалко сиротинок,
Жалко было двух мне сиротинок,
Взял я их, повел с собой на рынок,
А на рынок я когда привел их,
Накормил сироток белым хлебом,
35 Напоил их и вином червлёным,
А потом одел их в шелк и бархат,
В чистый бархат и зелёный шелк их,
И послал обратно в двор твой белый.
Сам же стал глядеть я стороною,—
40 Как теперь сирот ты повстречаешь.
А ты взял одну тогда сиротку,
Ты одну взял левою рукою,
А другую взял рукою правой,
В двор повел, за стол их посадил ты:
45 „Ешьте-пейте, княжеские дети“.

Вот еще твое бесчеловечье:
 У тебя на славе были гости —
 Бедные худые господари,
 И на них худое было платье;
 50 За столом сажал ты этих с краю.
 У тебя и молодые были,
 Что собрать сумели много денег;
 Были все они в нарядном платье.
 Посадил ты их на первом месте,
 55 Подносил вино им и ракию,
 Подносил и кушанья с почетом.
 Третье вот твое бесчеловечье:
 И отец и мать твоя ведь живы,
 Но не видел я их за трапезой.
 60 А им первый кубок по закону“¹⁸⁶.

31. Марко и Филип Мадьярин

Пьют вино в Карловце¹⁸⁷, белом граде,
 Ровно тридцать храбрых капитанов.
 Между ними и Филип Мадьярин¹⁸⁸,
 А с Филипом—и Змай-Деспот Вуча¹⁸⁹.
 5 Как вина юнаки напились
 И с вина повеселее стали,
 Тут хвалиться стали капитаны:
 Сколько пленных кто привел из боя,
 Сколько кто голов срубил неверных.
 10 Тут хвалиться стал Филип Мадьярин:
 „Эй вы, братья, тридцать капитанов!
 Поглядите — вот Карловец белый;
 Тридцать три на нем высоких башни.
 Каждую я головой украсил,
 15 Лишь пустой одна осталась башня,

Но и эту русой я украшу
 Головою Кралевича Марка“.
 Говорит и думает Мадырин,
 Что никто речей его не слышит
 20 Из друзей иль побратимов Марка.
 Но Филипа слышит Деспот-Вуча,
 Побратим Кралевича по богу.
 Поднимался он на легки ноги,
 В руки взял чернила и бумагу
 25 И письмо писал в Прилеп он белый,
 К побратиму — Кралевичу Марку,
 А в письме писал Змай-Деспот Вуча:
 „Ты послушай, побратим по богу!
 У тебя в Карловце враг заклятый,—
 30 Враг заклятый, то Филип Мадырин:
 Он сегодня перед всеми клялся,
 Что тебе он голову отрубит,
 Белую украсит ею башню.
 От Филипа, побратим мой Марко,
 35 Опасайся от него коварства“.
 И письмо свое отправил Вуча.
 Как письмо дошло в Прилеп до Марка,
 Как прочел он то письмо от Вучи,
 Быстро встал на легкие он ноги
 40 И пошел на белую он башню,
 Припоясал кованую саблю,
 Надевал на плечи волчью шубу;
 А затем пошел в подвал — в конюшню,
 Чтоб Шарина снарядить в дорогу.
 45 Покрывал его медвежьей шкурой,
 Зауздal стальными удилами,
 У седла топуз повесил слева,
 Справа же свою стальную саблю;
 На Шарина своего уселся,
 50 Положил копьe свое на плечи

И поехал чрез Косово поле
 От Пазара — Лахом Каменистым,
 А оттуда в Валевскую область,
 Чрез Мачву к граду Митровице;
 55 Через Саву перешел он бродом
 И поехал Сременской долиной¹⁹⁰.
 Вот уж Марко в городе Карловце;
 Едет он по площади базарной
 Ко двору Мадырина Филипа
 60 И на двор въезжает чрез ворота.
 Но Филипа дома не случилось,
 Он поехал на охоту в горы.
 На дворе Филипова супруга —
 Анделия¹⁹¹ — повстречала Марка;
 65 Рядом с ней прислужницы четыре
 Ей держали рукава и полы.
 Как подъехал Марко к Анделии,
 Пожелал ей помощи господней:
 „Ой, сноха, господь тебе на помощь!
 70 Побратим Филип Мадырин дома?“
 Отвечает Анделия Марку:
 „Вон отсюда, дервиш-оборванец!
 Муж не станет брататься с такими!“
 Как услышал эти речи Марко —
 75 По щеке рукой ее ударил —
 На руке носил кольцо золотое, —
 Им лицо поранил Анделии
 И ей выбил три здоровых зуба;
 Снял с нее три нитки он дукатов,
 80 Положил их в шелковы карманы:
 „От меня ты кланяйся Филипу,
 Как домой вернется он с охоты.
 Пусть в корчму он новую приходит,
 Красного вина мы выпьем вместе,
 85 И ни он, ни я платить не будем, —

- Расплачусь твоим я ожерельем“.
Повернул назад Шарина Марко
И в корчму он новую поехал.
Привязал он верного Шарина,
90 Красного вина желая выпить.
Много ль, мало ль времени проходит,—
Как Филип вернулся в дом свой белый,
На дворе его жена встречает,
С белого лица роняет слезы,
95 А в руках платок окровавленный.
Говорит Мадьярин Анделия:
„Что с тобою, верная супруга?
Отчего ты слезы проливаешь?
Отчего платок твой окровавлен?“
100 Отвечала мужу Анделия:
„Господин ты мой, Филип Мадьярин!
Как пошел ты на охоту в горы,
Я осталась перед белой башней...
В это время дервиш к нам приехал:
105 На плечах надета волчья шуба,
Опоясан кованою саблей,
На плече его копьё стальное,
Под дервишем дорогой конь пестрый.
А как стал он перед белой башней,—
110 Он сказал тогда мне божью помощь:
„Ой, сноха, господь тебе на помощь!
Побратим Филип Мадьярин дома?“
На привет ему я отвечала:
„Вон отсюда, дервиш-оборванец!
115 Муж не станет браться с такими!“
Подогнал юнак коня поближе,
По щеке рукой меня ударил,
На руке его кольцо золотое,
Мне лицо кольцом он тем поранил
120 И мне выбил три здоровых зуба;

- Снял с меня три нитки он дукатов
И в корчму отсюда путь направил.
А тебе приказывал сказать он,
Чтобы ты в корчму к нему поехал —
125 Красного вина, чтоб выпить вместе,
И никто из вас платить не будет,
А мое прощете ожерелье“.
Как услышал эту речь Мадырин,
И сказал он верной Анделии:
130 „Полно плакать, верная супруга!..
В плен возьмет Филип его сегодня!
Приведу его во двор свой белый:
Пусть качает нашего ребенка“.
Повернул арабскую кобылу,
135 Через новый рынок он поехал,
А к корчме когда подъехал новой,
У ворот стоит привязан Шарец.
Подогнал Филип свою кобылу
И хотел в корчму проехать к Марку.
140 Но проехать Шарец не пускает:
Бьет добылу по ребрам копытом.
Разлютился тут Филип Мадырин:
Вынимал тяжелый шестоперец,
Стал нещадно колотить Шарина.
145 Подал голос Шарец пред корчмою:
„Боже правый, что со мною будет!
У ворот сегодня я погибну
От ударов сильного Филипа
Близ тебя, о Марко, мой хозяин!“
150 Из корчмы ответил Марко Шарцу:
„Пропусти в корчму, Шарин, Филипа“.
И Шарин хозяина послушал,
Пропустил в корчму пройти Филипа.
Как вошел в корчму Филип Мадырин,
155 Не сказал он Марку: „Бог на помощь!“

- Взял Филип топуз тяжелый в руки,
И ударил Кралеви́ча Марка,
Бьет его он по плечам юнацким.
Не ответил на удары Марко,
160 А на это он сказал Филипу:
„С миром сядь, мадьярский ты подкидьш,
Не тревожь ты блох моих под шубой,
Слезь с коня и пить вино садися:
Будет время нам для поединка“.
- 165 Но Мадьярин Марка не послушал:
По руке он Марковой ударил
И разбил его златую чашу,
А вино червленое он пролил.
Как увидел это Королевич,
170 Поднимался он на быстры ноги,
На Мадьяра с яростью напал он,
У него отнял стальную саблю,
Ею он Мадьярина ударил,
По плечу по правому ударил:
- 175 До седла рассек Филипа Марко.
Сквозь него прошла стальная сабля
И застряла в каменных воротах.
Поглядел на остру саблю Марко,
Поглядел на саблю да и молвил:
- 180 „Милосердный боже, всемогущий!
Плох Мадьярин, а клинок хороший!“
Отрубил он голову Филипу,
Положил ее в мешок Шарина
И поехал ко двору Филипа,
185 Во дворе разбил все кладовые,
Все забрал Филипово богатство
И пошел дорогой, распевая.
Тут Филип копал ногами землю,
А жена его рыдала горько ¹⁹².

32. Марко и Алил-ага¹⁹³

- Едут вместе двое побратимов
Красным местом — славным Цареградом¹⁹⁴—
Костадин и Марко Королевич.
Говорит тут Костадину Марко:
- 5 „Побратим мой милый, бег-Костадин!
Мы с тобою едем Цареградом —
Как бы нам с бедой не повстречаться:
Как бы кто меня на бой не вызвал?
Потому больным я притворюся
- 10 Злой болезнью, тяжким сердобольем“.
И больным тут Марко притворился
Без болезни,—от ума большого:
Он на шею наклонился Шарцу,
На седло свое припавши сердцем.
- 15 Так и едет Марко Цареградом.
Да была недобрая им встреча:
Повстречался Алил-ага с Марком,
А при аге тридцать янычаров.
Говорил тут Марку турок ага:
- 20 „О юнак ты, Королевич Марко!
Я зову тебя на состязанье:
Кто из нас двоих стреляет лучше?
А дадут тебе господь и счастье,
Что меня ты нынче одолеешь,
- 25 То возьмешь себе и двор мой белый,
А с двором и все мои пожитки;
Верная жена твоею будет.
А когда тебя я одолею,—
Не возьму жены твоей, ни дома —
- 30 А тебя лишь самого повешу

- И возьму коня себе Шарина“.
Отвечает Королевич Марко:
„Отойди ты от меня, проклятый!
Мне теперь с тобою не до спора:
35 Заболел я тяжкою болезнью,
Тяжкою болезнью — сердобольем.
На коне не в силах я держаться,
А куда ж метать из лука стрелы“.
Но отстать не хочет Алил-ага:
40 Ухватил он за полу доламы.
Марко вынул нож и им отрезал
Правую полу своей доламы:
„Отвяжись ты от меня, проклятый!“
Но отстать не хочет Алил-ага:
45 Ухватил за левую он полу.
Марко взял свой нож и им отрезал
Левую полу своей доламы:
„Отвяжись, чтоб гром тебя убил бы!“
Но отстать не хочет Алил-ага:
50 Ухватил он Шарца за поводья
Правую рукою за поводья,
Левою схватил за грудь он Марка.
Как огонь живой тут вспыхнул Марко:
Приподнявшись, сел на Шарце прямо,
55 Затянул рукой его поводья.
Взвился Шарец, словно как безумный,
Перепрыгнул чрез людей с конями.
Обратился Марко к Костадину:
„Побратим по богу, Костадине!
60 Принеси стрелу мне татаранку¹⁹⁵,
А у той стрелы у татаранки
Девять белых соколиных перьев.
Я ж пойду к судье с Алилом-агой,
Чтоб меж нами после поединка
65 Не возникло распри или спора“.

- Костадин пошел за татаранкой,
А к судье пошел с Алилом Марко.
Как пришли они к судье с Алилом,
Туфли снял Алил и сел с судьею,
70 Вынимал двенадцать он дукатов
И метнул судье их под колено:
„О эфенди¹⁹⁶, вот тебе дукаты,
Лишь не дай суда по правде Марку“.
Понимал язык турецкий Марко.
- 75 Но у Марка денег не случилось.
На плече он взял топуз тяжелый:
„Ты послушай, судия-эфенди!
Дай мне суд по совести-по чести.
Вот со мною мой топуз тяжелый,
- 80 Если только им тебя ударю,
То не нужен будет даже пластырь:
Здесь, в суде, на месте и уснешь ты —
И своих дукатов не увидишь“.
Оробел судья, когда увидел
- 85 Золоченый шестоперец Марка;
Оробел он — руки задрожали.
Вот идут юнаки состязаться.
Тридцать турок янычар за агой,
За Алилом-агой идут следом,
- 90 Не идет никто за Марком следом,
Кое-кто лишь из болгар да греков.
Вот пришли и к месту состязанья.
Говорить тут начал Марку ага:
„Делибаш, пускай стрелу ты первый!
- 95 Ты хвалился, что юнак ты сильный,
Ты хвалился пред самим султаном,
Что убьешь орла своей стрелою,
Что убьешь орла под облаками“.
Отвечает Королевич Марко:
- 100 „Хоть хвалился я своею силой,

- Да зато ведь ты меня постарше:
 Ведь теперь турецкое господство ¹⁹⁷,
 Потому и начинай ты первым.
 Да к тому ж и сам меня ты вызвал,—
- 105 Так бери же первым лук и стрелы“.
 Белую стрелу пускает ага,—
 И прошла, когда аршином мерять,
 То прошла стрела аршин сто двадцать.
 Белую стрелу пускает Марко,
- 110 Пронеслась стрела аршин две сотни.
 Тут метнул Алил стрелу другую,
 Пронеслась стрела аршин три сотни;
 На пятьсот аршин стреляет Марко.
 В третий раз метнул из лука турок,—
- 115 И шестьсот аршин стрела летела.
 В это время Костадин приходит
 И приносит Марку татаранку,
 А у той стрелы у татаранки
 Девять белых соколиных перьев.
- 120 Тут пускает Марко татаранку:
 В мглу, в туман она из глаз умчалась;
 Где искать ее, никто не знает,
 А уж что там говорить о мере!
 Проливал горючи слезы турок:
- 125 „Брат по богу, Королевич Марко!
 Будь мне брат по богу и Ивану,
 Как закон велит ваш христианский.
 Белые дворы возьми себе ты,
 И жену мою бери в супруги,
- 130 Только, брат мой, ты меня не вешай!“
 Отвечает Королевич Марко:
 „Ах, ты турок, бог тебе судьбою!
 Назвал ты меня по богу братом,
 А жену свою мне предлагаешь!
- 135 Мне жены твоей совсем не надо:

- Ведь у нас, не как у вас — у турок:
Мы сноху сестрой своей считаем¹⁹⁸.
Верная жена осталась дома—
Я женат на госпоже Елиде,—
140 На Елиде, рода не простого.
Я тебя простил бы, побратим мой,
Да испортил ты мою доламу.
Дай мне денег столько, чтобы можно
Вставить полы новые к доламе“.
- 145 Живо встал с земли ага веселый,
Обнимает и целует Марка
И ведет во двор его, как гостя.
Там они три дня пируют вместе.
Ага дал добра ему три воза,
150 И рубашку с золотой прошивкой,
Да платок с серебряной каймою.
Дал ему он триста провожатых,
И его с поклоном проводили.
Дружно с агой жил Кралевич Марко,
155 С ним стерег султанскую окраину.
Где враги отбиты от границы,—
Отразил их Марко с Алил-агой;
Где разбиты города и села,—
Это дело Марка с Алил-агой¹⁹⁹.

33. Марко Кралевич и Мина из Костура²⁰⁰

- Марко сел вечерять с Евросимой
Белым хлебом и вином червленым.
Три письма приходят сразу к Марку.
Первое из города Стамбула —
5 От царя султана Паязета²⁰¹,

- А другое — из Будима града —
От того будимского ли краля²⁰²,
Третье было из Сибирия-града,
От Сибирия-Янка воеводы²⁰³.
- 10 В том письме, что было от Стамбула,
Звал султан в поход с собою Марка
На окраину лютую арапов²⁰⁴,
А в письме из города Будима —
Краль будимский звал на свадьбу Марка,
- 15 Чтоб он был его венчальным кумом
И венчал его бы с королевной.
А в письме, что было из Сибирия,
Янко Марка звал к себе быть кумом, —
Воспринять в крещеньи от купели
- 20 Близнецов двоих малюток малых.
Спрашивает Марко мать-старуху:
„Посоветуй, мать моя родная,
Мне куда сначала отправляться:
Иль итти мне в войско Паязета,
- 25 Иль итти в Будим на свадьбу сватом,
И у краля быть венчальным кумом,
Иль итти мне к воеводе Янку
От купели воспринять малюток?“
Отвечает Марку Евросима:
- 30 „Сын мой милый, Королевич Марко!
Веселиться ведь идут на свадьбу,
На крестины — чтоб закон исполнить,
На войну же ходят поневоле:
Отправляйся на войну, сыночек,
- 35 И тебя простит господь за это,
Туркам это будет непонятно.
И послушал Марко мать-старуху:
Снарядился в войско Паязета
И с собой слугу взял Голубана²⁰⁵.
- 40 Говорил, в поход собравшись, Марко:

„Старая мать, ты меня послушай!
 Затвори́й пораньше ты ворота,
 Попозднее отвори́й их утром,
 Потому что я затеял ссору
 45 С тем проклятым Миной из Костура;
 И боюсь, мать моя родная,
 Как бы двор наш Мина не разграбил“.
 И пошел он в войско Паязета,
 Со своим слугою Голубаном.
 50 А как были на ночлеге третьем,
 Сел вечерять Марко Королевич.
 Голубан вино ему подносит:
 Марко взял своей рукою чашу,
 Чашу взял, да вдруг ему вздремнулось.
 55 И упала чаша на трапезу;
 Но вина не пролилось ни капли.
 Голубан тихонько будит Марка:
 „Господин мой, Марко Королевич!
 Сколько раз мы на войну ходили,
 60 Ты ни разу не дремал, как нынче,
 И из рук не выпускал ты чаши“.
 Пробудился от дремоты Марко
 И слуге на это отвечает:
 „Голубан мой, мой слуга ты верный!
 65 Чуть вздремнул, а сон увидел чудный,
 Чудный сон, и в чудный час приснился:
 От Костура поднялася туча,
 От белого города Костура,
 И нависла над моим Прилепом;
 70 Враг мой Мина был в той темной туче.
 Он разграбил белый двор в Прилепе,
 Все разграбил и огнем спалил он,
 Мать-старуху растоптал конями,
 Взял в рабыни верную супругу;
 75 Всех коней он вывел из конюшен,

- Все добро расхитил из амбаров“.
Отвечает Голубан на это:
„Ты не бойся, Королевич Марко!
Всякий сон юнаку на удачу.
- 80 Сон ведь ложь, а истина у бога“.
Как приехал Марко в Паязету,
Войско царь повел из Цареграда,—
Войско он повел за сине море
На крайню лютую арапов.
- 85 Взял у моря городов он много,
Городов взял сорок и четыре.
Подступает он к Кара-Окану ²⁰⁶,
Осаждает он Окан три года,
Но не может взять Окана силой.
- 90 Марко рубит головы арапов
И к сфлтану на бакшиш ²⁰⁷ приносит.
Оскорбились, обозлились турки
И царю про Марка говорили:
„Царь султан наш, Паязет владыка!
- 95 Не юнак ведь Марко Королевич:
Отсекает головы у мертвых
И тебе их на бакшиш приносит“.
Как узнал про эти слухи Марко,
Начинал просить он Паязета:
- 100 „Господин мой, царь-султан поотчим!
Буду завтра праздновать я славу—
Красно имя, светлый день Егорьев.
Отпусти меня ты, царь поотчим,
Чтобы мог отпраздновать я славу,
- 105 Как обычай наш велит и вера.
Отпусти со мной и побратима,
Алил-агу, вместе выпить чаши“.
Паязет не мог иначе сделать,—
Отпустил он Кралевича Марка,
- 110 Чтоб свою отпраздновал он славу,

- Отпустил и Алил-агу с Марком.
Держит Марко путь зеленым лесом,
Далеко от лагеря султана.
Там разбил себе шатер он белый;
- 115 Под шатром вино он распивает
Вместе с Алил-агэй побратимом.
А как утром утро засияло,
Увидала арапинов стража,
Что в турецком стане нету Марка,
- 120 Закричали стражники арапы:
„Навалитесь, лютые арапы!
Нет меж турок страшного юнака!
Навалились лютые арапы
И побили тридцать тысяч турок.
- 125 Пишет царь письмо юнаку Марку:
„Воротись скорее, сын мой Марко!
Тридцать тысяч потерял я войска“.
Но султану отвечает Марко:
„Не могу теперь я возвратиться —
- 130 Не успел еще вина я выпить,
А не то чтобы прославить славу“.
А как утром утро засияло,
Закричали стражники арапы:
„Навалитесь, лютые арапы!
- 135 Нет меж турок страшного юнака
На коне и пестром и огромном!“
И напали лютые арапы,
Шестьдесят побили тысяч турок.
Снова пишет царь письмо юнаку:
- 140 Сын мой Марко, воротись скорее!
Шестьдесят пропало тысяч войска“.
Отвечает Паязету Марко:
„Подожди немного, царь поотчим,
Я еще не вдоволь нагулялся
- 145 С кумовьями, милыми друзьями“.

- А как третье утро засияло,
Закричали стражники арапы:
„Навалитесь, лютые арапы!
Нет меж турок доброго юнака
150 На коне и пестром и огромном!“
И напали лютые арапы
И сто тысяч турок порубили.
В третий раз султан юнаку пишет:
„Приходи ко мне скорее, Марко!
155 Приходи скорее, сын по богу!
Мой шатер арапы подрубили“.
Сел тут Марко на коня Шарина
И поехал он к цареву войску.
А как утром белый день занялся,
160 И войска опять сошлись в поле,
Тотчас стражи узнавали Марка
И кричали они белым горлом:
„Отступите, лютые арапы!
Вон юнак у турок бьется страшный,
165 На коне своем большом и пестром!“
И напал на арапинов Марко,
На три части разогнал их войско:
Часть одну посекал своею саблей,
А другую потоптал Шариним;
170 Третью часть пригнал он к Паязету.
Но и Марко люто был изранен:
Семьдесят зияло ран кровавых,—
Нанесли их лютые арапы;
И на грудь упал он к Паязету.
175 Паязет стал спрашивать у Марка:
„Сын по богу, Марко Королевич,
Эти раны у тебя смертельны?
Перенести ты можешь эти раны?
Поискать врачей мне и лекарства?“
180 Отвечает Королевич Марко:

- „Господин мой, царь-султан поотчим!
Не смертельны раны от арапов;
Полечи, и буду я здоровым“.
Опустил султан в карманы руку,
185 Взял оттуда тысячу дукатов,
Отдает их Марку на лечение;
Верных слуг двоих он посылает,
Чтоб следили, чтоб не умер Марко.
Но лечится Марко и не думал:
190 Из корчмы одной идет в другую,
Ищет Марко — где вина побольше.
А вина как понапился Марко,
То больные зарастали раны.
Получает мелкое письмо он,
195 Что в Прилепе двор его разграблен,
Весь разграблен и огнем разрушен,
Мать его растоптана конями,
Верная жена в рабыни взята.
Стал тут горько жаловаться Марко
200 Пред султаном у его колена:
„Господин мой, государь поотчим!
Белый двор мой весь разграблен Миной,
Верная жена в рабыни взята,
Мать моя растоптана конями,
205 Все добро пропало из амбаров.
Это сделал Мина из Костура“.
Утешает Марка царь турецкий:
„Не печалься, Марко, сын по богу!
Пусть в огне дворы твои сгорели,
210 Я дворы тебе построю лучше,
И твои моих не будут хуже.
Если все добро твое украли,
Сделаю за то тебя я агой,
И сберешь добра себе ты больше.
215 Пусть жена твоя в рабыни взята,

- Ведь ты можешь на другой жениться“.
- Отвечает Королевич Марко:
„Честь-хвала тебе, султан поотчим!
Если двор ты для меня построишь,
220 Будут клясть меня за то сироты:
„Курвин сын ты, Королевич Марко!
У тебя дворы одни сгорели,—
Пусть же эти пусты остаются“.
- Если агой-сборщиком я буду,
225 То нельзя собрать с народа дани,
Не связавши нища и убога;
Снова будут проклинать сироты:
„Курвин сын ты, Марко Королевич!
У тебя разграблено богатство,—
230 Пусть же это в прок тебе не будет“.
- На другой меня женить ты хочешь,
А жена-то первая жива ведь.
Дай мне лучше триста янычаров,
Выкуй-ка им ты ножи кривые ²⁰⁸,
235 Дай ты им и легкие мотыжки,
И пойду я к белому Костуру,
Отниму свою жену у Мины“.
- И султан дал Марку янычаров,
Выковал он им ножи кривые,
Дал султан им легкие мотыжки.
- 240 Говорит тут Марко янычарам:
„Братья мои, триста янычаров!
Вы идите к белому Костуру,
Как придете к городу Костуру,
Вам тогда обрадуются греки:
245 Это все поденщики. Вот счастье!
По цене дешевой мы найдем их
Убирать наш виноград зеленый“.
- Наниматься вы не смейте к грекам.
У Костура белого засядьте

- 250 Да вино лишь пейте и ракию
До тех пор, пока в Костур не буду“.
Отправлялись триста янычаров,
Отправлялись к белому Костуру.
Марко ж путь держал к горе Афонской,
- 255 Причастился и исповедался:
В жизни Марко много пролил крови.
Там надел монашеское платье,
Отрастил он бороду по пояс
И покрылся шапкой-камилавкой.
- 260 Сел потом он на коня Шарина
И поехал к белому Костуру.
Подъезжает к Мине из Костура,
Тот сидит и пьет вино червлено,
Мине служит Маркова супруга.
- 265 И у Марка спрашивает Мина:
„Бог на помощь, черный калугерин!²⁰⁹
А откуда у тебя конь пегий?“²¹⁰
Отвечает Королевич Марко:
„Бог на помощь, господин наш Мина!
- 270 Быть случилось мне в даревом войске,
На окраине арапинов лютых.
Был какой-то глупый там детина,
По прозванью Марко Королевич.
Он погиб от лютых арапинов.
- 275 Сам я Марка схоронил в могиле,
Как велят обычай и законы.
На помин души коня мне отдал“.
Как услышал эти речи Мина,
Встал он с места радый и веселый,
- 280 Молвит Мина Кралевичу Марку:
„Вот так славно, черный калугерин!
Целых девять лет я дожидался,
Чтоб такие вести мне услышать.
Сам дворы я Марковы разграбил,

- 285 Их разграбил и огнем спалил я,
Взял в рабыни верную супругу.
Только с нею я еще не венчан:
Все я ждал пока погибнет Марко,
Обвенчаешь ты меня сегодня“.
- 290 Взял тут книги Марко Королевич,
В руки взял их и венчает Мину,—
Он венчает со своей женою!
А потом за стол они садились,
Пить вино червленое садились.
- 295 Говорит тут Мина из Костура:
„Друг Елица, и душа и сердце!
Ты доселе Марковицей²¹¹ звалась,
А теперь ты Минина супруга.
Ты в амбар, душа моя, отправься,
- 300 Принеси три чашки мне дукатов,—
Одарю я черна калугера“.
И в амбар Елица отправлялась
И взяла три чашки там дукатов:
Не взяла она дукатов Мины,
- 305 А из тех, что грабил он у Марка,
Принесла заржавевшую саблю,
Отдает все черну калугеру:
„Вот тебе все это, калугерин,
На помин по Кралевичу Марку“.
- 310 Взял тут саблю Марко Королевич,
Саблю взял и на нее глядит он,
На нее глядит и молвит Мине:
„Господин наш, Мина от Костура!
Ты позволишь на своем весельи
- 315 Поплясать, как пляшут калугеры?“
Отвечает Мина из Костура:
„Можно вдоволь, черный калугерин,
Можно вдоволь, можно сколько хочешь“.
Быстро Марко встал на легки ноги,

- 320 Повернулся так он два-три раза,
Что хоромы Мины задрожали.
Тут он вынул ржавленную саблю,
Размахнулся справа да налево,—
И слетела голова у Мины.
- 325 Закричал тут Марко белым горлом:
„Навалися, верная дружина!
Нет уж больше Мины из Костура!“
Навалились триста янычаров,
Все они разграбили у Мины,
- 330 Белый двор огнем они спалили.
Марко взял с собою верну любу,
Да забрал он Минины богатства,
И в Прилеп свой белый возвратился:
Едет Марко, песни распекает²¹².

34. Марко и двенадцать арапов

- Разбивал шатер Кралевиц Марко
На границе арапинов лютых;
И сидит, вино он попивает.
Не успел он выпить первой чаши,
- 5 Как вбегает девушка-рабыня
Под шатер к Кралевицу юнаку,
Заклинает быть ей побратимом:
„Брат по богу, Марко Королевич,
И его крестителю Ивану!
- 10 Защити меня от арапинов:
У троих в руках уже была я,
Хочет взять теперь меня четвертый.
А ведь их двенадцать арапинов.
Не берут они меня работать,
- 15 А тройною плетью принуждают,

- Чтобы их в лицо я целовала.
И глядеть-то мне на них противно,
А не то что с ними целоваться“.
А юнак взял девушку за руку,
20 У колен ее сажает Марко.
Пестрый плащ свой ей надел на плечи
И с вином дает ей в руки чашу:
„Подкрепись вином, сестра, не бойся.
Вот тебя и солнце обогрело,
25 Как пришла в шатер мой от арапов“.
Лишь взяла рабыня чашу Марка
И над ней склонилась, чтобы выпить,
Как сюда арапы подоспели
На конях своих арабских, быстрых.
30 Стали Марка поносить арапы:
„Курвин сын ты, Королевич Марко!
Или царь затем тебя поставил,
Чтоб у нас ты отнимал служанок?“
Но смеясь им отвечает Марко:
35 „Уходите, дети арапчата,
Не хочу души грешить я вами“.
Осерчали лютые арапы,
Все двенадцать выхватили сабли
И шатер на Марка повалили,
40 Подрубивши саблями канаты.
Пал шатер на сокола и Шарца,
Да на знамя Марково с крестами.
Как увидел Королевич Марко,
Что шатер арапы повалили,
45 Как живой огонь он запылал тут,
Подымался он на легки ноги
И садился на коня Шарина,
Позади ж себя сажал рабыню,
Прикрепивши поясом три раза,
50 А в четвертый—перевязью сабли.

- Вынул Марко кованую саблю
 И погнал двенадцать арапинов.
 Не сечет он их по белу горлу²¹³,
 А сечет по поясу их Марко,—
 55 С одного тут делается двое:
 А из тех двенадцати арапов
 Сделал Марко двадцать и четыре.
 И помчался он по чисту полю,
 Как звезда падучая по небу.
 60 Приезжает он в Прилеп свой белый
 Прямо в двор к старухе Евросиме.
 Говорит он матери-старухе:
 „Евросима, матушка родная!
 Ты меня кормила и питала.
 65 Вот моя по богу посестрима:
 Как меня, люби ее, родная,
 Выдай замуж, как родное чадо,
 Чтобы мы друзьями не скудели“.
 И ее хранила Евросима,
 70 А потом и замуж выдавала
 В город Рудник, белый и богатый,
 Во большую семью Диздарича,
 Девять снох пригожих там их было.
 И оттуда часто к Марку в гости
 75 Приходили и зятя и снохи:
 За родных своих считал их Марко,
 С ними вместе распивал он чашу²¹⁴.

35. Марко Кралевич и Арапин

- Строит башню черный Арапинин²¹⁵,
 Строит башню в этажей двенадцать
 Арапин у края синя моря.
 Как ту башню Арапин построил,
 5 Вставил стекла он в окошки башни;

- Все украсил бархатом и шелком
И такие речи молвил башне:
„Что стоишь пустой ты у приморья?
По тебе ходить никто не будет:
- 10 Ни сестры, ни матери не знаю,
И до сей поры я не женатый,—
По тебе жена гулять не может.
Не рожден я матерью родною,
От кобылы родился арапской.
- 15 Дай-ка стану сватать я царевну:
Пусть султан ее отдаст мне в жены,
Иль со мной на поединке бьется“.
- Как сказал Арап такие речи,
Мелкое письмо писать садился,
- 20 И в Стамбул послал письмо к султану:
„Господин султан ты, царь Стамбула!
Я построил башню у приморья,
Да гулять кому же в этой башне?
Я до сей поры ведь не женатый.
- 25 Выдай дочку за меня ты замуж.
Если ж ты отдать ее не хочешь,
То иди со мной на поединок“.
- Получил султан письмо Арапа;
Как прочел письмо он Арапина,
- 30 Стал искать, кто б мог с Арапом биться,
Обещал тому султан подарки,
Кто погубит черного Арапа.
И юнаков много выходило
На приморье с Арапином биться;
- 35 Но в Стамбул никто не воротился.
И царю теперь беда большая:
С Арапином некому сразиться,
Одолеl он всех на поединке.
Но беда была еще не в этом:
- 40 Поднимался черный Арапинин

- Из приморья он, из белой башни;
Он надел господскую одежду,
Припоясал кованую саблю,
Снарядил арабскую кобылу,
45 Семь подруг он затянул на серой,
Золотую зауздal уздечкой,
Привязал к седлу шатер походный
И привесил сбоку топузину.
Арапин садился на кобылу,
50 Положил копье свое на плечи
И поехал к белому Стамбулу.
Как подъехал к воротам Стамбула—
У ворот копье воткнул он в землю,
За копье он привязал кобылу
55 А потом шатер раскинул белый.
Наложил Арап на город дани:
По одной овце ему на ужин
Да еще по печи бела хлеба,
Каждый день один ушат ракии,
60 А вина на сутки два ушата;
Да еще по девушке-невесте,
Чтоб вино Арапу наливала:
Ночью ей лицо Арап целует,
А на утро продает за деньги
65 В край чужой — в Италию — в рабыни ²¹⁶,
Вот уже три месяца проходит.
Но беда была еще не в этом.
Сел Арап на стройную кобылу
И поехал белым он Стамбулом.
70 Как подъехал ко дворцу султана,
Закричал своим он белым горлом:
„Царь султан, веди сюда невесту!“
Взял Арап тяжелый шестоперек
И колотит по стенам султанским,—
75 Во дворце разбил все стекла в окнах.

- Царь султан в такой беде великой
Порешил отдать Арапу дочку.
Сел Арап и говорит о свадьбе:
„Чрез пятнадцать дней быть нашей свадьбе,
80 Как схожу я в ровное приморье,
Соберу подарки я и сватов“.
Сел Арап на стройную кобылу
И поехал в ровное приморье,
Чтоб собрать себе нарядных сватов.
- 85 Как узнала дочь царя о свадьбе,
Завопила, как змея люгáя:
„Горе мне, о господи мой боже!
Для того ль красу я сберегала,
Чтобы быть Араповой женою...“
- 90 А в то время ночь уж наступала,
Сон приснился госпоже царице —
Говорит ей человек какой-то:
„Есть, царица, в нашем государстве
Ровно поле — Косово широко;
- 95 Град, Прилеп стоит на этом поле,
А в Прилепе проживает Марко.
Слух идет, что он юнак могучий.
Ты пиши ко Кралевичу Марку,
Называй его о боге сыном,
- 100 Обещай ему казны без счета,—
Пусть отымет у Арапа дочку“.
А как утром утро засияло,
Встав с постели, быстро побежала
Рассказать царица сон свой мужу.
- 105 Как султан услышал эти речи,
Сел сейчас писать фирман ²¹⁷ султанский,—
И в Прилеп он белый посылает
На колени к Кралевичу Марку:
„Сын мой в боге, Марко Королевич!
- 110 Приходи в Стамбул скорее белый,

- Погуби ты черного Арапа,—
 Дам тебе за то три воза денег“.
 Принесли фирман султанский к Марку.
 Вот фирман читает Марко мелкий,
 115 Прочитал его, промолвил Марко
 К посланцу-татарину султана:
 „Уходи назад, татарин, с богом
 И скажи поотчиму султану:
 Я не смею выйти на Арапа:
 120 Арапин в бою юнак могучий,
 Если с плеч он голову мне снимет,
 Для чего тогда мне и подарки?“
 И в Стамбул татарин возвратился,
 Передал султану речи Марка.
 125 Как о том царица услышала,
 За письмо она другое села:
 „Сын по богу, Марко Королевич!
 Арапину дочь мою не выдай:
 Дам за это пять возов я денег“.
 130 Получил письмо султанши Марко,
 Прочитал его и отвечает
 Посланцу-татарину царицы:
 „Возвратись назад, посол-татарин!
 Да скажи ты матери царице:
 135 Я не смею на Арапа выйти:
 Арапин в бою юнак могущий,
 Если с плеч он голову мне снимет,—
 Русую мне голову ведь жалко,—
 Так зачем тогда казна царева?“
 140 Возвратившись, передал татарин
 Эти речи Марковы султанше.
 Как о том узнала дочь султана,—
 Поднялась она на легки ноги,
 Доставала перья и бумагу
 145 И, перо в лицо себе вонзила,

- И из раны кровь себе пустила,
Алой кровью Марку написала:
„Брат по богу, Марко Королевич!
Заклинаю богом—будь мне братом!
- 150 Будь мне кумом—богом заклинаю
И его святым Иваном вашим:
Ты не выдай черному Арапу.
Дам за это семь возов я денег,
Дам еще за это семь подарков:
- 155 Все они не прядены, не тканы,
Не листьями мелкими расшиты,—
Все они из золота литые.
Дам тебе я стол литой из золота,
На столе из золота змей плетеный
- 160 Поднимает голову высоко,
Дорогой в зубах он держит камень:
Светит камень,—ужинать и в полночь
Перед камнем можно, словно в полдень.
Дам тебе я кованую саблю.
- 165 Три золотых на сабле рукоятки,
Три на каждой драгоценных камня
(Стоит сабля три султанских града);
Дам тебе еще печать султана,—
И визирь казнить тебя не в праве,
- 170 Не спросившись прежде у султана“.
Шлет с гонцом письмо царевна к Марку.
Получает мелкое письмо он,
Прочитал письмо, промолвил Марко:
„Горе мне, царевна-посестрима!
- 175 Ведь беда — итти мне, срам — остаться.
Не боюсь я царя с царицей,
А боюсь лишь бога да Ивана.
Я пойду сразиться с Арапином,
Хоть не знаю, возвращусь ли с бою?“
- 180 Отсылает он посла обратно,

- Не сказал — чтоб ждали, иль не ждали.
Сам поднялся он к себе на башню
И надел походную одежду:
Он надел на плечи волчью шубу,
185 И надел потом он волчью шапку,
Припоясал кованую саблю,
Боевое взял копьё с собою,
Шел в конюшню к своему Шарину,
Семь подруг он затанул на Шарце,
190 Нацедил он мех вина тяжелый,
И к седлу его подвесил справа,
А топуз к седлу подвесил слева,
Чтоб седло его держалось прямо;
А потом садился он на Шарца
195 И поехал к белому Стамбулу.
Как приехал к белому Стамбулу.
Ни к султану, ни к его визирю,
А в корчму он новую поехал
И в корчме остановился на ночь.
200 А как было темной ночью в полночь,
Отводил на озеро он Шарца,
Напоить холодною водою.
Но не пьет воды холодной Шарец,
Вкруг себя он часто поглядает:
205 Чует Шарец — кто-то ходит близко.
Это бродит девушка-турчанка,
Золотым платком лицо скрывает.
Как пришла она к воде холодной,
Поклонилась озеру зеленому
210 И такие речи говорила:
„Бог на помощь, озеро зелено!
Будешь ты мне вечное жилище,
Вековать свой век в тебе я буду:
За тебя я лучше выйду замуж,
215 За тебя пойду, не за Арапа“.

- К ней подходит Марко Королевич:
„Госпожа ты, девушка-турчанка!
Ты зачем пришла сюда на берег?
Утонуть, знать, в озере ты хочешь?
220 Что за горе у тебя такое?“
Отвечает девушка-турчанка:
„Прочь иди ты, дервиш-оборванец!
Что за польза спрашивать напрасно,
Если мне помочь в беде не можешь?“
225 И ему турчанка рассказала,
Отчего она топитья хочет:
„Наконец о Марке мне сказали,
Он живет в Прилепе, белом граде,
Говорили о юнаке Марке,
230 Что Арапа одолеть он может,
И я Марка братом называла,
Называла кумом по Ивану
И подарков много обещала.
Но напрасно: не приехал Марко.
235 Пусть своей он матери не видит!“
Говорит ей Марко Королевич:
„Не кляни меня, сестра по богу!
Королевич Марко — пред тобою“.
Услыхала эту весть Турчанка,
240 Обвила руками шею Марка:
„Побратим мой, Марко Королевич,
Ты не выдай черному Арапу!“
Ей на это Марко отвечает:
„Посестрима, девушка-турчанка!
245 Жив пока я и ношу куда
На плечах я голову — клянуса —
Я не выдам черному Арапу.
Обо мне ты никому ни слова;
Лишь скажи отцу-царю с царицей,
250 Чтобы мне поужинать прислали,

Пусть вина побольше приготовят;
 Я в корчме остановился новой.
 Как Арап со сватами вернется,
 Вы его в дворце встречайте с честью
 255 И тебя пусть отдадут Арапу.
 Не хочу в дворце затеять ссору,
 Отниму тебя в другом я месте,
 Если бог поможет мне и счастье“.
 И пошел в корчму новую Марко,
 260 А царевна в свой дворец султанский.
 Рассказала там царю с царицей,
 Что ей Марко нынче повстречался.
 Услыхали это царь с царицей,—
 Приказали ужин приготовить
 265 Да вина червленого побольше,
 И в корчму послали это к Марку.
 Лишь уселся Марко выпить чашу,
 Стали двери затворять в Стамбуле.
 И пришел потом корчмарь-хозяин —
 270 Хочет двери затворить в корчме он.
 А ему сказал на это Марко:
 „Что ты рано затворяешь двери?“
 Говорит корчмарь ему на это:
 „О беда нам тут, юнак незнамый,
 275 Арапин засватал у султана
 Дочь его, царю на срам великий.
 Нынче в ночь он будет за невестой.
 Мы от страха перед Арапином
 Рано двери нынче закрываем“.
 280 Не позволил двери закрывать он,
 Хочет Марко видеть Арапина
 И его нарядных видеть сватов.
 Зашумело над Стамбулом белым,—
 Это едет черный Арапинин
 285 На арабской на своей кобыле,

- И при нем пятьсот нарядных сватов,
И пятьсот все черные арапы:
Старший сват — арап, арап и деверь,
И жених арап — Арапин черный,
290 На арабской скачет он кобыле,
Из-под ног кобылы брызжут камни,
Разбивают и корчмы и лавки.
Как Арап с корчмою поровнялся,
Поглядел на двери он и молвит:
295 „Что еще за чудо тут такое?
Все в Стамбуле двери позакрыты,
Все от страха предо мной, Арапом;
Только здесь в корчме открыты двери.
Может быть, души живой здесь нету,
300 Иль живет здесь глупый, неразумный,
И меня не знает, не боится“.
Арапин пришел к дворцу султана.
Вот и ночь уж темная проходит.
А как утром утро засияло
305 Вывел царь свою невесту дочку,
Вынесли приданое невесты
И возов двенадцать нагрузили.
Вот поехал Арапин обратно.
Едет белым Арапин Стамбулом,
310 Со своею свитой и с невестой.
Поровнялись с новою корчмою,—
И опять в корчме открыты двери.
Разогнал Арап свою кобылу
Поглядеть, кто пьет вино червлено:
315 Марко пьет червленое вино там,
Посредине он корчмы уселся,
Пьет вино, да пьет его не чашей,
Не как все — в двенадцать оков тазом:
Половину пьет, другую — Шарду.
320 Захотелось завязать Арапу,

- Завязать Арапу с Марком ссору;
 Только Шарец у ворот привязан,
 Не дает проехать Арашину:
 По бокам кобылу бьет копытом.
- 325 Повернул Арап свою кобылу
 И поехал площадью Стамбульской.
 Тут поднялся Марко Королевич,
 Вывернул свою он волчью шубу
 Вывернул свою он волчью шапку,
- 330 Подтянул подпруги на Шарине,
 Подвязал свой мех с вином направо,
 А топуз к седлу привесил слева,—
 Чтоб седло его не покривилось;
 В руки взял копые свое стальное,
- 335 А потом вскочил он на Шарина,
 И погнал его вперед на площадь:
 Как настиг арапских сватов Марко,
 С ними тотчас затевал он ссору.
 Прямо Шарец мчится меж сватами.
- 340 Как доехал Марко до невесты,
 Он убил и деверя и кума.
 Голоса доходят до Арапа:
 „Арапин-жених, нам злая встреча!
 Разогнал юнак какой-то сватов:
- 345 Не таков юнака конь, как кони:
 Словно бык, конь пестрый под юнаком,
 Не таков юнак, как все юнаки:
 На плечах юнака волчья шуба,
 И на нем надета волчья шапка,
- 350 Держит что-то черное зубами —
 Будто то полгодовой ягненок ²¹⁸.
 Как подъехал,—и затеял ссору,
 Разогнал твоих нарядных сватов,
 Да убил и деверя и кума“.
- 355 Повернул Арап свою кобылу

- И промолвил Кралевичу Марку:
„Злая встреча, ты, юнак незнамый!
Какой чорт насрал тебя сегодня
Разогнать моих нарядных сватов
360 И убить мне деверя и кума?
Или глуп ты, ничего не знаешь?
Надоело ль жить тебе на свете?
Или ты совсем ума лишился?
Вот клянусь тебе своею верой:
- 365 Затяну узду своей кобылы,
Через тебя семь раз я перепрыгну —
Семь туда, да семь же раз обратно —
И главу срублю тебе с размаху“.
Отвечает Марко Королевич:
- 370 „Да не ври ты, черный Арапинин!
Если бог дарует мне и счастье,
До меня ты доскакать не сможешь,
А куда тебе уж перепрыгнуть!“
Поглядели б вы на Арапина!
- 375 Затянул узду он на кобыле,
Под бока ударил стременами,
Он хотел перескочить через Марка.
Да не дался борзый Марков Шарец:
Приподнялся на ногах он задних
- 380 И кобылу он ногами принял,
Да схватил ее за ухо зубом,
Отодрал ей правое все ухо:
Вся кобыла облилася кровью.
Было тут на что полюбоваться,
- 385 Как юнак ударил на юнака!
Арапин на Марка нападает,
Но не может погубить он Марка,
Да и сам он Марку не дается,—
Только сабли звякают юнаков,
- 390 Так они часа четыре бились.

Как увидел черный тут Арапин,
 Одолеет в битве Королевич,
 Повернул арабскую кобылу,
 По стамбульской площади помчался,
 395 За Арапом вслед помчался Марко,
 Быстро мчится быстрая кобыла,
 Быстро мчится, как горная вила;
 Отставать стал Шарец от кобылы.
 Вспомнил Марко тут про топузину,
 400 И махнул своею топузиной:
 Угодила между плеч Арапу.
 Пал Арап; на землю прыгнул Марко,
 Отрубил он голову Арапу,
 Взял его арабскую кобылу,
 405 Возвратился на базар Стамбульский.
 Никого из сватов на базаре!
 Лишь стоит красавица невеста,
 И при ней добра возов двенадцать,—
 Это все приданое невесты.
 410 Взял невесту Марко Королевич
 И отвел ее в дворец к султану;
 Говорил царю такие речи:
 „Царь султан, вот дочь твоя царевна,
 А вот это — голова Арапа;
 415 Вот тебе добро — возов двенадцать,
 Все добро — приданое невесты“.
 Повернул он своего Шарина
 И в Прилеп свой белый возвратился.
 А как утром утро засияло,
 420 Снарядил султан подарки Марку —
 Семь возов добра ему отправил,
 А невеста от себя послала,
 От себя послала семь подарков:
 Все они не прядены, не тканы,
 425 Не листьями мелкими расшиты,—

- Все они из золота литые:
Посылала стол литой из злата,
На столе—из злата змей плетеный
Поднимает голову высоко,
430 Дорогой в зубах он держит камень:
Светит камень—ужинать и в полночь
Перед камнем можно, будто в полдень;
Посылала кованую саблю.
Три златых на сабле рукоятки,
435 Три на каждой драгоценных камня,
А меж них печать царя-султана:
И визирь казнить его не может,
Не спросившись прежде у султана.
Это все султан отправил Марку:
440 „Вот от нас тебе подарки, Марко.
А как все ты деньги поистратишь,
Приходи опять, мой сын по богу“²¹⁹.

36. Марко и Муса разбойник²²⁰

- Пьет вино в корчме в Стамбуле Муса,
В корчме белой в городе Стамбуле.
Как вина довольно Муса выпил,
Стал он пьяный говорить с собою:
5 „Вот уж девять лет, как я на службе
Здесь в Стамбуле у царя-султана;
Ни коня не выслужил, ни сабли,
Ни доламы новой или старой.
Вот клянусь моею крепкой верой:
10 Я отправлюсь в ровное приморье,

- Переправы захвачу у моря
И дороги около приморья;
Башню там высокую построю,
А у башни крючья из железа:
- 15 Буду вешать ходжей и прохожих“.
Что сказал тогда напившись турок,
Отрезвившись это все и сделал:
Он поехал в ровное приморье,
Захватил у моря переправы,
- 20 Захватил дороги у приморья,
Где провозят подати султану,—
В год возов по триста возят денег.
Взял себе добро все это Муса.
Он построил башню на приморье,
- 25 А на башне крючья из железа:
Вешает он ходжей и прохожих.
Досадил царю-султану Муса.
Шлет султан Чуприлича визиря²²¹
И солдат три тысячи на Мусу.
- 30 Как пришли те в ровное приморье,
Разогнал их Муса по приморью,
Захватил Чуприлича визиря,
Закрутил ему веревкой руки
И послал его в Стамбул к султану.
- 35 Стал султан искать бойцов на Мусу,
Обещал несчетную казну он
Тем, кто сгубит Мусу-Арбанаса.
Только кто в поход ходил на Мусу,
Уж в Стамбул не возвращался снова.
- 40 А султан был сильно опечален.
Говорит Чуприлич тут султану:
„Господин, владыка над Стамбулом!
Будь в Стамбуле Марко Королевич,
Погубил разбойника б он Мусу“.
- 45 Поглядел султан на воеводу

- И заплакал горькими слезами:
„Отойди, Чуприлич воевода!
Что о Марке мне напоминаешь?
Даже кости Марковы истлели!
- 50 Вот теперь прошло уже три года,
Как велел его в тюрьму я бросить.
С той поры тюрьма не открывалась“.
Говорит султану так Чуприлич:
„Что ты дашь тому, султан владыка,
55 Кто живым тебе доставит Марка?“
Отвечал ему султан владыка:
„Дам тому я в Боснии визирство,
Я на девять лет визирство в Босне,
Не возьму с него копейки дани“.
- 60 Тут Чуприлич встал на легки ноги,
Отворил тюрьмы проклятой двери,
Вывел Марка из тюрьмы глубокой
И привел его к дарю-султану.
Волоса косой сплелись у Марка,
65 До земли коса его доходит,
А ногтями мог пахать бы Марко.
Изнемог он в каменной темнице,
Почернел он, словно синий камень.
Царь промолвил Кралевичу Марку:
70 „Ты в живых, иль мертвый, храбрый Марко?“
„Жив я, царь, да только обессилел“.
Стал султан рассказывать про Мусу,
Все, что сделал он в приморье ровном,
А потом и спрашивает Марка:
- 75 „Можешь, Марко, оседлать ты Шарца
И итти ты в ровное приморье,
Там сразиться с Мусой-Арбанасом?
Сколько хочешь, дам тебе я денег“.
Отвечает Марко Королевич:
80 „Не могу я, бог тому порукой!

- Темная темница силу съела.
Не могу я и глазами видеть,
Как же мне на поединок выйти?
Помести меня в корчму на отдых,
85 Дай вина мне вволю и ракии,
Отпусти бараньего мне мяса,
Пирогов и белого мне хлеба.
Как поправлюсь, я тогда отвечу,—
Буду ль в силах с Мусою сразиться“.
- 90 Царь троих цирюльников сзывает;
Первый моет, а другой уж бреет,
Третий ногти Марковы срезает.
Поместил в корчму султан юнака,
Дал ему вина с ракией вволю,
95 Отпустил бараньего он мяса,
Отпустил и белого он хлеба.
Целых так три месяца проходит.
Стали к Марку возвращаться сллы.
Царь тогда и спрашивал у Марка:
- 100 „Можешь ли коня теперь седлать ты?
Досадили очень мне сироты,
Обижает их проклятый Муса“.
Отвечает Марко Королевич:
„Дай мне в руки дерево сухое,
- 105 Что в лесу уж девять лет стояло:
Погляжу — что сталося со мною?“
Принесли тут дерево сухое,
Сжал его рукою правой Марко:
Разломилось на-двое, на-трое,
- 110 Только все ж воды не показалось.
„Нет, султан, не в силах я сразиться“.
А потом прошел и целый месяц:
Через месяц стал сильнее Марко.
Как увидел, что сразиться может,
- 115 Дерево попробовать он хочет.

- Принесли тут дерево сухое,
 Сжал его рукою правой Марко:
 Разломилось на-двое, на-трое,
 И воды две капли испустило.
- 120 Тут сказал царю-султану Марко:
 „Я могу теперь сразиться с Мусой“.
 И пошел он к кузнецу Новаку²²²:
 „Выкуй мне, Новак, такую саблю,
 Лучше всех, что выковал ты раньше“.
- 125 Дал Новаку тридцать он дукатов
 И в корчму он новую поехал,
 Пьет вино в корчме он дня четыре,
 А потом идет опять к Новаку:
 „Что, Новак, сковал мне остру саблю?“
- 130 Тут к нему Новак выносит саблю.
 У Новака спрашивает Марко:
 „Хороша ли сабля эта будет?“
 Говорит Новак ему на это:
 „Пред тобою наковальня, Марко,
 135 Об нее ты и испробуй саблю“.
 Взял рукою правой саблю Марко,
 В наковальню саблею ударил:
 Пополам расселась наковальня.
 И спросил тут Марко у Новака:
- 140 „Мне скажи по совести: сковал ли
 Ты кому получше этой сабли?“
 Говорит ему Новак на это:
 „Вот клянуся, Королевич Марко!
 Я одну сковал получше этой —
- 145 Лучше саблю — лучшему юнаку:
 Как сбирался Муса на приморье,
 Для него сковал тогда я саблю;
 Как ударил в наковальню Муса,
 Ни кусочка целым не осталось“.
- 150 Разлютился Королевич Марко,

- Говорит он кузнецу Новаку:
„Ты давай, Новак, твою мне руку,
Заплачу тебе за острую саблю“.
Обманулся, протянул он руку,
- 155 Протянул он правую тут руку.
Размахнулся Марко острой саблей,
До плеча отсек Новаку руку:
„Вот тебе, Новак-кузнец, награда.
Больше сабель уж ковать не будешь.
- 160 Вот возьми себе дукатов сотню,
Чтобы было, чем тебе кормиться“²²³.
Дал Новаку Марко сто дукатов,
А потом садился он на Шарца,
Отправлялся к ровному приморью.
- 165 Едет Марко и от всех про Мусу
На дороге собирает вести.
Только утро в небе засияло,
Встретил Марко Мусу у Клисуре²²⁴:
Едет Муса — вороной конь пляшет,
- 170 На седле сидит поджавши ноги,
Свой топуз под облако бросает
И его рукою белой ловит.
Как юнаки встретили друг друга,
Молвил Мусе Марко Королевич:
- 175 „Храбрый Муса, поверни с дороги,
Дай дорогу иль сними мне шапку“.
Отвечает Муса-Арбанасин:
„Проезжай вперед без ссоры, Марко,
Иль слезай, и пить вино мы будем.
- 180 Я тебе не уступлю дороги:
Родила тебя ведь королева
Во светлице на постеле мягкой,
Завернула в шелковые ткани,
Повивала золотым свивальнем
- 185 И питала сахаром да медом,—

- Я ж рожден лихою арнауткой ²²⁵
На плоту, на речке, подле стада.
Мать плащом меня покрыла черным,
Пеленала дикою лозою
- 190 И кормила кашею овсяной,
Да при этом часто заклинала,
Чтоб дороги не давал другому“.
Как услышал эти речи Марко,
Боевое он копьё бросает,
- 195 Он бросает меж ушей Шарина,
Бросил прямо в грудь юнака Мусы;
Но копьё топузом принял Муса,
Через себя далеко перебросил.
Вынимал копьё стальное Муса
- 200 И пустил им в Краевича Марка;
По копьё топузом принял Марко,
И копьё сломалось на три части.
Тут за сабли кованые взялись
И напали храбро друг на друга.
- 205 Замахнулся острой саблей Марко,
Но подставил буздован свой Муса,—
На три части разлетелась сабля.
Вынул Муса кованую саблю,
Замахнулся саблею на Марка;
- 210 Но подставил Марко топузину,—
Изломалась подле рукоятки.
За топузы взялися юнаки,
Стали ими ударять друг друга.
У топузов перья обломались.
- 215 Бросили в зеленую траву их,
Спрыгнули с коней своих юнацких,
Стали биться на траве зеленой;
Нападали храбро друг на друга —
Храбрый Муса на юнака Марка.
- 220 Одолеть не может Марко Мусу,

- Да и Муса Марка не осилит.
Так они с утра до полдня бьются.
Уж у Мусы показалась пена,
А у Марка — бела пена с кровью.
- 225 Говорит ему разбойник Муса:
„Ты махни меня, авось повалишь“.
Размахнулся Марко, да не в силах
Под себя свалить юнака Мусу.
Размахнулся Муса-Арбанасин,
- 230 Повалил на луг зеленый Марка
И на грудь юнацкую уселся.
Завопил тут Марко Королевич:
„Где теперь ты, вила посестрима?
Где теперь ты, будь тебе неладно?“
- 235 Или ты мне поклялася ложно,
Что придешь сейчас же мне на помощь,
Как беда со мною приключится?“
С облаков в ответ на это вила:
„Побратим мой, Королевич Марко!
- 240 Не тебе ль я, бедный, говорила,
Чтоб ни с кем не бился в воскресенье?
Срам большой двоим с одним сражаться.
А теперь змея ведь есть с тобою“*.
Поднял Муса голову, чтоб вилу,
- 245 Посестриму Маркову, увидеть.
В это время Марко нож свой вынул
И разбойника ударил Мусу,
Распорол от пояса до горла.
Мертвый Муса Марка так притиснул,
- 250 Что едва освободился Марко.
Повернул на спину Марко Мусу,—
Вот так диво! три у Мусы сердца,
Трое ребер, поверх друг над другом!
Умерло одно уж сердце Мусы,
- 255 А другое сильно разыгралось;

* Вила намекает на нож.

А на третьем спит змея люта́я.
 Как змея проснулась, мертвый Муса
 Сам собою по земле запрыгал,
 А змея проговорила Марку;
 260 „Вечно бога ты моли, что спала
 Я в то время, как в живых был Муса:
 Триста бед тебе тогда бы было“.
 Как увидел Королевич Марко,
 Пролил слезы с белого лица он:
 265 „Горе мне, о господи мой, боже!
 Тот погиб, кто был меня сильнее“.
 Отрубил он голову тут Мусе,
 Положил ее в мешок дорожный
 270 И поехал к белому Стамбулу,
 Бросил там он голову султану.
 Привскочил на месте царь от страха.
 Говорит царю султану Марко:
 „Не страшись, не бойся, господин наш.
 275 Как же бы с живым ты повстречался,
 Если мертвой головы боишься?“
 Дал султан добра три веза Марку.
 Марко в белый свой Прилеп поехал.
 Оставался труп у Качаника ²²⁶.

37. Марко уничтожает свадебную пошлину

Рано утром поднимался Марко
 И поехал по Косову полю.
 Как подъехал он к реке Серване ²²⁷,
 Повстречался с девушкой Косовкой.
 5 Божью помощь ей желает Марко:

- „Бог на помощь, девушка Косовка!“
До земли Косовка поклонилась:
„Будь здоров и ты, юнак незнамый!“
Стал тут Марко говорить Косовке:
- 10 „Дорогая мне сестра по богу!
Молода, сестра, ты и пригожа,
Строен стан твой, и лицо румяно;
Лишь коса вредит красе девицъей:
Отчего, сестра, ты поседела?
- 15 Знать, свое ты счастье потеряла:
Иль сама ты в горе, или отец твой,
Или мать твоя в беде великой?“
Пролила Косовка горьки слезы
И такие речи говорила:
- 20 „Побратим мой, ты, юнак незнамый!
Не губила своего я счастья,
И не в горе я сама, отец мой,
И ни мать моя в беде великой.
А беда стряслася надо мною...
- 25 Девять лет теперь, как из-за моря
Арапин заморский к нам приехал,
Взял Косово у царя на откуп.
Наложил он подати и дани,
Чтоб его поили и кормили,
- 30 Да другую подать наложил он:
Что невеста дать должна Арапу,
Золотых должна дукатов тридцать,
А жених — дать тридцать и четыре.
У кого нашлося, столько денег,
- 35 Отдали Арапу — поженились,
Дочки тех пристроилися к дому.
Сирота я, у меня лишь братья,
Уплатить мы подати не можем,
Потому не выхожу я замуж,
- 40 Не могу пристроиться я к дому,—

- Вот какое у меня несчастье.
Но о том еще я не жалею,
Что нельзя невесте выйти замуж,
А юнаку-молодцу жениться.
- 45 У меня еще другое горе,—
Наложил Арап иную подать:
Чтобы на ночь девушку с молодкой
Приводили каждый раз к Арапу;
Сам он ночью девушку ласкает,
- 50 А его прислуги — молодцу.
Все подряд семейства посылали
И девиц и молодич к Арапу.
А теперь вот очередь за мною,
Чтоб сегодня я пошла к Арапу
- 55 И была ему женой сегодня.
Так с собой я в мыслях размышляла:
Боже правый! Как и что мне делать?
Иль теперь в воде мне утопиться,
А не то повеситься от горя?
- 60 Пусть уж лучше нынче я погибну,
Чем врагу земли моей достанусь“.
Говорит ей Королевич Марко:
„Посестрима, девушка-Косовка!
Не шути ты... Не бросайся в воду,
- 65 Не губи себя своей рукью,
Не губи грехом напрасно душу,
А скажи мне,— где дворы Арапа,
Где палаты черного Арапа?
Мне сегодня говорить с ним надо“.
- 70 Отвечает девушка-Косовка:
„Побратим мой, незнакомый витязь!
Для чего тебе дворы Арапа,
Для чего спросил о них, проклятых?
Может быть, ты девушку засватал
- 75 И идешь внести Арапу деньги?

- Может быть, у матери один ты?
А когда тебя Арап погубит,
Что тогда старуха будет делать?“
Опустил в карман свой руку Марко,
80 Вынул тридцать золотых дукатов,
Подает их девушке-Косовке:
„Вот, сестра моя, тебе дукаты,
Воротись обратно в двор свой белый,
Ожидай своей судьбы-удачи.
- 85 Укажи лишь мне дворы Арапа,—
За тебя внесу ему я деньги.
А губить Арап меня не станет:
Я, сестра, имею столько денег,
Что могу всю пошлину Арапу
90 Уплатить за жителей косовских.
За себя же как не расплатиться?“
Отвечает девушка-Косовка:
„Не в дворах, в шатре живет он легком;
Погляди, юнак, вдоль по Косову:
- 95 Видишь — веет шелковое знамя,
То шатер там черного Арапа,
А вокруг палатки тын зеленый,
Головами весь он изукрашен:
Не прошло теперь еще недели,
100 Как посек уже Арап проклятый
Семьдесят и семь юнаков храбрых,
Женихов с широкого Косова.
У Арапа сорок слуг проворных,
Пред шатром они стоят на-страже“.
- 105 Как услышал эти речи Марко,
Повернул Шарина и поехал
Вниз по полю Косову широку.
Разлютил он доброго Шарина.
Сеет искры конь своим копытом,
110 Из ноздрей выходит синий пламень.

- Едет Марко лютый по Косову,
Льются слезы по лицу юнака,
И сквозь слезы говорит он гневно:
„Ой, широко ты, Косово поле!
- 115 До чего ты дожило-дождалось
После князя нашего честного ²²⁸:
Арапин теперь тобой владеет!
Не снесу я горести великой,
Не могу стерпеть такого сраму,
- 120 Той неправой пошрины Арапа,
Чтоб позорил девушек и женщин!
Отомщу за всех за вас я, братья,
Отомщу сегодня иль погибну“.
На шатер поехал прямо Марко.
- 125 Увидали Кралевица Марка,
Говорят прислужники Арапу:
„Господин наш, Арапин заморский!
Чудный витязь едет по Косову,
На коне сидит тот витязь пестром,
- 130 Разлютил добра коня он сильно:
Сеет искры конь своим копытом,
Из ноздрей выходит синий пламень.
Тот юнак на нас ударить хочет“.
Отвечает черный Арапинин:
- 135 „Эй вы, дети, сорок слуг мне верных!
Не посмеет он на нас ударить:
А невесту он себе засватал
И идет платить за свадьбу подать.
Жаль ему с дукатами расстаться,
- 140 Потому-то он и разлютился.
Выходите вы к воротам нашим,
Хорошо юнака повстречайте
И ему с почетом поклонитесь;
Помогите слезть с коня юнаку,
- 145 Принимайте коня и оружие,

- И в шатер его ко мне ведите;
Не хочу я брать с него дукатов,
А возьму я голову юнака
И коня юнацкого добуду:
150 Этот конь подстать мне будет силой“.
- Выходили слуги Арапина,
Чтоб принять добра коня юнака;
А как ближе увидали Марка,
Подойди к нему и не посмели:
- 155 Убежали все в шатер Арапа,
За Арапа спрятались слуги,
И плащами прикрывают сабли,
Чтобы Марко не увидел сабли.
Сам на двор к Арапу въехал Марко,
- 160 Пред шатром сошел с Шарина наземь,
Говорит он своему Шарину:
„Сам гуляй ты по двору, мой Шарец,
Я к Арапу сам в шатер отправлюсь;
Будь поближе ты к шатру, у входа:
- 165 Может быть, мне скоро будешь нужен“.
- И вошел в шатер к Арапу Марко:
Арапин холодное вино пьет,
Молодица с девушкою служат.
Божью помощь им желает Марко:
- 170 „Помогай тебе господь, хозяин!“
Хорошо ему Арап ответил:
„Будь здоров, юнак мне незнакомый!
Сядь, и будем пить вино с тобою,
А потом скажи — зачем приехал?“
- 175 Отвечает Королевич Марко:
„Мне не время пить вино с тобою,
А с хорошим я к тебе приехал —
Хорошо то, быть не может лучше:
Я засватал девушку-невесту.
- 180 Остались сваты на дороге,

- Я ж приехал с пошлиной за свадьбу —
 Уплатить дукаты за невесту,
 Чтоб в дороге не было задержки.
 Так скажи же, сколько дать мне надо?“
- 185 Отвечал Арап на это Марку:
 „Ты давно и сам, наверно, знаешь:
 Кто невесту выдает, тот платит
 Ровно тридцать золотых дукатов;
 Женихи же — тридцать и четыре.
- 190 Вижу я, что ты юнак могучий,
 Для тебя пустяк внести и сотню“.
 Опустил в карман свой руку Марко
 И Арапу бросил три дуката:
 „Ты поверь мне, — больше не имею.
- 195 Если хочешь обождать, покуда
 Возращусь я с девушкой-невестой,
 Одарю тебя тогда богато —
 Все отдам невестины подарки;
 Все дары — тебе, а мне невеста“.
- 200 Зашипел Арап змеею лютой:
 „Никому я в долг не верю, курва!
 Ты, торгуясь, надо мной смеешься“.
 Взял Арап свой буздован тряжелый
 И ударил Кралевича Марка,
- 205 Три-четыре раза он ударил.
 Засмеялся Марко Королевич:
 „Ой, юначе, Арапин ты черный!
 Бьешь взаправду ты меня, иль шутишь?“
 Зашипел Арап змеею лютой:
- 210 „Не шучу, а бью тебя взаправду“.
- Начал Марко говорить Арапу:
 „Я ж подумал, что со мной ты шутишь;
 А когда ты бьешь меня взаправду,
 То топуз найдется и со мною, —
- 215 Тем топузом я тебя ударю

- Раза три всего или четыре:
Столько раз сейчас тебя ударю,
Сколько раз и ты меня ударил.
А потом пойдём со мною в поле
- 220 И начнём наш бой юнацкий снова“.
Марко взял свой буздован тяжёлый
И ударил чёрного Арапа,—
Так его легко ударил Марко,
Голова слетела от удара.
- 225 Засмеялся Королевич Марко:
„Боже мой, хвала тебе повсюду!
Голова Арапова слетела,
Будто бы на нём и не бывала!“
Вынимал от пояса он саблю,
- 230 Порубил той саблей слуг Арапа —
Сорок слуг без четырёх арапов.
Четырёх лишь только слуг оставил,
Чтоб они всю правду рассказали,
Что меж Марком было и Арапом.
- 235 Поскидал и головы он с тына,
И в земле похоронил их с честью,
Чтоб орёл их не клевал да ворон.
А украсил Марко двор Арапа
Головами слуг его убитых;
- 240 Все забрал себе добро Арапа.
Четырёх же слуг, что остались,
Разослал в четыре края Марко
По всему по Косову широку,
Чтоб они повсюду говорили:
- 245 „Если где невеста есть девица,
То пусть ищет мужа-господина,
Пусть выходит замуж, не старея.
С сей поры нет пошлины на свадьбу:
Уплатил её Кралевиц Марко“.
- 250 Старый-малый всюду говорили:

„Сохрани, господь, до века Марка!
Он избавил землю от насилья:
Притеснителя сгубил Арапа.
Пусть господь грехи ему отпустит“²²⁹.

38. Лов Марка с турками

- Лов ловил Мурат, визирь турецкий,
Лов ловил он по лесам зеленым,
Было с ним двенадцать делибашей,
А тринадцатый Кралевич Марко.
- 5 Лов ловили целых три дня белых,
Ничего в три дня им не попалось.
Да панес на озеро их случай,
На зеленое в лесу зеленом,
А плыла тут утка-златокрылка,
- 10 Сокола пустил визирь на утку,
Чтоб схватил он утку-златокрылку,
А она сокóду не далася,
К облакам она поднялась в небо,
А на ель зеленую пал сокол.
- 15 Говорит тут Королевич Марко:
„Дай, Мурат-визирь, мне позволение,
Дай пустить мне сокола на утку,
Чтоб схватил он утку-златокрылку“.
А Мурат-визирь ему ответил:
- 20 „Почему ж не дать мне позволенья?“
Сокола пускал Кралевич Марко.
К облакам он в небо поднимался,
Ухватил он утку-златокрылку,
И под ель зеленую пал с нею.
- 25 Увидал это визирев сокол,

Это горько очень ему было,
А привычка у него плохая:
Отнимать добычу у другого.
К Маркову он соколу бросался,
30 И отнять хотел он златокрылку,
Да упрямый сизый сокол Марков,
Он упрямый, как его хозяин:
Он не отдал утки-златокрылки,
Сокола визирева щипал он,
35 Стал выщипывать он сизы перья.
Как Мурат-визирь увидел это,
Сильно жалко сделалось визирю,
Маркова он сокола схватил тут,
И об ель зеленую ударил,
40 Правое крыло ему сломал он.
Повернул коня он в лес зеленый,
А за ним двенадцать делибашей.
Защищал тут сизый сокол Марков,
Как змея он лютая под камнем,
45 Поднимал его Кралевич Марко,
Стал ему завязывать крыло он,
Голосом сердитым говорил он:
„Тяжко нам с тобою, сокол сизый,
Лов ловить нам с турками без сербов.
50 Лов ловить да поделить неправо“.
Как крыло перевязал он птице,
Он тогда садился на Шарина
И помчался темными лесами.
Шарец мчится, как лесная вила,
55 Быстро мчится, далеко уходит,
Сразу был у края темна леса,
И увидел в поле он визиря.
Было с ним двенадцать делибашей.
Как Мурат-визирь тут обернулся
60 И увидел Кралевича Марка,

- Говорил своим он делибашам:
„Ой, вы дети, двенадцать делиев!
Видите вон там туман вы черный,
Из темных лесов туман поднялся?
65 А в тумане Королевич Марко.
Видите как Шарда разогнал он!
Это значит быть беде сегодня“.
Подъезжает Королевич Марко,
Вынимает кованую саблю,
70 Нападет Марко на визиря,
Русу голову ему отсек он,
Из младых двенадцати делиев,
Марко сделал двадцать и четыре.
Начинал тут Марко думы думать:
75 Или в Едрен он к царю поедет,
Или в Прилеп в белый двор поедет?
А подумал и сказал тут Марко:
„Лучше в Едрен я к царю поеду,
Лучше сам скажу ему, что сделал,
80 Чем придут пожалуются турки“.
А когда в Едрен приехал Марко,
На диван ²³⁰ перед царем явился,
А от злобы очи помутились,
Как у волка, что в лесу зеленом.
85 Поглядел, как молния блеснула,
И спросил его султан турецкий:
„Мой посынок, Королевич Марко!
Что с тобою? Что так разлютился?
У тебя, наверно, нету денег?“
90 Начинал рассказывать царю он,
Рассказал все — как оно случилось.
А когда царь выслушал уж Марка,
Царь, как гром, на это рассмеялся,
И сказал такое слово Марку:
95 „Бе афирим ²³¹, мой посынок Марко!

- Если бы ты, Марко, так не сделал,
Я тебя не называл бы сыном:
Всякий турок может быть визирем,
А как ты, другого нет юнака“.
- 100 Опускал в карман шелковый руку,
Вынимал он тысячу дукатов,
Отдавал султан дукаты Марку:
„Вот тебе, возьми, посылко Марко,
А пойдь-ка ты вина напейся“.
- 105 Взял тут Марко тысячу дукатов,
И пошел он с царского дивана;
А царь дал дукаты эти Марку
Не затем, чтоб пил вино червлено,
А чтоб только с глаз сокрылся Марко:
- 110 Очень сильно Марко разлютился²³².

39. Марко пьет в рамазан вино²³³

- Сулейман указ султанский выдал,
В рамазан чтобы вина не пили,
Не носили зеленой доламы,
Ко бедру не прицепляли сабли,
5 Не водили с девушками коло²³⁴
Марко водит с девушками коло,
Марко носит кованую саблю,
Марко носит зелену доламу,
В рамазан вино пьет храбрый Марко:
- 10 Соберет он ходжей и прохожих,
Пьет и сам и им вино подносит.
Сулейману жалуются турки:
„Сулейман, отец ты, мать ты наша!
Ты не сам указ ли этот выдал,
- 15 В рамазан чтобы вина не пили,

- Не носили зеленой доламы,
Ко бедру не прицепляли сабли,
Не водили с девушками коло,
Марко водит с девушками коло,
- 20 Марко носит кованую саблю,
Марко носит зелену доламу,
В рамазан вино он распивает.
Пей один, простить бы можно было:
Нет, собирает странников и ходжей,
- 25 Пьет и сам и этих угощает“.
Как услышал Сулейман те речи,
Двух гонцов он к Марку посылает:
„Вы идите, молодые слуги,
И скажите Кралевичу Марку —
- 30 Царь зовет его в диван немедля“.
И пошли те слуги молодые.
Вот они в шатер его приходят.
Пьет вино он: перед Марком чаша,—
Ок двенадцать будет в ней наверно.
- 35 И сказали слуги молодые:
„Ты послушай, Королевич Марко!
Царь зовет тебя в диван немедля,
Ты сейчас к султану отправляйся“.
Рассердился Королевич Марко,
- 40 Взял он чашу, что пред ним стояла,
И в гонцов пустил тяжелой чашей.
Затрещали головы и чаша,
И вино и кровь туг пролилися.
А затем пошел к султану Марко.
- 45 Сел он справа у его колена,
На глаза надел соболью шапку,
Буздован перед собой поставил;
На плече у Марка остра сабля.
Говорит султан такие речи:
- 50 „Сын по богу, Королевич Марко!

- Знаешь ты, что я указ мой выдал:
 В рамазан чтобы вина не пили,
 Не носили зеленой доламы,
 Ко бедру не прицепляли сабли,
 55 Не водили с девушками коло.
 Добрые мне люди говорили,
 На тебя мне злое доносили:
 Будто ты играешь в хороводах,
 Будто носишь кованую саблю,
 60 Надеваешь зелену доламу,
 В рамазан вино ты распиваешь,
 Собираешь ходжей и прохожих,
 Пьешь и сам и их ты угощаешь.
 Что ты шапку на брови надвинул?
 35 Буздован перед собой поставил?
 На плече зачем ты держишь саблю? —
 Отвечает Королевич Марко:
 „Сулейман, отец ты мне по богу!
 Пью вино я в рамазан турецкий, —
 70 Так моя мне вера позволяет;
 Подношу прохожим я и ходжам, —
 Подношу им потому, что стыдно
 Одному мне пить — другие смотрят.
 Пусть в корчму идут они за мною.
 75 Я ношу зеленую доламу, —
 Так я молод, и она к лицу мне;
 Прицепил я кованую саблю —
 Сам ее купил ведь я за деньги.
 А вожу я с девушками коло —
 80 Мне ведь можно — парню холостому:
 Сам ты был когда-то неженатым!
 На глаза свои надвинул шапку —
 Как с тобою говорю — горю я.
 Буздован я притащил с собою,
 85 Пред собой держу свою я саблю, —

Потому что опасаясь ссоры.
Если ж только ссора загорится,
То беда тому, кто ближе к Марку“.
Поглядел султан кругом, чтоб видеть,
90 Кто из всех сидит поближе к Марку:
Никого не видит он в палатке,
Сулейман сидит всех ближе к Марку.
Начал тут султан отодвигаться,
Придвигаться стал к султану Марко
95 И прижал его к стене палатки.
Опустил султан в карманы руку
И достал оттуда сто дукатов;
Отдает их Кралевичу Марку:
„Ну, иди вина напейся, Марко“²³⁵.

40. Андрей и Марко

Пьют вино Кралевици два брата,
Пьют во городе Прилепе белом,
Андрей пьет брат, с братом пьет он Марком,
Вино пили, они говорили,
5 И сказал Андрей тут брату Марку:
„Брат родной мой, Королевич Марко!
Пьем мы вместе и живем по-братски,
А не знаем мы с тобою, Марко,
Лучший кто из нас юнак не знаем?
10 А пойдем померяемся силой!“
И ему ответил Марко мудро:
„Ой, Андрей ты, королевич, брат мой!
Как глаза, у матери нас двое:
Перед богом был бы грех тяжелый,
15 А перед людьми позор великий,

- Если б брат из нас пошел на брата.
А пойдем с тобою на планину,
На планине нет воды ни капли,
И пробудем там с тобой день целый,
20 А кто дольше перетерпит жажду,
Назовем того юнаком бóльшим“.
И Андрей послушал брата Марка.
На коней садились братья добрых,
Отправлялись братья на планину.
25 А как только в полдень солнце стало,
И сказал тогда Андрей тут Марку:
„Брат родной мой, Королевич Марко!
Помоги коня ты повалить мне,
Я хочу его напиться крови,
30 Не могу перенести я жажды“.
Отвечает Королевич Марко:
„Нет, Андрей брат, сохрани нас боже!
До сих пор кралевицами звали,
Конеедами б нас не прозвали!
35 Поезжай-ка ты немного дальше,
И в лесу ты на корчму наедешь;
А в корчме той корчмарица Мара ²³⁶,
Это, брат мой, посестрима наша!
Пей вина ты сколько, брат, захочешь,
40 Ни гроша за это не заплатишь!“
И Андрей послушал брата Марка,
На коня садился вороного,
И проехал лесом он немного.
А когда к корчме Андрей подъехал,
45 Увидала корчмарица Мара,
А в корчме сидело тридцать турок,
Все разбойников сидело турок,
И разбойникам сказала Мара:
„Тридцать лютых слушайте вы турков!
50 Молодой юнак к корчме подъехал,

- Золотые на шапке челенки.
Дайте мне челенки золотые,
Сделаю, что сгубите юнака“.
Поднималась тут скоро Мара,
55 Распускала свои русы косы,
Покрывалась черным покрывалом,
Из корчмы к Андрею выбегала,
И копыта у коня целует,
Слезы ронит, говорит Андрею:
60 „Вот так счастье, мой юнак незнамый,
Что сегодня встретила юнака!
Девять лет с тех пор прошло уж целых,
Девять лет, как видела юнака.
Проходи, юнак, в корчму, не бойся,
65 Там вина хорошего напьешься,
Нацелуешься меня ты вдоволь!“
Молодой Андрей на то польстился,
Он в корчму за Марою проходит,
А ему навстречу тридцать турок,
70 Поднесли вина по чаше каждый.
Молодой Андрей все чаши выпил,
С харамбашей ²³⁷ он садился рядом—
Харамбаш еще вина подносит.
Как последнюю он выпил чашу,
75 На колена турку повалился;
Подморгнул разбойникам тут турок:
Отрубили голову Андрею.
Три дня белых Марко дожидался,
А не видно и не слышно брата!
80 Испугался, рассердился Марко
И вскочил на легкие он ноги,
А потом на Шарца он садился
И в корчму поехал прямо к Маре.
Увидала корчмарица Мара,
85 И опять разбойникам сказала:

- „Вот другой юнак к корчме подъехал!
Золотые на шапке челенки,
Дайте мне челенки золотые,
Сделаю, что сгубите юнака!“
- 90 И на ноги Мара поднималась,
На дорогу к Марку побежала,
Целовать чтоб у коня копыта.
На беду ей тут поворотило,
Не пускает Шарец ее к Марку,
- 95 Не дает к себе он прикоснуться,
Бьет ногою и кусает зубом.
Как увидел Королевич Марко,
Понимал тут сразу Королевич ²³⁸,
Что она его сгубила брата.
- 100 Поворачивал к корчме Шарина,
Привязал он к воротам Шарина,
Побежал юнак в корчму скорее,
За собою двери прикрывает.
Ему тож навстречу тридцать турок,
- 105 Поднесли вина по чаше каждый,
Только Марко на вино не смотрит,
Вынимает кованую саблю:
Нарубил корчму он полну мяса!
А когда посекал он тридцать турок,
- 110 И схватил тогда он посестриму,
Черны очи вынул он кинжалом,
Белы руки отрубил по локти,
Проколот насквозь ей белы груди,
В них кровавые воткнул он руки.
- 115 В тяжких муках тут скончалась Мара.
Начинал в корчме искать тут Марко,
И нашел он голову Андрея,
Положил ее в мешок на Шарца,
И поехал он зеленым лесом,
- 120 И запел он жалобно от горя:

„Если б знал ты, дорогой мой братец,
За тебя как Марко рассчитался:
За тебя—пошло их тридцать с лишком“.
И вернулся он в Прилеп здоровым.
125 Дай бог здоровья матери и сыну ²³⁹.

41. Юришич Янко

Кто-то стонет в городе Стамбуле,
То ли гуя, то ли вила бела?
То не гуя и не вила бела,
А юнак то стонет добрый Янко ²⁴⁰.
5 Стонет Янко он от тяжелой муки:
Вот уже прошло три года целых,
У царя он заперт басурмана,
У царя сидит в темнице темной.
Тяжела ему неволя стала,
10 И он стонет вечером и утром,
Досадил давно холодным камням,
А не только что царь-Сулейману ²⁴¹.
Вот приходит Сулейман турецкий,
Он приходит к воротам темницы,
15 Вызывает Юришича Янка:
„Ах, проклятый, Юришич ты Янко!
Что с тобою за беда такая,
Что все стонешь ты в моей темнице?
Не поят тебя или не кормят?
20 Или сердцем ты истосковался—
Ты тоскуешь по какой гяурке?“
Отвечает Янко Сулейману:
„Говорить ты волен, царь, что хочешь;
25 Только стало горько и досадно,

- Что попался я к тебе в темницу:
Доняла меня твоя темница!
Ради бога, царь-султан, послушай:
Ты проси за выкуп, сколько хочешь,
30 Отпусти лишь кости из темницы!“
Отвечает Сулейман на это:
„Курвин сын ты, Юришич ты Янко!
Твоего мне выкупа не надо,
А мне надо, чтоб сказал ты правду,
35 Как зовут трех воевод тех сербских,
Что мое все войско разогнали,
Как мы шли Косовским ровным полем?“
Отвечает Янко Сулейману:
„Говорить ты волен, царь, что хочешь,
40 Ты спросил, так я отвечу правду:
Самый первый сильный воевода,
Что на поле разогнал всех турок,
Потопил их в Лабѣ и Ситнице,
Это был сам Королевич Марко ²⁴².
45 А второй за ним был воевода,
Что на поле порубил всех турок,
Недоросток это был Огнянин ²⁴³,
Милый сестрич Королевич Марка.
Третий был за ними воевода,
50 Что сломал на поле остру саблю,
На копьѣ свое сажал он турок,
И погнал перед собою в Лабѣ,
Потопил их в Лабѣ и Ситнице,
Этого зовут Юришич Янко,
55 Этого ты держишь, царь, в темнице,
И чини над ним ты, что захочешь!“
Отвечает Сулейман на это:
„Курвин сын ты, Юришич ты Янко!
Говори, какою мукой мучить?
60 Этой мукой и с душой расстаться:

Хочешь, в море мы тебя утопим,
Или хочешь, на огне изжарим,
Или хочешь, мы к коням привяжем,
Разнесут они тебя на части“.

- 65 Отвечает Янко Сулейману:
„Говорить ты волен, дарь, что хочешь,
По душе ведь муки не бывает:
А как смерти миновать не можно,
Так послушай, что тебе скажу я:
70 Я не рыба, чтобы плавать в море,
Я тебе не старая колода,
Чтобы вы огнем меня спалили,
Я не курва, чтобы рвать конями,
Но юнак я буду из юнаков:
75 Дай ты, царь, разбитого коня мне,
Что стоял уж тридцать лет без дела,
Никакого бою он не видел,
Да еще тупую дай мне саблю,
Тридцать лет неточеную вовсе,
80 Что и в битве сроду не бывала,
А лежала, ржавчиной покрыта,
И из ножен чтоб не вынималась,
И пусти меня в широко поле,
А за мною двести янычаров,
85 Пусть они меня на сабли примут,
Пусть погибну я в бою юнаком“.
Сулейман Юришича послушал,
Дал ему разбитого коня он,
Что стоял уж тридцать лет без дела,
90 Никакого бою он не видел,
Дал ему еще тупую саблю,
Тридцать лет неточеную вовсе,
Что и в битве сроду не бывала,
А лежала, ржавчиной покрыта,
95 И из ножен что не вынималась,

- И пустил его в широко поле,
А за Янком двести янычаров.
А как Янко на коня сажился,
Янко люто бил его ногами.
- 100 Разлютился конь тогда, понесся,
Побежал широким чистым полем,
Вслед за Янком двести янычаров.
Впереди один удалый турок,
Он задумал голову снести Янку,
- 105 Чтобы взять подарок от султана;
Догонял он Юришича Янку,
А как Янко тут беду увидел,
Помянул он истинного бога,
Выхватил от пояса он саблю,
- 110 Выхватил как новую он саблю,
Дожидался молодого турка,
И на саблю басурмана принял,
По шелкову поясу ударил.
Басурманин пополам распался.
- 115 Тот с коня, а на коня Юришич,
И коня разбитого бросал он,
На турецкого коня сажился,
Из ножен у турка вынул саблю,
Он на турок нападал скорее;
- 120 Половину саблею посек он,
Половину он пригнал к султану.
И поехал он широким полем,
Ко двору поехал здрав и весел.

42. Марко пашет

- Пьет вино с старухой Евросимой —
Матерью своей — Кралевич Марко.
А как оба подкрепили силы,
Стала Марку говорить старуха:
- 5 „Сын мой милый, Королевич Марко!
Ты оставь поездки и походы,
Ведь от зла добра не много будет.
Да и я, старуха, утомилась
Мыть твои кровавые рубашки.
- 10 Ты возьми-ка плуг с волами, Марко,
Да паши и горы и долины,
Засевай их белою пшеницей,
Тем и будем мы с тобой кормиться“.
- И послушал Евросиму Марко:
- 15 Взял он плуг с надежными волами;
Но не пашет горы и долины,
Пашет Марко царскую дорогу.
По дороге едут янычары
И везут с собой три воза денег.
- 20 Говорят они с укором Марку:
„Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“ —
„Эй, вы, турки, не топчите пашню!“ —
„Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“ —
„Эй, вы, турки, не топчите пашню!“
- 25 Досадили Марку янычары:
Он схватил волов и плуг и ими
Он побил турецких янычаров.
Взял себе три воза денег Марко
И отнес их к матери-старухе:
- 30 „Вот тебе что выпал сегодня“²⁴⁵.

43. Женитьба Поповича Стояна ²⁴⁶

- Сватает Стоян себе невесту,
Девицу-красавицу далеко,
Королевну, дочку Михаила,
Короля латинского Млетака ²⁴⁷.
- 5 Перстень дал, о свадьбе сговорился.
Свадьбе быть, как в белый двор вернется,
Приведет с собой нарядных сватов.
И пока дал яблоко и перстень,
Он добра три воза поистратил,
- 10 А своим свояченицам с тещей
Раздарил он тысячу дукатов.
Говорил Стояну краль прощаясь:
„Дорогой мой зять, Стоян Попович!
Сколько хочешь, приводи ты сватов,
- 15 Когда будешь ехать за невестой;
Слышишь ли, мой зять, Стоян-Попович!
Не бери лишь ты сватами сербов—
Ведь все сербы пьяницы лихие,
Да к тому ж охотники до ссоры:
- 20 Как напьются, так затеют драку.
Не хочу я, чтоб в моем Млетаке
Между нами вышло несогласье.
Приводи с собой болгар да греков“.
- Эти речи слышит королева:
- 25 Поглядела на Стояна-зятя,
Поглядела да и усмехнулась.
Уезжал тогда Стоян Попович!
С белого двора домой он ехал.
Догоняет по пути Стояна
- 30 Мелкое письмо от королевы:

- „Дорогой мой зять, Стоян Попович!
 Не бери ты ни болгар, ни греков:
 Приводи с собой одних лишь сербов.
 Ведь латинцы исстари коварны.
- 35 Ожидай на этот раз обмана“.
 Прочитал Стоян письмо от тещи,
 И оно ему запало в душу.
 С этой думой он домой приехал.
 Мать-старуха вышла встретить сына.
- 40 Обнимает сына и целует,
 Сын же ей целует белу руку.
 Мать-старуха спрашивает сына:
 „Дорогой мой сын, Стоян Попович!
 Было ль мирно все в твоей дороге?
- 45 Мне сноху засватал молодую,
 Верную жену, а мне невестку?“
 Отвечает матери Попович.
 „Было мирно все в моей дороге,
 И тебе я, мать, сноху засватал,
- 50 Верную жену, тебе невестку.
 Поистратил я добра три воза
 Да истратил тысячу дукатов
 На подарки теще с дочерями.
 А когда я с королем прощался,—
- 55 Попросил меня не брать он сербов,
 Взять с собою лишь болгар и греков.
 Да письмо я получил в дороге:
 Пишет теща тайно мне от мужа,
 Чтоб с собою приводил я сербов.
- 60 Посоветуй, мать моя родная,
 Как мне быть, кого теперь мне слушать?“
 Говорит Стояну мать-старуха:
 Сын мой милый, ты послушай тещу:
 Ведь латинцы исстари коварны.
- 65 Приглашай себе венчальным кумом

- Короля Будимского, а сватом—
 Старым сватом Мандушича Вука²⁴⁸,
 Воеводой — Сибиняна Янка,
 А чаушем — Крылатицу Релю,
 70 Милоша зови ты знаменосцем,
 Деверем же — Кралевича Марка,
 Остальных гостей — кого захочешь—
 И тебе страшна не будет ссора“.
 Матери послушался Попович:
 75 Он в четыре края шлет посланья,
 Приглашает он нарядных сватов.
 Тысячу собрал себе он сватов.
 В кумовья звал краля из Будима,
 Старым сватом — Мандушича Вука,
 80 Воеводой—Сибиняна Янка,
 А чаушем — Крылатицу Релю,
 Милоша позвал он знаменосцем,
 Деверем же — Кралевича Марка.
 И пошли они в Млетак латинский.
 85 Вот пришли они в Млетак латинский,
 Их с почетом там король встречает:
 Лошадей ведут в конюшню слуги,
 А юнаков в белые палаты,
 И три дня пирует с ними вместе:
 90 Отдыхают кони и юнаки.
 На четвертый день лишь солнце встало,
 Стали голос подавать чауши:
 „Эй, скорее собирайтесь, сваты!
 Дни коротки, а длинна дорога.
 95 Время в путь обратный отправляться“.
 Король Млетака из дворца выходит
 И дары господские выносит:
 Куму — всю из золота рубашку,
 Свату — стол из золота литого,
 100 Воеводе—яблоко златое,

- Острое копьё — чаушу Реле,
Милошу — он кованую саблю,
Топузину — Кралевичу Марку,
Да ему же лошадь и невесту ²⁴⁹;
- 105 „Вот и конь, а вот моя и дочка:
В белый двор веди ее к Стояну,
Передай ему красу-невесту“.
Отправлялись в путь обратный сваты.
Провожает их король с почетом,
- 110 Одарил всех сватов по порядку,
Одарил платком или одеждой.
Сваты все и веселы и здравы.
Вот подходят к горному проходу
И идут они между горами:
- 115 У дороги сел какой-то витязь,
А на нем богатая одежда:
Серебро на нем везде да золото,
С головы его склонились перья,
С головы и до травы зеленой.
- 120 Держит что-то черное зубами,
Будто то ягненок полугодний:
Черные усы на грудь повисли,
Из-под них же пуговицы видны,—
Будто солнце сквозь листву сияет;
- 125 До колена ноги в чистом злате.
Рядом с ним лежит топуз тяжелый,
На плече его копьё стальное,
У бедра же кованая сабля.
Он вино червленое пьет чашей,
- 130 А ему лесная вила служит:
Правою рукой подносит чашу,
А рукою левою закуску.
Как с юнаком сваты поровнялись,
Поднимался он на легки ноги,
- 135 Молвил куму — королю Будима:

- „Краль Будима, подавай рубашку,
 Что тебе в Млетаке подарили“.
 Краль отдал и слова не промолвил.
 Краль прошел, за кралем следом Вуча;
- 140 У него юнак спросил подарок,—
 Стол литой из золота, и Вуча
 Стол отдал и слова не промолвил.
 Вслед за Вучей шел Сибиня Янко;
 У него юнак спросил подарок,—
- 145 Яблоко из золота литое;
 И отдал подарок молча Янко.
 А за Янком следом едет Реля;
 У него спросил юнак подарок,—
 Отдает копьё безмолвно Реля.
- 150 Вслед за Релей — Милош из Поцера.
 Хочет взять юнак Милоша саблю;
 Но заспорил Милош воевода,—
 Он не хочет возвратить подарка.
 Да кричать ему дружина стала:
- 155 „Отдавай, не затевай ты ссоры“.
 И отдал юнаку Милош саблю.
 За Милошем едет следом Марко
 И ведет коня он и невесту.
 Марку молвил незнакомый витязь:
- 160 „Отдавай-ка, Марко Королевич,
 Отдавай коня мне и невесту,
 Что тебе в Млетаке подарили“.
 Отвечает Королевич Марко:
 „Побратим мой, богатырь-латинец!
- 165 Конь не мой, и не моя невеста,
 Мне ж в Млетаке, брат мой, подарили,
 Подарили буздован тяжелый.
 Буздован возьми, когда ты хочешь“.
 Дальше слушать не хотел латинец ²⁵⁰:
- 170 Подошел, чтоб за узду схватиться,

- За узду коня, что под невестой.
 Взял топуз свой Марко Королевич
 И хватил между очей латинца,—
 Оба глаза выскочили разом.
- 175 Соскочил с коня проворно Марко
 И от тела голову отсек он,
 Снял с него прекрасную одежду,
 Отобрал обратно все подарки
 И роздал своим нарядным сватам:
- 180 Куму дал из золота рубашку,
 Свату — стол из золота литого,
 Воеводе — яблоко златое,
 Острое копьё — чашу Реле,
 А Милошу — кованую саблю;
- 185 Топузина ж осталась у Марка.
 Дальше в путь отправились сваты.
 Едет Марко, песни распевает.
 Тот остался рыть ногами землю ²⁵¹.

44. Женидьба Джуро Смедереваца ²⁵²

- Как задумал Джуро ожениться,
 Далеко он девушку засватал —
 В том прекрасном граде Дубровнике ²⁵³,
 У того ли краля Михаила.
- 5 Звать невесту-девушку — Ириной ²⁵⁴.
 Сватается Смедеревец Джуро,
 Михаил согласен выдать дочку.
 И пока невесту сватал Джуро,
 Поистратил три кармана денег,—
- 10 На подарки теще с дочерьми

- Он истратил тысячу дукатов.
 А когда о свадьбе сговорился,
 Краль ему и молвит на прощаньи:
 „Ты послушай, Смедеревец Джуро!
- 15 Как вернешься в Смедеревец-город,
 Станешь сватов собирать на свадьбу,
 Не зови к себе сватами сербов,—
 Потому что пьяницы все сербы,
 Любят ссоры затевать да споры:
- 20 Перепьются и затеят ссору.
 А тебе невесту, кто доставит?
 Созывай к себе болгар и греков,
 Созывай ты сватов, сколько хочешь,
 Приходи за милою невестой“.
- 25 В путь поехал Смедеревец Джуро,
 Выезжал из белого двора он.
 На пути письмо его догнало
 От Ирины, девушки-невесты:
 „Ты послушай, Смедеревец Джуро!
- 30 Как вернешься в Смедеревец-город,
 Станешь сватов собирать на свадьбу,
 То не слушай тестева совета,—
 Не зови ты ни болгар, ни греков:
 Можешь ты главы своей лишиться,
- 35 Как за мною в Дубровник приедешь.
 Приглашай себе сватами сербов:
 Старшим кумом — Дебелич Новака,
 А прикумком — Новакович Грую ²⁵⁵,
 Старым сватом — Сибиняна Янка,
- 40 Деверем же — Кралевица Марка,
 А чаушем — Крылатого Релю,
 Воеводой — Обилич-Милоша,
 Знаменосцем — Топлицу Милана,
 Шафером — Косанчича Ивана,
- 45 Остальных сватов — кого захочешь.

- Тысячу сбри себе ты сватов
 И иди тогда ты за невестой".
 Прочитал письмо Ирины Джюро
 И не знает, что ему тут делать...
- 50 А как был он близко уж от дома,
 Издалека мать его узнала,
 Из двора к нему навстречу вышла;
 Обнимает сына и целует.
 Джюро ей целует белу руку.
- 55 Они взялись за белые руки
 И поднялись в белые палаты.
 И сажались за стол убраный.
 Говорила Джюро мать-старуха:
 „Сын мой милый, Смедеревец Джюро!
 60 Было ль мирно все в твоей дороге?
 А сноху мне милую засватал,
 Верную жену, а мне невестку?“
 Отвечает Смедеревец Джюро:
 „Слава богу, мать моя родная!
- 65 Было мирно все в моей дороге;
 И сноху я для тебя засватал,
 Верную жену, тебе невестку,
 В том прекрасном граде Дубровнике,
 У того ли краля Михаила;
- 70 Звать невесту-девушку — Ириной.
 И покуда сватал я Ирину,
 Я истратил три кармана денег,—
 На подарки теще с дочерями
 Я потратил тысячу дукатов.
- 75 Как мы стали говорить о свадьбе,
 То просил меня король зачем-то,
 Чтобы сербов я не брал сватами:
 „Сербы все ведь пьяницы большие,
 Любят споры затевать да ссоры,—
- 80 Как нашьются, и затеют ссору.

- А к тебе невесту кто доставит?
 Приглашай к себе болгар да греков,
 Созывай ты сватов, сколько хочешь,
 Приходи за милою невестой“.
- 85 Он сказал, а я домой поехал.
 На пути письмо меня догнало
 От Ирины, от моей невесты:
 „Ты послушай, Смедеревец Джуро!
 Как вернешься в Смедеревец-город,
- 90 Станешь сватов собирать на свадьбу,
 То не слушай тестева совета,—
 Не зови ты ни болгар, ни греков:
 Можешь ты главы своей лишиться,
 Как за мною в Дубровник приедешь.
- 95 Приглашай себе сватами сербов:
 Старшим кумом — Дебелич Новака,
 А прикумком — Новакович Грюю,
 Старым сватом — Сибиняна Янка,
 Деверем же — Кралевича Марка,
- 100 А чаушем — Крылатого Релю,
 Воеводой — Обилич-Милоша,
 Знаменосцем — Топлицу Милана,
 Шафером — Косанчича Ивана,
 Остальных сватов — кого захочешь.
- 105 Тысячу сberi себе ты сватов
 И иди тогда ты за невестой“.
 Посоветуй, мать моя родная,
 Посоветуй мне, кого послушать:
 Или тестя, или же Ирину?“
- 110 Отвечает Джюру мать-старуха:
 „Сын мой милый, Смедеревец Джуро!
 Ведь латинцы исстари коварны,
 Обмануть тебя они решили.
 Ты не слушай краля Михаила,
- 115 А послушай девушку Ирину

- И зови к себе сватами сербов:
Если что в дороге приключится,
То в беде они тебя не бросят“.
- Как услышал эти речи Джюро,
120 Стал писать он письма на колене;
Посылал он их в четыре края.
Вот проходит времени немного,
Старина Новак приходит к Джюру,
А с Новаком сын его Груица,
- 125 Вслед за ними и Сибиня Янко
И ведет с собою сотню сватов.
Лишь взошел он в белые палаты,
А уж Марко в поле показался,
А за Марком Реля из Пазара,
- 130 А за Релей воевода Милош;
Вслед за ним идет Милан Топлица,
За Топлицей вслед Иван Косанчич.
Собралися сербские владыки,
С ними сватов тысяча нарядных.
- 135 Встретил Джюро воевод с почетом
И тихонько говорил он сватам:
„Братья-сваты, тысячу нарядных,
Не иду сам в город я Дубровник,
Посылаю Марка побратима...
- 140 Слушайтеся Кралевица Марка,
Слушайте и Старину Новака“.
- К Дубровнику отправлялись сваты
И дошли до Дубровника мирно.
Говорил тут Королевич Марко:
- 145 „Братья сваты, тысячу нарядных,
Мы уж близко к городским воротам,
А тут будет семьдесят и семь их,
Прежде чем доедем мы до башни,
Где столы накрытые готовы,
- 150 А на них стоят вино с ракией

- И закуски разные стоят там,
У столов — и слуги и служанки,
Чтоб принять у вас коней с оружием.
Вы слугам коней своих отдайте,
155 Но оружию при себе оставьте:
При оружьи и за стол садитесь,
При оружьи пейте черны вина.
Если краль придет, вы все молчите,
Говорить один я буду с кралем“.
- 160 Вот и к башне сваты подъезжают.
Взять коней к ним побегают слуги,
А служанки, чтоб принять оружие.
Сваты слугам коней отдавали,
Но служанкам не дали оружия.
- 165 При оружьи и за стол уселись,
При оружьи пьют вино с ракией.
Дубровницкий краль приходит к сватам
И такие речи тихо молвит:
„Кум мой милый, Старина Новаче!
170 Прежде вас мы принимали сватов,
И никто с оружием не садился
При оружьи пить вино с ракией“.
Но Новак молчит, хоть все и слышит.
Отвечает Марко Королевич:
- 175 „Дубровницкий краль, приятель добрый!
Уж таков-то наш обычай сербский:
При оружьи пьем вино с ракией,
При оружьи мы и спать ложимся“.
Повернулся краль, ушел на башню.
- 180 Ночь проходит темная спокойно,
А как утром утро засияло,
Со стены кричит латинец сватам:
„Эй, послушай, кум Новак-Дебелич!
Здесь на башне белой два латинца,
185 И зовут они тебя сразиться:

- Победить тебе в бою их надо,
Прежде чем вести домой невесту“.
Как Новак услышал этот вызов,
Поглядел на Грую, мила сына.
- 190 Не взглянул ни на кого Груица,
А тотчас вскочил на легки ноги
И пошел с латинцами сразиться.
Как поднялся Груица на башню,
Там его латинцы повстречали,—
- 195 А в руках у них — две острых сабли.
На Груицу бросились латинцы.
Он на землю черную садился,
Размахнулся он мечом зеленым —
Из двоих четыре тотчас стало.
- 200 Как сходил на землю с башни Груя,
Вышла к Груе девушка Ирина:
„Подожди, дитя мое, Груица!“
И бросает яблоко из злата:
„Вот тебе, дитя мое Груица!
205 Вот когда беда с тобой случится,
Будешь знать ты, где сидит Ирина“.
Отдал Груя Старине Новаку
Головы убитых двух латинцев
И уселся снова за трапезу.
- 210 Со стены опять кричит латинец:
„Эй, послушай, Старина Поваче!
Здесь у башни три коня юнацких,
У седла их три копыта стальные,
Острием торчат те копыта к небу;
- 215 Перепрыгнуть надо эти копыта,
Прежде чем вести домой Ирину“.
Как Новак услышал эти речи,
Поглядел на Кралевича Марка,
Марко тотчас поглядел на Янка,
- 220 Янко ж стал искать глазами Релю.

- Тотчас Реля стал на легки ноги
И пошел к высокой белой башне,
Перепрыгнул трех коней юнацких,
У седла их три копыа стальные.
- 225 Вынул Реля кованую саблю
И двенадцать погубил латинцев,
Что стояли у коней на-страже.
Взял потом он трех коней юнацких
И отвел их к Старине Новаку.
- 230 Лишь уселся Реля за трапезу,
Со стены опять кричит латинец:
„Эй, послушай кум, Новак Дебелич!
В яблоко попасть стрелою надо“.
Поглядел Новак тут на Милóша.
- 235 Милóш тотчас стал на легки ноги,
Клал стрелу на тетиву златую,
Яблоко стрелою сбил он с башни
И принес его к Новаку куму.
Разлютился Королевич Марко,
- 240 Говорит он Старине Новаку:
„Если б знал я, где сидит Ирина,
Я б не стал ее просить у краля“.
Говорит Новаков сын Груица:
„Вслед за мной иди, Кралевич Марко:
- 245 Видел я и знаю, где Ирина“.
Поднялись они на белу башню
И нашли там девушку Ирину;
Вниз ее они свели на землю.
Но кричит им со стены латинец:
- 250 „Эй, послушай, Старина Новаче!
Ведь закрыты крепко перед вами
Семьдесят и семь ворот железных“.
Говорит тут Королевич Марко:
„Выведи, Груица, мне Шарина:
- 255 Все ключи на нем от Дубровника“²⁵⁶.

- Вывел Груя Маркова Шарина.
Сел на Шарца Марко Королевич
И топуз свой отвязал тяжелый.
Разлютился Королевич Марко
- 260 Как ударит в ворота топузом —
На четыре части разлетелись.
Так дошел до городских ворот он—
Самых крепких, чтоб им развалиться!
Как ударил тяжкой топузиной —
- 265 Крепкая рассыпалась башня,
Вздогнула так крепкая вся башня—
Стали падать на землю каменя.
Закричал тогда король на башне
(Он сидел тогда на этой башне):
- 270 „Перестань ты, Марко, бить ворота!“
Вышел краль, ключи с собою вынес
И ворота отворил для сватов.
Стал в воротах Королевич Марко
И всех сватов пропустил по счету.
- 275 Крикнул Марко кралою Михаилу:
„Подойди поближе, краль приятель,
Подойди,—дадим тебе подарок
И попросим у тебя прощенья,
Что тебе убытки причинили“.
- 280 Подошел король к юнаку Марку:
Думал краль, что Марко даст подарок.
Но махнул топузом тяжким Марко,—
И унал король на землю мертвым.
В нуть обратный отправлялись сваты,
- 285 Отправлялись к Смедереву прямо.
Повстречал их в Смедереве Джуро.
Две недели пировали сваты.
Жить с женой стал Смедеревец Джуро.
Разошлись сваты восвояси ²⁵⁷.

45. Лютица Богдан и воевода Драгия

- Как служил Богдан тут воеводе,
Воеводе он служил Драгию ²⁵⁸,
Девять лет ему служил он целых,
А служил ему он не за деньги,
5 А служил за шарца из потаи ²⁵⁹.
А десятая пришла година,
Собирал господу воевода,
Собирался хитрый лов ловить он;
Соколов с собой брала господа,
10 А Драгия кречета малóго,
Приходили к озеру мутнóму,
На озере утки-златокрылки.
Вся господа соколов пускала,
А Драгия кречета малóго.
15 Соколы тут уток ухватили,
Не поймал один лишь кречет-птица.
А Драгию это горько было.
Подзывал он Лютиду Богдана:
„Лютица Богдан, слуга мой верный!
20 Поезжай-ка к белому двору ты,
Сивого ты сокола носи мне,
А чтоб утку ухватил мне сокол,
Чтоб лицо Драгия посветлело
Да у озера между господой“.
25 И сказал ему Богдан на это:
„О Драгия, господин мой милый!
Госпожа разумная не даст мне,
Без твоего не даст она мне знака“.
И два знака дал ему Драгия:
30 Из-за пояса шелков платочек,

- А с руки дал золотой он перстень:
„Вот, мой сын, тебе мои два знака,
Сивого ты сокола носи мне“.
Лютица Богдан брал оба знака,
35 Поспешал он ко двору Драгия:
„Госпожа моя, жена Драгия!
А поклон тебе от господина,
Господина нашего с тобою,
40 Посылай ты шарца из потаи,
Посылай и сокола сивого“.
Отвечала тут жена Драгия:
„Лютица Богдан, слуга наш верный!
Дам тебе я сокола сивого,
45 Да не дам я шарца из потаи“.
Вынимает Лютица два знака:
„Вот кольцо тебе за шарца будет,
За сивого сокола платочек“.
Делать нечего жене Драгия,
50 И ворот тут девять отпирала,
А дубровницкий замок ²⁶⁰ десятый,
Из потаи шарца выводила,
Оседлала, нарядила шарца,
Отдавала Лютице Богдану,
55 Отдавала сокола и шарца.
А когда Богдан сидел на шарце,
Лютица на это ей ответил:
„Бог с тобою, ты жена Драгия!
А служил тебе я и Драгию,
60 Девять целых лет служил вам верой,
А девятая пришла година,
Я служил вам верой не за деньги,
А служил за шарца из потаи“.
Лютица поехал полем ровным,
65 Как звезда падучая по небу.

Завопила тут жена Драгии,
 Поспешала она в двор господский,
 Призывала деверя Манойла ²⁶¹:
 „Ой, послушай, деверь мой Манойло!
 70 Лютица Богдан бежал со службы,
 И увел он шарца из потаи,
 И унес он сокола сизого“.
 А вскочил тут молодой Манойло,
 На коня садился он Шаврана ²⁶²,
 75 Отправлялся вслед за ним он полем.
 Скоро Шавран догоняет шарца.
 Лютица Богдан увидел это,
 Обернулся справа да налево,
 Молодого погубил Манойла,
 80 Взял с собою он коня Шаврана
 И связал он шарца и Шаврана.
 До Драгия крик тогда донесся:
 „Не с ума сошел ли ты, Драгия,
 Ты с ума сошел и пьешь вино ты
 85 Да у озера между господой!
 Лютица Богдан бежал со службы,
 И увел он шарца и Шаврана,
 Погубил еще Манойла, брата“.
 Воевода тут вскочил Драгия,
 90 Поспешил к господскому двору он,
 Оседлал арабскую кобылу,—
 Были от нее Шавран и шарец,—
 И кобыле доброй волю дал он:
 Зашипела, как змея, кобыла,
 95 А ноздрями синий пламень пышет,
 пеной брызжет через господина,
 В три копы кобыла вверх скакала,
 А вперед скакала на четыре;
 А кобыла скоро догоняет,
 100 Догоняет и перегоняет;

А когда назад поворотила
 И змеєю лютой зашипела,
 Ухватила Лютицу Богдана,
 Ухватила за спину зубами,
 105 Ударяла о чернүю землю,
 Тут Богдан с душою расставался.
 Воевода стал над ним Драгия,
 Стал над ним и слезы проливает:
 „Лютица Богдан, слуга мой верный!
 110 Ты дитя мое ли дорогое!
 Если тебе шарец показался,
 Так зачем его не попросил ты?
 Я тебе, сын, шарца подарил бы,
 И твою бы службу заплатил я;
 115 Не погиб бы Лютица так плохо,
 И Манойла не сгубил бы, брата“.
 Схоронил там Лютицу Богдана
 И унес в свой двор Манойла, брата,
 Хорошо его похоронил он,
 120 И обоим за душу воздал он,
 Как по царской это чести надо,
 Христианским велено законом ²⁶³.

46. Больной Дойчин

Разболелся воевода Дойчин ²⁶⁴,
 Во Солуне во городе белом ²⁶⁵,
 Девять лет болеет воевода.
 Все о нем забыли уж в Солуне,
 5 Думают, что воевода помер.
 Далеко то чудо разнеслося,
 Донеслося до земли Арапской,
 А услышал Усо Арапинин ²⁶⁶,
 Чуть услышал, уж коня седмает,
 10 Едет прямо к городу Солуню.

- Под Солунь приехал Арапинин,
Под Солунь в широкое он поле,
Середь поля он шатер расставил,
Из Солуня вызывал бойца он,
15 Чтобы вышел с Усом потягаться,
Чтобы с ним на поле поборолся.
Нет в Солуне-городе юнака,
Чтобы вышел с Усом потягаться:
Дойчин был, да сильно разболелся,
20 Дука был, да руки заболели,
Есть Илья, да малый-несмышленный²⁶⁷,
Никогда еще не видел бою,
А не то, чтоб стать ему на поле.
И пошел бы с Усом потягаться,
25 Мать его старуха не пустила б:
„Нет, Илья, ты малый-несмышленный,
И тебя обманет Арапинин —
И тебя он глупого погубит,
А меня несчастную оставит“.
30 А увидел черный Арапинин—
Нет в Солуне-городе юнака,
Чтобы вышел с Усом потягаться.
На Солунь накладывал он дани:
Со двора брал по овце яловой,
35 И по печи белого брал хлеба,
По сту ок червленого вина брал,
И по бочке жженой брал ракии,
И по двадцать желтых брал дукатов,
По одной красавице девице,
40 Или девку или молодицу,
Мологицу, что в дом приводили,
Приводили, еще не любили.
Дани дал Арапину весь город,
И черед пришел на двор Дойчинов.
45 Никого в семье нет у Дойчина,

- Только верная жена одна есть,
 Да Елица, милая сестрица:
 Бедные, они собрали дани,
 Отнести их некому на поле.
- 50 Сам Арапин братъ не хочет дани,
 Без Елицы красной братъ девицы.
 Они с горя тут затосковали.
 Села Ела в головах у брата,
 Ронит слезы по лицу белому,
- 55 На лицо она роняет брату;
 А услышал это бедный Дойчин,
 И больной сказал своей сестре он:
 „Иль мои дворы уж погорели,
 Что сквозь крышу дождик пропадает?
- 60 И спокойно умереть нельзя мне!“
 Отвечает девица Елица:
 „О мой брат, о мой больной ты Дойчин!
 Нет, твои дворы не протекают,
 Льются слезы у твоей сестрицы“.
- 65 А сестре больной ответил Дойчин:
 „Что там сталося, сестра родная?
 Или хлеба больше уж не стало?
 Или хлеба, иль вина червлена?
 Полотна ли белого не стало?
- 70 Полотна иль золота не стало?
 Или нечем вышивать на пяльцах,
 Нечем стало, почему не стало?“
 Отвечает девушка Елица:
 „О мой брат, о мой больной ты Дойчин!
- 75 У нас хлеба белого довольно,
 А вина червленого и больше,
 Полотна и золота довольно,
 Есть чем шить и вышивать на пяльцах,
 Расшивать довольно по чему есть;
- 80 Ты послушай, есть другое горе:

- А пришел к нам Арапинин Усо,
 Под Солунь в широкое он поле,
 Из Солуня вызывал бойца он,
 Чтобы вышел с Усом потягаться;
- 85 Нет в Солуне-городе юнака,
 Чтобы вышел с Усом потягаться;
 А увидел черный Арапинин,
 На Солунь накладывал он дани:
 Со двора брал по овце он жирной
- 90 И по печи белого брал хлеба,
 По сту ок червленого вина брал,
 И по бочке жженой брал ракии,
 И по двадцать желтых брал дукатов,
 По одной красавице девице,
- 95 Или девку, или молодицу;
 Дани дал Арапину весь город,
 А черед пришел на твой двор белый:
 Никого в семье у тебя нет, брат.
 Сами, бедные, собрали дани,
- 100 Отнести их некому на поле,
 Сам Арапин брать не хочет дани
 Без Елицы, без твоей сестрицы.
 Слышишь ли меня, больной Дойчин, брат,
 Не могу Арапина любить я,
- 105 Пока жив Дойчин, мой милый братец“.
 А больной Дойчин тут отвечает:
 „Чтоб тебя, Солунь, огнем спалило!
 Нет в Солуне городе юнака,
 Чтобы вышел с Усом потягаться,
- 110 Не придется умереть мне с миром“.
 Подзывал он любу Анджелию:
 „Анджелия, верная мне любя!
 Жив еще ли мой гнедой тот коник?“
 Отвечала любя Анджелия:
- 115 „Господин мой, ты больной ли Дойчин!

- Жив еще да тот гнедой твой коник,
Хорошо сама за ним ходила“.
- А большой ей отвечает Дойчин:
„Анджелия, верная мне любя!
- 120 А возьми ты доброго гнедого,
К моему веди ты побратиму,
К кузнецу Петру ты побратиму,
Пусть мне в долг гнедого подкует он,
Я хочу с Арапином сразиться,
125 Я хочу, а денег не имею“.
- И его послушалась любя,
Люба доброго брала гнедого,
К кузнецу Петру вела гнедого.
А как Петр кузнец ее увидел,
130 И тогда сказал он Анджелии:
„О сноха моя ты, Анджелия!
Побратим мой разве уж скончался,
Что ведешь ты продавать гнедого?“
- Отвечает краса Анджелия:
135 „О. мой деверь, ой, кузнец ты Петро!
Побратим еще твой не скончался,
А тебе он просит поклониться,
Чтоб ему в долг подковал гнедого,
Он идет с Арапином сразиться,
140 А вернется, за подков заплатит“.
- А кузнец ей отвечает Петро:
„Анджелия, милая сноха мне!
Не хочу я в долг ковать гнедого,
Дай свои мне черные ты очи,
145 Целовать твои я очи буду,
Пока брат мой с боя не вернется,
За подков пока мне не заплатит“.
- Разлютилась сильно Анджелия,
Как огонь живой тут загорелась,
150 Отвела некована гнедого,

- Приводила к Дойчину больному.
Говорил тогда больной ей Дойчин:
„Анджелия, верная мне любя!
Подковал ли побратим гнедого?“
- 155 Зашипела любя Анджелия,
Зашипела, как змея люта́я:
„Господин мой, ты больной ли Дойчин!
Чтобы гром убил его на месте!
Он не хочет в долг ковать гнедого,
- 160 А мои он черны очи хочет,
Целовать мои он очи хочет,
За подков пока ты не заплатишь.
Кузнеда мне целовать не можно,
Если жив еще мой милый Дойчин“.
- 165 Как больной услышал это Дойчин,
Говорил своей он верной любе:
„Анджелия, верная мне любя!
Оседлай мне доброго гнедого,
Принеси копье мне боевое!“
- 170 Подзывал потом сестру Елицу:
„О Елица, милая сестра мне!
Принеси ты полотна кусок мне,
Затяни меня, сестра, от бедер,
А от бедер до крутых до ребер,
- 175 Чтобы кости да не расходились,
Чтобы с костью кость не расходилась“.
Скоро обе это исполняли:
Доброго коня седлает любя
И копье приносит боевое;
- 180 Полотно сестрица приносила,
Затянула Дойчина больного,
А от бедер до крутых до ребер,
Пристегнула саблю-алеманку²⁶⁸,
Привела гнедого боевого,
- 185 На коня больного посадили,

- И копы давали боевое.
 Боевой конь узнавал больного,
 Под Дойчином конь гнедой играет,
 По базару когда ехал Дойчин,
 190 А под ним так разыгрался коник—
 Из дороги выбивал каменья.
 Говорят солунские торговцы:
 „Слава боже, слава тебе боже!
 Что с тех пор, как наш Дойчин скончался,
 195 Не прошло тут лучшего юнака,
 Не прошло еще Солунем белым,
 Лучшего коня не проезжало“.
 А как был Дойчин в широком поле,
 У шатра ли черного арапа,
 200 Да как черный Арапин увидел,
 Привскочил он на ноги от страху,
 Говорил тут черный Арапинин:
 „Ох, ты Дойчин, гром тебя убил бы!
 Неужели до сих пор живой ты?
 205 Пить вино со мной садись, приятель,
 И оставим к дьяволу раздоры,
 Дам тебе солунские я дани!“
 Говорил ему больной тут Дойчин:
 „Ну-ка, курва, черный Арапинин,
 210 Выходи-ка ты на бой юнацкий,
 На бою юнацком потягаться,
 Ведь легко червленое вино пить,
 Целовать солунских наших девок!“
 Отвечает черный Арапинин:
 215 „Побратим мой, воевода Дойчин!
 Оставляй ты к дьяволу раздоры,
 Пить вино со мной садись, приятель,
 Дам тебе солунские я дани,
 Дам тебе солунскую я девку;
 220 Заклинаю истинным я богом,

- Не приду совсем к Солуню больше“.
Как больной увидел это Дойчин,
Что Арапин биться с ним не смеет,
Разогнал он доброго гнедого,
225 Да на белый на шатер арапский,
На копье шатер он белый поднял.
Под шатром бы чудо посмотреть нам!
Под шатром сидят там тридцать девок,
А меж ними черный Арапинин.
230 Как увидел черный Арапинин,
Что Дойчин не хочет с ним мириться,
Он вскочил на вороного скоро,
И копье брал в руку боевое,
Выезжал в широкое он поле,
235 Разлютил коня Арапин к бою.
Говорил ему больной тут Дойчин:
„Бей ты, курва, черный Арапинин,
Бей ты первый, чтоб не жалко было“,
И копье бросал Арапин черный,
240 Чтоб ударить Дойчина больного,
А гнедой в бою уж был ученый,
Припадал гнедой к траве зеленой,
А копье повыше пролетело,
В черную оно воткнулось землю,
245 Половина в землю уходила,
Половина сверху отломилась.
Как увидел черный Арапинин,
Показал перед юнаком спину,
Побежал он к белому Солуню,
250 А за ним Дойчин больной погнался.
Был Арапин в воротах солунских,
Догонял больной его тут Дойчин,
Замахнулся боевым копьём он,
Приколоч Арапа он к воротам,
255 Вынимал он саблю-алеманку,

- Отсекал он голову Арапу,
Насадил он голову на саблю,
Вынимал Араповы он очи,
Завернул он их в платочек тонкий,
260 Голову бросал в траву зелену.
На базар отправился потом он,
К своему пришел он побратиму,
К кузнецу Петру он побратиму,
Подзывал своо он побратима:
265 „Выйди, брат мой, заплачу подков ²⁶⁹ я,
Что коня ты подковал гнедого,
В долг коня мне подковал гнедого“.
А ему тут Петр кузнец ответил:
„О больной мой побратим ты, Дойчин!
270 Не ковал я твоего гнедого,
Только, брат, я пошутил немного,
А твоя ли любя рассердилась,
Как огонь живой тут загорелась,
Отвела некована гнедого!“
275 А больной ему ответил Дойчин:
„Выходи-ка, заплачу подков я“.
Выходил из кузницы своей он,
А больной Дойчин махнул тут саблей,
Кузнецову голову отсек он,
280 Посадил он голову на саблю,
Вынимал он кузнецовы очи,
Завернул он их в платочек тонкий,
На базаре голову бросал он,
Отправлялся к белому двору, он,
285 У двора Дойчин сошел с гнедого,
На постелю мягкую садился,
Вынимал Араповы он очи,
И бросал своей сестре он милой:
„Вот Араповы, сестрица, очи,
290 Знай теперь, что целовать не будешь,

Пока жив я, целовать не будешь“.
Вынимал он кузнецовы очи,
И давал он любви Анджелии:
„Возьми, Анджо, кузнецовы очи,
295 Знай теперь, что целовать не будешь,
Пока жив я, целовать не будешь“.
Так сказал он — и с душой расстался ²⁷⁰.

47. Смерть Марка Кралевица

Рано едет Королевич Марко
В воскресенье — до восхода солнца
По Урвину ²⁷¹, краем синя моря.
А когда был Марко на Урвине,
5 Стал тут Шарец часто оступаться,
Оступаться, лить горючи слезы.
Опечалился Кралевич Марко,
Говорил он своему Шарину:
„Что ты, Шарец? Что, слуга мой верный?
10 Лет уж сто и шестьдесят, как вместе
Я с тобой, Шарин, не расстаюся;
Никогда ты так не оступался.
А теперь ты оступаться начал,
Оступаться, лить горючи слезы.
15 Видно, скоро быть беде великой
Пад моей или твоей главою“.
Говорить еще не кончил Марко,
А с Урвина отвечает вила,
Подзывает Кралевича Марка:
20 „Побратим мой, Марко Королевич!
Знаешь ты, что Шарец предвещает?
Конь тебя, хозяина, жалеет.
А расстаться скоро вам придется“.
Отвечает Королевич виле:
25 „Заболей ты, бела вила, горлом!

- Как же с Шардем мне моим расстаться?
Городов, земель прошел я много,
Обошел я и Восток и Запад,—
Не нашел коня я лучше Шарца,
30 Как юнака нет меня сильнее.
Не расстанусь с Шардем я вовеки,
Жив пока на этом белом свете“.
Отвечает ему бела вила:
„Побратим мой, Королевич Марко!
35 Не отнимут у тебя Шарина,
Не умрешь ты, Марко, от юнака:
Не умрешь ты и от острой сабли,
От копья и тяжелой топузины,—
Никого ведь нет тебя сильнее.
40 А умрешь ты, побратим мой, Марко,
От судьи, небесного владыки.
Если, Марко, мне не хочешь верить,
То, как будешь на верху планины,
Обернися от себя налево —
45 И увидишь тонкие две ели:
Они сверху опустили ветки,
И листом зеленым все закрыли.
Между ними ты найдешь колодец,
А как только повернешь коня ты,
50 Слезь ты с Шарца, привяжи за елку,
И нагнувшись, ты взгляни в колодец:
Там в воде лицо свое увидишь,
И увидишь там, когда умрешь ты“.
И послушал белую он вилу.
55 Как поднялся к самой он вершине,
Поглядел он справа и налево
И увидел тонкие две ели,
Они сверху опустили ветки,
И листом зеленым все закрыли.
60 А как Марко повернул тут Шарца,

- Слез с коня и привязал за елку,
И нагнувшись, глянул он в колодез,
И в воде лицо свое увидел,
И увидел, что умрет он скоро.
- 65 Пролил слезы и сказал тут Марко:
„Свет ты лживый, цвет ты мой прекрасный!
Чуден был ты, да ходил я мало:
Триста лет лишь я гулял на свете!
Вот — конец, со светом я прощаюсь“.
- 70 Вынул Марко кованую саблю,
Подошел он к своему Шарину,
Снял он саблей голову Шарину,
Чтобы туркам Шарец не достался,
Чтоб никто из турок не работал,
- 75 Не возил бы воду на Шарине.
Как убил коня своего Марко,
Закопал его в сырую землю.
(Своего Шарина хоронил он
Лучше брата своего Андрея)
- 80 Перебил свою он острую саблю,
На четыре части перебил он,
Чтоб она не доставалась туркам,
Чтоб ею турок не хвалился,
Что он саблей Марковой владеет,
- 85 Чтоб не кляли христиане Марка.
Поломал копьё на семь обломков
И забросил их на ветви ели;
Марко взял свой буздован тяжелый,
Взял его своей рукою правой
- 90 И забросил с Урвина-планины,
Он в морскую глубину забросил
И топузу говорил тут Марко:
„Если сам всплывет топуз тяжелый,
То, как я, другой родится витязь“.
- 95 А как Марко истребил оружие,

- Вынимал из пояса чернила,
Из кармана чистую бумагу,
И писал на той бумаге Марко:
„Если будет ехать кто Урвином
100 У колодца, у зеленых елей,
И увидит Кралевица Марка,—
Пусть он знает, что скончался Марко.
Подле Марка здесь найдет он деньги,
Он найдет три пояса дукатов.
- 105 Первый пояс отдаю тому я,
Кто в земле мое схоронит тело;
А другой — на украшение храмов;
А слепцам да сухоруким нищим
Отдаю я пояс свой последний:
- 110 Пусть калеки ходят белым светом,
Пусть поют и вспоминают Марка“.
Как окончил Марко завещанье,
Он его подвесил к ветке ели,
Чтобы видно было всем с дороги,
- 115 А чернила бросил он в колодец.
Снял с себя зеленую доламу,
Расстелил ее под тонкой елью,
А потом перекрестился с верой
И улегся на своей доламе,
- 120 Соболь-шапку на глаза надвинул.
Так лежал, покуда не скончался.
И лежал он целую неделю.
Кто идет путем-дорогой мимо
И увидит Кралевица Марка,
- 125 Всякий думал, что уснул он крепко,
И далеко вокруг его обходит,
Чтоб покоя не тревожить Марка.
Где удача, там и неудача;
Где несчастье, там бывает счастье:
- 130 Шел, по счастью, этою дорогой

- Святогорец проигумен Васа ²⁷².
Со своим послушником Исайей.
Как увидел святогорец Марка,
Стал махать послушнику руками:
135 „Тише, сын мой! Не тревожь ты Марка,—
Он со сна сердит порой бывает,
Он обоих погубить нас может“.
Да увидел он над спящим Марком,
Он увидел белый лист бумаги;
- 140 Васа взял и прочитал бумагу:
Говорилось в ней, что умер Марко.
Васа слез с коня и труп пощупал:
Уж давно лежит тут Марко мертвым.
Полилися слезы у игумна,
- 145 Жалко было Марка святогорцу.
Снял он с Марка пояса с деньгами,
Отпоясал, себе припоясал.
Думу думал Васа проигумен:
Где бы Марка схоронить приличней?
- 150 Думу думал,— он одно придумал:
На коня клал мертвого он Марка,
Осторожно свел коня на берег.
Положил потом его на лодку,
Вез его он на Святую гору,
- 155 Внес его в Вилиндарскую церковь ²⁷³
И служил, как должно над умершим,
Отпевал умершего героя.
Посреди Вилиндарского храма
Хоронил игумен Васа Марка.
- 160 Но над Марком ни креста, ни камня
Не поставил святогорец Васа,
Чтоб никто не знал, где он схоронен:
Много было недругов у Марка ²⁷⁴.

IV.
ПЕСНИ О БРАНКОВИЧАХ, ЯБШИЧАХ
И ЧЕРНОЕВИЧАХ

48. Джурджева Ирина

- Выходила Джурджева Ирина²⁷⁵,
Из-под града Смедеревца бела,
Выходила к тихому Дунаю,
За Ириной Грегуревич Максо²⁷⁶,
5 За Максимом мать идет Максима.
Говорила Джурджева Ирина:
„О Максим мой, неразумный внук мой!
Посоветуй, что теперь мне делать,
Что мне делать с дочерью меньшою?
10 От троих уж женихов к нам сваты
Приходили девушку засватать:
Засылал Филип Мадырин сватов
Из Мадыарской из земли богатой;
Присылал к нам краль еще московский;
15 Третьим сватов присылал Отманин

- От Стамбула, града Цареграда.
Посоветуй, внук мой, что мне делать:
За кого мне дочку свою выдать?“
Говорит дитя Максим Ирине:
20 „Мой таков совет, Ирина бабка.
Если хочешь ты меня послушать,
Дочь отдай Мадьярину Филипу,—
Будет жить весь век она богато.
А не хочешь выдать за Мадьяра,
25 Повенчай ее с московским краем,—
Будем мы приятелями с краем:
Москвичи ведь храбрые юнаки,
Воевать помочь они нам могут.
Если ж ты за турка дочку выдашь,—
30 С нею он возьмет все наше царство:
Он возьмет и города и земли“.
Услыхала эту речь Ирина,
И рукой ударила Максима,
По лицу ударила Максима,
35 Легонько ударила Максима,
По лицу по белому попала,
Выбила ему четыре зуба,
На траву зеленую упал он,
Он упал облитый черной кровью.
40 Кровью он плюет и тихо молвит:
„Бог убей тебя, старуха бабка!
Порешила дочь за турка выдать,—
Вместе с нею отдала ты туркам
Города и всю родную землю“.
Что сказал Максим, то и сбылося:
45 Отдала за турка дочь Ирина,
Отдала с ней города и земли²⁷⁷.

49. Облак Радосав

- Раным-рано собирався Облак ²⁷⁸
На широко поле Годоминско ²⁷⁹.
Когда был на поле Годоминском,
Повстречал двух молодых госпож он:
- 5 Одна это — Белич-воеводы,
А другая — Златокосич Павла ²⁸⁰;
И детей несут новорожденных.
Воеводу Джорджева встречали,
Воеводу за полы схватили,
- 10 Ему полы целовали, руки,
И смиренно так его просили:
„Кум по богу, Облак-воевода!
Кум по богу, кум нам по Ивану!
Окрести двоих детей нам малых,
- 15 И ступай ты к Смедереву граду,
Там обои наши господари,
Белич там и Златокосич Павел,
У Ерины там сидят в темнице,
А Ерина погубить их хочет;
- 20 Попроси ты госпожу Ерину,
Пусть Ерина Белич-воеводу,
Пусть Ерина Златокосич Павла
Из проклятой выпустит темницы“.
- Отвечает Облак Радосав им:
- 25 „Вы послушайте, мои кумы две!
Вы детей своих берите малых
И к дворам вы белым возвращайтесь,
Я ж поеду к Смедереву граду
Упрошу я Джюра и Ерину,
- 30 Пусть отпустят ваших господарей

Из темницы, чтоб ей провалиться!“
 Так сказал, и в Смедерев поехал.
 Как приехал к Джорджевой он башне,
 А сидит там Смедеревец Джуро,
 35 С ним сидит и Тодор из Сталача ²⁸¹,
 И Поезда из Голуца града ²⁸²,
 Они пьют червленое вино там.
 А как Облак поднимался в башню,
 И сказал им Облак божью помощь,
 40 И сердито начал говорить он:
 „Господин мой, Смедеревец Джуро!
 И тебе ведь и господству плохо,
 Что позволил ты Ерине, Джуро,
 Воевод сгубить ей самых лучших,
 45 Сломать крылья своему же краю!
 Но прошу я, господин мой милый!
 Подари двоих ты воевод мне:
 Белича и Златокосич Павла,
 Из глубокой отпусти темницы“.
 50 Отвечает Смедеревец Джуро:
 „Слуга верный, Облак Радосав мой!
 К виселице ты иди высокой,
 Палачей туда пошло уж тридцать,
 Воевод они туда погнали,
 55 Чтоб сегодня их еще повесить;
 Но проси ты госпожу Ерину,
 Не подарит ли она тебе их“.
 Как услышал это слово Облак,
 На коня он белого садился,
 60 К виселице он спешил высокой,
 Закричал он молодой дружине:
 „Воевод не вешайте, постойте,
 Мне обоих подарил их Джуро!“
 А как это они услышали,
 65 И обоих воевод пустили.

- Но идет проклятая Ерина,
 И дворкинь ²⁸³ идут с нею двенадцать,
 И несут ей рукава и полы.
 К виселице подошла Ерина,
 70 Палачам сердито закричала:
 „Что стоите и чего вы ждете?“
 Облак Радосав упал ей в ноги:
 „Госпожа ты, Джюрова Ерина!
 Подари двоих ты воевод мне,
 75 Не губи напрасно молодых т
 Отвечает госпожа Ерина:
 „К дьяволу иди ты, Облак Радо!
 И тебя еще повешу завтра,
 С твоим внуком Змай-деспотом Вуком!“ ²⁸⁴
 80 Как услышал это слово Облак,
 Вынимал он плеть свою трехвостку
 И ударил Джюрову Ерину,
 Так Ерину он легко ударил,
 Что на землю черную упала.
 85 Воевод тогда брал Облак Радо,
 К своему вел белому двору их,
 Угощал их Облак в белом доме,
 Отпустил здоровыми домой их,
 Научил их на прощанье Облак,
 90 Чтоб Ерине больше не служили ²⁸⁵.

50. Смерть воеводы Приезда ²⁸⁶

- За письмом идет письмо другое.
 От кого, к кому письмо приходит?
 От турецкого царя Мемеда ²⁸⁷,
 А приходит оно в город Сталат,
 5 К воеводе Сталата Приезду:

- „О Приезд, сталатский воевода!
 Посылай скорее три добра мне:
 Первое — чудесную ты саблю,
 Что сечет и дерево и камень,
 10 Что сечет холодное железо;
 А другое — журавля-коня²⁸⁸ мне,
 Что летает даже через стены,
 Через две стены летает даже,
 Третье — верную отдай мне люблю“.
- 15 Вот письмо читает воевода,
 Он читает, мелкое он пишет:
 „Царь Мемед, турецкий господин ты!
 Собирай ты войска, сколько хочешь,
 Осаждай ты Сталат, как захочешь,
 20 Не отдам добра я никакого:
 Эту саблю сам себе ковал я,
 Сам себе выкармливал коня я,
 Выбирал себе свою жену я,
 Не отдам добра я никакого“.
- 25 Собирал Мемед турецкий войско,
 Собирал и шел под город Сталат,
 И три года осаждал он город,
 Не отбил ни дерева, ни камня —
 Крепки были стены городские,
 30 Сталата не мог взять воевода,
 И не мог он города оставить.
 А как рано утром в воскресенье
 Поднималась жена Приезда,
 На стену сталатскую поднялась,
 35 Со стены смотрела на Мораву:
 Мутная Морава протекала.
 Говорила тут жена Приезда:
 „О мой Приезд, господин мой милый!
 Я боюсь, господин мой милый,—
 40 Хочет турок взять подкопом город“.

- Отвечает воевода Приезд:
„Ох, молчи ты, чтоб ты онемела!
Как подкопы под Моравой сделать?“
А когда настало воскресенье,
45 И господа собралася в церковь,
Отстояла она службу божью,
А когда из церкви выходили,
Говорил тут воевода Приезд:
„Воеводы, мои верны крылья!
50 Мои крылья, вами полечу я,
Пообедаем, потом напьемся,
Городские ворота откроем,
И потом на турок нападём мы,
Бог даст, нам ещё поможет счастье“.
- 55 Подзывал потом свою жену он:
В погреба пойдн-ка ты пивные
Принеси вина нам и ракия“.
Брала Ела золотые чаши,
Шла Елица в погреба пивные.
- 60 А когда у погребов была уж,
Увидала госпожа Елица—
Погреба их полны янычаров,
Туфлями холодное вино пьют,
За здоровье госпожи Елицы,
- 65 И за упокой души Приезда.
Увидала госпожа Елица,
И о камень ударяла чашей,
Побежала ко двору Елица:
„Чтобы зло дало вино тебе бы,
70 Зло — вино, а горе бы — ракия!
Погреба полны уж янычаров,
Туфлями холодное вино пьют,
За мое здоровье выпивают,
А тебя живого уж хоронят,
75 За спокой души твоей вино пьют“.

- И вскочил тут Приезд воевода,
Городские отворил ворота,
Со своим войском напал на турок:
Воевод погибло шестьдесят там,
80 Шестьдесят их, тысячу же турок.
Возвратился воевода Приезд,
За собою затворил ворота,
Вынимал чудесную он саблю,
Голову коню отсек он ею:
85 „Мой журавль, о мой конь ты добрый!
На тебе пускай султан не ездит!“
Перебил чудесную он саблю:
„Правая рука, моя ты, сабля!
И тобою пусть султан не рубит!“
90 И во двор пошел к жене своей он,
Брал ее за правую он руку:
„О Елица, мудрая жена ты!
Или хочешь ты со мной погибнуть,
Или турку быть женою верной?“
95 Слезы ронит госпожа Елица:
„Нет, хочу с тобою я погибнуть,
А не быть на срам женою турка,
Не хочу своей я бросить веры,
И отречься от креста честного“.
100 За руки потом они взялися
И пошли на городскую стену.
Говорит тут госпожа Елица:
„О мой Приезд, господин мой милый!
Выкормила нас река Морава,
105 Нас река Морава и схоронит“.
Бросились в реку они Мораву.
Взял тогда Сталат султан-царь Мемед,
Но не взял добра он никакого.
Люто клял султан турецкий Мемед:
110 „Град Сталат, тебе чтоб провалиться!

Я привёл с собой три тыщи войска,
Не увел отсюда пяти сотен“ 289.

51. Секула оборачивается змеем

- Отправлялся воевода Янко 290,
Отправлялся на Косово поле,
Брал с собой племянника Секулу 291.
Говорит Секулова сестра тут:
- 5 „Дядя Янко, дорогой мой дядя!
Не бери племянника Секулу,
Малое дите еще Секула,
Не сгубил бы головы своей он:
Сын один у матери Секула“.
- 10 А как это услышал Секула,
Говорил тогда сердито Янку:
„Дядя Янко, дорогой мой дядя,
Ты, моей милый сестры не слушай,
А веди меня ты на Косово“.
- 15 Отправлялся Янко на Косово,
Брал с собой племянника Секулу.
А как был у города Кучева,
У Кучева и у Браничева 292,
А кучевки там и браничевки
- 20 Они белят белые полотна.
Говорит им воевода Янко:
„Бог на помощь, молоды кучевки,
Вам кучевки и вам браничевки!
- 25 Полотна мне дайте три аршина,
Заплатать чтобы шатер мне белый,
Дам я вам три желтые дуката“.
Отвечают молоды кучевки,
Все кучевки и все браничевки:
- 30 „Воевода Сибинянин Янко!

- Дай ты нам племянника Секулу,
Полотна дадим на три шатра мы“.
- Говорит им воевода Янко:
„Я не дам племянника Секулу
35 За Кучево и за Браничево“.
- Как сказал то воевода Янко,
Рассердились молоды кучевки,
Все кучевки и все браничевки,
Говорили воеводе Янку:
- 40 „А не дашь племянника Секулу,
Полотна от нас ты не получишь,
И веди его ты на Косово,
Черным воронам его отдай там,
Пусть ему там выпьют черны очи,
- 45 Очи выпьют и лицо изроют,
Белое лицо ему изроют“²⁹³.
- Отправлялся Янко на Косово,
А когда приехал на Косово,
Расставлял шатер свой белый Янко,
- 50 Говорил тут воевода Янко:
„Соколы, послушайте юнаки,
Сторожите стражу вы от турок,
Я пойду в шатер, поспать хочу я“.
- Говорит Секула воеводе:
- 55 „Дядя Янко, дорогой мой дядя!
Ты пойдешь в шатер, поспать ты хочешь,
Я отправлюся в турецкий табор,
Обернуся змеем шестикрылым,
Принесу турецкого царя я,
- 60 Принесу, как сокола, в зубах я.
А как, дядя, ото сна ты встанешь,
Ты смотри, умом не обманися:
Не стреляй ты змея-шестикрыла,
А стреляй ты сивого сокола“.
- 65 Спать пошел тут воевода Янко,

- А Секул пошел в турецкий табор,
 Обернулся змеем-шестикрылым
 И принес турецкого царя он,
 И принес, как сокола, в зубах он,
 70 И в шатер он с ним спускался к Янку.
 Все юнаки криком закричали:
 „Ты недобро лег наш воевода!
 Ты недобро лег, в беде поднялся!
 А в шатре твоем какое чудо!“
- 75 На ноги юнацкие вскочил он,
 Золоченую стрелу брал Янко,
 Думу думал, на одно придумал:
 „В сокола зачем стрелять я буду,
 Если сам сокольего я роду?
- 80 Застрелю я змея-шестикрыла“.
 Клад стрелу свою он на тетиву,
 На тетиву золотую клал он,
 И стрелял он змея-шестикрыла.
 Пискнул змей и сокола он бросил,
- 85 И упал змей на траву зелену,
 А под облаки взвивался сокол,
 Улетел тогда в турецкий табор.
 Как увидел воевода Янко,
 Зашипел тогда змеею лютой.
- 90 Говорит племянник тут Секула:
 „Дядя Янко, дорогой мой дядя!
 Не тебе ли, дядя, говорил я,
 Ты пойдешь в шатер, поспать ты хочешь,
 Ты смотри умом не обманися,
- 95 Не стреляй ты змея-шестикрыла,
 А стреляй ты сивого сокола“.
 Спрашивал тут воевода Янко:
 „Ой, дитя, племянник мой Секула!
 Можешь ли перенести ты раны?“—
- 100 „Дядя Янко, дорогой мой дядя,

Не могу перенести я раны:
На широкой законай дороге,
И когда нам судный час настанет,
Чтобы конский топот я услышал,
105 Чтоб услышал я юнацкий говор“²⁹⁴.

52. Женильба Влашича Радула

Как женился сам Радул Волопич²⁹⁵,
Красную он девицу засватал,
Перстень дал ей, назначал он свадьбу:
„На пятнадцатый день будет свадьба,
5 К своему двору схожу белому,
Соберу своих господу-сватов“.
К своему двору пошел белому,
Собирал там Влашич силу сватов²⁹⁶,
И собрал три целых сотни сватов,
10 Шлет сватов, а сам не едет с ними,
Посылает он коня невесте,
Посылает двух он родных братьев,
А два брата, деверя два милых,
Сватать ехали они девицу.
15 Хорошо там сватов повстречали,
Всякому из них подарок дали,
Жениху коня в подарок дали,
Сокола еще в подарок дали,
И еще красавицу девицу.
20 Закричал посол перед сватами,
Загремели громко барабаны:
„Время, время, ряженные сваты!
Время ехать сватам уж к невесте!
Время уж домой нам отправиться!“
25 Поднялись нарядные тут сваты,

- Ко двору отправились белому.
А как были середь черна леса,
А стоит в лесу Диняр Банянин ²⁹⁷,
На копые оперся боевое,
- 30 Пропустил он всех сватов по-ряду.
А подходит красная девица,
Под девицей ухватил коня он.
Увидали деверя два милых,
И за острые схватились сабли,
- 35 Чтобы голову отсечь Диняру.
Говорит им госпожа девица:
„Ради бога, деверя два милых!
Не губите этого юнака,
Мы послушаем, что он нам скажет,
- 40 Будет время погубить Диняра“.
Поклонился тут Диняр Банянин,
Перед ней целует черну землю:
„Ой, сестра, красавица девица!
Хочешь быть Радуловой женою,
- 45 У него моих два меньших брата,
Да в темнице Влашича Радула,
Может, ты оттуда их избавишь!“
Опустил в шелков карман он руку.
Вытащил двенадцать он дукатов
- 50 И дарит своей он посестрине,
Шелкову она ему рубашку.
А как были у двора белбого,
Все с коней тут сваты повставали,
Молодая только встать не хочет.
- 55 Выходила мать Радула-бея,
Выносила золотую скатерть,
А на скатерти змея расшита,
Серебром и золотом расшита,
А на ней вшит драгоценный камень.
- 60 Говорила мать Радула-бея:

- „Встань с коня, моя сноха милáя!
 Вот в подарок золотая скатерть,
 А на скатерти змея расшита,
 Серебром и золотом расшита,
 65 А на ней вшит драгоценный камень,
 Вышивать, сноха, ты будешь в полночь,
 Будешь в полночь вышивать, как в полдень“.
 А она покорно поклонилась,
 Только встать с коня она не хочет.
- 70 Тут выходят сестры Радул-бея,
 Золотой они выносят перстень:
 „Встань с коня, сноха наша милáя!
 Золотой тебе в подарок перстень,
 Ты носи его и будь здорова“.
 75 А она покорно поклонилась,
 Только встать с коня она не хочет.
- Рассердившись, в двор они вернулись,
 Побежали, люто говорили:
 „Ты послушай, брат родной наш Влашич!
 80 Молодая встать с коня не хочет,
 Пока сам к невесте ты не выйдешь“.
 Рассердился тут Радул Волошич,
 Выбегает к ней он с голой саблей.
 „Встань с коня, ты сука, а не девка,
 85 Встань с коня, я сам с тобой расправлюсь²⁹⁸;
 Не отцовского коня взяла ты,
 Моего в дороге заморила“.
 Говорила госпожа девица:
 „Господин мой ты, Радул Волошич,
 90 Не сердись и сам за что не знаешь.
 Я до той поры с коня не встану
 Ты пока Радул ключей не дашь мне,
 Мне не дашь ключей ты от темницы“
 И как гром Радул тут рассмеялся,
 95 Дал ключи ей от своей темницы,

- И тогда она с коня вставала,
 Подзывала деверей двух милых:
 „Вы войдите, девери два милых,
 Покажите ворота темницы“.
- 100 С ней пошли потом они к темнице,
 Отперли проклятую темницу.
 Говорит красавица девица:
 „Кто тут братья Диняр-Банянина?
 Выходите из ворот скорее“.
- 105 Выходили меньшие два брата,
 Выходили из ворот скорее.
 Обросли они все волосами,
 Обросли — покрыться ими можно,
 А копать ногтями землю можно.
- 110 И рабов тут тридцать возмолилось:
 „Ой, сестра, красавица девица!
 Выпусти и нас ты из темницы“.
 Говорит красавица девица:
 „Выходите из ворот скорее“.
- 115 Выходили они из темницы.
 Говорит красавица девица:
 „Разбегайтесь-ка, куда кто знает“.
 И взяла своих двух побратимов,
 В белый двор она их отводила,
- 120 Двух она цирюльников призвала,
 Один мылит, а другой уж бреет,
 Грязные им ногти обрезают,
 И дала им белую одежду —
 Ведь на них одежда износилась,—
- 125 И пустила с белого двора их,
 Золотое яблоко дала им:
 „Моего поздравьте побратима,
 Побратима Диняр Банянина,
 Золотое яблоко отдайте“²⁹³.

53. Смерть Йова Деспотовича

- Разболелся Деспотович Йово³⁰⁰,
Разболелся он в Сриеме ровном,
Во селе хорошем Купинове³⁰¹,
И смертельно Йово разболелся.
- 5 Подзывал слугу он Милутина:
„Милутин, ты слушай, слуга верный!
Запрягай коней скорей в повозку,
Поезжай как можно поскорее
В Крушедол, во монастырь ты белый,
10 Ты зови скорей Максима брата³⁰²,
Расскажи ему ты без утайки,
Расскажи, что я смертельно болен;
А оттуда поверни коней ты,
Поезжай ты прямо к Беркасову³⁰³,
- 15 Мать мою старуху позови ты,
Мать мою старуху, Анджелию,
Только ей не говори ты правды,
Что я сам смертельно разболелся,
От меня скажи ей поздравленье,
- 20 На войну, скажи, я собираюсь,
За море на девять лет я еду
И прошу ее благословенья“.
- Слуга быстро это исполняет,
Запрягает он коней в три ряда,
25 Едет прямо в Крушедол он чудный,
Говорит Максиму он владыке,
Да что Йово на-смерть разболелся,
А оттуда повернул коней он,
И поехал прямо к Беркасову,
- 30 Анджелие матери сказал он:

- „На войну ее собрался Йово,
За море на девять лет он едет,
У нее просил благословенья.
А ему сказала Анджелия:
- 35 „Милутин, послушай, слуга верный!
Подожди меня три дня ты белых,
Испекла бы белых калачей я,
Спила б сыну тонкую рубашку,
Повезла бы я в подарок Йову“.
- 40 Говорит на то слуга Милутин:
„Госпожа моя ты, Анджелия!
Дождать тебя не может Йово,
Скорое письмо прислали Йову,
Ты вези-ка брашно ³⁰⁴ вместо хлеба,
- 45 Полотна вези ты на сорочку“.
Увидала, что никак не можно:
Вместо хлеба собирала брашно,
Полотна взяла мать на сорочку,
И садились в легкую повозку,
- 50 И отправились Сриемом ровным,
А как были окол Купинова,
У двора стоят без шапок слуги,
По лугам распушены все кони,
Без седла они, без покрывала,
- 55 И не слышно бубнов и свирелей ³⁰⁵,
И не веют алые знамена.
Говорила мать тут Анджелия:
„Милутин, ты слушай, слуга верный!
Если Йово на войну собрался,
- 60 Что стоят его без шапок слуги?
По лугам распушены все кони,
Без седла они, без покрывала?
И не слышно бубнов и свирелей?
И не веют алые знамена?“
- 65 Милутин ей отвечал на это:

„Госпожа моя ты, Анджелия!
 За столом сидит наверно Йово,
 Пьет вино червленое во здравье
 И счастливого пути он молит,
 70 Оттого стоят без шапок слуги,
 Воронье по дугам гуляют,
 Без седла они, без покрывала,
 Пущены они, чтоб попаслися,
 В путь они отправятся далекий;
 75 А не веют алые знамена —
 Дунул ветер от планины Фрушки ³⁰⁶,
 Положил на землю все знамена“.
 А как были у двора белóго,
 Тут тоска старуху охватила.
 80 Вот на двор они выходят белый —
 А уж Йово борется с душою,
 В головах стоит Максим владыка,
 Смертную читает он молитву.
 Увидала это Анджелия
 85 И кукушкою закуковала:
 „Йово мой, мое больное сердце!
 Без тебя что будет с Сремом ровным:
 Оставляешь вороных ты кóней,
 Оставляешь белые дворы ты,
 90 Оставляешь соколов ты сивых,
 Оставляешь ты свое богатство,
 Оставляешь верную ты любовь,
 Оставляешь мать свою старуху?“ ³⁰⁷
 А на это Йово отвечает,
 95 Мертвым голосом ей отвечает:
 „Будет новый господин над Сремом,
 Будет лучше, будет и храбрее;
 Соколов моих и моих кóней,
 Белые дворы, что по над Савой,
 100 Моему я брату оставляю,

Моему Змейогненному Вуку³⁰⁸;
А добро все матери-старухе,
Чтоб кормилась и зла сторонилась;
Моя любя из чужого роду
105 И меня она оклеветала
Перед братом да перед Максимом:
Иван деспот ходит по Сриему,
Молодиц и девушек он любит,—
Вы жене неправды не чините,
110 Дайте ей вы три мешка дукатов,
Чтоб кормилась и искала счастья“.
Так промолвил Деспотович Йово,
Так промолвил и с душой расстался³⁰⁹.

54. Порча из Авалы и Змейогненный Вук³¹⁰.

Вино пили двое побратимов
На Авале выше Белограда³¹¹:
А один был Порча из Авалы³¹²,
А другой был Джерзелез Алиа³¹³.
5 Как вина холодного напились,
А юнакам тут пришла охота,
И сказал тут Порча из Авалы:
„Побратим мой, Джерзелез Алиа!
Пей вина ты, побро, сколько хочешь,
10 Виноград разросся до чердака,
В погребах вина у нас довольно,
Там вина довольно и ракии“.
Отвечает Джерзелез Алиа:
„Понапрасну, дорогой мой побро!
15 Понапрасну вина и ракия,

- Молодой коль нету корчмарицы,
Чтоб вино давала и ракию:
Нет у нас ни шуток, ни веселья“.
- Порче это было сильно горько,
20 Говорит он Джерзелез Алию:
„Побратим мой, пей вино скорее,
К стольному поезду я Белграду ³¹⁴,
Молоду возьму я корчмарицу,
Девицу, невесту молодую“.
- 25 А спросил тут Джерзелез Алиа:
„К стольному идешь ты Белограду,
Никого, знать, Порча, не боишься?
Молодых ты Якшичей ³¹⁵ боишься?“
Отвечает Порча из Авалы:
- 30 „Ты послушай, побратим мой милый!
Никого на свете не боюсь я,
Якшичей я тоже не боюсь,
А побаиваюсь лишь немного,
Я того Змейогненного Вука
- 35 Из широкой Срием-земли ровной,
Из того села ли Купинова;
Да село далеко Купиново,
Широка та Срием-земля ровна,
Не приедет Вук оттуда верно“.
- 40 Закричал тут Порча из Авалы:
„Эй, вы слуги, коня выводите!“
Пока Порча седло приготовил,
Ему слуги коня выводили.
На коня гнедого он садился,
- 45 И поехал он к Врачару-полю ³¹⁶,
А к реке приехал тихой Саве,
Ехал Порча краем реки Савы.
Молодых он Якшичей увидел:
Вино пьют на башне на Небойше ³¹⁷,
- 50 С ними вместе Вук сидит, вино пьет,

- А сидит он очи опустивши,
На реку на Саву опустивши.
Увидал он Порчу из Авалы,
И сказал он Якшичам двум братьям:
- 55 „Посмотрите, Якшичи вы братья!
Кто там едет краем реки Савы?“
Посмотрели Якшичи два брата
И узнали Порчу из Авалы,
Говорят Змейогненному Вуку:
- 60 „Ой, Змейогненный ты Вук, наш побро!
Это курва Порча из Авалы:
Нету дня, чтоб Порча не приехал,
Чтоб рабыню не увел к себе он,
Чтобы мертвой головы не взял он“.
- 65 Змейогнянин Вук сказал на это:
„На всем свете, господи, ты славен!
Девять лет как я тебе молюся,
Как прошу, чтоб встретиться ты дал мне,
Дай мне встретить Порчу из Авалы,
- 70 А сегодня дал его ты встретить“.
И сказал еще тут Змейогнянин:
„Вы вставайте, Якшичи два брата,
Разыщите сироту девицу,
И оденьте в шелк ее и бархат.
- 75 Золотой вы ей кувшин давайте,
Посылайте на реку на Саву,
Чтобы ею турок обманулся,
Позабавился бы ею малость,
Я пока Кулаша³¹⁸ приготовлю“.
- 80 Начиная тут Вук коня готовить,
Якшичи девицу обряжали,
И как можно лучше одевали,
Да кувшин ей золотой давали,
Посылали на реку на Саву.
- 85 На берег девица приходила,

- И кувшином воду набирала,
А подъехал Порча из Авалы
Божью помощь говорил девице,
А девица тоже отвечала.
- 90 Говорил тогда девице Порча:
„Ты послушай, красная девица!
Зачерпни кувшином мне водицы,
Дай папиться мне воды студеной“.
- Отвечала красная девица:
„Ты вставай с коня, юнак незнамый,
- 95 „Ты вставай с коня, воды напейся“.
- Отвечал ей Порча из Авалы:
„Ты послушай, красная девица!
У меня вишь с норовом коняга,
- 100 Надо ехать — не дает садиться.
Зачерпни воды ты мне кувшином,
Пить юнаку сильно захотелось“.
- И его послушалась девица,
Зачерпнула из реки кувшином,
- 105 Подает ему кувшин и воду³¹⁹.
Ни кувшина, ни воды не хочет,
Брал за белу руку он девицу,
Позади сажал он на гнедого,
Поясом шелковым привязал он,
- 110 Побежал скорей Врачаром-полем.
Вук Змейогненный все это видел,
На Кулаша своего садился,
И на поле полетел за Порчей.
А когда стал догонять он Порчу,
- 115 Говорил такое слово Порче:
„Стой ты, курва, Порча из Авалы!
Стой ты, Порча, ты чего боишься?“
- Увидал, узнал его тут Порча,
На траву тогда бросал девицу,
- 120 И бежал скорей Врачаром-полем,

- А за ним вдогонку Вук помчался,
Он за ним, догнать его не может;
А доехали к Авал-планине.
Увидал их Джерзелез Алиа,
125 Слуг своих тогда сзывает верных:
„Запирайте-ка ворота, слуги,
Вы у башен и у стен закройте:
Это едут добрых два юнака.
Побегут сейчас юнаки в гору,
130 К воротам сейчас они помчатся:
А открытые ворота будут,
Не захочет Порча возвратиться,
Не захочет погубить он Вука“.
И его послушались слуги,
135 И ворота хитро запирали.
Прибежали два юнака добрых:
Бежит Порча у своей у башни,
И кричит: „Ворота отоприте!“
Отпереть никто ему не смеет.
140 Вокруг стен три раза пробежали,
У ворот его Вук догоняет ³²⁰,
И срубил Вук голову юнаку,
Своего схватил коня гнедого,
Голову бросал ему в зобницу ³²¹,
145 Ехал прямо к стольному Белграду.
Это видел Джерзелез Алиа,
Говорил тут Джерзелез Алиа:
„Боже правый, всем на свете славен!
Если б мы ворота не закрыли,
150 Мы у стен и башен не закрыли,
Больше бы беды наделал Вучо“.
А когда сказал это Алиа,
К своему Сараеву помчался ³²².

55. Женитьба Якшича Димитра ³²³

- Службу служит богачу богатый,
Бедный же один другому служит —
Якшич Дмитрий воеводе Янку ³²⁴;
Он не служит — службой добывает,
5 Он не служит — выкуп ему платит.
Увидал он Янкову сестрицу,
Увидал и полюбил ее он ³²⁵.
Девять лет служил он воеводе,
Как пришла десятая година,
10 Не могла его сестра не видеть,
Что она юнаку полюбилась.
Разболелся молодой Димитрий,
Разболелся болью без болезни.
Приходила девушка-рабыня,
15 Говорила девушка Димитру:
„Что с тобою, молодой Димитрий?
Иль, беда с тобою приключилась,
Что ты так сегодня разболелся?“
Отвечал ей молодой Димитрий:
20 „Ты спросила, девушка-рабыня,
Я теперь скажу тебе всю правду:
Целых девять лет уже минуло
Как служу я Янку господину;
Не служу я — службой добываю,
25 Не служу я — а плачу я выкуп,
Увидал я Янкову сестрицу,
Увидал и полюбил ее я.
И прошу я, девушка-рабыня,
С госпожей своей меня сведи ты —
30 И тебя я одарю богато:

- Дам тебе четыре я одежды,
Две из бархата, а две из шелка“.
Вечером пришла пора вечерять,
Принесла она вечерю Дмитру,
35 Принесла ключи она от башни,
Повела его к сестрице Янка,
И дверей она открыла девять,
Привела пока к сестре Димитра.
А как та Димитра увидала,
40 Так она ему тогда сказала:
„Радость моя, молодой Димитрий!
О душа моя, Димитрий Якшич!
Так целуй меня ты сколько хочешь,
И веди меня ты в двор свой белый“.
- 45 Целовал он красную девицу,
Целовал ее до белой зорьки.
А чуть зорька бела забелелась,
Поднялась красавица-девица,
Поднялась на легкие тут ноги,
50 Отправлялась в белую светлицу,
Собирала все добро у Янка,
И спускалася потом в конюшню,
Выводила она добрых коней,
Одного себе, другого Дмитру,
55 На оседланных коней садились,
Ехали зеленым виноградом.
А как утром утро засияло,
Шел тут Янко в белую светлицу,
Чтоб утешить Якшича Димитра,
60 Но в светлице не нашел Димитра;
Он тогда пошел к сестре на башню,
Но на башне не нашел сестры он,
Он пошел тогда к коням в конюшню,
Добрых коней не нашел в конюшне.
65 Понял это воевода Янко,

- На добра́ коня тогда садился,
 И за ними ехал он в погоню.
 Догонял на третьем их ночлеге,
 Говорил Димитрию он слово:
 70 „Ты скажи мне, Якшич млад-Димитрий!
 Если ты сестру мою похитил,
 Ты зачем отнял мое богатство?
 Взял богатство и коней увел ты?“
 Отвечает молодой Димитрий:
 75 „О мой шурин, воевода Янко!
 Ты б сестры за лучшего не отдал,
 Без богатства ты б ее не отдал;
 Целых девять лет уж миновало,
 Как служу тебе я, воевода,
 80 Выслужил я доброго коня уж.“
 А на это отвечает Янко:
 „Айда, с богом, молодой Димитрий!
 Милую сестру мою люби ты,
 На пути встречай ты только счастье,
 85 Пусть враги к ногам твоим клонятся,
 Как трава под кованым копытом“³²⁶.

56. Якшичам спалили двory

- Пили вино Якшича два брата,
 Якшич Дмитрий с Якшичем Богданом³²⁷,
 Во белой они Ужице³²⁸ пили.
 Приходило мелкое письмо к ним
 5 Из того ли града Белограда:
 „Как в беду вы Якшичи сядились,
 Пить вино в беду большую сели!
 А двory все ваши погорели,
 Мать-старуха стоптана конями,
 10 Уведены кони из конюшен,

- Унесли добро все из амбаров,
И сестрицу увели Елицу“.
Услыхали молодые братья,
И на легкие скочили ноги,
15 На своих коней они садились,
Отправлялись прямо к Белограду,
Чуть в живых нашли уж мать-старуху.
И спросил ее тут Якшич Дмитрий:
„Ты скажи нам, мать наша старуха,
20 Попалил кто белые дворы нам?
Мать-старуху потоптал конями?
Уводил коней кто из конюшен?
И добро унес кто из амбаров?
И сестрицу кто увел Елицу?
25 Что за кони? Что то за юнаки?
В сторону ушли они какую?“
А она на это отвечает:
„Якшичи, вы, сыновья родные!
Воронье это были кони,
30 Черные юнаки это были,
И ушли они вниз по Дунаю“.
Услыхали Якшича два брата,
И отправились они к арапам.
Три года сестру они искали —
35 Ничего о ней не услышали,
А как год настал уже четвертый,
Говорил тогда Димитрий Якшич:
„Ты послушай, брат Богдан родимый!
Мы давай расстанемся с тобою:
40 Отправляйся прямо к Белограду,
Посмотри жива ли мать-старуха;
Я в арапскую отправлюсь землю,
Поищу сестру-родную нашу!“
Что сказали — сделали юнаки:
45 Брат Богдан поехал к Белограду,

А Димитр — в арапскую он землю.
 Как приехал он к реке Ступнице ³²⁹,
 И нашел четыре там рабыни,
 Пожелал Димитрий божью помочь,
 50 Отвечали они ему с лаской:
 „Будь здоров и ты, юнак незнамый!“
 И опять им говорил Димитрий:
 „Бог и с вами, дэвицы четыре:
 Зачерпните вы мне из Ступницы,
 55 Сильно пить мне что-то захотелось“.
 Отвечали дэвицы четыре:
 „Бог с тобою, ты, юнак незнамый!
 Зачерпнем тебе воды студеной —
 Да вода тебе не будет в пользу;
 60 Как Ступницу-реку переедешь
 И как будешь там ты на базаре,
 Посмотри ты справа и налево,
 Там, юнак, высокий дом увидишь,
 Серебром покрытый и железом,
 65 Перед ним ты медный двор увидишь,
 У ворот увидишь мост серебрян ³³⁰,
 То дворы все аги Арап-аги ³³¹,—
 Чтобы им пустыми настояться!—
 А сестра там Якшичей Елица
 70 Да за тем ли агой Арап-агой,
 Если кто через базар проедет,
 Вынесет она воды студеной,
 Напоит всех путников в дороге
 За здоровье своих милых братьев!“
 75 Как услышал это Якшич Дмитрий,
 Ни моста не ищет он, ни броду,
 Гонит прямо он коня в Ступницу,
 А как был Димитрий на базаре,
 Увидал Араповы дворы он,
 80 И зашел он тонко-голосисто ³³²,

- А его в дворе сестра узнала,
 Проливала она горьки слезы,
 Да спросила Арапка-золовка:
 „Что с тобой, золовка дорогая?“
- 85 Отвечает тихо ей Елица:
 „Вон поет юнак там на базаре,
 Он наверно из родного края,
 Я хочу спросить его о брате“.
 Как Димитрий подошел к воротам,
- 90 Закричал он всем юнацким горлом:
 „Выходи ко мне, жена Арапа,
 Ты напой меня вином червленим,
 Как твоих живых поила братьев!“
 Поняла сестра эту уловку,
- 95 И к нему к воротам она вышла,
 Обнимает его и целует,
 Жалостно о родине пытается,
 И вина ему не выносила,
 А дала ему дукатов тридцать:
- 100 „Тридцать ты возьми, мой брат, дукатов,
 Отправляйся к корчмарю ты Йову,
 Пей вино ты, брат, там до молитвы³³³.
 Пока нет тут аги Арап-аги,
 Арап-ага к вечеру приедет,
- 105 Напою тогда его я люто,
 Не велю я запереть ворота;
 А как час настанет для молитвы
 И завоет ходжа на мечети³³⁴,
 Голову отсечь ему придешь ты“.
 110 К корчмарю отправился он Йову,
 Пил вино Димитрий до молитвы,
 А как час настал уж для молитвы,
 И завыл уж ходжа на мечети,
 Поднимался он на легки ноги,
- 115 И к двору Арапову пошел он,

- А как был уж во дворе Димитрий,
 Посмотрел он вверх тогда на башню:
 А сидит там ага Арап-ага,
 Пьет вино с арапами Арапин,
 120 Служит им сестра его Елица.
 Говорил Арап тогда Елице:
 „Ой, ты, сербка, милая жена ты!
 Вот прошло уже три полных года,
 Как моей ты назвалась женою,
 125 А твои родные не бывали.
 Иль родные о тебе забыли,
 Или их совсем уж нет на свете?“
 Отвечает она Арапину:
 „Бог с тобою ага Арап-ага!
 130 Как далеко от землицы небо,
 Так далеко и мои родные!“
 Это Димитрий слышал, это видел,
 Брал тогда он меч в правую руку,
 Буздован брал в левую он руку,
 135 Он молился истинному богу,
 На высокую поднялся башню,
 Он махнул мечом рукою правой
 И отсек он голову Арапу,
 Арапчат двоих посек Димитрий.
 140 А сестра Елица говорила:
 „Не могли ты сечь из них меньшого,
 Хоть и черный — жалко мне Арапа“.
 Двор Арапов запалил Димитрий,
 Мать Арапа потоптал конями,
 145 Все добро его себе забрал он,
 Уводил он коней из конюшен,
 На коней он клал добро Арапа,
 А за жалость ему стало стыдно,
 Взял свою сестрицу он Елицу,
 150 И бежал он с ней к реке Ступнице,

- А как были у реки Ступницы,
Проищал тогда Арапчик черный,
И сказал сестре Димитрий Якшич:
„Дай, сестра, мне черного Арапа,
155 Крик его хочу я успокоить“.
Черного дала ему Арапа.
Взял его тогда Димитрий Якшич,
Разлучил он голову с плечами,
И бросал его в Ступницу-реку:
160 Говорила тут ему Елица:
„Что ты сделал, брат Димитрий Якшич!
Хоть и черный — жалко мне Арапа,
Я его от сердца породила“.
Отвечает ей Димитрий Якшич:
165 „Ах, сестра, не будь такую глупой,
Лучше бы тебе за брата выйти,
Чем такое породить потомство,
Породить от черного Арапа.
От зла рода не надо породы,
170 От собаки злой щенят не надо“³³⁵.

57. Дележ Якшичей

- Укорял денницу светлый месяц:
„Где была ты, звездочка-денница?
Где была ты, где ты пропадала?
Три дня белых где ты пропадала?“
5 Отвечает месяцу денница:
„Где была я? Где я пропадала?
По над белым городом Белградом,
Я глядела на большое чудо,
Как два брата вотчину делили:
10 „Якшич Дмитрий, брат ты мой любимый!

- Хорошо все порешили братья,
 Вотчину как надо поделили:
 Взял Димитрий землю Кара-Влашску,
 Кара-Влашску и Кара-Богданскую³³⁶,
- 15 И Банат³³⁷ весь до реки Дуная;
 Взял Богдан равнины окол Срема,
 Землю Срема и долины Савы,
 Сербию до города Ужицы;
 Взял Димитрий нижний край Ужицы,
- 20 И Небойшу-крепость на Дунае;
 А Богдан взял нижний край Ужицы
 И Ружицу-церковь городскую³³⁸.
 О пустом у братьев спор и ссора.
 И о чем? Ни за́ что и ни прó что:
- 25 О коне да соколе раздоры.
 Димитрий хочет (он был старшим братом),
 Чтоб ему был конь и сизый сокол,
 А Богдан ему не уступает.
 А как утром утро засияло,
- 30 Димитрий Якшич сел на вороного
 Взял и сиза сокола с собою,
 Хочет ехать в горы на охоту;
 Призывал жену он Анджелию:
 „Анджелия, верная мне любя!
- 35 Отрави ты мне Богдана брата!
 Если ж брата отравить не хочешь —
 В двор свой белый и не жди — не буду!“
 Услыхала любя Анджелия,
 Села в горе, в горе и в печали,
- 40 Думает и говорит с собою:
 „Что наплачешь, серая кукушка?
 Если дам я деверю отраву —
 Будет грех великий перед богом,
 А позор и срам перед народом;
- 45 Обо мне от мала до велика,

- Скажут все: „Несчастливая какая!
Деверя отравой опоила!“
А когда не дам ему отравы,
Не дожжуся своего юнака!“
- 50 Думала, придумала одно лишь:
Сходит вниз в глубокое подполье,
Там берет молитвенную чашу
Кованую, чисто золотую,
Что ей дал родитель при венчаньи.
- 55 Нацедила золотую чашу,
Всю вином червленим нацедила,
Деверю подносит Анджелия,
Целовала и в подол и в руку,
И с земным поклоном говорила:
- 60 „В честь тебе прими, мой милый деверь,
В честь тебе вино и эту чашу,
А коня и сокола отдай мне!“
Речь такая тронула Богдана,
И коня и сокола дарит он.
- 65 Целый день Димитрий на охоте,
Но не встретил он себе добычи,
Уж под вечер озеро наехал,
Озеро стоит в лесу зеленом,
На озере утка-златокрылка.
- 70 И на ту на утку-златокрылку
Дмитрий сиза сокола пускает.
Соколу та утка не далася,
А схватила сокола сивого,
Правое крыло ему сломала.
- 75 А увидел это Якшич Димитрий,
Скоро снял господскую одежду
И поплыл по озеру за птицей,
Сокола берет себе на руку,
И сказал он соколу сизому:
- 80 „Каково тебе, мой сокол ясный?

- Без крыла теперь что будешь делать?“
Ясный сокол писком отвечает:
„Без крыла теперь мне так сизому,
Как и брату одному без брата!“
- 85 Запечалился тогда Димитрий —
Что, как брат его уже отравлен?
Он вскочил скорей на вороного,
Быстро мчится к городу Белграду,
Чтоб застать еще живого брата!
- 90 По мосту через Чекмек³³⁹ несется,
Поспешает, гонит вороного.
Под конем сломалась мостовина,
Конь упал — остался без передних,
Он без ног, как брат один без брата.
- 95 Видит это Димитрий и горюет,
Снял седло с коня он вороного
И поднял его на шестоперед,
Побежал, бежит к Белграду прямо,
Добежал и любу громко кличет:
- 100 „Анджелия, верная мне любя!
Что мне брата ты не отравила?“
Анджелия отвечала мужу:
„Нет, я брату не дала отравы,
А тебя я с братом помирила“³⁴⁰.

58. Якшичи испытывают жен

- Пили вино молодые братья:
Якшич Димитрий с Якшичем Богданом;
А когда они вина напились
Говорил Богдан Димитру брату:
5 „Якшич Димитрий, брат ты мой любимый!

- Мы пока с тобою вместе были,
 Наша мать дворами управляла,
 И дворы богаты были наши,
 Навещали нас с тобою гости,
- 10 Приходили к нам князья из Срема³⁴¹,
 Приходил и сам Стефан, царь сербский³⁴²;
 А когда с тобой мы разделились,
 Жены стали управлять дворами,
 И дворы-то наши обеднели,
- 15 Наши гости нас с тобой забыли,
 Не приходят к нам князья из Срема,
 Не приходит и Стефан, царь сербский.
 Отчего так случилось это с нами?“
 Отвечает Якшич Дмитрий брату:
- 20 „О Богдан, ты Якшич, брат мой милый!
 От твоей так случилось верной любви,
 От твоей так случилось Вукосавы!“
 Это было Якшичу обидно,
 Отвечает тихо он Димитру:
- 25 „Якшич Дмитрий, брат ты мой любимый!
 наших жен давай мы испытаем,
 И увидим, от моей ли любви,
 От моей ли или от твоей, брат“.
 Как сказали, так и поступили:
- 30 Отправлялися на двор к Богдану;
 И пошел Богдан к жене в светлицу,
 А Димитрий у окна остался,
 Чтоб послушать, что они там скажут:
 Говорил Богдан жене тут Якшич:
- 35 „Вукосава, верная жена мне!
 Я сказал тебе бы, Вукосава,
 Да не знаю, слушать ли захочешь?“
 Вукосава тихо отвечает:
 „Господин мой, ты Богдан мой Якшич!
- 40 Говори, душа моя, что хочешь!

- Не перечила твоей я воле,
И теперь перечить я не буду“.
Говорил жене Богдан тут Якшич:
„Вукосава, верная жена мне!
- 45 Краль Будимский скоро женит сына,
Сватом он зовет Димитра брата,
Дмитрий просит коня и оружье,
Просит он турецкую одежду,
И седло окованное просит,—
- 50 Дать ему, душа, или не надо?“
Вукосава тихо отвечает:
„Дай ты брату, Якшич мой Богдане!
Дай коня ты брату и оружье,
Дай ему турецкую одежду,
- 55 И седло окованное дай ты;
А ему я дам чепрак твой шитый,
Что с собою от отца взяла я,
Ничего о нем не говорил ты,
Я сама тебе его расшила,
- 60 Золотом тебе его расшила;
Дам ему свое я ожерелье,
Ожерелье из желтых дукатов,
Из белого бисера другое,
Заплету его коню я гриву,
- 65 Он у краля будет славным сватом“.
Дмитрий слушал стоя у окошка,
Что его сноха там говорила.
И от счастья Дмитрий слезы пролил.
Отправлялися на двор к Димитру,
- 70 У окна Богдан остался слушать,
Что о нем с женой Димитрий скажут.
И пошел Димитр к жене в светлицу,
Говорил своей он верной любе:
„О Милица, милая хозяйка! ³⁴³
- 75 Я хочу сказать тебе, Милица,

Да не знаю слушать ли захочешь?“
Люба тихо отвечает Дмитру:
„Говори, душа моя, что хочешь“.
Говорил жене Димитрий Якшич:
80 „О Милица, верная жена мне!
Краль Будимский скоро женит сына,
Сватом он зовет Богдана брата,
Брат мой просит коня и оружие,
Просит он турецкую одежду,
85 И седло окованное просит,
Дать ему, душа, или не надо?“
Отвечает госпожа Милица:
„Дать коней? Порезали их волки!
Дать оружие? Отняли все турки!
90 Дать одежду? Вся поизносилась!“
Как услышал эти речи Димитрий,
Ухватил ее за бело горло,
Ухватил легко ее за горло —
Оба глаза выскочили сразу.
95 Прибежал тогда Богдан в светлицу
Ухватил Димитрия за руку:
„Что ты хочешь делать, брат Димитрий?
Посмотри на соколят своих ты:
Не найдешь себе жены вернее,
100 Не найдешь ты матери им лучше.
Не кровавь себе ты праву руку.
Со своей мы матерью расстались,
От того так сталоь это с нами“³⁴⁴.

59. Женитьба Джюра Чарноевича ³⁴⁵

- Люто тужит Джуро Чарноевич ³⁴⁶
Во Млетаке, городе латинском,
Да у краля сидючи в темнице ³⁴⁷.
Богом просит Джуро Чарноевич
- 5 Да тюремщика он молодого:
„Побратим мой, молодой тюремщик!
Ты оставь окно в моей темнице,
Я на город посмотрю Млетак ли,
Своего коня я не увижу ль?“
- 10 И послушал молодой тюремщик,
Оставлял окно ему в темнице.
Смотрит Джуро на Млетак на город,
Своего не видит никого он.
Да потом увидел побратима,
- 15 Побратима Дойчевича Вука ³⁴⁸.
Говорил тут Джуро Чарноевич:
„Ой, послушай, побратим мой Вучо!
Скоро, брат мой, вы меня забыли,
Хлеб и соль мою забыли скоро!“
- 20 Вук ему на это отвечает:
„Побратим мой, Джуро Чарноевич!
Не забыл тебя я, побратим мой,
Хлеб и соль твою не позабыл я;
А прошел уже вот целый месяц,
- 25 Как стою я у ворот королевых,
И прошу латинского я краля,
Чтоб тебя он отпустил за деньги;
Да не хочет отпустить за деньги,
А он хочет, что хотел и раньше,
- 30 Три добра твой король взять хочет:

Первое — то на море Солило ³⁴⁹,
 А второе — бел город Скатара ³⁵⁰,
 Третье же — коня твою он хочет“.
 Как услышал Джуро Чарноевич,
 35 Своему сказал он побратиму:
 „Побратим ты Вучо мой Дойчевич!
 На базар в Млетак ты отправляйся,
 Принеси мне три листа бумаги,
 Напишу три мелкие письма я,
 40 И отправлю я их брату Иву ³⁵¹,
 Через море синее отправлю:
 Как легко забыть добро на свете,
 Так хочу я видеть брата Ива“.
 На базар в Млетак Вук отправлялся,
 45 Приносил он три листа бумаги,
 Отдавал их Чарноевич-Джуро.
 Три письма тут мелких Джуро пишет,
 А чернилами не пишет Джуро,
 А мешает с кровью из лица он;
 50 Три письма пока писал он мелких,
 На лице не затворял он раны.
 Дал он письма Дойчевичу Вуку:
 „Отнеси, брат, мелкие письма три,
 Отнеси ты письма брату Иву:
 55 Как легко забыть добро на свете,
 Так хочу я видеть брата Ива“.
 И отвез Вук мелкие письма три
 Через море синее отвез он
 И отдал их Чарноевич-Иву.
 60 Распечатал первое письмо он,
 И сказал тут Чарноевич-Иво:
 „Ой, Скатар ты, о мой город белый!
 Чтоб живым огнем тебя спалило!
 Моему ты брату тоже должен,
 65 Моему ты брату долгом должен“.

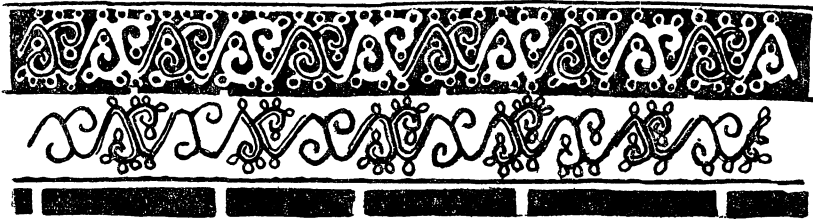
- Как письмо второе распечатал,
То сказал тут Чарноевич-Иво:
„Ой, Солил, о мой ты город белый!
Чтобы ты проклятый провалился
70 И тобою море посолилось!
Моему ты брату тоже должен,
Моему ты брату долгом должен“.
Как письмо он третье распечатал,
То сказал тут Чарноевич-Иво:
75 „О добро мое, ты, стройный коник!
Рук турецких тоже не минуешь!
Моему ты брату тоже должен
Моему ты брату долгом должен.
Не хочу поэтому жалеть вас,
80 Люблю брата, города люблю я,
И тебя люблю я, стройный коник“.
Поднимался Иво Чарноевич,
Стройного коня седлает Иво,
Он седлом серебряным седлает,
85 Золотой уздой его уздает,
Подтянул серебряной подпругой,
Золотые вынимал уздечки,
Золотые вынимал подпруги
И коню он на седло повесил
90 Два ключа от белых городов двух,
От Скатара и Сосила-града,
Посылал латинскому он краю³⁵².
Семеро добра коня держали.
До Млетака в семь он дней доехал.
95 А когда король коня увидел,
Он рукой ударил по колену.
Разорвал он бархат на колене
И к воротам он пошел темницы,
В ворота ногою краля ударил,
100 Отворил железные ворота,

- Семьдесят он пленных выпускает,
 А не может все узнать он Джюра.
 Как узнал краль Чарноевич-Джюра,
 Брадобреев нанимал он скорых,
 105 Они Джюру бороду обрили,
 Они Джюру ногти обрезали;
 Нанимал еще портных он скорых,
 Чтоб одежду бархатную сшили.
 И садился пить вино он с Джюром.
 110 Пили вино целую неделю.
 А когда вина напился Джюро,
 Усмехнулся правою щекою.
 Говорил король латинский Джюру:
 „Ты послушай, дорогой мой Джюро!
 115 Ты не хочешь ли жениться, Джюро?
 Я найду хорошую невесту,
 Чтоб была хорошею женою:
 Ты господского ведь роду, Джюро,
 От того ли Чарноевич-князя;
 120 А она господского то ж роду,
 От того ли Сукноевич-князя“³⁵³.
 Разные тут думы думал Джюро:
 „Как же сам могу я ожениться,
 Если я с латинами не в мире?“
 125 Думал Джюро, на одно придумал,
 И вскочил на легкие он ноги,
 Целовал латинского он краля,
 Его в полу целовал и в руку.
 И премудрый поднялся латинин,
 130 Обвенчал с латинкою он Джюра,
 Пить вино потом они садились.
 Целых семь дней они вино пили,
 А когда семь дней уж проходили,
 И король одаривать стал зятя:
 135 Подарил паромы и галеры

Да от Сребля³⁵⁴ и до Ребляника³⁵⁵,
И ключи от белых городов двух:
От Скатара-града и Солила;
Дал ему три сотни он дукатов,
140 Подарил и доброго коня он,
Дал ему проводников он триста,
Проводить его чтоб до Солила³⁵⁶.

У

ПЕСНИ О ГАЙДУКАХ

60. Старина Новак и князь Богосав

Пьют вино у князя Богосава ³⁵⁷
Радивой со Стариной Новаком ³⁵⁸
Над ключем воды студеной в Босне ³⁵⁹.
Как вином юнаки подкрепились,

5 Богосав и говорит Новаку:

„Старина Новаче, побратим мой!
Расскажи, дай бог тебе здоровья,
Ты с чего ушел гайдучить в горы?
И какая у тебя неволя

10 По горам ходить ломая шею,

Ремеслом гайдучьим заниматься?
Ты уж стар, тебе не то уж время!“
А Новак на это отвечает:

„Богосав, мой побратим ты милый!

15 Ты спросил, и я скажу всю правду:

Из-за лютой я нужды гайдучу...
Может быть, ты помнишь, да и знаешь,
Как Ирина, Джорджева супруга,
Начинала Смедерево строить?

20 У нее поденщиком служил я,

И служил ей целые три года,
 Подвозил и камень и деревья
 На своих волах, своих телегах.
 И за эти целые три года
 25 Мне не дали пары³⁶⁰, ни динара,
 Я онуч не заслужил на ноги!
 Но и это б я простил Ирине.
 Как готово Смедерево было,—
 Стали строить башни и бойницы,
 30 Золотить ворота и окошки.
 Тут Ирина подать наложила:
 Золота три литра с каждой хаты,—
 Это будет, побратим мой милый,
 По три сотни золотых дукатов!
 35 Кто имел и внес такие деньги,
 Тот остался жить, как жил он прежде.
 Был я бедный, бедный-небогатый,
 Подати не заплатил Ирине:
 Взял я заступ — им я ей работал —
 40 И ушел я с ним гайдучить в горы.
 Но нигде не мог я удержаться
 Во владеньях проклятой Ирины.
 И бежал я до студеной Дрины³⁶¹,
 А оттуда Босной Каменистой³⁶²;
 45 Так дошел до самой Романии³⁶³,
 Тут турецких сватов повстречал я:
 Едут сваты с красною невестой.
 Турки-сваты с миром проходили;
 Лишь жених на борзом иноходце
 50 Мимо с миром не хотел проехать:
 Взял он в руки плеть с тремя бичами —
 А на каждом медный наконечник,—
 По плечам стал бить меня он плетью.
 Три раза молил я богом турка:
 55 „Заклинаю счастьем и геройством,

- Заклинаю и веселой свадьбой:
Проходи, жених, ты мимо с миром,—
Сам ты видишь: человек я бедный“.
Но оставить он меня не хочет,
60 По плечам меня стегает плетью.
Тут терпеть мне стало не под силу,
Да и крепко сердцем разлютил:
Снял с плеча я заступ мой тяжелый
И ударил на коне я турка,—
65 Так легонько я его ударил,
Что с коня он на землю свалился,
К жениху я подскочил проворно,
Два-три раза я его ударил:
Тут на месте он с душой расстался;
70 Запустил в его карманы руку,
Там нашел я три мешечка денег
И себе за пазуху я спрятал.
Снял я саблю с пояса у турка,
Прицепил себе я эту саблю,
75 Свой же заступ бросил я у трупа,
Чтобы было чем копать могилу;
На коня турецкого садился
И поехал в горы Романии.
Турки-сваты видели все это,
80 Только мне они не помешали:
Не хотели или побоялись.
Вот уж сорок лет в горах живу я.
Полюбил я больше эти горы,
Чем свой двор, который там покинул.
85 Стерегу здесь горные дороги,
Жду-пожду сараевских торговцев ³⁶⁴,
Отнимаю серебро и золото,
И сукно, и платье дорогое;
Одеваюсь вместе я с дружиной.
90 Я готов бежать и дожидаться,

И стоять в бою на страшном месте.
Никого на свете не боюся“³⁶⁵.

61. Новак и Радивой продают Груицу

- Вино пили Радивой с Новаком
На горе зеленой Романии,
Подносил вино дитя Груица³⁶⁶.
А когда вина они напились,
5 Радивой сказал тогда Новаку:
„Побратим мой, Старина Новак
У меня вина и табаку нет,
У меня ни пары, ни динара“.
Старина Новак ему ответил:
10 „А не бойся, Радивой, ты, дели,
Что у нас вина и табаку нет,
Что у нас с тобою нет ни гроша,
Зато есть у нас дитя Груица,
А пригожей будет он девицы;
15 Мы купецкое наденем платье,
На Груицу платье сиротинско,
Поведем с тобой дитя Груицу,
Продадим его в Сараев-город.
Убежит пускай когда захочет,
20 А с тобою деньги мы разделим,
И вина и табаку мы кушим“.
Этим Радо сильно был доволен,
И на легкие скочил он ноги,
И купецкое одели платье,
25 На Груицу платье сиротинско,
И пошли они в Сараев-город,
Продавать пошли дитя Груицу.
А его турчанка торговала,
Денег два мешка она давала,
30 И пошла турчанка за деньгами.

- Враг принес турчанку тут вдовицу,
 А вдовицу, Джафербеговицу ³⁶⁷,
 Денег три мешка она давала,
 Три коня, чтобы нести те деньги.
- 35 Проклинает девушка-турчанка:
 „Ну, бери ты, Джафарбеговица!
 У тебя пусть долго раб не будет,
 Одну только ночь или две будет!“
 И взяла турчанка Дорогого ³⁶⁸,
- 40 Повела раба она в двор белый,
 Принесла ему воды и мыла,
 И купать дитя Груицу стала,
 На него одежду надевала,
 Принесла господскую вечерю.
- 45 Как вечерю Груйо сел вечерять,
 А турчанка есть совсем не может,
 А все смотрит на дитя Груицу.
 А как кончили они вечерять,
 Она стелит мягкую постелю;
- 50 Лег с турчанкой Груйо на постелю.
 А как утром утро засияло,
 Встала рано Джафербеговица,
 Выносила чудную одежду,
 И в нее Груицу одевала:
- 55 На плечи дала ему рубашку,
 До-пояса золота чистого,
 Ниже пояса белого шелку;
 А поверх зеленую доламу,
 Пуговиц на ней нашито тридцать,
- 60 Каждая по литру будет весом,
 А под горлом что — в три литра будет,
 Все они из золота литого,
 Все они на кольца запирались;
 Сверх доламы тока и дечерма ³⁶⁹,
- 65 Тока — золота четыре ока;

- На ногах шальвары и застёжки,
Желты ноги его по колена,
Желты ноги, будто у сокона
На голову шапку и челенки,
70 Одна шапка, а девять челенок,
А оковано крыло десято,
Из него пера три золотые
По плечам рассыпались у Груйа,
Крыло стоит тысячу дукатов;
75 Принесла ему шелковый пояс,
А за пояс гданские пистолы ³⁷⁰,
Чистым золотом залиты обе;
И дала Груице нож огнистый,
А на ручке дорог-алый камень;
80 Дала Груйю кованую саблю,
А на ней три ручки золотые,
И на каждой дорог-алый камень,
Стоит сабля города три царских.
И пошел тогда дитя Груица,
85 И спустился он с высокой башни,
И пошел по белому двору он,
Заложил за пазуху он руки.
Поглядела Джафербеговица
А в окошко она с белой башни,
90 И дитя Груицу подзывает:
„Господин мой, раб мой Дорогой ты!
Что такой ты ходишь невеселый?
Или ты о тех жалеешь деньгах,
За тебя что три мешка дала я?
95 У меня полна есть башня денег,
У меня полна конюшня коней:
Есть арабских тридцать, тридцать сербских:
Моего все стара Джафер-бега,
А теперь твое все, Дорогой мой!“
100 А дитя Груица отвечает:

- „Госпожа ты, Джафербеговица!
Ничего мне, госпожа, не жалко,
Только жалко, Джафербеговица:
Когда был у моего двора я,
105 Сам ходил на лов я на планину,
А теперь я верно не умею“.
Отвечает Джафербеговица:
„Ты не бойся, Дорогой мой раб ты!
У меня есть тридцать серайлиев ³⁷¹,
110 Что ходили с бегом Джафер-бегом;
А скажу слуге я Ибрагиму,
Пусть-ка сходит на базар он белый,
Позовет пусть тридцать серайлиев,
Пусть пойдут с тобою на планину,
115 Хитрый лов ловить в лесу зеленом.
Есть еще гора там Романия,
Есть на ней кошуты и олени.
А скажу слуге я Хусеину,
Пусть двух коней добрых оседлает“.
120 Хусеин пока седлал двух коней,
Приходили тридцать серайлиев.
Вдова смотрит на Дорогокуна
И на белую его шлет башню,
И ему такое говорила:
125 „А меня послушай, Дорогой раб!
В кладовую белую пойдя ты
И возьми там желтых ты дукатов,
Серайлиям молодым бакшиш дай,
Чтоб тебе в охоте помогали“.
130 В кладовую белую пошел он,
Как разбойник он набрал дукатов,
А насыпал желтых он дукатов,
Он в карманы, в сапоги насыпал.
А вдова сказала серайлиям:
135 „Слушайте вы, тридцать серайлиев!

- Берегите вы Дорогокупа
 Больше стара бега Джафер-бега!“
 А когда сошел Груица с башни,
 Своего взял доброго гнедого,
 140 На базар гнедого он выводит,
 Чтоб кому полюбоваться было.
 Как на дьявола садится дьявол:
 Горный гайдук на коня лихого,
 Из-под ног камня выбивает,
 145 Мимо лавок едет по базару.
 Говорят молодые серайлии:
 „Не видали мы такого чуда!
 Счастлива ты, Джафербеговица!
 Господина лучшего нашла ты,
 150 Лучше стара бега Джафер-бега“.
 Отправлялись они к Романии,
 А как были окол Романии,
 Заревели олень и кошута,
 И сказали тридцать серайлиев:
 155 „Господин наш, раб Дорогокуп ты!
 Слышишь ты оленя и кошуту?“
 Отвечает им дитя Груица:
 „Не глумите, тридцать серайлиев!
 Не олень это и не кошута,
 160 Заревели Радивой с Новаком,
 Да еще дитя с ними Груица“.
 Ударял гнедого стремями,
 И скакал гнедой конь полем ровным,
 Оставались тридцать серайлиев,
 165 Не остался Хусейн слуга лишь,
 Закричал своим он белым горлом:
 „Погоди-ка, курва ты, Груица!
 Не уйдешь ты, не возьмешь гнедого,
 Не возьмешь ты платья Джафер-бега!“
 170 Вынимал окованную саблю,

- И догнать его он в поле хочет,
Да бежать совсем не хочет Груйю:
Повернул он доброго гнедого,
Вынимал он саблю Джафер-бега,
175 Подждал слугу он Хусейна,
По праву плечу его ударил,
На-двое в седле рассек слугу он,
На гнедом коне седло рассек он,
А гнедого на земле черной,
180 Да еще земли захватил он.
И Новак тут старина явился:
„Бе аферим, ты, дитя Груица!
Когда был такой же молодой я,
Я бы тоже мог бы так ударить!“
185 Оставлял слугу копать он землю,
Припеваючи горой поехал,
И приехал к своему Новаку,
Целовал в лицо он посестрима,
Своего отца он в белу руку;
190 И пустил гнедого в лес зеленый,
Ружьецо взял в правую он руку,
И пошел Груица в лес зеленый³⁷².

62. Груица и Арапин

- Пили вино Радивой с Новаком,
В лесу пили под зеленой елью,
Татомир-дитя³⁷³ вино подносит,
А дитя Груица держит стражу.
5 Говорил Новак тут Радивою:
„Ты послушай, Радивой, родной брат!
Все насилья скинули уж земли,
Не прогнали черного Арапа,
На дорогу он к сватам выходит,
10 И нарядных отнимает девок,

- Любит девок он неделю только,
А потом за деньги продает их;
А не сделать ли с тобою брат нам:
Соберем давай господу-сватов,
15 А Груицу полотном закроем,
А под ним ему привесим саблю,
И поедем мы путем юнацким,
У двора мы черного Арапа,
Эту б курву обманул Груица,
20 Обманул бы, зарубил бы курву?“
Радивою это показалось.
Собирали тут господу-сватов,
А Груицу полотном закрыли,
Под него привешивали саблю,
25 И поехали путем юнацким,
У двора того ли Арапина;
А Арапа дома не случилось,
Пил вино, сидел в корчме Арапин,
А сестра как увидала сватов,
30 И скорей в корчму бежала к брату:
„О мой брат ты, черный Арапинин!
И с тех пор как двор ты свой поставил
Край пути-дороги ты юнацкой,
Лучше сватов тут не проезжало,
35 И невесты лучше не водили,
А сегодня сваты проезжали,
Проводили тут красу-девицу“.
Как услышал черный Арапинин,
Он вскочил с земли на легки ноги,
40 Поскорее на коня садился,
И поехал догонять он сватов.
А как сватов он догнал господу,
Под невестой ухватил коня он,
Он за груди ухватил невесту,
45 А грудей и нету у невесты.

- Закричал тут черный Арапинин:
 „Ой, невеста, бедная мать будешь!
 Молодую мать тебя отдала,
 У тебя грудей еще ведь нету!“
- 50 А дитя Груица отвечает:
 „Мать чужая меня отдавала,
 Не свое дитя ведь отдавала“.
- А как крикнул тут Новак Дебелич³⁷⁴:
 „Бей ты, Груйо, чтоб засохли руки!“
- 55 Груйо саблю из-под покрывала—
 Голова Арапова слетела;
 И поехали дорогой сваты,
 И запел тогда Новак Дебелич:
 „Вы, юнаки, млады-неженаты!
- 60 Вы женитесь там, где вы хотите,
 И не бойтесь черного Арапа,
 А теперь Арапа зарубили,
 Зарубил да Новакович Груйо“³⁷⁵.

63. Женидьба Павла Плетикосы

- Ах ты, боже! что это за чудо!
 Загremели ль Задарские пушки³⁷⁷,
 Завeяли ль приморские ветры,
 Отдается ль эхо по планинам?
- 5 Нет, не пушки то гремят в Задаре,
 И не веют приморские ветры,
 Это сваты — и везут невесту
 И стреляют из пистолей громких.
 Как доехали до перекрестка,
- 10 Говорит им красная девица:

- „Слушайте вы, девери и сваты!
 Посмотреть на вас мне даже стыдно,
 А не то что говорить мне с вами.
 Только время мне поведать горе:
- 15 Как была я глупенькой у матки,
 Меня сватал Плетикоса Павел,
 Меня сватал в семь годов семь раз он,
 Павел сватал — мать не отдавала,
 С горя Павел уходил в гайдуки,
- 20 И теперь он, говорят, в гайдуках,
 На какой-то на Кунар-планине³⁷⁸,
 Говорят, с ним тридцать там гайдуков:
 Вы побойтесь Плетикосы Павла“.
- Отвечают девери и сваты:
- 25 „Глупости все, милая невестка!
 Хотя стал гайдуком Плетикоса,
 Хотя с ним гайдуков тридцать вместе,
 Нас тут больше — шестьдесят нас сватов,
 Не посмеет он на нас ударить“.
- 30 Только сваты вымолвили слово,
 Загремело сразу тридцать ружей
 Из-за лесу из-за зеленого.
 И упало сразу тридцать сватов.
 Загремело тридцать пистолетов,
- 35 И опять упало тридцать сватов,
 Одна девка на коне осталась.
 Тут подъехал Плетикоса Павел
 И схватил коня он под невестой,
 И повел он вверх его на гору.
- 40 Пить садился красное вино он,
 А служила красная девица.
 Молодница тут затосковала,
 Слезы ронит из очей невеста.
 И спросил тут Павел Плетикоса:
- 45 „Бога ради, красная девица,

- У тебя что за беда большая,
Что из глаз ты ронишь горьки слезы?
Или я пришелся не по нраву?
Или сваты мои не по нраву?
- 50 Или жалко деверя милого?
Если жалко деверя милого,
У меня тут Милич есть посестрич³⁷⁹,
Па лицо он девушки красивей,
Пусть тебе он деверем и будет“.
- 55 Отвечает красная девица:
„Господин мой, харамбаша Павел!
Мне не жалко никого на свете,
Ты один пришелся мне по сердцу,
Хороши нарядные мне сваты,
- 60 Мне по нраву твой посестрич Милич,
Пусть мне Милич деверем и будет;
Мне сегодня одного лишь жалко —
У меня нет шелкова подарка.
Чем дарить нарядных буду сватов?
- 65 Все осталось на перекрестке“.
Обманулся Плетикоса Павел,
Милича посестрича зовет он:
„Ты послушай меня, дитя Милич!
Ты возьми ее за белу руку,
- 70 Поведи ее на перекресток,
Где погибли девери и сваты,
Там найдите шелковы подарки,
И ко мне несите на планину“.
Как услышал это дитя Милич,
- 75 Взял ее за белую он руку
И повел ее на перекресток.
Вот бы видеть красную девицу!
Как нашла шелковые подарки,
И пошла она от трупа к трупу,
- 80 И дарила по дороге сватов,

- Каждого рубашкой покрывала,
Покрывала шелковой рубашкой,
Голову платком дорогошитым.
А нашла как деверя милого,
85 Говорила красная девица:
„О мой деверь, золотой мой перстень,
Ты давно ль был у меня на пальце,
Ты давно был, далеко ты скрылся!
На меня разгневался чего ты,
90 Не ведешь меня за белу руку,
Приняла чтоб я нарядных сватов?“
Не умеет голова ответить,
Не умеет мертвая ответить.
Залилася красная девица,
95 И покрыла серебром-рубашкой,
Голову платком золототканым
И пошла она от трупа к трупу,
Отыскала милого там кума,
Полы, руки ему целовала,
100 Говорила красная девица:
„Кум мой милый, яркое ты солнце!
До сих пор тепло меня ты грело,
А теперь опять за гору скрылось!
На меня разгневалось чего ты,
105 И венец не держишь надо мною,
Не венчаешь милую куму ты?“
Не умеет голова ответить,
Не умеет мертвая ответить!
Слезы льет красавица девица,
110 Покрывает серебром-рубашкой,
Голову платком золототканым.
И пошла она между сватами,
Жениха нашла там молодого,
Мертвого в крови нашла невеста,
115 И его из крови поднимает,

- Оттирает шелковым платочком,
Меж очами черными целует,
Говорила сирота-невеста:
„Подожди ты, господин мой милый!
- 120 На меня разгневался чего ты?
Что не смотришь черными очами?
Не ласкаешь белыми руками?
Не целуешь сладкими устами?
На меня разгневался чего ты?“
- 125 Не умеет голова ответить,
Не умеет мертвая ответить!
Люто пискнула краса-девица,
Люто пискнула змеею лютой,
Покрывала золотой рубашкой,
- 130 Голову платком золототканым,
Из-за пояса нож вынимала
И ударила себя им в сердце,
Легла рядом мертвой молодая.
Увидал посестрич это Милич,
- 135 Побежал скорее на планину
И увидел горькое там горе:
Что-то воет наверху планины,
И орлы и вороны летают.
Милый Милич прежде прибегает
- 140 Он к реке студеной — водопою,
А вода в ней мутна и кровава,
У него лежат его два друга —
Один Мирко, а другой Маринко ³⁸⁰,
Белые посечены им руки,
- 145 Ранами дырявлено все тело,
Черная вываливалась печень.
А как только добежал к ним Милич,
Он пытается горных двух гайдуков:
„Ради бога, вы мои два друга!
- 150 Где таких вы ран себе достали?

- Или турки сделали засаду,
 Сильно так изранили обоих?
 Куда делся дорогой мой дядя,
 А мой дядя Шлетикоса Павел?
 155 Куда делася его дружина?“
 Отвечают горных два гайдука:
 „Ты послушай нас, дитя ты Милич!
 Как ушел ты с ней на перекресток,
 И повел несчастную девицу,
 160 А на нас ударил Панджа Градач ³⁸¹,
 Вдруг напал на нашу он дружину,
 Погубил товарищей он тридцать,
 Твое дядю Шлетикосу Павла,
 Тут-то, брат, и раны мы достали“.
 165 Говорили, а с душой боролись,
 А сказали и с душой расстались.
 А когда увидел это Милич,
 Пролил слезы с белого лица он,
 Отправлялся ко двору белому,
 170 Чтоб кормить там мать свою старуху ³⁸².

64. Осман Шевич

- От самого сотворенья мира
 Не цвело цветка на свете лучше,
 Не родилось лучшего юнака,
 С той поры как появились сербы,
 5 Как родился в стародавни годы,
 В белом городе, во том Клубуке ³⁸³,
 Осман Шевич ³⁸⁴ молодой турченоч:
 Красотою был словно девица,
 Скромный был он будто бы невеста,
 10 Был отважный, как Алиа Бойчич ³⁸⁵...

- А еще он был совсем безусый.
 Как поехал Осмо в Никшич-город ³⁸⁶,
 В Никшич-город он поехал к теще,
 Трех друзей он брал с собой в дорогу:
- 15 Брал с собою Ерговича Муйю,
 А другой был Шабан-агич Ибро,
 Третьим другом был Остоич Марко ³⁸⁷.
 В первый раз остановились ночью
 В небольшом селе они Вилусе,
- 20 У Вукича, князя из Вилуса ³⁸⁸.
 Отправлялись рано из Вилуса,
 Проезжали лес они зеленый.
 Разболелся Ергович тут Муйю,
 Подзывает Шевича Османа:
- 25 „Побратим мой, ты Осман мой Шевич!
 Голова что-т сильно разболелась,
 Не могу я на седле держаться.
 Отведи меня с пути подальше,
 И с коня Буланогоними ты,
- 30 На зеленую траву клади ты
 И зеленой ты покрой доламой,
 На глаза клади платок шелковый,
 Заряди дамасское ружье ³⁸⁹ мне,
 И клади его со мною рядом,
- 35 Если будут брать меня в неволю,
 Чтобы я живым не оставался,
 А коня веди ты, брат, с собою,
 Чтоб его не взяли черногорцы.
 Отвечает брату Осман Шевич:
- 40 „Не сошел ли ты с ума от боли!
 Никогда не оставлял я друга,
 Где дамасские грохочут ружья,
 Где сверкают мечи-гребештацы ³⁹⁰,
 Головы юнацкие сметають“.
- 45 Как опять отправились дальше,

Боль такая донимала Муйа,
 Что повис с коня на шею Муйо,
 Грызть коню стал гриву он от боли.
 Как увидел это Осман Шевич,
 50 Боль такая донимает Муйа,
 Ничего не мог другого сделать,
 А отвел его с пути подальше,
 Снял его с Буланого коня он,
 Клад его он на траву зелену
 55 И зеленой покрывал доламой,
 А глаза покрыл платком шелковым,
 Заряжал дамасское ружье он,
 Положил его он с Муйом рядом,
 А коня Буланого увел он.
 60 Далеко уехали уж турки,
 На другой ночлег сстановились,
 У холодной у Кусиды-речки ³⁹¹,
 На богатых на лугах кусидских,
 У Кусидского белóго мóсту.
 65 А как были на мосту Кусидском,
 Заиграл коном Осман тут Шевич,
 Он играет и вправо и влево,
 Говорит Осман своей дружине:
 „Место тут хорошее у речки,
 70 Тут ночлег хороший будет туркам“.
 Тут они с коней слезали добрых
 И огонь у речки разложили,
 Мелкого овса коням давали.
 А настало вечером вечерять —
 75 Кони весь овес свой позобали,
 Конь Османов и не приторкнулся,
 Бьет ногою и ушами водит,
 Все он смотрит на Коштац-планину ³⁹²
 Говорит дружине Осман Шевич:
 80 „Братья мои и моя дружина!

- Этой ночью чудный сон приснился,
Когда были мы в селе Вилусе:
Будто я пришел к Кусиде-речке,
Наклонился, чтоб воды напиться,
- 85 С головы перо в реку упало,
Отнесли его далеко волны,
Дорогой потом упал нагрудник,
Отнесли его далеко волны,
А дамасское ружье сломалось,
- 90 И обломки тож в реку упали,
Отнесло далеко их волнами!
И овес весь кони позобали,
Только мой лишь конь не приторкнулся,
Бьет ногою и ушами водит,
- 95 Все он смотрит на Коштац-планину,
И кому-то он беду там чувствует.
Мы его послушаемся, братья,
На ночь стражу мы себе поставим,
Тут проходят часто черногорцы,
- 100 Страшно, братья, как бы не погибнуть“.
Отвечает Шевичу дружина:
„Ты не бойся, брат Осман наш Шевич!
Добрый юнак — добрый сон увидит,
Сон есть ложь, а истина у бога;
- 105 От кого себе поставим стражу?
По за нами — города два белых:
Град Омутич и Тубела крепость ³⁹³,
Перед нами никшицкие овцы ³⁹⁴:
Тут спокойно, будто за стеною!
- 110 А что конь твой есть овса не хочет,
Говорил когда-то старый четник ³⁹⁵:
Если конь овса зобать не хочет,
Значит чувствует добрую удачу:
Принесет раба или рабыню,
- 115 Или добру голову юнака“.

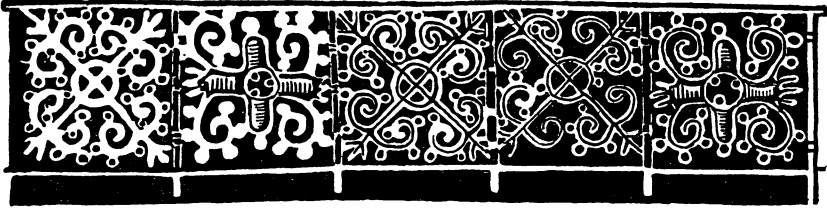
- И ложились спать тогда дружина,
И Осман дамасское ружье взял,
Отошел немного от дружины,
И сажился тут держать он стражу.
- 120 Сторожил он ночью до полночи,
А потом будил свою дружину:
„Ты вставай-ка, добрая дружина!
За полночь уже перевалило,
Сторожил я ночью до полночи,
- 125 Сторожите вы до дня белого,
А я лягу, отдохну немного“.
Спит дружина — будто покололи —
И не слышит, что сказал Осман им.
Голову склонил Осман на камень,
- 130 А ружье спустил с плеча на землю.
Собирался Демьянович Живко ³⁹⁶,
Он с дружиной ехал по планине,
С ним дружины было восемнадцать.
А как вышли на Коштац-планину —
- 135 За полночь уже перевалило,
Увидал огонь он у Кусиды,
У Кусидского белого мосту.
Говорил тут Демьянович Живко:
„Братья мои и моя дружина!
- 140 Видите костер окол' Кусиды?
А кого мать родила юнаком,
Поясом юнацким повивала,
На руке кого сестра качала,
На правой руке она без зыбки,
- 145 Да на чистой на груди девичьей,—
Пусть пойдет он к мосту на Кусиде,
Пусть посмотрит на огонь у речки,
Кто огонь там разложил у речки,
Или турки, или черногорцы,
- 150 Молодые ль развели торговцы,

Или, может, пастухи овечьи?
 Наклонили головы юнаки,
 В черну землю очи устремили,
 Только Вук Мандушич не склонился
 155 С побратимом Гардашевич Вулом³⁹⁷,
 Взяли братья свои ружья в руки,
 И спустилися с Коштац-планины.
 Как пришли они к Кусиде-речке,
 Ко Кусидскому белому мосту,
 160 Видят турки огонь разложили,
 Около огня лежит их трое,
 Говорил тут Гардашевич Вуло:
 „Побратим мой, ты Мандушич Вучо,
 Посмотри, юнак лежит в середине,
 165 На нем шапка — перо дорогое,
 Золоченый на груди нагрудник,
 На холодный камень наклонился,
 Тонкое ружье в руках он держит“.
 Отвечал ему Мандушич Вучо:
 170 „Иль не видишь? Иль не видел сразу?
 Лютая змея ползет из камня —
 Лютая змея, Осман тут Шевич,
 Из белого города Клобука,
 Заслонил собой он черну гору,
 175 Много наших братьев погубил он“.
 А как турок они рассмотрели,
 Возвратились на Коштац-планину,
 Рассказали Демьяничу Живку.
 Как услышал Демьянович Живко —
 180 У него Осман зарезал сына,—
 Полетел он вниз с Коштац-планины,
 Отомстить он полетел за сына.
 Вот приходит он к Кусиде-речке,
 Ко Кусидскому белому мосту,
 185 Подходил к огню тут Живко скоро,

И расставил он свою дружину:
На турчина ставил трех гяуров,
На Османа самого — двенадцать.
И они ударили на турок.
190 У огня всех турок положили,
И убили Шевича Османа,
По бокам легли его два друга³⁹⁸.

VI

ПЕСНИ ОБ УСКОБАХ

65. Женитьба Ива Голопузого

Пьет вино — пирует краль Янёка
Во Янёке во городе белом³⁹⁹,
С ним пирует тридцать капитанов,
Тридцать три пирует генерала.
5 А подходит тут юнак какой-то,
На юнаке чудная одёжа:
Сквозь штаны светлеются колена,
У доламы провалились локти,
А сквозь шапку выбились волосья;
10 А на нем нет никакой рубашки,
Опоясан поясом богатым,
А за ним две гданские пистолы,
У обеих золотые ручки,
Сбоку саблю длинную привесил,
15 А длиной в юнацких девять локтей,
А зовут того юнака чудно,
Прозывают Ивой Голопузым⁴⁰⁰.
Подошел, сказал он божьё помочь,
Все ему тут разом поклонились,
20 С королем его сажают рядом,

- Тридцать чаш ему вина подносят;
Ождедья — вот так гость приятный! ⁴⁰¹
Выпил он усов не замочивши.
За вино взялися капитаны.
- 25 Говорили тридцать капитанов:
„Эх, Янёдкий Иво Голопузый!
Отчего не женишься ты, дурень?
Нас пирует тридцать капитанов,
Тридцать три пирует генерала,
- 30 По девиде есть у капитана,
По девиде есть у генерала,
То сестра, то дочь его родная,
Ты проси Иван какую хочешь,
За тебя отдаст девицу всякий“.
- 35 Голопузый отвечал на это:
„Слава всем вам, тридцать капитанов,
Перед богом положил зарок я,
Ни на ком юнак я не женюсь,
Ни на сербке и ни на латинке,
- 40 А на дочке глумца Осман-аги,
Побратима в городе Удбине“ ⁴⁰².
Капитаны все переглянулись,
Меж собой смеяться начинали.
Голопузому досадно стало,
- 45 Что над ним смеются капитаны;
Пить вино не захотел он с ними,
И вскочил на легкие он ноги,
И спускался вниз он с белой башни,
Саблею пересчитал ступеньки,
- 50 Иво шел к своей высокой башне,
Отпирал он сундуки большие,
Вынимал красивую одежду:
На плечи он тонкую рубашку,
По пояс из золота литого,
- 55 Ниже пояса — белого шелку;

Сверх рубашки два жилета тонких,
 А поверх зеленую доламу,
 На доламе пуговиц же тридцать,
 Сверх доламы надевал он току,
 60 Золота на ней четыре ока;
 Надевает с перьями он шапку,
 Одна шапка — целых девять перьев,
 А десятое огнем горело,
 Из него три кисти золотые,
 65 Бьются кисти по плечам юнака;
 Да крыло окованное вдел он,
 Чтоб лицо закрыть от непогоды,
 Да от ветра лютого закрыть чтоб,
 И штаны с застежками надел он,
 70 Стали желты ноги до колена,
 Стали желты будто у соко́ла ⁴⁰³,
 Опоясал пояс он богатый,
 За пояс две гданские пистолы,
 Чистым золотом все залитые;
 75 Саблю длинную он препоясал
 И спускался он с высокой башни,
 Из конюшни выводил гнедого,
 Лучшего коня выводит Иво,
 Пограничное седло седлает —
 80 В Турции седло достал он это, —
 Золотой он пистолет привесил,
 По бокам повесил две он сабли,
 На коня он своего садится,
 Едет Иво городом Янёком,
 85 Едет прямо полем он Янёцким,
 Проезжает он Янёцким лесом,
 Чесом едет прямо к Огорельцу ⁴⁰⁴,
 Там его и ночка захватила,
 А к заре был Иво под Удбином,
 90 Был под башней глумца Осман-аги;

- Перед башней кашлянул три раза,
 Перед башней глумца Осман-аги,
 Посмотрел потом в окошко башни,
 А рука в окошке показалась.
- 95 Говорил тут слово Голопузый:
 „Чья рука в окошке показалась?
 Девицы рука или замужней?“
 Девица сказала из окошка:
 „Девицы рука, а не замужней,
- 100 Дочери ведь глумца Осман-аги“.
 Отвечает Иван Голяк на это:
 „О Фатия, дочка Осман-аги!
 Покажися ты в окошке башни,
 Черными очами посмотреть бы,
- 105 Не жалею, глумцева Фатия:
 У отца просил уж я три раза,
 У отца ли глумца Осман-аги,
 Я просил — не отдает тебя он,
 Вот и еду в город я Кладушу,
- 110 Чтоб посватать Муину Хайкуну ⁴⁰⁵,
 Приведу ее, на ней женюся“.
 Услыхала девушка Фатия,
 И ему на это отвечала:
 „Ты скажи, незнамый пограничник,
- 115 Из какого города ты будешь?“
 Отвечает Иво из Янёка:
 „О Фатия, красная девица!
 Я юнак из города Барата,
 Я привратник города Барата,
- 120 Я начальник сам — Баратский Муйо!“ ⁴⁰⁶
 Отвечает красная девица:
 „Ставь коня ты в белую конюшню,
 Подожди отца ты из планины,
 Попрошу, отдаст отец наверно“.
- 125 Красной девице он отвечает:

- „Ты послушай, глумцева Фатия!
Перед богом положил зарок я —
У отца просить не буду больше:
Если хочешь вековать со мною,
130 Полчаса лишь ждать тебя я буду,
Ты пока в дорогу собирайся,
Посажу тебя я на гнедого“.
Повернул Иван коня гнедого.
Говорит тут девица Фатия:
- 135 „Подожди лишь полчаса ты, Муйо,
Соберусь я на высокой башне“.
И Иван слезал тогда с гнедого,
Ждал ее он полчаса у башни.
Звон пошел тут из высокой башни:
- 140 Звон стоит от мелких ожерелий,
Шум стоит от шелковой одежды,
Стук стоит от туфель и сандалий —
То выходит девушка Фатия,
Во правой руке она выносит
- 145 Мешок полный золотых дукатов,
В левой же вина выносит чашу,
Напоить чтоб Муйю из Барата;
На зеленую траву становит,
В белую его целует руку,
- 150 Он ее меж черными глазами;
Выпил чашу, взял мешок червонцев,
Положил их на коня гнедого,
Сам потом сажался на гнедого,
Подавал Фатие правую руку,
- 155 Позади себя сажал Фатию,
Поясом три раза опоясал,
А ремнем он от меча в четвертый.
И поехал на гору-планину,
А как был он на горе-планине,
- 160 Три дороги пред собой увидел:

- Одна в Ниш, другая к Шибенику,
Третья же в Барат, турецкий город ⁴⁰⁷.
Тут ему Фатия говорила:
„Ой, послушай ты, Баратский Муйо!
- 165 От отца слыхала я родного,
Про пути-дороги на планине:
Не по той дороге ты поехал,
И не едешь ты в Барат турецкий,
А в Янёк гяурский город едешь“.
- 170 Отвечает Иво из Янёка:
„Девица ты, глумцева Фатия!
Да ведь я не Муйо из Барата
А, быть может, слышала ты слухом
Об Янёцком Голопузом Иве?“
- 175 В лес зеленый тут они спускались,
Ехали они янёцким лесом,
Там они юнака повстречали:
Вороной под тем юнаком коник,
Конь в крови по самые колена,
- 180 А юнак по самые по локти;
Голопузого увидел Ива,
И ему желает божью помочь:
„Божья помочь, Голопузый Иво!“—
„Будь и ты здоров, Баратский Муйо!—
- 185 Голопузый отвечает Иво:
„Ты скажи откуда, Муйо, едешь?
Едешь ли из города Янёка?
Где свою дружину ты оставил?“
- Отвечает Муйо из Барата:
190 „Ты послушай, Голопузый Иво!
Был в твоём я городе Янёке,
Взял с собою тридцать я дружины:
Подсидели нас твои гяуры,
Тридцать всех дружину погубили;
- 195 Порубил я тридцать и четыре,

- На своем на вороном уехал.
Ты скажи, откуда, Иво, едешь?
Был в моем ты городе Барате?
Где дружину ты свою оставил?“
- 200 Отвечает Голопузый Иво:
„У меня совсем дружины нету,
Кроме бога и коня гнедого.
Сам я ездил к городу Удбину,
Да под башню глумца Осман-аги,
- 205 Выманил я дочь его Фатию,
На гнедом увез ее с собою“.
Говорит тут девушка Фатия:
„Почерней ты, Муйо из Барата,
Почерней в диване завтра утром⁴⁰⁸,
- 210 Прогулял меня ты на мейдане!⁴⁰⁹
На твое меня сманил он имя:
Не назвался Ивом Голопузым,
А назвался Муйом из Барата“.
Как услышал эти речи Муйо,
- 215 И на это говорил он Иву:
„Ах, ты, курва, Иво Голопузый!
Ты чужое имя принимаешь,
И турецких ты девиц воруешь?“
Из седла он вынимал пистолю,
- 220 В Голопузого не метит Муйо,
Чтобы с ним девицу не поранить,
Бьет гнедого он между очами;
На зеленую траву упал он,
Придавил Иванову он ногу;
- 225 Покатился Иво Голопузый,
На Иване зазвенели перья,
Вороного бьет Баратский Муйо,
Гонит коня Муйо из Барата,
Голову отсечь Ивану хочет,
- 230 Коня гонит — вороной боится,

- Ну, а Иво высвободил ногу,
Из-за пояса достал пистолю,
Высекал кремнем живой огонь он —
Знать такое счастье было Муйю —
- 235 Между черных глаз ему попал он.
Разуздал коня гнедого Иво,
Вороного брал коня он Муйа,
Оседлал его своим седлом он,
На коня садился вороного,
- 240 Позади себя сажал турчанку,
Припеваючи поехал лесом,
Бросил Муйю рыть ногами землю.
А как ехал полем он Янёцким,
Городская увидала стража,
- 245 Побежала к королю с докладом:
„Едет, краль, наш Иво Голопузый,
Муйина ведет он вороного“.
А король Янёка им не верит,
Не увидев черными очами,
- 250 А увидел черными очами,
Тридцати велел палить он пушкам,
Меж очами он целует Ива.
И великий пир потом он задал,
Будто землю захватил большую.
- 255 А Иван повел девицу в церковь,
Покрестил ее, венчался с нею,
В двор свой белый отводил девицу:
Как проснется, так уже целует⁴¹⁰.

66. Сенянин Иво и его сестра

- У того ли Сенянина Ива
Чудо чудное есть, говорили,
А то чудо сестра Анджелия:
Как стройна она и как высока,
5 Так бела и так она румяна,
Полонила города и земли,
Из семи земель семь банов просят,
Из семи земель семь кралей просят,
Еще просит из Млетака Марко.
10 Анджелии говорит брат Иво:
„Слышишь ли, краса ты, Анджелия!
Как стройна ты и как ты высока,
Так бела ты и так ты румяна,
Не могу другим тебя отдать я,
15 Сам возьму тебя, женой мне будешь“.
Услыхала это Анджелия,
И пошла в высокую светлицу,
Полотна взяла там три аршина
И две нитки золота взяла там,
20 И пошла она на берег моря,
Думает — никто ее не видит,
А за нею Марко из Млетака ⁴¹¹.
К берегу морскому приходила,
На четыре стороны глядела,
25 Слез' ронила, тихо говорила:
„Берега, вы девери милые!
Побережки, милые вы снохи!
Камешки, вы милые золовки!“
Завязала она себе очи
30 И скочила в море Анджелия.

Прибегает Марко из Млетака,
Взял ее он за шелковый пояс,
На коня сажал он Анджелию,
Опоясал поясом три раза,
35 А от сабли ремешком в четвертый;
А она ни слова не сказала.
А когда они в Млетаке были,
А в Млетаке хороводы водят,
В хороводе там Сенянин Иво ⁴¹².

67. Невеста Сенянина Ива

А как пил вино Сенянин Иво,
Пил у тещи, у невесты пил он,
Вино видно сквозь белое горло,
Сквозь рубашку — видны белы руки;
5 Черная коса на белу шею,
Черный ус на белое лицо лег.
Девуца из башни поглядела,
Милую свою мать подзывала:
„Ах, старуха, мать моя милáя!
10 Подойди-ка ты к окошку башни,
Погляди-ка, мать, на двор наш белый,
Как Иван червленое вино пьет:
Родовитый, мать моя милáя!“
А на это мать ей отвечала:
15 „Ах, молчи, чтоб ты совсем замолгла!
Девять всех у матери их было,
Да от сглазу померло уж восемь,
Ты смотри, чтоб и Иван не помер“.
Отправлялся Иво в двор свой белый,
20 Подзывал он мать свою милую:

- „Ах, старуха, мать моя милая!
Я сегодня что-то разболелся,
Только, верно, скоро я поправлюсь,
Ты стели мне мягкую постелю,
25 Не стели ни длинно, ни широко,
Все равно болеть не буду долго“.
И полез потом в карман доламы,
Золотое яблоко он вынул:
„Возьми это, мать моя старуха!
30 Ты отдай его моей невесте,
И скажи ей, мать моя милая:
Она будет господского роду,
Так пусть плачет обо мне год целый,
Если будет крестьянского роду,
35 Так пусть плачет обо мне неделю“.
Так сказал он и с душой расстался,
Говорил он с матерью родимой.
А когда мать это увидала,
Она брала золотой тот яблоч,
40 Понесла она его невесте:
„Вот тебе, душа моя, девица!
Это яблоко оставил Иво,
И при этом говорил мне Иво:
Если будешь господского роду,
45 Будешь плакать целый год об Иве,
Если будешь крестьянского роду,
Будешь плакать ты об нем неделю“.
Она была господского роду,
Плакала она три года целых:
50 Первый год лица не умывала,
А косы в другой год не чесала,
А на третий гребня не носила,
Плакала по Иву молодому.
Да потом господь послал ей счастье:
55 А посватал ее бан Будимский,

Он засватал, перстень дал невесте,
 Собирает он нарядных сватов.
 А под ним коня держали двое,
 Четверо над ним держали полог;
 60 У Иванова двора как были,
 Говорила тут с коня девица:
 „Слушайте, нарядные вы сваты!
 Вы оставьте бубны и свирели,
 Пока двор Иванов не проедем,
 65 Чтобы мать его не увидала,
 Раны в сердце бы не обновила“.
 Отвечал на то ей бан Будимский:
 „А молчи ты, не глуми, невеста!
 Об Иване молодом ты плачешь?“
 70 Отвечает красная девица:
 „Господин ты мой, ты бан Будимский!
 Во дворе твоём я белом буду,
 Ещё буду плакать об Иване“.
 А когда бан понял эти речи,
 75 Из-за пояса он вынул саблю,
 И отсек он голову невесте;
 Голова летела — говорила:
 „А сама себя я погубила,
 Ах, зачем я бана полюбила,
 80 Всех дороже был мне дорогой мой,
 Дорогой мой был Сенянин Иво!“⁴¹³

68. Плен Янковича Стояна⁴¹⁴

Когда турки захватили Кóтар,
 Янковичей все дворы спалили,
 В плен Илью Смилянича⁴¹⁵ забрали,
 В' плен Стояна Янковича взяли,
 5 У Ильи' осталась дома любя —

- Две недели как он оженился;
 У Стояна тож осталась любя —
 Лишь неделю, как он оженился.
 А в Стамбул их отводили турки,
 10 Подарили там царю-султану.
 Девять лет они в Стамбуле были,
 Да семь месяцев на год десятый,
 Царь-султан обоих потурчил их,
 У дворца дворы он им поставил.
 15 Говорил тогда Илья Смилянич:
 „Ой, Стоян, о мой ты милый братец!
 Завтра будет ведь турецкий праздник,
 С турками пойдет царь на прогулку,
 А с турчанками пойдет царица.
 20 Укради ключи ты от кладовых,
 Я ключи украду от конюшен,
 И добра с тобою мы награбим,
 Двух коней возьмем с собою добрых,
 Побежим с тобою в Котар ровный,
 25 На семью незнамую посмотрим,
 Нецелованных жен поцелуем“.
 А когда договорились братья,
 И когда настал турецкий праздник,
 С турками пошел царь на прогулку,
 30 А с турчанками пошла царица;
 Тут ключи Стоян крал от кладовых,
 А Илья ключи крал от конюшен,
 И добра несчетного набрали,
 И двух добрых коней уводили.
 35 Побежали братья в Котар ровный.
 А как были около Котара,
 Янкович Стоян сказал тут брату:
 „Ой, Илья, послушай, милый брат мой!
 Отправляйся, брат, ты в двор свой белый,
 40 Я своим отправлюсь виноградом,

- Я пойду ли садом самосадам,
 Посмотрю на свой я виноградник,
 Кто за садом ходит, подрезает,
 И кому мой сад достался в руки“.
- 45 В белый двор Илья тут отправлялся,
 Янкович Стоян своим ли садом,
 Да он встретил мать свою родную,
 В винограднике ее он встретил:
 Свою косу мать старуха режет,
- 50 Косу режет, виноград мать вяжет,
 А лозу слезами поливает,
 Вспоминает своего Стояна:
 „Золотое яблоко, Стоян мой!
 Мать твоя тебя уже забыла,
- 55 Люба Ела позабыть не может,
 Золото неношеное — Ела!“
 Божью помочь говорил Стоян ей:
 „Божья помочь, сирота старуха!
 Молодых ты разве не имеешь,
- 60 Чтоб ходить за этим виноградом,
 Спотыкаешься ведь ты, старуха?“
 А старуха горько отвечала:
 „Жив-здоров ты будь, юнак незнамый!
 Никого нет у меня моложе,
- 65 У меня Стоян был сын единый,
 И того заплонили турки,
 И Стояна и Илью забрали,
 Что его двоюродного брата;
- 70 Две недели, как он оженился;
 У Стояна тож осталась любя —
 Лишь неделя, как он оженился;
 А сноха — Адамово колено,
 Девять лет Стояна дожидала,
- 75 Да семь месяцев на год десятый,

- А теперь она выходит замуж,
А глядеть от горя не могла я,
В виноград свой сад я убежала“.
- Как Стоян услышал эти речи,
80 К белому двору пошел скорее,
И застал он там нарядных сватов.
Хорошо его приняли сваты:
А с коня за стол сажали прямо.
А когда Стоян вина напился,
85 И сказал Стоян такое слово:
„Ой, вы, братья, ряженные сваты!
А ведь можно мне попеть немного?“ 416
А нарядные сказали сваты:
„Можно, можно, делибаш незнамый!
90 Можно, можно, почему не можно?“
И запел он тонко-голосисто:
„Ви́ла гнездо птица-ластовица,
Де́вять лет гнездо свое свивала,
Начинала развивать сегодня;
95 Прилетел к ней сив зеленый сокол,
Из столицы от царя-султана,
Да не даст он развивать гнезда ей“.
Ничего не понимали сваты,
Поняла Стоянова лишь любя,
100 Деверя тут своего бросаю,
Побежала на чердак высокий,
И сестре Стояновой сказала:
„Ой, золовка, родная сестрица!
Брат пришел твой, господин мой милый!“
105 А сестра, как это услышала,
С чердака вниз она побежала,
Стол она три раза осмотрела,
И Стояна брата увидала,
Обнимает и целует в щеки.
110 Обливались тут они слезами,

- А от радости они от счастья.
А нарядные сказали сваты:
„Янкович Стоян, ты господин наш!
Что заплатишь за добро нам наше?
115 Поистратили добра мы много,
Пока мы усватали Елицу“.
Отвечает Янкович Стоян им:
„Погодите, ряженные сваты!
Наглядеться на сестру мне дайте,
120 Заплачу за все добро я ваше,
Хорошо за все я заплачу вам“.
На сестру когда он насмотрелся,
Хорошо одаривал он сватов:
А кому платок, кому рубашку,
125 Жениху родную дал сестрицу.
Уходили ряженные сваты.
А как вечером пришло вечерять,
Мать кукуючи в двор приходила,
Куковала она, как кукушка,
130 И Стояна сына вспоминала:
„Золотое яблоко, Стоян мой!
Мать твоя тебя уже забыла,
Люба Ела позабыть не может,
Золото неношеное — Ела!
135 Дождает кто теперь старуху?
Встретить кто теперь старуху выйдет?
А кто спросит мать свою старуху:
„Ты скажи, не уморилась, мать ли?“
Услыхала это любя Ела,
140 И в двор белый она выходила,
На господские взяла мать руки,
Говорила матери-старухе:
„Не кукуй ты, мать моя старуха
Тебя, старую, пригрело солнце:
145 Посмотри ты на Стояна сына!“

Увидала мать-старуха сына,
Увидала своего Стояна
И на землю мертвая упала.
Хорошо Стоян похоронил мать,
150 Как по царской это чести надо ⁴¹⁷.

69. Смерть Ильи Смилянича

Что в траве зеленой запищало:
Или вила, или люта гуя?
Нет, не вила и не люта гуя,
А пищит там сам Илья Смилянич,
5 А Илья весь ранами изрезан.
А увидел это Вук Мандушич ⁴¹⁸,
Побратима своего спросил он:
„Что пищишь ты, побратим мой милый?“
Отвечал ему Илья Смилянич:
10 „Одолели меня злые раны“.
А сказал Мандушич побратиму:
„Можешь ли ты, побратим мой милый,
Можешь ли перенести ты раны?
Лекаря найду тебе легкого,
15 Он тебе положит мягкий пластырь“.
А Илья Смилянич отвечает:
„Ты не мучься, лекаря не надо,
Не трать деньги, не клади мне пластырь,
Отнеси ты меня в двор мой белый,
20 В мой двор белый, к матери-старухе,
Пусть посмотрит она мои раны,
Пусть постелит мне жена постелю,
Напоит сестра водой холодной“.
Отвечает Вук ему Мандушич:
25 „Отнесу тебя я в свой двор белый,

Мать моя твои посмотрит раны,
А жена моя постель постелит,
А сестра моя водой напоит“.
Говорил на то Илья Смилянич:
30 „Ради бога, побратим мой милый!
Мать чужая раны повредит лишь,
А чужа жена неровно стелит,
А сестра чужая горько поит“.
Так сказал он и с душой расстался⁴¹⁹.

70. Байо Пивлянин и бег Любович

А письмо ли Любович-бег⁴²⁰ пишет
Во селе хорошем Невесине,
Посылает в каменную Пиву⁴²¹,
На колено Пивлянину Баю⁴²²:
5 „А послушай, Пивлянин ты Байо!
Укусил меня за сердце прямо,
Погубил мово родного брата.
Выходи со мной на бой юнацкий,
Я три боя дам тебе юнаку:
10 Один бой в хорошем дам Коритме,
А другой дам под горой Трусиной⁴²³,
Середь ровна поля Невесиньска,
Третий дам, где встретимся с тобою.
А на бой если не смеешь выйти,
15 Пяльцы я пошлю тебе и прялку,
А для прялки мисирскую пряжу
Да веретено пошлю из бурса,
Ты спряди портки мне и рубаху,
Да к порткам спряди еще мне гачник“⁴²⁴.
20 Мелкое письмо приходит к Байу,

- Увидал он, что письмо сказало,
Брал скорей чернила и бумагу
И в ответ письмо он бегу пишет:
„Господарь ты мой, ты бег-Любович!
- 25 Можешь ты ведь от меня погибнуть,
И мне жалко от тебя погибнуть.
Приходи, помиримся мы лучше:
Твоего ведь погубил я брата,
Только все по молодости было,
- 30 Сам давно покаялся я в этом;
Приходи, помиримся мы лучше.
Я пошлю тебе хороший яблоч,
В яблочке пошлю я сто дукатов“.
К бег-Любовичу письмо приходит.
- 35 Как увидел он что Байо пишет,
Он писал ему письмо другое:
„Ой, ты, Байо, пивлянский подкидыш!
Не хочу с тобою я мириться,
Тысячу пока не дашь дукатов,
- 40 Не придешь пока ко мне в двор белый,
Хорта меж очей не поцелуешь,
А в копыта доброго коня ты,
Меня в полу, в руку поцелуешь,
А передо мной землицу черну“.
- 45 Мелкое письмо когда взял Байо,
Мелкое письмо читать он начал,
Головой мотал, скришел он зубом,
И письмо другое пишет бегу:
„Ты послушай-ка меня, Любович!
- 50 Меж очами пса не поцелую,
Доброго коня твоего в копыто,
Если б знал я, что в бою погибну,
И тогда б с тобой на бой я вышел.
Жди меня ты под горой Трусиной,
- 55 Да на ровном поле Невесинском,

- На виду села ли Невесиня,
На виду твоей жены турчанки“.
Бег-Любовичу письмо шлет Байо,
Да зовет скорее побратима,
60 Побратима Негошевич-Мата ⁴²⁵:
„Побратим мой, Негошевич Мато!
На мейдан зовет меня Любович,
Собирайся, милый побратим мой!
Мы пойдем с тобой к горе Трусине:
65 Или сам я, побратим, погибну,
Или бег там Любович погибнет!“
Пивлянин тут Байо собирался,
На себя он шелк надел и бархат,
Припоясал два меча зеленых,
70 А одной мечи были работы;
Собирался Негошевич Мато,
Отправлялись двое побратимов
Из честитой Пивы Каменистой,
А пришли они к горе Трусине,
75 И пришли на поле Невесиньско,
На виду турчин их поджидает,
И шатер он на поле поставил,
Под шатром сидит и пьет вино он,
Ему служит слуга Шабан-ага ⁴²⁶.
80 Приходил когда на поле Байо,
Он приходит, под шатер заходит,
А заходит, на землю садится,
А как сел он, говорить он начал:
„Добро утро, бег Любович-бег ты!
85 Злой час, бег, тебе иль мне приходит“.
Отпоясал два меча зеленых,
Перед бегом он мечи бросает:
„Два меча перед тобой зеленых,
А мечи одной работы оба,
90 Выбирай себе, какой ты хочешь,

- Возьми лучший, а оставь мне худший,
Не сказал бы ты, что ты обманут“.
Как увидел это бег-Любович,
И вскочил на легкие он ноги,
95 Доставал он кованую саблю:
„Ах, ты Байо, пивлянский подкидыш!
Христианские зачем мечи мне?
У меня есть сабля-шамлянка ⁴²⁷.
Пивлянин на легкие встал ноги,
100 И на двор юнаки выходили,
Выходили они, расходились.
Послал Байо Негошевич Мата,
Чтоб оцупал Любовича-бега,
Не надел ли панцыря какого.
105 А пошел оцупать Мато бега,
Как оцупал Любовича-бега,
А на нем три панцыря надето,
Три надето, один сверх другого.
А когда увидел бег-Любович,
110 Что он скажет Пивлянину Байу,
Обнимает Негошевич Мата,
В белое лицо его целует:
„Побратим мой, Негошевич Мато,
Не скажи ты Пивлянину Байу,
115 Что на мне три панцыря надето;
А когда в бою поможет счастье,
Погублю я Байа на мейдане,
Дам тебе я Байово добро все,
Дам тебе я Байово оружие
120 И все деньги Байовы отдам я;
Я хочу тебя счастливым сделать:
Белые двory тебе поставлю
Во селе хорошем Невесине,
У дворов моих поставлю белых,
125 Дам тебе я тысячу дукатов“.

- Соблазнился Негошевич Мато,
Соблазнился, змей его ужали!
Не сказал он Пивлянину Байу,
Побратима обманул своо он,
130 Что на беге ничего, вишь, нету;
А одна лишь тонкая рубашка,
Сверх рубашки шелк надет и бархат.
Посылал слугу тогда Любович,
Чтоб ощупал Пивлянина Байа;
135 И пошел слуга ощупать Байа,
И вернулся и сказал он бегу,
„Нету панцыря совсем на Байе,
Лишь надета тонкая рубашка,
Сверх рубашки шелк надет и бархат“.
140 И тогда они на поле вышли,
Пивлянин свой меч зеленый вынул,
А Любович саблю-шамлянку,
А слуга и Мато отходили,
А тогда юнаки нападали:
145 Как ударил Пивлянин тут Байо,
Как ударил Любовича-бега,
И просек ему он шелк и бархат,
Из-под шелка сыпалися искры;
Как ударил тогда бег-Любович,
150 Как ударил Пивлянина Байа,
И просек ему он шелк и бархат,
Из-под шелка черна кровь лилася
И кусками мясо отлетало,
Сильно ранил Пивлянина Байа,
155 Ему ранил правую он руку.
Как увидел Пивлянин тут Байо,
Что погибнуть ему от измены,
Тут бросал он меч в траву зелену.
Изловчился турчину под саблю:
160 Ухватил он правую рукою

- За руку его, за острую саблю,
Левою за белое он горло,
Повалил его в траву зеленую,
И от злости он загрыз зубами.
- 165 Как увидел Негошевич Мато,
Побежал тогда он по полю ровным
Со слугой турчином Шабан-агой,
Пивлянин за ним погнался следом.
„Ой, стой, побро Негошевич Мато!
- 170 Полетел бы от меня быстрее
И тогда бы я тебя догнал бы“.
Догонял на краю поля ровна,
На коне мечом его ударил,
Голову до плеч ему срубил он.
- 175 Закричал слуге он Шабан-аге:
„Поверни назад ты, Шабан-ага,
Раздевай-ка Негошевич Мата,
Ничего не сделаю тебе я“.
Возвращался слуга Шабан-ага,
- 180 Раздевал он Негошевич Мата,
А потом поехал к Невесиню.
Раздел Байо Любовича-бега,
Снял с него он платье и оружие,
И нашел три пояса он денег,
- 185 Все три желтых полные дукатов,
Отпоясал, себе припоясал,
На коня горячего садился,
И поехал к берегу он моря,
Да к латинам, вылечить чтоб руку⁴²⁸.

71. Воин и его невеста

- Как засватал воевода Воин ⁴²⁹,
Он засватал красную девицу
У того ли дожа из Млетака;
Тот посватал, э тот согласился;
5 Воин дал и яблоко и перстень;
Через год свою назначил свадьбу
И поехал к своему двору он.
Как пришел он, так и разболелся,
Заболело сердце у юнака;
10 И три года проболел он целых,
А не умер и не стало лучше.
Надоело ждать уже невесте,
Мелкое письмо она писала,
К Воину невеста отправляла:
15 „Ой, ты, Воин, ой, жених мой милый!
Собирай сватов, иди за мною,
Укоряют молодые снохи,
Что я дома долго засиделась“.
Приходило к жениху письмо то,
20 Прочитал он, что она писала,
И другое написал письмо он,
Побратиму написал он Янку ⁴³⁰:
„Собирай сватов, иди к невесте,
На мое обманывай ты имя,
25 За собою, побратим, веди ты“.
И письмо то к Янку приходило.
Янко наспех собирает сватов,
И ведет их к дожу из Млетака.
Хорошо дож сватов принимает,
30 Им дает подарки и невесту.

И домой отправилися сваты.
Крик услышал воевода Воин:
Едут сваты и везут невесту,
Матери сказал тут Воевода:
35 „Ах, увей меня ты, мать родная,
Шелковым ты поясом увей-ка,
Отнеси под желтый померанец,
Чтоб мою несуженую видел“.
Мать-старуха скоро поднималась,
40 Хорошо она его одела,
Отнесла под желтый померанец.
В это время подходили сваты.
Поглядела красная девица,
Увидала она воеводу,
45 Деверям своим она сказала:
„Ради бога, девери мои два!
А что это за юнак красивый,
Что сидит под желтым померанцем?
Он ли чуден, горе ли убило,
50 У него лицо так потемнело?“
Показали воина ей сваты.
Умолила деверей невеста,
Чтобы дали подойти к юнаку
И юнака бы спросить, о горе.
55 Опускал в карманы руки Воин,
Три кольца он вынул золотые:
„Вот, моя несуженая, кольца!
Сам тебе готовил я подарки,
Кузнеца три, целые три года“.
60 А невеста приняла подарки,
В пазуху тут руку опускала,
Золотую вынула рубашку,
И ее давала воеводе:
„Вот, моя напрасная ты радость!
65 Я сама готовила подарок,

Вышивала три, три года целых“.
Подарились и потом расстались.
И с душой тут Воин расставался.
Крик дошел уж на коне к невесте,
70 Молодая деверям сказала:
„На траву с коня меня снимите,
Я с душой расстанусь, молодая“.
Как сказала, так оно случилось,
Тут с душой невеста расставалась.
75 Умирали они друг за другом.
Так все было, так происходило ⁴³¹.

72. Хасанагиница

Что белеет там в лесу зеленом?
Это снег ли, лебеди ли это?
Нет, в лесу уж снег давно растаял,
Лебеди давно уж улетели.
5 Нет, не снег, не лебеди белеют,
А шатер белеет Хасан-аги ⁴³²,
Разболелись его злые раны,
Приходили к нему мать с сестрою,
А прийти лишь любя постыдилась.
10 А когда ему полегче стало,
И велел сказать он верной любе:
„В белый двор меня не жди ты больше,
И ни в двор и ни в семью родную“.
Эти речи услышала любя,
15 Горькие ей мысли приходили.
Конский топот у двора раздался,
Побежала Хасанагиница ⁴³³,
Чтобы с башни броситься в окошко,
А за ней две маленькие дочки:
20 „Ой, вернись, ты мать наша милая,

- Не отец то едет Хасан-ага,
Это дядя Пинторович едет“⁴³⁴.
И вернулась Хасанагиница,
И на шею кинулася брату:
- 25 „Милый брат мой, стыд и срам великий,
От пяти детей меня ведь гонят!“
Да молчит брат и не отвечает,
В карман шелков опускает руку,
И дает прощальное письмо ей,
- 30 Чтоб назад брала свое венчанье,
К матери назад бы уходила.
Как письмо сестрица прочитала,
Сыновей двух между глаз целует,
Дочерей двух в румяные щеки,
- 35 С маленьким лишь сыном в колыбели,
Мать расстаться с ним никак не может.
Брал ее за белую он руку,
И насили оторвал от сына,
Да сажал на коника с собою,
- 40 Отвозил сестру он в двор свой белый.
А в роду своем была немного,
Пробыла немного, лишь неделю,
Добрая жена и добра рода,
Добрую жену хотят все сватать,
- 45 Больше всех кадия из Имоса⁴³⁵.
Своего сестра просила брата:
„Если, брат родной, меня жалеешь,
Никому меня не отдавай ты,
Сердца горем мне не разрывай ты,
- 50 Когда я своих сирот увижу“.
Только бег сестру свою не слушал,
Отдавал Имосскому кадии.
Да еще она просила брата,
Чтобы белое письмо писал он,
- 55 Посылал Имосскому кадии:

- „Что невеста тебя поздравляет,
 И в письме тебя невеста просит:
 Соберешь когда господу-сватов,
 И когда к ней в белый двор пойдешь ты,»
- 60 Покрывало привези невесте,
 Мимо дома аги будет ехать,
 Чтоб сирот своих не увидала“.
 Белое письмо пришло к кадин,
 Собирал своих господу-сватов,
- 65 Сватов брал и ехал за невестой,
 Счастливо пришли они к невесте,
 Хорошо назад поворотили;
 У двора как были Хасан-аги,
 Дочери увидели в окошко,
- 70 Сыновья навстречу выходили,
 Матери своей они сказали:
 „Поверни к нам, мать наша милая!
 И садися с нами повечерять“.
 Услыхала Хасанагиница,
- 75 Из сватов старшему говорила:
 „Побратим, старейшина ты сват мой!
 Подожди с конями у двора ты,
 Сиротам своим раздам подарки“.
 У двора остановились кони.
- 80 Хорошо детей своих дарила:
 Сыновьям сапожки золотые,
 Дочерям суконную одежду,
 Маленькому в колыбели сыну
 Оделяльце малое давала.
- 85 А юнак увидел Хасан-ага,
 Сыновой своих двух подзывает:
 „Сироты мои, ко мне идите!
 Смиловаться мать ваша не хочет,
 У нее ведь каменное сердце“.
 90 Услыхала Хасанагиница,

Лицом белым ударялась в землю,
Тут она с душою расставалась,
Жалко было на сирот смотреть ей ⁴³⁶.

73. Мать изменница ³²⁷

- Письмо пишет Асанагиница,
Пишет в Клис она, во город белый,
Посылает в ровную Цетину,
Прямо в руки Баракович Ибро:
5 „Ой, душа ты, Баракович Ибро!
Думала, придумала одно я!
Когда был жив еще Асан-ага,
Тебе верной быть хотелось любой“.
А в письме ей Ибро отвечает:
10 „Не глупи ты, Асанагиница!
У тебя ведь есть твои два сына!“
А она опять ему писала:
„Жизнь моя ты, Баракович Ибро!
А пойду по белому двору я,
15 Разболеюсь болью без болезни,
И пошлю я сыновей своих двух,
А пошлю их к белому я Синю,
А пошлю их к реке Милетину ⁴³⁸;
Как к реке приедут Милетину,
20 Погуби их, Баракович Ибро,
И возьми меня себе ты в жены“.
Проходила она двором белым
И легла на мягкую постелю,
Как легла на мягкую постелю.
25 И сынов своих к себе позвала:
„Будьте живы, сивые соколы!
А я что-то сильно разболелась,
От воды мне лучше, может, станет.
А прошу вас, дорогие дети:

- 30 Отправляйтесь к белому вы Синю
 Принести воды из Милетина,
 Принесите, дорогие дети!
 Может, будет лучше от болезни.
 Я прошу вас, дорогие дети!
- 35 Не берите вы коней хороших,
 Не берите вы с собой оружия;
 „Есть злодеи около Моянки⁴⁴⁰,
 И отнимут кóней и оружье“.
 Есть сестра разумная у братьев,
- 40 И украдкой кóней выводила,
 Под рубашкой сабли выносила,
 Хорошо так братьям говорила:
 „Мои братья, сивые сокóлы!
 У нас с вами мать-вдовица, братья,
- 45 Не болеет, влюблена вдовица;
 К Милетину вы реке пойдите,
 Вы пойдите, мудро вы идите.
 К Милетину вы реке придете,
 Там найдете Баракович Ибра,
- 50 Вы побойтесь—погубить вас хочет,
 Так его вы раньше погубите“.
 Услыхали эти речи братья,
 На коней они садились добрых,
 Ехали тут братья к белу Синю,
- 55 К Милетину речке приезжали,
 И нашли там Баракович Ибра,
 И ему сказали божью помочь:
 „Божья помочь, Баракович Ибро!“—
 „Вам здоровье, молодые дети!
- 60 Погубить вы головы хотите?“
 А они ему не отвечают,
 Подзывают Баракович Ибра:
 „Будь здоров ты, Баракович Ибро!
 Вот ведро, подай-ка нам водицы“.

- 65 Отвечает Баракович Ибро:
„Вам здоровье, молодые дети!
С коней добрых вы вставайте, дети,
И воды вы из реки возьмите“.
Усеин ему ответил младший:
- 70 „Наша мать сегодня разболелась,
От воды ей лучше, может, станет“.
Как юнак о матери услышал,
Обманулся он, ужаль гадюка!
Взял ведро и подает воды им.
- 75 Усеин тут молодой увидел,
Вынул саблю, голову отсек он,
А потом с коней слезали добрых,
Из реки воды они набрали,
Черны очи Ибру вынимали,
- 80 Положили их в ведро с водою.
Когда в белый двор они вернулись,
Воду к матери тут относили:
„Вот вода, ты, мать наша милáя!
Вот вода, чтоб не было болезни!“
- 85 А ведро взяла и пить хотела,
А когда там очи увидала,
Сыновьям тогда она сказала:
„Сыновья мои, ужаль змея вас!
Это очи Баракович Ибра?“
- 90 Отвечает Усеин ей младший:
„Замолчи, изменница ты мать нам!
А греха бы не было от бога,
От людей великого нам сраму,
И тебя саму бы погубили,
- 95 Вынули тебе бы черны очи“⁴⁴¹.

КОММЕНТАРИИ

Юнацкие песни, как очень сложный, мало известный, но богатый событиями и именами материал, требуют объяснений. Мы старались в комментариях дать объяснение текста, разъяснить все места, которые могли бы вызвать недоумение или непонимание у читателя, дать социальный анализ и характеристику событий и их освещения в эпосе, представить исторический (историко-географический), литературный и историко-бытовой комментарий текста, показать историческое зерно событий и во всем этом *отдальить спорное от доказательного, предположительное от несомненного*, наконец — указать особенности перевода и его отступления от текста (что встречается весьма редко).

Дать удовлетворительный комментарий трудно потому, что для объяснения многих событий, имен и названий совсем нет материала, нет документальных данных; относительно других известны только краткие указания летописей: „В лето заклан бысть“. Но тем не менее наши комментарии представляют и нечто новое в литературе о юнацких песнях: они сводят воедино и упорядочивают материал, сообщают некоторые неизвестные факты и дают новое освещение как эпосу и его тексту, так и событиям и именам, описываемым в нем.

¹ *Лазарь Радалович* — лицо неисторическое. Песня о нем очень близка русским песням о князе Романе.

² *Из о градъ, же о вилоградъ* — т. е. ни из-за чего, о пустяках (поговорка).

³ Проклятие матери в славянских песнях всегда ведет к несчастью, всегда исполняется. Мотив этот очень популярен и является пережитком магии — веры в силу слова: название событий, как бы их накликанье, влечет за собою эти события; с другой стороны — это пережиток матриархата.

⁴ „О мой деверь, золотой мой перстень“. Деверь-перстень, или сват-перстень — очень распространенный символ и сравнение свадебных песен. Перстень — символ брака, и деверь (у сербов) или сват как лица, способствующие браку, могут быть сравнены с перстнем.

⁵ В подлиннике от слов *ива* — ядика и чемерика (растение) (*vegetrum nigrum*) образованы глаголы: ядикуješ и чемерикуješ. Сравни русское *плакучая ива*. Подобное символическое значение слов в сербском языке дает возможность образовать эти глаголы.

⁶ Из книги „Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стефановић Караџић“. Книга друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу 1845, № 7, стр. 21—26*.

⁷ *Дивский старэйшима* — старший из дивов, великанов, существ демонического характера, но отличающихся легковерностью и даже глупостью, почему в борьбе с героем они всегда бывают посрамлены. Для сравнения с сербским „див“ приводят иранское *div*, индийское *dewas*, латинское *divus* и *divinus*.

⁸ *Лабуд* — лебедь, клычка коня. В юнацких песнях конь часто носит имя: так далее встретятся — Ластовица, т. е. ласточка, Шавран и др.

⁹ Часами и днями измеряется путь.

¹⁰ *Кошута* — лань, особая порода ее на Балканах. Но кошуту часто называют и оленью матку.

¹¹ *Плашма* — горная цепь, массив, покрытый лесом, придающий балканскому ландшафту своеобразный вид.

¹² *Царской дорогой* называлась дорога из Вены в Константинополь. Название это идет от тех времен, когда между Константинополем и Веной были тесные связи: этой дорогой проезжали царские послы.

¹³ *Каладжикский пруд* — может быть, р. Коложун у Котора, но вероятнее всего сказочное название, не имеющее историко-географической основы.

¹⁴ *Шуртовитная струна* — часто делалась из жил животного (воловьих жил). Она была особой крепости, но главное — жилам животного придавалось магическое значение.

¹⁵ *Корчарица Яя* — образ гусярки, может быть, имеющий в основе и историческую личность. Очень характерно то, что она — корчарица. Именно в корчме, где собирается народ, более всего подходило петь. Среди сербских гусяров известностью пользовались и женщины-певицы (см. об этом во вступительной статье).

¹⁶ Слепые обычно бывали гусярами, поэтому и слепой Иван хочет учиться петь и играть. Здесь важно отметить, что гусяр представляется слепым и что говорится об учении пению.

* Далее собрание Караджича мы обозначаем: В. С. К.

¹⁷ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 8, стр. 26—28. Песня записана в Черногории.

¹⁸ *Милак-беги* и *Драгутин-беги* — может быть, Милутин и Драгутин, сыновья Уроша, боровшиеся за престол. Милутин был выдвинут боярской партией против Драгутина, тяготевшего к абсолютизму. Драгутин, король сербский (1276—1316), был противником и Византии, вел анжуйскую политику. В 1282 г. он передал престол брату и жил на севере Сербии. Может быть, темные следы этой борьбы братьев нашли отражение в эпосе. Но существует мнение, что песня о Милак-беге и Драгутин-беге не имеет исторического основания даже в именах.

¹⁹ В подлиннике: по јаџиџи, т. е. когда пришло время пятой молитвы (у мусульман).

²⁰ *Ракия* — водка из фруктового сока — сливы, вишни, винограда и др. Жженая ракия — пережженная крепкая водка. Эпитет *жжемая* — постоянный эпитет ракии в песнях.

²¹ *Дукат* — золотая монета. Стал чеканиться с 1284 г. в Италии дожем Джованни Дондоло, в Сербии — при Милутине, его современнике. Чеканился одного типа и веса до 1797 г. Он заменил старый византийский романат (от царя Романа). Название ducato идет от duxa — герцог, вождь.

²² Подарки и отдариванья — обычай старой Сербии, представлявший собою, может быть, пережиток особого рода обмена, существовавшего при натуральном хозяйстве родового общества. Этот обычай влек за собой установление „побратимства“, дарившиеся становились побратимами, но, может быть, это обычай, заменивший обмен кровью.

²³ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 10, стр. 42—48.

²⁴ *Муйо* и *Алия* — песни о них не историчны. Во всяком случае до сих пор не удалось разыскать исторических корней этих песен.

²⁵ *Цезик* — венецианское название дуката (см. прим. 21).

²⁶ Караджич к этому месту делает примечание: „Или Муйо был женат, или Алии показалось, что подле Муйа стояло две женщины“.

²⁷ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 11, стр. 48—51. Песня записана в Черногории.

²⁸ Сюжет о змее-женихе широко распространен, и не только в сербском и русском фольклоре. В сербском фольклоре змей-юнак — чудесное существо, часто оборотень. В основе, может быть, лежит антропоморфизация какого-нибудь животного, или тотемизм. От такого чудесного змея часто рождаются славные юнаки (Реля крылатый, Змайогненный Вук, Марко Краевич — по одному из преданий).

²⁹ *Король Будимский* — т. е. король венгерский. Трудно, да и, видимо, нельзя сказать, о ком идет речь. Обычно в юнацких песнях король Будимский рисуется какой-то типической фигурой без имени. В песнях мадьярской группы (см. цикл о Бранковичах) речь идет об Офене.

³⁰ *Призренский царь* — т. е. царь Призрена, города в южной Сербии к западу от Косова поля, на р. Быстрице. Призрен вел большую торговлю с Италией и Грецией в средние века. Был столицей Душана и Уроша; их дворы были недалеко от города в Рибнике. Взят Вукашином в 1361 г. При турках потерял значение. Фигура Призренского царя, так же как и фигура Будимского краля, типизовалась.

³¹ *Чауши* — вестники и телохранители у турок. Чауш на свадьбе — первый дружка, шутник и забавник (у сербов). В песне часто с эпитетами „легкий“, „быстрый“.

³² Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 12, стр. 51—60.

³³ *Предраг и Ненад* — лица неисторические. Совпадение имени Ненад с прозвищем венгерского корсля XV в. Ювана Ненада, соперника Фердинанда, видимо, случайно.

³⁴ *Гайдучить* — в этой песне имеет прямой смысл — разбойничать.

³⁵ *Гаревина* — планина.

³⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 16, стр. 75—81.

³⁷ *Вукашин* — сын Мрнява (Мрнявчевич, Мрлявчевич), правил в Прилепе с 1350 г. Возглавлял борьбу Мрлявчевичей (юг) с Неманичами (север). Сторонился борьбы с турками, рано стал их вассалом. В 1371 г. узурпировал южную Сербию, объявил себя кралем, но Бранковичи, Балшичи и Лазарь Греблянович не признали его. В 1371 г. он был убит в битве с турками на р. Марице вместе с братом Углешей. После смерти Вукашина сын его Марко (Кралевич) на соборе в Пече в 1374 г. объявил себя кралем, но его низложили при поддержке Брашковичей и выбрали Лазаря Гребляновича (князь Лазарь). Марко Кралевич, Балша и Твртко Босанский не признали Лазаря и ушли к туркам или к венграм (впрочем, в этих свидетельствах есть сомнительные места). Что же касается рассказа о том, что Вукашин убил Уроша на охоте, то это легенда, нарощая на сказания о Вукашине-злодее, созданные в кругу его противников: на самом деле Вукашин умер раньше Уроша (см. Л. Ковачевич в *Годишнице Николе Чушића*, 1879, III). *Углеша* — брат Вукашина, убит с ним вместе на р. Марице в 1371 г. Был деспотом в Требинье и Браничеве. Когда Вукашин провозгласил себя кралем, он был владельцем Южной Сербии с главным городом Сером. Старался сохранить мир с турками. *Гойко* — легендарная личность. Братьев Мрлявчевичей было двое: Вукашин и Углеша. Имя Гойки, может быть, идет от Гойка — немара (строителя), известного по историческим источникам и песням как строителя моста на р. Дрине.

³⁸ *Скадр на Боляг* — очень древний город, существовавший еще до нашей эры, стоит у моря, на реке Бояне. Имел большое значение как стратегический пункт, возвышающийся над долиной. Был столицей сербских владетелей в Зете. В нем жили Стефан Лазаревич, Константин, Душан,

потом Балшичи. В 1371 г. в него пришел Вукашин с сыном Марком (по другим свидетельствам, Марко в нем родился). В 1392 г. взят турками, в 1396 — Венецией, потом опять турками и т. д.

³⁹ Требование вилы найти Стою и Стояна — сестру и брата — и замуровать их в основание города, т. е. крепости, основано на поверьи, что то, что построено на крови, держится особо крепко. Видимо, в этом поверьи есть отражение сказаний первобытной эпохи, возрожденных феодализмом для оправдания насилия.

⁴⁰ *Слуга Десимир* у краля Вукашина — видимо, не слуга, прислужник, а боярин, вассал. Лицо неисторическое.

⁴¹ *Зодчий Радо*. Может быть, в зодчем Радо запечатлены смутные следы зодчего Радо Бойовича (или Боровича), строителя монастыря в Любостине, где вырезано его имя.

⁴² *Люба* — по-сербски значит: жена.

⁴³ Одна из легенд очень древнего происхождения, существует у многих народов. Песня из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 26, стр. 115—123.

⁴⁴ *Стефан-Луша* — царь сербский (1331—1346), сын Стефана Дечанского, внук Немани. Поддерживаемый властелой, заточил в Звечан отца. Справившись с борьбой вокруг престола, он повед политику самостоятельности, воевал с греками, мадьярами и турками, захватывал земли. В его время власть воинских великашей и господарей выросла. При нем составлен так наз. Душанов Законник.

⁴⁵ *Лазарь* — князь Лазарь Греблянович, центральное лицо песен косовского цикла (см. вступительную статью, гл. III).

⁴⁶ *Богдан, Юг-Богдан* — некоторые историки не признают его и Юговичей историческими лицами. Но, видимо, следует верить показанию Трношского летописца, что „князь Юг-Богданов“ имел двор в Лесковце (на р. Ветернице), и показаниям других памятников, называющих его воеводой южной Македонии, от Сереса до Вардара, и свидетельствующих о его участии в Косовской битве. Юг-Богдан был вассалом Мурата, но потом отложился от него. Хотя, может быть, здесь имеет место влияние устных преданий и легенд на исторические письменные источники.

⁴⁷ *Милица* — жена Лазаря (с 1353), дочь Вратка Неманича (по песням Юг-Богдана). После смерти Лазаря на Косовом поле правила Сербией, приняв турецкое вассальство, поддерживала турок в борьбе с мадьярами. Ушла в монастырь и умерла в 1405 г.

⁴⁸ *Книги староставы, дароставы, или старославны* — т. е. давно составленные, написанные, старые, книги церковного письма и, может быть, даже не канонические, а содержащие апокрифические сказания, может быть, сектантские книги (богомильские?). В староставных книгах говорилось обо всем: от сотворения мира до конца света; они обычно находятся у старых мудрых людей (так они рисуются в эпосе и преданиях).

⁴⁹ *Варадия* — Вараждин — главный город Вараждинского комитата в Хорвато-Славонии. В 15 км. южнее Вараждина находится местечко Топлица

⁵⁰ Разумеется легенда из „Апокалипсиса“, столь любимая приверженцами старого, прошлого. Здесь еще она имеет и значение предсказания гибели Сербии.

⁵¹ *Меч „коврдик“* — необъясненное до сих пор название.

⁵² *Крушевци* — главный город Старой Сербии (при Лазаре). Из опасения турок Стефан Лазаревич перенес столицу в Белград (1408). Сербы под давлением турок выселились из Крушевца в Венгрию. В 1423 г. взят турками и находился в их руках до 1737 г.

⁵³ *Золотое яблоко* как свадебный подарок — символ богатства и любви (Потебня).

⁵⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 32, стр. 180—186.

⁵⁵ *Балович Страхиля* — воевода Баньской, [города на Косовом поле, у впадения р. Баньски в Ибр. Вероятно, неисторическое лицо. Л. Ковачевич и Рачкий пытались доказать, что под ним следует разуметь Юрия Страцимировича Балшича, зетского племянника, господаря Зеты (1386—1406) женатого на дочери Лазаря — Елене. В 1391—1392 гг. он был взят турками в плен и отпущен за города Скадр и Дриваст, которые он вернул потом при поддержке Венеции. Он умер в 1403 г. Но, видимо, следует присоединиться к мнению Маретича и Серенсена, которые считают доказательство Л. Ковачевича не состоятельными.

⁵⁶ *Литр* — четверть оки (см. прим. 158)—мера веса и объема. Известна в Сербии очень рано, заимствована из римско-византийских мер веса (литра, лат. libra), равнялась 12 унциям.

⁵⁷ *Едрек* — Адрианополь, столица старой Турции.

⁵⁸ *Визирь* — министр в диване султана; великий визирь — первый министр.

⁵⁹ *Лаба* и *Ситница* — реки на Косовом поле. Ситница, правый приток Ибра, берет начало на Косовом поле, в нее впадают справа Лаба и Самодрежа. Как раз у Лабы и Ситницы был центр Косовской битвы (см. вступительную статью, гл. III).

⁶⁰ *Мрамор* — город на р. Мораве. *Явор* — планина в Старой Сербии у г. Нова-вароша к северо-западу от Нови Пазара. *Сазмил* — мост на Косовом поле у истока р. Ситницы, близ Вучитрина. *Звечан* — небольшая, но быстрая река у Косова поля. На ней находится г. Звечан, имевший большое стратегическое значение по своему положению. Он был занят турками после Косовской битвы. *Чечак* — может быть, Чечак, главный город Рашской области, в средние века называвшийся Градацем.

⁶¹ *Янычары* (тур. — ени-чари — новое войско)—регулярное турецкое войско, впервые введенное при эмире Орхане (1326—1360). Это было особо обученное, отборное и особо преданное войско, служившее за плату и содержание. В янычары брали в большом количестве сербских и болгар-

ских мальчиков (так наз. дань кровью) от семи лет и воспитывали их преданными султану и исламу воинами. Сначала янычары все время должны были находиться на службе и не имели права жениться, потом получили право владения землей и право иметь семью.

⁶² *Тука и Маджунка* — объяснить эти названия не удалось, видимо, какие-нибудь турецкие слова, испорченные в сербском произношении.

⁶³ *Влаш-Алия* — может быть, Али-паша, великий визирь Мурата I, командовавший турецкой армией, захвативший часть Болгарии и пришедший в Сербию в 1386 г. В 1388 г. он осадил в Никополе болгарского царя Шишмана и заставил его опять признать вассальную зависимость от Мурата. В Косовской битве 1389 г. командовал правым крылом турок.

⁶⁴ *Тюрбаны* — в подлиннике „кауке“. *Долама* — кафтан, верхняя одежда, обычно длинная, с поясом. Зеленая долама — знак господства, виадельского происхождения. *Чакширы* — штаны, короткие, чуть выше колен, отделанные внизу шитьем. Когда надевают чакширы, то ноги до колен остаются желтыми (голыми), отсюда частое сравнение с соколом человека в чакширах (тур.).

⁶⁵ *Делибаш, дэли* — герой, смелый, храбрый (тур.). В турецком языке чаще значит — телохранитель визиря, всегда конный.

⁶⁶ *По-мановски* — на турецком малоазийском языке, в отличие от языка европейских турок. Этот язык знали немногие сербы, поэтому тот, кто говорил по-мановски, был почти наверняка турком.

⁶⁷ *По-аряутски* — по-албански (см. прим. 225).

⁶⁸ *Паишный* — муж жениной сестры.

⁶⁹ *Немалич* — т. е. из рода Стефана Немани (1114—1200).

⁷⁰ *Борзой Карамяк* — борзая собака особой породы из Карамании, области в Малой Азии.

⁷¹ *Дервиш* — мусульманский монах, богомолец.

⁷² *Селлям* — магометанское приветствие.

⁷³ *Гяур* (тур., серб. — каурин) — неправовверный (с точки зрения мусульманина), христианин.

⁷⁴ *Голеч-платина* (Голешница) — отделяет Косово поле от Подринья, находится к северо-западу от Приштины, за р. Ситницею. На ней много развалин и остатков зданий, есть и надгробные памятники героям косовских битв, особенно убитым в 1448 г.

⁷⁵ *Паджур* — сторожа, стражники.

⁷⁶ *Сухар-платина* — Суха-платина в южной Сербии, у р. Ибра, к юго-западу от Косовской Митровицы.

⁷⁷ *Динар* — серебряная монета. В Сербии впервые упоминается в Законице Стефана Душана (1351—1354), но чеканиться стал при Милутине и Драгутине (конец XIII в.) (от греч. *dénarion*, лат. *denarius*).

⁷⁸ *Визирь Мемед* — может быть, Магомет, сын Баязита, позднее (в 1413—1421) занимавший престол, воевавший с братьями Сулейманом и Мусой и убивший Мусу у Перитора в 1413 г.

⁷⁹ *Хорт* — борзая собака.

⁸⁰ *Шумадийки* — т. е. женщины из Шумадии, средней лесистой (шум — лес) Сербии, находящейся между рр. Колубарой и Моравой и включающей в себя белградскую, смедеревскую и другие области.

⁸¹ *Буздовак* — булава, палица с тяжелым наконечником в виде шара. Часто шар набивался железными гвоздями, и такой буздовак (тур.) назывался шестопером, шестоперцем. Буздованом или били рукой, или кидали, чаще, в Догонку.

⁸² *Челенка* — серебряное перо, иногда позолоченное, которое носили на шапке. Челенку давали за храбрость или выслугу (см. глава IV).

⁸³ *Царевина* — царская земля, царство.

⁸⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 44, стр. 262—288.

⁸⁵ *Вук Бражкович* (см. вступительную статью, гл. III). *Милош Обилич* — жил в Лиляне близ Косова, а не в Поцере, как говорят некоторые песни. Видимо, здесь смешаны вместе два Милоша, так как некоторые памятники говорят о Милоше из с. Дворишта в Поцерье. Обилич — значит богатый. Кобилич, вероятно, осмысление, с которым связана легенда о том, что его вскормила кобыла. Песня сделала его зятем Лазаря, но он был только одним из его приближенных. Погиб на Косове, убив Мурата, что подтверждают турецкие и итальянские источники (Нешрия, Сеядин, ответ флорентийской общины босанскому королю Твртку I (20 авг. 1398)). Вокруг негоросло много легендарного. По преданию, он — сын влашанки. Волохи, или влахи, принадлежали к низшим сословиям и занимались скотоводством. Таким образом, Милош был самого низкого происхождения, а Вук — аристократ.

⁸⁶ *О властелях* — см. во вступительной статье.

⁸⁷ Из книги А. Гильфердинга „Босния, Герцеговина и Старая Сербия“, СПб. 1859, стр. 243—248.

⁸⁸ *Юлович Бошко* — сын Юг-Богдана, брат Милицы, жены Лазаря. Далее упоминаемый Воин — тоже Югович. Оба, видимо, неисторические лица.

⁸⁹ *Голубак* — слуга князя Лазаря, лицо неисторическое. Часто этим именем называется слуга, так, у Краевича Марка тоже был слуга Голубак.

⁹⁰ Песня представляет собою два отрывка из песен о Косовской битве.

⁹¹ *Птицы-взстакки*, прилетающие с поля битвы, — обычный образ в сербском, русском и украинском фольклоре, сложившийся под влиянием различных поверий и сказаний.

⁹² *Слуга Милутин* — вымышленное имя.

⁹³ *Султая Мурат* — см. вступительную статью, гл. III.

- ⁹⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 45, стр. 288—295.
- ⁹⁵ *Зеленко* — кличка коня белого с яблоками.
- ⁹⁶ *Звэчан* — см. прим. 60.
- ⁹⁷ „*Вороны лэсут юнака руку*“ — мотив, очень широко распространенный в сербских, а также и в русских народных песнях: птицы-вестники (см. также песню „Царь Лазарь и царица Милица“).
- ⁹⁸ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 48, стр. 304—307.
- ⁹⁹ *Воевода Владэта* — воевода босанского краля Гвртка, в Косовской битве командовавший частью резерва, по свидетельству некоторых исторических памятников, первый бежал со своим войском с Косова поля. В песне он тоже первым возвращается с поля. Летописное его имя—Влатко, Вратко Вукович. Впервые упоминается в 1378 г. В 1388 г. разбил турок у Билеча. Был наместником босанского короля в Далмации. Умер в 1392 (?).
- ¹⁰⁰ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 49, стр. 307—309.
- ¹⁰¹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 50, стр. 309—310.
- ¹⁰² *Слава* — народно-церковный обычай, идет от почитания предков. Церковь освятила его и придала ему христианский характер праздника святого-покровителя (Крсно име, Свети, Слава).
- ¹⁰³ *Иван Косачич*—может быть, воевода Косайны, который упоминается трношским летописцем вместе с Миланом Топлицей (см. след. прим.) и именуется боярином.
- ¹⁰⁴ *Милан Топлица* — воевода Косовской области Топлицы, по р. Топлице, с главным городом Топлицей. В песнях Милан Топлица является одним из юнаков, группирующихся вокруг Марка Краевича.
- ¹⁰⁵ *Видов дэнь* — день св. Вита—15 июля; в этот день произошла битва на Косовом поле (1389).
- ¹⁰⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 50, стр. 310—312.
- ¹⁰⁷ *Мазит поле* — поле в Старой Сербии на Косове, между рр. Лабой и Ситницею; по преданию, на нем стоял шатер Мурата.
- ¹⁰⁸ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 51, стр. 312—314.
- ¹⁰⁹ *Отпалня* — турок.
- ¹¹⁰ *Марица* — река в Румелии. На Марице у Деспот-планины были убиты Вукашин и Углеша в бою с турками в 1371 г. (25—26 сентября).
- ¹¹¹ На самом деле Милица пережила Лазаря (см. прим. 47). Песня напечатана много раз: у Богишича, в Rad. 1879, XVII и др.
- ¹¹² *Жура* — малый, худощавый, шуплый — песенное прозвище Вукалина.
- ¹¹³ *Перлитор*, или Пирлитор,— город на планине Пирлитор в Зете, в Черногории, у р. Тары, против Дурмитора, горного массива на границе Герцеговины и Черногории, в 8 км. к юго-западу от Жабляка. Полагают, что в песне произошло перенесение: вместо Перитеория на Эгейском море стал упоминаться Пирлитор.

¹¹⁴ *Видосава* — жена Момчила-воеводы. Трудно установить, как звали жену Момчила. О ней известно достоверно только то, что она пережила Момчила.

¹¹⁵ *Тара* — река в Черногории, правый приток р. Дрина.

¹¹⁶ Про Ябочила передается следующий рассказ. Момчилова кобыла паслась у озера, в котором жил крылатый конь. Этот конь выходил по ночам из озера и играл с Момчиловой кобылой, после чего он бил ее копытом по животу, чтобы она не могла принести крылатого жеребенка. Когда узнал про это Момчило, он взял бубны и другие ударные инструменты и спрятался у озера. Ночью вышел крылатый конь и по обыкновению стал играть с кобылой Момчила. Когда кобыла была оплодотворена, Момчило ударил в свои инструменты. Испуганный крылатый конь, не успевши лягнуть копытом кобылу, бросился в озеро, а кобыла принесла Момчиду крылатого коня. Крылья коня в обычное время не были видны.

¹¹⁷ *Герцеговина* — горная область, граничащая на западе, севере и северо-востоке с Боснией, на востоке — с Черногорией, на юго-западе — с Далмацией по рр. Неретве и Дрину. Название ее идет от XV в. от *герцога* Стефана. Принадлежала Сербии до половины XV в., потом стала турецким санџаком. Часто переходила из рук в руки: от турок к Венеции, к деспоту Юрию и т. д.

¹¹⁸ *Васова земля* — местность между Черногорией и р. Лимом (в Хорватии), где обитал род Васоевичей.

¹¹⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 25, стр. 104—115.

¹²⁰ *Роксанда* — жена Душана. Жену Душана звали Еленой. Предполагают, что имя „Роксанда“ — след влияния на сербский эпос романа об Александре Великом: Роксаной звали жену Александра.

¹²¹ На самом деле Урошу в то время было около восемнадцати лет.

¹²² Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 33, стр. 186—189.

¹²³ *Грачаница* — село и монастырь на р. Грачанице у Приштины в Косовской области, задужбина краля Милутина и его сына Стефана. Монастырь построен в 1321 г.

¹²⁴ *Нэдзька* — протопоп города Призрена — легендарная личность, олицетворявшая собою силу и „мудрость“ христианского духовенства, часто державшего в своих руках и светскую власть.

¹²⁵ *Шарин, Шарц* — пестрая, пегая лошадь, кличка коня Марка Краевича; он был пестр „као и говече“ (как овца). Марко добыл его от вилы (или от отца — краля Вукашина — по другой легенде, или купил). Марко не расставался с Шарцем 160 лет. Чужный, добрый, быстрый, хитрый, умный, видовитый — вот эпитеты Шарца. На нем Марко догонял вилу Равийойху на Мироч-планине. Песня бег Шарца сравнивает с ветром и с бегом горной вилы. Марко говорит с Шарцем, как с человеком, и тот ему отвечает и даже по-турецки. Есть легенда о том, что Марко не убил

его перед смертью, а что оба они живы: Марко спит в пещере, а Шарец пасется около нее. *Видовитым* Шарец называется потому, что он мог видеть вила и вообще то, что было недоступно простым животным и обыкновенным существам.

¹²⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 34, стр. 189—198.

¹²⁷ *Мироч-платина* — горная цепь над Дунаем, между Поречем и Брзой.

¹²⁸ *Вила-Равийола* — имя вилы филологами не объяснено.

¹²⁹ Поэтому вила и запретила ему петь.

¹³⁰ *Поречская окраина* — в Тимочской области, по реке Поречу, притоку Дуная. *Тимок* — река в Сербии, правый приток Дуная. *Брегово* — село на берегу р. Тимока, с остатками старой крепости. О последней, видимо, и идет здесь речь. *Видинская окраина* — округ города Видина на Дунае (в Болгарии).

¹³¹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 38, стр. 215—219.

¹³² *Реля из Пазара*, часто с эпитетом крылатый. Йованович считает, что Реля (Хреля) был властелем XIII — начала XIV вв., господарем в Македонии со столицей в Струмице. Он жил раньше Краевича Марка и Милана Топлицы и не мог быть их сподвижником. Еще при Милутине он был на видном месте среди воевод как наместник г. Штина. При Стефане Дечанском он был воеводой сербской армии. Потом он отложился от Душана и стал самостоятельно править областью по реке Струму. Помогал Кантакузену занять престол. Когда Кантакузен просил Душана о помощи, то Душан потребовал выдачи Хрели, на что Кантакузен не пошел. Тогда Хреля послал покаянное письмо Душану, в котором писал, что отнял у греков г. Меленик и отдает его Душану и просит простить его. Душан простил отложившегося вассала, и Хреля вернулся к нему. Далее памятники говорят о том, что Хреля значится монахом в Риле под именем Харитона. Видимо, Душан заточил его в монастырь. Хреля умер в 1343 г. До сих пор сохранилась в Риле башня Хрели. Прозвища его Пазарец и Бошнянин — неясны, видимо, они перенесены на него с других юнаков, а прозвище его «крылатый» идет от его фамильного герба, в котором было изображение орлиных крыльев, а может быть, он носил и крылатый панцирь. Легенда о его рождении от змея создана была, конечно, в объяснение его герба и прозвища. Прозвище его Охмулевич — идет от охмат, охмет — жеребед и, может быть, это (легенда о рождении от кобылы) дало ему возможность называться Пазарцем, что пришло от имени Милоша Кобилчи, Милоша из Пазара. В песнях о Реле исторично только его имя.

¹³³ *Милош из Поцера* (см. Милош Обилич, прим. 85) — другое лицо, чем Милош Обилич (он жил в Новом Пазаре, а не в Поцере). Поцерина — местность к северу от планины Церы, в Подринской области. В песнях Милош из Поцера сподвижник Марка.

¹³⁴ *Лютица Богдан* — историческая личность. При Стефане Душане он владел землями от Срема до Вардара и очень рано, уже в 1372 г., был турецким вассалом.

¹³⁵ Арабские кони привезены в Сербию в начале XVII в., так что все упоминания о них в песнях, относящихся к событиям ранее XVII в., следует считать анахронизмами.

¹³⁶ *Толузина* — то же что буздован (см. прим. 81).

¹³⁷ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 39, стр. 219—223.

¹³⁸ *Леко* — капитан Призрена. Некоторые считают его неисторической личностью. Но по словам Мавро Орбини, Леко был современником Юрия Скенбербега и был женат на сестре воеводы Стефана Воисаве (конец XVI в.). Одна из песен („Маргита девојка и Ратко војевода“) называет Леко капитаном Дукадина (рядом с Зетой в Черногории). Капитаном назывался владетель города или края. Это итальянское название сербских воевод.

¹³⁹ *Дамасские сабли* — дамасское оружие славилось не только в Сербии. Вспомним Гоголя: «...и она вспыхивает будто полоса дамасской сабли» («Страшная месть», глава X).

¹⁴⁰ Т. е. Марко на Шарце.

¹⁴¹ *Митровицкоз поле* — у Косова поля, у местечка Митровицы, между рр. Ибром и Ситницей у г. Звечана в Ново-Пазарском округе.

¹⁴² *Азди* — плащ.

¹⁴³ *Пиастр* — мелкая монета, грош.

¹⁴⁴ *Еви Пазар* — Новый Пазар, город в Южной Сербии, в Рашской области, построенный турками в начале XV в. на месте старого города Трговища; первый раз упоминается в 1461 г. *Рашка* — река в южной Сербии, приток Ибра.

¹⁴⁵ *Ешаница* — река Елшаница (Јошаница), около г. Призрена. *Село Колашино* (Старый Колашин) — село в кнежине (области) Колашине в Старой Сербии. *Метохия* — юго-восточная часть Сербии. *Сеговац* и *Ореховац* — города в южной Сербии.

¹⁴⁶ *Урумелия* — Румелия с городом Урум-еникбй. *Атолия* — видимо, европейская Турция или область в Греции — Этолия. Караджич не смог объяснить этого названия. *Анатолия* — Малая Азия. *Влашанские королевства* — области Валахии.

¹⁴⁷ *Крагевина* — т. е. земля, владения краля. Так обычно называлась Старая Сербия.

¹⁴⁸ Это объяснение не соответствует преданию (см. прим. 132). Караджич затруднялся объяснить, что общего между цыганкой и крыльями Рели. Видимо, произошла контаминация мотивов (слияние), что и повело к бессмыслице.

¹⁴⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 40, стр. 223—242.

¹³⁰ *Воевода Яко — Сибиялия Яко* — венгерский воевода Иоанн Гуниад (1387—1459), служил у сербов при Бранковичах, потом бежал в Венгрию. Был воеводой г. Сибиня в Румынии, в южном крае Ерделя. В 1443 г. разбил турок, в 1444 разбит ими у Варны. За малолетством короля Владислава был регентом в Венгрии. Разбит турками на Косовом в 1448 г. В 1458—1459 гг. — венгерский король. Убит в 1459 г. В песнях «Кто лучший юнак» и «Секула оборачивается змеем» он — дядя Секулы, что соответствует истории (см. прим. 153). Но в песнях его образ часто сливается из двух: его и образа Секулы. По происхождению он румын, поэтому в летописях часто называется Янкулом.

¹³¹ *Уступич Павл* — юнак, образ которого не имеет исторического прототипа.

¹³² Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 41, стр. 242—245.

¹³³ *Баквич Секула* — по песням он сын Марка, племянник Янка Сибиянина (сын его сестры) — видимо, это называемый византийскими летописцами Иоанн Secules, или Иван Секель (Székeley) — бан Далмации, Хорватии и Славонии в 1446—1448 гг., действительно бывший племянником Гуниада (Сибиянина). Боролся за власть со славонскими банами Цельскими. Убит в 1448 г. в битве с турками на Косовом поле, где участвовал и Гуниад.

¹³⁴ Из «Черногорских и герцеговинских песен», № 26, стр. 41 и след.

¹³⁵ *Варади* — см. прим. 49.

¹³⁶ *Вуча-генерал* — видимо, неисторическое лицо.

¹³⁷ *Белград* — Впервые называется Белградом в IX в. Был болгарским городом (Alba Bulgarica). В XII в. перешел к мадьярам, затем к Византии. В 1284 г. сербский король Драгутин перенес в него столицу. В 1319 г. его заняли мадьяры, потом Душан, в 1427 г. Юрий Бранкович отдал его мадьярам, за что король венгерский Жигмут признал его деспотом. Юрий надеялся на его помощь против турок. Мадьяры отстроили и укрепили Белград и сколько раз отбивались от турок (в 1440 г., в 1456 — под предводительством Гуниада). Турки взяли Белград в 1521 г. Константин Философ (болгарин родом), живший при дворе Стефана Лазаревича, в житии этого последнего (писано в 1431 г.) так описывает Белград: «Имеет же высокий город (крепость), высокие ворота. Четверо на восток, и запад, и север, и юг, пятые же во внутренний город ведут. Великие на восток и юг на столбах великих и мосты цепями поднимаются, к западу малая дверь имеет мост, к северу же малая дверь ведет к реке...» Далее идет описание церквей.

¹³⁸ *Ока* — мера веса и объема, равна $\frac{1}{4}$ литрам. Окой меряется хлеб, мука, вино и пр. (ср. в русских былинах выражения: «чашу в полтора ведра»).

¹³⁹ *Велимировица* — т. е. жена Велимира, сына Вучи.

¹⁴⁰ *Велимир* — как и Вуча-генерал, видимо, лицо неисторическое.

- 161 «*Загремели в Варадин: пушки*» — анахронизм.
- 162 *Старый Топлица* — отец Топлицы Милана, который, как видно, раньше был взят в плен Вучей. По всей вероятности, Милош с побратимами пошел выручать его, но и сами они попались в плен к Вуче.
- 163 *Токия* — церковь в Варадине.
- 164 *Нмадия* — должно быть, поле около Варадина.
- 165 *Беч* — Вена.
- 166 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 42, стр. 245—255.
- 167 *Башия Аджалия на Косовом поле* — название, может быть, идет от аждаха — змей.
- 168 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 54, стр. 328 — 330.
- 169 *Шишман* — видимо, болгарский царь Иоанн Шишман III (1365 — 1393), живший в Трнове, вассал Мурата I, отдавший Мурату в жены сестру. Он помогал туркам против венгерцев (осада г. Бдина), но когда в 1387 г. сербы и босняки разбили Мурата на р. Топлице, он отложился от него. В 1388 г. Али-паша осадил его в Никополе и заставил его признать себя вассалом Мурата.
- 170 *Яблоко и перстень*, как свадебные подарки жениха невесте, служат символом брака.
- 171 *Дождь Млетака* — венецианский дождь.
- 172 *Землич Степан* — один из Земличей, бывших при босанском воеводе Радославе Павловиче (XV в.).
- 173 Кстати отметим, что мать Марка звалась не Евросимой, а Еленой. Давая такой совет, Евросима подозревала Шишмана в злом замысле; ей показалась странной просьба матери невесты взять с собою только ближайших родственников, т. е. притти с небольшой дружиной.
- 174 На обязанности Землича Степана, как венчального деверя, лежало охранять невесту до венчания.
- 175 Народное поверье.
- 176 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 56, стр. 330 — 339.
- 177 *Мустафа-ага* — лицо неисторическое.
- 178 В поясе носили деньги. Такой пояс называется *те.мер* — по-турецки.
- 179 *Нахождение меча* — обычный эпический мотив.
- 180 *Алахук* — место сборщика податей (тур.).
- 181 *Отмакия* — турок, турецкий.
- 182 *Песня* — лишь очень смутный отголосок истории: в ней традиционный мотив нахождения героем меча отца или другого героя слился с историческим фактом — гибелью Вукашина на реке Марице в 1371 г. в битве с турками.
- 183 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 57, стр. 340—344.
- 184 *Бел-Костади* (Константин) — брат Ивана Драгаша, сын деспота Деяна и Феодоры, сестры Душана. От отца получил Кюстендил, Кратово,

Штип, и от брата — Коман в Македонии. С 1372 г. вместе с Марком Кралевичем — вассал Баязета I. Они погибли вместе в битве при Ровинах в 1394 г.

¹⁸⁵ *Слава* — см. прим. 102.

¹⁸⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 59, стр. 355 — 357.

¹⁸⁷ *Карловац* (Карловци) — город в Славонии, в Среме (см. прим. 190).

¹⁸⁸ *Филип Мадьярин* — может быть, Пипо Спано, темишварский воевода (1369 — 1426), ведший непрерывную борьбу с турками.

¹⁸⁹ *Змай-Деспот Вуча* — см. прим. 310.

¹⁹⁰ *Лак Камелистый* — Влах — горная цепь в Герцеговине. *Валевская область* — область в долине р. Колубары с городом Валево. В средние века имела большие связи с Дубровником. *Сава* — одна из самых больших рек Сербии. *Сремская долина* — равнина у подножия горы Фрушки, между реками Савой и Дунаем, с главным городом Сирмией (Митровица). Много раз занималась мадьярами. Турками занята в 1521 г. Жители Срема во время войн переселялись в Венгрию.

¹⁹¹ *Алджия* — жена Филипа Мадьярина, как историческое лицо неизвестна.

¹⁹² Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 59, стр. 348 — 355.

¹⁹³ *Али-ага* — может быть, Али-паша (см. прим. 63).

¹⁹⁴ *Царьград* — Константинополь. Царьград был тесно связан с Сербией и во времена византийских императоров и позднее. Через Сербию и Царьград проходили крестовые походы, через Сербию шла дорога, по которой ехали в Царьград послы различных держав. Царьград как столица Византии — город большой культуры и местопребывание патриарха; одинаково был важен для Сербии.

¹⁹⁵ *Стрела татаранка* — татарская стрела, сделанная по татарскому образцу. Татарские стрелы стали известны в Сербии после того как в 1402 г. Тимур разбил и взял в плен Баязета.

¹⁹⁶ *Эфенди* — титул турецкого ученого, начетчика.

¹⁹⁷ Т. е. турки владеют Сербией.

¹⁹⁸ Марко не может жениться на жене Али-аги, так как он стал его побратимом, а побратимство считалось наравне с кровным родством.

¹⁹⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 357 — 362.

²⁰⁰ *Мина из Костура* — в истории неизвестен. Soergensen предполагает, что в песне о Марке Кралевиче и Мине из Костура есть отголоски битвы Марка у Кастории, и что песня сложена еще в XIV в. в Македонии. Марко в 1380—1381 гг. осадил Костур, выданный его женою Еленой, дочерью князя Радослава Хлапена, Балше II, к которому она ушла от Марка. Костура Марко не взял, да и скоро Балша прогнал Елену, изменявшую ему с другими.

²⁰¹ *Паязет* (Баязет, Баязит) — сын Мурата; когда был убит на Косовом его отец, он принял командование турецкими войсками. После

битвы возвратился в Едрец, укрепив там свое положение, двинулся на Македонию (1332—1394), на Болгарию (1394—1396), а в 1397 г., прогнав Вука Бранковича, занял его владения. У него в вассальстве находились очень многие сербские, болгарские и другие владетели. В лице Баязета турецкий феодализм понес большое поражение, столкнувшись с Тимуром. В 1402 г. после битвы при Ангоре Баязет был взят Тимуром в плен, где и умер.

²⁰² Будимский король — см. прим. 29.

²⁰³ Янко из Сибилля — см. прим. 150.

²⁰⁴ Здесь под *аралами* явно разумеются татары, так как именно татары во времена Баязита теснили турок.

²⁰⁵ Слуга Марка *Голубан* — лицо неисторическое.

²⁰⁶ *Кара-Окал* — Ангора, у которой татары разбили турок.

²⁰⁷ *Бакиши* — «на чай», «на водку».

²⁰⁸ Ножи для подрезания виноградных деревьев.

²⁰⁹ *Калугерин* — монах.

²¹⁰ Напоминаем, что *Шарац*, *Шарин* — по-сербски значит пегий, пестрый.

²¹¹ *Марковица* — жена Марка, так же как Велимировица — жена Велимира.

²¹² Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 62, стр. 362—373.

²¹³ Трудно сказать, кого здесь следует разумеать под арапами. Типизировавшийся эпитет «белоз» горло ничего здесь не уясняет. Слова девушки «и глядеть-то мне на них противно» тоже значат не много. Разве что слова самих арапов «или царь затем тебя поставил» — говорят о том, что и арапы были на службе у султана, и, видимо, здесь под арапами надо разумеать представителей черной расы.

²¹⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 63, стр. 373—376.

²¹⁵ Об *Арапине* см. во вступительной статье.

²¹⁶ Продажа рабынь в Италию держалась до позднего времени, исторические источники говорят о продаже рабынь на итальянские острова еще в середине XVI в.

²¹⁷ *Фирман* — указ.

²¹⁸ Это были черные усы Марка.

²¹⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 66, стр. 385—401.

²²⁰ *Муса-разбойник*, или *Муса-Арбанас* — под ним разумеют двух лиц: сына султана Баязита, воевавшего с братьями Сулейманом и Магометом из-за европейских турецких владений и погибшего в 1413 г., и Моисея (Мусу-Арбанаса) — воеводу Юрия Скандербега, который уходил от него, но потом возвратился (Máchal, Халанский). Мы считаем более вероятным первое мнение, так как новонайденные песни, опубликованные Яцимирским в «Изв. Ак. Наук» (см. библиографию) прямо сближают Мусу-кеседжию (разбойника) с братом султана Сулеймана.

221 *Чуприлич* — визирь, широко известный в Сербии, так как не раз в конце XVII и начале XVIII в. приходил в Сербию и Черногорию, вырезывал население и жег села и города.

222 *Кузнец Новак*, или *Ковач-Новак* — Дебеляк-Новак.

223 Читателю естественно приходит на память легенда об ослеплении Иваном Грозным строителя храма Василия Блаженного в Москве. Это мотив бродячей легенды об искусном строителе, кузнеце, вообще мастере.

224 *Клисур* — Качаникский Клисур — узкий и опасный горный проход, через который шла главная часть македонско-боснийской дороги.

225 *Арнаутика* — албанка. Арнауты, арбанасы, албанцы. — потомки древних иллирийцев, живут в юго-западном углу Балканского полуострова, южнее горы Проклети и Черного Дрина.

226 *Качаник* — город в южной Сербии, на юге Косова поля. Мимо него проходила дорога в Турцию, ею шли в Турцию европейские и сербские послы. Название города идет от слова качак — разбойник. Качаник был пристанищем арбанашских (албанских) разбойников, которых описывает один посол в 1573 г. Представителем этих разбойников и был Муса-разбойник. Качаник основан Синан-пашой в начале XVI в. Песня из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 67, стр. 401—410.

227 *Река Серважа* — на Косовом поле нет такой реки.

228 То есть после Лазаря и Косовской битвы. По смыслу песни как будто бы Арапин — турок, владеет Сербией после Косова.

229 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 69, стр. 417—425.

230 *Диван* — высший совет при султани.

231 *Бз афэрил* — хорошо! браво! (тур.)

232 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 70, стр. 426—429.

233 *Рамазак* — магометанский пост.

234 *Коло* — хоровод.

235 Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 71, стр. 429—433.

236 *Корчмарица Мара* — типический образ корчмарицы, веселой, разгульной женщины, лукавой, хитрой и любящей деньги.

237 *Харамбаша* — предводитель гайдуков, вообще предводитель, атаман.

238 Напоминаем, что Шарец был особенный конь, и то, что он не подпустил Мару, давало понять, что Мара задумала злое.

239 Т. е. матери Марка и Марку. Из «Песен Черногории и Герцеговины», № 6, стр. 8 и сл.

240 *Юришич Яко* — сын известного ускока Юриши. Прозвище Юриша значит — штурм. Другие полагают, что речь идет о Юришиче Николе (1490—1545), капитане австрийских войск в пограничных хорватских городах. В 1529 г. он был послан Фердинандом австрийским к султану Сулейману для заключения мира. Но и после много раз воевал против турок.

²⁴¹ *Сулейман* — в образе султана Сулеймана слилось много черт различных турецких султанов. Но, видимо, речь идет о Сулеймане, сыне Баязита, брате Мусы и Мугамеда, задушенном Мусой при осаде Адрианополя. Исторически в нем надо бы видеть сына Орхана или Сулеймана II.

²⁴² Марко в Косовской битве не участвовал. Это поздний мотив.

²⁴³ *Недоросток Оглияк* — сестрич Кралевича Марка. Soergensen полагает, что это Змейогненный Вук, который здесь является племянником Марка.

²⁴⁴ Из В. С. К., изд. 1833, кн. IV, № 12, стр. 72—76.

²⁴⁵ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 73, стр. 438—439.

²⁴⁶ *Попович Стоян* — кто Стоян Попович, точно неизвестно. Предполагают, что это болгарин Стоян, другие думают, что это Стоян, сын Стополя, или Станиши, воеводы г. Ниша, современник Юрия Бранковича.

²⁴⁷ *Мисаил, король Млетака* — в песне «Женитьба Джюра Смедеревца» он назван отцом Ирины, жены Юрия, и краем Дубровника.

²⁴⁸ *Вук Мандушич* (и в песне о «Смерти Ильи Смилянич») — историческое лицо. Качич говорит о нем, как о шибеникомском ускоке. Он был на службе у Венеции и убит в 1648 г. в борьбе с Хусеин-агой, который шел на Задр. В этой битве участвовал и Илья Смилянич.

²⁴⁹ Так как Марко был деверем, то ему вручили невесту: его обязанностью было охранять ее в пути.

²⁵⁰ В этой песне образ латинца имеет то же значение, как в других песнях образ Арапина. Столкновения Сербии с латинским, католическим (у сербов латинец = католик) Западом были причиной создания этого образа, аналогичного Арапину.

²⁵¹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 87, стр. 514—520.

²⁵² Эта песня может быть включена и в цикл песен о Бранковичах, так как главный герой ее — Юрий Бранкович, строитель города Смедерева (отсюда прозвище Смедеревец) (см. вступит. статью, гл. III).

²⁵³ *Дубровник* — главный город Дубровницкой республики. Очень старый город. Большой культурный и торговый центр в средние века, торговавший с Востоком и Италией, пользовавшийся правами вольного города; он много раз переходил из рук сербов в руки венецианцев и венгров. Дубровницкие купцы пользовались большими привилегиями во всех странах, они получали льготы, не платили пошлин на местах и у ворот. В Дубровнике расцвела богатая литература торговой аристократии (см. вступит. статью, гл. X). Падение Дубровника начинается с начала XVII в., после землетрясения, разрушившего город.

²⁵⁴ *Ирина* — см. прим. 275.

²⁵⁵ *Дебелич Новак* — см. вступит. статью, гл. III. *Новакович Груя* — см. прим. 366.

²⁵⁶ Марко хочет сказать, что на Шарце его топуз, которым он разобьет ворота.

²⁵⁷ Начало песни представляет собою вариант песни о «Женитьбе Поповича Стояна».

²⁵⁸ *Возвода Драгия* — невыяснено точно, можно ли говорить об историческом прототипе воеводы Драгии: одни полагают, что это деспот Македонии Иоан Драгаш (ум. 1379), другие, что это Дракул, валашский воевода, преемник Мирчи.

²⁵⁹ «*А служил за шарца из потаи*» — т. е. за коня, спрятанного в потаенном месте.

²⁶⁰ *Дубровницкий замок* — дубровницкие изделия славились в Сербии. Правда, это были не столько изделия самого г. Дубровника, сколько те изделия, которые дубровницкие купцы завозили в Сербию: это были изделия главным образом итальянской и немецкой работы. В самой Сербии производство механизмов (как замки, напр.) стояло на низком уровне и было очень мало развито.

²⁶¹ *Девърь Малойто*, т. е. брат Драгия — видимо, грек Мануил Комнин, родственник Ерины (см. прим. 275).

²⁶² *Шаврая* — кличка коня кирпично-красной масти (караковая).

²⁶³ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 76, стр. 450—454.

²⁶⁴ *Дойчин* — герой не столько сербских, сколько болгарских песен. По песням, он воевода Солуня и относится ко второй половине XIV и началу XV в., современник Марка. Исторических свидетельств о нем нет. Видимо, личность неисторическая. Предположение, что Дойчин «мадьяр Доци», едва ли основано более чем на сходстве имен, так как слишком определенно он выводится воеводой Солуня. Может быть, только недостаточная разработанность исторических памятников мешает нам раскрыть его историческое лицо. В Солуне и сейчас показывают его могилу.

²⁶⁵ *Солунь* (Салоники) — город в Македонии, у Солунского (Салоникского) залива, в истории балканского просвещения занимает очень большое место. Средоточие церковности. Занят султаном Муратом в 1430 г.

²⁶⁶ *Усо Араликин* — исторический прототип его не найден.

²⁶⁷ *Дука* — исторический прототип его не найден. *Илья* — исторического прототипа, видимо, не имеет.

²⁶⁸ *Сабля алеманка* — т. е. немецкая, немецкой работы, которая ценилась в XIV—XVI вв. в Сербии. Название — след крестовых походов.

²⁶⁹ *Подков* — плата за ковку коня.

²⁷⁰ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 78, стр. 460—469.

²⁷¹ *Урвин-паяника* — букардаг (тур.) — гора близ Афона, греч. — Пангейем, Орбелос, серб. — Крушевица, недалеко от устья р. Струма, у Эгейского моря (об этом говорят приход проигумена Васо со святой горы, т. е. Афона, и бросание Марком тогуза в море). Халанский склонен приравнивать Урвин-паянику к горе Ровине, где убит был Марко (см. вступит. статью, гл. V).

²⁷² *Прошумки Васо* — т. е. бывший игумен Васо. Святогорец — т. е. афонский и, видимо, хиландарский, так как хоронит Марка в Хиландарской церкви.

²⁷³ *Вилиндар* — Хиландар.

²⁷⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 74, стр. 439—445.

²⁷⁵ *Джюрджева Ирина* — жена Джюра (Юрия) Бранковича (с 1414 г.), дочь греческого императора Кантакузена. В песнях же считается дочерью Михаила Черногорца, дубровницкого правителя. С ее именем связано много легенд, между прочим, легенда о введении ею крепостного права.

²⁷⁶ *Грегуревич Максо* — исторический прототип его не найден.

²⁷⁷ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 80, стр. 479—480.

²⁷⁸ *Облак Радосав* — воевода Юрия Бранковича. Полагают, что это Радич Поступович, живший в XV в. Он упоминается с 1413 г., когда он помогал Мухамеду против Мусы. Он владел 70 селами в северной Сербии от Стефана и Юрия деспотов. Мадыарский король Сигизмунд дал ему Купник. Под старость он ушел в монастырь Кастамонит на Афоне. Последнее упоминание о нем идет от 1435 г. В XVII в. записано дубровницкое предание, что в 1448 г. он взял в плен Ионна Гуниада. Этому толкованию Ст. Новаковича И. Руварац противопоставляет другое, считая, что Облак Радосав — это воевода Радосав Михалевиц (ум. 1437).

²⁷⁹ *Годомикское поле* — поле недалеко от Смедерева.

²⁸⁰ *Белич-воевода* — по Новаковичу, это Новак Белоцрквич. Был в плену у Баязета вместе с Златокосичем. *Златокосич Павел* — по песням, он из Тимока. Новакович считает, что это — Никола Зойчич, другие полагают, что это — Вукмир Златоносевич, господарь Усоры (1400—1430), воевавший с Твртком и Юрием Бранковичем.

²⁸¹ *Тодор из Сталача* — может быть, Тодор из Задра, Тодор Кладнич, которский ускок второй половины XVI в. Новакович считает Тодора тождественным с воеводой Приездом (см. прим. 286). *Сталач, или Сталац* — крепость на р. Мораве.

²⁸² *Повзда из Голупца-града* — лицо, вероятно, неисторическое. *Голубац* — город на Дунае. Сохранились его развалины. В средние века — одна из важнейших крепостей. Выдержал много осад. Переданный его воеводой (Еремией) туркам, служил им исходным пунктом для борьбы с мадыарами.

²⁸³ *Дворкиня* — придворная дама, иногда служанка при дворе. Здесь, видимо, в первом смысле.

²⁸⁴ *Змай-деспот-Вук* (см. прим. 310) назван здесь внуком Облака Радосава без всяких оснований.

²⁸⁵ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 83, стр. 499—502.

²⁸⁶ *Приезд* — воевода Сталача на р. Мораве. Песня о смерти воеводы Приезда имеет за собою некоторые исторические основы. Константин Философ говорит, что «благородный муж» этой крепости сгорел в башне,

а не бросился в Мораву. Упоминается в нескольких исторических памятниках в начале XIII в. В песне он отнесен к более позднему времени.

²⁸⁷ *Мелед* — султан Мехмед-Челебия, сын Баязета II, в 1455 г. взявший Ново Брдо. Умер в 1481 г. С ним как раз приходилось иметь дело Бранковичам.

⁸³ Образ большой социальной насыщенности: символ социальных отношений эпохи феодализма.

²⁸⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 84, стр. 502—506.

²⁹⁰ См. прим. 150.

²⁹¹ См. прим. 153.

²⁹² *Кучево* — город в Пожаревацкой области, в среднем течении р. Пека. *Браничево* (Костолац) — на Дунае, один из старых городов, как и Кучево. Оба переходили часто из рук болгар к грекам и мадьярам. Как и Кучево, славился в XIII—XV вв. оловяными и серебряными рудниками. В 1189 г. через Браничево проходили крестовые походы. В 1290 г. его занимал Драгутин, потом болгары, и мадьяры. В 1438 г. Кучево и Браничево сжег Мухамед II.

²⁹³ Проклятие и предсказание.

²⁹⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 85, стр. 506—509.

²⁹⁵ *Влашич Радул* — волошский воевода Радул-бей (1373—1383), женатый на племяннице Ивана Черноевича.

²⁹⁶ В подлиннике своеобразный оборот: «и силу и сватов».

²⁹⁷ *Дилляр Балялик* — раскрыть, кто из гайдуков послужил прототипом этого образа, не удалось. Может быть связан с баньянами — племенем в черногорской Герцеговине. Старое их поселение было в Матарусе. Воинственное племя. Многие из них уходили в ускоки.

²⁹⁸ Невеста, приехав к жениху, обычно не встает до тех пор с коня, пока ее не одарят; но здесь, так как она не встала и после подарков свекрови и золовок, жених рассердился, подумав, что она недовольна подарками.

²⁹⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 88, стр. 520—524.

³⁰⁰ *Йово Деспотович* — т. е. сын деспота, Иван Бранкович — внук Юрия Бранковича, брат Змайогненного Вука, сын слепого Гргура. За ним была сестра Димитра Якшича Елена. Он был последним из рода Бранковичей и, умирая (1502), не имел ни земель, ни сил.

³⁰¹ *Срем* — см. прим. 190. *Купиново* — село и замок в Среме у р. Савы, принадлежало Бранковичам. Как королевский город упоминается с 1388 г. Матвей Корвин отдал его Ивану Деспотовичу. Деспотство в Купинове было до 1521 г., когда его разорили турки.

³⁰² *Крушедол* — монастырь на горе Фрушке (см. прим. 306), владевший большими землями и многими селами, заложен владыкою Максимом Бранковичем, внуком Юрия Бранковича.

³⁰³ *Беркасово* — село в Среме, принадлежало Бранковичам.

³⁰⁴ *Брашно* — мука.

³⁰⁵ *Бубны и свирели* издавна известны в Сербии. Много песен, пословиц, легенд, сказок и исторических показаний сохранилось о них в самых ранних памятниках. Видимо, взяты у римлян или греков. Свирель бывает разных типов, разных диапазонов и высот. Свирель служит для аккомпанеента песне, главным образом плясовой и хороводной; употребляется и как сольный инструмент. Бубны и свирели также употреблялись при выходе в поход.

³⁰⁶ *Фрушка* — горная цепь, перерезывающая Срем с запада на восток к югу от Дуная. Через нее проходит много важных дорог.

³⁰⁷ Слова матери напоминают причитание — они и построены как причет.

³⁰⁸ См. прим. 310.

³⁰⁹ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 91, стр. 572—576.

³¹⁰ *Змайовичский Вук* — Вук Бранкович, сын слепого Гргура, внук деспота Юрия, брат Ивана Деспотовича (по песням, он их брат, а иногда относится ко времени и раньше их), жил в Купинове в Среме. В молодости вассал турецкого султана. После размолвки забран в 1459 г. вместе с отцом в Константинополь. В 1465 г. был послом от турецкого султана к венгерскому королю Матвею, к которому и перешел на службу, и командовал сербскими войсками в войнах мадьяр с турками. С 1471 г. — деспот Сербии, в 1476 г. отнял у турок Смедерево, в 1480 г. — Сараево, в 1481 г. разбил турок под Крушевцем. Видимо, эти необычайные для того времени победы и воспеваются в песнях о нем. Умер в 1485 г. Далматинский поэт Ганнибал Лучич (1480—1525) называет его вместе с Гуниадам «знаменитым героем».

³¹¹ *Авала* — горная цепь к юго-востоку от Белграда (14 км.), высотой до 500 м. На одной из гор этой цепи к югу от Белграда находится крепость Авала (Жрнов), от которой сохранились квадратная боевая башня и окружные стены с тремя бастионами. В 1442 г. крепость была разрушена турками, но в 1458 г. при Мухамеде II оправлена.

³¹² *Порча* — в нем, видимо, олицетворены турецкие герои войн под Авалой. Из летописи известен боснийский воевода Пурча (вторая половина XIV в.), но, вероятно, он не имеет никакого отношения к Порче из Авалы.

³¹³ *Досерзлез Алия*, из Сараева, как видно из конца песни, — один из героев магометанских сказаний (турок-магометан в Сербии). Оттуда он, видимо, и попал в юнацкие песни. Может быть, это Али бег-Анжелович, первый смедеревский санджак-бег, современник и приятель Змай-Вука.

³¹⁴ *Стольным Белградом*, в отличие от других Белградов (их несколько), назван Белград на Дунае.

³¹⁵ См. прим. 323.

³¹⁶ *Врачар-поле* — под Белградом.

³¹⁷ *Башня Небойша* — в Белграде. Д. Костић в своей работе «Где је била Небойша?» (Београд 1931 г.) приходит к выводу, что во время занятия турками Белграда в 1521 г. Небойшей называлась восточная часть крепости, потом это название переносилось на другие башни, главным образом на башню, выходящую к Саве и Дунаю, которую народная традиция и связывает с Якшичами.

³¹⁸ *Кулаш* — кличка Вукова коня — такая кличка давалась коням мышинной масти.

³¹⁹ Оборот аналогичный выше отмеченному — «и силу и сватов»; «кувшин и воду» — значит: кувшин воды

³²⁰ Невольно вспоминается погоня Ахиллеса за Гектором в «Илиаде».

³²¹ *Зобница* — мешок для овса и корма коню.

³²² Из В. С. К., изд. 1845 г., кн. II, № 93, стр. 587—591.

³²³ *Якшичи* — сыновья воеводы Юрия Бранковича — Якши Врешича, который был капитаном Белграда. После его смерти сыновья его остались в Белграде. В песнях упоминаются Дмитрий и Стефан (в песнях он называется также Богданом). Сестра их была за Йованом Деспотовичем. Дмитрий Якшич был женат на дочери Юрия Бранковича. В истории особо известен Дмитрий. Он предводительствовал войсками Юрия Бранковича во время турецкого похода 1453 г. После падения Смедерева с братом перешел в Венгрию, где им король Матвей дал землю у Мориша. Якшичи участвовали в битвах с поляками и Али-бегом (1476) и др. В 1486 г. Матвей послал их к султану Баязиту II. При возвращении Дмитрий был ранен его врагом Гази Мустафой на мосту р. Есавы у Смедерева и умер от ран (1486). Стефан Якшич умер в Видине в 1489 г. Новакович полагает, что в Якшичах отождествлены и слиты в песнях все деспоты Белграда с 1427 по 1521 г.

³²⁴ Т. е. Ивану Сибилянину.

³²⁵ Историческая верность описанных в песне событий и отношений лиц достигает степени исторической характерности, но не передает исторических фактов.

³²⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 96, стр. 617—620.

³²⁷ *Якшич Богдан* — см. прим. 323.

³²⁸ *Ужница* — город в Сербии на р. Детине, на границе с Боснией. Упоминается со второй половины XIV в. Сохранились следы башен и стен. Разрушенный город (крепость) был восстановлен при Мухамеде II. В Венском военном музее хранится интересный план крепости Ужницы.

³²⁹ *Ступница* — река, упоминаемая только в песнях. По песне, за Ступницей уже начинается «арапская земля».

³³⁰ Описание двора представляет собою идеализацию того же порядка, как и подобные описания в колядках.

- ³³¹ *Арал-ага* — собирательное имя.
- ³³² Т. е. так, как поют слепцы.
- ³³³ До вечерней молитвы мусульман.
- ³³⁴ *Ходжа* — мусульманский священник. Мечетей бывало очень много в сербских городах. В Сараеве было до ста мечетей.
- ³³⁵ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 97, стр. 620—625.
- ³³⁶ *Кара-Влахская земля* — Валахия (черная = кара). *Кара-Богданская земля* — Молдавия.
- ³³⁷ *Балат* — область в южной Венгрии, около Темешвара. Сильно стал заселяться сербами после Косовской битвы при Стефане Лазаревиче и Юрие Бранковиче, но особенно после взятия турками Смедерева (1459). В 1552—1717 гг. был турецким вилайетом с главным городом Темешваром.
- ³³⁸ *Ружица* — церковь в Белграде.
- ³³⁹ *Чекмек* — по песне, река у Белграда.
- ³⁴⁰ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 98, стр. 626—629. Перевод Берга был напечатан в ж. «Нива» за 1874 г., № 33, стр. 526. Перевод довольно точный и хороший, но в конце песни переводчик присочинил несколько стихов от себя; они нами, естественно, выброшены.
- ³⁴¹ *Князя из Срема* — здесь нельзя разуместь определенных князей.
- ³⁴² *Стэфан* — царь сербский — видимо, Стефан Лазаревич.
- ³⁴³ В песне «Дедеж Якшичей» жена Дмитрия Якшича названа Анджелией. В этой песне она называется Милицей.
- ³⁴⁴ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 100, стр. 633—637.
- ³⁴⁵ *Черноевичи* (Црноевичи — вернее) — см. вступит. статью, гл. III.
- ³⁴⁶ *Джуро (Юрий) Черноевич* — см. вступит. статью, гл. III.
- ³⁴⁷ Отношения Юрия Черноевича к Млетаку (Венеции) были таковы же, как и отношения других Черноевичей: они тяготели к богатой Венецианской республике, им выгоднее было зависеть от Венеции, чем от Сербии. Венеция обеспечивала им защиту и от турок, чего не могла дать Сербия. У них с Венецией существовали договоры. Конфликты происходили редко. Политические и вассальные связи с Венецией Черноевичи скрепляли связями родственными: Юрий и Иван Черноевичи были женаты на венецианках. В темнице в Млетаке никто из Черноевичей не бывал.
- ³⁴⁸ *Вук Дойчевич* — может быть, шут Вук Дойчевич, любимец Ивана (ум. 1470) и Юрия (ум. 1496) Черноевичей, герой многочисленных анекдотов и шуточных сказок.
- ³⁴⁹ *Солило* — один из городов далматинского побережья, в котором были соляные варницы, видимо, город Солин.
- ³⁵⁰ *Скатара* — Котор, итальянск. Катаро — город в южной Далмации в Зете. Перекресток больших дорог из Дубровника в Будву и др. Очень старый город с богатой историей, побывал в руках сербов, турок и венецианцев.

³⁵¹ *Иво Черноевич* (1456—1490) — сын Стефана Черноевича, был вассалом Венеции. Несколько раз пытался отстоять самостоятельность, но неудачно. Венецианская республика считалась с ним, и иногда он ей диктовал свои условия.

³⁵² Видимо, отражение вассальной зависимости Черноевичей от Венеции.

³⁵³ *Князь Сукноевич* — неизвестно, кто разумеется под ним и вообще есть ли у него какой-либо исторический прототип.

³⁵⁴ *Сребля* — Караджич полагает, что это Грбля, край в Зете (по р. Зете); у Боки Которской.

³⁵⁵ *Ребляник* — Караджич и Ивекович и Броз (см. «Рјечник Хрватскога језика», св. II. Загреб 1901) отказались объяснить, что это за город.

³⁵⁶ Из В. С. К., изд. 1845, кн. II, № 90, стр. 568—572.

³⁵⁷ *Богосав* — князь Босны — может быть, Богосав Михайлович из Конавля (около Дубровника), живший в начале XVI в.

³⁵⁸ *Новак* (Старина Новак) — см. вступит. статью, гл. III. *Радивой* — видимо, прозвище одного из гайдуков. «Радивой» обычно толкуют как «удалой». В истории есть несколько Радивоев, между прочим босанский король Радивој (середина XV в.).

³⁵⁹ *Босна* — область по р. Босне, в средние века была самостоятельным королевством (см. вступит. статью).

³⁶⁰ *Пара* — мелкая турецкая монета.

³⁶¹ *Дрина* — река на границе Боснии и Сербии.

³⁶² *Босна* — была центром гайдуцких чет.

³⁶³ *Ромашия* — гора в Боснии, близ Сараева, с которой в юнацких песнях (и в истории) связаны похождения Новака и его дружины.

³⁶⁴ *Сараевские торговцы* — Сараево (в Боснии) был богатым городом и одним из торговых центров, связанных с Дубровником и Венецией. Турки обновили город и дали ему имя Сарай.

³⁶⁵ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № I, стр. 1—4.

³⁶⁶ *Груица* — сын гайдука Баба-Новака. В песнях рисуется всегда молодым и совершает ряд забавно-героических проделок.

³⁶⁷ *Джафербеговица* — т. е. жена Джафер-бега.

³⁶⁸ В подлиннике Груица называется Дорогокупом — ниже в песне мы употребляем и это прозвище.

³⁶⁹ *Дечерма* — род куртки без рукавов, напоминающей жплет (тур.).

³⁷⁰ *Гдацкие пистоли* — т. е. данцигские, данцигской работы, славились по всей Европе и даже в Азии и северной Африке. Часто упоминаются в исторических источниках, в том числе и в русских.

³⁷¹ *Серайши* — это не дворцовые слуги (сераль) и не сараевцы (из г. Сарая), а сератли, серхатли — турецкие пограничники, с которыми воевали гайдуки и ускоки.

³⁷² Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 2, стр. 4—10.

³⁷³ *Татомир-дитя* — может быть, последний болгарский царь в Видине — Срацимир, но вероятнее всего — не имеет исторического прототипа.

³⁷⁴ См. прим. 358.

³⁷⁵ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 4, стр. 14—16.

³⁷⁶ *Павел Плетикоса* — в истории неизвестен.

³⁷⁷ *Задр, Задр* — город в Далмации (сев.-зап.) — старый римский город (итал. *Zaga*), имел большое значение как торговый город. Из-за него боролись римляне и греки, позднее — византийцы, турки и хорваты.

³⁷⁸ *Кунар-плахица* — у Книна. Часто упоминается в ускоцких песнях, так как до нее ускоки доходили.

³⁷⁹ *Милич* — посестрич Павла Плетикосы — в истории неизвестен.

³⁸⁰ *Мирко и Маришко* — лица неисторические.

³⁸¹ *Панджа Грачач* — лицо неисторическое.

³⁸² Из В. С. К., изд. 1833, кн IV, № 36, стр. 265—271.

³⁸³ *Клобук* — хорватский город, упоминается с X в. Крепость разрушена в 1420 г. В нем родился Вук Бранкович (Змай-Вук).

³⁸⁴ *Осман Шевич* — турок — видимо, лицо неисторическое.

³⁸⁵ *Амля Бойич* — ускок из Имосской и Вргарчской областей (хроника Шишабадовича). Он погиб 26 апреля 1663 г. у Вруля в битве с турками (Starine, XXI, 90).

³⁸⁶ *Никшич* — крепость в Черногории у р. Быстрицы, притоке Зеты, к северу от Цетинье и Жабляка.

³⁸⁷ *Ергович Муйо* — т. е. Мухамед Ергович — турок. *Шабал-агич Ибро* — турок. *Остоич Марко* — может быть, из потомков босанского князя Стефана Остойи. Стефан Остоич (сын Стефана Остойи) жил в первой половине XV в.

³⁸⁸ *Вукич* — князь из Вилуса. — *Вилус* — село близ г. Никшича.

³⁸⁹ *Дамаскоз ружье* — как и дамасская сабля, считалось оружием прекрасной работы.

³⁹⁰ *Меч-гребаштак* — видимо, следует объяснять, как меч, который чешет (от гребенати — чесать) во все стороны, рубит направо и налево. Но «гребати» значит и дарапать и даже рубить.

³⁹¹ *Кусида* — река на границе Черногории и Сербии.

³⁹² *Коштац-плахица* — в Далмации.

³⁹³ *Омутич* — город в западной Черногории в 15 км. западнее Никшича. *Тубела* — Трубела — крепость в западной Черногории в 16 км. западнее Никшича.

³⁹⁴ «*Перед нами никшицкие овцы*» — т. е. стада и пастухи из города Никшича, т. е. так близко уже Никшич, куда к теще едет Осман.

³⁹⁵ *Четник* — дружинник.

³⁹⁶ *Демьялович Живко* — имя Живко было чрезвычайно распространено в Дубровнике; почти все известные из истории лица, носившие это имя,

происходят из Дубровника. Если и Демьянович Живко лицо историческое то, видимо, это был дубровчанин.

³⁹⁷ *Гардашиевич Вуло* — может быть, один из капитанов г. Градаца в Боснии.

³⁹⁸ Из В. С. К., изд. 1833, кн. IV, № 41, стр. 294—301.

³⁹⁹ *Ялэк* — город в Венгрии (Джур, Каав).

⁴⁰⁰ *Иво Голопузый* (Иво Голотрба) — видимо, Сенянин Иво. Песня о нем исторически неверна, как и песня «Смерть Сенянина Ива», но передает характерные черты этого юнака: его разбой, грабежи, обманы, храбрость и, что самое характерное, демократизм. Образ Голопузого юнака совсем другого социального происхождения, чем образы юнаков из цикла, напр. Бранковичей.

⁴⁰¹ «Ожделия — вот так гость приятный» — иногда в юнацких песнях приводится турецкое слово или выражение и дается тут же в стихе его сербский перевод; мы, чтобы передать эту особенность, точно так же даем турецкое выражение и его русский перевод.

⁴⁰² *Глумец Осмак-ага* — упоминается в нескольких юнацких песнях. Он представлял собой что-то вроде комедианта или, вернее, скомороха. За ним, видимо, скрывается какой-нибудь известный певец или шут; песня сохранила о нем лишь смутные воспоминания. *Удбин* — город в области р. Крбавы, к востоку от Лики (Хорватская приморская область), в XI—XV вв. был столицей Крбавской жупании, вел непрерывную борьбу с турками и взят ими в 1527 г.

⁴⁰³ См. прим. 64 («Чакширы»).

⁴⁰⁴ *Огорелец* — видимо, местное название села или города, нам неизвестное.

⁴⁰⁵ *Кладуша* — крепость севернее Удбины (см. прим. 402), около Сеня, в Бихачком санджаке, гнездо Муйи и Алила. *Муина Хайкуна* — из рода Любовичей, сестра Мустай-бега Лидкого, управителя Лидкого санджака в Удбине с 1653 г., героя мусульманских песен, боровшегося с котарскими ускоками и погибшего в борьбе с ними.

⁴⁰⁶ *Муйо из Барата*, или *Муйо из Кладуши*, — герой магометанских песен. *Барат* — видимо, Берат, упоминается только в песнях — албанский Белград.

⁴⁰⁷ Дороги в Ниш, Шибеник и Барат из Удбина известны были как торговые большие пути. *Ниш* — город на р. Нишаве, стоит на пути из Константинополя в Белград. Турками занят в 1386 г. *Шибеник* — город в Далмации в Сплитской области. С 1390 г. под протекторатом Боснии, с 1412 — Венеции. До 1793 г. его часто занимали турки (1537, 1647).

⁴⁰⁸ «*Почермей в диване завтра утром*» — т. е. пусть тебя осудят в диване, пусть там покажешься ты лжецом и не оправдаешься. Турецкое проклятие, перешедшее в сербский язык.

⁴⁰⁹ *На лейдаке* — т. е. на ратном поле.

⁴¹⁰ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 18, стр. 94—102.

⁴¹¹ *Мирко из Млетака* — лицо, видимо, неисторическое.

⁴¹² Эта эпическая песня стала игровой. Мы привели ее в нашем сборнике для того, чтобы показать, как изменяется песня, когда выходит из эпического репертуара и становится хороводной: она многое теряет в эпической поэтике, поется на новый мотив и выполняет совсем другие функции. Это уже не самоцельные, а подчиненные игре и танцу текст и мелодия. Из В. С. К., изд. 1841, кн. I, № 72, стр. 533—534.

⁴¹³ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 77, стр. 512—514.

⁴¹⁴ *Янкович Стоян* — родом из Котара, сын Янка Митровича, защитника Шибеника в 1647 г. В 1666 г. попал в плен к туркам и увезен в Царьград. После четырнадцати месяцев плена бежал. В 1669 г. — сердар котаран. Гайдучил в Далмации и Герцеговине, воевал с Венецией против турок. Прославился личной храбростью, за что Венецианская республика богато его одаривала. Вместе с Ильей Смиляничем поднял восстание в Котаре. В 1686 г. отнял г. Силь у турок. Погиб в бою с турками в 1688 г. (Качич говорит, что его убил из ружья на Дуванском поле Наджакович Муйо).

⁴¹⁵ *Смилянич Илья* — сын Петра Смилянича, харамбаши лицких ускоков — был другом отца Стояна Янковича — Янка Митровича, с которым в 1647 г. защищал Шибеник. Видимо, был из села Смиляна в Хорватской ирморской области, жил в Котаре. Состоял на службе у Венеции и получал с 1652 г. по 600 дукатов в год, получил дом в Задре. Погиб в 1654 г. у Лики.

⁴¹⁶ Мотив — муж на свадьбе своей жены — распространен широко не только в сербском эпосе (см. вступит. статью, гл. V: «Сюжетика»). Сюжет сербской песни чрезвычайно близок сюжету о Добрыне. Тут сходство с сюжетом о Добрыне усиливается еще тем, что и Добрыня Никитич и Стоян Янкович являются на свадьбу певцами. См. песню «Марко и Мина из Костура».

⁴¹⁷ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 25, стр. 168—172.

⁴¹⁸ *Вук Мажушич* — см. прим. 248.

⁴¹⁹ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 32, стр. 225—226.

⁴²⁰ *Любович-бег* — из герцеговинской фамилии Любовичей, потурчившихся сербов, что дало им возможность сохранить свои владения. Здесь разумеется, наверное, Ибрагим бег-Любович, сын визиря Чуприлича, борющийся с гайдуками. *Невзсиль* — город в Герцеговине.

⁴²¹ *Пива* — имеется в виду монастырь Пива (1573) на р. Пиве, притоке Дрины, у планины Пивы. Пивляне, жители этой области, выселялись в Боснию и Сербию, уходили в гайдуки и ускоки.

⁴²² *Пивлянин Байо* — знаменитый гайдук и ускок XVII в., харамбаша чет в Герцеговине, откуда он зимою уходил на Приморье в Пераст в Боку Котарскую. Он был самым старым и самым опытным харамбашей. Он воевал с венецианцами против турок и потурчившихся сербов. Первый раз в документах упоминается в 1669 г. как храбрейший харамбаша, с которым считается Венеция. В 1670 г. Венеция поселила его ускоков в

крепости Рисан в Зетской области, но потом переселила в Истру. Оттуда недовольные ускоки разбежались, и республика по просьбе Пивлянина переселила их в Задар (1674). Все время они вели борьбу с турками под предводительством Байа. Он был убит в 1685 г. при защите Цетинье.

⁴²³ *Корити* (Жорита) — поле в Герцеговине, близ границы с Черногорией, около села Корита. *Трусина* — планина в Герцеговине у Трусинского поля.

⁴²⁴ *Мисирская пряжа* — египетская пряжа. *Гачник* — подвязка у штанов, очкур.

⁴²⁵ *Негош-вич Мато* — видимо, гайдук хорват Мато.

⁴²⁶ *Шабан-ага* (см. прим. 387) — отец Шабан-агия Ибра.

⁴²⁷ *Сабля-шамлякка* — сабля с дамасским клинком.

⁴²⁸ Латинские лекари славились в Сербии. При дворе многих сербских деспотов были итальянцы-лекари. Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 70, стр. 465—471.

⁴²⁹ *Возвода-Воиж* — трудно сказать, существовал ли исторический прототип этого юнака.

⁴³⁰ *Якко* — побратим Воина — лицо, видимо, неисторическое.

⁴³¹ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 76, стр. 524—526.

⁴³² *Хасан-ага* — по Качичу-Миошичу, он был из Книва (в Далмации), но в песнях он перемещен в Удбин. Один из туредких юнаков, с которыми приходилось воевать ускокам. Убит в 1669 г.

⁴³³ *Хасанагиница* — жена Хасан-аги.

⁴³⁴ *Пикторович* — о нем как лице историческом ничего не известно.

⁴³⁵ *Кадия из Имоса* — судья из Имоса, области в Далмации с селом Имосом.

⁴³⁶ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 80, стр. 527—533.

⁴³⁷ Песня представляет собою один из очень далеких вариантов основного варианта «Хасанагиницы». Из первичного мотива о жене, не предшедшей к больному мужу, вырос особый рассказ о матери-изменнице. Повод этому мог дать конец песни «Хасанагиница», повествующей о выходе матери за другого и проклятии ее мужем.

⁴³⁸ *Баракович Ибро* из Клиса — может быть, Ибрагим-паша (1685). *Клис* — город в Далмации в Сплитской области. Принадлежал хорватским великашам, потом Душану и Боснии. Боролся за независимость с Венецией и Турцией (1523—1537). Взят турками, а в 1648 г. — Венецией. Через него шли торговые дороги.

⁴³⁹ *Синь* — город в Далмации. Упоминается впервые в 1402 г. Взят турками в 1536 г. В 1689 г. его отбил Стоян Янкович. Синь часто переходил от турок к Венеции и ускокам. *Милетик* — источник реки Милетина около г. Синя.

⁴⁴⁰ *Молякка* — долина в Далмации, у которой в XVII—XVIII вв. бродили большие шайки разбойников. Определенно трудно установить, из кого они состояли. Во всяком случае упоминание их в песне исторически верно.

⁴⁴¹ Из В. С. К., изд. 1846, кн. III, № 84, стр. 549—552.

БИБЛИОГРАФИЈА

Сокращенија

Б.— Белград (Београд).

Л.— Ленинград.

М.— Москва.

Н. С.— Нови Сад.

С.— Софија.

СПБ.— Санкт-Петербург.

Глас — «Глас Српске Краљевске Академије».

Годишњица — «Годишњица Николе Чушића».

Лет. М. С.— «Летопис Матице Српској».

Прилози — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор».

РФВ— «Русский филологический вестник».

Фил. зап.— «Филологические записки».

В.— Berlin.

Н.— Halle.

L.— London.

Lpz.— Leipzig.

M.— München.

P.— Paris.

Pr.— Praha.

St.— Stuttgart.

W.— Wien.

Z.— Zagreb.

Arch. f. sl. Phil — «Archiv für slavische Philologie».

Rad.— «Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti».

Александров, А. Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань 1897.

Аристов, Н. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж 1875 (из «Фил. зап.», 1874—1875 гг.).

Аристотель. Поэтика. Пер. Н. И. Новосадского. «Academia». Л. 1927.

Бессонов, П. Лазарица, народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства. «Русская беседа», 1857, кн. 6, № 2. Смесь, стр. 38—79.

Его же. О славянском народном песнетворчестве. ЖМНПр, ч. СXXXIV, 1867, июнь, отд. II, стр. 785—793.

Его же. Эпос сербский и болгарский, во взаимном отношении историческом и топографическом. «Временник имп. московского общества истории и древностей российских», 1855, кн. 21, стр. 1—136.

Бошнич. Местные названия славянских пределов Адриатики. СПб. 1873.

Богатырев, П. Несколько замечаний о сербо-хорватском эпосе в сравнении с русским (отд. отт.).

Бодянский, И. О народной поэзии славянских племен. М. 1837.

Брандт, Р. Ф. Обзор славянских литератур. Литографировано. М. 1914 (2-е изд. М. 1915).

Будилович, А. Очерки из сербской истории. СПб. 1877. (То же в «Славянском сборнике».)

Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия. «Отечественные записки», 1851, № 7—8.

Бюэер, К. Возникновение народного хозяйства. Пер. И. Кулишера. СПб. 1907.

Ваккернгамель, В. Эпическая поэзия, «Фил. зап.», 1897, в. III, стр. 1—24; в. V—VI, стр. 25—70.

Венелих, Ю. О характере народных песен у славян задунайских. М. 1835.

Вережский, Ф. Вук Караджич и его сборник народных сербских песен. «Фил. зап.», 1887, в. V, стр. 1—23; 1888, в. I, стр. 25—32.

Веселовский, А. Н. Из истории эпитета. ЖМНПр, ч. СССII, 1895, дек., № 11, отд. 2, стр. 179—199 (и в Собр. соч., т. I, стр. 58—85).

Его же. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. ЖМНПр, ч. ССХVI, 1898, № 3, отд. 2, стр. 1—8 (и в Собр. соч., т. I, стр. 130—225).

Его же. Славяно-германские отрывки (II. Вила—Viola. III. Сербские вилы). ЖМНПр, ч. ССLXIV, 1889, июль, отд. IV, стр. 1—14.

Его же. Три главы из исторической поэтики. ЖМНПр, ч. СССХII, 1898, № 4—5, март, отд. II, стр. 62—131, апрель, отд. II, стр. 223—289 (и в Собр. соч., т. I, стр. 226—481).

Его же. Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэмы о гневном Радо. ЖМНПр, ч. ССI, 1879, январь, отд. II, стр. 80—111.

Его же. Эпические повторения как хронологический момент. ЖМНП, ч. СССХ, 1897, № 4, отд. II, стр. 271—305 (в Собр. соч., т. I, стр. 86—129).

Войкович, Драго. История сербского народа. Одесса 1903.

Вукичевич, М. и Семиз, Д. Сербь и болгарь в борьбѣ за свободу и культуру. Историческiе параллели с XIV в. до 1878 г. СПБ. 1913.

Гальковский, Н. Лирическiе песни сербского народа. «Фил. зап.», 1897, в. V—VI.

Его же. Мифологическiй элемент в сербской поэзии. I. Вилы. II. Усуд. «Фил. зап.», 1900, вып. IV и V.

Его же. Сербскiй народный эпос. Сумы 1897, XVI + 247 стр. (2-е изд. Сабашниковых М. 1916).

Гербель, Н. Поэзия славян. СПБ. 1871.

Гильфердинг, А. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Сборник, составленный —. СПБ. 1859.

Его же. История сербов и болгар. Собр. соч., т. I, СПБ. 1868.

Говоров, Ф. Семья и задруга у сербов по старосербским письменным источникам. Варшава 1880.

Голчевич, С. Старая Сербия и Македония. Историко-этнографическое исследование. Пер. с нем. М. Г. Петрович. СПБ. 1899.

Готье, Ю. В. История южных славян. Литографированный курс. М. 1916.

Григорович, В. О Сербии в ее отношенiях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетiях. Казань 1859.

Его же. Очерк путешествiя по Европейской Турции. М. 1877 (2-е изд.).

Джурицкий, В. Болгарскiе песни о Дойчине и Момчиле. «Университетскiе известiя», Киев 1893, № 4, стр. 1—64.

Зшель, Ф. Законник Стефана Душана. 1872.

Ивацевич, В. Собиранiе памятников народного творчества у южных и западных славян. (Библиографическое обозрение.) СПБ. 1883. См. гл. II—«Сербь и хорваты», стр. 18—70.

Иречек, К. История болгар. Одесса 1878.

Кареев, Н. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. Очерк развитiя социального строя и политическx учреждений в Западной Европе в средние века. Изд. 2-е. СПБ. 1909.

К(ачаловскiй), В. Взгляд на древнюю историю Сербии и ее источники. «Вестник славянства» (Казань), 1893, кн. VIII, стр. 72—85.

Качаловскiй, В. Балканскiе славяне в эпоху покоренiя их турками. ЖМНП, ч. СХХI, 1877, январь, отд. II, стр. 83—114.

Его же. Византийскiе летописцы как источник для истории южных славян. ЖМНП, ч. СХСХVI, 1878, июль, стр. 63—112.

Его же. История Сербии с половины XIV до конца XV в., т. I. Критическое исследование источников. Киев 1899.

Его жэ. Сербские жития и летописи как источник для истории южных славян в XIV и XV вв. «Славянский сборник», 1878, т. III, стр. 182—222

Его жэ. Сербский эпос. (В память 500-летия Косовской битвы.) «Вестник славянства», 1889, кн. IV, 1890, кн. V.

Его жэ. Сербский эпос. Жидовин — Ледянский король. «Вестник славянства», 1893, кн. VIII, стр. 46—55.

Его жэ. Хорватские летописи XV—XVI веков. ЖМНПр, ч. ССХVII, 1881, сентябрь, отд. II, стр. 68—76; ч. ССХLI, 1885, сентябрь, отд. II, стр. 47—65.

Его жэ. Черногория во второй половине XV в. и начале XVI в. «Вестник славянства», 1890, кн. V.

К(аченовский). «О сербских народных песнях». «Вестник Европы», 1820 г., № 13, стр. 112; № 15, стр. 208.

Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Исследование. Изд. К. Солдатенкова. М. 1871.

Костомаров, В. Легенды сербов. «Время», 1861, № 10 (т. V), стр. 524—544 и отд. СПб. S. a.

Костомаров, Н. И. Предания первоначальной русской летописи. См. «Исторические монографии и исследования», т. XIII, 1881.

Кочубийский. Славянские рукописи Пештского музея, в. I. Варшава 1882.

Кримский, А. История Туреччины. Київ 1924 (Збірн. іст. філ. відд. Укр. Ак. Н., № 10).

Критский, П. Героическая борьба сербов с турками на Коссовом поле. Изд. К. Ф. Некрасова. Ярославль 1914.

Кулаковский, П. А. Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе. М. 1882.

Его жэ. Праздник «слава» у сербов. «Русский вестник», 1883, т. 167, стр. 329—357.

Лавров, П. История южных славян. Литографированный курс. S. a.

Левин, И. Возрождение Сербии в начале XIX в. «Русская мысль», 1913, № 6.

Лежез. Славянская мифология. Воронеж 1908.

Леонтович, Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство. Одесса 1868.

Липовский, А. Л. Хорваты. С картой. СПб. 1900.

Лисенко, Н. В. Характеристика музыкальных особенностей малорусских дум и песен, исполняемых кобзарем Вересаем. «Записки Юго-Зап. отд. Рус. геогр. общ.», т. I. 1873. Киев 1874, стр. 353—354.

Лобода, А. Русские былины о сватовстве. Киев 1904. (См. также «Университетские известия», 1902, № 10, стр. 1—51; 1903, № 4, стр. 53—125, № 7, стр. 127—168, № 10, стр. 169—202).

Его жэ. Банович Страхиња. Материалы для изучения южно-славянского народного эпоса. «Университетские известия», Киев 1894, январь, стр. 1—45.

Майков, А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. Сочинение — М. 1857.

Его жг. О земельной собственности в древней Сербии. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1860, кн. I, отд. I, стр. 1—30.

Макушев, В. Исследование об исторических памятниках Дубровника. СПб. 1867.

Мажирович. Краткая история и география Сербии. СПб. 1839.

Марков, А. В. Бытовые черты русского былинного эпоса. М. 1904.

Мейер, И. Народные песни о битве на Коссовом поле. «Фил. зап.», 1879, в. IV—V, стр. 1.

Миклошич, Фр. Изобразительные средства славянского эпоса. Пер. А. Грузинского. «Труды славянской комиссии Моск. археологич. общ.», М. 1895.

Миллер, Ор. Коссовская битва по сербскому народному эпосу. См. сб. его статей «Славянство и Европа». СПб. 1877, стр. 318—360.

Его жг. О славянских народных песнях. Поэзия славян. Под ред. Н. Гербеля. СПб. 1871, стр. 17—32.

Мисирков, К. П. Южно-славянские эпические сказания о женитьбе короля Волкашина в связи с вопросом о причинах популярности короля Марка среди южных славян. Одесса 1909.

Мицкевич, Адам. Из курса славянской литературы, читанного в College de France в Париже в 1840—1841 гг. См. сочинения, под ред. П. Полевого. Изд. М. О. Вольф, т. IV, СПб. 1882—1883.

Миццико, Ф. Г. О способе исполнения эпических произведений древнегреческими певцами сравнительно с малорусскими бандуристами. «Труды 3-го Археолог. съезда». Киев 1875.

Мрочек-Дроздовский. О древнерусской дружине по былинам. Актовая речь в Московском университете 12 января 1897 г.

Некрасов, Ис. Ст. Влияние Сербии и Афона на русскую литературу в XIV и XV вв. «Заря», 1871, № 5 (май), стр. 3—19.

Новиков, М. Роль славян в третьем крестовом походе. Мглин 1914.

Окунев. Сербские средневековые стенописи. Прага 1923.

Павлов-Сильванский, Н. П. Государевы служилые люди. СПб. 1898.

Его жг. Феодализм в древней Руси. Изд. 2-е. Гиз. Л. 1923.

Палаузов, С. Исторический очерк сербского государства до конца XVI столетия. М. 1845.

Первов, И. Эпитеты в русских былинах. «Фил. зап.», 1901, вв. I—II, VI; 1902, I.

Петрушевский, Д. К., проф. Очерки из истории средневекового общества и государства. Изд. 3-е. «Научное слово». М. 1913.

Его жг. Очерки по экономической истории средневековой Европы. М.—Л. 1928.

Погодин, А. А. История Сербии. Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб. 1909.

- Его же.* Краткий очерк истории славян. М. 1915.
- Его же.* Лекции по истории сербской и болгарской литератур. (Литографировано.) Харьков 1914.
- Его же.* Пособие к лекциям по истории сербо-хорватской литературы. Изд. студентов-филологов унив. св. Владимира и слушательниц высших женских курсов: Киев 1914.
- Покрышкин, И.* Православная церковная архитектура XII—XVIII столетия в нынешнем сербском королевстве. СПб. 1909.
- Цолевой, Н.* Народне српске пјесме и пр. собрал и издал Вук Стефанович Караджичь. «Московский телеграф», 1827, II, стр. 136—150.
- Щоловичкин, Ир.* Сербская народная поэзия. Энциклопедический словарь изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXIXа. СПб. 1900.
- Попович, П.* Обзор истории сербской литературы. СПб. 1912 (Библиография, см. стр. 254—266).
- Попружескико, М. Г.* Из истории литературной деятельности в Сербии XV века. Книги царств. Одесса 1894.
- Потебня, А.* Из записок по теории словесности. Харьков 1905.
- Его же.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Изд. 2-е. Харьков 1914.
- Его же.* Объяснение малорусских и сродных народных песен, тт. I, II. Варшава 1883—1887.
- Прейс.* О эпической поэзии сербов. Акт СПб университета 1845. (Отт. из ЖМНП, 1845, кн. 3.)
- Пытин, А.* Гердеговинские гайдуки сто лет назад. «Вестник Европы», 1877, № 6, стр. 712—746.
- Его же.* Первые слухи о сербской народной поэзии. «Вестник Европы», 1876, кн. 12, декабрь, стр. 698—742.
- Пытин, А. Н. и Спасович, В. Д.* История славянских литератур, т. I, изд. 2-е. СПб. 1879. Гл. II.
- Радованович.* Семейные праздники у сербов. СПб. 1910.
- Рајке.* История Сербии по сербским источникам. Пер. П. Бартенева. М. 1876.
- Ровинский, П.* Рец. на кн. Н. Гальковского «Сербский народный эпос». Сумы 1897. «Отчет о XIV присуждении премий А. С. Пушкина». Сборник Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наук, 1904, т. 75, стр. 72—106.
- Его же.* Черногория в ее прошлом и настоящем, тт. I, II, III. СПб. 1888—1909.
- Ролякович, И.* Черногорский теократизм. 1496—1851. Казань 1890.
- Скафтымов, А. П.* Поэтика и генезис былин. Саратов 1924.
- Смельницкий, И.* Гайдуцкий эпос: значение его; причины гайдучества и время возникновения его. «Фил. зап.», 1899, в. III—IV, стр. 1—12; в. V, стр. 13—32; в. VI, стр. 33—52.

Его же. К вопросу об эпосе сербском и болгарском. «Фил. зап.», 1899, в. I—II, стр. 1—37.

Смирнов, И. Очерк культурной истории южных славян, вып. I, II. Казань 1900—1901.

Его же. Очерк Хорватского государства до подчинения его угорской короне. «Ученые записки Казанского университета», 1890, стр. 133—328.

Соколов, А. Об исторических народных песнях сербов. Казань 1854. (Из ученых записок Казанского университета, 1854, кн. II.)

Софроний, архимандрит. Краткая история славено-сербской Хиландарской лавры. СПб. 1862.

«Спорные вопросы методологии истории». Дискуссия по вопросу об общественных формациях. Изд. Комакадемии. Л. 1930.

Срезневский, И. Несколько замечаний об эпических размерах славянских народных песен. «Известия Академии наук», 1860, т. IX, в. I, стр. 345—366.

Старицкий М. Сербскі народни Думи і Пісні. Киев 1876. (Переводы на украинский яз.)

Сумцов, Н. Муж на свадьбе своей жены. «Этнографическое обозрение», кн. XIX, 1893, № 4, стр. 1—25.

Его же. М. Е. Халанский. Южно-славянские сказания о Кралевиче Марке, 1895 (рецензия). «Записки Харьковского университета», 1895, кн. 3. Критика и библиография, стр. 10—20.

Тяндар, К. Заметки по сравнительному изучению народно-эпического стиха: «О повторениях в народном эпосе». «Живая старина», год VI (1896), в. II, стр. 202—225.

Фамилцин, А. С. Гусли, русский народный музыкальный инструмент. Исторический очерк. СПб. 1890, стр. 1—8.

Флоринский, Т. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. Критическое разыскание, СПб. 1880.

Его же. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев 1888.

Его же. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., СПб. 1882.

Халацкий, М. Заметки по славянской народной поэзии (II—Кого нужно разуметь под именем черных Арапов в сербской народной поэзии. III—О бугарштицах). РФВ, 1882, т. VII, № I, стр. 113—135.

Его же. К вопросу о заимствованиях в южно-славянском народном эпосе (I—Сказание об увозе Соломоновой жены и песни о похищении жены Марка Королевича. II—Сказание о Девгении и сербские песни о разорении хутора Якшичей). РФВ, 1884, т. XI.

Его же. К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском народном эпосе. РФВ, 1889, т. XXI, стр. 260.

Его же. О сербских народных песнях косовского цикла. РФВ, 1882, № 1, 2, 3, тт. VII и VIII.

Его жг. Южно-славянские песни о смерти Марка Краевича. «Статьи по славяноведению». Под ред. ак. В. И. Ламанского. СПб. 1904, в. I, стр. 113—148.

Его жг. Южно-славянские сказания о Краевиче Марке, тт. I, II, III, (отт. из РФВ, 1893—1895). Варшава 1893—1895.

Харузиж, А. Босния и Герцеговина. СПб. 1901.

Шестаков, С. П. О происхождении поэм Гомера. Вып. I.— О происхождении Одиссея. Казань 1892. Вып. II.— О происхождении Илиады. 1898.

Целкич, В. Н. История южных славян. Литографированный курс-М. 1913.

Яич, В. История сербо-хорватской литературы. Казань 1871.

Его жг. История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии, в. I). СПб. 1910. (См. гл. XV.)

Его жг. О славянской народной поэзии. Исследование. «Славянский ежегодник». Сборник статей по славяноведению. Составил Н. Задерацкий. Киев 1878 (год издания третий), стр. 140—270. (См. гл. VII и след.)

Якобсон, Р. André Vaillant, Les chants épiques des slaves du sud. P. 1932, 46 p. «Byzantinoslavica», IV, 1932, I, стр. 194—202.

Ястребов, И. С. Обычай и песни турецких сербов (в Призрене, Ипекке, Мораве и Дибре). Из путевых записок. СПб. 1886; 2-е изд. СПб. 1889.

Яцимирский, А. И. Неизвестные песни о Марке Краевиче. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Ак. наук, 1904, IV.

Его жг. Песни западных славян. См. Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. А. С. Пушкин, т. III, стр. 375—402.

Балканские гайдуки. «Славянский сборник», т. II. СПб. 1877, стр. 27—125 (в Приложении).

«Герцеговина в историческом, географическом и этнографическом отношении». СПб. 1875.

Морлацкие песни Яцинта Маглановича. Из «La guzla». «Сын отечества», 1828, СХХ, стр. 192—170.

«Народные сербские песни, собранные и изданные Вуком Стефановичем». Из геттингенских ученых ведомостей перевел Г. «Сын отечества», 1824, ХСIV, стр. 241—249.

Сербские народные песни из сборника Караджича. Тип. М. Щепкина. М. [1885], стр. 38.

Аврамовић, Д. Описаније древности српски у святой (Атонској) Гори, с XIII литографисани таблица. Б. 1847.

Id. Света Гора са стране вере, художества и повестнице. Б. 1848.

Алексић, Д. Српске народне јуначке песме и народне приповедке. Б. 1871.

Алексовъ, В. Самовилитъ в българската народна поезия. «Извѣстия на семинар по слав. филол.», III, стр. 1—66.

В. Сеньанин Иво, слика поетског и историског јунака. «Коло», 1901, I.

Богишић, В. Народне пјесме из старијех највише приморских записа, собрао и на свијет издао В. Богишић. Книга прва са расправом о бу-гарштицама и с рјечник. Б. 1878.

Васић, М. Архитектура и скулптура в Далмацији од почетка IX до почетка XV вјека. Б. 1922.

Веселин, I. Опис манастира у Србији. Ч. 1. Б. 1867.

Id. Печ у своје време. Б. 1870.

Вукчевић, М. Горски хајдуди. Земун 1893 (из Јавор'а).

Id. Историја српскога народа у слици и речи. Б. 1912.

Id. Краљевић Марко. Историска библиотека Нестора летописца. Б. 1924.

Гавриловић, А. Историска сећања у неким народним песмама о Краљевићу Марку. XLIX, стр. 123—126.

Id. Ко је Ђемо Брђанин. «Коло», 1901, II и отд.

Id. Најмлађи круг народних песама. «Годишњица», 1909. XXIII.

Id. Поновно певање народно. «Глас», 1906, XXXII.

Г(авриловић), А. Први почаци скупљања српских народних песама.. Бранково коло за забаву, науку и књижевност. 1900 (год VI), Број. 23.

Гавриловић, А. Прилог за проучавање српске народне поезије. I. Војвода Гојко. «Годишњица», 1899, XIX.

Деспица, Б. Ропство Јанковића Стојана. «Прилози», 1922, II, 2.

Димитријевић, И. Хумор у народној поезији. «Мисао», VII.

Доброжић, А. Ојканье, прилог за проучавање генезе наше пучке по-пијевке. «Зборник за народни живот и обичаје јужних славена».

Ђорђевић, Вл. Српске народне мелодије. Јужна Србија. Скопље 1928.

Ђорђевић, П. Кратки преглед српске народне песама, «Браство», 1889, III.

Ђурчић, Милак. Петеростопни (српски) трохеј. «Српски књижевни гласник», 1905, т. XV, књ. 6, стр. 442—451, књ. 7, стр. 527—531, књ. 8, стр. 604—613.

Живалјевић, А. Талијански преводици српских народних песама. «Јавор», 1892, 171.

Зографовџ А. С. Самодивитџ в българската народна поезия. «Българска реч», I, № 1, стр. 4—8.

Ивановџ, Иорданџ. Сѣверна Македония. Исторически издирвања. С. 1906.

Ивић, А. О мегдану Димитра Јакшића. «С. К. Гласник», 1908, XXI.

Йордановџ, В. Крали Марко в Българската народна епика. «Сборник на Българското книжно дружество». С. 1901, кн. 1.

Id. Крали Марко на българската народна епика. С. 1901.

Id. Крали Марко. Историко-литературен преглед. С. 1916.

Јачић, В. Свједочанства из прошлости в српским народним пјесмама, «Отаџбина», 1875, III.

Јирекс, К. Ј. Трговачки друмови по Србији и по Босни у средњем вијеку, «Отаџбина», 1882, књ. IX, св. 35, стр. 438—446.

Јовановић, Д. С. Хрелња Охмућевић у народу познати «Хрелња Крилатица». «Отаџбина», 1881, књ. VI, св. 22, стр. 263—270.

Каравашевић, В. Гусле и гуслари. Прилог уз културно-историјску справу «Музичка уметност у Срба» (Са сликама). Лет. М. С. 1898, књ. 195, стр. 1—38; књ. 196, стр. 91—104; 1899, књ. 198, стр. 123—130; 1900, књ. 204, стр. 235—240.

Кашењев, А. Нашиятъ «чардак». «Златорог», III, стр. 313—324.

Ковачевић, Лв. Вук Бранковић (1372—1398). «Годишњица», 1888, X, стр. 215—301.

Id. Деспот Стеван Лазаревић за време турских међусобица. «Отаџбина», 1880, IV—V.

Id. И опет краљ Вукашић није убио цара Уроша. «Годишњица», 1884, VI.

Id. Неколико хронолошких исправака у Српској историји. «Годишњица», 1879, III, стр. 356—448.

Id. О боју на Косову. «Годишњица», 1888, X.

Id. Страхинић Бан. «Отаџбина», 1889, XXI (и отд.).

Костић, Драгутин. Гђе је била Небојша? Б. 1931.

Костић, К. Стара српска трговина и индустрија, студија из културне историје Српскога народа у средњем веку. Б. 1904.

Куба, Лудевит. Народна гласбена умјетност у Далмацији. «Зборник за народни живот и обичаје јужних Славена», 1898, III, 1, 2; 1899, IV, 1, 2,

Кузач, Ф. Турски живалји у пучкој гласби Хрвата, Срба и Бугара. «Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини», 1898, X, бр. 2—3, стр. 175—218.

Ласкарис, М. Византиске прицезе у средњевековној Србији. Б. 1926.

Малдић, М. Топографија и повјест града Сеньа. Сень 1877.

Маријев, Димитриј. Нашата историја в народните ни песни. Народните вјесни с огледало на живота на народа. Отч. на Соф. държ. М. гимн, за 1897—1898. С. 1898.

Марковић, В. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Б. 1920.

Мијатовић, Ч. Деспот Ђура Бранковић. I—II. Б. 1880—1882.

Id. Студије за историју српске трговине XIII и XIV века. «Гласник српског ученог друштва», XXXIII, XXXVII, XXXVIII.

Милићевић, М. Манастири у Србији. «Гласник», XXI.

Id. Слава у Срба. «Годишњица», 1877, I.

Милутиновић, Симе. Историја Церне-горе одъ искона до повјега времена. Б. 1835.

Id. Пѣванія черногорска и херцеговачка, I. Будим 1833. II. Лайпциг 1837.

Мирковић, Л. Хришћанско-етички елеменат у две народне песме. «Прилози», 1923, књ. III.

Мишковић, Ј. Косовска битка. Б. 1889.

Мод'стик, Ј. Гдје је Урвина планина. «Наставни Вјесник», 32 књ., 253—258.

Николајевић. О српској црквеној архитектури у средњем веку. Б. 1905.

Николић, И. Спомени народа Србског у Византиским списатељима. У. Будиму 1843.

Новак, Г. Ускоци. «Јадранска стража», 1927.

Новаковић, Ст. Баштина и бољар. «Глас», ХСП.

Id. Ведики челник Радић, или Облачић Раде. Б. 1881 и «Гласник српског ученог друштва», 1881, књ. 50, стр. 122—164.

Id. Калпак и челенка српских народних песама. У Београду 1883 (Отаџбина, св. 55).

Id. Манастир Бањска, задужбина краља Милутина, у српској историји. «Глас», 1892, XXXII.

Id. Народне традиције и критичка историја. «Отаџбина», 1880, IV, V.

Id. Откуда су постале где које народне песме. «Наставник», 1892, II.

Id. Последњи Бранковићи у историји и у народном певању (1456—1502. У Н. С. 1886.) Лет. М. С., књ. 146, стр. 147; књ. 148, стр. 1—32; књ. 148, стр. 1—70.

Id. Прилеп у првој половини 14 века. «Глас», 1909, XXX.

Id. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа од—Б. 1878.

Id. Пронијари и баштиници. «Глас», 1887, I.

Id. Село. «Глас», 1891, XXIV.

Id. Срби и Турци XIV и XV века. Историјске студије о првим борбама с најездом турском пре и после боја на Косову. Б. 1893.

Id. Косово. Српске народне пјесме о боју на Косову уређене као цјелина. Б. 1878 («Годишњица», II. 1878).

Id. Стара српска војска. У Б. 1893.

Нушић, Б. Б. Косово, опис земље и народа. Св. I и II. Књиге матице српске, број 6 и 9. Н. С. 1902—3.

Овљановић, А. Једна стара збирка народних песама. «Бранково Коло», 1900, год VI, бр. 25 и 26.

Остојић, Т. Краљевећ Марко. I—III део. Књиге за народ издаје Матица Српска, св. 106, 107, 110.

Id. Ускоци у јуначким народним песамама. Књиге за народ, издаје Матица Српска, св. 141, 142, Н. С. 1911.

- Петковић, В.* Стари српск испоменици у јужној Србји. Б. 1924.
- Петраковић, Боболуб.* Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Еписке пјесме. I, II. Б. 1867, 1871.
- Пико, Емил.* Срби у Угарској. Превод с француског од д-ра Ст. Павловића. Н. С., 1883.
- Поповћ, Българскитѣ юнашки пѣсни.* «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», 1890, т. III и IV.
- Половић, А.* Песме разне јуначке, народне. Б. 1857.
- Половић, Душан.* О гајдудима. Н. Б., 1931.
- Половић, Л.* Српске народне пјесме у јевропској књижевности. «Стражилово», 1887, стр. 710.
- Радокић, Ј.* Западна Европа и балкански народи према турцима у првој половини 15 века. Књиге Матице Српске, 1905, XI—XII.
- Id.* Прилози за историју Срба у Угарској. Књиге Матице Српске, 1909, XXV—XXVI.
- Романски, Ст.* Прегледъ на българскитѣ народни пѣсни, т. II. София 1929 (Извѣстия на семина по слав. филол. при унив. в София, т. VI).
- Руварац, И.* Дебелић Новак и Старина Новак. «Гласник српског ученог друштва», 1881, X—IX.
- Id.* Одломци из историје Београда. «Годишњица», 1888, књ. X, стр. 10—65.
- Id.* «Годишњица», 1900, књ. XX, стр. 249 (о воеводах Юрија Бранковича в песнях).
- Id.* Порекло Сибињанин Јанка. «Београдско Коло», 1900, бр. 8.
- Id.* Прилог к испитовању српских јуначких песама. Н. С., 1884.
- Id.* Хронолошка питања о времену битке на Марици, смрти краља Вукашина и смрти дара Уроша. «Годишњица», 1879, XIII, стр. 214—216.
- Саждић, А.* Краљевић Марко у сликама. Н. С., 1878 (2-е изд. 1886).
- Id.* Милош Обилић. Српске народне певанија. Н. С., 1885.
- Скерлић, Ј.* Француски романтичари и српска народна поезија. «С. К. Гласник», 1901, 1904, IV, XII.
- Ставрев, В.* Пѣсни за Крали Марко. «Слъндето», II, стр. 420—428.
- Сталојевић, Ст.* Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, књ. I—IV. Загреб 1928.
- Id.* Срби и турци XIV и XV вијека. Н. С., 1893.
- Id.* Историје српскога народа. Б. 1905.
- Стефановић, А.* Стара српска црквена архитектура. «С. К. Гласник», 1903, св. 8 и 9.
- Стојаковић, Љ.* Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Б. 1924.
- Id.* Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типци, поменици, записи и др. Б. 1890 (Споменик српске Академије, III).
- Id.* Стари Српски записи и натписи. Б. 1902.

- Стојковић, I.* Косовска епопеја. Б. 1901.
- Id.* Краљевић Марко. Литерарно истраживање узрока његове славе и популарности српском народу. «Годишњица», 1907, XXVII.
- Id.* Краљевић Марко. 28 књ. Друштва св. Саве, 1922.
- Id.* Лазарица или бој на Косову. Б. 1903.
- Суботић, J.* Наука о српском стихотворенију. У Будиму, 1845.
- Толић, J.* Бој на Косову. Сеоба, Сјба, Прна Гора. Критика Руварчеве школе. Б. 1908.
- Id.* Град Клис у 1596 год. Б. 1908.
- Id.* Ево откуда Вуку Зидаше Скадра. «С. К. Гласник», 1908, XXI.
- Id.* Из историје сепских ускока. Н. С. 1906—1907. (Лет. М. С., књ. 237—241).
- Id.* Из историје сепских ускока 1604—1607. Н. С. 1907. (Лет. М. С., књ. 237—241).
- Id.* Историја у народним епским песмама о Марку Краљевићу. I. Песме о Муси Кесеџији и Ђему Брђанину. Историјска истраживања. Б. 1909.
- Id.* Ко је Ђемо Брђанин. Караџић, 1901 и отд.
- Id.* Мегдан у Срба XVI и XVII столећа. Н. С. 1902. (Лет. М. С., 1902, књ. 216).
- Id.* Мотиви у предању о смрти краља Вукашина. «Статје по славяноведению». Под ред. Р. И. Ламапског, вып. I. СПб. 1904, стр. 170—183.
- Id.* О српским народним епским песмама. Ф. 1907. (из Српског Књижевног Гласника, 1907).
- Id.* Последње две године живота и рада харамбаше Баја Николића Пивљанина (1684 и 1685). Ф. 1901.
- Id.* Прноевићи и Прна Гора од 1479 до 1528. «Глас», 1900—1901, VIII, XII.
- Id.* Цртице из историје сепских Ускока. Н. С., 1901. (Лет. М. С., књ. 209).
- Трифоровъ, Ю.* Блѣжжи върху развитието на пѣснитѣ за Новака у българитѣ и сѣрбитѣ. Списание на Българската Академия на Наукитѣ, кн. XXIX. Клоп историко-филологиченъ и философско-общественъ. 16. С. 1923, стр. 102—128.
- Цвијић, J.* Населба српских земаља. Б. 1909.
- Ћоковић, В.* Мотиви у предању о убиству цара Угоса. «Прилози», 1921. 1, 2.
- Чајкановић, В.* Студије из религије и фолклора. Б. 1924.
- Филиповић, P.* Краљевић Марко у народних пјесмах. У Загребу, 1880.
- Хаџић, Јован.* Историја и песме народне. «Голубица», 1840, књ. IV, стр. 3—11.
- Хиландарци, С.* Историја и опис манастира Хиландара. Б. 1894.

Шурцар, И. Повјести српске и хрватске књижевности. Нада, 1897 (библиографија).

Шурмиј. Митологичке народне пјесме. «Вјенац забави и поуци». Год XXXII. Број 17, 18.

Бој на Косову године 1389-у народним песмама. Б. 1889.

Деспотовићи Бранковићи у народним песмама. Са сликом. Пинчево 1883.

Ђурђе Смедеревац и проклета Јерина у народним песмама. Изд. срп. књиж. браће М. Поповића. Н. С., 1882.

Историски поглед на развитак југословенске музике српског дела, «Мисао», 1924.

Краљевић Марко и други јунаци српски у народним песмама. Накладом књиж. В. Валожића, Б. 1882.

Сибинјанин Јанко у народним песмама. Са сликом његовом. Изд. срп. књиж. бр. М. Поповића, 1883.

Српски хайдуди у народним песмама Са сликом. Изд. бр. Поповића Н. С. 1882.

Старина Новац у народним песмама. Са сликом његовом. Изд. срп. књиж. бр. М. Поповића. Н. С., 1883.

Цар Душан у народним песмама. Са сликом његовом. Изд. срп. књиж. бр. М. Поповића. Н. С., 1883.

Цар Лазар у српским народним песмама. Са насловном сликом. Изд. срп. књиж. бр. М. Поповића. Н. С., 1883.

Црногорци у народним песмама. Изд. бр. М. Поповића. Н. С., 1882. «Књижевни север», 1923, кн. IV, св. 7—8. (ст. ст. Ћорђевића, Геземана, Банашевича).

Abercrombie, L. The Epic. L. 1914.

Arndt, O. Über die altgermanisch epische Sprache. Diss. Tübingen 1878.

Avril, Adolf. La bataille de Kossovo. Rhapsodie serbe tirée des chants populaires et traduite en français par—. P. 1868.

Banžević, N. Le cycle de Kossovo et les chansons de geste. «Revue des Études Slaves», 1926, VI, pp. 224—244.

Bélier, J. La chanson de Roland commentée. P. 1927.

Id. Les légendes épiques de la France ancienne. 4 vv. P. 1903—1913; 2 éd. 1914—1921.

Blumenhagen, K. Sir Walter Scott als Übersetzer. Rostock 1900.

Bogdan, J. Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtschreibung. Arch. f. sl. phil., 1891, Bd. XIII, Heft. IV, S. 481—543.

Bogdanović, D. Pregled književnosti hrvatske i srpske. I—II. Z. 1915.

Boguslawski, W., Hornik, M. Historija serbskeho naroda. Budyšin 1884.

Bosnjac, Stj. Naša narodna pjesma u evropskoj literaturi. Vienac 1893.

Brinkmann, H. Zu Wesen und Form mittelalterlicher Dichtung. H. 1923.

- Brockhaus, H.* Die Kunst in den Athosklöstern. Lpz. 1891.
- Brückner, A.* Mitologia slowjanska. Warszawa 1918.
- Brunelli.* Storia della città di Zara. Vol. I. Venezia 1913.
- Brussoni, G.* Historia dell'ultima guerra tra Veneziani e Turchi. In Venezia, 1673.
- Budmani, P.* Još jedan pokušaj o našoj narodnoj metrici. Ragusa 1876.
- Burr, M.* The medieval literature of the Serbs. «Oxford and Cambridge Revue», 1911, XIII, 115—131.
- Carrière, M.* Das Wesen und die Formen der Poesie. Lpz. 1854.
- Church, L. F.* The story of Serbia. L. 1914.
- Ćorović, Vi.* Serbische Volkslieder über den Abgang des heil. Sava zu den München. Arch. f. sl. phil., 1906, Bd. XXVIII, Heft 4, S. 629—633.
- Ćurčin, M.* Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur. Lpz. 1905.
- Dam, Jan van.* Zur Vorgeschichte des höfischen Epos. Reinische Beiträge Hülfbücher zur germanischen Philologie und Volkskunde, Bd. VIII.
- Denis.* La grande Serbie. P. 1915.
- Dieterich, K.* Die Volksdichtung der Balkanländer in ihren gemeinsamen Elementen. Ein Beitrag zur Vergleichende Volkskunde. «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», 1902, XII, S. 145—155, 272—291, 403—415.
- Dixion, W. M.* English epic and heroic poetry. L. 1912.
- Djoudjeff, St.* Rythme et mesure dans la musique populaire bulgare. P. 1931.
- Dozon, A.* Poésie populaire des nations slave. «Revue Britannique», 1837, Janvier, № 13.
- Eicken, H. von.* Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung. St. 1887.
- Eisenmann, L.* La civilisation des Serbes au Moyen-âge. P. 1922.
- Eisner, P.* Volkslieder der Slaven. Lpz. 1927.
- Eitelberger von Edelberg, R.* Die mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens. См. «Gesammelte kunsthistorische Schriften», Bd. IV. W. 1884.
- Erfurth.* Die Schlachtschilderungen in den älteren chansons de geste. Diss. H. 1911.
- Fauvel.* L'origine de l'épopée chevaleresque. P. 1832.
- Filipović, Iv.* Hrvatska stilistika. Z. 1876.
- Filipsky.* Das stehende Beiwort im Volksepos. Villach. 1886.
- Flemming, W.* Epik und Dramatik. Versuch ihrer Wesensdeutung. Karlsruhe 1925.
- Floericke, K.* Geschichte der Bulgaren. St. 1913.
- Frey, D.* Die mittelalterliche Baukunst Dalmatiens. «Mitteilungen der Zentralvereinigung der Architekten», IV, Wien 1911, Heft. 9.
- Funk-Brentano, Fr.* Le moyen-âge. P. 1923.
- Fustel-de-Coulanges.* Les Origines du système féodal. См. «Histoire des institutions de la France». V. I. P. 1874.

- Gautier, L.* Les épopées françaises. 4 vv. P. 1888—1894.
- Gavrilović, A.* Prvo istorička doba narodne poezije. «Rad», 1903, CLIII.
- Gennrich, Fr.* Die musikalische Vortrag der altfranzösische Chansons de geste. H. 1923.
- Gesemann, G.* Der Klaggesang der ellen Frauen des Asan-Aga. «Slavische Rundschau» 1932, № 2, S. 97—114.
- Id.* Sbornik zur südslavischen Volksepik (Veröffentlichungen der slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. I. Reihe. Untersuchungen. Heft. 3.) Reichenberg 1926.
- Id.* Studien zur südslavische Volksepik. Reichenberg 1926.
- Gigante, S.* Venezia e gli Usocchi dal 1570 al 1620. Venezia 1904.
- Gopčević, Sp.* Makedonien und Altserbien. W. 1889.
- Göttling, K.* Über das Geschichtliche im Nibelungenliede. Rudolstadt 1814.
- Grabar, F.* Recherches sur l'influence orientale dans l'art balkanique. P. 1923.
- Grässe, J.-G.-Th.* Die grossen Sagenkreise des Mittelalters. Dresden 1842.
- Gruver, G.* Les frontières historiques de la Serbie. P. 1919.
- Gröber, C.* Der Königsohn Marko. W. 1883.
- Gueber, H. A.* Book of the epic. L. 1916.
- Gjorgjević, T. R.* Zur Einführung in d. serbische Folklore. W. 1902.
- Haas, H.* Die Nibelungen in ihren Beziehung zur Geschichte des Mittelalters. Erlangen 1860.
- Huberlandt.* Volkskunst der Balkanländer. W. 1919.
- Harnack, A.* Legenden als Geschichtsquellen. Cm. Reden und Aufsätze, Bl. I. Giessen 1904. S. 1—26.
- Humant, É.* La formation de la Yougoslavie. P. 1930.
- Heinzel, K.* Über den Stil der altgermanischen Poesie. Strassburg 1875.
- Héricault, C. d'.* Essai sur l'origine de l'épopée française et sur son histoire au Moyen-âge. P. 1859.
- Heusler, A.* Lied und Epos in germanischen Sagendichtung. 1905.
- Hirt, E.* Das Formgesetz der epischen, dramatischen und lyrischen Dichtung. Lpz. u. B. 1923, cm. crp. 1—80.
- Hoffmann-Krayer, F.* Die Volkskunde als Wissenschaft. Zürich 1902.
- Holeček, Josef.* Národní épika bosenskýc̣h Moħamedanů. Přeložil—. Díl I—II. Pr. 1917—1920.
- Id.* Srpská národní épika. Přeložil—. III Pr. 1923.
- Hörman, K.* Narodne pjesme muhamedavaca u Bosni i Hercegovini. Sarajvo—. I—II. Sarajevo. 1888—1889.
- Horvat, K.* Monumenta historiam Usocchorum illustranta. Z. 1910.
- Jmmisch, O.* Die innere Entwicklung des griechischen Epos. Lpz. 1904.
- Istria Dora d'.* La nationalité Serbe d'après les chants populaires. «Revue des deux Mondes», 1865, t. 55, pp. 345—360.

- Juekovic, C. M.* Die Entwicklung der mittelalterlichen Baukunst in Dalmatiens. W. 1910.
- Jagić, V.* Aus dem Leben der serbischen Volksepik. Arch. f. sl. phil. 1891, Bd. XIII, Heft IV, S. 631—636.
- Id.* Die südslavische Volksepik vor Jahrhunderten. Arch. f. sl. phil., 1879, Bd. IV, S. 192—242.
- Id.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung, Arch. f. sl. phil. 1877, Bd. II, S. 1—109.
- Id.* Kraljević Marko kurz skizziert nach der serbischen Volksdichtung. Arch. f. sl. phil. 1881, Bd. V, Heft 3, S. 439—455.
- Jakobson, R.* Über den Versbau der Serbokroatischen Volksepen. Extrait des Archives Néerlandaises de phonétique Expérimentale, tome VIII—IX (1933).
- Jirěček, C.* Geschichte der Serben. Bl. I—II. Gotha 1911—1918.
- Id.* Reiterspielen im mittelalterlichen Serbien. Arch. f. sl. phil. 1892, Bd. XIV, Heft 1, S. 73—79.
- Id.* Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. Studien zur Kulturgeschichte des 13—15 Jh. 1—3 Th. Denkschriften Wiener Akademie d. Wissenschaft, Bd. 56 (1912), 58 (1914), 64 (1919).
- Jovanovič, V. M.* La Guzla de Prosper Mérimée. P. 1911.
- Jourcssovič M.* Alte kroatische Volkslieder. Burgenlang 1920.
- Jurković, J.* O metafori našega jezika. «Rad», 1875, XXI.
- Kalauž, A.* Srbski napjevi za fortepiano. Wieden 1850.
- Kallay, B.* Geschichte der Serben, Bd. I. W. 1878.
- Kalužnjacki, E.* Aus der panegirischen Literatur der Südslaven. W. 1901.
- Katinelli, J.* Južnoslavenske pučke pësme z notama. Wieden 1850.
- Ker, W. P.* Epic and Romance. L. 1908.
- Id.* Form and Style in poetry. L. 1929.
- Klaič V.* Geschichte Bosniens. Lpz. 1885.
- Id.* Povjest Bosne do propasti kraljevstva. Z. 1882.
- Klemperer.* Die Arten der historischen Dichtung. «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwiss. und Geistesgeschichte», H. 7 1923, Bd. I, Heft 3.
- Kolcř, Jos.* Národní písně srbské. «Casopis Musea království českého», 1862, Sv. 345—359.
- Krauss, Fr. S.* Sagen und Märchen der Südslaven zum grossen Theil aus ungedr. Quellen. 2 Bd., Lpz., 1883—1884.
- Id.* Sitte und Brauch der Südslaven. W. 1885.
- Id.* Slavische Volksforschungen. Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitsrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Lpz. 1908.
- Id.* Sreća. Glück und Schicksal im Volksglauben der Südslaven. W. 1887 (см. также: «Mitteilungen d. anthropolog. Gessellschaft, 1886 XXVI).
- Id.* Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. Münster im W. 1890

Krauss, F. und Beckmann. Über den Einfluss des Orients auf die Südslaven. [Ausland] 1887.

Krebs, N. Beiträge zur Geographie Serbiens und Rasciens. St. 1922.

Krek, G. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. Graz. 1887.

Krohn, J. Die Entstehung der einheitlichen Epen. «Zeitschrift für Völkerpsychologie», Bd. XVIII, S. 59—68.

Kuba, L. Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník písní všech národů slovanských s původními texty a čelnými překlady. Písní jihoslovanske. V. Srbské. (Z království). Pr. 1923.

Id. O písní slovanské. III. Píseň jihoslovanská. Přehled celkový (S četnými hudebními překlady). Pr. 1924.

Id. Píseň jihoslovanská, celkový přehled s bledišta hudebního. Pr. 1923.

Kuhač, Fr. Das türkische Element in der Volksmusik der Croaten, Serben und Bulgaren. «Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Hercegovina», 1899, VI.

Id. Južno-slavjenske narodne popjevke, vecim dielom po narodu sam skupio, ukajdio, glasovirsku pratnju udesio te izvorni im tekst pridodao IV, Z. 1882.

Id. Osohine narodne glazbe naročito hrvatske. «Rad», CLX, CLXXIV, CLXXVI.

Id. Prilog za povijest glasbe južnoslovenske. «Rad», 1877. XXVIII, S. 1—78; XXXIX, S. 65—113; XLI, S. 1—49.

Kukuljevič-Sakcinski, I. Povjestni spomenici južnih slavena. Jzadaje—I—X. Z. 1863—1872.

Lavellye, E. de. Formation des épopées nationales. 1866.

Leger, L. La mythologie slave. P. 1901. См. стр. 160—175.

Id. Le cycle épique de Marko Kraljević. «Journal des Savants», 1905, nov. 605—615. déc. 642—654.

Id. Le cycle épique de Marko Kraljević. P. 1906.

Lehmann. Poetik. München 1914.

Ljubić, S. Opis jugoslavenskih novaca. Z. 1875.

Lucerna, C. Die südslavische Ballade von Asan-Agas Gattin und ihre Nachahmung durch Goethe. B. 1905. (Forschungen zur neueren Literaturgeschichte, hrsgg. von Dr. Franz Muncker, XXVIII).

Lucianović, M. Letteratura popolare dei Croati-Serbi. Trieste 1895.

Lytton E. R. B. Serbski pesme or National songs of Serbia. L. 1917.

Máchal H. (J.). Nákres slovanského hájesloví. Pr. 1891 (см. стр. 115—119: «Význam Vila a Rusalek).

Id. O bohatyrském epose slovanském. Cast prvi: Přehled látek v bohatyrském epose slovanském. Pr. 1894.

Id. Slovanské Literatury. Díl I. (Novočeska Bibliotéka, vydávaná nákladem národního musea. Císlo XXXVI). Pr. 1922.

- Mal, J.* Zgodovina umjetnosti pri slovincih, hrvatih i srbih. Ljubljana 1924.
- Makouchew*, Monuments historiques des slaves meridionaux et de leurs voisins, tirés des archives et des bibliothèques publiques d'Italie. Belgrade 1882.
- Maretić, T.* Kosovski događaji i junaci u narodnoj epici. «Rad», 1889, XCVII Str. 69—181.
- Id.* Metrica narodnih naših pjesama Z. 1907 («Rad», CLXVIII, CLXX).
- Id.* Naša narodna epika. Z. 1909.
- Marguelés, A.* Volkslieder der Serben. M. 1924.
- Matić, T.* Prosper Mérimées Mystifikation kroatischer Volkslieder. Arch. f. sl. phil. 1906—1907, Bd. XXVIII, Heft 2—3, S. 321—349; Bd. XXIX, Heft 1, S. 49—96.
- Matković, P.* Putovanja po balkanskom poluotoku za srednjega vieka. Agram. 1878, S. 129.
- Matl, J.* Die Entwicklungsbedingungen der epischen Volksdichtung bei den Slaven. «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», N. F. Band V. Heft 1. Breslau 1929.
- Meier, J.* Werlen und Wesen des Volksepos. Basel 1909.
- Meyer, R. M.* Die altgermanische Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschreiben. B. 1889.
- Meredith, O.* Serbski Pesme, or National Songs of Sevia. L. 1861.
- Miklosich, Fr.* Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoese. I. Die Volksepik der Kroaten. W. 1870.
- Id.* Die Blutrache bei den Slaven. «Denkschriften Wiener Akademie», 1887., Bd. 26.
- Id.* Über Goethes Klaggesang von der edlen Frauen des Asan-Aga. W. 1883.
- Milaković, J.* Bibliografija hrvatske i srpske narodne pjesme. I. Saraj 1919.
- Id.* Majka u našoj narodnoj pjesmi. U Saraevu 1896.
- Miler, F.* Još koja o desetercu. Essek 1883.
- Millet, G.* L'ancien art Serbe. Les églises. P. 1919.
- Minucci, M.* Historia degli uscochi. Venezia 1602.
- Mone, F.-J.* Untersuchungen zur teutschen Heldensage. Quedlinburg u. Lpz., 1836.
- Mormeret de Villard, U.* L'architettura romanica in Dalmazia. Milano 1910.
- Müller, J.* Das Kulturbild des Beowulfepos. H. 1914.
- Murko, M.* Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien und der angrenzenden Gebiete von Kroatien und Dalmatien behufs Erforschung der Volksepik der Mohammedaner. Sitzungberichte der Wiener Akademie der Wissenschaft. Phil.-hist. Klasse. Bd. 173, Abb. 3.
- Id.* Bericht über eine Reise zum Studium der Volksepik in Bosnien und Herzegovina im Jahre 1913. Sitzungberichte der Wiener Akademie der Wissenschaft. Phil.-hist. Klasse. Bd. 170, Abb. 2.

Id. Bericht über phonographische Aufnahmen epischer meist mohammedanischer Volkslieder im nordwestlichen Bosniens in Sommer 1913. W. 1913 (Anzeiger d. phil.-hist. Klasse der Wiener Akademie der Wissenschaft von 12 März 1913, N XIII, Separatabgedruckt).

Id. Geschichte der älteren Südslavischen Literatur. Lpz. 1908.

Id. La poésie populaire épique en Yougoslavie au début du XX siècle. (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. X.) P. 1929.

Id. Die serbokroatische Volkspoesie in der deutschen Literatur. Arch. f. sl. phil., 1906, Bd. XXVIII, Heft 2—3, S. 351—384.

Id. Neues über Südslavische Volksepik. «Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum», XXII, 1919, S. 273—296.

Id. Nynější stav jihoslavanské národní epiky. «Národopisny věstník československý», Praha 1929, č. I.

Id. Za národní epikou po Jugoslavii, II. «Československo-jugoslovenská revue», 1920, broj 4, december.

Nzani. Notizie storiche della città di Zara. Zara 1883.

Neugebauer. Die Süd-Slaven. Lpz. 1851.

Nicolaides. Macédonien. B. 1899.

Notilo, N. Religia Srbâ i Hrvata, na glavnoj osnovi pjesama, priča i govora narodnog. «Rad», 1885, LXXVII, str. 43—126.

Nordfält. Les couplets similaires dans la vieille épopée française. Stockholm 1893.

Novaković, S. Die serbische Volkslieder über die Kosovo-Schlacht (1389). Eine kritische Studie. Arch. f. sl. phil. 1878, Bd. IV, S. 413—462.

Nover, J. Deutsche Sagen in ihren Entstehung, Fortbildung und poetischen Gestaltung. Giessen 1895.

Nutt. Problems of heroic legend. International Folklore Congress, 1891.

Okanowitsch, S. M. Die Serbische Volksepik im Dienste d. Erziehung. Jena 1897.

Otto, E. Typische Motive im weltlichen Epos der Angelsachsen. B. 1901.

Pacel, V. Stih i naglas narodne pjesme. «Književnik», 1864, I, str. 318.

Paris, G. Histoire poétique de Charlemagne par —. P. 1865.

Id. La littérature française au Moyen-âge. P. 1890.

Pavić A. Narodne pjesme o boju na Kosovu. Z. 1877.

Pechan, A. Poetika. Z. 1874.

Petković, V. La peinture serbe du Moyen-âge. Première partie. B. 1930. Musée d'histoire de l'art. Monuments serbes, VI.

Petranović, B. Jugoslavjenski vitezovi. Vienac uzdarja A. Kačiću. Zadar 1861.

Petrovič, V. M. Serbia: her History and her Customs. L. 1915.

Pound, Louise. The «Uniformity» of the Ballad Style. «Modern Language Notes», 1920, V. 35, pp. 217—222.

- Prohaska, D.* Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegovina. Von den Anfängen im IX bis zur nationalen Wiedergeburt im XIX Jahrhundert. Z. 1911.
- Rabb, K. M.* National epics. L. 1896.
- Račky.* Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku povjest srednjega vijeka, Z. 1865.
- Id.* O slovenskoj hronografiji srednjega vijeka. «Rad», 1870, XIII, 213—230.
- Radetič.* Naše narodne pjesme sa strane etičke. «Književnik», 1866 (god. III), S. 243.
- Id.* Pregled hrvatske tradicionalne književnosti. Senj. 1879.
- Rajna, P.* Le origini dell'epopea francese. (Roma) 1884.
- Robert, C.* Die Slaven der Türkei. I—II Th.-St. 1844.
- Rosen, G.* Die Balkan-Haiduken. Ein Beitrag zur innern Geschichte des Slaventhums. Lpz. 1878.
- Sabo, G.* Sredovječni gradovi u hrvatskoj i Slavoniji. Z. 1920.
- Scherer, W.* Poetik. B. 1888.
- Schmede, J.* Untersuchungen über den Stil der Epen Rother, Nibelungen und Gudrun. Diss. Kiel. 1893.
- Schneider, H.* Das mittelhochdeutsche Heldenepos. «Zeitschrift für d. Altertum und d. Literatur», 1921, Bd. LVIII, S. 97 ff.
- Schürr, F.* Das altfranzösische Epos. Zur Stilgeschichte und inneren Form der Gotik. M. 1926.
- Simrock, K.* Die Niebelung und ihr Ursprung. «Zeitschrift für d. Altertum und d. Literatur», 1921, VIII.
- Singer, S.* Beiträge zur Literatur der Kroatischen Volkspoesie (Agram). Z. 1882.
- Smith, C. W.* Serbisk folkepoesie. 1860.
- Soerensen, A.* Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serbischen Heldendichtung. Arch. f. sl. Phil. 1892, Bl. XIV, Heft 4, S. 556—587; Bd. XV, Heft 1, S. 1—36; Heft 2, S. 204—265; 1894, Bd. XVI, Heft 1, S. 66—118. 1895, Bl. XVII, Heft 1—2, S. 193—253; 1896, Bd. XIX, Heft 1—2, S. 89—131; 1898, Bl. XX, Heft 1, S. 76—114.
- Id.* Entstehung der kurzzeiligen serbokroatischen Liederdichtung im Küstenlande. B. 1895. (Продолжение работы, напечатанной в «Arch. f. sl. Phil.»).
- Szahič, E. H.* Muslimanske narodne junačke pjesme. I. Banja Luka 1907.
- Srzygowski, J.* Die Miniaturen der serbischen Psalter der Königl. Hof- und Staatsbibliothek im München. Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaft. Phil.-hist. Klasse, 1906, Bd. 52.
- Id.* Der Balkan im Lichte der Forschung über bildende Kunst. «Vjestnik-za archeologiju i historiju dalmatinsku». 1928.
- Id.* O razvitku starohrvatske umjetnosti. Z. Matica hrvatska. 1927.

Subotić, D. Serbian popular poetry in English Literature. «The Slavonic Review», 1927, № 15, march, № 16, june.

Stenthal, H. Das Epos. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», 1868, Bd. V, S. 1 — 57.

Šišić, F. Hrvatska povijest. Drugi dio: od godine 1526 do god. 1790. Mala knjižnica Matice Hrvatske, sv. VI. Z. 1908.

Šperel, M. Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama. Z. 1886.

Stur, L. O národních písniach a pověstech plemen Slovanských. Pr. 1853.

Talvj. Übersichtliches Handbuch einer Geschichte der Slavischen Sprachen und Literatur. Nebst Skizze Ihrer Volkpoesie. Lpz. 1852.

Temperley, H.W.V. History of Servia. L. 1917.

Thallóczy, L. Illirisch-Albanische Forschungen. I—II. Lpz. 1916.

Id. Studien zur Geschichte Bosniens und Serbiens im Mittelalter. M. — Lpz. 1914.

Thümmel, C. Über die südslavische Guslaren-epik. Samml. gemein-wissensch. Vorträge. Neue Folge. Hamburg 1894, IX, 441 — 479.

Töbler, A. Über das volkstümliche Epos der Französer. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft». B., 1866, Bd. IV, 139—210.

Toldo. Das Leben und die Wunder der Heiligen im Mittelalter. «Zeitschrift für vergleichende Literaturwissenschaft», Bd. XIV, Heft 4 — 5.

Tomitch, Y. Les Albanais en Vieille-Serbie. P. 1913.

Trautmann, H. Das visuelle und akustische Moment in mhd. Volksepos. Diss. Göttingen 1917.

Tropsch, S. Wer ist der Übersetzer der «Neunzehn serbischen Lieder in F. Försters Sängerfahrt». Arch. f. sl. phil. 1906, Bd. XXVIII, Heft 4, S. 584—592.

Vaillant, A. Les chants épiques des Slaves du sud. (Extrait de la Revue de Cours et Conférences, 30 janvier, 15 février et 15 mars 1932, pp. 306—346). P. 1932.

Id. Serbo-croate «gúja». «Revue des Etudes Slaves», VIII, P. 1923, pp. 243 — 245.

Veber, A. Nješto o pjesničtvu hrvatskom. «Rad», 1877, XL, str. 19—44.

Vetter, T. Das Volkslied über Miloš Kobilić und Vuk Branković. Arch. f. sl. phil. 1882, Bd. VI, S. 123 — 126.

Vitanovič, J. Značaj Marka Kraljevića u narodnih pjesmach. Z. 1883.

Vogl, J. H. Marko Kraljevičs. Serbische Heldensage. W. 1851.

Voretzsch, K. Die französische Heldensagen. 1894.

Id. Einführung in das Studium der altfranzösischen Literatur. 3 Aufl., H. 1925.

Waring, L. F. Kosovo. «The Slavonic Review», 1923, june, Vol. II, № 4, pp. 53—70.

Weler, E. Die epische Dichtung. 2 Aufl. Lpz.

Wesselofski, A. Die Rolandsage in Ragusa. Arch. f. sl. phil. 1881, Bd. V, Heft 3, S. 468 — 469.

- Wiles, J. W.* Serbian Songs and Poems. L. 1917.
- Wilmotte, M.* Le Moyen-âge. P. 1914.
- Wlainatz, M.* Die agrarrechtlichen Verhältnisse des mittelalterlichen Serbiens. H. 1903.
- Wolf, L.* Der groteske und hyperbolische Stil im mhd. Volksepos B. 1903 (Palaestra, XXV).
- Wollner, W.* Untersuchungen über den Versbau des südslavischen Volks. ieles. Arch. f. sl. phil. 1885, Bl. IX, S. 177—231.
- Zima, L.* Figure u našem narodnom pjesničtvu s njihovom teorijom. Z. 1880.
- Id.* Nacrt naše metrice. «Rad», 1879, XLVIII, XLIX.
- Id.* Razni obrasci stiha u naših i drugih slovenskih pjesmach narodnih. «Rad», XLIX.
- Zimmermann, F.* Ueber den Begriff des Epos. Darmstadt 1848.
- Huslaři. Nekolik myslenek o pisni u nas a u Jihoslovanu. «Samostalnost» 1913.
- L'art Byzantin chez les slaves. P. 1930.
- «The poetry of Servia». «Temple Bar», 1878, novemb
- Za pisni jihoslovanskom. «Narodni Listy». 1890.

Напевы юнацких песен

Предраг и Ненад

(Из Славонии)

Зап. Ф. Ш. Кухач
Прастарый напев

Andante $\text{♩} = 69$

Recitativo

Хра . ни мај . ка два не . ја . ка си . на ,

У зло до . ба у глад . не го . ди . не ,

На пре . сли . цу и де . сви . цу ру . кѹ ,

Ле . па ми је и ме . на на . де . ла

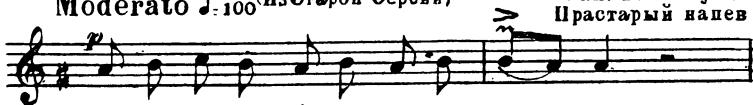

Јед . ном Предра . за дру . гом Не . на . де

Царь Лазарь и царица Милица

Moderato $\text{♩} = 100$ (Из Старой Сербии)

Зап. Ф. Ш. Кухач
Прастарый напев

Цар Ла . за . ре сје . де на ве . че . ру ;

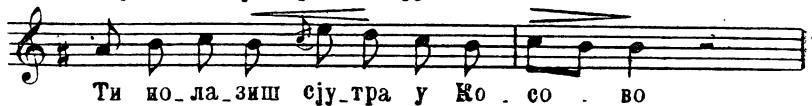
По . крај . ве . га ца . ри . ца Ми . ли . ца ,

Ве . ли . ње . му ца . ри . ца Ми . ли . ца .

Цар Ла-за-ре, српска кру-но злат-на!

Ти но-ла-зиш сју-тра у Ко-со-во

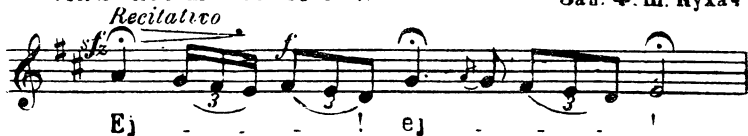

Со-бом во-диш слу-ге и вој-во-де

Царица Милица и Владета воевода
(Из Београда)

Andante moderato ♩ 76

Зап. Ф. Ш. Кухач

Еј

! еј

По-ше-та-ла ца-ри-ца Ми-ли-ца

Из под-гра-да би-је-ла Крушев-ца,

Сво-ме ше-ћу дви-је ми-ле кће-ри:

Ву-ко-са-ва-и

ли-је-ца Ма-ра!

Косовка девојка
(Из Србији)

Andante con moto $\text{♩} = 76$

Зап. Ф. Ш. Кухач
Очень старый напев

Еј - - - ! еј - - - ! еј - - - !
У - ра - ни - ла Ко - сов - ка де - вој - ка,
У - ра - ни - ла ра - но у не - де - љу,
У не - де - љу при - је јар - ка сун - ца,
У не - де - љу при - је јар - ка сун - ца

Косовская девушка

Зап. Н. В. Лисецко и А. А. Русов

Еј - - - - - Ура ни ла Ко сов ка де -
вој - ка, У ра ни ла ра но у не -
де - љу, За су - ка - ла ру ке до ла - ка - та,
У њим но си два кон ди ра злат - на.

Лов девяти Юговлчей
(Из Нового в хорв. Приморье)

Зап. Ф. Ш. Кухач

Largo $\text{♩} = 48$

Напев идет от старых уококов.

Лов ло - - ви - ли де - - вет
Лу - го - ви - ља; Лов ло - ви - ли
де - - вет Лу - го - ви - ља.

The musical score is written on a single treble clef staff in a 2/4 time signature. The key signature has two flats (B-flat and E-flat). The tempo is marked 'Largo' with a quarter note equal to 48 beats. The melody is simple and folk-like, with some triplets. Dynamics include piano (p) and mezzo-forte (mf).

Кралевич Марко и вила-загоркина

(Из Срема).

Зап. Ф. Ш. Кухач

Andante $\text{♩} = 69$

Старый напев

Ој - - - - - ! Го ром љез - ди
Кра - ље - ви - љу Мар - ко, Го - ром љез - ди
и го - ри - цу ку - не Бог т' у - би - о
ти го - ри - це цр - на Кад у
те - - би ка - пи во - де не - ма.

The musical score is written on a single treble clef staff in a 2/4 time signature. The key signature has one sharp (F-sharp). The tempo is marked 'Andante' with a quarter note equal to 69 beats. The melody is more rhythmic and includes triplets. Dynamics include forte (f) and mezzo-forte (mf).

Марко и Филип

(Из Герцеговини)

Larghetto $\text{♩} = 66$

Зап. Ф. Ш. Кухач
Старый напев

Ви-но пи-ла до два

по - бра - ти - ма: Ма - њар Фи-лип

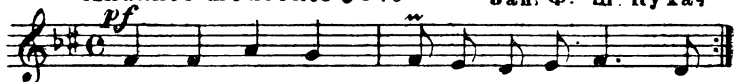
о Ми - - - тром од Уд - - ва - рја.

Иво и Айкуна

(Из Бечича в Далмацин)

Andante moderato $\text{♩} = 76$

Зап. Ф. Ш. Кухач

{ Си - ноћ дра-го о драгим су-сре-ти - ло
{ Нит - се зо - ве ми-ло ни-ти дра - го,

Мра-зе ми те на двоје на тро-је, Јед-ни ве-ле,

да си одзла ро-да, Дру-ги ве-ле, да си зми-ја љу-та,

Тре - ћи ве - ле, да - си снад-љи-ви - ца

Робиња Гајка и Сењанин Иво

(Из Сења)

Andantino $\text{♩} = 63$

Зап. Ф. Ш. Кухач

Музичка нотација за прву песму. Садржи две линије нотације у 2/4 такту. Прва линија почиње са динамиком *pp* и има темпо *Andantino* са бројем удараца $\text{♩} = 63$. Друга линија завршава са *mf*.

Си-ноћ кас-но си-ноћ кас-но сун-це за-па-да-ло;
Си-ноћ кас-но, си-ноћ кас-но сун-це за-па-да-ло

Жењитба Жанка арамбаше

(Из Сиња)

Andante moderato $\text{♩} = 76$

Зап. Ф. Ш. Кухач

Музичка нотација за другу песму. Садржи две линије нотације у 2/4 такту. Прва линија почиње са динамиком *mf* и има темпо *Andante moderato* са бројем удараца $\text{♩} = 76$. Друга линија почиње са динамиком *f* и завршава са *mf*.

Од ка-да је по-ста-ла кра-ји-на,
Сва кра-ја-на гор-ња а и дол-ња

Смиљанић Илија

(Из Бечача в Албани)

Andante con moto $\text{♩} = 76$

Зап. Ф. Ш. Кухач
Прастарый напев

Музичка нотација за трећу песму. Садржи три линије нотације у 2/4 такту. Прва линија почиње са динамиком *mf* и има темпо *Andante con moto* са бројем удараца $\text{♩} = 76$. Друга линија почиње са динамиком *f*.

Ви-но пи-ју ко-тар-ски сер-да-ри,
Ви-ше Зад-ра гра-да би-је-ло га,
Те на-пи-ја Јан-ко-вић Сто-ја-не
Здрав' дру-жи-но, ми-ла бра-ћо мо-ја,
Ни у ва-ше ни у мо-је здрав-ље.

Гусельный предыгрывш к песне

„Царь Лазарь и царица Милица“

(Из Сербии)

Allegro ma non troppo

Зад. Ф. Ш. Кухач

mf

p

p

p

cresc.

L

p

rit.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

1. *Вук Стефанович Караджич (1787—1864).*
2. *Шлем раннего средневековья из собраний Старохорватского музея в Клинне.* (Strzygowski. Die altslavischē Kunst, стр. 175, рис. 159).
3. *Три железных средневековых шлема* времени Стефана Котроманича (середина XIV в.) (Glasnik, 1914).
4. *Шпора из Бискупци.* Позолоченная бронза. Сделана в Далмации до XII века. Из собраний Старохорватского музея в Клинне (Strzygowski, стр. 175, рис. 163).
5. *Хиландарский монастырь на Афоне,* где, по нашему предположению, были переработаны песни о Марке Краевиче.
6. *Резная дверь в церкви св. Николая в Охриде (Македония).* Резьба исполнена на отдельных дощечках. Византийская работа XIII века. (Кондаков. Македония, приложение: табл. III).
7. *Одно- и двухструнные сербские резные гусли* (Rad jugoslavenske akademije, knj. XXXVIII, str. 3).
8. *Певец Иво Бабич* поет песни в католическом монастыре Кралевска Сутеска, в прошлом резиденции босанских королей (Murko. La robe sīe populaire érique, табл. III рис. 12).
9. *Певец Ризван Кадрович* из Требинье в Гердеговине, по профессии носильщик. Знал 106 песен (Murko, табл. IV, рис. 16).
10. *Певица-слепица Матия* из окрестностей Задра в Далмации, хорватка. В отличие от других слепцов не нищенствовала. Слепела 7 лет от оспы. Огромного роста и телосложения. О ней говорят: «Юнацкая баба — поет юнацкие песни». (Murko, табл. II, рис. 8).

11. *Церковь в Крушевцу. Задужбина князя Лазаря (Фото-снимок).*
12. *Мурат I. Картина худ. С. Тодоровича по старой миниатюре (Вукичевий, Историја српскога народа, стр. 237).*
13. *Милош Обилич. Иконопись монастыря Хиландара (Альбом Нь. В. Краля).*
14. *Марко Краевич по народной песне. С картины худ. Бодарича.*
15. *Султан Мурат II. Старая миниатюра (из «Historia imperatorum Turciae»).*
16. *Взятиз Константинополя в 1453 г. Старая миниатюра (Klaić, Povijest Hrvata, II, стр. 253).*
17. *Деспот Юрий Бранкович с печати монастыря Симеона на Афоне (Авраамовић, Описаније, стр. 67, табл. XII).*
18. *Смедерво. Крепость времени Юрия Бранковича.*
19. *Челяк Радич (видимо песенный Облак Радосав). Фреска из монастыря Врачевшницы.*
20. *Властель и властелинка времни деспота Стефана Лазаревича (нач. XV в.). Фреска из монастыря Руденицы.*
21. *Сибинянин Янко-Гуниад. Венгерская гравюра по дереву из хроники Турочи — 1468 г. (Klaić, II, стр. 205).*
22. *Оборотная сторона печати Босанского краля Стефана Томашевича с изображением юнака (1461 года).*
23. *Босанский герцог Хрвог Вукчич. Из рукописи 1407 г. (Вукичевий, стр. 277).*
24. *Первая страница просьбы ускоков венгерскому королю принять их под покровительство. XVI век — время капитанства Ивана Ленковича (Surmin. Povijest književnosti hrvatske i srpske, стр. 117).*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

И. КРАВЦОВ. СЕРБСКИЕ ЮНАЦКИЕ ПЕСНИ

- I. Эпос.—Жанровые признаки эпоса.—Историческая песня.—История в эпосе.—Эпос как поэзия феодализма.—Сербский эпос. 7
- II. Сербский феодализм.—Феодальный строй.—Основы сербского феодализма.—Его особенности.—Классы феодальной Сербии.—Служилое сословие.—Культура сербского средневековья 18
- III. Классификация юнацких песен.—Исторические и неисторические песни.—Циклизация.—Циклы: докосовский, косовский, о Марке Краевиче, о Бранковичах, о Черноевичах, о гайдуках, об ускоках, новые циклы.—Вопрос об отношении сербского и болгарского эпосов.—Песни долгого и короткого стиха 28
- IV. Социальное происхождение и бытование сербского эпоса.—Время, место и среда (история, географическое распространение и среда). Поэзия военной аристократии.—Кем и для кого сложены юнацкие песни.—Дружинные певцы.—Военная история.—Вопрос о циклизации.—Устойчивость феодального мирозерцания, нормы права и морали и поэтика эпоса 59
- V. Развитие сербского эпоса.—Разложение сербского феодализма в борьбе с турецким абсолютизмом.—Разложение сербского эпоса и переход его в другие социальные слои.—Местные сказания.—Роль монастырей в обработке эпических

- сказаний. — Почему Марко Краевич стал первым героем сербского эпоса. — Нехристианизированные песни. — Откуда пришел демократический элемент песен. — Певцы-слепцы. — Следы профессиональных певцов в юнацких песнях. — Гайдуки-певцы. — Песни у гайдугов и ускоков. — Исторические условия, способствовавшие развитию и сохранению юнацких песен. — Отмирание эпоса. — Сербский эпос в XIX и XX вв. 73
- VI. Ч удесное и фантастическое в сербском эпосе. — Его характер. — Его корни. — Культурные пережитки 93
- VII. Интерпретация истории в песнях. — Вопрос об историчности сербского эпоса. — Источники сербской истории. — Летописи, жития и эпос. — Источники истории в эпосе. — О какой истории поет эпос. — Отбор исторического материала. — История и законы развития устной поэзии. — Культурная история в эпосе. — Имя и легенда. — Географические и племенные названия. — Легенда. — Событие. — Детали. — Условия сохранения и потери историчности песни. — Противоречия и анахронизмы. — Позднейшие напластования. — Объяснение исторического факта в песне. — Для чего нужна история и псевдоистория в эпосе. 105
- VIII. Сю жетика сербского эпоса. — Круг сюжетов. — Вопрос о литературных влияниях на сербский эпос (летопись, житие, апокриф, роман, легенда и предание). — Типизация сюжетов и мотивов. — Бытовые основы сюжетики. — Основные мотивы. — Поход. — Поединок. — Речи к дружине. — Женитьба. — Смерть героя. — Возникновение и отмирание сюжета. — Развитие сюжета. — Принципы построения сюжета юнацкой песни. — Искусство ведения сюжета 120
- IX. Эпическая поэтика. — Феодальная поэтика. — Условности. — Стих. — Звук в эпическом стихе. — Вопрос о традиции. — Стиль повторов и вариаций (нормы, шаблон). — Формулы и общие места. — Стиль контрастов и гипербола. — Композиция. — Начало и конец песни. — Действие, описание и диалог. — Диалогизм эпоса. — Символика. — Эпитет. — Язык. — Напев и стих. — Гусли и аккомпанемент. — Исполнение 135
- X. С об и р а н и е и и з у ч е н и е с е р б с к о г о э п о с а. — 1. Первые записи. — Дубровницкие поэты. — Сборники песен. — А. Качич. — А. Фортис. — Сербское возрождение. — Вук Ст. Караджич. — Его продолжатели. — Новые собрания юнацких песен. — Сербский эпос в Европе. — Романтизм. — Гёте, Я. Гримм,

III. Нодье. — Мистификация Мериме. — «Песни западных славян» Пушкина. — Мицкевич. — Переводы на западноевропейские языки. — Русские переводы. — 2. Романтизм и панславизм. — Слависты. — Русское славяноведение и балканская политика. — Основные этапы изучения сербского эпоса. — Первые работы. — Мифологический метод. — Вопрос о едином своде. — Историко-культурный и сравнительный методы. — Текстологическое и генетическое изучение. — Новые работы. — 3. Как переводить сербский эпос? — Изучение сербского эпоса и новые вопросы литературоведения 175

ЮНАЦКЕ ПЕСНИ

I. Докосовские песни

1. Невеста Лазаря Радановича. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	207
2. Иван и дивский старейшина. <i>Пер. его же</i>	212
3. Милан-бег и Драгутин-бег. <i>Пер. его же</i>	222
4. Муйо и Алиа. <i>Пер. его же</i>	227
5. Змей-жених. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	229
6. Предраг и Ненад. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	237

II. Косовские песни

7. Построение Скадра. <i>Пер. Н. Берта</i>	247
8. Женидьба князя Лазаря. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	254
9. Банович Страхиня. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	259
10. Как поссорился Милош с Вуком. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	282
11. Царь Лазарь и царица Милица. <i>Пер. его же</i>	287
12. Смерть матери Юговичей. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	293
13. Царица Милица и Владета воевода. <i>Пер. его же</i>	295
14. Мурат на Косове. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	297
15. Вук клеветает на Милоша. <i>Пер. его же</i>	298
16. Разговор Милоша с Косанчицем. <i>Пер. его же</i>	300
17. Милош убивает Мурата. <i>Пер. его же</i>	302

III. Песни о Марке Краевиче

18. Женидьба краля Вукашина. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	311
19. Смерть Душана. <i>Пер. его же</i>	320
20. Урош и Мрлявчевичи. <i>Пер. его же</i>	323
21. Марко и вила. <i>Пер. его же</i>	330
22. Марко и Лютица Богдан. <i>Пер. его же</i>	334

23. Сестра Лека капитана. <i>Пер. его же</i>	337
24. Девушка перехитрила Марка. <i>Пер. его же</i>	354
25. Кто лучший юнак? <i>Пер. Н. Кравцова</i>	356
26. Марко Кралевич и Вуча генерал. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	359
27. Марко Кралевич и орех. <i>Пер. его же</i>	368
28. Женидьба Марка Кралевича. <i>Пер. его же</i>	370
29. Марко узнает отцовскую саблю. <i>Пер. его же</i>	378
30. Марко Кралевич и бег-Костадин. <i>Пер. его же</i>	382
31. Марко и Филип мадьярин. <i>Пер. его же</i>	384
32. Марко и Алил-ага. <i>Пер. его же</i>	390
33. Марко Кралевич и Мина из Костура. <i>Пер. Н. Гальковского</i> в переработке <i>Н. Кравцова</i>	394
34. Марко и двенадцать арапов. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	404
35. Марко Кралевич и Арапин. <i>Пер. его же</i>	406
36. Марко и Муса разбойник. <i>Пер. его же</i>	419
37. Марко уничтожает свадебную пошлину <i>Пер. его же</i>	427
38. Лов Марка с турками. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	435
39. Марко пьет в рамазан вино. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	438
40. Андрей и Марко. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	441
41. Юришич Янко. <i>Пер. Н. Берга</i>	445
42. Марко пашет. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	449
43. Женидьба Поповича Стояна. <i>Пер. его же</i>	450
44. Женидьба Джюра Смедеревца. <i>Пер. его же</i>	455
45. Лютица Богдан и воевода Драгия. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	464
46. Большой Дойчин. <i>Пер. его же</i>	467
47. Смерть Марка Кралевича. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	476

IV. Песни о Бранковичах, Якшичах и Черноевичах

48. Джорджева Ирина. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	483
49. Облак Радосав. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	485
50. Смерть воеводы Приезда. <i>Пер. его же</i>	487
51. Секула оборачивается змеем. <i>Пер. его же</i>	491
52. Женидьба Влашича Радула. <i>Пер. его же</i>	494
53. Смерть Йова Деспотовича. <i>Пер. его же</i>	498
54. Порча из Авалы и Змейогненный Вук. <i>Пер. его же</i>	501
55. Женидьба Якшича Димитра. <i>Пер. его же</i>	506
56. Якшичам спалили дворы. <i>Пер. его же</i>	508
57. Дежез Якшичей. <i>Пер. Берга</i> в переработке <i>Н. Кравцова</i>	513
58. Якшичи испытывают жен. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	516
59. Женидьба Джюра Черноевича. <i>Пер. его же</i>	520

V. Песни о гайдуках

60. Старина Новак и князь Богосав. <i>Пер. Н. Гальковского</i>	527
61. Новак и Радивой продают Груицу. <i>Пер. Н. Кравцова</i>	530
62. Груица и Арапин. <i>Пер. его же</i>	535
63. Женидьба Павла Штетикосы. <i>Пер. его же</i>	537
64. Осман Шевич. <i>Пер. его же</i>	542

VI. Песни об ускоках

65. Женидьба Ива Голопузого. <i>Пер. П. Кравцова</i>	551
66. Сенянин Иво и его сестра. <i>Пер. его же</i>	559
67. Невеста Сенянина Ива. <i>Пер. его же</i>	560
68. Плен Янковича Стояна. <i>Пер. его же</i>	562
69. Смерть Ильи Смиляничя. <i>Пер. его же</i>	567
70. Байо Пивлянин и бег-Любович. <i>Пер. его же</i>	568
71. Воин и его невеста. <i>Пер. его же</i>	574
72. Хасанагиница. <i>Пер. его же</i>	576
73. Мать изменница. <i>Пер. его же</i>	579

Комментарии	583
Библиография	615
Приложение: напевы юнацких песен	638
Перечень рисунков	645

*Редактор Ю. М. Соколов
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническ. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Выпуск И. А. Подсухин
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов*

*Одано в набор 5/X—32. Подпи-
сано к печати 8/VII—33.
Тир. 5300. Упомят. Главл.
Б-24072. АС 25. Инд. А-7.
Бум. 62 × 94¹/₁₆. П. л. 4²/₁.
Ав. л. 29. Тип. зн. на 1 бум.
листе 33976. Зак. тип. 6199.*

*Отпечатано на фабрике книги
"Красный пролетарий"
Москва, Краснопролетар-
ская, 16*

Цена Р. 17. 50

Перепл. Р. 2.50

